

И.А. ХУДЯКОВ

Краткое описание Верхоянского округа

Под редакцией члена-корреспондента АН СССР

В.Г. БАЗАНОВА

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора.....	2
И.А. Худяков и его «Краткое описание Верхоянского округа» (В.Г. Базанов и Н.В. Емельянов).....	7
Автобиография И.А. Худякова	35
Краткое описание Верхоянского округа	
Предисловие	38
I. Физико-географический очерк Верхоянского округа	39
II. Растительность, животные, пища	57
III. Русские	83
IV. Ламуты (тунгусы)	102
V. Исторические предания.....	114
VI. Обычаи общежития.....	124
VII. Игры.....	155
VIII. Свадебные обычаи.....	164
IX. Семья. Роды.....	183
X. Новоселье.....	206
XI. Обычаи на промыслах.....	215
XII. Конный и рогатый скот	240
XIII. Ысях (Праздник кумыса).....	265
XIV. Мифология	284
XV. Колдовство и шаманство.....	322
XVI. Умственное развитие (сказки, песни, пословицы, загадки и пр.)	392

Дополнения

I. Ночлеги (станции) на Верхоянских дорогах, (зимних)	431
III. Шаманы, почитаемые после смерти	438
IV. Список якутских богов и дьяволов	445
V. Словарь якутских названий животных и прозвищ людей...	448
Примечания	466

ОТ РЕДАКТОРА

Труд И.А. Худякова «Краткое описание Верхоянского округа» создавался в исключительно тяжёлых условиях. Известный революционный деятель и талантливый учёный оказался в далёком и суровом изгнании. Политический ссыльный, больной и нищий, он не оставил своих научных увлечений, поднялся над скорбными переживаниями и весь ушёл в изучение Якутского края, этой заброшенной окраины царской России.

Живя в Верхоянске, в тесной и душной юрте бедного якута, обречённый на бесправие и материальные лишения,¹ И.А. Худяков настойчиво собирает этнографические и фольклорные материалы для «Краткого описания Верхоянского округа» без всякой надежды его издать.

Ссылному Худякову был воспрещён выезд за пределы Верхоянска, поэтому поистине героических усилий стоили автору «Краткого описания» все добытые и проверенные сведения. Не только это обстоятельство, но и сама обстановка, казалось бы, не давала возможности создать столь серьёзное и большое исследование. Достаточно, к примеру, напомнить свидетельство Худякова о том, что во всём Якутске «нельзя купить таких простых вещей, как бумага, стальные перья, готовые свечи» (глава III).

За один год изучив якутский язык, И.А. Худяков пишет грамматику якутского языка и создаёт гражданский якутский алфавит. До него, в 1851 г. акад. О.Н. Бетлингк издал труд «О языке якутов», где впервые опубликовал якутские тексты и перевод их на немецкий язык. Почти од-

---

¹ Даже местные власти отмечали бедственное положение ссыльного. Так, де Витте в донесении генерал-губернатору указывал: «Состоя под строжайшим надзором местного полицейского управления, Худяков лишен возможности свободных сношений с городскими жителями, от которых мог бы он пользоваться средствами к жизни... Худяков, не получая пособия от родных, поставлен в невозможность по приобретению для своего пропитания хлеба и других самых необходимых жизненных потребностей» (цит. по: Б. Кубалов. Каракозовец И.А. Худяков в ссылке. «Каторга и ссылка», 1926, № 7-8 (28-29), стр. 175).

новременно с этим изданием, в 1853 г., вышла в свет «Краткая грамматика якутского языка» протоиерея Д. Хитрова, в виде приложения к которой был также напечатан якутский алфавит, который обычно называют миссионерским. Мы не располагаем никакими данными, которые говорили бы о знакомстве И.А. Худякова с упомянутыми трудами Бетлингка и Хитрова. Алфавит, применённый Худяковым при записи якутских и эвенских текстов, входящих в «Краткое описание», существенно отличается от алфавитов Бетлингка и Хитрова. Поэтому мы с полным основанием можем считать якутский алфавит Худякова самостоятельным и оригинальным.

Трагична не только судьба И.А. Худякова, замученного самодержавием, но и судьба его научного наследия. На неоднократные попытки анонимно напечатать некоторые из своих работ, написанных в первый год пребывания в Верхоянске («Якутско-русский словарь», «Об устройстве в Сибири железной дороги», «Успехи человека в прошлом и будущем») И.А. Худяков получал неизменный ответ: «...если уж высшим правительством признано неудобным помещать в печати статьи политических преступников, то тем более не может быть дозволено это государственным преступникам».¹

Ценнейшая рукопись «Краткого описания Верхоянского округа» долгое время считалась утраченной. Первое сообщение об этой работе сделал И.Я. Миронов на страницах журнала «Сибирский архив» за 1913 г. (№ 4). Напечатав заметку «Ценная рукопись И.А. Худякова», И.Я. Миронов рассказал историю её приобретения. Рукопись была случайно обнаружена у отставного чиновника А.М. Каблукова, который приобрёл её в 1879 г. у неизвестного ему человека. Последний не предполагал, что имеет дело с научным трудом «государственного преступника». Он нёс продавать рукопись И.А. Худякова в мелочную лавку на обвёртку. И.Я. Миронов в своём сообщении дал краткое описание рукописи, воспроизвёл название всех шестнадцати глав и дополнений и главное безошибочно указал на авторство Худякова. Рукопись не была подписана, так же как не был подписан и «Верхоянский сборник». И.Я. Миронов справедливо заметил, что это «по-видимому, была обычная манера И.А. Худякова в ссылке не подписывать своих рукописей».²

---

¹ В. Кубалов. Каракозовец И.А. Худяков в ссылке, стр. 175.

² «Сибирский архив», 1913, № 4, стр. 223.

В 1949 г. советский историк Л.Н. Пушкарёв не без сожаления писал в «Советской этнографии», что «ничего, кроме этого (сообщения И.Я. Миронова, — *Ред.*), нам о рукописи неизвестно, а между тем это единственная работа, в которой он (Худяков, — *Ред.*) выступает в качестве исследователя не только духовной, но и материальной культуры народа. Судя по оглавлению, эти исследования были очень полны и относились к тому периоду жизни якутов, от которого до нас почти не дошло сведений».¹

Однако рукопись «Краткого описания Верхоянского округа» не пропала, в своё время она была передана М.К. Азадовским в рукописное хранилище фольклорной секции Института антропологии и этнографии АН СССР, а затем перешла в рукописный фонд Института русской литературы (Пушкинский Дом). Находясь в рукописном хранилище Пушкинского Дома, автограф «Краткого описания Верхоянского округа» неоднократно привлекал внимание исследователей. Так, известный якутский фольклорист Г.У. Эргис писал об этой рукописи: «Её издание обогатит историко-этнографическую литературу о Якутии описанием ранее не изученной локальной группы верхоянских якутов. В издании ценного труда выдающегося учёного революционно-демократического направления заинтересованы историки, этнографы, фольклористы и широкие круги советской интеллигенции».² Отдельные выдержки из «Краткого описания Верхоянского округа» приводились в статьях фольклористов и этнографов (Г.У. Эргиса, В.Г. Базанова, Я.Р. Кошелева), но такое избранное цитирование не могло дать более или менее полного представления о многостороннем содержании неопубликованного труда.

Более ста лет пролежала рукопись «Краткого описания Верхоянского округа» у частных лиц и в архивах. Необычные условия, в которых этот труд создавался, не могли не сказаться и на самом характере уцелевшей рукописи. Она представляет собой автограф, где основной текст испещрён дополнениями, вставками, подчас трудно разбираемыми. Листы пожелтели, чернила выцвели; некоторые листы и даже целые разделы дополнений бесследно исчезли. Подготовка её к изданию требовала большой текстологической работы. Все эти обстоятельства до некоторой степени объясняют то, что рукописный труд И.А. Худякова, уже давно

---

¹ «Советская этнография», 1949, № 3, стр. 192.

² Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии, вып. II, Якутск, 1961, стр. 87.

известный советским учёным, долгое время оставался неопубликованным.

Вся рукопись состоит из 16 глав и дополнений, насчитывает 163 листа, пронумерованных автором черными чернилами, написана характерным для И.А. Худякова мелким почерком. I—III, IX—XII главы написаны на обеих сторонах листов. Вставки и добавления даются в конце глав. Остальные главы написаны в основном на левой половине, на правой же сделаны вставки (например, глава IV) или оставлено для них место. В некоторых случаях автор оставляет место для последующих неосуществлённых добавлений и в самом тексте, написанном на левой половине листа (лл. 30 об., 39, 39 об., 40, 43 и др.). На лл. 149—154 имеются вставки в текст предыдущих глав, автором вверху листа сделана карандашная пометка «В текст» и указан номер листа, куда должна быть помещена вставка. Кроме дополнений, помещённых в конце глав, автор делал небольшие по объёму, но многочисленные вставки и исправления отдельных фраз или слов в самом тексте рукописи (например, лл. 17 об., 18, 19, 25, 51, 54 и т.д.). Все карандашные пометки в рукописи принадлежат самому И.А. Худякову.

Оглавление, предваряющее рукопись, даст возможность установить утрату некоторых разделов Дополнений. Утрачены следующие разделы.

II. Метеорологические наблюдения.

VII. Дополнения к якутско-русскому словарю.

VIII. «Чарчахан» (общеизвестная сказка).¹

Не сохранился и конец I раздела Дополнений — «Пути сообщения в Верхоянском округе. Станции и поварни», он обрывается на л. 148 указанием в скобках: «Далее смотри список № II, 5». Следующие листы (149—151) пронумерованы карандашом и содержат вставки в текст предыдущих глав. Лл. 153, 154, являвшиеся, очевидно, концом I раздела Дополнений, а также II раздел — «Метеорологические наблюдения» — отсутствуют. Л. 155 начинается с III раздела — «Шаманы, почитаемые после смерти». Рукопись обрывается на л. 163 об., на букве «Э» алфавитного списка прозвищ якутов. Таким образом, очевидна утрата последних, VII и VIII, разделов Дополнений, указанных в оглавлении.

---

¹ Текст сказки см.: Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым. «Записки Восточно-Сибирского отдела РГО по этнографии», т. I, вып. 3, Иркутск, 1890, стр. 234—239.

Приложения (или Прибавления), на которые И.А. Худяков неоднократно ссылается в самом тексте, в оглавлении не указаны, их нет и в самом составе рукописи. Некоторые тексты, которые, очевидно, находились в составе Приложений, были впоследствии опубликованы в «Верхоянском сборнике». Однако «Верхоянский сборник», рукопись которого некоторое время хранилась у верхоянской жительницы Х. Гороховой, не даёт полного представления о Приложениях «Краткого описания». В «Кратком описании Верхоянского края» автор подчас делает ссылки на тексты, которых нет в составе «Верхоянского сборника». Таковы, например, ссылки на сказки о Долой-тойоне, Кюн Эрили и др. Это и даёт основание считать, что рукопись Приложений ещё не обнаружена.

Плохо сохранились и отдельные листы рукописи «Краткого описания»: оборваны верхний и правый края л. 134, нижний и правый края л. 162; выцвели и стёрлись нижние строки л. 163 и т.д. Рукопись датируется 1868 г. — нач. 1869 г.

Труд И.А. Худякова публикуется с переводом якутского и эвенского текстов на современную транскрипцию. Написание русского текста даётся по правилам современной орфографии и синтаксиса. Все диалектизмы и архаизмы, как русские, так якутские и эвенские, сохраняются.

Подстрочные примечания принадлежат И.А. Худякову. Добавления, вынесенные в конец глав, включены в текст по цифровым указаниям автора (замечание И.А. Худякова, сделанное карандашом на л. 1 об.: «Выноски, обозначенные цифрами, нужно печатать в тексте, а те, которые обозначены звёздочкой, — мелким шрифтом под строкой»).

Разрядкой выделены слова, подчёркнутые автором рукописи. Круглые скобки и многоточия принадлежат И.А. Худякову. В прямые заключено условное прочтение слов. Многоточие в прямых скобках обозначает утрату текста.

Текстологическая подготовка «Краткого описания Верхоянского округа» по автографу, хранящемуся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, осуществлена О.Б. Алексеевой. Якутские тексты, входящие в «Краткое описание», отредактированы и прокомментированы научными сотрудниками Института истории, языка и литературы Якутского филиала СО АН СССР Г.У. Эргисом, Н.В. Емельяновым и П.Е. Ефремовым.

Примечания ставят своей задачей дать самые необходимые локальные пояснения к «Краткому описанию Верхоянского округа».

Вступительная статья «И.А. Худяков и его "Краткое описание Верхоянского округа"» включает общую характеристику деятельности И.А. Худякова, революционера и учёного. Наибольшее внимание в ней уделяется якутскому периоду жизни И.А. Худякова и основным идеям публикуемого труда.

Из следственных показаний И.А. Худякова извлечена биографическая справка, написанная в ответ на вопросы Следственной комиссии 1866 г. Биографическая справка входит в показания И.А. Худякова от 8 апреля 1866 г. Печатается по копии следственных материалов, хранящихся в ИРЛИ АН СССР.

В качестве иллюстраций даётся страница автографа «Краткого описания Верхоянского округа» и некоторые фотографии 90-х годов прошлого века. В книге отсутствует фронтиспис. Мы не имеем портрета И.А. Худякова.

И.А. ХУДЯКОВ И ЕГО «КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ВЕРХОЯНСКОГО ОКРУГА»

После окончания в 1858 г. Тобольской гимназии Иван Александрович Худяков (1842—1876) продолжил своё образование в Казанском университете. Здесь, в стенах Казанского университета, он, по его собственному признанию, сделался «атеистом» и «приверженцем конституции». Возможно, в автобиографию («Опыт автобиографии»), изданную в 1882 г., уже после смерти Худякова, вкрались некоторые неточности. Окончательное формирование политических убеждений произошло несколько позже, в петербургский период жизни, когда Худяков оказался среди деятелей «Сибирского патриотического общества» (или «Общество независимости Сибири») и свёл знакомство с некоторыми участниками «Земли и воли». Но и в Казани он был среди передовых студентов, увлекавшихся «Колоколом» Герцена и потаённой литературой. В Казанском университете определились научные интересы Худякова, он решил посвятить себя изучению этнографии и фольклора и с этого пути не сходил до конца жизни. В поисках «настоящей науки», Худяков осенью 1859 г. перевёлся в Московский университет, где продолжил свои фило-

логические занятия под руководством проф. Ф.И. Буслаева. Из Московского университета он был исключён за участие в студенческом движении. Поводом для исключения послужила история с проф. П.М. Леонтьевым, приверженцем реакционера Каткова, против которого энергично протестовали студенты, приобщавшиеся к политической жизни.

Осенью 1862 г. Худяков появляется в Петербурге. Можно с уверенностью утверждать, что он находился в дружеских отношениях с Г.З. Елисеевым, братьями В.С. и Н.С. Курочкиными, В.А. Зайцевым, В.А. Слепцовым, И.А. Свириденко, П.И. Якушкиным, Н.Д. Ножиным. Все эти близкие знакомцы Худякова принимали участие в революционном движении. На Худякова в какой-то степени ориентировались в «Земле и воле», заметив в нём «желание занять несколько активное положение». Об этом рассказывает в своих «Воспоминаниях» земледелец Л.Ф. Пантелеев. Заслуживают внимания также связи Худякова с кружком сибиряков (Г.И. Потанин, Н.М. Ядринцев, Н.И. Наумов и др.). Члены ишутинского тайного общества всегда имели в виду сибирские знакомства Худякова. К нему обращались за помощью и за советами, когда собирались с целью пропаганды ехать в Уральск, за рекомендательными письмами к сибирякам, когда в тайной организации возникло твёрдое намерение освободить Чернышевского, чтобы затем организовать его побег за границу. Сам Худяков был увлечён идеей освобождения Чернышевского. «Предполагалось, — писал он в следственных показаниях, — что г. Странден — если достанет денег — поедет в Сибирь и, сошедшись с сибиряками, именно Наумовым и Шашковым, нашёл бы случай уже на месте дать ему (т. е. Чернышевскому, — В.Б.) бежать».¹

Фактически Худяков был одним из выдающихся и самых влиятельных членов революционного кружка, вошедшего в историю общественного движения России под названием «Организация» Н.А. Ишутина — И.А. Худякова (1863—1866). Центром «Организации» являлась Москва, московский ишутинский кружок, в Петербурге действовал свой кружок, своеобразный филиал, руководимый Худяковым. Худяков по многим вопросам, касавшимся политической программы и тактики, занимал вполне самостоятельные позиции, и, возможно, в дальнейшем он собирался ещё более усилить роль петербургского кружка, придав ему характер распущенной «Земли и воли». К тому же у Худякова, посетившего осенью 1865 г. Швейцарию, установились теснейшие связи с русской

---

¹ «Красный архив», т. 4 (17), стр. 110.

«молодой эмиграцией», с заграничными «революционными агитаторами». Заграничная поездка безусловно способствовала укреплению его авторитета в ишутинской «Организации» и возлагала на него особую ответственность. При встречах с ишутинцами Худяков, обогащённый европейскими впечатлениями, излагал свои взгляды на революционное движение в России и на Западе и, видимо, стремился увлечь участников революционного подполья на путь политической борьбы. Достаточно, например, сказать, что его петербургский друг А. Никольский, ранее возлагавший все надежды на либеральные реформы правительства, после возвращения Худякова из-за границы «стал говорить, что всё существующее в настоящем виде никуда не годится и что нужно стараться изменить существующий порядок».¹ «Организация» Ишутина—Худякова сыграла заметную роль в развитии революционно-демократического движения середины 60-х годов XIX в. в России, хотя многие замыслы ишутинцев так и остались нереализованными, не превращёнными в реальное дело. И всё же их пропаганда и политические дискуссии дали свои результаты. Не следует забывать, что из «Организации» вышел Д.В. Каракозов, совершивший 4 апреля 1866 г. неудачное покушение на Александра II. До сих пор окончательно не выяснена роль Худякова в апрельских событиях, но историки революционного подполья в России (Э.С. Виленская, Р.В. Филиппов, В.Г. Базанов)² полагают, что Худяков знал о замысле Каракозова и в какой-то степени был причастен к составлению и распространению прокламации «Друзьям-рабочим».

Важно, что ишутинцы до массового «хождения в народ» встали на путь революционной пропаганды в народе. Знакомству с народом, путешествию по сёлам и деревням они придавали огромное значение. Н.А. Ишутин ещё в 1863 г., когда московский кружок только начинал складываться, заводил знакомства с извозчиками, чтобы внушать им революционные понятия, надеясь, что и сами извозчики превратятся в своеобразных разъезжих агитаторов. Весной 1864 г. Ишутину удалось побывать на Волге. Он плыл всю навигацию на одном из волжских пароходов помощником капитана. Можно не сомневаться, что он пешком успел обойти волжские деревни, поговорить с крестьянами. Сам Ишутин в

---

¹ Цит. по: Р.В. Филиппов. Революционная народническая организация Н.А. Ишутина—И.А. Худякова (1863—1866). Петрозаводск, 1964, стр. 133.

² Там же; Э.С. Виленская. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). Изд. «Наука», М.—Л., 1965; В.Г. Базанов. 1) И.А. Худяков и покушение Каракозова. «Русская литература», 1962, № 4. стр. 146—163; 2) Две книги о русском революционном подполье в России 60-х годов XIX в. Там же, 1966, № 1.

следственных показаниях признается, что в это время «много тёрся с народом».¹ В 1865 г. по совету Худякова Ишутин должен был ехать в Уральск, чтобы там сойтись с казачеством. У Худякова он просит рекомендательные письма, чтобы «по приезде туда он мог познакомиться со страной и вести пропаганду новых идей, стремящихся к ниспровержению существующего порядка».

В начале 1866 г. Ишутин снова готовится к поездке. На этот раз вместе с Каракозовым он предполагает совершить путешествие от Вятки и Перми до Астрахани. Ясно, что Ишутин и Каракозов собирались в столь дальнее путешествие не ради развлечения и отдыха, а исключительно с целью «прислушаться и присмотреться к народному настроению» и выяснить, «насколько он приготовлен к революции». В Москве сотоварищи по ишутинскому кружку не сомневались, что Ишутин и Каракозов «облетят пол-России и сообщат нам подробные сведения об её всестороннем положении». Но Ишутин и Каракозов так и не собрались в столь ответственное путешествие.

Существовали и другие серьёзные проекты. Так, известно, что члены «Организации» весной 1866 г. собирались разъехаться по губернским городам, чтобы там на месте увлечь местную интеллигенцию (сельских учителей, семинаристов, волостных писарей) в общее дело, приблизить их к «революционной партии», к социалистической пропаганде. Ишутин в своих показаниях точно определяет задачи «Организации», стремящейся преодолеть разрыв между революционной интеллигенцией и крестьянством: «Цель отъезда членов «Организации» в губернские города была та, чтобы там находить людей, способных к пропаганде между народом». Каракозов уточняет: под «пропагандой» он «разумел сближение с пародом с целью развивать его, внушать ему здоровые понятия об экономическом и общественном строе государства и с этой целью путешествовать пешком по губерниям».

Аналогичную цель ставила «Земля и воля», ишутинцы в данном случае идут по стопам землевольцев. Однако эту главную задачу, во имя которой существовала «Организация», практически выполнить так и не удалось. После выстрела Каракозова было уже не до разъездов по городам и сёлам. Поэтому и говорить о «хождении в народ» ишутинцев нужно более осторожно.

---

¹ Показание Худякова от 5 мая 1866 г. и других ишутинцев цит. по: Р.В. Филиппов. Революционная народническая организация Н.А. Ишутина—И.А. Худякова, стр. 72—73, 84, 99.

Не случайно ишутинцы, собирающиеся идти в народ, советуются с Худяковым, у него берут рекомендательные письма. От Худякова, видимо, идут многие начинания народоведческого характера. Худяков был выдающимся учёным-народоведом, фольклористом и этнографом, продолжавшим лучшие революционно-просветительские традиции «Современника».¹ Труды Худякова, посвящённые народному быту и исторической жизни, русскому фольклору и этнографии — «Сборник великорусских народных исторических песен», «Великорусские сказки», «Русская книжка», «Рассказы о старинных людях», «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте», «Рассказы о великих людях средних и новых времён» и, наконец, «Древняя Русь» — пользовались большим успехом и верно служили делу народного просвещения.

Почти все работы Худякова имели прямое отношение к демократическому народоведению, они были обращены к народу в надежде на умственное и социальное развитие темных крестьянских масс. В «Самоучителе для начинающих обучаться грамоте» Худяков, отсылая к общественной истории человечества, резко высказывался против тиранства и социальной несправедливости. «Но тиранство, — писал он, — никогда не могло торжествовать спокойно, даже в самые грубые и суеверные времена. Сегодняшняя жестокость вызывала завтра сочувствие к жертве; ненависть к несправедливости всегда была у человека, лишь бы он только понял несправедливость. Это то и убеждает, что насилие и несправедливость рано или поздно должны уничтожиться между людьми».²

Взгляды Худякова на исторический процесс и народную жизнь сложились под влиянием Чернышевского и Добролюбова, он был убеждённым революционным просветителем и материалистом, считавшим просвещение народа и социалистическую пропаганду задачей первостепенной важности. Г.А. Лопатин справедливо писал о пропагандистской направленности произведений Худякова: «Конечно, это была не история князей и царей, а история народа и, несмотря на всю свою цензурность, оставляла в заключение страшно горькое чувство в душе всякого мало-мальски не заскорузлого читателя. Маленькая хрестоматия «Самоучитель» тоже была подобрана таким образом, что оставляла в чтеце,

---

¹ Подробнее см.: В.Г. Базанов. Накануне «хождения в народ». «Великорусские сказки в записях И.А. Худякова», изд. «Наука», М.—Л., 1965, стр. 7-49.

² [И.А. Худяков]. Самоучитель для начинающих обучаться грамоте. СПб., 1865, стр. 160.

даже без подсказываний учителя, порядочный запас горечи и недовольства и легко шевелила мысль в критическом направлении по отношению к современной жизни».¹ По замечанию В. Черкезова, одного из участников ишутинского кружка, Худяков из своих ранних странствований по России вынес «глубокое понимание характера народного воззрения на общину, мир и на смысл, на силу общинного строя; вынес глубокую любовь к этому задавленному народу, страстное желание посвятить все силы своей богато одарённой натуры на развитие и освобождение народных масс».²

Не случайно книги для народа И.А. Худякова, особенно его «Самоучитель» и «Древняя Русь», нашли признание и высокую оценку революционных народников, участников грандиозного «хождения в народ», они широко использовались в пропаганде. Худякова народники 70-х годов считали своим предшественником и относились к нему с глубоким уважением.

Сосланный после выстрела Каракозова по приговору Верховного суда в далёкий Верхоянск, Худяков сохранил уверенность в справедливости и неизбежности революционной борьбы, сохранил веру в нравственные и духовные силы народа. Уже в ссылке, разговаривая с А. Трофимовым, Худяков в духе своих прежних воззрений отзывался о народе и его социальных чувствах: «Я говорил не раз с народом и могу вас уверить, что русский мужик не так привержен к государю, как вы думаете, и всегда поймёт свою пользу. При этом идеи достаточно распространены, нужно уметь только распорядиться ими. Недовольное дворянство можно будет разослать в ссылку административным порядком. Да и само правительство не очень будет бороться, зная, что помощи неоткуда будет ожидать. На народ, я уже сказал, оно не может надеяться, на войско тоже. Когда нас содержали в крепости, то караульные солдаты высказывали сожаление, что покушение не удалось. Если бы царя убили, говорили они, мы бы покончили с великим князем Николаем Павловичем и другими... Это говорил не один и не два».³

И.А. Худяков был человеком со слабым здоровьем. Арест, заключение в Петропавловскую крепость окончательно подточили его силы. В

---

¹ «Вперёд!». Двухнедельное обозрение. 15 (3) декабря 1876 г., № 47.

² Там же.

³ Цит. по: В.Г. Базанов. И.А. Худяков и покушение Каракозова, стр. 154.

ссылку он отправляется совершенно больным. В Нижнеудинске его вынуждены были оставить в больнице, настолько тяжёлым было его состояние. Сопровождавший Худякова из Иркутска в Якутск конвойный офицер думал, что ссыльный умрёт дорогой. Несмотря на болезненное состояние И.А. Худякова, власти держали «государственного преступника» под строгим надзором, в Тобольске ему не разрешили свидания даже с матерью.

1 февраля 1867 г. Худяков был привезён в Иркутск, а 11 марта прибыл в Якутск; 7 апреля 1867 г. он был доставлен в г. Верхоянск для «вечного поселения».

О своём подневольном путешествии из Иркутска в Верхоянск И.А. Худяков пишет: «Редкий из моих читателей видывал что-нибудь пустынное тракта из Иркутска в Якутск ... Жители нескольких станций сами сидели без хлеба... Но тракт из Якутска в Верхоянск был ещё хуже, даже чиновник, сопровождавший меня из Якутска, назвал эту езду хуже каторжной работы».¹

В то время Верхоянск представлял собой жалкую картину. По данным «Памятной книжки Якутской области» на 1867 г. в 1866 г. в нём было всего 166 жителей, из них 82 мужчин и 84 женщины; было только 43 жилых здания, в том числе 28 якутских юрт. Дома не имели крыш, за исключением трёх. Как пишет Худяков, рабочее народонаселение (якуты) помещалось в хотонах вместе со скотом.²

И.А. Худяков был поселён в юрте многосемейного якута. Скот содержался здесь же в юрте за перегородкой. «Людам, относящимся ко всему, кроме жвачки, с равнодушием коров, трудно понять всю тяжесть агонии человека, находящегося в моем положении. Жить вместе с телятами, по целым неделям голодом, при невозможности работать что-нибудь дельное, среди общества самых пошлых ябедников, среди людей, которых все мысли и поступки возмущают душу, не иметь более года никакого известия от самых дорогих и близких людей, ждать их по целым месяцам и снова ничего не получать, наконец, видеть ужасные бедствия родной страны...», — писал Худяков в «Автобиографии» в декабре

---

¹ ИРЛИ АН СССР, рукоп. отд., Р. V, колл. XXXVII, п. I, Ns 2, л. 50.

² См. настоящее издание, стр. 89. В дальнейшем ссылки на это издание не даются.

1867 г.¹ И в таких-то условиях, приговорённый к духовной смерти, политический ссыльный проявляет исключительную силу воли, чтобы не поддаться унынию, ещё раз найти себя в жизни.

По приезду в Верхоянск талантливый филолог быстро овладевает якутским языком. По воспоминаниям местного жителя Н.С. Горохова, первое время своего пребывания в г. Верхоянске Худяков настойчиво ищет встречи с якутами, предпочитает говорить только по-якутски. Н.С. Горохов рассказывает: «... я не мог к нему проникнуть до тех пор, пока хозяин его не уверил, что я наполовину якут. Я застал Худякова окружённым якутами при детском шуме и крике. Посмотрев на меня и увидев мою якутскую образину, он заговорил со мной на ломаном якутском языке, сказав, что он теперь избегает встречаться с русскими, чтобы не говорить по-русски... Когда ушли якуты, я просил Худякова поговорить со мной по-русски. Он согласился, прибавив, что делает это только для первого знакомства».²

Худяков просил Горохова заходить к нему по вечерам, так как днём он очень занят. Он тогда составлял якутско-русский словарь. Горохов стал помогать ему в составлении словаря. Однако, по словам Горохова, через год Худяков так овладел якутским языком, что в его помощи стал мало нуждаться.

Уже в 1867 г. составленный И.А. Худяковым русско-якутский словарь (до 5000 слов) был представлен Верхоянским окружным исправником якутскому губернатору. Последний в сентябре 1867 г. сделал ходатайство перед краевым начальством о разрешении издать словарь. Однако на просьбу якутского губернатора председательствующий в Совете Главного управления Восточной Сибири ответил, что «имея в виду бывшие уже примеры к отклонению высшим правительством не только государственным, но и политическим преступникам помещать их сочинения к печати», он считает невозможным издание упомянутого словаря.³

В сентябре 1867 г. И.А. Худяков заканчивает перевод на якутский язык некоторых книг Ветхого Завета.

По архивным данным Б. Кубалов установил, что к концу 1867 г. Худяковым были написаны статьи «Описание г. Верхоянска и округа»,

---

¹ ИРЛИ АН СССР, рукоп. отд., Р. V, колл. XXXVII, п. 1, №2, л. 50.

² Цит. по: Я. Белый. Три года в Верхоянске (воспоминания политического ссыльного). «Каторга и ссылка», 1925, № 1 (14), стр. 212.

³ Цит. по: Б. Кубалов. Каракозовец И.А. Худяков в ссылке. «Каторга и ссылка», 1926, № 7—8 (29—28), стр. 170.

«Успехи человека в прошедшем и будущем», а также «Об устройстве в Сибири железной дороги». Эти статьи были возвращены канцелярией Восточно-Сибирского генерал-губернаторства якутскому губернатору с указанием, что статьи государственного преступника не могут быть дозволены к печати.

После неудавшейся попытки опубликовать свои первые работы верховоянского периода в сентябре 1868 г. И.А. Худяков через окружного исправника выражает согласие уступить за определённую сумму Якутскому статистическому комитету якутско-русский словарь, этнографическое описание Верховоянского края и материалы для характеристики местного языка и обычаев. Якутский губернатор сносится с генерал-губернатором Восточной Сибири. В результате Худякову сообщают, что если его сочинения по своему содержанию «будут признаны полезными и не заключают в себе ничего недозволенного», то на приобретение их Якутским статистическим комитетом «препятствий не встречается».¹

12 февраля 1869 г. две рукописи Худякова («Материалы для народной словесности и характеристики местного языка и обычаев инородцев Верховоянского округа» и «Русско-якутский словарь») были переданы Статистическому комитету. 14 апреля 1869 г. в Статистический комитет поступила от якутского губернатора третья рукопись Худякова — «Верховоянский округ Якутской области». В сопроводительном письме губернатор предложил «сообразить: не признает ли комитет нужным приобрести эту статью для издания (но не от имени Худякова)».²

Якутский статистический комитет протоколом от 30 апреля 1869 г. определил рукописи Худякова передать на рассмотрение атамана якутского казачьего полка Киренского. Но по распоряжению губернатора рукописи были направлены якутскому епископу, который в свою очередь передал их члену якутского духовного цензурного комитета священнику Д.Д. Попову. Попов дал отрицательную рецензию на «Верховоянский перевод», как он называет рукопись Худякова. Рецензент пишет, что «составитель материалов для народной словесности якутов Верховоянского округа Якутской области, как видно из его трудов, не преобревши ещё ни навыка, ни понятия в якутском говоре, взялся за настоящее дело». Далее он отмечает: «Есть слова и мысли на обеих наречиях, не

---

¹ ЦГА ЯАССР, ф. 343-И, оп. 1, д. 150, л. 4.

² Там же, л. 7.

имеющие места в печати». Д.Д. Попов отрицательно оценил также перевод якутских текстов на русский язык. На основе этой рецензии Статистический комитет решил 12 декабря 1869 г. возвратить Худякову его работы «Материалы для народной словесности и характеристики местного языка и обычаев инородцев Верхоянского округа», «Якутско-русский словарь», «Русско-якутский словарь», т.е. все, кроме работы «Верхоянский округ».¹

Однако в журнале исходящих бумаг Статистического комитета за 1869 г. отмечено, что 19 декабря верхоянскому полицейскому управлению отправлено письмо «с приложением 4 статей государственного преступника Худякова».²

Таким образом, после годичного мытарства по бюрократической иерархической лестнице полицейских, духовных и гражданских властей области и края четыре сочинения Худякова были возвращены ему. Роковую роль в этом сыграла рецензия священника Д.Д. Попова, впоследствии ставшего одним из активных сотрудников Э.К. Пекарского по составлению «Словаря якутского языка».

Одним из трудов, возвращённых Худякову, несомненно являются материалы по якутскому фольклору и перевод их на русский язык, впоследствии изданные в 1890 г. Восточно-Сибирским отделом Русского географического общества под названием «Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки, пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым». Якутские тексты были изданы Э.К. Пекарским в «Образцах народной литературы якутов» (вып. 1, СПб., 1930; вып. 2, Пгр., 1918).

Епископ Дионисий в своём письме к якутскому гражданскому губернатору от 14 августа 1869 г. сочинение Худякова, переданное им Попову, называет «Якутские саги, песни, загадки и др.», а священник Д.Д. Попов озаглавил свой отзыв: «Рецензия на Верхоянский перевод».

В известной рецензии по поводу «Верхоянского сборника» Э.К. Пекарский, сверив печатный текст с самой рукописью, отметил, что Д.Д. Попов сделал пометки и «исправления карандашом, притом искажающие, неверные». Пекарский обвиняет редактора «Верхоянского сборника» в том, что он «приписал Худякову, без всякой оговорки, чужой и притом неверный перевод». Пекарский далее пишет: «От дальнейших ошибок в

---

¹ Там же, д. 154, лл. 16—17.

² Там же, д. 148, л. 17.

таком роде редактор избавился только потому, что почти карандашные пометки прот. Попова или постирались, или были кем-то стерты».¹

Всё это говорит о том, что Д.Д. Попов рецензировал «Верхоянский сборник» и его якутский текст, записанный и переведённый И.А. Худяковым в 1867—1868 гг. По всей вероятности, Худяков, получив обратно свои сочинения, продолжал работать над улучшением перевода якутских текстов. Пекарский замечает: «Худяков переводил, очевидно, в разное время и по мере большего ознакомления с языком сам исправлял в некоторых отделах своей рукописи неверно переведённые места, эти исправления следовало бы при тщательной редакции, сверив с якутским текстом, сделать и в тех отделах «Сборника», так как самим Худяковым остались непроверенными (особенно страдают в этом отношении загадки). Пропуски же в переводе следовало бы также восстановить по Худякову же путём сличения разных мест «Сборника», так как переведённые в ранних записях часто оказываются переведёнными вполне верно в записях более поздних».²

Э.К. Пекарский высоко ценил работу Худякова: «Перевод Худякова точным, близким к тексту, выразительный. Человек с большой фольклорной подготовкой, Худяков смог при переводе на русский язык подобрать соответствующие слова и выражения». Однако на основании ошибок и описок, допущенных по вине редакции, Э.К. Пекарский вынужден был указать, что «„Сборник“ в настоящем его виде не имеет никакой научной цены»³ и предложил издать вновь параллельно с якутским текстом. В исправленном виде «Верхоянский сборник» не переиздан до настоящего времени, хотя работа по подготовке к печати была произведена Пекарским по поручению издательства «Всемирная история».

Две работы Худякова — «Русско-якутский словарь» и «Якутско-русский словарь», получившие одобрительный отзыв епископа Дионисия,⁴ до сих пор не найдены и, по-видимому, безвозвратно погибли.

Четвертая, последняя, работа И.А. Худякова «Верхоянский округ Якутской области», возвращённая Статистическим комитетом 14 декабря 1869 г., долгое время считалась также погибшей.

Полное её название — «Краткое описание Верхоянского округа».

¹ «Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества», т. XXVI, № 4—5, 1898, стр. 199.

² Там же, стр. 204.

³ Архив АН СССР, ф. 202, оп. 1, д. 15, л. 11.

⁴ ЦГА ЯАССР, ф. 343-И, оп. 1, д. 154, л. 2.

«Краткое описание» создавалось в основном в 1868 г., о чем свидетельствуют многочисленные замечания в самом тексте: «В настоящее время (1868)…» и т.д. Некоторые дополнения и вставки делались, очевидно, позднее (см., например, сведения о приезжающих в г. Верхоянск за 1869 г.).

Основной трудностью в своей работе И.А. Худяков считал ограниченность возможностей более близкого ознакомления с жизнью и бытом якутов. Он предупреждает в предисловии, что читатель не должен смотреть на его труд как на что-нибудь законченное, полное, удовлетворительное. Такой труд невозможно было написать одному человеку, тем более, что Худякову воспрещалось отлучаться из города.

Автор ни разу не выходил за пределы Верхоянска и не ездил по округу. Несмотря на это, данный труд является результатом первого в истории изучения якутов, так сказать, стационарного наблюдения жизни и быта определённого района, впоследствии ставшего основным методом этнографов как подневольных исследователей, ссыльных революционеров В.Л. Серошевского, В.Ф. Троцанского, Э.К. Пекарского, В.Г. Тан-Богораза, В.И. Иохельсона, В.М. Ионова, Н.А. Виташевского и др., так и исследователей, выходцев из местных жителей — В.Н. Васильева, А.Е. Кулаковского, Г.А. Попова, Г.В. Ксенофонтова, А.А. Попова, М.М. Носова и др.

Каждое сведение И.А. Худяков, по его словам, добывал «с бою». В самом городе якутов проживало всего 50 человек, т.е., как пишет автор «Краткого описания», $\frac{1}{4000}$ часть всего якутского народа. Число приезжих из округа было крайне ограниченное. Несмотря на это, Худяков сумел собрать богатейший материал, в основном о якутах Верхоянского улуса. Многие материалы были собраны большей частью «лишь с помощью обязательного содействия некоторых горожан».

К лицам, содействовавшим в сборе этнографических материалов, можно отнести верхоянского купца Семена Васильевича Горохова (? — 1872)¹ и его сына Никиту Семёновича Горохова.

С.В. Горохов, по свидетельству Г. Майделя, был человеком умным и с «изумительной памятью местности». Он был хорошо знаком с Яной от её истоков почти до самого устья. С.В. Горохов, как пишет Г. Майдель,

---

¹ Там же, ф. 25-И, оп. 1, д. 320.

«любил заниматься литературой и наукой и это представляло для Верхоянска и Якутска совершенно исключительное явление». Он охотно помогал своими советами путешествуящим.¹

С.В. Горохов был женат на Хресии Яковлевне Гороховой, которой мы обязаны сохранением рукописи «Верхоянского сборника» и его якутских текстов. Ссылный врач Я. Белый вспоминает, что Х.Я. Горохова была типичной якуткой.² В начале 80-х годов она оказалась в с. Тулуне Иркутской губернии и перед смертью передала рукопись Худякова балаганскому исправнику Бубякину, который в свою очередь представил её в Иркутск в 1885 г.³

Н.С. Горохова можно назвать воспитанником И.А. Худякова. В год приезда последнего Горохов был семнадцатилетним юношей, он уже умел писать и считать на счетах. Н.С. Горохов в первое время помогал Худякову в составлении словарей и якутской грамматики. И.А. Худяков читал юному другу свои сочинения, в частности «Автобиографию». «Писал о России и о себе и кое-что мне прочитывал, — вспоминает Н.С. Горохов. — Так я узнал, что Худяков родом сибиряк».⁴ Ссылный учёный давал читать якутскому юноше свои книги «Великорусские сказки» и «Великорусские загадки». «Но лучшей его книги — „Самоучителя“, — говорит с сожалением Горохов, — при нём не было. Она была запрещена в России». И.А. Худяков направлял умственное развитие и самообразование юноши. Он советовал ему, какие книги выписывать, и часто беседовал с ним по поводу прочитанного. «И в этом, — говорил Н.С. Горохов, — заключается для меня учительство Худякова». Впоследствии Н.С. Горохов написал ряд этнографических заметок о жизни и быте якутов, записывал якутский фольклор и переводил его на русский язык. Им написаны статьи «Следы шаманства у якутов»,⁵ «Кинитти. Отношение женщин к родне мужа у якутов»,⁶ а также опубликована запись олонхо «Юрюнг Уолан» в русском переводе.⁷ За свои работы Н.С. Горохов был принят в

¹ Г. Майдель. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг., т. II. СПб., 1896, стр. 193.

² Я. Белый. Три года в Верхоянске, стр. 208.

³ См. об этом: Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым. «Записки Восточно-Сибирского отдела РГО по этнографии», т. I, вып. 3, Иркутск, 1890, стр. 3.

⁴ Цит. по: Я. Белый. Три года в Верхоянске, стр. 213.

⁵ «Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества», 1882, № 3, стр. 36—39.

⁶ Там же, 1883, № 1—2, стр. 71—72.

⁷ Там же, 1884, № 5—6, стр. 43—60.

члены Русского географического общества. При его активном содействии в 70-х годах была открыта первая школа в г. Верхоянске, и он был назначен её внештатным смотрителем. Дальнейшая судьба ученика Худякова пока не установлена.

Имена других лиц, содействовавших И.А. Худякову, остались неизвестными. По традиции фольклористов своего времени И.А. Худяков не записывал также имена исполнителей якутского фольклора. Только благодаря упоминанию В.Л. Серошевского сохранилось имя знаменитого певца Маньчары, от которого И.А. Худяков записывал много фольклорных произведений.¹

«Краткое описание Верхоянского округа» И.А. Худякова является первой обстоятельной монографией этнографического изучения не только населения Верхоянского округа, но и населения всей Якутии. В меру своих сил и возможностей политический ссыльный пытался воссоздать прошлое и настоящее Якутии, руководствуясь при этом теми методологическими принципами демократического народоведения, которые были официально провозглашены «Современником». В программной статье «Этнографический сборник Географического общества, выпуск IV», где были помещены и «Великорусские загадки» Худякова, «Современник» даёт общее определение этнографии как науки: «Область этнографии весьма обширна, в неё входит не только то, чем собственно и ограничивалась обыкновенно наша этнография — сказка, песни, пословицы, свадебные обряды, поверья и т.п., т.е. не только археологическая и внешняя сторона народного быта, но и его современная общественная и экономическая действительность, общественные и религиозные понятия и вообще нынешнее содержание народного образа мыслей».² В заключении этой статьи содержится упрек И.А. Худякову в увлечении мифологической теорией. «Мы заметили бы только автору, что напрасно он прилагает излишнее усердие к отыскиванию мифического смысла в таких загадках, где этого смысла никак невозможно доказать».³ Иронизируя над мифологическим объяснением загадки «Силь-

---

¹ В.Л. Серошевский. Якуты. Опыт этнографического исследования, т. I. СПб., 1896.

² «Современник», 1864, № 10, стр. 192. По указателю В. Бограда (В. Боград. Журнал «Современник». 1847 — 1866. Указатель содержания. ГИХЛ, М.—Л., 1959, № 5089), статья принадлежит А.Н. Пыпину.

³ «Современник», 1864, № 10, стр. 196.

ный жеребец на всё царство ржёт» (гром), автор статьи в «Современнике» советует Худякову «представить заботиться об этом жеребце г. Буслаеву».¹

В другой статье «Как понимать этнографию?» «Современник» ставит перед этнографами задачу широкого всестороннего изучения народной жизни. В статье резко осуждается идеализация народной жизни. Основное положение статьи сводится к тому, чтобы этнография изучала народную жизнь объективно, вскрывала теневые, отрицательные стороны в народном быту и мировоззрении, раскрывала причины, порождающие их. «Современник» писал, что «этнографическое изучение может (и должно) обнимать и объяснять по возможности все стороны народного быта и представлений, что такое изучение вовсе не обязывается быть голословным и оптовым панегириком, что в жизни народа, как и в жизни общества, есть свои тёмные стороны, которые можно объяснить тем или другим способом, но которым можно, пожалуй, и не сочувствовать, скрывать же эти тёмные стороны этнография никак не может, если только хочет остаться сколько-нибудь добросовестной».²

Таковы были основные требования революционных демократов к этнографии как к науке, изучающей народный быт и народное мировоззрение.

И.А. Худяков, как истинный революционный демократ и просветитель-гуманист, обстоятельно и вдумчиво подходит к истории, этнографии и фольклору Якутии, объективно исследует материальную и духовную культуру русских, эвенков и якутов, населяющих Верхоянский округ, вскрывает темноту, невежество, предрассудки. Автор не ограничивается внешним описанием Верхоянского округа и быта его жителей. Вся его работа пронизана желанием оживить этот пустынный край холода и снега, помочь народу в его выходе из темноты и невежества, облегчить жизнь угнетённого и нищего народа.

У Худякова были и собственные работы («Сборник великорусских народных исторических песен», «Великорусские сказки», «Русская книжка», «Древняя Русь»), которые вели его к «Краткому описанию Верхоянского округа», делали якутскую тему близкой и значительной, продолжающей нескончаемую повесть о России. Многие Худякову и его

---

¹ Там же.

² Там же, 1865, № 2, стр. 173—174. По упоминавшемуся указателю В. Богграда, статья также принадлежит А.Н. Пыпину (В. Боград. Журнал «Современник», № 5143).

друзьям по тайному обществу так и не удалось завершить. Среди замыслов ишутипцев были и такие, которые прямо идут навстречу учёным трудам Худякова-ссылного. В своих показаниях Худяков признавался, что летом 1865 г. в Москве он встретился со Спиридоновым и там «был разговор об издании народных книг и журнала». О журнале «тогда говорили много, и чтобы направление журнала было социальное, т.е. оно читалось обширным кругом людей и действовало на низшие слои общества, поселяя в них вражду низшего населения к высшему и к ниспровержению существующего порядка вещей, насколько это возможно при цензуре».¹ Худякова предполагали использовать в качестве редактора журнала, о чём с ним уже вёл переговоры Ишутин. В ишутинском же кружке возникло предложение подготовить на 1866 г. издание «Народного календаря». Хотя программу этого «Календаря» составил О.А. Мотков, основные положения программы и черновые фрагменты отдельных статей, предназначенных для «Народного календаря», полностью соответствовали основным принципам демократического народознания Худякова, его «Самоучителю для начинающих обучаться грамоте». Из «Народного календаря» каждый грамотный человек мог узнать «в какой день какого святого празднуют и исчисление церковное; о русских законах, о том, как в прошлом году разные народы жили; как жить, чтобы всем в довольстве быть; как хозяйство вести и от болезни уберечься и проч. и проч.».² О.А. Мотков приезжал специально в Петербург, чтобы получить цензурное разрешение на издание «Народного календаря». Думаем, что одним из главных составителей этой книги мог быть Худяков. Кому же как не Худякову, человеку с именем в литературе, учёному и писателю, автору прославленных книг для народа, было под силу в короткий срок создать «Народный календарь», содержащий самые разнообразные сведения естественногеографического, агрономического, этнографического, исторического и социально-политического характера.

Многое из того, что Худякову не пришлось завершить в Петербурге, сделать на русском материале, переселилось в его якутские труды, в частности в «Описание Верхоянского округа», где находит полное отражение программа неосуществлённого «Народного календаря». Здесь

---

¹ Цит. по: Э.С. Виленская. Революционное подполье в России, стр. 220.

² Там же, стр. 280.

все сведения о Якутии, добытые от самого народа, систематизированные, проверенные и научно осмысленные, сведения самого разнообразного характера: от биосферы, полезных ископаемых, народной медицины и метеорологии и до самых подробных описаний народных обычаев и якутского фольклора.

И.А. Худяков свою работу писал для печати. Он прекрасно знал, что «по закону судеб ни одна новорождённая книга того времени не могла появиться в печать, не будучи общипанной цензорами».¹ А его труды, даже письма, проходили военно-полицейскую, духовную и гражданскую цензуру, начиная от верхоянского исправника и кончая III отделением. И поэтому Худяков не поместил в своём труде многих сведений и сообщений не только по невозможности проверить достоверность их, но и «по другим причинам», как он пишет в предисловии. Под «другими причинами» легко подразумевать цензурные рогатки, которые препятствовали бы выходу в свет «Описания Верхоянского округа». Несмотря на такую предусмотрительность, бдительные охранители царского трона не допустили к печати труд «государственного преступника».

Однако имя Худякова для другой России, России революционной, «осталось и останется почётно в рядах русских революционных деятелей, как одного из самых искусных пропагандистов революции в России под цензурной формой, как одного из энергичных деятелей и организаторов в эпоху, когда основы русской революционной организации и самые основы русской революционной программы едва вырабатывались».²

В своём этнографическом труде Худяков с огромной силой литературного таланта изображает беспросветную жизнь самой отдалённой северной окраины Российской империи. Его работа является горячим публицистическим выступлением в защиту интересов так называемых малых народов севера, вымирающих под тройным гнетом царского колониализма, духовенства и родовых богачей.

С первых же страниц своего труда Худяков обличает царское правительство, которое ничего не делает для культурного освоения огромной территории округа, равной площади нескольких европейских государств вместе взятых. Он с горькой иронией замечает, что география

---

¹ И.А. Худяков. Опыт автобиографии. Женева, 1882, стр. 51.

² Там же, стр. XII.

видимой части Луны изучена несравненно лучше, чем география Верхоянского края. Учёный, основываясь главным образом на рассказах и сведениях местных жителей, пишет о неисчерпаемых природных богатствах, которые ждут рабочей руки, о полезных ископаемых, которые «попираются ногами двуногих и четвероногих», и с сожалением отмечает, что «в здешнем округе нет ни одного горного завода».

Говоря о несмелых опытах посева хлеба и разведения огородов, Худяков ратует за всемерную поддержку агрономической инициативы местных жителей, за развитие сельского хозяйства на Крайнем Севере.

И.А. Худяков смело критикует колониальную политику царизма, вскрывает деспотизм, грабёж и хищничество царских чиновников. Он приводит возмутительные факты самоуправства. Исправники к тому же вершили и «правосудие». «Если проситель не оправдал себя подарками, — говорит Худяков, — то при ответчике наказывался розгами. Одним словом, правосудие покупалось дорогою ценой и было вполне недоброкачественно». В округе господствовало взяточничество. Недаром якутский народ сложил пословицу: «Пошёл бы я лучше на медведя с ножом только в один кулак длины, чем к свирепому господину без взятки». Открытое взяточничество прикрывалось и обычаем одаривать исправников и других чиновников в день именин или «в честь их посещения» дома якутов. От чиновников не отставали и священники. За богослужение они требовали лошадь или быка, угрожая темным якутам церковным проклятьем.

Так Худяков превращает этнографическое описание в социально-этнографическое, он не ухолит от исторического предания и этнографического факта, но и не ограничивается ими. Характеристика народного быта строится таким образом, что этнография начинает включать проблемы социальные и политические. На якутском материале происходит расширение границ самой этнографии, этнография как бы вступает в союз с социологией и политической экономией. В этнографическом описании Худякова огромное значение имеет оценочный момент, позиция учёного, его собственное мировоззрение. Худяков выходит за пределы обычного академического описания, где всё внимание сосредоточено на фольклоре и этнографии, на их отдельном или совместном существовании. В конечном итоге и этнография, и фольклор в дореволюционных бытописаниях остаются без глубоких связей с социальными вопросами, с историей народной жизни. Учёный-революционер против

безразличного, слишком спокойного отношения и к прошлому, и к настоящему. Но похож Худяков и на тех сентиментальных путешественников, которые и фольклор, и быт малоизвестного науке и литературе народа превращают в предмет экзотики, любования и восхищения примитивной культурой, незатронутой пагубным влиянием цивилизации. Весь пафос научного трактата Худякова состоит в утверждении нераздельности, слитности проблем, подсказанных патриархальным укладом, охотничье-рыболовной культурой и архаическим бытом. Патриархальные обычаи для Якутии той поры не далёкая история, а современность, современное состояние народного мировоззрения. Поэтому в «Кратком описании Верхоянского округа» находят отражение большие вопросы общенародной жизни во всех её измерениях. Всё, что касается судеб народа, в лице Худякова находит вдумчивого исследователя и истолкователя. Он создаёт «Краткое описание» и для читающей, просвещённой России, и для самих якутов, которые имеют все основания идти по пути общечеловеческого прогресса. Для этого необходимо знать свою историю, видеть свои права и обычаи без всяких прикрас и скидок на патриархальность, на неразвитость. Революционный просветитель до якутской ссылки обращался к русскому крестьянству с призывом постепенно преодолевать рутинёрские, отсталые привычки и понятия, сковывающие энергию. Этого же он желает якутскому народу. Отсюда его стремление замечать, поддерживать то лучшее, что идёт навстречу будущему. В «Кратком описании» — суровая правда о тех пережитках, которые держат трудящегося человека в темноте и невежестве. Глубоко принципиальный смысл имеет утверждение Худякова: «Мы очертили тёмные стороны русского управления, бывшего в здешних местах, но из этого не следует, что якутам стало хуже с тех пор, как они попали под власть русских. Напротив, положение их стало несравненно лучше». Исчезли кровопролитные междоусобные войны между отдельными якутскими родами и между якутами и другими северными народностями. Многие предрассудки и суеверные понятия под влиянием русской культуры начинают постепенно исчезать; якуты хотя и медленно, но приобщаются к европейской цивилизации.

В последующем описании жизни и обычаев якутов Худяков главным образом рассматривает положение обездоленных бедняков. Он и здесь руководствуется «теорией трудящихся». В годы революционной дея-

тельности Худяков мечтал преобразовать народную жизнь на социалистических началах, пробудить крестьянские массы к политической борьбе. Но в годы «белого террора», оторванный от центра русского революционного движения, он, конечно, не собирается заниматься революционным проповедничеством. Худяков изучает Якутию, накапливает материалы, создаёт описание, чтобы пробуждать «любовь к этому задавленному народу», задавленному и собственной темнотой, и политикой русского самодержавия. В патриархально-родовом укладе много отрицательного, варварского, Худяков пишет о семейных и правовых отношениях без всякой идеализации, как и подобает революционному демократу. Вместе с тем он всегда видит трудящегося человека, которому живётся нелегко ещё и потому, что на него давят собственные полуфеодалы-князьки. При разделе покосов богатые берут себе самые лучшие места, а беднякам отдают только шестнадцатую долю покосов, а подати несут одинаковые. Если кто-нибудь из бедных осмеливается возразить против такого дележа, богачи ему отвечают: «Какой же тебе покос, когда у тебя скота нету?». Худяков с чувством глубокого возмущения пишет: «Спрашивается, как бедный может завести скот, не имея покоса?».

Худяков главной целью своего исследования ставит описание народной жизни, полной драматизма и бедствий. Подчеркнув, что якуты в сказках, т.е. в героическом эпосе олонхо, с любовью описывают свои наряды, он тут же даёт понять, что в реальной жизни наряды существуют для богачей. О богатых уборах он ничего не говорит в своей работе, зато дает описание «одеяния» громадного большинства населения: почти нагие не только летом, но и зимой. Бедные дети постоянно в лохмотьях, босоногие, гологрудые. А женщины-якутки по целым годам ходят в одной рубашке из дабы. И то эти рубахи носили только состоятельные, так как цену на дабы купцы поднимали с 3 до 6 руб. Бедные женщины носили одежду из кобыльей шкуры, которую получали в виде оплаты за полугодовой труд у богачей. В.Л. Серошевский в своей книге «Якуты» приводит пословицу: «Сколько не работай, не получишь больше кобыльей шкуры».¹

Значение своей работы И.А. Худяков видел в изображении бедственного положения населения Верхоянского округа, в обличении лихоим-

---

¹ В.Л. Серошевский. Якуты, стр. 423.

ства и жестокостей представителей местных властей. Не случайно этнографию он называет статистикой умственного развития народа. «А статистика сделалась основанием, — пишет исследователь, — всех соображений государственных лиц». Не скрывая темных сторон в народной жизни, говоря о суеверных привычках якутов, Худяков желал обратить внимание общественности на этот многообещающий край и тем самым добиться хотя бы некоторого облегчения положения народных масс. Этим и можно объяснить порой сознательное сгущение красок в описании быта якутов, излишний натурализм в изображении предрассудков.

Нас не должны смущать отдельные бытовые детали, относящиеся к далёкому прошлому якутского народа. К тому же Худяков сам оговаривает, что не все частности этнографического описания являются вполне достоверными. К «Краткому описанию Верхоянского округа», как и к ряду других этнографических трудов, следует в иных случаях подходить критически. Далеко не все сведения, добытые ссыльным учёным из устной молвы, можно считать научно проверенными, типическими. Худяков сообщает и то, что составляет единичные проявления, не распространяется на весь бытовой уклад, патриархально-родовые нравы и обычаи, что составляет редкое исключение и явный пережиток, верования и бытовые элементы более древнего происхождения. Наконец, мог и просто ошибаться бытописатель, так, например, не соответствуют действительности сведения Худякова о том, что запреты детям в еде появились отчасти из-за желания взрослых оставить себе побольше. В правдивости этого запрета сомневался и сам Худяков. В самые худшие времена жизни, при всех материальных лишениях, во время голода, якуты проявляли заботу прежде всего о детях. Ясно, что Худяков не сам придумал эти сенсации. Видимо, в народной молве, не претендующей на точность, содержались подобные преувеличения и вымыслы.

Большое значение Худяков придаёт национальному фольклору, видя в нём зеркало исторической, умственной и эстетической жизни якутского народа.

Историю верхоянских якутов он рассматривает на основе преданий и рассказов, которые у бесписьменных народов заменяют летопись. Следует отметить, что Худяков не видел жанрового различия между историческим преданием и сказкой. Сказка «Жил старик со старухой. У них была одна дочь (Уһун сыһыахтаах)» воспринимается им как предание,

повествующее о происхождении человеческого рода. Обычно исторические предания якутов начинаются с рассказов о первом переселении якутов на Лену, о которых Худякову «не случилось слышать». Предания и рассказы, на которые ссылается в своей работе И.А. Худяков, бытуют и поныне.¹

Особый интерес для фольклористики представляют три последние главы исследования Худякова. Исторические условия благоприятствовали сохранению у якутов архаических форм эпоса, генетически восходящих к пламенным представлениям. В якутском олонхо широко представлена мифологическая космогония. Здесь и высшие боги «скотоводческого» пантеона, и шаманизм, и богатырская героизация. Мифология рассматривается Худяковым как народное мировоззрение на природу и общественные явления. Миф — не только тотемизм, отражение религиозных верований, но и поэтическое представление о природе и обществе. От древнейших персонажей первобытно-синкретической мифологии дороги идут и в религию, и в искусство.² Большинство приводимых Худяковым мифов об обожании птиц и животных, а также природы — суть фольклорные произведения, в которых мифологические образы опоэтизированы и не лишены художественно-эстетических ценностей. Таков, например, рассказ о якутской Золушке, превратившейся в духа — хозяйку Луны.

Естественно, что Худяков в историко-этнографическом описании Верхоянского края подробно касается религиозных верований якутов. Материалы, сообщённые Худяковым, подтверждают выводы советских учёных о фантастическом отражении в религии якутов, как и других народов, реальной действительности, мировоззрения и социального устройства, характерных для патриархального рода. «Якуты верили в существование многочисленных духов и божеств, которые в основном представлялись им как антропоморфные существа. Каждый дух, по представлениям якутов, был олицетворением или духом-хозяином тех или иных явлений природы и общественной жизни».³

---

¹ Большинство преданий в новых записях можно найти в книге Г.У. Эргиса «Исторические предания и рассказы якутов» (ч. 2. Изд. АН СССР, М.-Л., 1960).

² Е.М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963, стр. 347—348.

³ Н.А. Алексеев. Материалы о религиозных верованиях якутов как историко-этнографический источник. «Советская этнография», 1966, № 2. стр. 22.

В «Описании» Худякова широко представлены архаические представления якутов о жизни духов («злых» и «добрых», «черных» и «белых» шаманов).

В главе о шаманстве И.А. Худяков приводит весьма интересные сведения, малоизвестные в этнографической литературе о якутах. К таким сведениям относится, например, упоминание о воспитании «души шамана» в гнезде на шаманском дереве и отправлении его в средний мир. Характерно, что небожители и даже дьяволы предназначают шамана для защиты целого племени якутов. Это обстоятельство может привести к мысли о том, что шаманы (и белые, и черные) являлись такими служителями культа, которые стояли за интересы племени (рода). В книге С.А. Токарева «Ранние формы религии и их развитие» указывается: «У якутов жрецами родового культа, давно уже разложившегося, были, по-видимому, „белые шаманы“ — *айыы ойуна*, которые имели очень мало общего с настоящими шаманами — *абааһы ойуна*».¹ С.А. Токарев не приводит никаких данных, которые дали ему возможность сделать такой вывод. По-видимому, он имел в виду гипотезу В.Ф. Трощанского о том, что религия якутов шла по пути эволюции от белого (доброго) шаманства к чёрному шаманству, т.е. якуты из поклонников светлых божеств стали поклонниками дьявола (черных сил). Чёрный шаман, по В.Ф. Трощанскому, связан только с черными силами. Материалы И.А. Худякова говорят о том, что и «черные шаманы» спускаются на землю для заступничества интересов «трёх (племён) якутов».

Постоянно чувствуя свою слабость перед грозными стихиями природы и ещё не умея правильно объяснить загадочные явления, народ верил в могущество богов и духов, способных проникать в таинства стихийных явлений. Отсюда в народной поэзии такое значение имели заговоры и заклинания. «Первобытная поэзия народов, — писал Александр Бестужев в статье «О романе Н. Полевого „Клятва при гробе господнем“», — непременно зависит от климата. Так у кафра, палимого зноем и у чукчи, дрожащего от мороза, у обоих, которым голодная смерть грозит ежедневно, первая поэзия, как первая религия, есть заклинание. Он через колдуна, через шамана старается умиловить злых духов или сковать их клятвами».²

---

¹ С.А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие. Изд. АН СССР, М., 1964, стр. 289.

² А.А. Бестужев-Марлинский. Сочинения в двух томах. Том 2, Гослитиздат, 1958, стр. 566.

Огромную ценность представляют записанные Худяковым шаманские мистерии (камлания). Мы не имеем более ранних записей камланий. Шаманские мистерии до сих пор не публиковались, за исключением небольших отрывков. Камлания имели драматическую форму и сопровождались шаманскими песнопениями — заклинаниями, которые своей поэтической (не только мистической) силой воздействовали на слушателей.

Худяков отмечает, однако, что шаманство держится у якутов благодаря невежеству и суеверию, слепой вере в их способность врачевать и предсказывать. Власть шаманов в бытовых верованиях ещё велика, но и простой народ начинает понимать шарлатанство. Постепенно рушится культ шаманов. Про некоторых из них создаются язвительно-убийственные сатирические устные рассказы, которые приведены Худяковым в «Описании». В них с презрением рассказывается о плохом шамане, не узнавшем о беременности своей дочери. Простой кузнец, не побоявшись проклятия шамана, вступает с ним в спор. Едко высмеивается шаманка-распутница, которая даже культовый обряд использует для удовлетворения своего сладострастия.

Автор «Описания» отмечает, что такие рассказы «ослабляют шаманство гораздо более, нежели проповеди местного духовенства, если бы такие и были». Таким образом, и в самом якутском фольклоре содержится своеобразная полемика с рутинёрскими обычаями, привитыми народу историческими обстоятельствами.

В последней главе И.А. Худяков даёт блестящую характеристику устного народного творчества якутов. Он высоко ценит поэтический дар якутского народа, который имеет свои красочные обряды и богатый фольклор. Фольклорные произведения служат для якутов «главным средством просвещения, они идут рядом с их повериями и обычаями». И.А. Худякову принадлежит продуманная жанровая характеристика якутского фольклора. Эта характеристика служит теоретической основой его знаменитого «Верхоянского сборника». Многочисленные ссылки в данной работе на «Верхоянский сборник» наводят на мысль, что последний труд имеет значение приложения к настоящему «Описанию». Следует оговориться, что классификация Худякова не может быть принята без существенных уточнений и поправок. У Худякова фактически объединяются якутский героический эпос олонхо и сказка (*остуоруйа*). Частично это обусловлено тем, что верхоянские якуты

сказку называют «олонхо без песни». У Худякова были и свои соображения: в олонхо ясно обнаруживаются сказочные мотивы в поэтике и в действиях героев. Предания Худяков выделяет как особый жанр. В «Верхоянском сборнике» предания названы сагами, а в «Описании» к преданиям Худяков относится как к историческому источнику, правдиво отражающему прошлое народа.

Худяков в своём исследовании даёт очень тонкий анализ якутского олонхо. Якутский героический эпос вполне самостоятелен по отношению к мифу. Реальные события, междоусобицы и межплеменные отношения, историческая героика, зависимость человека от природы и постепенная победа над стихийными её силами — вот, собственно, что является основой, на которой вырастает героическое сказание. Мифологические картины природы в олонхо создают фон, составляют географическую обстановку, в условиях которой развиваются те или иные события, проявляется отношение между героями. Мифологические и сказочные персонажи сопутствуют героям, но не являются главными действующими лицами. Богатырь *Айыы Аймаба* — это идеальный герой родового строя, защитник рода и племени. Изображён он средствами эпической гиперболизации и идеализации. Но фантастика, вымысел не могут затемнить реалистической почвы эпоса, его жизненных коллизий и характеров. Даже противник героя, тоже богатырь из племени абааһы, обитающий в нижнем мире, только внешне безобразен и чудовищен. Но существу же и он является героем-человеком. По законам эпического действия и эпической поэтики противник должен вызывать отрицательные чувства. Отсюда соответствующие приёмы изображения: отталкивающий внешний облик, отрицательные оценочные эпитеты, элементы карикатурности и т.п. Якутский эпос любит обращаться к фантастике, к сверхъестественному, но за сказочным, вымышленным покрывалом скрывается множество реалистических бытовых деталей, человеческих характеров и развёрнутых описаний внутренней жизни народа.

Олонхо Худяков называет главным родом поэзии якутов, «главным средством просвещения», «главным средством для объяснения всех явлений жизни». Таким образом, олонхо — целая энциклопедия, в которой отражены мировоззрение, история, материальная и духовная культура якутского народа. В якутском олонхо Худяков видел зародыш народной оперы: «Все молитвы, почти все разговоры, всякая длинная

речь, столь часто упоминаемые в сказках, не рассказываются, а поются сказочником, это весьма оживляет рассказ».

Худяков с восхищением пишет о мастерстве якутских рапсодов-сказочников, которые сказывают стихами и песнями не менее длинные сказки, чем «Илиада» и «Одиссея», с мельчайшими подробностями, упоминая множество собственных имён. Большие поэтические способности проявляют певцы-импровизаторы. Они создают песни на всевозможные темы. Но особенно много песен слагается о природе: «У редкого народа так много песен, относящихся к описанию природы, как у якутов. Они напрягают все свои поэтические силы для описания богатства и красоты своей бедной природы».

Певцы, главным образом певицы, создают обличительные сатирические песни, подвергая убийственной насмешке людские пороки. Даже дело доходило до жалоб на певиц, «так обидна бывает насмешка».

В «Описании» содержится столь же меткая характеристика якутских пословиц. Пословицы названы «прибавлениями к речам». Двумя словами Худяков определил основную жанровую особенность этого малого вида народного творчества.

Худяков устанавливает влияние русского народного творчества на якутские сказки, пословицы и загадки. К якутам перешли русские волшебные сказки об Илье Муромце и др., а также сатирические сказки, «в которых уже смеются над волшебством и шаманством, прославляя в то же время всякое мошенничество».

В заключении своей работы Худяков высказывает надежду, что одарённый и весьма любознательный якутский народ освободится от страшного экономического порабощения, невежества и суеверия, нищеты и бедствий. Такой народ крайне нуждается в образовании, в медицинской помощи, в просвещении. «Страшно не существование шаманов или нескольких десятков или сотен кликуш, — пишет Худяков, — но крайнее обилие того невежества, которое поневоле принимает их суеверие как единственную общедоступную науку. Грамотность и естественномедицинские науки могут избавить якутов от массы суеверий и направлять их способности на прямую дорогу».

Самой характерной чертой описания И.А. Худякова является вера в будущее этого отсталого и самого северного края России. Свою работу Худяков заканчивает призывом к русскому народу содействовать движению якутского народа по пути истинного просвещения. Это был призыв

«старого народника», ученика Чернышевского, которому тоже довелось поработать на будущее этого края.

В 1868 г. перед И.А. Худяковым едва не открылась заманчивая перспектива. Оставаясь политическим ссыльным, он мог бы выбраться из Верхоянска, получить небольшой заработок и принять участие в экспедиции на Чукотку.

Весной 1868 г. И.А. Худякову якутским областным начальством было предложено участвовать в Чукотской экспедиции Г. Майделя.

Этой приятной новостью он делится в письме к своей матери Татьяне Александровне. Однако краевая власть не согласилась включить его в состав экспедиции. Вместо него был отправлен миссионер священник Аргентов. Начальник экспедиции Г. Майдель всё же предложил Худякову произвести термометрические и барометрические наблюдения в г. Верхоянске. По воспоминаниям Г. Майделя, «Худяков был в отчаянии, не будучи в состоянии найти занятие, которое хоть немного скоротало бы и сделало бы несколько более сносным медленно тянувшиеся дни его ссылки».¹

По-видимому, в такие горькие дни Худяковым были написаны слова: «Если Вас спросят, кто самый несчастный человек на свете, отвечайте: тот, кто поставлен в бесконечно бессрочное бездействие и гниёт заживо не от отсутствия сил или способностей, а от отсутствия возможности употреблять их в дело. Разглядев положение, в котором меня поставил приговор Верховного суда, невольно вспоминаю слова поэта:

Дар напрасный, дар случайный

Жизнь, зачем ты нам дана?».²

Метеорологические наблюдения Худяковым были произведены очень тщательно, со знанием дела. Он наблюдал ежечасно, а летом записывал температуру каждые четверть часа. Добросовестные записи И.А. Худякова имели важное значение. На основе наблюдения Худякова академик Вальд вычислил среднегодовую температуру Верхоянска. И Верхоянск оказался полюсом холода.

---

¹ Г. Майдель. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг., ч. 1. СПб., 1896, стр. 44.

² Цит. по: Б. Кубалов. Каракозовец И.А. Худяков в ссылке, стр. 177.

В своём письме от 14 февраля 1871 г. Г. Майдель просил верхоянского исправника выдать Худякову 50 руб. за сделанные им метеорологические наблюдения, а также снабдить Худякова на время часами, так как «без часов превосходные его наблюдения потеряют своё значение».¹

К этому времени уже было замечено его болезненное состояние. В апреле 1871 г. исправник доносит: «23 марта он (т.е. Худяков — Б.К.) замечен в лёгком умопомешательстве. Временами Худяков приходит в нормальное положение и жалуется на головную боль... Болезнь его всё более и более увеличивается».²

Но рассказу Н.С. Горохова, «болезнь началась с перемены характера: обыкновенно приветливый и словоохотливый с людьми, близкими к нему, он вдруг стал молчаливым и мрачным, сидел молча и на все предложения выйти на воздух погулять отвечал отказом, лишился сна и аппетита... Хозяева стали его бояться и заявили начальству».³

Генерал-губернатор Восточной Сибири не поверил в умопомешательство Худякова. Он распорядился вести наблюдения за ссыльным и не оставлять без должного надзора, заподозрив, «что состояние, в котором он (т.е. Худяков, — В.Б.) находится, принято им в видах послабления за ним надзора и затем даже побега».⁴

В эти годы мать Худякова Татьяна Александровна усиленно хлопочет об облегчении участи её единственного сына. Она безрезультатно ходатайствует о переводе его в Иркутскую или Томскую губернию, где её сын мог бы заняться полезным трудом. Царские чиновники отказывают в её просьбе.

В сентябре 1871 г. верхоянским исправником была получена посылка с часами для Худякова, высланная Майделем. Об этом же исправник Майделю сообщает письмом от 13 ноября 1871 г.: «До получения сказанных денег и часов Худяков подвергнулся болезни и по настоящее не получает облегчения... Худяков едва ли может скоро получить облегчение от болезни».⁵ Часы и спиртовой термометр были переданы купцу С.В. Горохову, который и стал производить метеорологические наблюдения. По-видимому, тогда же рукописи Худякова и попали в семью С.В. Горохова.

---

¹ ЦГА ЯАССР, ф. 25-11, оп. 1, д. 156, л. 1.

² Цит. по: Б. Кубалов. Каракозовец И.А. Худяков в ссылке, стр. 181.

³ Цит. по: Я. Белый. Три года в Верхоянске, стр. 213.

⁴ Цит. по: Б. Кубалов. Каракозовец И.А. Худяков в ссылке, стр. 183.

⁵ ЦГА ЯАССР, ф. 25-И, оп. 1, д. 156, лл. 5, 6.

Болезнь Худякова всё время прогрессировала. Местная верхоянская власть настойчиво просит перевести больного в якутскую или иркутскую больницу. Только спустя три года, убедившись, что Худяков неизлечимо болен, царские власти разрешили перевести его в якутскую больницу.¹ Худяков был отправлен в г. Якутск 1 августа 1874 г. и прибыл туда 31 августа. Исправник при сопроводительном письме доложил, что «большая часть вещей приобретена от жителей города в пользу Худякова безвозмездно».²

Из Якутска он был отправлен в Иркутск в больницу умалишённых. Приехавшая в Иркутск 3 ноября 1875 г. мать И.А. Худякова просит краевое начальство позволить брать больного сына «иногда из больницы для прогулки по воздуху и приводить его к себе на квартиру, где бы среди семейного круга имела на него благотворное влияние. В сохранении же личности его ответственность беру на себя».³ Генерал-губернатор Восточной Сибири отказал и в этой просьбе. Вскоре мать Худякова, не перенеся тяжёлого горя, умерла.

И.А. Худяков скончался в больнице 19 сентября 1876 г. Гроб с его телом сопровождали трое городских.⁴ Могила Худякова не могли отыскать даже его друзья и знакомые.

Книга о Якутии, написанная Худяковым почти сто лет тому назад, в тяжёлые годы изгнания, в годы верхоянской ссылки, не потеряла своего научного значения и до сих пор. Несмотря на незавершённость «Описания» и неполную сохранность дошедшей до нас рукописи (см. Предисловие), труд И.А. Худякова и в таком виде бесспорно привлечёт внимание историков, этнографов и фольклористов Сибири, советских и зарубежных учёных.

АВТОБИОГРАФИЯ И. А. ХУДЯКОВА⁵

1866 г. апреля 8-го дня в Высочайше учреждённой в С.-Петербурге следственной комиссии домашний учитель Иван Александрович Худяков на предложенные ему по обстоятельствам дела вопросы объяснил,

---

¹ Там же, д. 157, л. 22.

² Там же, лл. 44, 53.

³ Б. Кубалов. Каракозовец И.А. Худяков в ссылке, стр. 191.

⁴ К. Дубровским. Забытый этнограф-фольклорист. «Сибирские записки», 1916, № 2, стр. 157.

⁵ ИРЛИ, ф. 163 Е.А. Ляцкого, №1059, лл. 1—7 (из показаний Следственной комиссии от 8 апреля 1866 г., стеногр. отчет, копии).

что он уроженец Тобольской губернии, города Кургана, сын штатного смотрителя училищ, родился в 1842 г., вероисповедания православного; говел в прошлом 1865 г. у церкви Андрея Первозванного, воспитывался в приходском училище г. Ишима, потом в уездном училище того же города, затем в тобольской гимназии окончил полный курс паук в 1858 г. «Родители оставались в городе Тобольске вплоть до 1862 г., а я отправился в Казанский университет, где пробыл год 1858/59 учебный курс. Жил в семействе Самойловых и Преображенских. Был всего более дружен и бывал не у товарищей, а у гг. профессоров Григоровича и В. Баренцева. Поступил, по совету проф. Ведрова, на историко-филологический факультет, бывал часто и у проф. Н. Попова, но, познакомившись с библиотеками университетскими, как рукописными, так и печатными, нашел для себя полезным перейти в Московский императорский университет. При содействии родных переехал осенью 1859 г. в Москву, где был в университете два с половиной года; занимался на историческом факультете, жил у мещан Розановых, на Зацепе, и у Шписа и Арнджа на Никитской. Всего чаще бывал у профессора Ф.И. Буслаева, Тихонравова; из студентов был знаком с Ив. Серебrenиковым (сибиряком), Лобковскими, Ракитиным, Межниновым и Гололобовым; с семействами В.И. Протасовой, княгини, и Н.И. Звенигородской (Дмитровского уезда Московской губ.), и Д.Ф. Звенигородским (Ардатовского уезда). С издателями Н. Щепкиным и О. Свешниковым, издававшими мои песни и сказки, был знаком мало. Издания песен и сказок, а также уроки у Протасовых и Звенигородских, присылка денег от родных составляли средства к жизни.

Потом, в 1862 г., в начале года, выключившись из Московского университета со второго курса, приехал в г. Казань для того, чтобы держать экзамен на кандидата, хотя в Петербург ехать было бы лучше, но я не знал, что при закрытии этого университета не прекращены экзамены на кандидата. Переехав в Казань, выдержал экзамены все, кроме греческого языка, за что и получил лист с печатью Казанского университета, с отметками по всем предметам, кроме греческого. Думая продолжать экзамены, переехал осенью 1862 г. в Петербург, где и отправился хлопотать к И.И. Срезневскому и в продолжение всего года постоянно бывал у него; познакомился также с проф. Сухомлиновым, акад. Ан. Ант. Шифнером и др. Жил в доме Воронина, на Васильевском острове, №15, где рядом жили Потанин, Ядринцев, кажется, Шашков, Наумов и Куклин.

Первый же 1862, 1863, 1864 гг. усердно посещал академическую библиотеку, так как она была тогда единственным средством для занятий. Из товарищей по гимназии нашёл Н. и М. Лобковских. Знакомство с Н. Колачевым дало возможность работать для Этнографического общества. Кроме того, изданы были мной «Великорусские сказки», в. 3, и материалы для изучения народного быта. В VI выпуске «Этнографического сборника» напечатано большое и второе издание загадок.

Мелкие работы для «Отечественных записок», в отделе иностранной библиографии, в «Модном магазине» и в редакции очерков тоже служили поддержкой; составленный мною сборник «Русская книжка» как хрестоматия для народа был предложен мной для издания О.И. Баксту. При хлопотах с корректурой и изданием, бывая у О. Бакста, познакомился с Влад. Лебедевым и сёстрами его Леониллою и Варварою Лебедевными, которые пригласили меня бывать у них и учить их русскому языку, после чего я постоянно бывал у них в семействе их матери, Варвары Васильевны Лебедевой, жившей в доме Волконского на Миллионной в доме Рохау на Мойке. По рекомендации же Владимира Лебедева имел урок у Брюлловых и по рекомендации Максимова — у г. Ермоловой. Кроме того, изданы компанией переводчиц «Рассказы о старинных людях» и «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте», изданный Е. Печаткиным, пропущенный сначала цензурой, но потом запрещённый.

Знакомство с семейством Лебедевых кончилось женитьбой в 1865 г., после чего вскоре для поправления своего здоровья и здоровья жены уезжали оба мы за границу осенью 1866 г., откуда, впрочем, я возвратился ранее жены, которая оставалась в Женеве для окончания курса пенья, так как у обоих нас была сильная надежда, что ей удастся поступить на сцену. Но болезнь, развившаяся у жены от разлуки ещё больше, крайняя нервность и раздражительность, а отчасти обещания (неразборчиво, — *Ред.*) профессора музыкального и певческого общества, что примут её на казённый счёт, заставили её вернуться скорее. Хотя, впрочем, поступление её в консерваторию не состоялось, так как условия поступления оказались неудобными.

Деньги, полученные женою при выходе замуж, пособия получаемые ею от дяди, помощь от своих родителей, хотя и незначительная, деньги, зарабатываемые мною самим — всё это позволяло мне при удобном

случае помогать нуждающимся, нередко не спрашивая даже о подробностях их нужд. По мере же знакомств и известности моей в литературном круге, конечно, могла распространяться и молва о моем простодушном характере, что могут подтвердить многие мои знакомые (из знакомых же своих, кроме вышеупомянутых, должен упомянуть о В.В. Яковлеве, П.А. Гайдебурове, Н.Д. Хвощинской (Зайончковской), Ел.В. Гололобовой, И. Ведерникове, А. Делавиной, Г.З. Елисееве, Никольских, Н. Курочкине, А. Пыпине, П. Михайлове и др. не столь близких знакомых)...

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ВЕРХОЯНСКОГО ОКРУГА

ПРЕДИСЛОВИЕ

С первых же страниц читатель увидит, что он не должен смотреть на наш труд как на что-нибудь законченное, полное и удовлетворительное... Такой труд не возможен для писателя, живущего неподвижно в городе, в котором якутское население достигает всего 50 человек, куда даже число приезжих из округа крайне ограничено... Если читатель будет иметь в виду, что автор даже ни разу не был в округе, то само собой разумеется, что он будет смотреть на наш труд только как на неполную программу для настоящего описания Верхоянского округа. Почти каждое сведение добыто нами, так сказать, с бою; рассказы и показания одних лиц сверены с показаниями других лиц; многие сведения и сообщения еще не помещены по невозможности проверить их и по другим причинам.

Сведения же наши об якутах относятся главным образом лишь к якутам Верхоянского улуса; и, конечно, собраны нами большею частью лишь при помощи обязательного содействия некоторых горожан.

Кроме того, читатель должен иметь в виду, что описание наше составлено в 1868 г. и что только немногие поправки и дополнения сделаны позднее. А между тем всеувлекающее время идёт своим чередом. Несмотря на то что наш округ отделяется от прочего мира необычайною далью, снегами и морозами, лесами и горами, всё же широкий поток европейской цивилизации проникает и сюда... Заливные струи слабы, едва заметны, но всё-таки они с каждым годом всё более и более смягчают нравы и обычаи местного населения.

Верхоянск.

Н. Н.

I. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ВЕРХОЯНСКОГО ОКРУГА

Земля основана на льду; почва её неглубока и ничего особенного не имеет: глина не показывает особенного вида, кроме обыкновенного; но в горных местах какие металлы имеются, утвердительно объяснить инородцы не могут.

Из донесения Верхоянского Окружного Правления на запрос Географического общества (в 1840-х годах).

Таковы были официальные сведения в 40-х годах, и с тех пор землеведение Верхоянского округа подвинулось так мало, что и теперь по истечении почти тридцати лет познания наши находятся почти в таком же младенчестве. В «Памятной книжке Якутской области» (за 1863 г.) означено, например, что Верхоянский округ простирается на 695 920 квадратных вёрст, т.е. занимает пространство, равное Англии и Франции, взятым вместе. Но мы должны сознаться, что познания наши об Англии и Франции гораздо точнее, подробнее и определённые, чем познания о Верхоянском округе. Чтобы судить о громадности этого округа, довольно сказать, что некоторые его наслеги^А отстоят от центра, т.е. города, на 1500 вёрст; так, например, 1-й Батулинский наслег Жиганского улуса отстоит от Верхоянска на 1630 вёрст. Впрочем, здешние якуты считают версты очень странно; иногда версты у них уж очень короткие; иногда же каких-нибудь 25 вёрст нужно ехать при хорошей оленьей езде чуть не 10 час!.. Правильного же измерения ещё не было. Землемер, посланный некогда для определения расстояния между станциями по верхоянско-колымскому тракту, измерял их *глазомерно*. Чиновник З-ин, командированный лет двадцать тому назад для геологического исследования края, объехал его *зимою*! Некоторые, посланные для собирания юридических сведений, забирали лишь лошадей... Если же принять во внимание научную бездеятельность, или, лучше, совершенную безграмотность местного населения, то будет понятен тот факт, что изучение здешнего округа во всех отношениях есть дело совершенно не начатое, так как беглые заметки о нём гг. Врангеля,^Б Аргентова,^В Хитрова^Г и «Памятной книжки Якутской области» за 1863 г. едва составляют два печатных листа, и это на пространство в 695 920 квадратных вёрст!..

Не будет ни малейшего преувеличения, если мы скажем, что география видимой части Луны изучена несравненно лучше, чем география Верхоянского округа. На Генеральной карте Восточной Сибири, изданной при Главном штабе Восточной Сибири¹ и ещё поверенной по новым сведениям за 1860 г., здешний округ очерчен столь поверхностными и общими чертами, с такими ошибками, какие невозможны на подробных картах Луны. Так, на Генеральной карте, вероятно для того, чтобы не было слишком большого белого места, обозначены по среднему течению Яны Смажанова, Богданова, Средне-Янск — местечки, которых в здешнем округе никогда не было, в настоящее время не обретается и в ближайшем будущем не предвидится. Местечко Поллек, означенное на р. Арге, тоже не существует. Местечко Мома обозначено на р. Моме, тогда как в действительности оно стоит на р. Индигирке, значительно ниже устья р. Момы. Наконец, г. Верхоянск с 1849 г. стоит на правой стороне р. Яны, а не на левой. Верхоянско-якутский тракт на 150 вёрст от Верхоянска идёт по правому берегу Яны, а потом уже по левому (зимою по реке). Река Яна,¹ составляющаяся, подобно Амуру, из двух рек — Сартана и Дулгалаха — тоже изображена неточно; тотчас за г. Верхоянском она поворачивает на восток по зашиверской дороге на 40 вёрст до местечка Чинека, откуда круто поворачивает на северо-запад и пр. Река Адыча на протяжении последних 100 вёрст к своему устью идёт прямо с востока на запад и падает в Яну выше, нежели изображено на карте. Даже сведения, опубликованные в «Памятной книжке Якутской области» за 1863 г., по уверениям местных жителей, представляют большие неточности; так, р. Омолой считают не в 600 вёрст, а в 1000; р. Хара Улах в 160, а не в 200 вёрст и т.д.

Генеральная карта представляет поверхность нашего округа столь же однообразной, как и поверхность замёрзшего океана; она не даёт никакого понятия, например, о линии предела леса, о тех разнообразных и бесчисленных озёрах, которые покрывают берега Ледовитого моря. Пропущено даже такое озеро, как Ожогинское.² Губа Буор Хайа вдаётся в материк гораздо больше, чем изображено на карте.

---

¹ Яна называется по-якутски *Дьяаны*, т.е. «каменные горы», названная так, вероятно, для отличия от других рек, имеющих не столь гористые берега; вероятно, и слово «яна» — искажённое из слова *Дьяаны*.

² Ожогинское озеро имеет в окружности 120 вёрст, выпускает р. Выксу, впадающую в Индигирку. Это озеро находится в 40 верстах к западу от мест[ечка] Ожого; замечательно своей чистой водой и обилием рыбы; окружено горами и часто бывает бурно от ветров, потому жители не отваживаются переезжать его летом; зимняя же дорога пересекает его с востока на запад на протяжении 30 вёрст. Само озеро лежит с востока-юго-

Таким образом, точное изучение верхоянских земель представляет ещё дело будущего; а между тем в ожидании правильного описания или съёмки многие местности совершенно изменяют свой вид. Так, очевидцы говорят, что в 60 верстах от Верхоянска по дулгалахской дороге (около Ёлдьё) в 1830-х годах совершенно не было заметно никакой возвышенности; небольшой холмик (в аршин высоту) показался в 40-х годах, в настоящее время он достиг будто бы уже нескольких сажен высоты и очень увеличился в объёме. Другие очевидцы рассказывают, что одна из рек, впадающих в океан, в старину проходила на протяжении 20 вёрст под сводом каменной горы; зимою, когда река покрывалась льдом, якуты и русские проезжали под этим сводом. Но уже шесть лет тому назад он был длиною в 1½ версты; а в 1867 г. свод этот совершенно разрушился, а остатки его частью смыло течением. Так, на берегах Ледовитого океана жители замечают по старому плавнику, что материк постепенно возвышается и граница океана отодвигается дальше и дальше, но правильных наблюдений над этим интересным явлением никто не делает.

Верхоянский округ мог бы доставить самые богатые материалы по геологии, если б нашлись люди для подобных исследований. Мы знаем только, что по Лене в разных местах есть залежи каменного угля, что по р. Сартану и во многих других местах находятся железные руды, что на Эндобале (в 300 верстах на юго-запад от Верхоянска) найдены медь, серебро и свинец, что берега Адычи изобилуют песком, указывающим на присутствие в них золота, что воды в некоторых местах округа имеют минеральные свойства, что по р. Табалаху все жители (даже дети) беззубые, по р. Бытантаю в местечке Алыы (180 вёрст к западу от Верхоянска) все жители плешивые, и т.п. В некоторых местах находят слюду, грифельный камень (на Мунгурдахе, в 230 верстах к Северу от Верхоянска) и пр., по р. Индигире^Е алебастр, горные краски и пр. Но собственные горы (хребты) неизвестны даже якутам; их знают удовлетворительно лишь тунгусы, которые неохотно показывают якутам горные редкости; даже иногда предприимчивым якутам грозят смертью... Поэтому между якутами ходят лишь смутные легенды о горных богатствах. Так, они рассказывают, что где-то по хребту, лежащему к западу от Верхоянска,

---

востока на северо-западо-запад. Ожогинские жители уверяют, что у берегов оно имеет около 4 сажен глубины и имеют суеверное убеждение, что оно соединяется подземными источниками с морем.

есть у тунгусов «серебряный» утёс, состоящий из «кусков» (слитков) чистого серебра. Утёс крут, и на него нельзя подняться, но тунгусы добывают серебро стреляя снизу стрелами и выбивая таким образом слитки из утёса. Или рассказывают, например, что у зашиверских ламутов есть где-то «тягучая глина» (*тардар бѳор*): «Если-де всадить трость в эту белую и жидкую, как грязь, глину (землю) и потом вытащить её обратно, то за нижним концом трости вытянется полоса этой глины (земли); ламуты-де и едят её и находят сладкой».

В здешнем округе нет ни одного горного завода; горные богатства попираются ногами двуногих и четвероногих, в то время как население часто не знает, откуда достать простой гвоздь. Плохие и ломкие топоры покупают за дорогую цену у якутских купцов; железные пешни, столь необходимые в здешних местах, составляют для местного населения предмет столь же дорогой и редкий, как в Европейской России землепахательные машины. Единственное, что достают из почвы, — это мамонтовая кость, которую находят по всему округу, но более на островах океана.¹

В некоторых местах округа в состав почвы входит также никогда не растаивающий лёд. Так, на пологих берегах Ледовитого океана приливы и ветры иногда забрасывают морские льдины вёрст за пять от обыкновенной черты берега. Иногда нерастаявшие льдины заносятся слоем земли; тогда летнее солнце, не в силах уже растопить их, и они остаются навечно под землёй. Кое-где на подобной почве выстраиваются домики, и если при жарком лете лёд несколько оттает, то домик наклоняется к югу, а иногда совершенно разрушается. Подобный лёд по-якутски называется *булуусу*, и некоторые местечки носят такое название, например, *Булуустаах*, находящееся на ледяном грунте, в 40 верстах от Момской церкви, стало быть, ещё в более тёплых местах округа. У Суруктаха, местечка в 350 верстах к югу от Верхоянска (по якутской

---

¹ Самую лучшею считается мамонтовая кость, добытая на островах и по берегам моря. Рога, добываемые при устье Лены по рекам Яне, Индигирке, Омолю, Бытантаю, Хроме, Чондону и их притокам, более низкого достоинства, хотя тоже глянцевого вида. Самого низшего достоинства рога, добываемые в каменистых местах; они коричневого цвета, с шероховатою поверхностью и тяжеловесные сравнительно с обыкновенным объёмом. Хотя в последнее десятилетие (1858—1868 гг.) цена на мамонтовую кость понизилась втрое, однако её разыскивают больше прежнего. Считают, что ежегодный прииск мамонтовой кости простирается до 2000 пудов; из первых рук она продаётся от 2 до 6 руб. [серебром]. Перевозка до Якутска Леной стоит до 2 руб. с., а сухим путём до 3 руб. с пуда. Сверх того, при перевозке сухим путём кость портится гораздо более, нежели при доставке водою; недовесу оказывается до 12%, кроме того, из лучшего сорта кость превращается в низший.

дороге), открытый лёд на протяжении шести вёрст никогда не растаивает даже летом. Так как почва во многих местах наполовину перемешана со льдом, то иногда летом после разливов в размытых водою ущельях находят целых мамонтов, сохранившихся вполне целиком; жители, случайно наткнувшись на такую находку, отрубают только рога, рубят отчасти и мёрзлое мясо мамонта и бросают его собакам, которые и едят его с аппетитом. Такие случаи были, например, на Адыче, также по Сартану, верстах в 20 южнее г. Верхоянска в 40-х годах.

Подземный лёд образуется часто вследствие трещин верхней почвы, в которые проникает летняя дождевая вода, и, наполняя свободные полости, замерзает в них навечно.

Метеорологии здешнего округа, конечно, не существует; правда, в некоторых календарях значится якобы средняя температура Усть-Янска, но этот вывод, без сомнения, основан на слишком кратковременных наблюдениях; этим делом здесь не занимался никто, кроме двух-трёх случайных проезжих. Годовая температура самого Верхоянска неизвестна, а она была бы любопытна, потому что он лежит на таком месте, где солнце не показывается с 23 ноября по 1 января (горы, окружающие горизонт, несколько удлиняют зимнюю ночь). Прибавьте к тому, что здесь очень часто видны северные сияния, а иногда и метеоры.¹ При всём желании нашем заняться местной метеорологией мы ничего не могли сделать за неимением самых необходимых инструментов. Достоверно только то, что средняя температура г. Верхоянска значительно ниже нуля, что летом переход от жара к холоду (при ветре или при наступлении ночи) очень быстр. Зимой в городе погода стоит постоянно тихая или прерываемая слабыми ветрами; лето же, наоборот, бывает весьма ветреное (особенно в 1867 и 1868 гг., когда ветра отличались значительной силой). Конечно, на тундре ветра бывают сильнее как зимой, так и летом. Зимние ветра на тундре бывают преимущественно в ноябре, декабре и январе месяцах; в феврале же и марте погода стихает.

Зимой морозы здесь бывают самые сильные, какие только возможны на земном шаре; однако здесь никто не замечал и не слышал, чтобы какая бы то ни было провизия портилась от мороза. Рассказ о такой порче

---

¹ Так, в декабре 1867 г. метеор прошел с севера на юг и на южном горизонте повернул к западу. Простому глазу он представился величиной с четверть луны. Проходил он довольно медленно, принимая разные яркие цвета.

провизии, о какой говорит знаменитый полярный путешественник Кен,^Е представляет для местного населения дело совершенно неслыханное. Что же касается заметки Кена о том, что год, проведённый в полярных странах, старит человека более, нежели пять лет, проведённых в более благоприятном климате, то это вполне подтверждают промышленники, бывавшие на островах. Впрочем, кажется, в этом случае убийственно действует не столько стужа, сколько продолжительное отсутствие солнечного света в полярную ночь. Даже здесь при наступлении первых светлых дней человек с особенным ощущением, с особенною жадностью поглощает световые лучи. В некоторых русских учебниках распространяется ложная мысль, будто бы холодные страны вследствие влияния климата населены блондинами и что лишь только в жарких странах живут брюнеты. Эта фантазия совершенно опровергается тем, что эскимосы, чукчи, наконец, якуты, даже русские здешнего округа отличаются темным цветом волос. А со временем, когда будут произведены метеорологические наблюдения и в здешних местах, полюс холодов, может быть, ещё передвинется из Якутска к Верхоянску. Это тем более вероятно, что по произведённым мною метеорологическим наблюдениям по спиртовому термометру Реомюра средняя температура января 1869 г. оказалась холоднее 40°; при неоднократных наблюдениях термометр показывал -49.5°; был даже случай -50° (см. Дополнения II).^Ж Кроме того, лето здесь гораздо короче и холоднее, нежели в Якутске, потому что тёплые южные ветра задерживаются хребтом, на котором нередко весною и летом выпадают снега, и в этом случае южный ветер бывает холоднее северного. Зимой же северный ветер не умеряет морозов, потому что, во-первых, океан отсюда далеко, во-вторых, зимою он тоже покрывается льдом.

Для учёных, интересующихся народной метеорологией, приводим здесь следующие приметы здешних якутов о погоде:

1. В снежный год северное сияние бывает большое и разноцветное, а в «хорошую» зиму (т.е. тёплую, безснежную, богатою отавой) — малое и редкое.
2. Северное сияние при пасмурной погоде, — к ясным дням, а если северное сияние будет при ясной погоде, то через два дня будет пасмурно.

3. Если после зимней ночи при первом восходе солнце взойдёт с высокою вертикальною полосою лучей,¹ то такой год будет дождливый; если же в первый раз солнце взойдёт обыкновенным диском, без отдельно выдающейся пряди лучей, то в такой год будет засуха.
4. Если Плеяды (*Үргэл*) высоко проходят над месяцем, то на этот год будет засуха, а будущий год будет хороший. Если же Плеяды пройдут немного выше месяца или просто через него, то наступающий год будет хороший и дождливый.
5. Если во время святок — «когда вы, русские, превращаетесь в дьяволов (т.е. маскируетесь)» — будет пасмурная погода, то в наступающем году будет смертность людей, потому что если святками стоит тёплое время, то духи вод в это время везде бывают и готовят для наступающего года всякое зло и скоту, и людям. Если же святками стоит чрезвычайный холод, то наступающий год будет без поветрия: духи воды тогда мёрзнут, прячутся в хотоны, во все тёплые места, мало выходят и делают мало зла; стало быть, и год будет хороший.
6. Если в новолуние серп луны представляется глазу в косвенном положении и концы серпа тупыми, то месяц будет теплей; а если серп стоячий и сверху остроконечный, то месяц простоит холодный.
7. Если солнце и месяц окружены кругом преломлённых лучей (по-якутски «домом») (*күн ый икки дьиэлэммит*) — к ненастью.
8. Если к верхней оконечности этого солнечного круга будет прилегать дуга таких же преломлённых лучей, но имеющая свой центр далее кверху, что по-якутски называется *күн туорчаба* (верхушка солнечной шапки), то, значит, непреложно будет большее ненастье.
9. Если через облака, застывшие солнце, от последнего будут заметно падать отдельные пряди лучей (*күн ииктиир*), значит, будет ненастье.
10. Если облаков много, а явления этого нет, то будет ведро: «солнце и месяц-де не сыреют».
11. Если вокруг солнца не будет «дома», т.е. круга преломленных лучей, а будет видна только «серьга» (*күн ытарҕата*), т.е. небольшая часть этого круга, лежащая на одной горизонтальной линии с солнцем, то в этом случае уже не ждут вскоре большого ненастья, а только облачных дней.

---

¹ По-якутски *оргостоох*. В своих сказках и песнях якуты величают солнце *абыс* (*үс*) *өргөстөөх*, т.е. имеющее восемь (или три) светлых лучевых прядей, или полос, что мы для краткости переводили: восьмилучистое солнце.

12. Если первый весенний гром загремит с запада, то говорят: «И людей, и скот погнало с запада на восток на святую сторону, значит, год будет хороший до первого весеннего грома в следующем году». Если же первый гром загремит с востока, то скажут: «Худой будет год, на запад погнало». Самый старший по летам ходит вокруг своего дома, приговаривая: «хопчук, хопчук»! (см. гл. XIV, 2 — Обожание природы).

13. Если весной, когда уже тает снег, долго будет дуть холодный северный ветер, то будущая зима будет хорошая. Если же ветер долго будет дуть с юга, снег скоро сведёт и настанет тепло, то, значит, будет худая, неблагоприятная зима.

14. Если при первом таянии снега около домов будет дуть южный ветер, то снег долго простоит и весна будет неблагоприятная. Если же в это время нет ветра или дует лёгонький северный ветер, то весна будет хорошая, без заморозов.

15. Если летом, когда солнце станет закатываться (в июле) и ночью после заката (на ходу или на езде) будут ударять в лицо тёплые струи воздуха, то, значит, зима будет худая, т.е. голодная. Если же будут ударять холодные струи воздуха, то зима будет хорошая, т.е. отава¹ будет хороша и скот не будет худеть.

16. Если осенью после выпадения снега долго будут стоять ясные дни, а снег всё-таки не уляжется в несколько дней, то год будет снежный. Если же снег скоро уляжется, так что заметно для глаза, то, значит, в эту зиму снегу будет мало.

17. Если снег выпадет рано, когда еще река не стала, то будет худой год.

18. Если по первому осеннему снегу выпадет дождь, то год будет худой; если же по первому павшему снегу не будет уже дождя, то год будет хороший.

19. Если близ Дмитриева дня и после него будут ходить на небе черные хорошие облака, значит, зима будет тёплая. А если до Дмитриева дня небо будет мутное, будут ходить серые мутные облака и после Дмитриева дня ударит небольшой холодок, то уже ждут холодной зимы.

20. Если весной прямо с севера выйдет густое дымчатое облако, подыметя прямо кверху и тут же пойдёт дождь, значит, лето не будет особенно дождливо. Если же эта туча подыметя один раз и опустится обратно за северный горизонт, на другой день снова подыметя ещё выше

---

¹ Отава — трава, выросшая в тот же год после покоса. — прим. OCR.

вчерашнего и снова опустится, а на третий день опять подымется и пойдёт дождь, то, значит, всё лето будет дождливое.

21. а) Если пойдёт дождь или снег и вдруг между тучами прояснится на самой вершине неба, то, значит, «приготовлено место для облаков», т.е. вскоре будет еще ненастье.

б) Если после нескольких дней холодной пасмурной погоды между сплошными облаками вдруг прояснит посреди неба с края одного горизонта до края другого, то наавтра будет жарко (летом).

22. Если после дождя будет стоять облачно день или два, то говорят: «Впитало облака в себя небо» — и вскоре уже не ждут ненастья.

23. Огонь «зеленеет» — к морозу.

24. Если выйдут отрывистые отдельные облака (*босхо былыттар*) — к грому.

25. Огонь вдруг зашумит в камине — к ветру.

26. Облака краснеют — к ветру.

27. Если гагара летит против ветра, то на Лене считают, что ветер должен стихнуть в тот же день, здесь же наоборот.

28. а) У больного человека заболит больная часть тела — к ненастью.

б) Если весна стоит ветреная, то лето будет дождливое.

29. Если мухи оживают рано, то снег не скоро сойдет.

30. Если снегири прилетят рано и вьются около дворов, то снег долго будет держаться.

31. Если ворона весною кричит, оглянувшись на запад, то снег долго не сойдёт; если же кричит, обернувшись на восток, то стает скоро.

32. Если грудная кость весенней птицы (гуся или утки) будет на свет казаться прозрачною, то лето будет сухое и ясное; если же будет прозрачна только верхняя часть, а нижняя темновата, то осень будет сухая, а весна дождливая; и наоборот, если прозрачна только нижняя часть, а верхняя темновата, то осень будет дождливая и весна сухая. Если вся грудная кость будет кровянистою, то лето наступит дождливое.

33. Если зимой на известных местах реки не бывает обыкновенной наледи (т.е. воды, выступившей поверх льда), то летом (а не весной) будет наводнение (о р. Яне). Если зимой на реке продолбят прорубь и вода подымется выше обыкновенного, то, значит, летом будет наводнение.

34. Если весною будет большая вода и подымет высоко лёд (Яны или другой реки, впадающей в океан), то, значит, весной и летом будет много рыбы, что рыба придёт (из моря) вверх по реке. Если же весной

будет мелкая вода, так только, чтобы лёд растаял, то, значит, рыбы будет мало.

35. Если следы зайцев видны в горах, в лесах, в валежнике, то на будущий год зайцев будет много; если же следы будут по речкам и близ жителей, то мало.

36. Если посреди поля или леса вдруг видят неизвестно откуда взявшийся след зверя (белки, зайца и пр.), то к обилию звериного промысла; если же след, проложенный зверем, вдруг теряется, то к уменьшению промысла, к уменьшению зверя.

37. Если зима будет без звериного промысла, а весною рано снег немножко стает сверху, опустится, замёрзнет и будет поднимать белок, лисиц, зайцев, то, значит, замороз приведет промысел. Если же зверь есть, да будет такой же замороз, то, значит, этот зверь исчезнет или прибавится. Если промысел есть, а снег сойдёт без заморозов, радость: скот никуда не уйдёт.

38. Если летом будет дуть северный ветер, то отава будет хорошая.

39. Если при начале летних холодов падёт иней, пойдёт человек по траве и обувь его окрасится зелёным травяным «жиром», то, значит, этот год сено будет «жирное» (*сыалаах*), скот будет им доволен и, пожалуй, год будет хороший. Если же на обуви будет оставаться только сырость и нога не будет окрашиваться, то год будет худой и сено нежирное.

40. Если утром во время инея сырость будет такая, как будто она вспрыснута молоком, то, значит, трава и деревья с мёдом (*от мүөттээх, мас мүөттээх*) и год будет хороший, если же белого (мёда) не будет, то год — худой.

41. Если осенью, после того как снег выпадет и отвердеет, этот снег отместить чем-нибудь или отгрести ногою от травы и корни травы окажутся зелёные и на самом основании корней лёд, то, значит, год будет хороший, а кобылы будут выкидывать мертворождённых.

42. Если осенью, после того как начнутся холода, утром до солнечного восхода посмотреть жеребёнка и вся шерсть его на конце будет покрыта белым инеем, точно вспрыснутая молоком, значит, зима будет хорошая. А если же шерсть вскочится и будет совершенно мокрая, значит, наступит худой год.

43. Если осенью скот будет ходить партиями и будет пугаться людей, значит, год будет хороший.

44. Если конское кало будет красное — голодный год; если чёрное, то хороший. Зелёный кал — к хорошей отаве; бледный без запаху — к худому, безотавному году.

45. Если осенью во время обратного полёта птица летит очень высоко, значит, зимой скоро снегу не будет, будет замороз. А если и при хорошей погоде птица, возвращаясь, полетит низко, значит, снег падёт скоро и наступит ранняя осень.

46. Если осенью пролетит очень много птицы, то, значит, на будущую весну её будет очень мало. Если же назад пролетит мало, то ждут много.

47. Если весной будут продолжительные заморозы, то головы у куропашек покраснеют рано.

48. Если весной снегирей появится много, значит, и всей птицы будет много.

49. Если весенняя птица, прилетевши, будет летать на одном месте большими стаями, то, значит, птиц будет мало плодиться. Если же, прилетевши, они будут летать попарно, по три или по четыре, значит, птицы расплодится много.

50. Если весной во время прилёта птиц будет дуть северный ветер, мешающий им лететь, то они садятся; если этот ветер будет сухой, то садятся меньше, а если сырой, то больше.

51. Гагара кричит: *хаах-хаах* (или *чарчынныар* (дрозд) *чарк-чарк, самыыр тус!* «пади, дождик!») — к дождю. Если собака ест ягоды или хватает траву, несомненно будет ненастье.

52. Спать хочется — к ненастью; на сыром молоке не настаиваются сливки — к большому ненастью.

53. Чешется поперек переносья — к ветру.

54. Лицо и глаза чешутся — к ветру.

55. Зудится над бровями или на середине щёк — к ненастью и ветру.

56. Потянет внутри живота — к ветру (запыхаться).

57. Видеть во сне рыбу — к пасмурной погоде или облакам.

58. Видеть во сне прибиль воды — к пасмурной погоде.

59. Видеть во сне убыло воды — к ясной погоде.

60. Зайца во сне видеть — к снегу.

В Зашиверске³ снега и дожди обыкновенно бывают гораздо обильнее верхоянских. Лето здесь вообще бывает по зиме (зима почти втрое длиннее лета); если зима снежная, то и лето дождливое. Впрочем, здесь

редкий год не падает снега среди лета; случалось даже, что на Верхоянском хребте 10 июня прогребали дорогу от глубокого снега лопатами. В 1868 г. в самом г. Верхоянске снег выпадал ночью 3–4 июля, днём 23 июля и 26 августа.¹ Зимой же в некоторых местах округа на горах выпадает столько снега, что он обрушивается большими массами и хотя редко, но давит людей, большей частью тунгусов, кочующих в горах; тунгусы держат в секрете эти происшествия, боясь следствий. Вообще снег составляет здесь верхний слой почвы в продолжение большей части года; зимой и дома убивают снаружи толстым слоем снега; в окна вместо стёкол вставляют толстые и большие льдины.² Зимой для защиты от тундренных пург в Русском Устье к каждому дому приделывают по двоим сеням из снега. Многие реки и речки промерзают зимой насквозь; даже в р. Яне близ города вода зимою остается только в более глубоких стоячих местах, вообще же она промерзает до дна.³ Такая громадная река, как Лена, конечно, не промерзает, но зато, после того как лёд станет, вода (близ устьев Лены) нередко сбывает на целую сажень ниже льда: то же, хотя и в меньшей степени, повторяется на устьях Индигирки и Яны. Поэтому случается иногда, что лёд не опираясь на воду, обрушается... Вследствие этих причин большое количество населения не пользуется зимою речной водой, а обыкновенно долбят лёд и тают из него воду; ламуты же чаще прибегают к снегу. На Зимовь-Эляхе в течение зимы юрты так заносит снегом, что через них ездят на собаках. Вообще снег на тундре так удавливается ветрами, что становится очень гладким, и при малейшем ветре человеку стоит большого труда удержаться на ногах.

Говорят, что некоторые приморские жители различают 36 ветров и имеют им особые названия; якуты Верхоянского улуса не знают этих названий, но пасмурность или ясность погоды они определяют очень

---

¹ Число дождливых дней в г. Верхоянске. Летом 1867 г.: мая 13, 16, 17, 20, 25, 26, 27, 28, 29; июня 3, 4, 15, 17 (гроза); июля 5 (гроза), 6, 10, 21 (самый жаркий день), 29; августа 3, 29. Снег выпал 10 сентября. Почти все эти дожди были самые непродолжительные. Летом 1868 г.: мая 27 (первый гром), 29; июня 2Дгром), 3, ночью с 3 [на] 4 (снег), 11, 23, 24, 28, 29, 30, ночью с 30 [на] 31 (гроза); июля 1, 2, 5, 6 (три удара грома), 8, 14, 18, 20, 23, 25, 28, 30; августа 2, 3, 9, 10, 18, 26 (снег); сентября 2, снег — 5, 15, 20, 21, 24, 25, 28, 29 сентября]; октября 2, 5, 14, 18, 20, 21, 28; ноября 8, 9, 14, 19. Дожди 1868 г. были несравненно обильнее 1867 г.

² Оконные льдины вырубаются из чистого льда и довольно сносно пропускают свет, но для этого их ежедневно утром нужно скоблить изнутри и чисто очищать от снега снаружи.

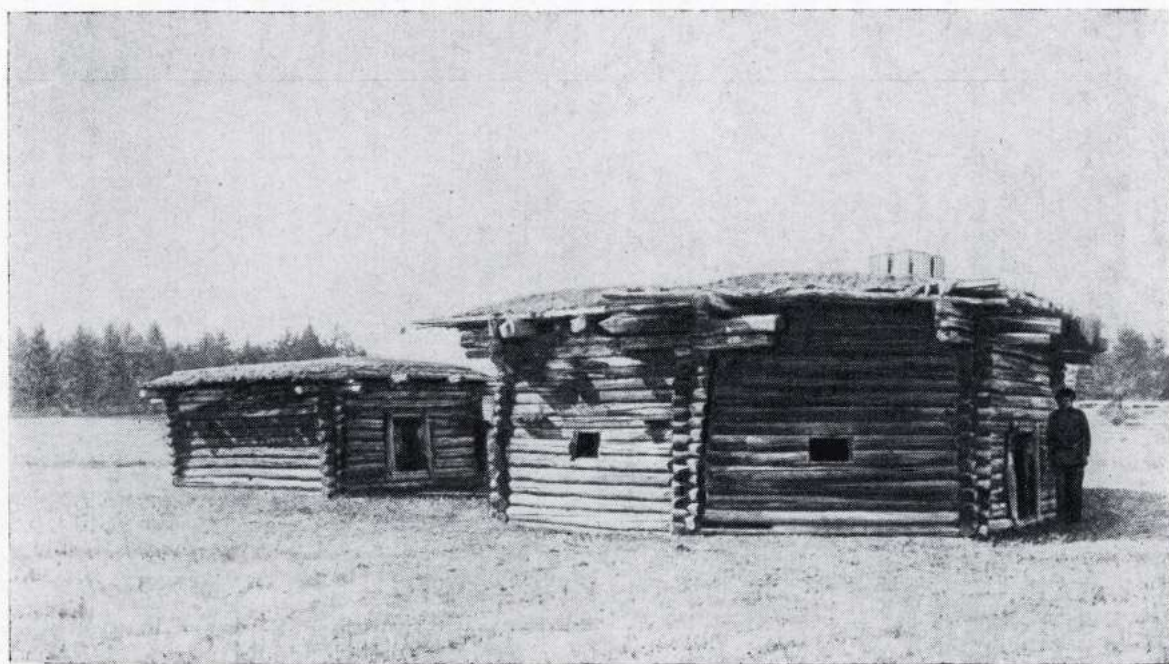
³ Яна близ г. Верхоянска становится в последних числах сентября; иногда по льду ходят 21 сентября]; в быстрых и мелких местах замерзает в начале октября. Вскрывается Яна близ города обыкновенно 12—13, самое раннее 9 мая и самое позднее 2 июня. В нынешнем (1868) году первый лёд пошёл 14—15 мая; перевоз спустили 17 мая. С 15—16 мая стали садить в огородах; но ещё в троицу деревья стояли совершенно голые.

многими словами (см. Приложение II: «Якутско-русский словарь», слово *былым*).^И Так как точки летнего и зимнего восхода солнца здесь слишком различны, то якуты в своём языке постоянно различают «летний» восход солнца от «зимнего».

Вследствие старинной привычки бродить по лесам и вследствие отсутствия в округе дорог якуты никогда не говорят, что такой-то поехал по такой-то дороге, а выражаются просто: «отправился на юг» (*согуруу барбыт*) или на запад и т.п. В якутских сказках постоянно говорится про путешествующих, что «ехали они, расстилая стоячие деревья, растаптывая намелко лежащее дерево». «И ехал он скоро: на излом наступал на мёрзлые деревья (и трещали они, точно) здоровался русский, не понимающий по-якутски; насквозь проступал сухие деревья: кричали они, точно госпожа; наступал он на мелкие деревья: оставались, крича тонким девичьим голосом; на излом наступал на пустые пни: оставались выть, (точно) волки. Задевал он за сырой тонкий тальник, и оставался он визжать по-лисиному. Задетые им травы-деревья оставались, напевая по-русски, по-якутски, говоря-молвя: „Ну-ка, на-ка!“». И ехал он таким образом один, да с весельем пятидесяти человек» (сказка «Кюн Эрили», № 2).^Й

Главную дорогу округа составляет якутско-верхоянско-колымский «тракт». Этот почтовый тракт есть не что иное, как узенькая тропинка, по которой верховая лошадь почти задевает за деревья боками, а головой должна частенько нырять под ветвями. Во время больших снегов или дождей проезд путешественника походит на похождения Робинзона Крузо. Разливы горных речек иногда так долго задерживают проезжего, что он на одном каком-нибудь берегу съедает все свои припасы, все съестные посылки, отправленные с ним; иногда ему приходится промышлять птицу, зверя или съесть собственных лошадей. Такой случай был с одним казаком и в 1868 г. Зимой дорога часто бывает так покрыта снегом, что иногда человеческому глазу невозможно отличить её от обыкновенных снегов и только опытная лошадь, нюхая снег, медленным и осторожным шагом ступает по старым не приметным следам (ступник — *олук суола*); кажется, в этом случае лошадь слышит от снега запах лошадиных экскрементов, которыми кони по обыкновению обильно покрывают свои следы. До прошлого (1867) года между Алданской станцией и Барыласом (по дороге от Якутска в Верхоянск), на про-

тяжении 400 вёрст, не было ни одного жилья; теперь при «частых» станциях жилье по тракту встречается нередко через 100 или 150 вёрст. Для зимних ночёвок путешественникам и чиновникам построены нежилые поварни. Это обыкновенно небольшой деревянный сруб без окон, с четверугольным отверстием в потолке и с низенькими дверями, в которые иногда надо входить на корточках. Среди поварни под отверстием потолка сделан очаг, на котором замёрзший путешественник немедленно разводит всеночный огонь. Поварни содержатся на счёт улусов и, несмотря на свою тесноту и дымность, были бы ещё сносны, если бы проезжие сами заботились об общей пользе. Поварни, разумеется, строятся в лесу и близ воды. Но проезжие бывают так ленивы, что считают для себя трудом нарубить дров в десяти шагах от поварни и предпочитают употреблять на это деревянные лавки и даже двери поварни!.. Таков главный здешний тракт в XIX в., веке паровых и воздушных сообщений!..

Поварня.

Из фондов Музея Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

Дорóгой, второй по своей важности для здешнего округа, служит зимний путь для сообщения между улусами; по этому пути почти ежегодно делаются путешествия, напоминающие поездки древнерусского князя Игоря и древней княгини Ольги, собиравших дань и творивших расправу: ездят исправник для сбора ясака и следствий, благочинный по делам церковным, а иногда окружный врач или, за неимением его, лекарский ученик. По этому пути в поварнях поделаны камельки, что уже

составляет значительное улучшение против очагов (в поварнях по верхоянско-якутскому тракту); к приезду исправника эти поварни ежегодно исправляются и даже приготавливаются дрова.

Хотя зима и облегчает здесь пути сообщения, заковав крепким льдом многочисленные реки, озера и болота обширного округа, однако и она представляет иногда значительные препятствия путешественникам в виде больших снегов. Тогда олени не в состоянии везти нарты, и передовой рабочий якут идёт по сугробам снега вперёд для того, чтобы «проломать» дорогу; такой убийственный труд совершает он ежедневно по 25 вёрст, и это за каких-нибудь 6 руб. в месяц. Горы, наполняющие южную и среднюю часть округа, тоже не благоприятствуют переездам; зимой при крутых спусках полозы нарты тормозят ремнём.

По всем верхоянским дорогам, конечно, нет верстовых столбов, к которым так привыкли вы, гг. европейцы. Только местами для обозначения пути расставлены крестообразные шесты или же на расстояниях сделаны заметки на деревьях (кольцеобразно снятая кора). Значительная часть зимней внутренней дороги лежит на безлесной тундре; там дорога обозначена очень маленькими вехами из трёх прутиков и моха. Эти последние вехи ставятся ежегодно, но первая пурга ломает их или заносит снегом. Потому в ясную ночь ямщики ездят, узнавая дорогу по звёздам; а во время пурги, когда ничего не видно в двух шагах, направление узнают по «застругам», т.е. по снегу, нанесённому около пней и расположенному обыкновенно в одну сторону.

Расстояния поварен и ночлегов двух главных путей, по якутскому счету, сообщены нами ниже (см. Дополнение I). Но, кроме обозначенных там, летом (и отчасти зимой) существуют ещё кое-где таёжные пути, по которым, впрочем, мало кто ездит: 1) с Эндобала до устья р. Алдана; 2) из Верхоянска в Жиганск: через р. Бытантай, Верхоянский хребет (на 440 вёрст нет жилья), по р. Мёнгкёрё, впадающей в Лену, и по Лене (на 150 вёрст одно жилье); 3) из Верхоянска в Усть-Янск по прямому направлению (летней дороги прямо на Булун нет); 4) из Момы в Охотск через вершину р. Колымы; 5) от Момы прямо на р. Алдан через Оймякон.

Несмотря на множество больших рек, округ чрезвычайно мало пользуется ими даже для сплавов. В округе нет ни одного парохода; и только по Лене ходит несколько каюков и павозков. Только несколько лет тому назад, и то близ города, стали сплавлять по р. Яне лес, срубая его вёрст за 40, 60–100 выше Верхоянска. С 1867 г. стали сплавлять с Дулгалаха в

Верхоянск же кирпичи, но не на барках, а на обыкновенных лесных плотах. На других реках и этого нет; даже при устьях на тундре довольствуются тем, что ловят плавник, принесённый рекою. Так делают в Русском Устье, Усть-Янске и других местах. На устьях Лены из цельных тополей, принесённых рекою, выдалбливают ветки (лодочки), очень поворотливые и быстрые.¹ Плавнику вообще несёт довольно много, потому что здешние горные реки и речки текут большею частью лесистой местностью и прибывают не только весной, но и при всяком значительном дожде. Некоторые реки прибывают так быстро, что человек, стоящий на берегу (в некоторых местах по р. Адыче), при внезапной прибыли воды может спастись от неё лишь бегством на деревья.² На тундре, почти сплошь покрытой речками и озёрами, промышленники переезжают эти бесчисленные воды в легоньких ветках (весом от ½ до 1 пуда); хозяин держит при этом в зубах повод своей верховой лошади или оленя, плывущего сзади. Причалив к берегу, он привязывает веточку к хвосту лошади, садится верхом и едет: лошадь так легко тащит его ветку по ровному и гладкому моху.

Вследствие множества пресных вод, падающих в Ледовитый океан, морская вода близ берегов материка не очень солона и промышленники нередко пьют её. Морские приливы бывают особенно сильны весной и в пологих местах заливают берег вёрст на 10; эти приливы тоже приносят с собой плавник, которым и пользуются прибрежные жители. По рассказам их, западный ветер на берегах океана бывает реже других и прилив при этом ветре всегда бывает гораздо больше обыкновенного (в 1½ или 2 раза); притом он всегда предшествует ветру и упадает перед тем, как ему стихнуть. Северо-западный и западный ветра считаются всегда благоприятными для рыбной ловли близ устьев рек; и восточный, и северный совершенно угоняют рыбу.

---

¹ У Булуна плавник не ловят, потому что течением его быстро проносит мимо; жители рубят лишь плохонький лесок, находящийся близ селения.

² Хотя весной при вскрытии рек вода в здешних реках и прибывает (например, в Яне, Бытантае, Лене, Анабаре), но весной обыкновенно не выходит из берегов и не затопляет полей, а заливается по ручьям в озёра, которые и наполняет водою и рыбою; эту последнюю жители и вылавливают круглый год (разве за исключением самых морозных и темных дней) довольно усердно. Только р. Адыча выходила из берегов весной 1856 и 1861 гг. Зато в июне и в июле месяцах все эти реки нередко разливаются от дождей и заливают поля. Так, реки Яна и Дулгалах топили в 1852 г. 11, 14, 27 июля и 7 августа; в 1856 г. 11 июля; в 1868 г. с 26 июля по 6 августа. Река Борулах разливалась в начале июля 1852 г. и в июне 1864 г. Река Бытаптай хотя и наводняется от дождей, но не выходит из берегов, а только препятствует переправе, так как ни мостов, ни лодок, ни плотов на ней не имеется, и путник волей-неволей ждёт, пока она сбудет настолько, чтобы можно было пуститься вброд. Некоторые жители объясняют, что разлив здешних рек происходит лишь в жаркое лето, когда дуют южные и тёплые ветра, которые растаивают в горах все снега и наледи, не тающие иногда по целым годам.

Хотя Верхоянский округ прилегает к океану, хотя береговая его линия лежит на пространстве более 2000 вёрст, но тем не менее в нём нет ни одного корабля, ни одной шлюпки, даже ни одного матроса!.. Если жители здешнего округа и бывают на островах океана, то они ездят туда только по льду за собиранием мамонтовой кости. Промышленники отправляются на острова ранней весной, когда ветра стихают и дни становятся значительными. Возвращаются с островов не ранее декабря: хотя лёд на океане и становится в начале октября и даже иногда в конце сентября, но только с декабря и января месяцев он становится совершенно безопасным, т.е. не разламывается от морских бурь.

Впрочем, эти поездки не всегда обходятся промышленникам даром. В 1839 г. пять рабочих, отправившихся за костью на о. Новую Сибирь, сложили там свои собственные кости. Следствие по этому делу стоило больших трудов и расходов; найден был только один труп, и якутский суд решил, наконец, в ноябре 1841 г. «предать дело воле божьей, пока оно само собой объяснится». С тех пор промышленники редко посещают Новую Сибирь, а потому о-ва Котельничий и Фадеев им известны гораздо лучше.¹

---

¹ По рассказам промышленников, на о. Фадееве есть большое озеро, лёд которого не растаивает и летом. Вообще этот остров не имеет гор и считается холодным. Между Фадеевым и Котельничим есть песчаный перешеек, по которому они [промышленники] ходят с одного острова на другой.

На Котельном (*Улахан Солуурдаах*) озера есть, но маленькие. Из рек его называют: Чукотская, Чертова, *Ураһалаах* («с землянкой»), Друной, *Ыраахтаагы үрэгэ* («царская река»), в которой водятся сельди и промышленники летом ловят её сетями, Глубокая, *Балыктаах* («рыбная»). Все эти реки берут начало с середины острова, откуда распространяются горные хребты. Между последними промышленники называют *Малахадьын тааһа* — восточный, *Егор ыстаанын тааһа* («гора егоровых штанов») — западный; *Станчик тааһа* — южный. На краю Котельного к Фадееву хребет Драгоценный, а ещё восточнее — *Мохсогол төрөөбүтэ*, («сокол родился»). Вообще о. Котельный, по словам промышленников, гораздо более о. Новой Сибири.

Кроме этих островов, они знают еще Столбовой, Большую и Малую Гавришку. На Гавришке мамонтовую кость находят только на берегах, когда пески размывает приливом и наступит отлив. На Котельном кость находят как по морским берегам, так и во внутренности острова. На Новой Сибири, по рассказам, мамонтов много, как дров, и есть много сохранившихся с кожей и шерстью, и шерсть-де эта походит на шерсть коровьего хвоста. Однако по отдалённости и опасности пути на Новую Сибирь ездят очень редко.

Промышленники выезжают на острова обыкновенной партией от 12 до 20 человек; каждый должен быть снабжён топором, копьём, котлом, сверлом и заступом. Для распознавания направления руководствуются маленькими компасами; переезд совершают от 40–50 дней. Туманы, как бы ни были густы, не останавливают их дорогой, но ветра задерживают иногда дён до четырёх: когда едут на острова — восточный ветер, когда возвращаются на материк — западный. Во время этих ветров они останавливаются, раскинув кожаные ламутские юрты, и варят пищу захваченными с собою дровами. Каждый седок имеет обыкновенно по 12 собак. Отправляющиеся с Быковского мыса берут на дорогу для себя: 1 кирпич чаю, 10 фунтов сухарей, 1 пуд юкалы, 1.5 пуда затурану (муки на рыбьем жире); для собак: 3 пуда юкалы и 360 хачемазов (рыбьего мяса с костями, оставшегося при отделении юкалы). На лето для себя: 10 пудов юкалы, 6 пудов муки, 3 пуда рыбьего жира, 2 кирпича чая, полпуда сухарей, 2 фунта табаку, 1 фунт порошу со свинцом. На 12 собак: 150 хачимазов и 3 пуда юкалы. Из дюжины собак половину на островах убивают и в случае голодовки ими же кормят остальных собак.

Всем известно, что на этих островах нет постоянных жителей, но промышленники выстроили для себя кое-где «станы», или поварни, в которых и живут. Если летом, когда птица линяет, промышленник встретит на острове стаю казарок (от 100 до 300 штук), то он сгоняет их в реку и потом гонит вниз по течению к своей поварне или погребу; казарки плывут послушно, потому что не имеют силы лететь в сторону. Если расстояние велико и промышленнику приходится на пути ночевать несколько раз, то для каждого ночлега он убивает по несколько штук; остальные казарки отплывают лишь на несколько десятков сажен и тоже ночуют. На другой день промышленник гонит их дальше, пока дойдёт до поварни.

Таковы почтовые, торговые и промышленные пути нашего округа!..

Я не берусь решать вопрос о здоровости или вредности климата Верхоянского округа, столь разнообразного местностями. Замечу только, что в самом южном, самом богатом улусе округа (в Верхоянском) население увеличивается весьма медленно; за 1868 г. умерших считают 38 чел., родившихся 40; всего прибыли 2 человека на население в 5500 чел., что составляет только $\frac{2}{55}$ одного процента. Прирост весьма малый, особенно если принять во внимание, что с инородцев не берётся рекрутов. Здешний климат не помешал быстрому и повсеместному распространению сифилиса, разлучающего супругов, разрушающего семьи, делающего свою жертву отверженцем общества, вследствие чего почти никто из якутов по доброй воле не обнаруживает свою болезнь до последней крайности, и обращаются к пособию уже совершенно разрушенные ядом; поэтому и каждый побывавший в больнице считается как бы прокажённым. Катаррально-ревматические горячки не редкость. В ноябре 1867 г. эта болезнь была распространена по всему округу, причём нередко умирали дети и старики. Усть-Янский улус, один из самых малонаселённых (1200 чел. жителей), доносил, что за 12 месяцев (1867/68 г.) в нём померло 120 человек. Кроме простудных болезней, особенно распространённых на безлесных и ветреных тундрах, где ещё при воспалении нередко употребляют мёрзлую сырую рыбу (строганину), здесь вместе со снегом появляется так называемая «снежная болезнь» глаз, от которой кое-как защищаются, надевая на глаза волосяные сетки или металлические окуляры с чрезвычайно тонко прорезанными отверстиями.

Но всего опаснее снег на тундре; пурги бывают там так часты и продолжительны, что жители закупориваются в юртах, окружённые по целым неделям жестоким завыванием ветра и ослепляющей метелицей. В такие времена пути сообщений прекращаются; житель не только не видится с соседом, но и совсем не выходит из юрты (дрова уже всегда запасены заранее). Случалось, что некоторые, выходя в это время за несколько шагов, замерзали вблизи собственного жилья по невозможности отыскать его. Горе путнику, захваченному среди снежной степи! Каждое местечко на тундре имеет свой список погибших, иные пропадают бесследно, иных находят привязанными друг к другу; усть-янского крестьянина Фёдора Русского нашли замёрзшего и объеденного собаками (лет 8 тому назад) и пр. и пр.

Зато не страшат нас жестокие грозы, ужасающие землетрясения,¹ подземные удары и пушечные выстрелы. На пространстве всего нашего округа нет ни одной пушки, даже ни одного штуцера; и если сказать правду, мы нередко нуждаемся в порохе для защиты от хищных зверей.

II. РАСТИТЕЛЬНОСТЬ, ЖИВОТНЫЕ, ПИЩА

Якутские названия разных пород трав и ягод сообщены нами в якутском словаре (см. *от* и *отон*).^A

Хлебопашества не существует на протяжении всего Верхоянского округа, хотя в некоторых местах оно и возможно. Пробный посев на Моме был очень удачен; но никто из тамошних русских не захотел заняться этим важным делом, а для здешних инородцев оно совершенно неизвестно. Также очень удобным местом для хлебопашества считают Сыхыыбаха — место, лежащее на 150 вёрст южнее г. Верхоянска (по якутской дороге). В самом Верхоянске пробовали однажды посеять овёс, и хотя он уродился, но на другой год уже не сеяли. В 1859 г. якут 1-го Юсальского наслега^B Христофор Старостин приобрёл фунтов десять ячменных семян и посеял в старом скотском загоне. Урожай оказался превосходный; колосья с семенами были представлены в Петербургское экономическое общество, откуда и выслали Старостину по-

---

¹ По рассказам жителей, землетрясение, хотя редкое и едва ощутительное, было замечено как в Верхоянске, так и на Булуне. В Русском Устье оно бывает чаще, но все-таки очень слабое. Грозы по берегам океана чаще, нежели около г. Верхоянска.

хвальный лист. Однако, так как жатва была съедена без остатка, а тщеславие было удовлетворено, впредь ячменя уже не сеяли. Всю потребляемую муку местное население получает из казённых магазинов, которых всех в округе семь. В самом г. Верхоянске в настоящее время цена на хлеб очень вздорожала, и потому его теперь почти совсем не покупают, так что ему грозит опасность залежаться в магазине, испортиться и, может быть, пострадать от мышей.

Что касается огородничества, то оно хотя и в ничтожных размерах, но существует в г. Верхоянске и на Моме. В Колымском округе огородничество существует только в Верхне-Колымске, где овощи вырастают хорошо; на Моме сеют картофель, капусту, репу, морковь, редьку. Кроме суровости климата, врагами огородничества являются в Верхоянске многочисленные овражки, а на Моме бурундуки. Русские стараются защищать свои овощи от этих врагов плотными частоколами; но отчасти вследствие этого самые размеры огородов бывают крайне незначительны (грядок по десяти в огороде). Иногородцы совершенно не занимаются огородничеством. В 1864 г. в 1-м Юсальском наслеге посеяли было репу и свёклу, и они уродились хорошо, но хозяева съели всю жатву и на будущий год нечем было посеять. Путешественники и купцы должны бы обратить внимание на это обстоятельство и привозом семян поддерживать энергию столь не предприимчивого населения.

Из диких растений русское и якутское население употребляет в пищу ягоды (смородину, кислицу, морошку и некоторые другие); корни: сардану^В и приготовленный из нее дьук, макаршу (*мэккээһин*), употребляемую как лекарство против поноса. Сардана — довольно сладкий корень, и потому её роют ежегодно в значительном количестве;¹ в продолжение целого года она служит лакомством, заменяя для местного населения русские пряники, которые привозятся сюда лишь в самом ограниченном количестве и за дорогую цену приобретаются лишь самыми аристократическими домами. Русское население собирает также грибы — грузди, масленники и пр.; но якуты вообще всех грибов не едят. Гриб составляет главную пищу здешних белок, которые на зиму делают из

---

¹ Лучшая сардана растёт по р. Адыче и по речке *Мань*^Г (впадающей в р. Яну с восточной стороны, в 20 верстах к югу от Верхоянска). Высушенную истолчённую сардану продают от 80 коп. до 1 руб. серебром. за пуд; её употребляют в пищу, мешая с мукой половина на половину. На Дулгалахе растёт ещё полевой лук, который якуты кладут себе в уху, а иногда привозят и в город. Корня аадыл (*ынагыһын*),^Д растущего в Якутском округе и употребляемого там приправою к бутугасу, здесь не растёт, и поэтому он здешним якутам почти неизвестен.

них под своими гнёздами большие запасы, и лучшее лакомство для оленей и коров, которые нередко убегают с своего пастбища за несколько вёрст в ту сторону, где водятся грибы. Одна порода грибов по-якутски называется *ынах сиир кунааба* («гриб, который ест корова»). О русских якуты говорят, что «они любят грибы, как корова» (*ынах курдук кунаабымсах*).

Население, существующее почти исключительно конным и рогатым скотом, конечно, очень дорожит урожаем трав. Для этого в некоторых местностях, например, около города и в 1-м Юсальском наслеге, жители, предвидя засуху на покосах, стараются проводить на них воду из ближайших рек или речек. В 1868 г. после многих годов засухи Верхоянск обрадовался разлитию Яны (с 28 июля по 2 августа), подобно тому как в древности египтяне ликовали при разлитии Нила!¹

Дорожа сеном, местное население старается выкашивать его даже с озёр и болот; для этого ждут первых морозов и, когда вода покроется льдом, оставив понаруже верхушки озёрных трав, начинается «кошение по льду» (*хадыйы*),^Е для чего употребляются особые железные инструменты.

Олений корм существует во всех сторонах округа, и потому олени держатся в очень многих местах. По берегам Ледовитого моря, заливаемым морским приливом, растёт густая трава около 6 вершков вышины, известная у местного населения под именем боруобы,^Ж она очень любима тамошними оленями, которые едят олений мох только мокрый (во время ненастья). Рассказывают, что приморские лошади тоже любят боруобу и что, стоя на боруобе, изнурённая лошадь отъедается в восемь дней. Есть ещё трава из породы хвощей, называемая здесь «чыыбага»; она растёт в Верхоянском улусе по р. Туостаху, а в Эльгецком по Бёрёляху. Эта трава считается самым лучшим зимним кормом для лошадей и оленей; она не блекнет зимой, и лошади отъедаются на ней преимущественно в сентябре и в октябре месяцах. В самые холодные зимние месяцы эта низенькая трава сыплется и не даётся хорошенько животному: летом же скот её не ест, потому что она очень жирна и производит поносы.

---

¹ За большим наводнением года на четыре бывает повсеместный урожай сена. Так, в 1853/54 г. сена было заготовлено столько, что цена за пуд понизилась до 1½ коп.; напротив, во время засух цена на сено подымалась от 35 коп. сер. до 1 руб. сер. за пуд. Если в одних наслеге сено не уродилось, а в других оно есть, то якуты одного наслеге со своим скотом переселяются в другой наслег. Так, осенью 1868 г. кангаласцы переселились в Батагайский и в 1-й Байдунский наслег, 4-й Юсальский^Е — во 2-й Байдунский и пр.

На тундре, где нет морского плавника, каминны топят мелким кустарником (*марха*), который растёт, расстилаясь по земле, всего около четверти¹ в вышину. Морской плавник состоит из ели, лиственницы (*харыйа, бэс мас, кырыы*). Впрочем, его составляют не одни деревья и льдины. В 1866 г. приморские жители выловили целую бочку с мукой, попавшую, вероятно, с разбитого корабля. Бочка эта была необыкновенно крепка, и наружность её показывала, что она мужественно выдержала все испытания воды, льдов и скал Ледовитого океана. Теперь эта бочка распиlena надвое; часть её, с надписью на дне «Flour», привезена исправником в Верхоянск и употребляется вместо корыта для стирки высокоблагородного белья.

На большей части тундры местами встречаются горы, покрытые сотней или менее лиственниц, в основании довольно толстых и потом вдруг делающихся тонкими; эти деревья не высоки, но крепки. Такие горные оазисы отстоят друг от друга вёрст на 50–100. Впрочем, рассказывают, что за Булуном есть столь безлесные места, что будто бы одна погонная оленья палка в 4½ аршина длины продаётся там за три песца.

За исключением тундры, почти весь округ сплошь покрыт лесом. Главный лес составляют лиственница и тальник, местами ель; в немногих местах очень низенькая берёза. Жители пользуются этим лесом как строительным материалом и топливом, а древесная мезга зимой почти всеми инородцами употребляется в пищу.

В Верхоянском улусе лучший лес находится на северном берегу р. Эчий, впадающей в р. Дулгалах (35 верстах от Дулгалахской церкви). Тут под защитой северных каменных гор растёт строевой лес, не толстый, но достигающий до 8–10 сажен длины. По Сартану и Дулгалаху растут лиственница и тополь, и кора последнего крошится для куренья с черкасским табаком.

Но и здесь, где природа при всех своих усилиях не может произвести даже веников, леса истребляются самым нерасчётливым образом. Мы не говорим уже о том, что валежник не подбирается, лес не расчищается, что на дрова выбираются лучшие деревья. В 1869 г. за неаккуратной доставкой казённого пороха некоторые якуты стреляли белок стрелами с железным наконечником, и если стрела вонзалась в вершину дерева, то

---

¹ Четверть (она же пядь) — мера длины, ¼ аршина, 4 вершка, ≈18 см. В повседневной жизни — расстояние между растопыренными мизинцем и большим пальцем руки. — прим. OCR.

для того, чтобы достать её, срубали лесину; иной охотник таким образом в сутки срубал до 20 деревьев. Для нас страшны лишь те частые и опустошительные лесные пожары, которым не ведётся статистики и которые продолжаются иногда по целым годам. Они происходят очень часто, главным образом от 1) неосторожности ночующих в поле путников и промышленников и 2) от известного обычая пускать палы. Таких пожаров не только никто не тушит, но и никто не останавливает (за исключением проливного дождя), и потому в сухую погоду лесные пожары бывают так громадны, что около самого Верхоянска на расстоянии нескольких десятков вёрст всё небо покрывается дымом, в воздухе распространяется угар и вместо солнца на небе едва заметен какой-то пунцовый таз (что и было неоднократно в 1868 г.). Нередко пожар тлеет в почве по целым годам, не потухая даже под напором полярного снега и стужи. Иногда путешественник незаметно может провалиться в горящее подземелье, благопристойно закрытое сверху пеплом; самое лёгкое, если он обожжёт себе одни ноги. Особенно сильны были пожары вёснами 1837, 1840, 1864 гг., свирепствовавшие по рекам Адыче, Бытаптаю, Борулаху до впадения их в Яну на треугольнике, простиравшемся в длину с юга к северу вёрст на 400, а в поперечнике от 20 до 500 вёрст; в это время многие лесные звери даже сгорали. Вообще старики считают, что против 1830 г. леса округа уменьшились более чем наполовину, даже на $\frac{2}{3}$. Нечего говорить о губительном влиянии лесных пожаров; нередко они поджигают оленью отаву (а олений корм не скоро вырастает на погорелых местах), покосы, даже всё скошенное сено¹ и, истребляя леса, лишают зверя его единственного убежища, распугивают его и открывают простор пронзительным зимним ветрам. Наконец, эти пожары прогоняют и лесную птицу (тальниковую куропатку и пр.).

Куропатка составляет одну из самых многочисленных² птиц здешнего округа и зимует здесь вместе с глухарём (тетерей).³

По рассказу очевидца, жители Зашиверска ставили петли даже в полуразрушившейся местной церкви, и куропаток попадало множество в 1865 г.

---

¹ Такой случай был, например, в 1866 г. в одной местности по р. Бытаптаю.

² Многочисленность куропашек и зайцев вошла у якутов в пословицу, у них есть даже выражение об изобилии: «Подобно тому как подает господь зайцев и куропашек окнами и трубами» (*Түннүгүнэн-үөлэнинэн куобаҕы, хабдьыны кэбиэн биэрэрин курдук*). Якутский язык различает четыре породы куропашек: *хаакырыар* (горная), *талах хабдьыта* (тальниковая, крупная), *үөт хабдьыта* (мелкая), *һэлики*. Заяц (*куобах*) носит следующие названия: *табыскаан*, *ускаан*, *дьүөлэкээн*, *ботокуй*, *хотоннох* (маленькая порода). Заячий помет (в виде порошка) некоторые курят здесь вместо табаку.

Домашних птиц вообще в округе нет; только в самом Верхоянске держат куриц, числом всего около 80, т.е. по одной курице на два городских жителя. Несколько куриц (5–6) держат также на Булуне и Сиктяхе. В самом Верхоянске курицами так дорожат, что их почти никогда не бывает в продаже. Всякий состоятельный держит их лишь про себя. Куриные яйца в Верхоянске считаются самым дорогим, лакомым и редким кушаньем. Якуты едят лишь яйца диких птиц: куропаток, уток, гусей, чаек и пр. Замечательно, что в Средне-Колымске совсем нет куриц.

Перелётным птицам¹ хорошо известна география здешнего округа, и они прилетают сюда ежегодно с юга; по р. Индигирке всегда в большем количестве, чем по Яне.

На Моме первоначально прилетают снегири^И — около 25 марта, гуси-гуменники (крупные) — 23 апреля, утки-казарки^Й к 9 мая, лебеди, петушки, мелкая птица — к 22 мая, стерхи — в последних числах мая. Журавлей совершенно не бывает (в Верхоянске бывают, но редко). Птица обыкновенно пролетает далее, и только часть её располагается по озёрам; линяет с петрова дня, а к ильину уже вся подымается. Обратное начинают лететь с 1 сентября; всех раньше — утки, петушки и мелкая птица. С 5-го или иногда с 10-го числа — казарки и гуси-гуменники, лебеди и стерхи — в последних числах сентября. Птица совершает свои перелёты правильно, или, как здесь выражаются, «свое время не пропускает».² Верхоянские жители говорят, что если птица на обратном пути летит высоко, то осень простоит долго без снега. В нынешнем (1868) году эта примета не оправдалась.

Птицы очень много водится по р. Бытантаю, по р. Голой,^К и по берегам океана. На устье Голой ежегодно добывают более 13 000 штук гусей (на каждого пайщика от 73 до 300 штук). По рассказам якутов, гуси на р. Голой чрезвычайно пугливы относительно оленей; на чистой тундре они замечают оленя за двадцать вёрст, и поэтому-де олени пастухи нередко портят гусиный промысел, разгоняя гусей своими оленями.

---

¹ Утка, маленький, только что выведшийся птенец, называется по-якутски *чуубулаан*; как скоро у птенца подрастает пух — *киис саныйах*; когда начнут расти перья — *хатыы түөс*. *Кунньалык кус* — маленькая нежная утка. Гусей различают три породы: *хонор* — гуменник (самый большой); *лыглы хаас* — казарка, гусь средней величины, *хара хаас*, *мэнээк* — малый гусь.

² В Верхоянске снегири показываются обыкновенно около 25 марта, гуси и утки — около 23 апреля; в 1867 г. они показались 7 мая, в 1868 г. — 1–6 мая, утки — 6–7 мая, 8 мая, испугавшись холоду, полетели, было, назад. Обратное птица начинает лететь обыкновенно с 15 сентября; в 1868 г. с 1 сентября. На Эбелях орлы постоянно прилетают на 25 марта.

С северной стороны с Ледовитого моря прилетают на материк немки (черные гуси) и куропатки (около Русского Устья).

На острова океана, причисляющиеся к здешнему округу птица часто прилетает с Азиатского материка, частью же с полярной земли, край которой, по рассказам промышленников, будто бы в ясную погоду заметен простым глазом с пяти островов; таковы многочисленные турпаны (с мешочком на клюве), прилетающие весною на острова Котельный и Новую Сибирь с севера и осенью улетающие на север.

По рассказам промышленников, на о. Большом Котельном (*Улахан Солуурдах*) зимует порода каменных уток (*таас куһа*) (небольшая, чёрная, с длинным острым клювом, с белыми оконечностями перьев); она питается красным налётом на камнях (горах); вкус её отличается ржавчиной. Кроме северных турпанов, летом на Котельный прилетают с Азиатского материка утки-савки в бесчисленном множестве; очень много гагар и чаек; соколы и род гусей «горынка» (черные с белой ошейной) бывают, но редко.

Промысел птицы составляет одно из главных средств к пропитанию человека на островах и на тундре. Гусей и уток там не только стреляют из ружей и из луков (стрелами), но и ловят «мережами», вязанными из конопля, но чаще нёвода. Мережа эта бывает шириною около 3 сажень, длиною от 4 до 5 и вышиною в сажень. Она становится у самой «лайды» (мелкого озера); затем лётную птицу сгоняют с воды целою стаей в мережу, и она набивается в неё так, что садится друг на друга, иногда ряда в три, отчего из нижних многие пропадают. Тут же около лайды делаются погреба — небольшие ямы с маленьким отверстием наверху; в одну яму кладётся от 30, 50 до 100 гусей; очень большая яма — 200 гусей (около Русского Устья). При этом каждый промышленник имеет свою особенную яму; наполнив её гусями, он закрывает её сверху землёй и ставит сверху свою вежу; но медведи нередко роняют эти знамёна собственности, а песцы разрывают самые ямы и поедают птицу. Если в почве есть лёд, то ямы выходят настоящими холодными погребами; если же яма вырыта в почве, не имеющей льду, то сохраняется свежей только та птица, которая лежит около стен, а находящаяся в середине нередко гниёт: жители сами не добывают соли и птицы не солят.

Конечно, промысел птицы несколько разнится, смотря по местности. Так, на Моме куропашек ловят петлями и пастями (дощечками); в последние попадает по пяти, а иногда и по осьми куропаток за один раз. В Верхоянске же их ловят только петлями.

Если некоторые речки здешнего округа названы по птицам, например, *Хоптолоох* («с чайками», «чаешная»), то ещё чаще встречаются речки Волчьи, Медвежьи (*Бөрөлөөх, Эбэлээх*). горы Чубукалаах («с дикими баранами») и т.п.

На краю леса близ тундры до сих пор водится много волков, и они поедают значительное число домашних оленей (так, в начале 1868 г. около Булуна волки съели 60 домашних оленей и потом исчезли неизвестно куда). Они поедают также или разгоняют нередко оленей, выпущенных на отаву путешественниками. По р. Бытантаю волки иногда разгоняют и съедают конный скот. Якуты рассказывают, что хороший жеребец защищает свой табун от двух и даже трёх волков.

Иногда случается, что волк нападает на жеребца с хвоста, и если хвост очень широкий и густой, то волк запутывается в нём, а жеребец пользуется этим мгновением и убивает его задними ногами. Если зимою волк заест лошадь, то он наедается иногда так, что не может идти; тогда хозяин-якут обвязывает шею своей верховой лошади в трёх местах тремя волосами конской гривы и отправляется в погоню за волком. Якуты уверены, что если не обвязать таким образом шею лошади, то волк выблует конское мясо и, облегчив желудок, уйдёт от погони. Случаев, чтобы здешние волки нападали на людей, совершенно не слышно. Для истребления волков жители бросают помёты, т.е. отравы из чилибухи и иногда сулемы, но волки как-то обходят эту приманку. В Жиганском улусе отравы против волков не ставят; становятся лишь самострелы, на которые нередко попадают свои же домашние олени. На тундре осенью, когда промышленники выезжают за песцами, собаки чуют издали волка и тащат прямо на него нарту; волк в это время бывает так жирен, что не может встать, и его убивают топором.

Бурые медведи, хотя и воруют рыбу из погребов (например, на Булуне), едят её, но самих хозяев не беспокоят, а хозяева в свою очередь иногда как будто боятся их бить. Медведей вообще немного и, встретившись случайно с человеком, здешний медведь иногда пугается и бежит в сторону. Иногда же, в очень редких случаях, бросается и на человека, когда последний безоружен. Один очевидец рассказывал ещё нам, что

однажды самка медведица с двумя пестунами (детьми), увидав вооружённых людей, не убежала, а остановилась на некотором расстоянии и с любопытством всматривалась в них; даже уходя прочь, останавливалась несколько раз, чтобы получше удовлетворить своей любознательности. Медведей, встретясь, убивают пулями; иногда закалывают в берлоге, иногда ловят пастью, которая устраивается вроде навеса, состоящего из девяти брёвен; для приманки медведя под неё кладут конскую голову, намазанную конской кровью, а также и кусок сухого мяса. Белый медведь, выходя на сушу, иногда забирается в сени человеческого жилища и там начинает битву с собаками, которые хотя при помощи людей и остаются победителями, но теряют из своего числа несколько убитых и раненых (например, в зимнюю ночь на Быковском мысу). Встретясь с белым медведем на тундре, хозяева обыкновенно пускают на него своих ездовых собак; они развлекают неповоротливого медведя до тех пор, пока хозяин не заколет его ножом или копьём, насаженным на очень длинное древко. Впрочем, изредка бывают случаи, когда и белые медведи съедают людей.

На Котельный, по рассказам промышленников, белые медведи выходят с северной стороны, и годом их бывает очень много; зимой на боках медведя льду намерзает пальца на четыре. Белый медведь составляет иногда дорогую находку для путешествующих по льдам океана. Однажды восемь человек работников, бывших на Новой Сибири, вздумали на двух нартах переехать с этого острова на о. Фадеев, на расстояние 50 вёрст. Это было в конце ноября, и лёд казался им совершенно надёжным; однако во время переезда поднялась буря и разломала лёд. Целых двенадцать суток носило рабочих по водам; они должны были перебираться со льдины на льдину; съестные припасы их вышли, и они померли бы с голоду, если бы случайно не встретили задремавшего белого медведя и не убили его.

Ныне вследствие распространения православия якуты стали реже есть медвежье мясо, но в Русском Устье едят.

Сохатого преследуют собаками осенью и весной, когда он проваливается через наст (верхний слой снега). Ныне число сохатых очень уменьшилось; однако они ещё водятся в Эгинском наслеге, по рекам Сартану, Моме, по берегам океана. Мясо сохатого употребляется в пищу во многих местах; туземцам особенно нравятся носовые части. Из шкур самцов сохатых делают ремни, а из шкур самок шьют торбаса.

Лисица, которой в якутских сказках часто придаётся эпитет «умной» (*кэрсиз саһыл*), водится также и на тундре, но там шерсть её некрасива, курчава и желта. Если весной, поставивши около норы морду, поймают маленьких лисенят, то здешние якуты не убивают их, а выкармливают на дворе в особом продолговатом, сложенном из тонких брёвен ящике (сайба); кормят рыбой, молоком, мясом евражек. А осенью около Дмитрова дня, когда лисица (красная или черно-бурая) подрастает, её казнят через повешание. Если лисенят поймано несколько, то хотя они садятся в одну сайбу, но по разным отделениям, для того чтобы не заедали друг друга; земля крыта во всех отделениях бревенчатым полом, иначе лисята быстро выкапывают себе подземный выход. Пищу им дают в корыте, выдвигающемся сбоку.

Белый песец водится в значительном количестве как на тундре, так и на островах океана (например, Котельном); в этих же местах водятся голубые песцы, хотя последних весьма мало. Песцов очень много «вышло из моря» в 1864 г., и, по рассказам, в этом году они поедали друг друга во множестве. Это явление, впрочем, замечают нередко; и если песец попадает в пасть, то другие — в случае голода — приходят и поедают его, оставляя промышленнику одну голову. Песцы, кроме того, нередко подвергаются сумасшествию и в этом случае сами прибегают в сени туземцев.

Некогда в Жиганском улусе водилось очень много соболей, и он до сих пор обложен собольим ясаком, но ныне соболей там почти не встречается, а вместо них появились песцы. Соболи изредка встречаются по р. Омолую, но главным образом водятся по р. Индигирке, и довольно высокого сорта. Черные звери Эльгецкого улуса вообще считаются лучше верхоянских. Белки промышляются исключительно в Эльгецком и Верхоянском улусах; на тундрах и приморских местах нет ни одной. Летяг в Верхоянском улусе много; но их почти не промышляют за неумением выделять мех.

Число зверей, упромышленных во всём округе, по статистическим сведениям Верхоянского окружного полицейского управления за 1867 и 1868 гг., следующие: бурых лисиц 1, сиводушек 32–38, красных лисиц — 311–313, белок — 4386–22560, горностаев — 4787–4445, волков — 10–7, медведей — 8–5, лосей — 17–12, песцов — 559–541, зайцев — 9350–10640, кабарги — 81–65, диких баранов — 96–113, диких оленей — 435–159.

Конечно, эти цифры ниже действительных. По частным сведениям, промысел белок, лисиц, горностаев и зайцев особенно был изобилен в 1846 и 1847 гг. и в 1852–1861 гг. Зайцев с 1856 до 1860 г. ежегодно добывалось в одном Верхоянском улусе до 120 000 штук, в сентябре 1859 г. цена на заячьи шкуры в г. Верхоянске понизилась от одной копейки до полкопейки, а в 1865 г. в том же улусе вместо 120 000 было добыто не более 200 штук, и цена за шкуру поднялась до 15 коп. серебром. Осенью 1868 г. снова понизилась до 4 коп. Убыль промышленного зверя с 1860 по 1865 г. старожилы считают такою:

	1860 г.	1865 г.
Черно-бурых	до 20	до 6
Сиводушек	» 200	» 100
Красных лисиц.....	» 4000	» 1500
Белок	» 100000	» 40000
Горностаев	» 30000	» 20000
Зайцев	» 100000	» 10000
Песцов.....	» 20000	» 5000

Зайцев постоянно много добывается только на Моме; в Верхоянском улусе и в других местах округа они появляются лишь годами.

Последней осенью (1868 г.) зверя вообще было очень много, но недостаток пороха, вышедшего давно из казённого магазина и недоставленного вовремя из Якутска, много повредил промышленникам, тем более что взнос ясака всё-таки оставался для них обязателен, да и промысел составляет существенную часть пропитания (*бултуу-астыы барбыт*); якутское выражение «много зверя съел» равносильно «много зверя упромыслил». То же самое повторилось осенью 1869 г., когда жители принуждены были употреблять вместо дробы мелкие камешки или даже обратиться к старинным лукам со стрелами, но отвычка от стрельбы из лука не позволила удачно воспользоваться и этим старинным изобретением. Птица и звери тотчас поняли, что им нет теперь особенной опасности от людей, дикие утки преспокойно стаями садились на городских озерах как бы в насмешку охотникам.

Дикие олени водятся во всех краях округа; их много также на островах, и особенно на Фадеевском. Промышленники, посещающие острова, бьют этих оленей, но численность их от этого не уменьшается, и они часто переходят с островов по льду на материк и притом в большем количестве; некоторые экземпляры замечательно крупной породы. Якуты

говорят, что прежде и на Уяндине выходило из моря много оленей, да «люди-де там содрали с живого оленя кожу и пустили его: тогда олени уж и перестали туда выходить».¹ Рассказывают, что в некоторых местах по р. Хара Улаху дикие олени до сих пор ходят столь большими стадами, что становятся полными обладателями некоторых местностей; численность придаёт им смелость так, что они даже иногда затаптывают людей. Обыкновенно же дикие олени очень пугливы и если видят след человека или ручного скота, то не только никогда не пойдут по этому следу, но боятся даже перейти его поперёк.

Впрочем, на Моме, где ламуты отпускают в горы домашние олени стада, дикие самцы и самки приходят к ним и совокупляются. Этим случаем ламуты пользуются, чтобы убивать диких; они убеждены, что приплод неубитого дикого самца непременно на втором году убежит в горы. Если же он убит, то потомство его остаётся с домашними оленями, хотя и отличается от них некоторой диковатостью. Промышляют диких оленей разными способами. Если стадо ходит вблизи небольшого озера, то его спугивают. Олени в испуге большей частью бросаются в воду; тогда промышленники (человек десятков) садятся в ветки, обгоняют оленей со всех сторон, сгоняют в кучу и перекалывают всё стадо (стада диких оленей в настоящее время бывают небольшие, от 15 до 20 оленей), при этом колют оленей настолько, чтобы они помирали около берега или на берегу.²

В местах, где диких оленей много и они сами предпринимают переправу с острова на остров или с одного берега реки на другой (на устьях Лены), жители пользуются этим случаем, настигают их и перекалывают значительное число. В этом случае олени плывут вереницей один за другим, и опытный охотник закалывает штук до 30 в день. Ветка так легка, что взволнованная вода очень быстро увлекает её за собою вслед за оленями, и охотник сначала колет одного, потом другого, третьего и т.д. Проколотый олень отстаёт от товарищей и даёт охотнику возможность догонять следующего и т.д.

На сухих местах для промысла оленей делают обширные загороди (вёрст на 10) с отверстиями для прохода; в эти-то проходы и ставят самострелы («луки»), вооружённые стрелою с железным наконечником.

---

¹ Некоторые рассказывают, что и птица уменьшилась вследствие того, что люди выщипывали пух и перья живым уткам и пускали их в таком виде.

² Осенью 1868 г. много диких оленей заколото было в Туманском наслеге [л](#) Жиганского улуса.

По-якутски такая загородь называется *тонуу* и *ын*. Стадо оленей никогда не перепрыгивает загородь и идёт в дверь, где верёвка сдёргивает курок самострела: стрела попадает оленю прямо в сердце (в бок) и убивает его на месте. Очень редкие промышленники ставят самострелы так, чтобы стрела попадала и в живот.

Ламуты искуснее якутов в промысле диких оленей; для этого они приспособляют учёного оленя (*манчыык*), который обыкновенно ценится за два или за три домашних оленя. Приготавливается он к своей профессии обыкновенно около года, обучаясь на тундре или на открытом месте. Вся наука состоит в привычке ходить на длинной и чрезвычайно тонкой верёвке из гладкосвитого ровдужного ремня в линию толщины и чёрного цвета; по-ламутски эта верёвка называется *ильчыча*, по-якутски *манчыык быата*, по которой хозяин издала, сажень за сто, даёт «учёному» разные приказания: идти, остановиться, рыть копытом землю, поворотить направо или лево и пр. С таким-то учёным оленем хозяин разыскивает следы какого-нибудь стада диких оленей и по следу мчится во весь опор, старается догнать. Завидевши вдали стадо, хозяин пускает на верёвке учёного оленя, и он разгуливает где-нибудь на одном месте в виду диких. Дикие сначала пугаются его, но потом присматриваются и, видя, что это свой брат олень, подходят к нему (может быть, из нежного участия), желают присоединить одинокого к своему обществу. В это-то время ламут-хозяин метким выстрелом поражает одного из диких. Но хотя ламуты вообще отличные стрелки и необыкновенно быстро заряжают свои винтовки, всё же очень редкие из них успевают убить двух или трёх диких оленей прежде, чем всё стадо умчится за расстояние выстрела.

Иногда хозяин и учёные олени держатся иной системы. На большие рога «учёного» надевается аркан (по-якутски *маамык*); с гордым сознанием своей учёности несёт он на голове свою петлю, подбегает к дикому, тычет его и вызывает на драку; дикий отвечает на вызов со свойственной ему живостью. Тогда «учёный» запутывает ему рога арканом и затем угрюмо упирается в снег ногами и рогами до тех пор, пока не прибежит хозяин и не возьмёт дикаря живьём (удивительное животное, точно человек!..). Попавшегося не отдадут в верховую или санную каторжную работу: он немедленно приносится в жертву хозяйскому аппетиту.

Не только дикие, но даже и домашние олени очень пугливы; они боятся, например, лошадей и особенно коров. Корова, встретившись в первый раз с домашним оленем, останавливается и из любопытства подходит к нему поближе; олень же тотчас бросается в сторону. Всё же дикий олень несравненно пугливее домашнего; в поле легко отличить первого от последнего: дикий всегда держит голову, откинув рога назад, и озирается с беспокойством; только весной в марте месяце дикий олень делается как будто бы храбрее. Его не пугает даже топот лошадей; и стадо оленей по несколько раз выбегает, чтобы посмотреть издали на проезжих. Олени очень проворно бегают по лесам и при этом так лавируют головой, что почти никогда не задевают рогами за деревья. Однако в лесистых местностях якуты всё-таки отпиливают рога домашним оленям.

Дикие благодаря необузданности своих нравов нередко ссорятся между собою и бодутся рогами; этой национальной привычки держатся и домашние; в том и другом случае страдают больше всего олени глаза. Если же один глаз повреждён, то рог, находящийся на этой стороне, всегда меньше и суше обыкновенного и резко отличается от другого здорового рога. Неудивительно, что ламут по рогу узнает, что олень лишён глаза.

Рога оленей спадают каждой весной. У важенок (самок) — после родов. Вместо твёрдых старых рогов вырастают новые мягкие. Ламуты любят есть мягкие рога, срезывая их с живого оленя. Неумелые делают эту операцию столь плохо, что олень исходит кровью и умирает; по большей части кровь сама запекается и рана заживает.

Вопреки печатным заявлениям «Географического вестника» дикие олени бывают иногда гораздо крупнее домашних, иногда даже на целую четверть. Такие случаи бывали, например, и на Моме.

Как у диких, так и у ручных оленей впереди стада всегда ходит самец-вожак (у важенок — самка). Если вожак домашних оленей заупрямится, то стоит большого труда пригнать стадо. Пригнанных оленей для окончательной поимки загоняют в *сиэги*, ремень натянутый вместо изгороди. Олени никогда не перепрыгивают *сиэги*, тогда как деревянную изгородь, будь она гораздо выше *сиэги*, перепрыгивают постоянно.

Передовой олень в нарте называется *ньюогуһут* (пристяжной по-якутски — *хос*). Обучая оленя, употребляют две вожжи, а на обыкновенной езде употребляют одну (*ньюогу*), а не две, как сказано в «Географическом вестнике» (1857, кн. III, стр. 120). Пара оленей везёт не 16 пудов, а

только 7–8 и редко 10. На тундре олени с кладью проходят в сутки не 20 вёрст, а от 50 до 85. Для отдыха оленей делаются остановки вёрст через 15, каждый раз минут на 5. Осенью, когда олени жирны, днёвки бывают редко; весною же, на обратном пути, олени идут очень тихо, с частыми и продолжительными днёвками. В лесных и горных местах один проводник с трудом ведёт четыре нарты оленей, а на лёгкой тундренной дороге одному легко вести 7–10 нарт. На тундре ездят по две или по несколько нарт рядом; тогда олени бегут взапуски, очень скоро... По рекам Омолою и Уяндине якуты впрягают в нарту по одному оленю (вместо двух).

На зимней езде от оленей подымается такой пар, что ездоку трудно узнать, все ли нарты едут за ним. Приедут на поварню и нередко окажется, что двух или трёх нарт нет; тогда ямщики отправляются обратно разыскивать их. Каждую ночь олени выпускаются на отаву, и утром на розыски их теряется часа два, что много составляет при таких коротких днях, какие бывают здесь зимою. Через снег в аршин глубины олени отлично распознают по запаху, есть ли под ним олений корм, и никогда не станут разгребать снег там, где нет этого корма.

Вопреки показанию г. Аргентова уверяют, что булунские и жиганские олени самые маленькие, а индигирские с восточной стороны больше их. Домашние олени на Моме и Булуне крепче усть-янских. Впрочем, крепость оленя, кажется, зависит от того, как рано его начинают впрягать.¹ Усть-янские и булунские олени страдают рвотою и нередко сухоткою мозга, от которой и пропадают.

Как ламуты, так и тунгусы предпочитают ездить на оленях верхом; при этом нужна большая ловкость, чтобы не свалиться. Хороший верховой олень дорого ценится и всегда бывает самец. Верховом на оленях ездят и мужчины, и женщины; для этого кладут над самыми лопатками оленя седло особого устройства, весьма неловкое для сидения. Без седла олени не могут уйти и половины того расстояния, которое проходят осёдланные; кроме того, неумелые, садясь без седла, часто переламывают (наджабливают) оленю спину.

Домашние олени очень любят человеческую мочу; они также очень жадны к соли, и если на парте лежит мешочек или сумка с солью, то

---

¹ Ламуты важенку называют *неамычан*, а молодого оленя и пыжика — *ынаах* (по-якутски *тугут*). Оленя начинают впрягать обыкновенно на одиннадцатом месяце.

олени выжидают ночи, прибегают с отавы, прокусывают или пролизывают мешок и съедают соль. Они также очень любят солёную рыбу и иногда солёное мясо. Когда олени пристанут, их кормят якутским или русским маслом с солью.

При скорой езде олени учащённо дышат, и благодаря зимней стуже у них мёрзнет язык. Если олень очень пристанет и упадёт на езде, то ему вытягивают рукою язык, дуют в задний проход дудочкой, кормят юколой (сушёной рыбой) и пускают на отаву. Если олень простоит на отаве дня два, то он совершенно поправляется и везёт, как свежий. Если же он пробудет на отаве только один день, то при новой езде на другой день он пристаёт часом раньше и т.д.; наконец, может пасть. Впрочем, зимою хороший олень не пристаёт, а падает вдруг; весной же вперёд за несколько дней узнают, что олень падёт.

Падеж оленей, к сожалению, не составляет редкости; так, в 1868 г. в Верхоянском улусе падало немало оленей, а в 1865 г. на Хара Улахе падеж был столь силен, что из 1200 оленей в четверы сутки осталось только 36.

Сверх всех этих бед, олени много терпят от жестокого обращения с ними людей; ездоки колотят их до того, что обламывают по две или по три палки; иногда привязывают и бьют по чему ни попало, хоть бы и по глазам. Жиганские якуты во время езды так сильно ударяют палкою оленя по голове, что тот делается от боли сумасшедшим, бросается скакать без ума, без памяти или же кружится на одном месте. Один проезжий казак так ударил оленя палкой, что отколол ему полголовы... Петербургское общество человеколюбивого обращения с животными долго ещё не откроет в Верхоянске своего отделения.

А между тем олень по справедливости может назваться другом человека, поселившегося в такие холодные места! Олени доставляют мех, мясо, рабочую силу, крепкие нитки (из жил), шкуру — и всё это даром, не требуя для себя крова или сена даже зимой. Оленьё молоко в жидком виде употребляется как пища и в мёрзлом как лакомство. Тунгусы и ламуты едят мягкие оленьи рога, глаза вместо лакомства, содержание желудка и даже червей, зарождающихся на коже от укуса овода. И лыжи свои ламуты обивают мехом оленьих голени (камусов, на которых шерсть бывает короткая, жёсткая и гладкая). Эти лыжи отличаются особенной быстротой и удобством при спуске и подъёме на горы; в них ходят не сгибая колен и опираясь на лёгкую палку, на конце которой

приделан деревянный кружок или решётка, чтобы посох не вязнул в снег.

Коровы здесь также подвержены частым падежам и болезням. Этот рогатый скот вообще довольно слабой породы, потому что лето здесь короткое, а зимой его кормят плохо. Корова зрелого возраста за зиму так тощает и обессиливается, что при наступлении весны она не в состоянии двигаться с места и её силой вытаскивают из хотона (хлева); двухгодовалых телок выносят даже на руках к свежей траве. При такой слабости этого скота якуты очень заботятся о коровах при приближении их родов: тут корову вводят в хотон или даже в юрту и ожидают наступления потуг. Едва покажется головка и передние ноги телёнка, как хозяева ухватывают за эти ноги (или обвязывают) и вытаскивают будущую скотину. Без такого повивального пособия здешние коровы не разрешаются; по объяснению якутов, коровы более нуждаются в акушерстве, чем женщины. Кобылам помогают так же, но реже.

Зимой, выпуская дойных коров из хотона на чистый воздух, их одевают в «коровьи штаны» (*ынах сыальльата*), т.е. надевают на вымя мешок, завязывающийся на спине коровы, для предохранения от мороза; тогда как кони, не укрываемые в хотонах и не покрываемые попонами, должны выдерживать дни и ночи под морозами в 40–50 градусов Реомюра. Летом телятам, для того чтобы они не сосали коров, надевают на голову деревянные нарыльники, позволяющие им только щипать траву. Кроме того, коровьи сосцы обмазывают коровьим калом, так что даже телёнок, разбивший свой нарыльник, вследствие отвращения к калу не может пользоваться материнским молоком. Если хозяева одной коровы убьют её, что здесь производится на открытом месте, то на месте бойни в продолжение долгого времени коровы других хозяев обществом приходят и, обнюхивая место, мычат особенным образом, или, по выражению обывателей, «плачут». Или если повесят шкуру только что убитой коровы, то другие по несколько штук зараз приходят к этой шкуре, обнюхивают её и хрюкают точно таким же образом.

Быки зимой и летом возят на дровнях дрова, сено и лес.

Домашних быков здесь иногда приучают к «скрадыванию» дикой птицы. Для этого быка выпускают в поле, где он оглядывается по сторонам и, увидев птиц, идёт на них. По дороге он останавливается на минуту, роет копытом землю и будто бы ест. Таким образом бык подходит

к стае птиц 25–30-саженное расстояние и окончательно останавливается. Тогда хозяин, скрытый от птиц быком, кладёт на спину быку винтовку и убивает по несколько штук гусей (или уток) и пр. (на Чинэкэ). У якутов есть жестокий обычай вздевать быку в нос тальниковое кольцо и водить за него вместо узды. Якутская загадка говорит: «Господин человек имеет имуществом *одно* кольцо?» (Тальниковое кольцо в ноздрях быка). Бык и лошадь считаются максимумом рабочей силы. «Наделаем грехов (столько), что лошадь не подымет и бык не свезёт», — говорит якутская поговорка.

Если бык слишком беспокоит корову своей физической похотью, то под хвост ей привязывают лоскут, чем и предохраняют от излишней страстности быка.

Обычай холостить жеребцов и быков здесь в большом употреблении и нередко кончается смертью животного.

Национальный домашний скот у якутов составляли и составляют кони и кобылы. Для конного скота сена здесь почти не запасают, а овёс неизвестен даже по имени. В жестокую стужу лошади стоят под открытым небом и добывают себе пищу на отаве, разрывая снег копытами. Только в случае самых глубоких снегов (что бывает редко) лошадь проваливается в сугробе и не может достать травы. Поэтому снежные зимы бывают тяжелы для населения: глубокие снега с 1861 на 1862 г. разорили многих жителей; зима 1867/68 г. была тяжела.

Вольный конный скот, пасущийся всю зиму на отаве, перегоняют с одного места на другое, по горам и речкам; причём несколько голов погибает от непредусмотрительности. Если отава худа, то скот худеет до крайней степени, и тогда его кормят сеном; если же и сена мало, то бывает повальный падеж. Бывает с конями ещё другая беда: от падающего с деревьев куржаку, от снегов вся шерсть лошади нередко покрывается сплошной массой и, подмокая с одной стороны от животной теплоты, а с другой замерзая от мороза, заковывается, наконец, сплошным льдом. Таковую лошадь называют *бууһурбут* («обледенелая»); если хозяева найдут обледенелую лошадь, то счищают лёд железной скребалкой и отводят в ближайшую юрту, где и оттаивают. Если же не успеют усмотреть, то лошадь, заледеневшая так, что не может нагнуть шеи и достать себе из-под снега отавы, лишается движения и умирает мучительною голодной смертью.

Лошадей здесь не запрягают ни в телеги, ни в сани (за ничтожными исключениями); зиму и лето на них ездят верхом; кладь возится вьюком. Лошадей никогда не подковывают; летом, когда дорога грязна, копыта мякнут и, ежеминутно ступая из лужи на камень и обратно, раскрошиваются и отпадают. В этом случае лошадь обезноживается, и если путники не расположены съесть её сами, то оставляют на съедение хищным животным. Вьючные купеческие лошади, делающие ежегодно огромные переходы по округу, обнаруживают очень хорошую память. Передовые лошади играют иногда роль проводников; на очень длинном пути они помнят все броды, и если по ошибке их направляют не тем местом, куда следует, то они не слушаются, а отыскивают настоящий брод и проходят знакомым местом.

Зараза скота постоянно существует в округе так, что от неё ежегодно из сотни падает от четырёх до пяти штук. По устным преданиям, самый сильный мор на скота был около 1770 г. В этот год реки Яна, Дулгалах, Адыча и Борулах разлились необыкновенно сильно в начале сентября месяца и разливом воды снесло все накошенные сена; места с отавами были залиты водой, которая покрылась льдом уже около 14 сентября. Вследствие недостатка корма зараза так усилилась, что на сотни конного скота едва оставалось от 2 до 12 штук. У тогдашнего старосты 1-го Юсальского рода из сорока табунов осталась только одна соловая лошадь. После мора скота наступила ужасная голодовка, потому что запасного хлеба в то время не было; лица голодных приняли темно-оливковый цвет, отчего якуты и прозвали этот год *харыа сырай* («загрязненное лицо») (см. гл. XII. Конный и рогатый скот).

К числу домашних животных принадлежит, конечно, и собака: дворовая, промышленная (т.е. охотническая) и ездовая.

Дворовая собака ценится почти ни за что; она держится только для того, чтобы подбирать около дома кости и содержать дом в надлежащей чистоте. Другое дело охотничья (или промышленная собака). Охотничьими собаками пользуются главным образом летом, когда они разыскивают линных уток, ловят их и даже стаскивают в одну кучу по нескольку штук. «Промышленная собака умнее всех якутских скотин», — говорят якуты. Хозяин любит её больше своего семейства, уверен в ней, что она спасёт его от смерти, не выдаст его страшному зверю. Такую собаку не бьют и не колотят, дома она спит неразлучно с хозяином, в ногах

на его кровати. Если промышленник ночует в лесу, то точно так же кладёт её на оленину к себе в ноги. Если зимой во время странствований за зверем наступят большие морозы, то хозяин кладёт свою промышленную собаку в суму, оставляя наружу одну голову, и везёт её на своей верховой лошади. Если убьёт сохатого или оленя, собаке непременно дают по части потрохов, жира и мяса. Если же ей дадут на долю только худые куски или совершенно не дадут доли, то ночью собака встаёт и съедает хорошие куски воровски, а остатки зарывает в снег. Если же ей дают долю от хороших частей, то она уже не поступает «по-собачьему». Если хозяин, объездив промышленные места, возвращается домой непромышленными местами, то охотничья собака отделяется и прибегает к дому раньше его. Если хозяин везёт промысел, то она подбегает прямо к дверям юрты и царапается. Дверь отворяют, и она, вошедши в юрту, прыгает, ласкаясь, бросается лапами ко всем домашним. Если же хозяин ничего не добыл, то, прибежав домой, собака не скребётся в двери, а скромно ложится около дома. Кто-нибудь из домашних, выйдя из юрты, увидит её, лежащую на дворе, расскажет своим, и подумают: «Верно, они ничего не упростили». Если хозяин помрёт, то после его смерти промышленная собака целый год тоскует, ходит на могилу, воеет, роется... Хорошую промышленную собаку продают иногда по 30 руб. серебром; среднюю — рублей по 15 серебром, самую плохую — по 5 руб. ассигнациями. На сохатого один промышленник не ходит с одной собакой, а с двумя или тремя.

Ездовых собак держат главным образом в самых северных местах близ моря, где они составляют почти исключительный домашний скот; и житель тундры, встречаясь со своим соседом, всегда осведомляется о здоровье его собак. Из Ожогина и Русского Устья ездовых собак продают в Средне-Колымск, где собаки нередко падают от голодовок и повальных болезней, а из Средне-Колымска перепродают ещё на Анадырь (по 10–12 руб. серебром за собаку).

Самая ценная из собак, разумеется, передовая. Она указывает другим дорогу, а хозяин управляет ею, покрикивая: *та́дах* («направо»), *таа* («налево»). Если во время езды упряжный ремень оборвётся и хозяин останется с нартой среди тундры, упряжные собаки умчатся без оглядки, то «умная» передовая собака обыкновенно возвращает их всех обратно. Встречая домашнего оленя, собаки прямо бегут на него и за-

едают. Однако и в этом случае умная передовая собака бросается в сторону и тем спасает оленя от беды. Бывают ещё «лающие» собаки (*үрүгэн ыт*), которые во время езды вдруг залают и бросятся несколько в сторону, тогда и все другие собаки бросаются со всех ног; этот манёвр повторяется для того, чтоб собаки везли скорее.

Ездовые собаки (на тундре их держат во множестве) находят удовольствие в собственном пении и зараз воют разными голосами и на разные тоны. Во время упряжи они поднимают ужасный вой, а хозяева, запрягая, приходят в азарт и торопятся так, что разливают кушанье, рвут и ломают собственный скарб. Если один азартный попутчик уедет с ночёвки не позавтракавши, то и другие бросают завтрак и торопятся не отстать. Вечером снова начинается бесконечный спор: кто кого перегонит...

Во время зимней темноты и пурги, когда самые привычные олени не могут попасть на юрту, усталые путники в отчаянии решаются ночевать под открытой вьюгой в каких-нибудь нескольких десятках шагах от жилища, чуткие собаки уже слышат приезжих и поднимают лай; отчаяние путников заменяется решимостью, и они добираются, наконец, до ночлега. Зимой на тундре собаки помещаются обыкновенно в сенях, первых от входа (вторые, третьи и даже четвертые сени наполняются запасами дров или хранят в своих амбарчиках мёрзлую рыбу); собаки лежат тут скорчившись, съёжившись, наполовину занесённые снегом, пробивающимся через щели и через полуоткрытую дверь. Так как собачья квартира служит для хозяев ретирадой, то собаки мгновенно пожирают появляющиеся человеческие экскременты и, таким образом, поддерживают несколько чистоту сеней. Этой-то жадностью собак к человеческому калу якутки пользуются иногда самым оригинальным образом: они подставляют запачкавшегося ребёнка обнажённым сидищем к собаке, и та вылизывает его до вожаденной чистоты. Корм ездовых собак на тундре составляют кости рыб, употреблённых на приготовление юколы и хаху, иногда и целая рыба или же мясо упромышленных песцов и лисиц.

По статистическому отчёту Верхоянского полицейского управления за 1867 г., численность домашнего скота показана:

	В городе	В округе	Всего
Лошадей	118	6225	6343
Рогатого скота (коров)	97	612	709
Овец простых.....	3	—	3
Оленей	82	20249	20331
Собак ездовых.....	2	1766	1768
Всего	302	28852	29154

Овец ныне не существует: они принесены в жертву (необыкновенному) именинному пирогу.

Эти цифры, составленные на основании донесений инородных управ, надо считать гораздо ниже настоящих. По частным сведениям, в одном Дулгалахском наслеге имеется более 700 голов рогатого скота, а в одном Верхоянском улусе всех наслегов 12. Оленей в одном Эльгецком улусе полагают до 40 000 штук.

Вообще скот распределён по улусам следующим образом. В Верхоянском улусе главным образом держат конный и рогатый скот, оленей мало; в городе их стали держать лишь за последние десять лет. В Эльгецком конного скота на треть более против рогатого, оленей много, например, у трёх (братьев) эльгецких богачей (ламутов) имеется до 9000 оленей. В Жиганском и Устьинском улусах вместе оленей полагают до 5000, конного скота в них мало, коров почти совсем нет (всего до 20 штук). В этих улусах (а также и на Русском Устье) есть люди во всю свою жизнь ни разу не видавшие коров и при первой встрече пугающиеся коровы, точно медведя. Тунгусы дивятся, как это можно садиться на такое огромное (в сравнении с оленем) животное, как лошадь!.. Число ездовых собак, которых так много по берегам океана, трудно определить даже приблизительно. Сверх того, численность скота вообще подвержена постоянным колебаниям вследствие частых скотских падежей, которым подвергаются иногда не только домашние, но и дикие животные. Так, в 1858 г. в Усть-Янском улусе пропадали не только ручные олени и собаки, но и волки, полевые мыши; падали даже дикие утки, гуси, лебеди. Относительно собак жители стараются предупреждать заразу, убивая ту, которая заболит.

Хозяйство обуславливает пищу населения, и читатель составил уже о ней некоторое понятие. Но ко всему упомянутому мы должны ещё прибавить рыбный промысел, который на устьях рек составляет главное пропитание жителей, хотя рыболовные снаряды и плохи. Приморские

жители не ловят нерп, которыми покрыты заливы. Они не умеют, как взяться за дело, да и боятся выезжать в море по воде.

На Быковском мысе, одном из самых рыбных мест округа, жители не промысляют сельдей и даже не считают их рыбою; если в сети попадётся какая-нибудь неизвестная им морская рыба, то они бросают её обратно в воду. Рыба там впрок не заготавливается, потому что у жителей соль не введена в употребление. Оттого весной большие запасы рыбы (вместе с гусиным и оленьим мясом) портятся; быковские погребов не устраивают, хотя их булунские соседи уже завели. В промышленный год на Быковском мысу проезжим дают рыбу даром, по 25 пудов на нарту; в обыкновенный год пуд отличной свежей рыбы продаётся по 20 коп. серебром. В худой год, когда рыбы мало, для сокращения расхода убивают собак.

Быковские жители, отужинавши и помолившись богу, тотчас ложатся спать; тогда кто-нибудь соскакивает, тащит мёрзлую сырую рыбу, строгаёт её и даёт всем по одному широкому и толстому ломтю. Эти ломти, или стружки, едят уже лёжа под одеялами; такая закуска называется у них «прохлаждением сердца» (*сүрэх сойутар*). Вообще на тундре так свыкаются с рыбой, что все остальные роды съестного уже не считаются пищей.

На Быковском рыбная ловля производится в одиночку, т.е. каждая семья ловит для себя; оттого за осмотром сетей проходит большая часть времени, а на другие занятия остаётся мало, например, для того чтобы осмотреть ловушки песцов. На Лене около Булуна летом рыбу ловят артелями. Во время рыболовства как хозяева, так и их собаки едят рыбу, не жалея, «в своё удовольствие», а делёж происходит осенью. При каждом неводе бывает четверо мужчин и несколько женщин (восемь, которые помогают мужчинам наводить и, кроме того, тут же на берегу сортируют и солят рыбу). В хороший год каждый невод¹ даёт на осенний раздел 250 пудов, в худой — по 60 пудов. Среди зимы совсем не ловят. Если летом изловят стерлядей, то их не кладут в погреба, а спускают в небольшие озёра, притом каждый хозяин счётом и со своими метками,

---

¹ Рыба, изловленная осенью, называется тяжною (*тардыы балыга*). Летняя рыба, оставленная на зиму, зимой называется *бөгүрүөл* («погребная»). Если *бөгүрүөл* сильно попортится, тогда его называют *аргыс*. Невод делится на столбы (по-якутски, *остолбо*), каждый длиною в 15 сажень; в каждом неводе по восьми столбов. Невода приготавливаются из тальникового лыка, которое сперва сдирают, варят в горячей воде, потом вынимают и чешут железной чесалкой. Говорят, что одна искусная женщина может в один день ссучить 120 сажень невода. Один столб в 15 сажень стоит 1 р. 50 к. с. При бережливом обращении один и тот же невод служит четыре года.

надрезывая на крылышках или хвосте; в этих озерках они сохраняются, пока их снова не выловят и не употребят (исключительно) на строга-нину,

В рыбных местах рыба доставляет не только главную пищу, но также и освещение (жирники на тундре); в прочих местах население довольствуется зимой главным образом светом камина; свечей якуты почти совершенно не употребляют. В Русском Устье налимья кожа служит вместо слюды для вставки в окна летом; во многих местах из тайменей и налимьей кожи (*эрингэх*) готовятся ремешки для перевязывания нарт, летние торбаса; кое-где даже шьют рубахи и штаны.

В Верхоянском округе очень много мышей, и когда летом они дерзают переплывать реку, щуки, налимы и таймени едят их. Говорят, что таймень, заходя во время разлива в болото, ест даже ящериц. Но если жители поймают рыбу с мышью, то есть такую рыбу считают за грех.

На Моме ламуты и якуты ловят рыбу сетями во всякое время (щука, окунь, харгус, [М](#) ленок). Любопытно, что при ловле удочками инородцы (ламуты брезгают червями) не употребляют наживы, а надевают на удочку черные и красные бусы, опутывают также шёлком: белым, красным и алым. По их словам, рыба охотно идёт на эти цвета, и притом будто бы одни породы рыб предпочитают красный цвет, другие — чёрный. Жители Дагарыма уверяют, что морская рыба идёт в сети чёрного волоса, а речная и озёрная нет.

В Верхоянском улусе сравнительно с прочими рыбы добывается мало. Здешние якуты питаются почти исключительно молоком: кобыльим, коровьим с небольшой примесью кобыльего; изредка кобыльим мясом и очень редко коровьим. Любопытно, что якуты не едят коровьих лёгких и мозга; состоятельные люди не едят также ни коровьих ног, ни смолости. Зимой ловят петлями куропашек; петлями и стрелами добывают кабаргу, зайцев, горностаев, евражек. Недостаток пищи заставляет бедных якутов есть и этих последних зверьков (едят также и белок). < ... >.

Теперь приведём несколько слов из местного кухмистерского словаря.

1. *Арыылаах кумыс* — кумыс с маслом (считается питательной, вкусной и дорогой пищей).
2. *Сүөгэйдээх кумыс* — кумыс с коровьими сливками.
3. *Аһыйбыт сүөгэй* — кислые сливки.
4. *Буһурук* — сливки молока, вскипячённого тотчас после удоя.

5. *Тумалаах суорат* — ссора со сливками.
6. *Сүүмэх суорат* — самая густая ссора, из которой выцежена вода.
7. *Тар* — жидкая ссора, приготовленная на зиму.
8. *Ымнаан* — готовится из тара, который кладут в тёплую воду и ссучивают мутовкой. Весною бедные питаются исключительно этой непитательною пищею.
9. *Буспут сардаанылаах сүөгэй* — сливки, сваренные с небольшим количеством сарданы.
10. *Көппөкү* — взбитые свежие сливки (вроде крема).
11. *Сардаанылаах көппөкү* — свежие сливки, взбитые с сарданою и ягодами. Вообще сардану смешивают со всем, кроме щей и рыбы.
12. *Тар көппөкү* — кусок лучшего тару, взбитый в молоке и ссученный особенной мутовкой.
13. *Көнө күөһэ* («прямой горшок») — лакомое кушанье, которое состоятельные люди готовят раз на своём веку, богатые — два раза, самый богатые — трижды в продолжение всей жизни; готовить его чаще считают грехом. Надоивши коровьего молока, кипятят его до тех пор, пока оно значительно выкипит и убудет. Тогда прибавляют нового молока и кипятят таким же образом; богатые продолжают это кипячение в продолжение двадцати суток. Таким образом и готовится самое драгоценное и лучшее из якутских кушаний. Впрочем, оно было любимо в старину.
14. Масло; *арыы* (топленое), *сиикэй арыы* (чухонское), *хайах* (якутское кислое масло).
15. *Сардаанылаах арыы* — сардана с чухонским маслом, примешивается также мука, и всё это крошится.
16. *Үүттээх хааһы* (каша с молоком) — молоко со ржаной мукой. В молочную кашу иногда примешивают растертую бруснику, и это называется *отон хааһы*.
17. *Тар хааһы* (тарная каша) состоит из воды, тара и муки. Из нее делаются [18–22].
18. *Кырбастаах хааһы*, с прибавлением кусков мелкого крошеного мяса.
19. *Оһоҕос кырбастаах хааһы*, с прибавлением коровьих кишок (любимая).
20. *Сыа кырбастаах хааһы*, с прибавлением голого жира.
21. *Сардаанылаах хааһы*, с прибавлением толченой сарданы (считается вкусной).

22. а) *Хааннаах хааһы*, с прибавлением коровьей крови, но без куска мяса; кровь свертывается, и каша выходит густая; едят только работники. б) *Бутугас* — каша из муки, потрохов с кровью и кишок.
23. *Хаан* — вареная кишка с кровью. Если кровь коровья, то её сперва разводят водой или молоком, мешают и наливая в кишку и соля, варят; если кровь кобылья, то её не солят.
24. *Этүөрэ* — мясная похлебка, мелко накрошенное мясо с небольшой долей молока (белят). Овощей, конечно, никаких не кладется.
25. *Бэс үөрэ*, содранную листовенничную мезгу крошат небольшими кусками; сперва полощут и крепко выжимают; опрятные полощут в горячей воде, а большинство в холодной. Затем варят в воде, куда кладут очень немного мелко крошеного мяса. Вынимая из камина (печи), прибавляют молока, а если его нет, то тары (простокваши).
26. *Судураан* (затуран), на пуд муки кладется 10–15 фунтов рыбьего жира. Затуран преимущественно употребляют в дороге. Не только в рыбных местах, но даже и в Верхоянске многие пекут оладьи на рыбьем жире.
27. *Өрөбө* — рыбы пупки.
28. *Тон* — строганина, мёрзлая сырая рыба, которую едят, строгая длинным ломтями.
29. *Буһарыы* — варёная рыба. Здешние якуты сперва едят варёную рыбу, а уху хлебают уже потом и то мало.
30. *Барча* — сушёная и толчёная рыба без жирных частей.
31. *Бааркы*, состоит из порсы, смешанной с вытопленным рыбьим жиром.
32. *Сыма* из мелкой рыбы разных сортов, сбросанной в одну яму, прогнившей там, ставшей красною на цвет и с ужасным запахом; однако её едят осенью и всю зиму.
33. *Хах, дьууккала* — сушёные мясистые части рыбы с кожей, по без костей; в городе употребляется преимущественно с чаем.

III. РУССКИЕ

Господь терпел и нам терпеть велел.

Старая поговорка.

Население Верхоянского округа очень разнообразно сравнительно с его численностью. По официальным сведениям за 1867 г., жителей во всем округе состояло: 6973 чел. мужского и 6605 чел. женского пола, всего 13 578 чел.; а именно: чиновников и дворян обоего пола 19 чел., служащих казаков 28, духовенства 76, купцов 15, мещан 508, государственных крестьян 96, сосланных 30; юкагирей 623, тунгусов 609, ламутов 431, якутов 10 842 чел. обоего пола.

Мы не можем судить, насколько эти сведения приближаются к истине; достоверно только то, что некоторые местности и жители округа неизвестны ни инородным управам, ни окружному правлению. В некоторых местах подати платят за таких лиц, которые уже давно померли и считаются в живых только потому, что не отпеты. Утверждают за достоверное, что уже год тому назад некоторая часть чукчей перекочевала со своими оленями в пределы здешнего округа на Большую Тундру (к востоку от р. Индигирки). Уже несколько лет носят смутные слухи о каких-то особых диких людях, кочующих по пустынным местам округа. Рассказывают, будто бы люди эти очень малочисленны, одеты в лохмотья или в платье из оленьей кожи, вооружены стрелами и луком, что они имеют иногда даже стычки с повстречавшимися промышленниками или бросают камни в спину женщинам-якуткам. Якуты боятся рассматривать этих людей, но след-де у них большой (т.е. ступня большая) и встречаются-де они на берегу Ледовитого моря (в Жиганском улусе) и в Чистых (на западе). По-тунгусски их называют *нучана* («беглый»). Воры, конечно, пользуются этим слухом в свою пользу.

Как бы то ни было, из этих приблизительных цифр читатель видит, что если и не господствующее, то многочисленнейшее население округа составляют якуты и что на одного русского приходится 20 человек инородцев. Но надобно ещё прибавить, что из самих русских многие очень плохо понимают по-русски; а на Зимов-Эляхе, острове в 10 верстах от Быковского мыса, русские крестьяне, составляющие там небольшую часть населения, совсем позабыли русский язык и ни слова не понимают по-русски!

Русское население скучивается главным образом в г. Верхоянске, в с. Ожогине и Русском Устье, в других местах оно рассеяно среди инородцев почти одинокими семьями.

История русских поселений в здешних местах есть еще дело будущего; не имев под руками официальных исторических документов, мы сообщим только несколько записанных нами устных преданий (см. также Приложение I, саги;^A а также главу V. Исторические предания якутов).

Из сокращённых записок купца И. Москвина, напечатанных в «Памятной книжке», изданной Якутским статистическим комитетом за 1863 г., читатель может видеть, как жестоко и своевольно действовали воеводы и начальники г. Якутска ещё в начале нынешнего столетия (записки доходят до 1821 г.). Верхоянский округ представляет сравнительно с г. Якутском страну не только более отдалённую, но и несравненно более глухую, потому и злоупотребления местных властей могли удерживаться здесь гораздо долее.

Вот, например, несколько русских преданий об этом «добром старом времени».

В начале нынешнего столетия жил-был в здешних местах исправник Никитин. Однажды проездом из Усть-Янска случилось ему ночевать в Эгинском наслеге в 320 верстах от г. Верхоянска, у оз. Ламы. Хозяйка жилья, старуха-якутка, добывала петлями уток и высушивала их напрок. В минуту исправниковского приезда у старухи сушилась 81 утка. Исправник пересчитал этих птиц и приказал хозяйке не трогать их. Вследствие такого приказания вечерний ужин и на другой день обед были приготовлены хозяйкой для дорогих гостей (исправника, его писаря и двух казаков) из новой свежей дичи. При выезде исправник приказал собрать всех копчёных уток, которых по счету оказалось уже только 78, а трёх недоставало. Хотя исправник брал этих уток безвозмездно, однако грубое воровство якутки (которая, может быть, прибегла к нему с голоду) так его раздражило, что он приказал дать хозяйке 78 ударов нагайкой. Казак Недоносков так удовлетворительно произвёл наказание, что старуха осталась почти мёртвою, и что с ней потом случилось — неизвестно.

Николай Иванов Никитин справлял свои именины два раза в году: 9 мая и 6 декабря (если бы он был Иван Николаевичем, то, может быть, именинничал бы и 50 раз). На именины он делал улусное собрание, собирал якутов, потчевал их водкой, а они должны были «благодарить». И

дела шли успешно. Случилось однажды, что как-то трое старост не приехали к его летним именинам, а прибыли только к зимним. Напоил исправник всех, а этих троих ещё больше. Распустил прочих, а этих оставил: «Вы, — говорит, — не были у меня весной; должен я вас попотчевать и за вешние именины». И напоил он этих якутов (батагайского старосту Мартына Горохова, байдунского Василия Слепцова, эгинского Алексея Гедёнштрома) до бесчувствия и тогда припёк им заднюю часть тела калёною сковородою. Николай Иванович желал, чтобы они не имели возможности сидеть; однако они вылечились, хотя и после долгого лечения (у лекарского ученика Горбунова). Обычай же дарить исправников на именины существует и доныне.

Жил ещё некогда исправник Атласов. Якуты уже привыкли тогда к требованиям исправников: приходят, кто дарит лошадь, кто быка. Ходит Атласов, высматривает, хвалит, поглаживает, благодарит якута: «Отличнейший, говорит, конь; однако дорого тебе стоит?». Якут кланяется. «Я и сам вижу, что дорогая лошадь; однако тебе рублей 30, а то и 40 стоит. Не хочу я тебя обидеть, возьми ты её назад, продай за 40 руб., дай мне только 30 руб., а 10 возьми себе». И уводил якут со слезами своего коня или быка, продавал его по тогдашней цене за 10 или 12 руб. и платил исправнику 30.

Однажды объезжая округ, приезжает Атласов к одному старосте; тут были почётные родовичи, члены управы и старшина. Приехал исправник и говорит: «Я вас попотчую чаем!». Радуются якуты. По числу почётных лиц достаёт исправник 10–12 кусочков сахара, кладёт на стол. Сам садится, начинает пить чай, пьёт много и грызёт от каждого кусочка, так что, наконец, остаются только какие-то сахарные горошинки величиною с кедровый орех. Их-то вместе с остатками чая отдаёт он «почётным». А почётные должны отдарить его вечером, когда смеркнется, кто по две лисицы, кто сиводушку, десять песцов, сто белок и более...

Подобных историй без конца. Якуты привыкли к ним и затвердили обряд, которым в былые времена встречали они исправников. Это бывало таким образом.

Приезд исправника делается известен заранее: от самой коновязи до юрты хозяева стелют летом зелёную траву, зимою сено; его расстилают и в юрте на кровати, и по полу. Приняв исправника, хозяева угощают его самым лучшим угощением. Поужинавши, начальник ложится спать (приезжает почти всегда к вечеру). Лишь только все люди лягут, тушат

огонь; хозяин завёртывает свой подарок (лисицу, сиводушек, белок и т.п.) в *тордох* (ровдужную занавеску) и, пока ещё исправник не уснул передаёт ему со словами: «Уважение моё! Осчастливьте меня, мой господин: возьмите это, я буду считать себя счастливым» (*Мааным! Дьоллоо, тойонум, маны ылангын; мин дьоллооххо холонуом!*). На другой день поутру хозяин должен подарить исправнику коня и корову (или коня и быка), и при этом он говорит: «Примите эту мелочь (в благодарность) за посещение» (*Киирэн тахсыбытын туһугар бу маны аччыгый да буоллар ылан кор*). Если начальник доволен, то дарит хозяину бутылку водки, а если не вполне удовлетворён, то даёт только одну рюмку и не благодарит. Если случай заставит исправника остановиться в какой-нибудь юрте неожиданно, то хозяин тоже отдаривает его за счастье, за славу посещения (*киирэн тахсыбыт ааккар*). И затем это посещение делается предметом хвастовства для хозяина на долгое время. «У нас исправник был» (*Биһиэхэ тойон сырытта*), — выхваливается он перед другими. Если исправник приезжал с женой, то, кроме обыкновенных подарков исправнику, хозяйка должна была особо разделываться с исправницей, что и было причиной того, что некоторые исправницы в былое время любили ездить с мужем по целым месяцам, зимой, и даже по тундрам. Иногда исправники возили с собой своего любимца (*тойон таптыыр киһитэ*); этот любимец является важным лицом. Как только приедет исправник, хозяин прежде всего осведомляется от него: «Чем угодно будет осчастливить исправника: деньгами ли, лисицами ли, сиводушками ли, конным ли скотом или рогатым?».

Обыкновенно (было), когда тяжутся, обе тяжущиеся стороны, сперва дают подарки казаку переводчику (по 1 руб. серебром за перевод), и казак переводит в пользу того, кто дал больше. Затем один тяжущийся приходит к исправнику, даёт подарки (лисичек, оленя или деньги и пр.) и рассказывает жалобу на противника. «Да, — говорит исправник, — хотя он и родственник твой (или знакомый), но я сам заметил, что он мошенник; его надо унять!». На другой день приходит ответчик, даёт подарок и получает тот же ответ. Если исправник доволен обеими сторонами, то призывает обоих и приказывает им помириться. Если же проситель не оправдал себя подарками, то при ответчике наказывался розгами и по желанию ответчика приказывалось не увольнять его из общества. Одним словом, правосудие покупалось дорогою ценою и было вполне недоброкачественно. Казаки, ездившие с исправником в округ,

обыкновенно разживались за один год и, воротившись в город, немедленно женились и обзаводились хозяйством. Иногда казаки насобирали даже более исправников. Так, про одного бывшего исправника рассказывали, что он привёз однажды из округа только 40 лисиц (кроме других мехов, сиводушек, песцов и пр.), а его казак — 60. Так как казак владеет якутским языком и доступ к нему легче и безопаснее, чем к исправнику, то всякое дело предварительно отдаётся на его благоусмотрение и нередко решается безапелляционно. Один старый казак рассказывал мне, что однажды, когда он ездил с исправником в округ, пришёл к нему тунгус и показал ему случайно десятирублёвую ассигнацию; ассигнация была настоящая, но почему-то продырявлена. «А, ты с фальшивыми деньгами ходишь!», — закричал на него казак. Тунгус, который, конечно, не понимает толку в деньгах, перепугался и отдал свои деньги казаку, приплатив ещё за вину. Бывали также случаи, что выборные назначались исправниками, единственно снисходя на просьбу казака, получившего подарок. Якутская пословица говорит: «Пошёл бы я лучше на медведя с ножом только в один кулак длины, чем к свирепому господину без взятки» (*Биир тутум быһабынан эһэбэ кириэм этэ, бэригэ суох күтүр тойонго кириэм кэриэтэ*).

Если ехал по округу благочинный или священник, то обряд приёма многим разнился от исправнического. В первое время, когда якуты были обращены в христианство, они совершенно не понимали новой религии и отбывали христианские обряды как государственную повинность. Священники не считали нужным объезжать весь свой приход, а приездут, бывало, в какую-нибудь богатую юрту, дают работнику свою шапку, рукавицу или кушак и посылают по прихожанам... «Объезжай, говорят, пусть исповедуются и деньги дают по столько-то с души!». Впоследствии рукавица уже не посылалась, а просто командировался в сторону якут за деньгами для исповеди, и заплатившие отмечались в книге как бывшие на исповеди.

Если случалось, что поп просил лошадь или быка, а якут не давал, то поп говорил: «Ну, если так, я тебя прокляну и не отпою после смерти!». Или же скажет: «Если не примешь мою просьбу, то провалишься ты до девяти пропастей; темя твоё покроется, доха твоя останется наружу, шуба твоя скинется кверху (т.е. ты провалишься нагой). И при смерти я отпою тебя в ад, не очищу твою душу!». (*Мин көрдүүр тылбын ылбатаххына, мин эйигин кыраан кэбиһиэм; тобус үөдэни тобулу түһэриэм*,

төбөн өрүкүйүөбэ; сангыяабын сахсас гыныаба, сонун сохсос гыныаба. Мин эйигин аакка тиэрдэ ыллыам өллөххүнэ; ыраастыам суоҕа тыыннын!). Якут трусит, кланяется, чтобы батюшка простил, просит: «Избавь меня от этого!». Тогда батюшка скажет: «Ты меня навлёк на грех, я тебя проклял; теперь не могу возвратить!». Якут умоляет со слезами и дарит вдвое.

Если иногда священник давал якуту бутылку водки, требуя за это себе корову или две, а якут отказывал, то прибегали иногда и к другим средствам, а именно ставили хозяина перед жарко растопленным камином на 100 поклонов и держали до тех пор, пока несчастный не выбьется из сил и не упадёт в обморок. Таким образом, молитва — дело свободной совести — обращалась в истязание; и если вы, слушая подобный рассказ, невольно скажете: «Как же люди переносили всё это?», то вам спокойно ответят на это в Верхоянске: «Ведь господь терпел, да и нам терпеть велел!».

За свадьбы брали по несколько десятков рублей, особенно если невеста молода, а жених старый и богатый, с бедных — от 3–4 руб. За крестины с бедных — по 1 руб. серебром, за исповедь и причастие — 30 коп., за богатого покойника — лошадь, быка или корову, за бедного — 2–3 руб. А если не дано, то и не отпевали. Дело иногда доходило до того, что якуты решались жаловаться на своего приходского попа исправнику. «Батюшка-де бил одного спящего якута большим медным крестом, приговаривая: «Не я тебя бью, бьёт тебя Христос!». Много непохороненных, потому что просит по 1 р. 50 к. за похороны; много невенчанных, потому что просит по 3 руб. сер. за свадьбу, а заплатить нечем». Впрочем, едва ли когда якуты-прихожане находили защиту у исправников.

С ламутами поступали ещё хуже; отбирали у них всё до последнего платья, венчали за подарки самых ближайших родственников. Однажды дело доходило было до настоящего возмущения...

Прежде даже объезды лекарских учеников были настоящим наказанием для якутов; эти врачи иногда растравливали раны нарочно и брали по корове за прыщик. Да и доныне некоторые фельдшера смотрят на больных, как на людей, обречённых в жертву последователям Эскулапа. С криком напускается лекарский ученик на явившегося к нему за медицинской помощью против сифилиса, обвиняя его в разврате, непристойном поведении, в беспокойном характере, побуждающем его беспокоить такое чиновное лицо, как ученик. Только материальное

приношение может утолить гнев. Затем больной поступает в больницу, т.е. во временнообязанные к фельдшеру. Мыло, халат, чай, отпускаемые на больных, потребляются им же; и только остатки или выварки идут на больных, которые в свою очередь не могут сидеть без дела: они должны строить ему дома, крыть полы, делать мебель и пр., конечно, всё это бесплатно, из одной благодарности за медицинское пособие.

В 1830-х годах, когда исправники получали жалованья всего 600 руб. ассигнациями, они насбирывали в округе за один объезд до 19 000 руб. асс. Да и позднее ни один исправник не привозил из округа ежегодно менее своего годового жалованья.

В настоящее время (1868 г.) в одном лице верхоянского исправника сосредоточиваются все отрасли управления: сборы ясаков, почтовые, судебная, финансовая часть, а вместе с тем он почти единодушно обвиняется местными жителями:¹ 1) в незаконном участии в подрядах по отоплению и освещению казённых верхоянских зданий, поставке мяса на больницы, в сборе известных процентов в свою пользу со всякого казённого подряда или выдачи из казны; 2) в шулерстве и плутовстве с участием в запрещённых азартных карточных играх; 3) в удержании податей и ясака в свою пользу; 4) в потаённых сборах в пользу школы, шедших в его собственность; 5) в подмене пушнины, идущей в Кабинет; 6) в имении у себя фальшивых денежных документов; 7) в имении и распространении фальшивых ассигнаций; 8) в подделке документов по общественным приговорам; 9) в раскрытии и подпечатании частных писем; 10) в оскорблении женщин; 11) в скрывании многих уголовных и исковых дел и истреблении многих документов; 12) в ложных политических доносах; 13) в покраже через своих агентов писем частных лиц из их квартир; 14) в присвоении себе высочайших прав предоставлением (за взятку) многим якутам права носить на груди карманные медали; 15) во множестве всевозможных упущений и ошибок по службе.

Подчинённые, как известно, пример начальника считают для себя законом; и потому если исправники, выезжая в округ и не надеясь на богатство его растительности, возили с собой и верхоянские розги, если они не скупались на меры строгости, то и писаря действовали подобным же образом. И они ставили себе задачей разводить шелководство, делать людей шёлковыми, т.е. безответными.

---

¹ В 1869 г. по некоторым преступлениям даже предан суду.

До настоящего времени проезд исправника по округе равняется путешествию кругом света и составляет ежегодное событие для всего округа. По известному направлению везде заготавливаются олени (кое-где собаки); жители съезжаются в указанные пункты и тут только почти раз в году видятся между собою. Пребывание исправника по необходимости бывает кратковременное; а потом уже писаря на своих местах входят по все права окружного начальника. Правда, писаря по закону не составляют власти, но они одни грамотные люди округа (всех грамотных 9, и из них половина весьма малограмотна), у них хранятся печати всех старост; сами старосты считают их своими начальниками... При малейшей жалобе русского жителя на якута исправники всегда строжайше взыскивали с последнего; якуты так привыкли к этому, что и теперь ещё почти никогда не решаются жаловаться на русских.

Если писарь, какой-нибудь русский чиновник, купец или даже мещанин приедет на якутскую свадьбу и привезёт якутам какой-нибудь ничтожный подарок на несколько копеек, то якуты должны платить за это по корове, лошади, лисице или порядочными деньгами и пр. и т.п.

С введением судебной реформы, а может быть, и земства, порядки эти совершенно изменятся.

Мы очертили тёмные стороны русского управления, бывшего в здешних местах; но из этого не следует, что якутам стало хуже с тех пор, как они подпали под власть русских. Напротив, положение их стало несравненно лучше; уже и теперь они оставили многие свои суеверия, и там, где якуты целыми семьями истребляли своих ближайших родственников, где была постоянная кровопролитная война якутов с тунгусами, теперь убийство стало делом почти неслыханным, а воровство большой редкостью!

Русская администрация здешнего округа сперва сосредоточивалась в Зашиверске, но с 1822 г. переведена в Верхоянск. С того времени Зашиверск получил название «старого города», стал пустеть более и более и в настоящее время состоит из одной или двух юрт. А между тем каких-нибудь 45 лет тому назад тут был целый *русский* город (по преданию, около 40 домов). Это показывает только то, что г. Зашиверск не имел никакой собственной жизни, он был только временной стоянкой для русской администрации. Лишь только переехали чиновники и казаки, уничтожился и самый город.

Положение Верхоянска немногим прочнее; большая часть его домов принадлежит казакам, служилым и чиновным людям и духовенству; почти половина жителей состоит из служащих (всех жителей 167; из них 86 мужского, 81 женского пола).

Город Верхоянск немногим отличается от простых деревень Якутского округа. Почти все его домики без крыш, за исключением трёх, и выстроены они или разбросанно, или же хоть и в одном направлении, но не вровень друг с другом. Между ними лежит почва более или менее неровная, довольно часто населённая евражками и более или менее недавно очищенная от леса (город перенесён на правый берег Яны в 1849 г.). Каждую осень дома замазываются снаружи глиной, а зимой на аршин обкладываются снегом. Летом дома обилуют клопами и иногда комарами, тараканов нет. Кирпичные печки — редкость, и большая часть домов отапливается якутскими камельками, которые греют только до тех пор, пока их топят.

Якутский камин неудобен тем, что он постоянно обваливается и его надо замазывать почти каждую неделю. Дров они истребляют очень много и приготовление их отнимает много времени, причём плохие топоры, привозимые из Якутска, часто ломаются. Дрова употребляются довольно длинные и ставят их стойком, прислонивши к стенке камелька; оттого тепло и огонь свободно летят к небесам (на открытый воздух). Так как трубы не очищаются от сажи, то при вечернем или ночном мраке над всеми трубами оказываются аршинные огненные языки. Лиственничные дрова отбрасывают очень много углей и искр, а потому вся внутренность торты (или горницы) более или менее подвержена нападению горячих углей. Все варёные или жареные кушанья подаются на стол вместо приправы с большим или меньшим количеством угля (даже в аристократических домах); у казаков же эта приправа достигает ужасающей степени, иногда сплошь покрывая съестное. Камельки невыгодны ещё в том отношении, что резкий переход от пылающего камина на жестокий мороз часто причиняет воспаление глаз...

Рабочее народонаселение города помещается в хотонах, разделённых балкой пополам, где в одной половине живут люди, а в другой скот. Запах в хотонах невыносимый, и живут в них исключительно одни якуты.

В городе нет ни одного завода, ни одной фабрики. В нынешнем году стали толковать об учреждении здесь местной ярмарки и выстроили две лавки, но в этих лавках, однако никто не сидит, и во всём городе

нельзя, например, купить таких простых вещей, как бумага, стальные перья, готовые свечи или деревянные ложки. В городе нет ни одной телеги (не только дрожек), нет даже ни одной бочки. Воду возят во флягах, оставшихся из-под казённого спирта, и оттого у многих жителей вода отзывает водкой.

В Верхоянске нет ни почтамта, ни почтовой конторы; земская почта приходит из Якутска всего три раза в год. Это неудобство увеличивается еще тем, что она всегда более или менее долго проживает на Алданской станции. И не только почта, даже курьеры постоянно задерживаются на этой станции самым хладнокровным образом: один курьер прожил на ней 55 дней, чиновник Ш-н 33 дня, наконец, последний нарочный (1868 г.), посланный известить о скором приезде Чукотской экспедиции и якутского архиерея, прожил на этой станции 22 дня — время, в которое по железной дороге можно было бы объехать вокруг земного шара.

За отсутствием умственной и общественной жизни все верхоянские новости более или менее граничат со сплетнями, но и они столь однообразны, что представляют только незначительные вариации. Временами однообразие жизни тяготит даже местных уроженцев, и тогда начинаются гадания и толки о «приезжающих». «У N. N. колотье в боку, — дорожных ворожит». «У N. собака лаяла перед домом — к приезжим». «У N. пятку дёргало — дорожные будут». «У N. N. петух с курицей кричали ночью — к вестям». «У казака Б. дочка не спала, вот посмóтрите; не сегодня, так на третий день непременно будут приезжающие». «Такой-то видел приезжих во сне, а Т. С-на гадала в карты; вышло, что через неделю будут дорожные» и пр. и т.п. А между тем дорожных всё нет да нет; и иногда в продолжение четырёх месяцев ни одного приезжего из Якутска!¹ Если же, наконец, кто приедет, то весть об этом мгновенно распро-

¹ Вот статистика приезжих (и проезжих) в г. Верхоянск из Якутска по Верхоянскому тракту за время моего пребывания (с 7 апреля 1867 по 1869 г.):

	1867	1868	1869		1867	1868	1869
Январь	—	1	0	Июль	0	1	4
Февраль.....	—	0	4	Август	0	0	4
Март	—	4	2	Сентябрь....	6	8	7
Апрель.....	3	5	2	Октябрь.....	3	4	1
Май.....	2	1	2	Ноябрь	4	17	5
Июнь.....	0	1	0	Декабрь	4	6	15
				Всего	22	48	46

Это число приезжих приходилось на следующее число оказий:

	1867	1868	1869		1867	1868	1869
Январь	—	1	0	Июль	0	1	1

страняется по всем домам и хотонам; здесь есть даже особый род приветствий: «С приезжающими!». И это приветствие выслушивается с большим интересом, чем обычное «Христос воскрес!».

Эти гадания, ожидания и толки истекают из сущности человеческой природы: приезжие служат почти единственным средством для сообщения жителей с окружающей их вселенной, которая с одной стороны оканчивается в Якутске, с другой в Колыме, а далее известно только, что за Якутском живут «варнаки», которых иногда завозят и сюда, а за Колымой живут «сидячие чукчи, и не имеют они кошту¹ никакого, кроме собачьего». «А за этими чукчами — уж сколько лет пришло — третья часть потерялась: ищут и никак не могут найти!»...

Впрочем, влияние приезжих не всегда бывает благотворно. Приезжие из Колымска расскажут, что в Колыме половина жителей колдуны и колдуньи, что все колымские женщины и девушки или припадочные или испорченные. «Колымские-де, колдуны ни за что порчу делают: не дашь рюмки водки, вот и испортят. Против них только два средства и есть: 1) носить тонкий шнуточный или ровдужный поясик или 2) ударить до крови того колдуна, про которого думаешь, что сделает он какую-нибудь пакость. Страшные же пакостники бывают эти колдуны, то и дело присушки делают. Весь-де (колымский) женский люд не своей смертью помирает, а причина всё та, что обозлит колдуна какая женщина, он и испугает её не на живот, а на смерть: покажет ей в окно или свиную или медвежью морду с огненными глазами, испугается баба, у ней сейчас в животе чёрт и зарождается, вертится этот чёрт и покою с тех пор ей не даёт, и бегают она всё с криком, и непременно помирает, если только не найдётся какой-нибудь другой хороший колдун, да не вылечит. Колдуны-де всегда были в Колыме и всегда будут; а особенно у нас в Нижнем (Колымске), такое уже место у нас проклятое, что если бы не нательные пояса, да не булавки — до крови колдуна уколоть — тоже лекарство — то мало бы там осталось живых людей».

Февраль.....	—	0	2	Август.....	0	0	3
Март.....	—	2	1	Сентябрь....	3	3	3
Апрель.....	1	1	1	Октябрь.....	2	2	1
Май.....	1	1	1	Ноябрь.....	2	3	2
Июнь.....	0	1	0	Декабрь.....	1	2	7
				Всего.....	10	17	22

Громадное по-здешнему число приезжих ноября 1868 г. объясняется тем, что на этот месяц выпали чрезвычайно редкие случаи: проезд якутского архиерея и части учёной экспедиции в Чукотский край. 1870 г.⁵

¹ Слово «кошт» здесь означает лошадь, быка или вообще животное, перевозящее человека.

Даже приезжающие сюда из-за Якутска, из более образованных мест, употребляют иногда свою ловкость лишь для распространения суеверий. Так, рассказывают, что когда-то лет восемьдесят тому назад сослана была в прежний город Жиганск татарка Аграфена, ведьма. Сказывала она, что было их ведьм семь сестёр и всех разослали в одно время.¹ Жиганское начальство не решилось держать дьявола в городе и поселило её за 90 вёрст от Жиганска вверх по Лене. И поселилась там Аграфена на о. Остолбо; да и остров-то небольшой, всего 50 или 100 сажен в длину; зато очень крутой. На этом острове и стала колдовать Аграфена и навела такой страх на всю окрестность, что даже и *теперь* боятся этой колдуньи, хотя она уже давным-давно померла. И до сих пор, если вселится она в шамана, шаманку или в сумасшедшего, дают ей большую медвежину с белым ошейником на постель (Аграфена невидимо садится на неё), лучшую красную лисицу вместо плётки; алый платок для обтирания поту, табак на трубку, фруктовой водки, ладана и пр. Даже по настоящее время некоторые приезжающие из Якутска для благополучного проезда по Лене приносят Аграфене жертвы, делают маленькие берестяные лодочки, кладут в них бусы, бисер, пищу и спускают на реку; они уверены, что эти жертвы всегда доплывают до её острова, хотя бы было и *против* течения. Русский купец Ш., плававший по Лене, постоянно посылал дань Аграфене, но однажды в припадке храбрости отказался, и что же? — Аграфена-де подняла на реке такую бурю, что он едва спасся смирением и двойным подарком.

Из всех приезжих самые интересные для всего округа — это русские купцы, ежегодно приезжающие с якутской ярмарки. Надобно сказать, что и на якутскую ярмарку товары привозятся из вторых, третьих или четвертых рук; люди, привозящие их, иркутские купцы и приказчики, хотя и считаются в Якутске людьми «ком иль фо» (*comme il faut*),² но торгуют подмешанными, подделанными и плохими товарами. Если ситхинские американцы вздумают торговать с Якутском через Охотск

---

¹ По преданию, одна из её сестёр, Настасья, была поселена на Алданской станции (по верховяно-якутской дороге). Ворожила и гадала Настасья с необыкновенной точностью: приезжих, пропажу, что бы ни было. Похоронена она рядом с часовней, но и из могилы-де делает чудеса.

² Вообще в Якутской области знание русскими европейских иностранных языков составляет большую редкость. Nord-Ost некоторые без затруднения называют *мордос*. Наконец, многие иностранные слова имеют здесь особое местное значение. Например, *интересант* — крайне корыстолюбивый человек, *дивидент* — всякая прибыль и заработок, *ординарный* — чистый, без примеси, *сёрьёзный* — смешной, *привилегия* — особенность (языка, речи, обычая).

или Аян, сплавляя товары по рекам, то они могут нанести большой удар иркутянам.

Но и из плоховатых товаров, которые привозятся на якутскую ярмарку, всё лучшее раскупается г. Якутском и на долю Верхоянского округа достаётся то, что похуже и подороже. Якутские купцы переносят большие трудности, приезжая на верхоянские пустыни во время самых трескучих морозов; но они были бы истинными «благодетелями» края, если бы побольше обращали внимания на его потребности, на доброту товаров, на добросовестность цен, на равенство их как для якута, так и для чиновника. Банка помады, стоящая в Якутске 80 коп. серебром, продаётся здесь по 2 р. 50 к. Кусочек порядочного мыла, стоящий в Якутске 10 коп. серебром, в Усть-Янске продаётся по 1 р. 20 к. серебром. Процент немилосердный. Иногда, например, не привозят таких необходимых товаров, как холст, часто крошечные кремни (одна четверть настоящего) продают по 15–25 коп. серебром.¹

Цены на все товары вообще возрастают в ужасающей степени по мере удаления от г. Верхоянска в округ. Но если якутские купцы могут обторговывать верхоянских, зашиверских, ожогинских жителей, то эти последние обторговывают жителей Момы, тундры и других мест, лежа-

---

¹ В Верхоянске продают: кирпич чаю — 2 руб. сруб.; пуд сахару — 30 руб. сруб.; фунт простого мыла — 40–45 коп. сруб.; коврижка — 60 коп. сруб. фунт; черкасский табак — 1 р. 80 к.—2 р. 50 к. фунт (1868 г.). Головные бумажные платки 80 коп.—1 руб. сруб.; носовые платки — от 40 до 60 коп. сруб.; даба по 30 коп. сруб. аршин; 3 р. 50 к.—4 р. 50 к. штука. Ситцы — 20–43 коп. аршин. Тюменский холст — 30–35 коп. сруб.; солдатское сукно — 1 р. 80 к.—2 руб. сруб. аршин. Пуд жировых свечей — 12 руб. сруб.; ведро спирту — 25–30 руб. сруб. Пуд крупитчатой муки — 12 руб. сруб., пуд пшеничной — 6 руб., пшеничные сухари — 30 коп. сруб. фунт; пряники — от 30 до 35 коп. фунт. Веспой 1868 г. цены стояли следующие. В городе: корова — 12 руб. сруб.; пуд молока — 50 коп. сруб.; пуд мяса — 2 руб. сруб.; куропатка — 2 коп. сруб.; заяц с мясом — 1 коп. сруб.; зайчина — 4 коп. сруб.; сиводушка — 8–9 руб. сруб. (на Моме — 7–8); красная лисица — 3 руб. (на Моме — 2–3 руб.); волк — 3 руб.; горностай — 15 коп. сруб.; белка — 14 коп. (на Моме 10–11 коп. сруб.); медведь — 3–9 (на Моме от 3 до 4 руб.); песец — 80–90 коп.; оленья шкура — 1 р. 50 к.; баранья — 50 коп.; лосья — 4 руб.; кабарга — 50 коп. сруб. Девятисаженный стог сена (20 возов) в урожайный год стоит 7 руб. сруб., неурожайный — 15 и даже 30 руб. сруб. Работник на готовой пище из ссоры, кобыльего или коровьего молока за лето берет от 10–15 руб. сруб.; за зиму хороший работник на своем содержании берет 35 руб. сруб. На Булуне: кирпич чаю — 3 руб. сруб.; даба — 5–6 руб. сруб.; фунт черкаского табаку — 1 руб. сруб. (а осенью 1868 г. по 2 р. 50 к. сруб. фунт). Собаки — от 60 коп. до 10 руб. сруб.; в 60 коп. самая дрянная, на которой дрова возят, а в 10 руб. сруб. самая лучшая ездовая. Годовалый олень — 2 руб. сруб.; пара ездовых оленей — 10–12 руб. сруб.; самые лучшие — 18 руб. сруб.; пуд юкалы — 1 руб. сруб. (и на Усть-Янске). В некоторых местах Жиганского улуса четверть фунта черкаского табаку покупается за одного песца, берёзовая нарта — за одного оленя. В Русском Устье: белая медвежина — 3–4 руб. сруб.; пуд мелкой рыбы — 70 коп. сруб.; пуд рыбьего жира — 30 коп. сруб. Изобилием рыбы и искусством приготовления рыбных кушаний славится г. Средне-Колымск, где очень много рыбы; олени, пригоняемые чукчами, продаются по 3–4 руб. сруб.; коровье мясо вдвое дешевле сравнительно с Верхоянским; конный скот продаётся тоже вдвое дешевле, так как жители Средне-Колымска вполне сохранили старинные русские обычаи, и даже колымские якуты, за исключением бедных, совершенно не едят конского мяса.

щих в стороне от купеческих трактов. Так, жиганские якуты обторговывают оленёкских; оленёкские уже усть-анабарских, а оттуда ездят на р. Хатангу, где люди уже совершенно дикие. Там за один кремь, ножик или пряжку отдают целого оленя. Всего более любят красные платки; счету денег не знают и дают, сколько торговец назначает. «А оленей-де у них столько, как у вас в верхоянском лесу. И хорошего-де товару туда не надо, давай всякую дрянь!». Однажды во время кори, свирепствовавшей в Жиганском улусе, один русский торговец натолок сургучу и продавал больным как курево от болезни; и больные покупали, платя по несколько песцов за палочку сургуча.

Вообще у всех приезжих купцов есть обычай отпускать жителям товары в долг, причём долги насчитываются каждый год так, что хотя жители и отдают купцам всю свою пушнину и мамонтовую кость, однако из долгов никогда не выходят. Сверх дороговизны, для жителей представляет большое неудобство ещё и то, что все вообще товары доставляются сюда в самых ограниченных размерах так, что их едва хватает на несколько месяцев. Летом нынешнего (1868) года почти весь город оставался без чаю и буквально весь (не исключая и вседержавших властей) без табаку: курили мох, кору, крошенные чубуки и т.п. Цены, конечно, стояли чудовищные!..

Купцы приезжают в г. Верхоянск обыкновенно только два раза в году: около 1 декабря, когда они едут на Чукотскую ярмарку, и около 1 июля, когда они возвращаются обратно в Якутск. Впрочем, под громким словом «купцы» читатель должен подразумевать всего пять-шесть человек с таким же числом приказчиков. В это время город, занятый покупкой, продажей, поручением комиссий, несколько развлекается, и только с отъездом купца начинается та угнетающая скука, о которой я упоминал выше.

Тогда остаётся единственное развлечение: именинные пироги с рыбой и карты («генеральский», т.е. генеральский вист). Иногда бывают и танцы, в которых попеременно танцуют то кадрили, то пляшут русскую. На балу скрипка постоянно аккомпанируется пением трёх-четырёх (казаков), бряцанием бутылки, заменяющей бубен, и иногда воинственным боем ополченского барабана. Здесь поются «Скучно жить на чужой стороне», «Ай, донцы молодцы»; или же «Волною морскою семь вёрст под Москвою», «Против солнца на восток», «По морю, морю синему» и

«Великомученица горелка»,¹ «Грядите, людие, в ближайшую рестора-
цию» (слово это известно здесь только по слухам) и пр. т.п. На рождест-
венских праздниках почти все гости (мы говорим про аристократию)

---

¹ Вот эти песни, как они поются в Верхоянске:

1.

Против солнца на восток
Монастырь стоит высок.
Монах во келейке спасается,
Он по трижды в день напивается.
Как к обедне зазвонят,
То чернец идёт в кабак,
Чёрну рясу пропивает
И каблук (клобук, — *Ред.*) в заклад
даёт.
А Алеша не примаёт,
Чернеца в шею толкает:
«Поди прочь, калагирь,
Пока шею не набил!». Чернец речь говорит,
Свою келейку бранит:
«Распроклятая такая,
Моя келья земляная.
Не нашёл я в тебе,
Келейка, спасенья.
Чем мне в келейку идти,
Лучше в рощицу зайти!». В роще девки грибки брали,

Чернеца во сне видали.
Доходили до конца,
Увидели чернеца:
Чернец идёт по тропе
Во высоком клобуке.
Становились девки в круг
Да запели они вдруг.
Вот и стал наш монашенька
Поплясывати,
С ногу на ногу монашенька
Прискакивати,
Про своё житъе монашеско
Рассказывати:
«Ах, не дай, боже, ребята,
Холостому старцем быть!
Не велят нам, монахам,
Во царёв кабак ходить,
[Во царёв кабак ходить],
Зеленаго вина пить,
[Зеленаго вина пить],
Красных девушек любить!».

2.

(Церковный напев).
По морю, морю синему
Корабли плывут,
По чёрному землю рвут.
Маленькой горностай на корме стоял,

Большой горностай бичевою шёл;
Маленький горностай большому гово-
рит:
«Эй, брат, не оторви бичеву,
Не оставь нас на сухом берегу».

3.

(Церковный напев).
Святая великомученица горелка

И многострадательная сивуха,
Произошла огонь и медные трубы
И нам попалась, окаянным, в зубы.

4.

(Церковный напев).
Волною морскою
Семь вёрст под Москвою

Явились мощи:
Сидит сапожник в усах,
Сам во фартуке.

5.

Ах скучно мне
На чужой стороне:
Все немило,
Все постыло;
Нет веселия нигде.
Скучно жить без родных,
Часто плакать об них.
Нас лишают, разлучают
Добрых молодцев-друзей.
Вспомнишь Питер родной,
Сам зальёшься слезой:
Там был волен,
Всем доволен.

Город пламенем горит.
Кто лежит без руки,
Кто лежит без ноги,
Кто исколот,
Кто изрублен,
А кто плавает в крови).
Я под Варною стоял,
Себе смерти ожидал:
Там дерутся и несутся,
Ядра-бомбыри летят.
Бомбы-ядры долетели,
Востры сабли засвистели.
Только станут засыпать,

поют «Со вьюном я хожу», причём всё общество ходит якобы со вьюном и целуется «со всем поездом».

Впрочем, времена быстро переменяются даже и здесь; ещё не очень давно любимым летним развлечением чиновников была игра в городки, да ещё соединённая с чехардой. Ныне эта игра, да и то без чехарды, составляет любимую забаву лишь среднего и низшего сословия. Здесь обыкновенно становятся по пяти городков на город и берут пять палок для вышибания; за каждый невышибленный городок платят по 1 коп. серебром и более.

Несмотря на то что русское влияние и русский язык поддерживаются в Верхоянске время от времени наплывным чиновничеством, духовенством и казачеством, всё же в городе говорят по-русски довольно плохо. Здесь можно, например, услышать такие выражения: «где кочуешь?» (т.е. куда переезжаешь с квартиры), «где шла» (т.е. куда идешь),^В «городишь-ду?» (шутишь, что ли?), «щи сеешь-ду?» (овощи садишь?),^Г «мой баба — славной баба, умной баба; мало-мало дураковат»,^Д «ты пляшила-ду?» (ты танцевала, что ли?), «братовским копыто болит» (т.е. у братьев ноги болят). «Якутский язык сильно язык портит», — говорят казаки, сознаваясь в своих ошибках.

Вообще здешний русский язык изобилует якутизмами; например: нога *уснула* (т.е. отерпла), дождь *падает* (вместо идёт), *ногу* говорю (т.е. о ноге), река *идёт* (вместо прибывает) и т.п.

Несмотря на ничтожную численность своего населения, Верхоянск, как и всякий другой город, имеет большое влияние на свой округ. В нём

Нужды-способу не знал
(Горя по слуху не знал),
А теперь испытал,
Я в Туречине бывал.
В чистом поле
Страх и горе
Каждый день
И каждый час.
День промокнешь — дрожишь,
Ночь от страху не спишь,
Чуть заткнувши глаза, уши,
Чтоб головку не проспять.
Как засветила луна,
С неба яркая звезда,
Озирают, окликают,
Смерть бежит на штыке.
(Мы под Варною стояли,
Себе смерти ожидали.
Тут дерутся,
Там несутся,
Ядра свищут с батарей.
Море Черное кипит,
С кораблей огонь валит,
Турок душат,
Стены рушат.

Они песни затягать:
Двое воет,
Двое стонет,
Что же делать, как и быть,
Как нам родину забыть,
Вспомнишь мать-отца родных.
Где родился, где резвился,
Где я юности провел.
Кончив бой мы такой,
Мы воротимся домой!
Слава богу, все здоровы
Чрез Дунай в Россию шли,
На квартиры прошли,
Зимовать мы тут должны.
Стены биты, хаты крыты,
Все соломою без труб.
Надо печку топить,
Надо вощи варить.
Там дымится и курится
Вот, зажавшись, он бежит.
У бедняжки у хохла
Ни скамейки, ни стола;
У хохлищев ребятищев
Зато целая изба!

одном находится больница, где довольно удачно вылечивают господствующую болезнь; в нём одном шаманы утратили своё влияние; в нём одном сгладилась большая часть якутских суеверий и стали усваиваться более мягкие нравы. Верхоянский улус, ближайший к городу, гораздо образованнее остальных; невежество и суеверия увеличиваются по мере удаления от города. По частным сведениям, в Верхоянском улусе на сто человек жителей считается по два шамана, в Жиганском — от пяти до шести, в Эльгецком — по десяти, а в Усть-Янском — по двенадцати.

В заключение главы о русских мы должны сказать несколько слов об одном из самых северных русских поселений, о местечке «Русское Устье» (на устьях р. Индигирки). Это местечко не имеет летнего сообщения с Верхоянском, да и зимние сообщения с ним крайне редки, потому, надеюсь, читатель извинит, что собранные мною сведения далеко не полны.

Если собака залает со сна, то в Русском Устье уже ждут приезжих. Подъезжающий к Русскому Устью зимой бывает поражён множеством собак, бегающих по крышам домиков и при приближении приезжих поднимающих всеобщий ужасающий лай. Собаки составляют здесь главное богатство; у богатых число их доходит до 100, но есть бедняки, которые держат только по две собаки.¹ Оленей и лошадей очень мало, да

---

¹ Красавицы в русско-устыинских сказках превращаются не в «птиц», а в «собачку» (см. № 7); сказка №6^Е намекает на ненадёжность местного рыболовства и рыболовных снарядов. Вообще русско-устыинские сказки, помещённые нами в Прибавлении, дают некоторые материалы для характеристики местного языка; некоторые из них явно заимствованы с инородческого (сказка о Долой-тойоне);^Е самый язык их носит следы инородческого влияния; роды представляют колебание (в якутском языке их совершенно не существует); буква «ц» во многих случаях перешла в «с» (сар), потому что инородцы не могут выговаривать звука «ц». Вместо «пошёл к городу» говорят просто «пошёл городу», как и на якутском языке, не употребляющем в данном случае предлога. Слово «сидят» употребляется, как в якутском языке, в одном значении со словом «живут». Слово «верста» означает у них 10 вёрст (как у якутов).

В песнях русско-устыинские лучше помнят родной язык.^Ж Дети тоже поют известное:

Солнышко, солнышко!
Выгляни в окошечко:
Твои детки плачут,
Серу колупают,
Собакам бросают, нам не дают!

(Серу достают в лесу близ Ожогина. В Верхоянск она привозится из Якутска и в большом употреблении между прекрасным полом. Некоторые жуют серу дорогой во время зимних морозов, чем предохраняют нос от стужи — постоянное движение рта и носа вызывает теплоту).

Взрослые помнят семик; поют «Со вьюном я хожу», «Хороню я, хороню я», «Ходит царь круг Нова-города» и пр. Или былины, например:

Илья Муромец по кораблику
Похаживает,
Тугой лук натягивает,

и те в руках одного местного «богача»; коров совсем нет. Ружей на Русском Устье почти нету; стреляют из луков стрелами с железным накопником; некоторые русские столь бедны, что едва имеют по две таких стрелы (конечно, после каждого выстрела стрелу отыскивают и подбирают).

По рассказам, число незаконнорождённых в Русском Устье почти всегда превышает число законных детей. < ... > Кровосмешение даже родных братьев и сестёр составляет одно из обыкновенных явлений.

По крайней бедности местное население помещается в самых тесных конурках, живёт и спит почти друг на друге. < ... > Девушки начинают рожать с самых молодых лет и, выходя со временем замуж, уже не имеют силы производить (законных) детей. Говорят, что дети от кровосмешения отличаются необыкновенным сходством со своими родителями, но не имеют ни особых болезней, ни физических недостатков.^И

Невежество, господствующее в Русском Устье, долго ещё не даст ему возможности поправиться. Бедность там господствует такая, что жители не в состоянии вносить за себя податей; они сиздавна вносились покойным купцом Ф. Соловьёвым, и он, вероятно не без выгоды, отбирал потом с жителей свой взнос мехами.¹ И такие бедняки должны платить за одни крестины десять песцовых лап и одного песца (около 2 руб. серебром).

На тетивочку накладывает:
Полети моя калиная стрела,
Выше дерева стоячего
Выше облака ходячего,
Подстрели ты серу утицу на яйцах и пр.

(см. в Приложении былины «Олеша», «Царь Елизар», «Мстиславский»);³ Некоторые сказки начинаются так: «Жил-был царь на водах, на горах, на русских городах; низко жить — водой поймёт, высоко жить — ветром свеет; надо на таком на ровном месте жить, как пирог на скатерти».

Вот ещё несколько местных русско-устыинских слов, *волоком* (волоком), *воструха* (нельма весом менее 15 фунтов), *давят* (доят), *двою* (дважды), *инако* (иначе), *миого* (много), *Кулыма* (Колыма) (Колымск, называемый здесь Колымою или Кулымою, вероятно, получил свое название от употребляющегося в Жиганском улусе слова *кўолума*, означающего летнюю конусообразную хижину, обмазанную глиной или обложенную дёрном), *ласно* (кажется), *охто* (кто), *паши* (мети), *не пропащется* (не выметется), *провиянт* (мука), *накулупай* дров (т.е. наколи), *подгузок* (подстилка в зыбке), *понарва* (после), *макун* (железный инструмент, которым добывают из нор песцов), *трёю* (трижды), *улово* (место, где ловят рыбу), *щепеткая* (красивая), «оставалось только луком метнуть» (измерение пространства).

Собакам дают имена Бурко, Белуга, Валётко, Коса, Кышча, Серко, Турпан, Чубарко и т.п. Ветра называются сивер, полуночник, запад, сток, солонник, обейник, сиверст, глубник. Самым сильным ветром считается сиверст; он-де встречается с полуночником, и во время этих ветров бывает темно и снег падает.

¹ В нынешнем 1868 г. за русских мещан купцом Гаврилою Соловьёвым внесено податей на 330 руб. срб.

Под влиянием ли смешения с юкагирами и якутами, под влиянием ли сурового климата, но русские в Русском Устье не имеют бород; вырастают только небольшие волосики, которые тотчас же и стригут. «У попа борода живёт», — дополняет русско-устыинец, но попы — люди приезжие. Кроме суровости климата, население удручает ещё поветрия. «Подле нас три дыма жило; стало одушье; один дым остался», — говорил русско-устыинский. За отсутствием русских больниц и докторов в случае болезни обращаются к помощи юкагирского шамана.¹

Именины ребёнка начинают править со второго года. При этом едят гусей, пьют чай с мукой (испеченной на рыбьем жире), едят «тельно» (рыбу, в середину которой кладут «кавардак», состоящий из корня макарши). Постуя, не едят варёной рыбы, считая её «молосной» (т.е. скоромной) и питаются сырой мёрзлой рыбой (строганиной).²

Отправляясь в лодочке по реке вёрст на 20, в середине пути для благополучного путешествия спускают на воду «комóчку». «Комочка» есть чистый лоскут вершка в два ширины, который раньше держат в «могильке» (вместе с крестом на шее).

[...] — спросил я у русско-устыинца.

«Как же слышали, сказывали нам якутские купцы!». — «Ну, что у вас говорят?». — «Да говорят: (если) царя убьют, какие мы люди будем? Прольют царскую кровь — земля загорится!».

Такое странное мирозерцание объяснилось, наконец, тем, что русско-устыинские усвоили себе от местных иногородцев обожание *огня* и, молясь ему, величают его *царём*. Бабы, варя пищу, рыбий или гусиный жир, всегда снимают немного сверху и льют в огонь, приговаривая: «Батюшка сар-огонь, подай пищи (рыбы)!» и пр. или «Батюшка сар-огонь, погоду укрути!». Также мужчины, выезжая на промысел и разводя на поле огонь, тоже льют жира в огонь, приговаривая: «Батюшка сар-огонь, гúси дай! Будí гúси дашь, больше жиру будем подливать!».

---

¹ Впрочем, и в самом городе Верхоянске русские несколько лет тому назад в случае болезни нередко обращались к шаманам якутским. Так, у одной, тяжело заболевшей родами, якутский шаман отыскал под постелью дьявола в виде червя, посадил его в бутылку и, навязав на бутылку камень, утопил в реке.

² В Верхоянске дамы, говея, считают грехом причащаться в кринолинах; в этом случае не надевают также жемчугу, браслет и колец.

IV. ЛАМУТЫ (ТУНГУСЫ)

Кроме якутов, в Верхоянском округе живут ещё некоторые другие инородцы. Инородцев по Лене якуты называют *тонус*,^A (тунгус), между устьями Лены и Яны (близ устья р. Голой) — *омук* («иностранец», инородец Кюпского наслега), инородцев по берегам Ледовитого океана — *дьукагир* (юкагиры); иногда называют также *байагал омуктара* («приморские инородцы») или *таас омуктара* («горные инородцы»). Горных и живущих по р. Индигирке и её притокам называют *ламынха* (ламуты). По преданиям, тунгусов, живущих в горах на 300 вёрст (*чубука сирэ*) к западу от Верхоянска, в глубокую старину было три брата; от *старшего* произошли русские, от *среднего* — якуты, и от *младшего* — тунгусы. По историческим преданиям этих тунгусов, они впервые поселились сюда, пришедши с Индигирки, и нашли уже здешние места занятыми юкагирами, которых они и прогнали к северу.

В этой главе мы будем говорить главным образом об индигирских тунгусах, или иначе ламутах.

Эльгетские ламуты — самые богатейшие из инородцев Верхоянского округа; главное богатство их составляют олени. Не зная грамоты, ламуты считают свои стада метками; отрезают у оленя небольшую часть уха и вздевают её на нитку; затем вздевается частичка уха другого оленя, третьего и т.д. Нитка делится по саженьям, и каждая сажень заключает в себе около 1000 ушей. Говорят, что один эльгетский ламут имеет около 16 сажен таких нитей. Но так как олени нередко падают, то счёт наличных оленей постоянно рознит со счётом по нити, так что хозяин сам не может сосчитать своего богатства. Как бы ни был ламут богат скотом, ходит он всё-таки ободраным, так что по платью его можно счесть за нищего.

При перемене места часто бывает неурожай в приплоде оленей, и потому богатые реже кочуют с места на место; наоборот, бедные ламуты, кочуя за зверем, постоянно переменяют своё местопребывание.

Хорошим годом считается у ламутов лишь тот год, когда пыжики (новорождённые олени) не помирают или если новорождённые будут все самки. Если же новорождённые падают или рождаются все самцы, то это уже худой год. Год бывает ещё хуже, когда олени совсем не мечут пыжиков. А самым худым годом считается тот, когда в животе у оленей заво-

дятся черви и начинается падёж. Оленья самка, не приносящая пыжиков, вместе с тем не даёт и молока, поэтому обыкновенно её убивают (такая самка по-ламутски называется *кэтым*).

Весной, когда олени начинают метать пыжиков, «богатые» ламуты, имеющие большие стада оленей, спешат с зимних промыслов на место летовки — «чистую» (*чистай*). «Чистой» называется вершина какой-нибудь каменистой речки, где летом и съезжается несколько десятков ламутов. Так, они собираются по зашиверскому тракту на вершине р. Кыры (или Русской Рассохи), где летом собирается около 30 семейств (юрт) ламутов. Другое стойбище бывает на р. Догдо, в 80 верстах к юго-востоку от Убиенной поварни. Тут собирается около 70 юрт. Момские ламуты имеют стойбища поочерёдно в разных местах: 1) на Кыллахе, речке, впадающей в Индигирку, около Зашиверской церкви; 2) Чолалн-речка (что по-ламутски значит «кверху глядящий»), от Момской церкви без малого 60 вёрст, тоже на восток, по речке впадающей в Мому; 3) Хайырдах; 4) Ещё далее на восток, Ханарайдах, самая дальняя на вершине р. Момы; на каждой речке, впадающей в Индигирку и Мому.

Богатые съезжаются с конца марта или с начала апреля, а бедные позже; так что полное собрание начинается в начале мая. Впрочем, бедные, не находящиеся в работе у богатых, летуют большей частью на рыбных местах.

Юрты на стойбищах ставят в две или три линии. Время стоянки продолжается до последних чисел июля (до ильина дня). Бедные разъезжаются и раньше ильина дня. Всё время стоянки — для ламутов настоящий праздник. В это время они спят днём и встают поздно, когда солнце уже совсем склонится к вечеру. Вставши, умыв лицо, нарядившись и помяв образам в юрте или на восток, ламуты садятся пить чай, который они очень любят. Если есть чай, то пьют его раз десять в сутки: сперва у одного хозяина, потом у другого и т.д. Чай пьют крепкий (кирпичный) и притом сперва мужчины, потом женщины. Вслед за чаем едят несколько варёного оленьего мяса или диких баранов и прочих зверей (т.е. ужинают). Затем начинаются забавы, и ламуту уже не до еды, зато он пьёт большее количество воды. Повеселившись всю ночь, ложатся уже утром, когда солнце не только взошло, но уже начинает пригревать.

Кружатся группы ламутов и ламуток в их коротких платьях близ шумящей речки на ровном безлесном месте между живописными утёсами при заходящем или восходящем солнце, которое, освещая ярким светом

одну сторону утёсов, другую их сторону оттеняет тёмными красками. Олени виднеются в освещённых ущельях гор; тальниковые курева дымятся перед юртами; дети, старики и старушки сидят, сложивши под себя ноги... Такая картина действительно живописна. Недаром местные русские и якуты в восторге от летних ламутских праздников.

При пляске ламуты берутся под локти в круг и потом идут в одну сторону; сначала поют тихо и низко и идут тише, а потом напев становится громче, выше и скорее и круг обращается скорее. Ламуты-мужчины, желая блеснуть лёгкостью и грациозностью, закрывают глаза и откидывают голову назад: другие же держат голову книзу, следя за своими ногами. Ламутки в пляске тоже грациозничают и выпрямляются, как можно прямее, тогда как обыкновенно ходят согнувшись. В круг становятся человек 20, 30, 50 и даже 60; парень становится с любимой девушкой, мужчина с женщиной попарно, но в конце ряда лишние смешиваются. Пляшут обыкновенно вечером или после солнечного заката, когда нежарко. Если даже зимой съедется несколько ламутских семейств, то они пляшут на дворе, на морозе, что, впрочем, бывает очень редко. Иногда женщины и мужчины пляшут отдельно.

Ламутская пляска сопровождается известным припевом: «Эхь-эрьяхь, эхь-эрьяхь, эхь-эрьяхь», «Дьаһунди!» («То-то люли!»). Песня ламуток нежнее и тише якутской: голос их обыкновенно тенор. При пении ламуты не рознят; у них есть целые песни, в которых они удачно подражают голосу стерхов. Старушки хрюкают по-оленьи.

Кроме того, ламуты рассказывают друг другу сказки с песнями, импровизируют стихи в честь горных духов, богачей и красавиц.

Сверх того, их развлекают разные забавы: беганье, прыганье, скакание, пробование силы (палкой), беги верхом на оленях, борьба, кулачный бой и пр. Тянутся друг с другом, захватившись средними пальцами (*таанчимачин*). Борются, взявшись за пояс, при этом не бьют под ножку, а поднимают наверх, пересиливают и положат на землю. Этой игрой (*дилмачин*) забавляются только мужчины.

Также одни мужчины бегают взапуски, очень скоро, до обморока. Эта игра называется *есчимэчэк*. Если она производится даром, то участвуют многие. Если же с наградой, то обыкновенно только двое лучших скороходов. Обогнавший по условию получает премией оленя или ровдугу,

платье или нож. Эти вещи поручаются особому человеку, наблюдающему бегущих (*орам дьавран*, что значит «оленедержатель»), который и передаёт их победителю.

Есть ещё игра *моов давран* («дерево перескочить»). К концам лука привязывают с обеих сторон по ремню; и двое мужчин, держа каждый по такому ремню на высоте не ниже колена и не выше пояса, качают лук в воздухе. Разбежавшийся должен перепрыгнуть через него. Тогда держащие, не давая ему времени перескочить, мгновенно переворачивают лук через его голову; это считается для него постыдным поражением.

Играют также в мячик (*тэвэнкэн*). Мячик они делают из шерсти, моха, камешка, обёрнутых тряпкой. Играющие разделяются на две стороны, по 3–6 игроков в каждой. Один из игроков одной стороны бросает мячик, а другая сторона должна подхватывать. А если не подхватят, то остаются в долгу у противной стороны и должны стараться отыграть долг. Играют мячиком и в лапту.

Впрочем, во всех летних увеселениях участвуют главным образом богатые ламуты, которые летом и зимой почти не ходят за промыслом, а заставляют промыслять бедняков. Богатые ламуты положительно ездят на бедных, притесняют их, морят голодом по несколько суток; рабочие должны пешие гнать стада оленей и разыскивать их. Бедняк и летом, и зимой одет весьма плохо и никогда не приобретает состояния, находясь в услужении у богачей. Бедные, голодные, озябшие ламуты не решаются обманывать или воровать. Воровство между ламутами — вещь весьма редкая... Если потеряно полрыбы и ламут её найдёт, то он везёт её вёрст за 100 и возвращает хозяину. Жалкое положение бедных ламутов вошло у якутов в пословицу: *омук кулуттаммытыгар дылы* («как ламут, имеющий раба, как ламутский богач в отношении своих слуг»). Цивилизованные, объякутевшие ламуты, решаются уже на воровство и мошенничество.

Самый богатый ламут на «чистом» — начальник всех; он судит и рядит, хотя тут и бывает староста или старшина. Летние тяжбы ламутов состоят в оскорблении чести, большей частью бранью. А ругаются ламуты очень часто, причём, кроме своих, употребляют бранные выражения, переведённые с якутского. Вообще многие ламуты знают по-якутски; зато якуты почти совсем не знают по-ламутски. Якуты не бывают в работе у богатых ламутов; а бедные ламуты нередко бывают работниками у якутов и иногда у русских.

Ламуты, встретившись друг с другом, в последнее время здороваются пожатием рук и поцелуем. Если встретится заезжий человек, то первым вопросом будет: «Как живёт солнце — наш царь?», потом спрашивает о губернаторе, архиерее, благочинном и исправнике. Русских они сильно боятся, и с якутами более доверчивы, хотя иногда и отзываются о них с пренебрежением. Якуты, однако, извлекают свою выгоду из знакомства с русскими и при случае притесняют ламутов. Многие бедные якуты сильно поживились на счёт богатых ламутов.

Ламут, упромысливший что-нибудь, хотя бы диких оленей, целиком всё отдаёт другим (например, сын отцу и т.п.), этот подарок из промысла называется *ньимат*. А друг одаривает, как хочет, а то и ничего не даёт. *Ньимат* ламуты дают иногда также русским и якутам. Иные неумелые ламуты гоняются также за ловким охотником, которому таким образом ничего не остаётся; однако *ньимат* женщинам не дают.

Сватаются ламуты с помощью свата, который приходит со сватовством к тестю три раза (в продолжение трех дней). Сватом выбирается вообще человек почётный; родственник ли он жениху, или нет — это всё равно.

Сват приходит в первый раз и говорит: «Я нуждаюсь в доме и огне; дайте мне обрезков от платья!». Если родители не согласны родниться с женихом, то отвечают: «У нас нет обрезков!». Если же согласны, то говорят: «Поищем!» (В иных местах у инородцев есть такой обычай, что сват приносит отцу невесты трубку, наложенную табаком, с кисетом; если отец примет её, признак согласия; если же нет, значит, не хочет выдавать дочь).

На второй день повторяется та же просьба, и если родители согласны, то скажут: «Много у нас обрезков; который?». Тогда сват указывает на невесту; ламутская невеста не прячется от людей, да и прятаться ей некуда.

На третий день бывает окончательный сговор. Богатые родители на радостях убивают для угощения четырёх оленей, бедные — одного. Это мясо не съедается всё, как у якутов, а даётся в подарок. Если калым есть, то он вносится тут же при окончательном сговоре, и жених тут же берёт себе невесту и увозит. Муж и жена зовутся у ламутов одним именем; а венчаются они как придётся.

Самый большой калым, платимый за невесту, простирается до 300 оленей, а самый малый состоит из пяти. В числе оленей считаются огниво, оленья кожа, ножик, топор, платок; вышитые бисером кисеты считаются за два оленя. Третья часть калыма тем же счётом возвращается жениху.

Свадьбы бывают обыкновенно тогда, когда несколько кочевых юрт, встретившись, останавливаются на некоторое время все вместе. У многих тунгусов и ламутов невеста привозится в дом жениха при следующих обрядах. Рано утром от тестя и тёщи ведут к жениховой юрте оленя и тут убивают его, убитого оленя кладут ко входу юрты так, чтобы голова его приходилась как раз в дверях, чтобы всякий входящий в юрту должен был перешагнуть через эту голову. Жених в это время сидит в своей юрте, а невесту сажают верхом на оленя, при этом она бывает вся с головой закрыта сверху ровдугой; за невестой гужом привязывают всех нагруженных оленей, которые идут в приданое. Один из знакомых пеший должен вести невесту к жениху. Сперва обводит невесту и её приданое вокруг тестиной юрты по солнцу три раза, потом пешком же отводит поезд к юрте жениха, которую также трижды окружают по солнцу; во время этих круговых ходов никто не должен выходить из юрты. Окончивши ход, останавливается у дверей юрты. Тут жених выходит из юрты, перешагивая через оленью голову, он приподнимает немало ровдугу и целует невесту, но так, чтобы другие никто не видел её лица. И потом сам вводит её в юрту, перешагивая через оленью голову. В то же время кладь, привезённую в приданое, снимают с оленей, достают оттуда приданную занавеску и протягивают её в юрту. Невеста, вошедши в юрту, крестится под покрывалом и уходит за занавеску одна. Затем свёкор дарит убитого тестем оленя кому-нибудь из своих знакомых соседей, юрта которого в это время стоит в том же месте; оленя вместе с головой тащат к этому соседу. Сосед принимает подарок и в свою очередь дарит его третьему лицу, своему приятелю; тот уже не может в свою очередь подарить его кому-нибудь: он должен разрубить мясо и часть его (ногу или грудину) должен послать обратно к зятю. У жениха убивают тоже одного оленя, едят его, дают его невесте и посылают такую же часть оленины к (третьему) соседу, в подарок за его гостинец.

В продолжение трех дней сидит невестка за перегородкой, не показываясь ни свёкру, ни свекрови, а если ей нужно выйти из юрты, то выходит, прячась за мужем или за какой-нибудь женщиной. По истечении

трёх дней она показывается свёкру или свекрови, помолится богу и кланяется новым родителям в ноги. Но и во весь свой век она должна ходить перед свёкром и дядей (с мужниной стороны) в шапке.

В старину по взаимному согласию жениха и невесты её похищали у родителей силой. Говорят, ламуты и в настоящее время имеют по две жены, хотя и скрывают это от русских.

Ламутки вообще ростом ниже якуток, между ними почти нет толстых; между мужчинами нет ни одного дородного. Зато они ловки, стройны, цепки, как кошки.

Ламутки имеют белое, румяное лицо, но большей части неправильное и с неприятным выражением. Голос их обыкновенно очень нежный, звонкий и чистый. Говорят весьма скоро, тараторкой. Ламутка справляет всю домашнюю работу; ламут ходит только за промыслом. Ламутка свежует дикого барана, если муж убьёт его поблизости; она шьёт, варит, сушит мужнины торбаса, везёт кладь, рубит дрова, снимает и ставит юрту... Вместе с тем она иногда вертит и своим мужем, ругает его, даже в редких случаях и бьёт (как говорят). <...> Девушка вольна; стало быть, может и погулять. И любовников своих от родителей или от посторонних людей она не прячет; но снохи таятся от свекровей.^В Скандальные рассказы развлекают дам и восхищают мужчин.

Ламуты плохо считают свои года; и, как говорят, молодые ламуты женятся без разбора на старых, и старые — на молодых.

Ламуты <...> иногда моют лицо и мочат в воде руки, но тело остаётся без омовения, кажется, они даже и летом не купаются, хотя к жару очень чувствительны, холод же переносят очень легко.

Чай, табак и водку любят до крайности; долго не курящий ламут затягивается табаком до того, что падает опьянённый.

Наши жены «родят, как олени», говорят ламуты. Ламутка никогда не родит в юрте (даже зимой). При наступлении родов она берет свою постель, выйдет во двор, родит там и тогда вносит ребёнка в юрту. Говорят, что если ребёнок рождается зимой, то его тотчас же обмывают снегом. И затем заставляют его здороваться, целоваться со всеми присутствующими на этом месте ламутами. Иногда взрослые сами приходят из соседних юрт, иногда младенца обносят по юртам.

При родах иногда присутствует повитуха (*яняйни*). Обмывая ребенка, приговаривают: «Будь хорошим, бессмертным человеком!» (*Ай бый ооли, эдьи көкэкил*). Ламутское имя даётся ребёнку-мальчику по имени

мужа повитухи, а девочке по имени самой бабки. Имена бывают, например, такие: *Ёянъкуль* («ерник», мелкая берёза), *Дьяньтуня* («длинный»), *Нёнёха* («короткий»), *Догдок*, *Баячянь* и пр.

При родах же новорождённому дают деревянную овальную зыбку с крышкой сверху (*бэбэ*). Эту зыбку качают, напевая: «Не кричи — замолчи!» (*Сагыра-сагыра*), «Не плачь!» (*Эдьиһонкил*), «Счастливый ты будешь!» (*Дьулылкэн бидьинди*).

На родинах убивают жирного оленя (самца или самку), шкуру которого иногда отдают повитухе.

Подросших детей ламуты бьют; некоторые отцы и нежны к ним только в пьяном виде. С семи лет детей учат собирать ближних оленей, также возят с собой, сажая на самого смиренного и умного оленя, которого и пускают вперёд. С десяти лет девочки начинают доить оленьих самок.

Ламуты доят оленей, замотав самку за шею и привязав её к лесине, чтобы она не вертелась. Если и привязанная она станет вертеться, то придерживают за голову. Доеение производится один раз в сутки. Вечером, отогнав пыжиков от матерей, снимают кладь с самок, ударяют их под сосцы довольно сильно, а потом и выдают молоко в железные ковши, называемые по-ламутски *куола*; при этом одной рукой дойница держит ковш, а другой доит.

После рождения пыжиков оленьё молоко пьют уже на третий день. Обыкновенно они доятся с последних чисел июля до последних чисел сентября. Зимой не доят, потому что тогда пыжики сосут усердно; в случае же пропажи пыжика (или если заколют), маток доят каждый вечер.

Олень составляет главное богатство ламутов; пища и платье приобретаются ими главным образом от оленей. Летом, когда пойдёт дождь, ламутки не выходят из юрточки, потому что всё их платье бывает ровдужное, которое в дождь мокнет и портится. Рубахи и прочее платье из пряжи и тканья имеются лишь у весьма немногих объякутевших ламутов. Ручной учёный олень (манчик) служит им также для поимки диких оленей (см. гл. II о животных).

Момские ламуты никогда не учат своих оленей санной езде, а ездят на них лишь верхом. Садятся на оленя всегда с правой стороны. И так как сидят без седла, прямо на шее, потому что спинной хребет оленя не может выдерживать человека, то, несмотря на всю свою ловкость, часто падают; хотя и нет опасности, чтобы олень растоптал бы упавшего че-

ловека, зато падающие накалываются на дерево, падают на камни, в обвалы, ломают кости. Для выправления костей приглашается иногда шаман, но чаще специальный мастер *хаптагабатын*.

От порезу лечат прикладывая к ране табак и перевязывая её. Горячую воду студят и потом пьют холодную; это ламутское лечение от всякой болезни. Весной ламуты сильно страдают глазами, от дыма и яркого света от солнца и снега. В этом случае они выворачивают веко и потом до крови скоблят ножом.

Часто во время болезней¹ приглашают шаманов, которые, приходя с бубном, наговаривают, напевают, плюют на больное место. Шаман шаманит, сидя на шкуре подле больного (эту шкуру потом отдают шаману). Родители, знакомые и сторонние люди собираются смотреть на церемонию. Шаман начинает своё служение как стемнеет и шаманит целую ночь; утром он уезжает. Его отдаривают оленями уже тогда, когда выздоровеет больной. Иногда сам выздоровевший едет и дарит. Подарки бывают и по требованию самого шамана, который перечисляет чертей, причинивших болезнь, и их желания.²

Если ламут умрёт, то его обмывают и тотчас выносят на двор (на поле). Три-четыре дня покойник лежит на дворе. Всё это время и днём и ночью ламуты боятся выходить поодиночке. Яму роют выше роста человеческого, в каменистых местах — до пазухи; если земля очень камениста, то относят от юрты очень далеко. Покойника в этом случае везут на качке на двух оленях; когда привезут к месту могилы, оленей убивают и едят во время работы над могилой. А шкуру отдают тому, кто работал.

---

¹ Тунгусы, зачехлавшие в Верхоянский округ из Якутского в 1859 г., недалеко от Барыласа, заболели корью и, желая спастись от болезни, повесили на лиственницу шкуру белки.

² Тунгусы вообще славятся своими шаманами (Садычка, Оппонё). Нередко сами якуты прибегают к их помощи. Предания о знаменитых тунгусских шаманах встречаются очень часто, в одном месте о них напоминают камни, разложенные на их могилах; например, над шаманом, имевшем «три-девять и семь „седалищ“ (олох)», кладется три-девять и семь камней. Из последних семи один кладётся в середине и шесть составляют около него круг; далее на некотором расстоянии девять кучек камней составляют новый круг, причём каждая состоит ровно из трёх камней. По прямой таёжной дороге от Верхоянска на Жиганск весится шаманское платье, потому что по смерти его не было достойного ему преемника. От этого платья-де бывает ужасный свист и ветер. Тунгусы уверены, что тот, кто возьмёт себе это платье, непременно умрёт. Одежду же эту можно будет снять только тогда, когда хороший шаман принесёт новую кровавую жертву. По очень свежему преданию, когда на р. Хара Улах падал скот и захворали якуты, то, по их рассказам, они спаслись лишь помощью тунгусского шамана, который сделал какие-то деревянные ворота, в которые провёл и людей, и скот; только один якут не утерпел, оглянулся, зато и ослеп он на полтора года. А, оглянувшись, видел он, как от скота и людей так слоями и отрывались черви и лягушки и оставались, не проходя в ворота.

Можно думать, что якутское шаманство имеет много общего с тунгусским. Некоторые тунгусы возят с собою кости покойных шаманов (например, руки).

Одежду, в которой помер человек, и шкуру, на которой он лежал, умирая, бросают: даже бедные не берут. Юрта стоит на своём месте, пока не похоронят покойника. Но лишь только погребут, юрту в тот же день снимают и кочуют.

Мямяльские тунгусы, если их состоятельный товарищ померёт в дороге, в горах, одевают его в лучшую одежду, а старую вешают подле могилы покойника. Они не роют глубоко могилы, а только прикрывают покойника сверху землёй и так мало, что из-под земли видно ноги и прочие члены тела. Затем покойника уже не посещают. Очевидец так рассказывал о похоронах одной богатой тунгуски на *Силээннээх*. Это было зимой 1859 г. Покойницу положили в гроб в новом сшитом ею самой платье, точно таком же, в каком она взята была женихом из отцовского дома. Рано утром поцеловав покойницу, положили её на нарту, запряжённую оленями, на которую сел её муж и повёз её к могиле вёрст за пять от местечка. Вместе с мужем поехали верхом на оленях к могиле человек десять мужчин-тунгусов, но ни одной тунгуски. Один из них (совершенно посторонний человек) повёл пять чисто белых оленей, которые были осёдланы и навьючены разными домашними вещами. Упряжь этих пяти оленей была (на голове) с разными украшениями; в навьюченных чистых котомках были уложены один котёл, деревянная чашка, ложка, одна жестяная тарелка, один медный и один белый чайник, фаянсовая чашка, топор, пальма и один ножик. Навьючена была также походная тунгусская юрта, постель из чисто белой оленьей кожи, новое заячье одеяло. Весь этот поезд отправился из дому тихою оленьей ездой; воротился в тот же день около полудня очень скорою оленьей ездой. Хотя тунгусы вернулись и по той же дороге, по которой приехали, но к дому привели оленей не прямо, а как-то наоборот. Пять чисто белых оленей были приведены тем же вожатым, но только без клад; вся она была повешена на горизонтальной палке, укреплённой на двух кольях вблизи могилы на восточной стороне и совершенно так же, как кладь была размещена, навьюченная на оленях (это делается вследствие уверенности, что покойница отправится на восток). Тотчас же после приезда эти пять чисто белых оленей зараз в одну минуту были удушены за шею ремнём (*маамык-быатынан*), причём за оба конца ремня тянули все ездившие десять человек. И, удавивши пять оленей, показывали им на ту сторону, где находится могила, причитали и приговаривали: «Подите туда!». Затем все эти десять человек пришли к

юрте взадпятки и разошлись по разным юртам. Спустя долго, поздно вечером разрубили мясо этих пяти удушенных оленей. Разрубали только одни домашние, из других юрт никто не был, а также и кусков этого мяса не посылали и не давали никому постороннему. Всё мясо было принесено в юрту и повешено на дереве; домашние стали его есть с того же вечера. Посторонние не едят этого мяса, вследствие того верования тунгусов, что в этом случае оленья душа не пойдёт к покойнице. «Мы верим, — сказали тунгусы, — что покойница не умерла, а только уехала от нас жить в другое место; и вот для того, чтобы она не ходила там пешком, мы убили-послали ей пять оленей и отдали ей часть имущества, чтобы она взяла свою долю скота, свою долю платья и домашнего имущества».

Ламутские шаманы в большом почёте даже между якутами. По якутским рассказам, они обратили в дым одну счастливую для якутов звезду; они спасают нередко якутов от болезней, падежа скота и пр.

На вершине Туостаха на 20 ламутских юрт считается только 2 шамана.

Ламуты ещё крепко держатся идолопоклонства. Идола своего они делают из самого крепкого дерева, притом такого, которое выросло обвившись кругом другой лесины. Идол называется ламутами *хайта*, украшен разными звонцами и корольками; на нём надета шапка и платье, обшитое металлическими кружками и украшениями. Лицо немного меньше ладони, как у новорождённого младенца. Идол делается без ног и в локоть длиною.

«Хорошо бывает смотреть», — отзываются о нём ламуты.

Ламуты ничего не держат дома; всё имущество и даже шайтана^Г держат большей частью на дворе. В юрте же шайтана кладут к стене у постели, закрывая его платьем (перед серединой постели).

При перекочёвках старуха-ламутка везёт его на особенном олене, причём кладёт его в белую ровдужную суму; другая побочная сума бывает набита платьем; в обеих суммах вместе около пуда весом. Шайтан всегда везётся в середине поезда. При остановке его всегда спускают на особенное место от кладки, потому его легко можно узнать (по белизне сумы).

Семейство молится своему шайтану каждый день, просят его о промысле: «Осчастливь, дай промысла!» (*Буюм бакукали дьулылкэн дэ ялка-ноовкали*)^Д В этом случае, а также при другой какой-нибудь нужде шайтана обкуривают жиром.

Молятся также с помощью бубна (*унтун*). Хозяин сам бьёт в бубен при шамане, а потом уже колотит шаман, также скачет, поёт. Когда я спросил о подробностях, то ламут отвечал: «Боюсь я смотреть, а он каждую ночь молится!».

Молятся, кроме того, на горах; делают заклинание, чтобы горные духи дали счастья и олени были бы благополучны (*дъулылкэн дэ ялкан оовкали, ормут эдъи кокэвкэкил*).

Горный бог, по представлениям ламутов, бывает рыжий, красный, в весьма замысловатом платье. Около Зашиверска, на вершине р. Арги, горный дух взял к себе девушку-ламутку. Она вышла под тень горы около речки шить узоры. Это место называется *Дъолычывкич*. На другой день видели, как горный дух прогуливался вместе с ней; он её полюбил. В первый день она окаменела по колена, во второй — по пояс, в третий — вся. И всё её имение, и олени, и платье, всё окаменело. Нынче всякий проходящий мимо оставляет там табак или кусок платья и т.п.

Есть также олений бог (дух), называемый ламутами *Орон Мураанни*. К урожаю оленей он кажется богачейшему ламуту, приезжает на маленьком белом олене, погоняя его белым шестом. Он старый-престарый, с белой бородой и не показывает хорошенько лица. И когда гонит оленей, то свистит. Он показывается также, если кому-нибудь обеднеть.

На белом самце ламуты не ездят; он считается «священным», и его отдают шаману.

«Умные люди говорят также, что есть дух огня — старик в белой дохе, называемый по-ламутски *Тоф Мураанни*». В огонь бросают пищу, отправляясь на промысел.

Ламуты сильно боятся грома (по-ламутски *якжянь*), во время грозы разводят огонь.

Огонь почитают, делятся с ним пищей и приговаривают: «Хорошо гори, не гасни!» (*Эдъи һиивкил, айыч дурли*).

Мямяльские тунгусы, упромыслив дикого оленя, бросают в огонь его жиру, также по частичке из сердца, лёгких, головы, уст и прочих частей тела и при этом приговаривают, прося, чтоб огонь дал им побольше оленей. Они не позволяют беременной тунгуске перешагивать через кровь дикого оленя, есть его печень, приближаться к нему; не допускается к убитому оленю даже муж беременной.

Говорят, что есть дух ветра *Һуннэ Мураанни*, который и пышет им. Южный ветер самый лучший, а западный со злым духом (дьяволом). Если

подымется сильный западный ветер, то, когда вечером все лягут спать и уснут, кто-нибудь один берет дерево, зажигает его конец и положит на дворе против ветра, приговаривая: «Наколись на это!» (*Өбүлү дээкувкэли* — наколись-умри. *Ай оли*, пусть дыхание твоё остановится). «И ветер от этого всегда останавливается».

Северное сияние называют *байгал оотан* — море играет; думают, что оно происходит от движения морской воды.

Из зверей больше всего боятся медведя; они не называют его медведем (*дэрикэн*), а «дядей» (*мээмэчэн*).

Если отправляются на промысел и видят «красные глаза», то, значит, промысел будет хорош.

К приезду дорожных видят перед глазами на мгновение чёрную черту.

Сами ламуты за стыд считают ездить по обыкновенным дорогам и ко-чуют по камням.

В городе ламуты бывают очень редко, и потому мне невозможно было собрать о них удовлетворительных сведений. По отдалённости их от города они плохие христиане; в 1868 г. по зашиверскому тракту крестили семилетних и шестилетних ламутов. Что же должно быть вне главного тракта?

Впрочем, рассказывают, что крещёные ламуты по зарубкам знают пасху, все годовые праздники и воскресенья и почитают их ещё строже якутов. В эти дни они не ездят, не шьют, не работают.

V. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Сколько нам известно, у здешних якутов нет рассказов или преданий о сотворении мира, кроме очень немногих, заимствованных от русских. Якутские сказки о прародителях рода человеческого начинаются обыкновенно тем, что герой подробно осматривает свой дом и хозяйство, недоумевая, откуда всё это произошло, откуда сам он возник, не зная и не отгадывая, кто были его родители. Этим обычным приступом якутские сказки отметили тот период человеческого развития, когда человек впервые стал сознательно познавать своё существование, в уме его возникли вопросы о происхождении вещей, но не хватало сил разрешить эти недоразумения.

Исторические предания якутов группируются около следующих рассказов. «В начале веков людей было очень мало, — говорят якуты. — Жил один старик якут со старухой и была у них всего одна дочь (*Уһун сыһыахтаах Удаҕантай оҕо* — «длиннокосая шаманочка»). Подрастает эта девочка; семи лет у ней вдруг стал увеличиваться живот, да и в животе стало что-то (дитя) шевелиться. Подумали старинные якуты: «Дьявол в неё вселился». Стали отец с матерью её бояться, говорят: «Видно, дьявол въявь вселился в наше единственное дитя!». А тогда такой был обычай, что родители могли её и убить. Посоветовались они между собою, поплакали, но убить не решились. «Лучше, — говорят, — оставим мы ей побольше пищи, закроем двери и уйдём». И сделали они так. Приготовили ей много пищи, придавили дверь снаружи, а сами ушли; не хотели никогда и ходить к ней, а живот у ней уж сильно увеличился. Прошло несколько времени; не могла мать перенести, чтобы ещё не посмотреть на свою дочь. Однажды и подходит она украдкой к её юрте, посмотреть: «Что, жива ли она или умерла?». Подошла и слушает. И слышит она разговор: дочь её наговаривает кому-то: «Да и с головой, и с носом, и с глазами, и устами, и с ногами, и ушами...» (*Бастаах буола-буола, муруннаах буола-буола, харахтаах буола-буола, атахтаах буола-буола...*). Взглянула старуха в окно и видит: её семилетняя дочь держит в руках крошечного ребёнка и приговаривает эти слова. Открыла старуха двери, вошла: «Дитя моё, — говорит, — что с тобою?». Тут дочь и рассказала ей, что вот так и так, родила она сына-мальчика. Обрадовалась тут старуха от радости и поплакала от оскорбления. А раньше-то этого-то и не знали, что такое за роды».

Другими это предание рассказывается и иначе. А именно: «Одни старинные якуты страшно голодали, нечем им было кормить своих детей, сына и дочь лет 8–7 или 9. Положили они их в туесок да и повесили на лесину, а сами ушли. Подул ветер; сорвались дети с лесины, упали, вошли в юрту, оставленную родителями, стали там жить; видят: вдали озера, прилетают туда вороны и садятся. Пошёл мальчик к этому месту, видит: задавил волк дикого оленя и бросил. Этого-то оленя и клевали вороны. Вот мальчик с девочкой притащили к себе этого оленя и питались им целую зиму. А тут наступила весна; стали питаться сарданой да рыбой. А потом у девочки ребёнок родился, да и осень наступила. Пришёл отец на промысел и нашёл их».

Эти предания дают некоторое понятие о том беспомощном положении и о том невежестве, в котором находились якуты в старину и отчасти находятся и поныне.

Учредителями житейских обычаев якутские предания представляют шаманок. Таков, например, рассказ о происхождении обычая, по которому за молодою (невестой), едущий к свёкру, ведут вполне осёдланную лошадь без седока (см. главу VIII). Таковы многие другие рассказы. Например: «жила-была в старину шаманка с мужем и детьми. Вот стала она умирать; перед смертью простилась она со своей семьёй: плакала-плакала, велела оседлать своего коня в полный убор; только что хотела сесть на коня — душа её вырвалась и полетела на небо, тело грохнуло на землю. С тех пор-то вот и стали погребать людей на деревьях, убивая вместе с тем и их верховую лошадь!»

Мне не случалось слышать преданий о первом поселении якутов на Лену, но о первом приходе русских в Якутск существует довольно много рассказов. Предания вообще относятся лестно о старинных якутах; они представляют их такими героями, такими богатырями. Сядет, например, Маянтылап на лошадь, его и лошадь не подымает.^A Но при всём своём богатырстве они были детьми в умственном отношении; до прихода русских они жили в постоянных ссорах одного богатыря с другим, в постоянных войнах родов между собою. Вот и предание о приходе русских под Якутск начинается тем, что в то время возвысился между якутами некто по имени Тыгын-тойон, и, «считая себя якутским царём, ближних людей и убивает, и не убивает; берёт себе что увидит, и имущество и скот. А если живьё (люди) останутся, живут под страхом смерти. Таким образом сильно он разбогател; счёту своего скота и сам не знает. А если сказать примерно по-нынешнему, то людей у него было с половину здешнего улуса (т.е. около $\frac{1}{6}$ Верхоянского округа) и богатства столько же!». Таким образом, по преданиям, якутские князья, или тойоны, возвышаясь, управляли якутами деспотически и постоянно воевали между собой из зависти и других столь ничтожных для нас предлогов. А тут явились русские, превосходящие якутов знанием грамотности, лодки, огнестрельного оружия (сказание о Бэрт Хара). Но и эти сильные люди не открытой силой завладели Якутском, а обманом. Они выпросили у Тыгын-тойона столько места, сколько займёт одна бычья кожа, а когда Тыгын позволил, они разрезали кожу на мелкие ремешки, обтянули им значительный клочок земли и построили на нём военные

башни (в Якутске). Один вариант прибавляет, что, выпрашивая у Тыгына клочок земли величиной с бычью шкуру, русские твердили: «Так будет лучше, лучше». А якуты подумали, что это их имя «Лучше»; с тех пор они и называют русских: «лучча», «учча», «нучча».

Ко временам основания г. Якутска предания относят и переселение якутов через р. Алдан в земли нынешнего Верхоянского округа, указанные им тунгусами. Так, по одному преданию, места здешнего округа открыты были впервые промышленником-тунгусом, который отправился по р. Тукалану и дошёл до её вершины к хребту гор, где дальнейший проход был уже неудобен, и тунгус хотел воротиться назад, но его охотническая собака (сучка) поднялась по небольшой пади вверх на хребет. Не желал он её отпустить в неизвестные места и отправился за ней по следам по небольшой пороше снега. Поднявшись до вершины, тунгус, однако, не достиг собаки и спустился дальше по такой же пади; тут у северной подошвы горы он увидал озеро, окружённое утёсами. Отправившись дальше, он нашёл и другое, из которого вытекает значительная река (р. Сартан, составляющая с Дулгалахом р. Яну). Вниз по течению реки он открыл много промышленных мест. Так как тунгус этот назывался Яна, что значит «храбрый», то и открытая им река получала название Яны. Высмотрев места, Яна известил других тунгусов, и те перекочевали на вольные места, а вместе с ним сбежали и двое якутов: Элляхай-батыр и Хаптагай-батыр.^Б

Предания связывают переселение сюда якутов с постоянными их войнами против тунгусов и ламутов. Предки якутов представляются необыкновенными людьми: они богатыри или такие великаны, что до пахового сгиба им было около 3 сажень, или, как Хаптагай-Батыр, с крыльями. История Хаптагай-батыра пользуется особой популярностью у здешних якутов, и они рассказывают её довольно разнообразно; но мотив её один — полная победа над ламутами. Другим победителем ламутов предания называют Чолло-батыра. Во время его битвы с неприятелем к нему подлетел лебедь. Чолло-батыр взглянул на лебедя и воскликнул: «Господь бог! Помилуй меня!». Лебедь пролетел мимо. Дикие ламуты заглазелись на лебедя; тут Чолло-батыр их и убил. А лебедь у местных якутов сделался богом.

Но устранив ламутов и утвердившись в здешних местах, якуты не оставили наследственной привычки к междоусобным раздорам и войнам. Это ослабило их силы и облегчило русским завоевание их земель.

Вот одно из самых характеристичных преданий, относящихся к этому времени. В «Жили на одном месте девять братьев байдунцев; старший их брат был Нямиря-тойон, богатырь. А около устья р. Чуогур в Эгинцах жили Хоро. Вот высватал Нямиря у Хоро невесту, а брат невесты, богатырь, желает поссориться, подраться с братом, только не смеет, боится отца. Когда Нямиря гостил у Хоро, брат его невесты приехал тайно в Байдунский наслег, но не посмел взойти к братьям зятя и понаружи юрты стал резать работников и слабых людей, украл полосато-рыжую кобылу с трехраздельным хвостом, бывшую богом у Нямиря-тойона, и с нею он возвратился к отцу. Перед приездом его господин Хоро вздрогнул: «Что это, ребята, точно полосатая кобыла кровью заплакала; кровопролитие ведь возникает!» (*Эт-татай, оџолоор! Саадьяџай буурул биэ хаанынан ытаатаџа үһү. Илбис тураары, гынна эбээт!*). Только сказал он это, а сын и приехал с кобылою. «Ну, парень, — сказал ему отец, — приехал ты, наделавши ужасного греха и срама. Отпусти ты эту кобылу, не делай греха и горя!». А сын вышел и отрубил кобыле голову, привязанную за узду к коновязи; вот голова свесилась на ремне и стала плакать кровью; потекла из глаз кровь. Узнал зять, что убили его бога, закричал весь от оскорбления, лопнуть хочет. Велел потихоньку поймать свою верховую лошадь и приказал жене: «Отнюдь не говори, что я уехал; пусть поутру сами узнают!». Выехал он ночью; дорогой у Лошадиной горы (*Ат хайата*) встречает своих восемь братьев. Едут они в погоню за вором (кобылы) к нему навстречу. А было темно. «Что ты за человек?». — «Постойте, постойте, друзья!», — отвечает Нямиря. «Что за человек? Не шевелись напрасно ни рукой, ни ногой! Накормим мы твоей кровью свои копья и проедем!». — «Постойте, постойте, друзья!», — говорит Нямиря, а сам объезжает их против солнца. «Нет, нет. Шутим мы, остановись, не уезжай!», — сказали братья и дали ему всю его боевую одежду, которую они (нарочно) взяли с собою. Оделся он в кольчугу, разложили огонь (на поле), сказали: «Побродим ли мы по колено в крови этого господина Хоро! Помолимся-ка богу войны (духу военных орудий) (*Илбиһин иччитигэр алџанан көрүөх*)!». Положили масла в разведённый огонь; все девятеро стали вертеть копьями над огнём, приговаривая: «Дух нашей военной ярости! Дай-ка ты нам стойкости и яростной храбрости» (*Илбиспит иччитэ, күүрэн туран кулу эрэ!*). Тогда по концам копий стали обвиваться огромные красные огни. Отправились

братья в путь, приезжают к господину Хоро ночью. Бабы доили стародоек, услышали бряк кольчуг, подумали: «Э, это ведь стук камней Огохтохского озера (т.е. камней, падающих с горы Огохтох на озеро)» (Ээ, *Огохтоох күөлэ тааһын тыаһа баар эбээт!*). У господина Хоро в четырёх углах дома были подкопы (*чуолган*). Если спуститься в подкоп, так надо далеко выйти. Нямира знал эти подкопы и на каждом их выходе поставил по несколько человек. А с этими братьями народу много было, почти весь Байдунский наслег. Подошли к юрте, вырвали все окна, трубу и двери, набили сена, зажгли и говорят господину Хоро: «Выдай нам жену брата!». Те нарядили её, выдали. Тогда байдунцы зажгли дом; хоролоры побежали подкопами, а там их совершенно всех перебили. Приезжают байдунцы домой с невесткой; только стала она волочиться со всеми братьями, ябедничать между ними, ссорить их между собой. Вот и стали все злиться на старшего брата, на её мужа; стали придумывать, как бы его убить. А прямо напасть не смели: сильный он был человек. Привезли сена, набили дом, зажгли. Бросился Нямира по подкопу, а один из братьев уже поджидал его и распорол ему брюхо ножом. Возвратился Нямира в юрту, поддерживая живот рукой, вошёл и сел против огня: «Убили вы меня лишь только из-за этой распутной!». Взял копье, размахнулся и вытолкнул её копьём из дома. Потом слово сказал-проклял: «Вот на будущий год должны с юга прийти иноплеменники русские с бороною в четверть, со впалыми глазами, с высоким носом, так извещено мне с неба, и думал я (о себе), что буду я в этом случае толстою дверью, толстым пряслом (т.е. защитником якутов). И меня-то вы улетучили вместе с огненным пламенем! Уничтожат вас эти приезжие. Если именуемые байдунцами воспитают семь табунных жеребцов (т.е. заведут семь табунов), то да будет им наказание-кара: умирайте вы, не доживая до семидесяти лет. Если (отец с матерью) родят семь сыновей, да будут наказаны. Превращусь я в табунного жеребца с запутанной гривой, с опалённым хвостом и стану поперёк подле создательницы (т.е. стану препятствовать исходящему от неё добру). Вы сделали ужасный грех, влекущий за собою наказание. Это моё проклятие пойдёт на девять веков и пусть через девять веков прекратится!» (*Эһиилги дьылга собуруу дайдыттан харыс бытыктаах, ханкыра харахтаах, хонтойбут муруннаах нунча омук кэлиэх тустаах, халлаантан ол курдук биллэрбиттэрэ миэхэ. Онуоха мин халыҥ халҕан, суон сүлүгэс буолуом дии санаабытым. Ону миигин кутаалаах уоту кытта көтүттүгүт; бу кэлэннэр*

эһигини суох гыныахтара. Байды ааттаах сэттэ атыыры ииттэххинэ сэттээх буоллун; сэттэ уонутугар тийбэт буолун, өлүн; сэттэ уол оҕону төрөттөххүтүнэ, сэттээх, буоллун! Айыыһыт аттыгар үөртуйбут сиэллээх, куйахалаабыт кутуруктаах үөр атыыра сылгы буоламмын туора туоллуом, Бэрт сэти-кэнчэни онордугут. Бу мин кыраабыт кырыыһым тоҕус уйэ тоххору барыаҕа; тоҕус үйэттэн уурайыахтын!). Потом и помер Нямира. После его смерти прожили восемь братьев не более месяца, стали плакать-созалеть брата; рассердились на эту женщину: «Из-за тебя, распутной, мы убили своего брата!». Заострили кол, посадили её на кол; два брата ткнули её с обоих боков копьями; а когда выдернули копья, выбежали из ран рыжие горностаи (плохой рыжий горностай — признак распутства), и померла она. Гнались два молодца за горностаями, не могли их догнать. У покойного Нямира от первой жены оставался сын, и жил он у дядей. Однажды отправился он за зайцами. После его отъезда приехали русские. Восемь братьев вышли к ним навстречу воевать, видят: прицелятся (русские) как будто ногою сохатого, «балк!» — и валится человек. Испугались (байдунцы), воротились в юрту. Русские зажгли её снаружи; а кого в окна увидят, стреляют. Загорелся весь дом, свалился и потолок. А за печкой лежал самый лучший (байдунец). Когда свалился потолок, он оперся длинным копьём, перепрыгнул через стену и упал в яму; стреляли тут в него русские, а он лёжа отстреливался, трёх русских убил из лука, тогда уже его убили. Потом перебили русские всех байдунцев; вошли в развалины дома, стали осматривать. Видят: лежит в билирике^Г рысья доха. Сдёрнул её один солдат: выскочил из-под неё голый девятилетний мальчик, кому проскочил между ногами, кому под пазухой, выскочил из дому. Тут стояло много лошадей, на которых приехали русские; мальчик и пробежал между лошадьми в лес. Погнался за ним один солдат, да не мог достичь; бросил сзади саблей: мальчик подпрыгнул, сабля пролетела ему между ногами и воткнулась в землю. Схватил (мальчик) саблю и убежал. За убежавшим в лес не ходят, и остались (русские). В хотоне запрятался ещё один мальчик, и тот тоже убежал, а было это весной.

Вот сын Иямира-тойона ворочается с промысла; подходит к дому и думает: «Неужели от весенних ветров у меня глаза испортились?». Обтирает глаза, всматривается. Подъехал: много разных голосов, много неизвестных ему людей. Сели солдаты на лошадей, погнались за ним. Увидал промышленник, поворотил коня, побежал от них во весь опор. А

было это у оз. Брангатталах (Пелляточного озера, по р. Табалаху; во 2-м Байдунском наслеге). Тут двое стали его достигать. Один ткнул его копьем между крыльцами,⁴ другой ударил саблей по темени, только кольчуга щёлкнула. Один русский обогнал якута, вокруг железо; только глаза сверкают (из кольчуги); хотел разрубить железо, проколоть глаза, а якут схватил саблю и переломил. «Ох, черт! — сказали они. — Каменная ладонь, земляной волос, толстяк!» (*Taah, ытыс сэльбик, буор баттах бадай!*), — и остановились. Якут и уехал от них. Покончили русские войну, уехали. Этот якут воротился в сожжённый дом, нашёл следы двух якутских мальчиков и разыскал их. Потом все втроём поехали вслед за русскими и, не объясняя, какие именно они люди, познакомились с ними, стали немного понимать русские слова и ясак заплатили самой лучшей пушнины, без счету, сколько конь подымет или бык потащит. Имя этого якута Бадай Сяльбюк; от него-то и произошёл байдунский род!».

Смысл предания тот, что семейные несогласия и распри лишили якутов лучших людей и облегчили русским покорение этого края. В варианте этого предания жёны вследствие семейных ссор даже выдают свои семьи врагам (Хоро).

По одним рассказам, русские пришли сперва из Якутска в местечко Ясашно (*Дьаһааһына*), и признаки русской бани до сих пор видны на этом месте (в 40 верстах от Верхоянска по дороге к Дулгалаху; теперь на этом месте никто не живёт). По другим рассказам, русские пришли сюда в первый раз из Усть-Янска, в Батагайский наслег. Русских всего было девять человек, а якуты спали. Русские положили около юрты десять кучек сена и спрятались в них. Утром, как якуты выйдут из юрты, русские выстрелят: якуты и упадут. В юрте слышат звук, выйдут посмотреть. Только выйдет человек, хлопнет что-то на дворе, и падает человек. Остались живыми только дети да женщины. Тогда русские вошли в юрту; домашние испугались, стали кланяться им в ноги, покорились. А испугавшись этого, покорились и другие.

Третьи рассказывают, что перед самым приходом русских байдунцы совершенно истребили всех якутов второго юсальского рода, в 40 верстах от Верхоянска по зашиверскому тракту. Вернулись они потом домой и, хвастаясь, сказали: «Ну, мы их уже всех уложили; всего осталось на шесть стрелок!». Старуха-бабушка, слушая их, позевнула: «Ну, дурная у меня примета, — сказала она, — уж если я позевнула, то едва ли вы их

истребите!». И действительно, в этот день русские прибыли к юсальцам. Юсальцы, увидав их, вывели им в подарок белого быка с рогами, увешанными черно-бурыми лисицами.¹ Русские взяли подарок, согласились им помогать и засели на поле среди небольших островов. Как показались байдунцы, русские и стали стрелять: упало несколько человек. Бросились, было, байдунцы на них, а русские встали да убежали. Увидали байдунцы: их пятнадцать человек. Приезжают домой и говорят старухе: «Ну, бабушка, юсальцы дьяволами стали; вместо шести их стало пятнадцать, и у каждого по палке; как стукнет, так и убит человек!».² Вообще огнестрельное оружие сильно поразило якутов. У них до сих пор есть загадка: «Всё помирает от выплюнутых слюн волшебника-русского, не зная даже, что помирает от его слюн?» (Смерть от огнестрельного оружия).

Эгинцы рассказывают, что русские нашли их предков после байдунцев; истребили всех эгинцев, только один мальчик Кюёрчэй спасся, взлезши на лесину. Потом он слез оттуда и хотя в первый раз видел русских, но стал свободно говорить с русскими по-русски. Тогда русские сказали: «Дал же бог ему такое дарование!». Не убили его и дали ему ещё «письменную награду» (аттестат?). Здесь смысл предания в том, что только хорошее знание русского языка стало с этой поры путём к спасению жизни и возвышению.

Обложение ясаком составило эпоху в истории якутского народа. *өлбүгэ сабына* («во время обложения ясаком») — это выражение служит гранью между якутскими историческими рассказами. Относительно сбора русскими ясака у якутов много преданий. Вот, например, один рассказ, относящийся уже к позднему времени. «Около 1812–1813 г. в г. Зашиверске правил комиссар Ефимов; сбор ясака служил ему лучшим предлогом для притеснений. Так, у одного якута Щелканова нечем было заплатить. Тогда комиссар приказал раздеть его и нагого привязать к столбу, «на съедение комарам». Приказ был исполнен; комиссар наслаждался, прохаживаясь около якута. В это время на оз. *Ламы Кюёлэ*, к северо-востоку от Зашиверска, сел стерх. «Застрели-ка вот этого стерха, так я тебя отпущу!», — сказал комиссар якуту в насмешку. «В какую часть птицы прикажешь попасть?», — спросил якут. «Перестрели

¹ По другим рассказам, юсалец-старик, слыхавший уже о «русаках», навесил на шест лисицу и подал русским «первый ясак».

² Эта стычка была в 40 верстах от Верхоянска, ниже по Яне, на месте *Ёлёрсүбют*, совершенно отличном от известной Убиенной поварни.

нижнюю челюсть!». Стерх такая птица, не подпускает к себе ближе 50 сажень, ну да и Щелканов был один из лучших якутских стрелков, выстрелил и как раз прострелил нижнюю челюсть!». Таким образом, рассказывая о жестокости русских начальников, якутское предание утешает якутов хоть тем, что ловкость в стрельбе всё-таки на их стороне.

Вследствие постоянных притеснений со стороны русских старинные якуты считали даже грехом подойти к русскому. Все якутки боялись даже называть русского «русским» (*нуучча*), а говорили *торгуомай, атыыһым* («покупатель»). Если якутка входила в связь с русским, то её называли несчастной мученицей, «женщиной, замученной русским» (*нуучча муннаабыт дьахтара*). Такую якутку уже не называли якутским именем; ей не позволяли пройти мимо варящейся пищи; а если она проходила мимо какой-нибудь чашки с пищей, то эту пищу уже не ели. По якутским поверьям, видеть во сне медные (т.е. русские) деньги — к слезам; играть во сне в карты — к худу; водку во сне пить — к худу; зажжённые церковные свечи — к худу.

Ко времени русского господства многочисленные якутские предания относят патриотические попытки некоторых богатых якутов поднять благосостояние родовичей путём самостоятельного изобретения, а именно устройством молочного озера.¹

Так, рассказывают, что лет 80 тому назад (в 80 верстах от Верхоянска) по Дулголахской дороге) на оз. Хампа Кюёля жили два богача: Урах и *Тангара мэнигэ* («божий дурак») или, по другим, шаман Бёрюсь. У последнего было девять табунов кобыл (табун считает от 10 до 20 кобыл), а он целое лето наполнял озеро кумысом и заставлял сучить. Когда зимой озеро покрылось льдом, Бёрюсь велел сделать прорубь и доставать молоко, но когда почерпнули, то оказалась чистая вода. (По другим рассказам, дело, было, совсем удалось, да весной во время разлива из реки выступила вода и залилась в озеро; оттого все труды и пропали даром. В то же время у хозяина померла седьмая (по другим — девятая) жена, а остальные оставались живы. Бёрюсь так рассердился, что (за свою собственную глупость) перерезал всех своих жён, всего конного скота. Был у него славный табунный жеребец, и тому отрезал голову. Лёг потом хозяин спать; во сне явился жеребец и сказал: «Вот ты убил и меня и весь

---

¹ Это рассказывают, например, о Константине Мырсык, который хотел на Билире наполнить озеро молоком (в 10 верстах от Верхоянска); о богатом некрещёном якуте Эр-сени, наполнявшем оз. Эбэ Кюёля (4 версты в окружности), лежащее по прямой дороге от Барыласа к Зашиверску в Хангаласском наслеге; о богатом якуте Сэмэсит, который будто бы три года наливал молоком Чинекинское озеро, но увидал: толку нет — и бросил.

остальной скот; за это уже ни ты, ни всё твоё потомство никогда не вырастите такого коня!». Оттого-то и теперь все потомки Бёрюся так бедны.

Таким образом, и эти предания выставляют крайнее невежество родоначальников, самых богатых и лучших людей между якутами, невежество, послужившее главной причиной бедности якутов до настоящего времени.

Ныне якуты не так легковёрны, как прежде; теперь давно нет тех междоусобных войн, которыми наполнялась их история до русского владычества. Но и ныне воспоминания о старинных ссорах и войнах живут ещё между якутами и выражаются в попреках, которыми подчас попрекают друг друга якуты разных наслеггов. Например, байдунцев: «Вы пролили кровь людей четырёх мест, что вы за счастливые будете? Вы заставили плакать-выть, пролили слезы четырёх мест, что вы за долговечные будете? Приедут уже юсальцы, сживут вас со свету, разрушат ваши дома. До самой смерти будете вы шлаться по поверхности всей земли, завидуя на добро людей, имеющих землю. И когда вы умрёте, лежать-то вам земли не окажется. За вами большие вины, за чёрные ваши грехи тоните вы безостановочно в тартар во веки!»; батылинцев: «Батылинцы, бедняжки, вы (севши все вместе) не окружали обгорелого пня (т.е. так вас было мало)» (*Харыалаах түнгүргэһи түгүрүйбэт бэйэҕит төһө бэрт буолакхытый*); куринцев:^E «Пепельные вы куринцы, с моховым платьем, с угольною подушкой, с пепельной постелей (т.е. разорённые)» (*Күл тэмэхтээх, көмөр сыттыктаах, көппөх таҥастаах күл күүрэлэр*); юсальцев: «Всех вас только на одну стрелу оставалось, что вы за важные люди! Убили бы вас тогда, и запаху бы вашего не было!» (*Биир быыра аһылыгыттан хаалбыт дьон, туох бэрэкигитий, дьуһааллар! Оччого өлөрбүттэрэ буоллар, сыккыт да суох буолуо этэ!*).^E

VI. ОБЫЧАИ ОБЩЕЖИТИЯ

Якуты обращают большое внимание на одежду. Народные якутские обычаи строго предписывают невесте соблюдать известный наряд (см. гл. VIII и IX). Да и много других обычаев относительно платья. Так, якуты уверены, что если свёкор или свекровь едят, не одевши одной ноги, то их невестка будет воровка. Вообще ходить и есть не обувши

ноги считается грехом. Женщине стоять в церкви с непокрытой головою или без серёг — грех. Если проткнувши или прорубивши одежду ранишь руку или ногу, то прореху на платье нельзя зашивать до тех пор, пока не заживёт рана (особенно беременной женщине). Женщине есть с напёрстком на пальце — грех. Одежду свою продавать — грех, особенно наследственную, хотя, конечно, некоторые и продают. Если мужчина наденет напёрсток, то при выстреле из ружья будет осечка.¹ Повесить торбаса над лежащим человеком — большой и возмутительный грех: дети покроются коростами. Снятые торбаса нельзя ставить носками кверху — помрёшь. А если поставить так торбаса другого человека, то, значит, желаешь его смерти. Если при шитье платья жилистые нитки не узлятся, то, значит человек, для которого оно шьётся, умрёт в этом платье. Шапка пользуется у якутов большим почётом. Шапку надеть задом наперёд — грех; шапку вертеть скоро в руках — голова будет кружиться; нельзя шапку класть на стол — должником будешь; кто украдёт шапку, всё равно, что убил, такой грех.

Если якут или якутка идёт, а шубка или вообще пола верхнего платья заворотится, то большой грех: значит, любовник обнаружится, или вообще все грехи хотят открыться, или уже открылись. Встречный, увидев, бежит закрывать, заглаживать, а если не укажет и не загладит, то грех уже остаётся на нём.²

В числе якутских проклятий есть и такие: «Пусть слетит твоя шапка, пусть распахнётся твоя доха!».

Сказки часто и подробно описывают костюм своих героев; боги: Священный огонь во львиной дохе, в рысьей шапке, Байанай в дохе из головной шкуры, Создательница (*Айыыһым*) в дохе нараспашку и в шапке, надетой накосом; молящиеся ей одеваются так же. Рождение, замужество, проводы Создательницы, похороны, *ысыах*, шаманство одеваются у якутов в своё отличительное платье. «Нельзя подавать платье на выворот: колдуном что ли хочешь быть?».

Вставши с постели, нельзя оставлять её незакрытою, а то дьявол сейчас же ляжет; отправляясь в гости, занавески всегда задёргивают по той же причине.

---

¹ Если концы ремней, завязанных на торбасах, спущены вертикально, — тонкий (т.е. маленький) грех. Если же эти ремни у якута развяжутся, значит, кто-нибудь его осудил. У якутов грехи бывают вообще или тонкие (малые), или толстые (большие).

² Может быть, в связи с этим поверьем стоит обычай, по которому в Жиганском улусе к полам одежды пришивают камешки; в Верхоянском улусе на старинных одеждах пришивались тяжёлые пуговицы.

Обращая такое религиозное внимание на платье, якуты высоко ценят все наружные, внешние знаки отличия; получение кортика или медали составляет одно из пламеннейших желаний якутов-честолюбцев. «Круглое солнце дорого всему народному миру», — говорит якутская загадка — (Медаль). «Говорят, весь народ оказывает почтение главному перу пёстрого орла?» (Кортик старосты).

Якуты Колымского и Якутского округов обрусели гораздо более вероянских; из всех здешних якутов едва двое-трое знают несколько русский язык, и нет ни одного, знающего грамоту.

Костюмы богатых якутов.

Из фондов Музея Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР
им. Н. Н. Минусина-Маклая.

Старики у здешних якутов пользуются большим почётом; самое название «старец» (*обонньор*) почётно. Словами «дедушка» и «бабушка» якуты называют почти каждого бога, каждую гору, реку, даже большое поле. Дьяволы также постоянно чествуют этими почётными эпитетами. Если жена хочет уважить мужа, то называет его стариком, хотя бы он был молод.

Христианское духовное родство слабо наблюдается; о крестных отцах, матерях, кумушках якуты упоминают очень редко. У каждого якута есть русское имя и русская фамилия, но эти последние здешние якуты очень плохо помнят, а на якутское народное прозвище откликаются тотчас (см. Дополнение VI). Однако и между народными прозвищами втёрлось много русских слов: Дураков, Двойка, Кёдяк (Худяк), Синицин (имя женщины), Настасья (имя табалахского якута-мужчины) и пр.

Кровное родство в пределах своего наслега наблюдается якутами строже, но если близкие родственники живут в разных наслегах, то слабее. В этом случае они нередко просят священника повенчать их. В сказках часто останавливают сражающихся или дерущихся родственников: «Постой, осмотрись! Что с тобой? На своё тело обратился, на свою кровь, что ли?», «Стойте, разве вы не родственники? Ведь это грех и стыд!».

Родимых детей якуты резко отличают от *иитимды* (усыновлённых) и ещё резче от кумалана (воспитанника по обложению наслегу). Впрочем, слово «кумалан», общеизвестное в Якутском округе, здесь совершенно неизвестно и кумаланов здесь называют тем же словом (*иитимды*).

Приемыши¹ никогда не пользуются частью наследства равной с родными детьми, а часто и совсем ничего не получают. Воспитанники по обложению наслегу не могут и мечтать об этом, тем более что их дают только на известный срок (на зиму или на год), по истечении которого они поступают для прокормления к другому хозяину и т.д. лет до 18, когда уже нанимаются на работу. Впрочем, калеки прокармливаются миром до старости.

Эту домашнюю повинность якуты отбывают очень небрежно; их кумаланы ходят вечно голые, вечно голодные, малорослые, истощённые, близкие к голодной смерти и нередко обременённые работой (например, с поля гоняют скот, чистят на дворе и в хотонах, таскают дрова и пр.). Даже лик месяца является в якутском мирозерцании уликой против жестокости состоятельных якутов в этом случае (см. гл. XVI). Обыкновенное прозвище общественных воспитанников *эриэнтүөстээх* («пёстрогрудый») происходит от того, что оборванные, полунагие, они согреваются зимой исключительно около каминного огня, отчего тело и особенно грудь у них покрываются красными пятнами печного загара. *Дитя-иитимды* никогда не улыбнётся; прислонившись к камину, оно мрачно и сосредоточенно смотрит в огонь. Вид этих детей самый жалкий: зимой они дрожат от холода, летом изранены колючкой, комарами; они никогда не моются, не имеют рубах, а носят лишь жёсткие долбахы из кобыльей шкуры. Они подвергаются колотушкам взрослых и малых, особенно хозяйских детей; спят на дереве около входа, а то и на полу, мокрым, мёрзлом и вонючем. Некоторые заблуждаются в лесу или на поле и умирают...

При разделе *иитимды* на собрании бывает пропасть жалоб на несправедливое их распределение: «Богатым-де не дают воспитанников, а назначают таким, которые сами едва живут». Бывает иногда, что если якутка-вдова бедна, больна и неспособна к работе, то её тоже отдают на прокормление. И в первый раз они идут на прокормление с отчаянием, считая это себе верхом позора и несчастья.

---

¹ Жена не может взять приёмышу против желания мужа.

Есть ещё у якутов общераспространённый обычай, по которому если один человек невзначай ранит или изувечит другого, или поставит са-мострел, а этим самострелом ранится другой человек, то хозяин должен содержать его на свой счёт всё время болезни; а если он стал неизлечимым калеккой, то кормить его и до смерти. Это называется у якутов *мин-ниир* («прокармливают ухой»). То же самое бывает и вследствие умышленного увечья побоями; также если временное нездоровье прибитого поведёт какие-нибудь убытки по хозяйству, то виновного присуждают уплатить и их. Русских поселенцев, сосланных из других губерний, богатые якуты кормят поочерёдно, не требуя от них никакой работы; это делается в наслегах, ближайших к городу, тогда как якутов, присланных на поселение из других округов Якутской области, оставляют пропитываться, как они сами знают. Такое отличие русских сосланных от якутов происходит из боязни, чтобы раздосадованный русский поселенец не повредил якутам у начальства. Между тем в отдалённых наслегах как сосланных русских, так и якутов кормят одинаково только до тех пор, пока они сами не отыщут себе пропитания.

Покойников якуты хоронят вообще на возвышенных местах из опасения, чтобы вода при разливе не залила могил и не подмочила (попортила) покойников. Жену хоронят по левую сторону покойного мужа, сына — по правую сторону отца, а дочь — по левую. Родственники посещают могилы своих родных и иногда на деревянных могильных крестах ставят зажжённые восковые свечи.

Если у якута несколько родных сыновей, то они получают в наследство равную часть; при этом младший брат должен содержать свою мать; сёстрам же дают очень мало, а то и ничего. Обделивши, их иногда выгоняют из дому, заставляя идти в люди работать из-за хлеба и одежды. Исключение бывает в том случае, когда умерший сам что-нибудь завещает, но это бывает редко, и притом часть дочери всегда небольшая.

Главное имущество якутов — скот. Деревянная юрта со строениями, оставшаяся после покойника, считается почти ни за что; её даже не считают при разделе; она остаётся кому-нибудь из родственников безвозмездно; её может запясть также любой якут, которому будет отведено покосное место, оставшееся после покойника. Только в очень редких случаях находятся покупатели, дающие от 5 до 30 руб. серебром за юрту

со всеми пристройками; обыкновенно же она отдаётся даром или в случае перекочёвки хозяина оставляется на месте без всякого притязания на обладание ею: в округе очень много таких нежилых юрт.

Считается грехом продавать своё приданое. Если невеста вышла замуж,¹ но не имеет ещё детей, а муж её помирает, то родственники мужа большею частью отбирают от неё почти всё имущество, иногда даже её приданое,² она не может быть наследницей после мужа, потому что она куплена за калым, и наследство поступает на раздел родственникам или свёкру, если он жив. Если же у вдовы есть дети, то имущество остаётся при ней. Если вдова выходит замуж и в другой наслег, то почти всё её приданое остаётся в прежнем наслеге, и даже её дети.³ Но у достаточных на память о покойном муже ей дают лошадь, кобылу и корову. Замужняя женщина имеет, однако, собственность, полученную ею от родного отца: посуду, одежду, скот; последний считается с приплодом. Если муж при жизни назначил что-нибудь жене, то после его смерти переходит к ней; если в числе назначенного был скот, то он отходит тоже с приплодом. Если муж — пьяница и картёжник и при жизни мотает своё имущество, то жена, совершенно не имевшая приданого, просит своё начальство запретить мужу играть в карты или же, чтобы он известную часть скота (от 5–20 шт.) считал неприкосновенным, оставленным на пропитание жены, а если есть дети, то выпрашивает и на них. Мужья почти никогда не изъявляют на это претензии, считая такое требование справедливым.

При духовных завещаниях якуты приглашают писарей управ или по крайней мере старост — свидетелей. Если отец при жизни разделит своих дочерей, выданных замуж, то всё оставшееся имение забирают братья или другие «сильные» родственники. Отец более или менее равномерно распределяет имущество; в противном случае оно поступает в распоряжение наслегу, и наслег распределяет всем по равной части, а

---

¹ Через год после выхода замуж молодая объезжает всех своих родственников с гостинцами; родственники за каждый подарок должны отдарить её вдвое или вчетверо.

² В числе приданого считается и тот скот, который возвращён был тестем из калыма; самый же калым — собственность тестя.

³ Наслеги вообще смотрят на якута своего рода, как на свою собственность. Однажды ещё при комиссарах, говорит якутское преданье, случилось, что один якут шаманского рода (*Ойун ууна*) убил якута онёрского рода. Наслег убитого взволновался: шаманский род должен был ему заплатить за убитого сто голов скота, одну девочку и одного мужчину. Однако староста онёрского рода остался недоволен и этим и убил ещё старосту шаманского рода. Дело дошло, наконец, до комиссара: тот рассудил: «Вы убили наслег у наслегу по человеку, стало быть, квиты, а сто голов и двоих человек возвратите».

замужние дочери получают только одно «родительское благословение».

В случае отсутствия одного из сыновей, отданного на воспитание в люди, при совершеннолетию он начинает тяжбу и требует себе равной части. При подобных разделах всегда получают свой «доход» господа якутские начальники и судьи. При спорах о небольшом количестве скота судебные издержки бывают столь велики, что всё наследство уходит в руки судей и тяжба прекращается до приговора (так бывало, например, в 1840 г.). Якутская пословица говорит: «Хорошо, когда вода близко, а родственники далеко».

Если слабый родственник вздумает мстить сильному, то он старается делать это так незаметно, чтобы действия его были приписаны дьяволу. Вот и станут рассказывать хозяева, что «невидимый» дьявол выкидывает у них в доме разные бесовские штуки: то швырнёт в хозяев ложкой, то опрокинет котёл с мясом, то расплещет молоко, то из запертого анбара повыбросает на двор разные вещи, то свяжет коров друг к другу хвостами, даже перережет жилы на задних ногах скотины. Все средства употребляет хозяин, чтобы избавиться от дьявола: призывает шамана, служит молебн, ездит к доктору, наконец, бросает своё несчастное жильё и кочует на другое место. И в конце концов оказывается, что не дьявол его преследует, а собственная дочь (например, из ненависти к мачехе и т.п.)

При разделе покосов богатые берут себе самые лучшие места, а беднякам отдают только шестнадцатую долю покосов; подати же платят одинаковые. Если же бедный станет просить, то на него притопнут: «Какой-де, мол, тебе покос, когда у тебя скота нету!». Спрашивается: как бедный может завести скот, не имея покоса?

Покосы не переходят в наследство, а разделяются в ревизионный год при определении числа платящих подати (от 18 до 50 лет). По закону все платящие подать должны иметь равные части, но депутаты, избранные по шести в наслеге, часто распределяют лучшие места только одним богатым; это самый главный источник местных жалоб и тяжб.

Тяжбы (*унсүү*, что значит также *поклонение*) решались подарками скота и, чаще, мехов. И потому «красных лисиц во сне видеть — к тяжбе». «Видеть во сне разгоревшееся пламя — к большой тяжбе» (может быть, в этом поверье есть отдалённый намёк на старинные суды с участием огня).

Тяжбы бывают нередко и из-за того, что якут одного наслега промышляет зверя в лесах другого наслега; за это с него берут цену упромышленного зверя. Подобное воровство всегда открывается местными жителями, потому что следы каждого человека узнаются ими по снегу, когда, собственно, и бывает главный промысел. Тягаются также и тогда, когда якуты одного и того же наслега пытаются пользоваться зверем, попавшим в ловушки или западни других якутов того же наслега. В этом случае с виновника берут цену неправопромышленных зверей, а иногда заставляют ещё отбывать какие-нибудь наслажные работы: поправку дорог, поварен и пр.

Если один якут разыщет мамонтовую кость зимой и не может её добыть из земли, то он делает на ней зарубку (например, крест). Такая кость считается меченой (*бэчээттээх муос* — «с печатью»), и если кто-нибудь другой до приезда хозяина вытащит её из земли, то за это тоже наказывают, как за воровство.

Если якуты составляют артели для сенокоса, то в этом случае приглашающий или вызывающийся получает меньшую часть сравнительно с приглашённым.

Отправляясь на промысел, якут говорит своему другу-инородцу: «Я разделяю моё счастье с тобою (*дьолбун кыттарабын*)». И, возвращаясь с промысла, отдаёт ему половину или треть добычи. Друг в свою очередь отдаривает луком, ружьём, лошадью, съестными припасами, порохом и свинцом, а иногда уславливается на половину или треть своего промысла.

Уславливаются также и с якутами: остающиеся дома дают промышленнику коня, пищи или денег. Это сообщничество многих бывает главным образом зимой; летом отправляются за разысканием мамонтовой кости и в компанию вступают немногие, хороший промышленник за лето берёт с товарища рублей 10. Летом отправляются в горы, тундру и леса с петрова дня и возвращаются домой к 1 сентября. В удачный год хороший промышленник достаёт 20 пудов; средняя добыча 10 пудов кости, а иногда и совсем ничего не находят. Если одни промышленники, у которых съестные припасы вышли, встретятся где-нибудь с другими промышленниками, то те дают им пищу даром.

Промышленники-якуты, отправляясь вместе на промысел, почти всегда поровну¹ делят между собой общую сумму добычи, хотя бы лично

---

¹ Мальчики, не достигшие 18–20 лет, получают половину.

они упромыслили и очень неравные части. Если ловкий и опытный промышленник, отправляясь на промысел, не берет с собою желающих идти с ним неумелых людей и откажет им в этой просьбе, то якуты уверены, что такой промышленник будет удачно промышлять только до половины своего века (*маннык киһи сааһын ортотугар эрэ диэри бултуур*), а потом уже промысел его будет неудачен. А если же промышленник не отказывает другим, берет их с собою, то будет всегда удачно промышлять до седины и до тех пор, пока совершенно не ослабеет от старости.

Если якуты останавливаются на одном рыбном месте, то, добывая рыбу, делят по равной части; если один якут пришёл и устроил свой заездок раньше других, то приходящие приносят ему подарки и затем пользуются равной частью. В случае отказа жалуются; и тогда присоединяются к заезду по решению старост.

В лесах промышляют свободно; но если якут поставил на зверя самострел, то другой якут уже не ходит по его тропе, а ставит свой самострел на другой дорожке, которая должна пересекать след первого промышленника по косвенному направлению. Если же поставит на той же тропе, то хозяин жалуется, и виновника присуждают поделиться. Сверх того, этот поступок считается грехом.

Якут знает, сколько и кто из его соседей упромыслил, что и в каком количестве у него есть. Потому некоторые при торговле, желая сбыть свой товар повыгоднее, прячут его и торгуют скрытно, чтобы избежать нареканий: «Вот, мол, со мной не торгует, мне не продал».

Якуты различают покупку от гощения. Если приезжий живёт, «гостит» у хозяина и дарит его малым подарком, то тот отдаривает его коровой, быком или лошадью за половину или за четверть цены. Это называется *ыаллаан ылбыт*. Хозяин в свою очередь года через два или через три едет гостить уже к своему прежнему гостю и тоже берет что-нибудь за малую цену. Если же до ответного визита между хозяином и гостем произойдёт ссора, спор из-за денег, то хозяин, жалуясь на знакомого, приводит и то обстоятельство, что он, бывши у него в гостях, выгостил то-то и то-то. Русские гостят (из-за подарков) у якутов почти каждый год, и якуты от них уже не требуют ничего. До обращения в православие самою лакомою пищею у якутов считались евражки; и потому если в старину один якут приезжал к другому гостить, да не привозил с собою пяти или десяти жирных евражек, то хозяин почти не принимал

его, считая это для себя большим оскорблением.¹ До сих пор если гость привозит хозяину в гостинцы что-нибудь съестного, то считается грехом самому гостю есть свой подарок; иначе у гостя сгорят полы шубы.

В связи с обычаем гощения стоит обычай компании. Во время годичного собрания якутов разорившийся или промотавшийся якут убивает какую-нибудь небольшую скотину (телёнка или жеребёнка) и созывает всех состоятельных якутов, говоря: «Почтенный! Обстоятельства развлекли, расстроили меня. Нельзя ли будет тебе пожаловать (ко мне) откусать варёного?» (*Обонньоор! Альяммыт-саараммъст киһибин эбээт. Хайа кэлэн күөс аһаан барыаххын, хайтабый?*). Почтенные редко отказываются от такого предложения. После пиршества-компаний, которое редко бывает без водки, покушавшие гости оказывают разорённому благодеяние: щедрый богач даёт годовалого телёнка или, по особой просьбе, двухтрехлетнюю лошадинку; добряк среднего состояния даёт телёнка или 3 руб. серебром деньгами; более бедные — по 2 руб. или по рублю. Вообще деньгами более 3 руб. никто не даёт. Составляющий компанию, разумеется, кругом бывает должен, и ему прощают долгов рублей на 10–15. Якуты считают унижением собирать компанию (*хампаанньа*), они говорят: «Хоть я и беден, а я не дошёл по-твоему до того, чтобы делать компанию, не нищенствовал!».

Если почётный мужчина подъезжает к юрте, то или сам домохозяин, или кто-нибудь из его прислуги непременно должен принять его лошадь² за повод (если почётная женщина, то повод принимает хозяйка); это называется *тэһиин тутар* (принимать — держать повод). Гостеприимство очень развито у якутов здешнего округа; оно становится обязанностью каждого, как старинный обычай.

Когда в сказках путешественник приезжает на небо к Белому господу богу, то домашние господа принимают его радушно: «Дорожный человек, он устал, он замёрз, должно быть», — сказали они и посадили его на самую лучшую чистобелую меховую постилку. «Дорожный человек, он замёрз и проголодался, должно быть», — сказали они и подали ему толстой шеины, брюшного жиру, лучшего кумысу с маслом, целую убитую кобылу.

---

¹ Обыкновенно здешние якуты едят три раза в сутки: утром, когда встанут, потом в первом часу дня и, наконец, вечером, перед сном.

² Так как якуты почти всегда ездят верхом на конях, то самое слово *түспүт* — «опустился (с коня)» равносильно слову «остановился», «пристал» (у такого-то).

Самые скупые якутки всегда накормят бедных путников, которые зайдут к ним; как бы ни морщилась хозяйка от скупости, всё же накормит. У якутов есть поверье, что человек, угощающий и богатых, и бедных, сам будет богат весь свой век, да и дети его и потомство. А если-де человек не доволен своим имуществом, то потомство его до семи поколений не будет порядочным. От русских якуты ничего не требуют за угощение; всякого русского они считают своим господином, и русские принимают их угощение как следующее им по закону. «Лучшим его почетом почтили, лучшим кушаньем накормили», «Очень их кормит, очень их почитает», — вот самые обыкновенные якутские выражения. В приморских местах гостеприимство развито ещё более; заезжий может жить хоть по полугоду даром, и ему не откажут. А если наступит голодовка, то и голодуют вместе. Бытантайские якуты и тунгусы тоже очень гостеприимны, а бедным приезжим (прохожим) дают даже одежду, думая: «Может быть, для бедных бог даст нам богатство» или, что «между путниками есть хоть кто-нибудь угодный богу».

Если во время обеда какой-нибудь якут подаёт гостю нож, то гость, пользуясь его ножом, обыкновенно подаёт ему потом отрезанный кусок мяса. А чтобы гость не позабыл отрезать, якут, подающий нож, напоминает об этом особой фразой: «Конец-то не переломи» (*Уһугун тоһутаайаһын*). Когда убивают корову или кобылу, то всем присутствующим бедным якутам раздают по кусочку мяса (*сэмсэ*). Якуты <...> отличаются большою жизненной силой и необыкновенной прожорливостью. Едуны у них пользуются общим уважением; некоторые наедаются вплоть до дыхательного горла так, что после обеда при малейшем телодвижении пища сама вытекает из глотки обратно.¹ Все якутские обычаи связаны с едою. Даже в старосты и почётные люди якуты любят выбирать преимущественно людей жирных и тучных. Якутские загадки говорят: «Сто человек в одном доме думают об одном?» (О горшке с пищей), «Наполнять дупло, не наполняется?» (Рот и пища). Семейные праздники потому-то и имеют особенную прелесть для якута, что главную их сущность составляет еда вдоволь.² Почти каждая якутская молитва богам и дьяволам сопровождается угощением, причём богам по-

---

¹ Утверждают, что один бустахский едун съедает зараз по несколько пуд мяса; что будто бы он был сыт однажды в жизни, съевши в гостях более 4 пудов мяса зараз; обыкновенно же ест по восьми зайцев.

² Церковные праздники якуты называли прежде *ас аһыыр күн* («день, в который едят пищу»).

стоянно приговаривают: «Ешьте, кушайте!», «Стойте, вполне наевшись!». Угощение водкой не замедлило войти в обычай между якутами, якутские шаманы уже давно торжественно угощают ею дьяволов (см. гл. XV).

При том значении, которое якуты придают пище, понятно, что большая часть междунаследных браней состоит в попреках едою. Например, дразнят таким образом. Хангаласцев: «Черноноздрый хангаласец с плеткой из полена, с саврасой лошадей, евший кровь, пущенную из нёба саврасой лошади!», т.е. желавший во время голодовки утолить голод и в то же время сохранить свою лошадь (*Хаан тураҕас аттаах, хардаҕас кымньыылаах, хара таныы хангалас, хаан тураҕас атын тангалайыттан хааннаан сиэбит!*). Эгинцев: а) «Крошили вы, эгинцы, семь собачьих носов, ели; что вы за важные люди?» (*Сэттэ ыт муннун кэрдэн сиэбит энэлэр, туох бэрики дьоннугутуй?*); б) «Эгинцы, в штанах из рыбьей кожи, вы опалили семь собачьих носов да съели!»; в) «Что вы за путные люди, (когда у вас) дорожной посудой (служили) семь собачьих желудков?» (*Сэттэ ыт куутуйата көбүүрдээх, туох аанньа дьоннугутуй?*); г) «Бедняжки эгинцы, до вчерашнего дня ходили вы, собирали задницы пёстрых коров и ели, а теперь хвастаетесь, что стали людьми!» (*Энэлэр барахсаттар! Бэҕэһээннигэ диэри эриэн ынах эмэһэтин кэрийэ сылһан сиургит эбитэ; билигин киһи буоланньыт киһиргиигит!*). Байдунцев, происходящих от шамана Байдыкана: а) «Жевали вы мясо, посвящённое дьяволу, ели вы мясо, (назначенное для) дьявольского угощения; ели вы жертвенное мясо; такой-то вы породы!» (*Ытык этин ыстаабыт, күндү этин күбүргэппит, кэрэх этин кэбиргэппит, эһиги оннук төрүттээх хит!*); б) «Вы сварили да съели жертвенного жеребца! Племя чуопчан, мрачные мошенники, злоумышленники, с такою поганою, нечистою пищею, что вы за порядочные люди? Родится разве от вас счастливое поколение? Наделав столько тёмных грехов, столь много провинившись, вы во веки веков не воспользуетесь добром родимых детей, добром воспитываемого скота. Не будете хорошо жить на вашем месте!» (*Эһиги кэрэх атыыры кый сиэбит дьон! Оннук быртах-былаҕай аһылыктаах, хара санаалаах, хара түөкүттэр, Чуопчаан ууһа ханнык аанньа дьон буолуоххутуй? Ханнык дьоллоох ыччат төрүүбэй эһигиттэн? Оннук хараҥа айыылаахтартан, халын буруйдаахтартан кэнэбэһин үйэтин тоххору төрөтөр оҕо үтүөтүн таба*

тутуоххут суоҕа; иитэр сүөһү үтүөтүн тутуоххут суоҕа. Аан дайдыгыт үтүөтүгэр таба олоруоххут суоҕа!).

Хотя лошадь служит здесь и рабочей силой, и пропитанием, однако конокрадство в здешнем округе редкость, оно считается большим бесчестием, преступлением, влекущим за собою ссылку (*көскө барар суол*), тогда как в Якутском округе конокрадство считается удалством. О покраже оленей совершенно не слышно. Вообще воровство принадлежит здесь к числу редких преступлений. Во время судебных разбирательств миром за воровство одной лошади или коровы назначают уплату четырёх, особенно если виновный состоятельный человек (половина контрибуции идёт старосте). Впрочем, всё-таки иногда воры, укравши скотину, зарывают её в землю, и потом, уличив удобную минуту, вырывают её из земли и съедают; оттого и название *буор айах* («земляной рот») якутски равносильно слову «вор». Бедность заставляет некоторых якутов вырывать даже скотину, пропавшую от падежа и зарытую хозяевами в землю, и съесть её без остатка.

«Вот, — говорят якуты, видящие замечательные сны, — хотя и утверждают, что душа после смерти не может ни зябнуть, ни есть, но когда наша душа была у бога в раю и переночевала там на открытом месте три ночи, она очень озябла и очень проголодалась. В раю небесном верующие в бога, угодные ему тоже постоянно получают от него пищу, хорошо едят, не зябнут и весело живут все, как равные братья. Это мы во сне видели».

Здешние якуты вообще парод бедный. За исключением нескольких торговых якутов и немногих, имеющих значительные стада, остальные якуты составляют разряд людей более или менее бедных. Как промысел рыбы, так и зверя, не всегда и не для всех бывает удачен; а от удачного промысла более наживаются торговые якуты, чем промышленники.

Скот подвергается четырём болезням, разрушающим и это более прочное богатство. Даже в других родах труда — в шаманстве и кузнечестве — не составляют состояния. Пословица говорит, что «ни шаманы, ни кузнецы не бывают богатыми людьми». Однажды, рассказывают якуты, шёл якут и думал: «Кто должен быть богаче: шаман или кузнец?». И вдруг навстречу ему идёт шаман. «Ну что, шаман? Ведь ты, должно быть, богатый человек! Ведь ты жиреешь только, а не работаешь?». — «Э, — отвечал шаман, — дьявольское как дьявольское всегда теряется туманом!» (*«Ээ, абааһы, гиэнэ абааһы гиэнэ курдук: элэй-мэлэй*

элэгэдэһин-доһун буолан хаалар!). Идёт якут дальше дорóгой, навстречу ему кузнец: «Вот, брат кузнец, ты много зарабатываешь своим трудом: и золото, и серебро бывает у тебя в руках, каково богатеешь?». — «Э, не очень: пепел остаётся пеплом, уголь — углём, а дым — дымом!» («Ээ, хайа бэриkitэ суох: күл күл буолан хаалар, көмөр көмөр буолан хаалар, буруо буруо буолан хаалар!)

Нищий якут.

Из фондов Музея Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

Причина того, что и кузнецы не очень богатеют, заключается в том, что они по необходимости работают в городах или в более населённых местечках, где их, с одной стороны, сильно привлекают карты, а с другой — водка, которою по русскому обычаю потчуют мастера. А уж талантливый мастер, не имея иных развлечений, почти всегда с азартом предаётся которой-нибудь из этих двух страстей.

Бедность якутов также резко выражается при похоронах. Лишь скончается якут, его тотчас моют; но богатый или почётный якут не станет мыть бедного. Покойника всегда ставят на кровать, а не на стол, потому что стол у якутов всегда очень мал и по неровности земляного пола никогда не стоит твёрдо на ножках. Одевши, покойнику завязывают руки и ноги длинной верёвкой, для того чтобы он замёрз правильно и хорошо вошёл в гроб, вместо подушки покойнику кладут дерево. Приготовив могилу, берут две жерди, которые верхними концами

кладутся сзади на плечи носильщика, серединой пересекаются и нижними концами волочатся по земле; на эти жерди кладут покойника и таким образом доволакивают до могилы, которая бывает самое близкое за версту от жилья, а самое дальнее за 5 вёрст. Могильщику за труды богатые платят коня или корову, а бедные 2–3 руб. с. или платье покойника. (О похоронах см. гл. XIV).

Якуты дают деньги заимообразно своим знакомым по условию за звериные шкуры (конечно, подешевле продажной цены) или за приготовление сена, масла, за работу, а то и за последнюю скотину. Если дают заимообразно скотом, то должник должен возратить в срок натурой; в случае неустойки обязан доставить с приплодом (весной), а если просрочит до осени, то берут за летнее коровье масло и молоко от 6 до 8 руб. и за кобылий кумыс 2–3 руб. серебром, за ездовую работу лошади от 3 до 5 руб. в год.

Некоторые якуты ни за что не отдают своих денег займы, будто бы за неимением, а в сущности боясь прослыть денежными людьми; даже при размене ассигнаций (лет 30 тому назад) некоторые не решались обнаружить своих денег, оставили их без размена и они пропали даром (нового размена бумажек здесь ещё совершенно не начиналось).

Рабочих якуты нанимают по словесному условию и редко с веденія родоначальников и других властей. Нанимают на одно летнее время — с 9 мая по 14 сентября или 1 октября (иногда с 29 июня до окончания сенокоса) — смотря по достоинству рабочего от 10 до 15 руб. (женщины от 3 до 6 руб.). Но деньгами платят редко, а чаще эти деньги выплачиваются скотом (шкурой, мясом, маслом, таром) по обоюдной цене. В зимнее время даже богатые якуты держат мало рабочих; если в лето у хозяина было десять человек, то на зиму он оставляет одного или двух; и потому за зиму даёт им лишь 4 или 6 руб.; самая высокая плата — 10 руб. (это уплачивается тоже не деньгами). Женщины же идут на зиму из-за одной пищи и (кобылей или вообще скотской) шкуры на одежду (особенно женщины, имеющие детей). Женщин-работниц и людей, находящихся на пропитании, вообще кормят зимой и летом молоком; мужчин-работников летом, кроме молока, кормят кумысом, изредка мясом и рыбой, зимой же мясом, маслом и таром.

Если бедные не в состоянии заплатить податей, то богатые вносят за них, а бедняков берут к себе на работу, где они и отрабатывают свои по-

дати вдесятеро. Богатые ни в каком случае не несут большой повинности, ни натуральной, ни денежной <...> и дают только тому, кого боятся; староста добровольно подчиняется родовичу, если родович богаче его, старосты. У якутов есть даже пословица: «Кто противится сильным, тот не одолеет даже и мышиною силы» (*Күүһүргэспит, күүдээх күүһүн кыайбат*).

Если якут идёт в суд с жалобой или просьбой куда-нибудь к соседу и по дороге навстречу ему попадётся какой-нибудь человек, то якут всегда старается пройти так, чтобы встречный миновал его по левой стороне. То же делают постоянно и при встрече с шаманом или вообще с важным человеком.

Если в якутах случится какое-нибудь дело и подозреваемый подлечит до следствия аресту, то летом его просто привязывают к дереву (*маска баайыы*) и ставят к нему караульного (обыкновенно такой арест продолжается несколько часов или одну ночь).

При следствии тяжущиеся стоят, сложивши крестообразно руки, и при каждом объяснении кланяются старосте в пояс. Если разбирательство происходит в людном месте, то староста приглашает к себе несколько старцев, говоря: «Помогите мне разобрать дело!». Эти старики вместе со старостой всё время разбирательства сидят и ковыряют в зубах палочкой.

Хотя телесные наказания законом и уничтожены, но в практике они ещё далеко не вывелись из употребления. В этом случае всего поразительнее привычка начальствующих (старост и др.) бить виновных собственноручно. Якутам даже не приходит в голову, что это противозаконный поступок, и потому они оставляют подобные случаи без обжалования. Якутские начальники никогда не наказывают своих родовичей ремнями, но всегда розгами: жёстким ёрником или за неимением его тальниковыми... Если телесное наказание производится по приговору общества, то оно обыкновенно (по крайней в последнее пятилетие) бывает умеренно (до 15 ударов), но если же оно совершается лично старостой, то принимает ужасающие размеры. Якуты не измеряют наказание числом ударов (это русское нововведение), а счётом обмороков, т.е. столько раз наказуемый лишится чувств (в сказках употребляется

тот же счёт: до двух обмороков, до трёх обмороков и т.п., см. «Урааны-каан Огоннёр»¹). Разумеется, некоторые притворяются лишившимися чувств, чтобы по возможности облегчить свои страдания. Иногда бедняк, не вынося наказаний в спину, несмотря на усилия держащих, перевёртывается вверх животом, и тогда его бьют по животу и бокам, пока, наконец, он снова не ляжет как следует... Если же старосте покажется, что секущий бьёт не довольно больно, то он собственноручно заушает его так сильно, что наказывающий падает на наказуемого и румянит своё лицо его кровью... Тогда исправляющий должность «палача» выходит из себя и сечёт провинившегося уже с надлежащим усердием.

Телесных наказаний не избегают даже женщины; до настоящего времени якуты, «высеченные со всех четырёх сторон», не находят никакой защиты при апелляции к исправнику.

Но вообще якуты считают телесные наказания величайшим оскорблением чести. Пожилой якут или тунгус, не подвергавшийся раньше телесным наказаниям, готов скорее умереть на месте, чем получить 10 или 15 ударов розгами.

Если при производстве следствия свидетеля надо привести к присяге, то для этого зажигают свечу у иконы, и свидетель в присутствии старосты и других лиц крестится иконам и говорит: «Я скажу правду; пусть господь бог Иисус Христос накажет меня, если я буду держать которую-нибудь сторону!» (*Кирдьикпин этиэм; Айыы тангара Сүүс Киристиэс умсары көрдүн, хайаларын эмэ диэкки буоллахпына*).

Общественные старосты и старшины избираются большинством голосов; право голоса имеет всякий ясашный (т.е. платящий ясак) якут. При выборах все присутствующие избиратели садятся в кружок; на средину стелется постелька из кобыльей шкуры (вместо избирательной урны), куда и кладут голоса — маленькие палочки длиной в два вершка.

При выборах руководствуются следующим: 1) чтобы избираемый не был штрафован или не был скопец (по русскому закону); 2) чтобы не был мот; 3) был бы богат, знаком с исправником; мог бы отдаривать и угощать его в разных случаях; 4) если беден, то чтобы по крайней мере был знаком с русскими, не был строг (не сёк бы), был бы побойчее, но ума не требуют.

---

¹ Малых детей якуты имеют обычай стегать ременными завязками шапки. К этому некоторые отцы так привыкли, что при малейшей надобности наказать детей отец непременно бросается искать шапку и, если после тщетных поисков её не найдёт, то оставляет и самую мысль о наказании. «Счастлив ты, — скажет он сыну, — что не нашёл я шапки!».

Если при выборе кого-нибудь неподдающих голоса в пользу избираемого мало, человека три или четыре, то они должны изложить причину своего недоверия, и вместе с тем это считается публичным оскорблением чести избираемого.

Богатые якуты часто отказываются от предлагаемой должности, говоря, что им «отдают почёт и без должности, а тут-де гнуть спину перед начальством тоже не находка, да ещё исправники кричать станут... А просто богачом быть лучше: и „господа“ почёт дадут, и староста будет слушаться, а родовичи и подавно!» ... Иногда богатый, не объясняя никаких причин, отказывается наотрез: «Не хочу, — говорит, — что вы будете делать?». Тогда избиратели возьмутся обеими руками за колено, поковыряют в земле и скажут: «*Бэрт добор!*» («Ну, оказия!»)... Старший предлагает нового, достойного, по его мнению. Вновь избранный отзывается своим нездоровьем, бедностью, слабоумием, что он даже десяти сосчитать не умеет... Ему возражают, что должность посылается богом и царём, что он должен послужить обществу, что, наконец, людей нет; некого поставить: вон N.N. уж сколько раз служил, N.N. болен, а этот наотрез отказался... Поломается, поломается вновь избранный и согласится.

Поздравлений и наставлений вновь избранному не бывает; обыкновенно старшинами выбираются молодые люди, а в старосты — лица, уже служившие старшинами.

Старосты всегда бывают более или менее взяточниками, и это не считается между якутами грехом; бедные и работают им даром, и дают свой промысел... Состоятельные и богатые дают только в случае вины. Зато по примеру русских «господ» старосты и старшины часто приезжают к богатым родовичам, привозят им гостинцы: фунт табаку или полфунта чая и сахару, иногда и водки бутылку или две. Разумеется, хозяин должен не в пример отдарить за подарок. Зато когда староста или старшины сменяются, то новый выбранный и к ним приезжает с такими же гостинцами, считая неотъемлемым правом получать и от них такие же от дарки.

Несколько лет тому назад родоначальники пользовались большой властью и родовичи без позволения их не смели садиться. А в Жиган-

ском улусе родович, встретивши старосту, кланялся ему в ноги (особенно если долго не видался).¹ Жены должностных якутов не имеют претензий на первенство в чём-нибудь, но богачки присвоили уже себе это право.

Чаще всего старосты и старшины отказываются от своей должности по случаю болезни. В редких случаях их сменяют и по приговору общества; главной причиной такого приговора — излишние поборы с родовичей (*ордук тардыы*)... Эти приговоры бывают очень редко, хотя излишние повинности взыскиваются старостами с родовичей, кажется, сплошь да рядом. Но грамотное начальство редко обнаруживает такие незаконные поборы, а писаря скрывают за малую толику...

Внёсши ясак в казну, каждый староста укладывает в свой мешок несколько лисиц или сиводушек и приносит к исправнику. Эти лисицы и сиводушки взыскиваются тоже с родовичей. «Я должен дарить исправника, и вы должны мне помочь», — убеждает их староста; состоятельные родовичи в этом случае дают без спору.

Безграмотность якутских начальников делает их почти безответными исполнителями личной воли грамотных начальников и даже писарей... За неумением грамоты они прикладывают к актам свои печати, которые, во-первых, часто находятся в полном распоряжении писарей и, кроме того, легко перепечатываются с одной бумаги на другую, так что изобретательному уму ничего не стоит приложить старостовскую печать к какому угодно акту без ведома самого старосты.

Лета свои якуты считают по выпадку снега; если ребёнок родился в марте или в апреле, то в октябре того же года он считается по другому году (другого снега), и, таким образом, ребёнку считают до 6 лет годом или двумя более. С 60 лет они считают вместо одного года по два и всегда выдают себя за давнего старика, чтобы пользоваться почётом глубокого старца.

Из праздников якуты наблюдают большие, двенадцать годовых и воскресные дни. В эти дни они оставляют обычную работу, встают рано и молятся иконам при свечке. Обед готовится ещё до рассвета и притом обильный и жирный. На рождество, крещение, благовещение и пасху запасаются головой скотины или рыбы, которые и составляют первое блюдо. В пасху варёную бычью или конскую голову ставят на

---

¹ В старинном предании об истреблении рода Хоро сын эгинского родоначальника, встретив отца, кланяется ему, ставши на оба колена.

стол в переднем углу юрты под иконами. Тут она стоит дня три (а прежде и целую неделю); потом её едят с особым чувством, считая эту голову встретившей праздник. Начиная с пасхи до половины лета якуты всегда христосуются, говоря: «Христос воскрес!», — на что другие отвечают: «Баистину Христесь!», или «Воистину воскрес!». Редкие из якутов знают день своих именин, и то в том случае, если имя совпадает с известным праздником; так, Василии именинничают 1 января; Афанасии — 18 января, Егоры — 23 января, Петры — 29 июня, Прокопии — 8, Ильи — 20 июля, Семёны — 1 сентября, Дмитриии — 26 октября. Прочие крещёные не знают дней именин; из женщин же, кроме Матрён (26 марта), ни одна своих именин не знает.

Якуты, знающие свои именины, никаких пиров или пирогов по этому случаю не делают, а затепляют свечу, помолятся, посытнее поедят, не пойдут на работу и спят почти целый день.

По случаю праздников или именин якуты редко посещают друг друга; они ездят друг к другу лишь по надобности: выпросить что-нибудь, купить жирного мяса или чего другого, присмотреть невесту и пр. Некоторые едут от нечего делать. Бедные, собственно, для того, чтобы покормиться около богатых. При посещении почётного бывает несколько бедных зрителей, которые присматривают за жирным угощением, и им дают по какому-нибудь кусочку или ухи. Больного посещают или кредиторы за получением долга ещё при жизни должника, или родственники, чтобы выслушать завещание... При этом советуют иногда больному, чтобы он питался хорошим супом и не отказывался от пищи; и постоянно спрашивают: «Каков ты, чувствуешь ли свободно?» (*Хайтаххыный; киэн собускун дуу?*).

Посетители всегда ночуют, нередко и проживают по несколько дней. Иногда заезжают или заходят, проходя мимо, но всегда уходят, дождавшись угощения: зимой — варёного мяса, мёрзлой или варёной рыбы, мёрзлого масла; летом — кумыса и сливок (в приморских местах варёной рыбы); у некоторых бывает чай, если без сахара или молока, то с солью. Если гостю подадут стакан (*айах*) с кумысом, то он не должен выпивать его до дна; это грех, посягательство на хозяйское счастье. Остатки выпивают работники или вообще бедные люди. Потому угощение «верхнею частью стаканного кумыса» вошло у якутов в поговорку (*арыылаах айах үрдэ*).

Зимой посетитель кормит своих лошадей хозяйским сеном, а собак рыбой безвозмездно; если же у хозяина нет сена, то лошадей, стреноживши, отпускают на отаву в поле; а ездовых собак необходимо, надо кормить хотя бы рыбьими костями или ухой, а иначе посетитель должен проехать в другую, хотя и отдалённую юрту, где предполагает найти для собак корму.

Если кто-нибудь русский дорогой остановится в юрте, то якуты считают священным долгом услуживать русскому; если он вздумает выйти, то перед ним отворяются двери, и один из якутов стоит на дворе всё время, пока русский не надумает воротиться: это для того только, чтобы не пропустить времени отворить для него двери. Наоборот, если какой якут (особенно невыборный, и не староста) взойдёт в Верхоянске к русским, то они без церемонии заставляют его исполнить домашнюю работу, какая в ту минуту понадобится, и якут беспрекословно её исполняет.

Когда якут отправляется в дорогу, то родители или родственники благословляют его словами: «Пусть тебе сопутствует господь бог. Пусть сопутствуют тебе восемь богов и девять будут тебе друзьями!» (*Абыс танара аргыстастын, тобус айы добордостун!*).

«Переднею ногою не спотыкайся, заднею не запинаясь! Суставами не спотыкайся» (*Сүһүөххүнэн бүдүүрүүмэ*).

«Пусть падь места, по которому поедешь, будет для тебя полою, пусть откроются тебе броды глубочайших вод, пусть откроют тебе следы восьми сбивчивых путей!» (*Айанныр дайдын аартыга аһылыннын, улуу дайды устар далайын оломо тосхолоннун, абыс мэҥиэһиннээх айан суола аргыстастын!*).

«Пусть счастье твое будет, как большой снег, выпавший на густой куст ели!».

«Пусть сзади оглядывается тебе удача, спереди встречает тебя счастье!».

«Глазами смотри да не мигай!» (*Көрбүт хараххын чыпчы- лыйыма!*).

«Что поймал, то не спускай!» (*Туппуккун төлөрүтүмэ!*).

«Протянутую ногу не сгибай!» (*Көллүбүт атаххын такытыма!*). «Злоязычные да не скажут про тебя впопад, с огненными глазами пусть не смотрят на тебя прямо» (*Татаар тыллаах таба эппэтин, уоттаах харахтаах таба көрбөтүн*) и пр.

«Будь человеком, в люди выйди!» (*Киһи хара буол!*).

«Пусть духи гор, лесов и вод сопровождают тебя благословлениями и добрыми предреканиями, понижая возвышенности дорог, покрывая от невидимых... Пусть снег, дождик, ветер умеряют против тебя свой порыв, солнце охлаждает свои лучи!» (*Сир-хайа иччитэ, уу далай иччитэ, ойуур тыа иччитэ, айыыгык көннөрөн, суол үрдүгүн намтатан, көстүбэттэн турдалаан сырытыннардинар. Хаар, самыыр, тыал, сиккиэр уораанын мөлтөтөр буоллун... Күн уота күнүскү сыраланнаах уотун күтүрдүк күүһүрпэт буоллун!*).

«Пройди, как по мохнату колену, шагай по белому серебряному краю ладони (верхняя наружная часть ладони)!» (*Түүлээх дьилбэгин устун хаамтын, үрүҥ көмүс табаҕайдаах ытыһын устун хаамтар!*).

«Создавший господь, дай нам живыми встретиться!».

В импровизации отъезжающему якутская песня говорит: «Восемь святых жён, путешествуя вместе с этим (отъезжающим) человеком, пусть заслоняют-покрывают его от проходящих и уходящих бед, от ветров и дождей, от летающих облаков, пусть протянут его дорогу гладко, как серебро».

Отправляясь в дорогу, нельзя говорить, что завтра или тогда-то доеду до цели путешествия, — грех, да и препятствие неожиданное случится.

Когда якут отправляется на промысел, а товарищ скажет, что действительно в этом месте есть промысел и добыча будет достаточная, тогда отправляющийся скажет: «Не останавливай моего намерения: изурочится от твоего слова» (*Мин санаабын тохтотума: эн тылгыттан ханныаҕа*).

Отправляясь в дорогу, молятся богу, выйдут, сядут на лошадь и скажут: «Дух вселенной, благослови меня! Добрый путь» (*Аан дайды иччитэ, алҕаа миигин! Айаммын туксар*).

Проезжая горы, на вершине вешают волосья из конской гривы или говорят: «Дух места, открой мне большую белую твою падь (низкое место между горами, т.е. дорогу)!» (*Аан дайды, иччитэ, тэлэмэн маҕан аартыккын арыян кулу!*).

«И ехали они, — говорят постоянно якутские сказки, — узнавая зиму по снежной пороше, лето по дождю, осень по туману». Или: «Ехал он, узнавая зиму по куржаку, весну по ветру, лето по дождю, осень по дождю, смешанному со снегом».

Если якуту, отправляющемуся за промыслом зимою, приходится ночевать под открытым небом, то он спит в одежде, не раздеваясь; сверху

покрывается заячьим одеялом, а под себя подстилат оленину. Если очень холодно, то сбоку около себя разводит огнище, в которое кладёт большие деревья, рассчитывая так, чтобы огонь не потух до утра. «Ездивший (или ходивший) хоть соринку, да найдёт», — говорит якутская пословица.

Сметать в доме после выезда хозяев в тот же день — величайший грех; это равняется убийству...

За отсутствием между здешними якутами грамотности они никогда не переписываются между собою; письма пишут исключительно русские. И если с якутом или тунгусом отправляют корреспонденцию, как частную, так и казённую (внутри округа), то письма и пакеты вкладывают между двумя деревянными плоскими дощечками, причём на печать кладут шерстью кусок оленьей или кобыльей кожи около вершка длиною; сверху дощечки перевязывают ремнями.

Ссоры между якутами происходят не вследствие одних тяжб и обманов в расчётах, но из-за оскорбления чести. Если якут обругает якута по-якутски, то это не считается обидой; но если якут обругает своего знакомого русским «сукин сын» (*сукин сыкин, сыкин сукин*), «дурак», «пошёл», это для якутов равносильно названию «собака». Также считают оскорблением, если один покажет другому кукиш с восклицанием: «Мэ!», особенно, если оконечность большого пальца запачкана предварительно пылью (*буордаах кокуоска*). Кроме того, все вообще наносят друг другу обиды побоями и ругательствами; и при судебном разбирательстве виновного иногда присуждают смириться; тогда он за бесчестье угощает обиженного одною или двумя бутылками водки, а если водки нет, то платит стоимость коня или даёт в промен хорошую лошадь.

У якутов есть пословица: «И бог говорил, что если постигнут тебя несчастья, то помогу тебе через хорошего человека (а не самолично)». Другая якутская пословица говорит: «Принцип проклятия кровавый, принцип благословения с маслом» (*Кырыыс баһа хааннаах, алгыс баһа арыылаах*).

В случае мировой как домашние, так и лица разных семей говорят: «Помирился, будем согласны; друг другу зла не будем думать, в том даём друг другу порукою „господа“» (*Туксуох, үчүгэйдии буолуох, бэйэ бэйэбитигэр куһаҕаны саныахпыт суоҕа; ол туһугар тангара мэктиэтин биэрэбит бэйэ бэйэбитигэр*).

Или: «Пусть отдалятся от нас обманчивые мысли, пусть прекратится сердитая мысль, пусть удалится мошенническая мысль, пусть прекратится худой обычай; в продолжение своего века пойдём к хорошему» (*Албын санаа арахтын, уордаах санаа уурайдын, көллүүн санаа көтөбүлүннүн, куһаҕан быһыы уурайдын, үчүгэй быһыыга барыах үйэ тухары*).

При подобных словах молятся богу, потом целуются друг с другом трижды, затем оборачиваются назад, отплёвываются и дуют в землю, чтобы всё это пошло прахом, и садятся вместе кушать; если мужчины, то пьют вместе водку.

Впрочем, водка, как признак мирбы или дружбы составляет для якутов русское нововведение. Так, при продаже лошади иногда бывает магарыч *туйах сууйуута* («обмывание копыта»), причём обыкновенно потчует тот, кто просит продать или купить лошадь. Купец, приезжая в юрту, прежде всего угощает хозяина чаем, потом чаркой водки потчует хозяина, хозяйку и детей; потом поставит бутылку. Хозяин принимает её, пьёт сам, угощает своих людей и купеческих. И только после этого начинают толковать о деле. В некоторых местах Жиганского улуса якуты возят всех проезжих (купцов) даром, а если не сможет разом свезти, то занимает оленей у соседей и отвозит в несколько приемов. Самое многое, если приезжий «благодетель» напоит их чаем. Если обыкновенный якут долго не видался со старостой, то при встрече кланяется ему в ноги (в Жиганском улусе).

Мировые иногда заключаются лишь на основании клятвы.

Иные люди, по поверью якутов, бывают «благословляющими» (*алгыстаах киһи*), какое он ни скажет благословение, дух слушает его, и оно исполняется. Иные же, наоборот, бывают «проклинателями» (*кырыыстаах киһи*); что он ни проклянет, всё исполнится. Вообще «худые речи прилипчивы», и проклятие, если не исполняется на самих проклятых, то доходит до их детей. Если кто-нибудь зевает, то якуты уверены, что его в эту минуту где-нибудь проклинали.

Проклятий у якута вообще больше, чем благословений:

1. *Суораккан сытыйдын!* — «Пусть сгниет твой головной мозг!» (забывчивому).

2. *Таас дьүлэй буол!* — «Оглохни совершенно (как камень)!».

3. *Иккитэ иккиэн ииннин (дьүлэй буоллун), үһэ үһуөн бүтэй буоллун, мунга даҕаны улуу киһи кулгааҕа бүтэйдин!* — «Пусть двое вдвоём оглохнут,

трое втроём пусть будут глушехоньки, пусть уши страшного человека оглохнут мучительно!» (при разговоре, когда желают, чтобы никто его не услышал).

4. *Хараххар чээккэй түстүн!* — «Пусть тебе на глаза бельмо сядет!».

5. а) *Балай буол!* — «Ослепни!»; б) *Икки харама суох буол!* «Ослепни на оба глаза!».

6. *Мин диэки көрүмэ, харабың тэһиннин!* — «Ко мне не смотри, пусть глаза твои лопнут!».

7. *Аңаар харабың тэһиннин!* — «Пусть лопнет один твой глаз!».

8. *Чаакый хараххын уулаатың!* — «Пусть чёрт напьется твоими глазами!».

9. *Харабың уоллун!* — «Чтоб твои глаза вытекли!».

10. *Хараххар үөн ыстың — айаххар үөн ыстың!* — «Пусть в глазах у тебя и во рту заведутся черви!».

11. *Айаххар ох тустун!* — «Пусть тебе в рот падет стрела!».

12. *Айаххар буор туоллун!* — «Пусть у тебя рот землей наполнится (т.е. умри)!».

13. *Бэлэскэр улаххан туоллун!* — «Пусть тебе в глотку набьется превеликое!».

14. *Тылың хаттың!* — «Пусть твой язык высохнет!».

15. *Тылың быһа сытыйдын!* — «Пусть твой язык перегниет!».

16. *Тылың кэтэххинэн чороччу тартың!* — «Пусть стянет твой язык затылком, заворотивши голову!».

17. *Илиинг тартың!* — «Пусть стянет у тебя руку!».

18. *Илиинг тоһуннун!* — «Пусть рука твоя переломится!».

19. *Илиинг хаттың!* — «Пусть твоя рука высохнет (чтобы ты стал сухоруким)!».

20. *Илиинг уула сытыйдын!* — «Пусть твоя рука прогниет!». *Икки илиигинэн нуура буолан өл!* — «Пусть расслабнут обе твои руки, и умри ты от этого!».

21. *Илиинг-атабың быһа сытыйан өл!* — «Пусть отгниют твои руки и ноги, и умри ты от этого!».

22. *Икки атаҕа суох босхон өлүү буол!* — «Будь ты расслабленным, без обеих ног!».

23. *Атабың тоһуннун!* — «Пусть нога твоя переломится!».

24. *Ситиминэ сырыт!* — «Ходи ты, не достигая!».

25. *Боҕоргоно өлүү буол!* — «Будь ты с переломанной ногой!».

26. *Баттахтаах тайабынан сырым!* — «Ходи на костылях!».
27. *Оронтон турума, липпэ ыарыы буолан сым!* — «Лежи ты, заболевши, без возможности встать, сдвинуться с кровати!».
28. *Сүрэбин сытыйдын!* — «Пусть сгниёт твоё сердце!». *Өрөһөн хайынын!* — «Да разорвётся твоя грудобрюшная преграда».
29. *Иһин дэлби сытыйдын!* — «Чтобы твоя внутренность совсем изгнила!».
30. *Искэр үөн (монгой) үөскээтин!* — «Пусть в утробе у тебя черви (вариант: змеи) заведутся!» (жадному).
31. *Ханнын хайа сүүрдүн!* — «Просквозило бы тебе брюшину!».
32. *Суон оһоһоскун супту түстүн!* — «Чтоб прошло тебе насквозь твою толстую кишку!» (при воровстве).
33. *Искэр инниминэ ибили сүүрдүн, тохтоомуна тобулу сүүрдүн!* — «Пусть вымоет твою внутренность, изорвет её и безостановочно насквозь выбежит!».
34. *Нэс өлүү буол!* — «Заболея проказой!».
35. *Буос өлүү буолан өл!* — «Умри, заболевши водяной болезнью!».
36. Больные проклинаят: *Мин сорбун сордонон өл!* — «Умри ты моим несчастьем и болезнью, мученьем!».
37. *Харан хаал!* — «Подавись!».
38. а) *Эпсэн хаал!* — «Околей!»; б) *Ытыстан хаал!* — «Пусть стиснутся твои зубы!».
39. а) *Сытыйан түс!* — «Сгний!»; б) *Үрдүгүттэн сытый!* — «Прогний сверху!»; в) *Илиин сытыйдын!* — «Пусть твоя рука сгниёт!».
40. *Үрдүгэр хаар-самыыр түстүн!* — «Пусть падут на тебя сверху дождь и снег!».
41. *Сырайын түүнүгүрэ сытыйдын!* — «Пусть лицо твоё сгниёт до плесени!».
42. *Олорор сиргиттэк турбат гына дэлби кыраан кэбиһиэм!* — «Так я тебя распрокляну, что не встанешь с места, на котором сидишь!».
43. *Кириэскин!* — «Поди ты к чёрту!».
44. *Аан дайды иччитэ хамыйдын!* — «Побрал бы тебя дух этого места!».
45. *Көстүмэ!* — «Не кажись!».
46. *Абыс атахтаах Адъарай ыллын (абааһы ыллын)! — «Пусть возьмет тебя осьминогий дьявол (или: пусть возьмёт тебя чёрт)!».*
47. *Абыс атахтаах абааһы таннары мииннин!* — «Пусть сядет на тебя задом наперед осьминогий дьявол!».

48. *Барбыт суола көһүннүн, кэлэр (кэлбит) суолун көстүбэтин!* — «Пусть будет виден след твоего отъезда, да не будет видно следа твоего приезда!» (отъезжающему).

49. *Үрэх ортотугар үөдэн иһэ аһылыннын!* — «Открылась бы (тебе) среди реки пропасть (адское место)!».

50. а) *Үөдэн иһигэр түс!* — «Провались в тартар!»; б) *Үөдэнгэ сунту түс!* — «Провались в тартар!».

51. *Түөрт түгэн түгэбэр тимир!* — «Провались на дно тартара!».

52. *Сир уйбатын!* — «Пусть земля тебя не подымет!».

53. *Тимирэн хаал!* — «Провались!».

54. *Үөдэн айаҕа аһыллан туран оборон ыллын!* — «Пасть адского места разверзлась бы тебе снизу и втянет в себя!».

55. *Тангара ылбатын!* — «Пусть тебя бог не примет!».

56. *Турар сиргинэн сунту түс!* — «Распровались ты на том месте, где стоишь!».

57. *Олорор сиргэр дьөлө түс!* — «Провались тут, где сидишь!».

58. *Умса бар!* — «Пади навзничь!».

59. *Ааккаадка бар!* — «Ступай в ад!».

60. *Аат айаҕар бар!* — «Ступай в пасть ада!».

61. *Сымалаҕа убай!* — «Гори в смоле!».

62. *Далай тааһа буол!* — «Будь ты подводным камнем (т.е. утони).

63. *Үөн-көйүүр аһылыга буол!* — «Будь пищей червей и гадов (умри)!».

64. *Үрдүгүнэн хара буор оргуйдун!* — «Пусть вскипит над тобою чернозем!».

65. *Үрдүгүнэн хара буор мэлийдин, кыһыл кумах көттүн!* — «Пусть засыплет тебя чёрной землей, да налетит (сверху) красный песок!».

66. *Аал уотун утуйдун, үөлэһин кырыардын, таһа кыраһардын, суолун бүтэйдin, дьиэбэр ыт даҕаны киирбэтин!* — «Пусть твой священный огонь потухнет, труба закуржевет, наружная сторона дома покроется снежной порохой; заглохли бы твои следы и в дом не входила бы даже собака!».

67. *Иэримэ дьиэн иһнэһиннин, аал уотун алдьаннын, күлүн булкулунун, түннүгүн-үөлэһин кырыардын; уйалаах оҕон тоҕуннун, олорбут-сыллыбыт сириг сымыйа буоллун; уйгубуйанын, уһун кэһиин уу курдук уоллун (уоһуннун), хаар курдук симэлийдин, үөһэттэн көрдүн, аллараттан быктын (кынчайдын); аан дайды иччитэ сэргэннээпин!* — Пусть

дом твой опрокинется, священный огонь твой потухнет, пепел твой смешается, окна и трубы твои закуржавеют, зыбочное дитя опрокинулось бы, чтобы место, где ты жил, стало ложью (не существовало); счастье-благодать, длинное твое богатство пусть высохнет, как вода, уничтожится, как (тающий) снег; пусть сверху заглянут, пусть снизу выглянут; пусть обратит внимание дух этого места, (т.е. пусть радуются вместе с проклинающим)!».

68. *Сангыйафын сахсас гыннын, сонун суксус гыннын, бэргэһэн лэглэс гына түстүн, үтүлүгүн үрэлис гыннын, бэйэн түөрт-түгэн иһигэр түнкэл-танхал түһэ тур!* — «Пусть слетят-снимутся с тебя доха, шуба, шапка и рукавицы; и сам ты провалишься в пропасть!».

69. *Улуу дайды оломо эн тускар ортотунан чөмөрүйэн биэрдин.* — «Пусть брод почтенного места откроет тебе бездонный омут!».

70. *Аан дайды аартыга сабылыннын эн тускар!* — «Пусть дорога вселенной закроется для тебя (т.е. не пропустит)!».

71. *Барбыт суолун көһүннүн, кэлбит суолун көстүбэтин; эргийимэ миэхэ, эргийдэххинэ иэрчэбин эргийдин, аны миэхэ хайыһыма — хаайлыгын хайыннын. Олорбут сириг уостун; түөрт маһанан чоройдун, абыс маһанан адаарыйдын; атахтаах арангаһын ардайдын; сытын сыдьаайын суох буоллун!* — «Пусть покажется след твоего ухода, да не оказывается следу твоего прихода. Не оборачивайся ко мне, если оборотишься, пусть вывернется у тебя окончечность бедровых костей. Теперь ты и не оглядывайся ко мне, (если оглянешься), пусть расколются твои шейные кости. Пусть изойдёт (убудет) место твоего жительства, пусть торчат на нём (лишь) четыре домовых столба, восемь домовых столбов, как рассеянные пни, да не будет пронзительного твоего сияния!».

72. *Муос курдьахтаах (күрдьэхтээх) күртүн, тимир харыырдаах харыйдын; сылдыбыт дайдын сымыйа буоллун!* — «Пусть имеющий костяную лапу загребёт (тебя), пусть имеющий заступ уберёт тебя; да будет неправдой (даже то), что ты ходил на земле (твоём месте)!».

73. *Сьнаафын уһулу ыстанан сэттэ суол билиригэр түөрэх бардын!* — «Пусть выскочит твоя челюсть и пойдёт (послужит) для ворожбы на распутьи семи дорог!».

Проклятия знакомым, не явившимся на праздник ысыаха, смотри дальше (глава XIII).

Проклятие с изменением второго лица на первое часто становится клятвой: «Пока есть господь бог»; «Пока есть ласковое солнце»; «Пока

существует священный огонь» (*Аал уот баарына*); «Убей меня бог» (*Тангара өлөрдүн миигин*); «Чтобы мне не видать родимых детей, чтобы мне самому, родившемуся человеку, не видать самого себя»; «Чтобы не видать мне добра в своих детях» (*Төрөтөр оѳом үтүөтун көрүмүүм*); «Пусть меня не примет ни земля, ни бог» (*Сир да ылбатын, Тангара да ылбатын миигин*), «Пусть бог лишит меня и тамошнего, и здешнего светлого места» (*Анараа дайды сырдыгыттан матардын, Тангара, бу дайды сырдыгыттан матардын*) «Пусть бог лишит меня и тамошнего места света, и здешнего места счастья» (*Анараа да дайды сырдыгыттан матардын Тангара, бу да дайды дьолуттан матардын*); «Пусть отомстит господь на моих родных детях, на воспитываемом скоте и на мне самом» (*Төрөтөр оѳобуттан. Тангара иэстээтин, иитэр сүөһүбүттэн иэстээтин, хара бэйэбиттэн Тангара иэстээтин*). «Ты у меня украла иголки?», — спросила при мне одна казачка якутку. Та вместо ответа тотчас положила земной поклон иконам и сказала: «Пусть не дойти мне до своего дома, если я украла у тебя что-нибудь!».

Рассказывают, что несколько лет тому назад какой-то городской якут поймал свою жену в нарушении 7-й заповеди. Та стала божиться, что она нисколько не виновата. Муж заставил её поклясться. Для этого она взяла две восковые свечки, стала на колени перед образом и клялась: «Пусть я не вижу счастья родимых детей, пусть руки мои отсохнут, пусть глаза лопнут, пусть чёрная земля надо мною вскипит». И действительно, прибавляют рассказчики, она ослепла.

В старину клялись так: разинет рот к солнцу или огню и скажет: «Дух огня пусть ожалит (пронзит) насквозь (на разрыв) мою становую жилу»^Б (*Уот иччитэ сиһим үөһүн быһа тыктын*). До сих пор есть поговорка: «Ну-ка разинь рот к солнцу!» (*Ыл эрэ уокка айаххын ат!*).

Клянутся ещё такими словами: «Аан дайды иччитэ бурууһаатын! Аан дайды иччитэ иһиттин-көрдүн!» («Пусть дух вселенной отринет тебя. Дух вселенной пусть слышит и видит!»). Или: «Тонгор мас мин үрдүбэр тоннун, үүнэр мас мин үрдүбэр үүннүн, ирэр буор мин үрдүбэр ирдин!» («Пусть мерзнет на мне мёрзнувшее дерево, пусть растает на мне тающая земля!»).

Вот небольшая побасенка, составленная из старинных клятв: «Собака! Ведь ты мою жену ...!». — «Нет, — говорит. — Пусть дух священного огня бросит свой семигранный хрустальный трезубец, чтобы перерезать мою становую жилу!». — «Я тебе ещё не верю. Я заставлю тебя глодать

голову священного (т.е. обожяемого по масти или посвященного дьяволу) жеребца. Дам тебе пить верх (почетную долю) кумыса первотёлой кобылы. Заставлю тебя разинуть рот к солнцу. Если ты виноват, то солнце тебя сронит (поразит или убьет)!». — «Греха-вины не имея, я готов сейчас исполнить твои слова!» — «Приди на первый весенний ысыах!» (*«Ыт, эн мин ойохпун <...> эбээт!»*. — «<...> мин: аал уот иччитэ миигин сиһим үөһүн сэттэ кырыылаах дьэнкир таас атаратынан быһа бырахтын!»). — «Мин дөксө итэҕэйбэппин эйигин. Ытык атыыр баһын тиниктэтиэм, маннайгыкулун кымыһын үрдүн иһэрдиэм\күнгэайаххынатытыам; буруйдаах буоллаххына күн умсары көрүүбү!»). — «Айыым-буруйум суох: сибилигин даҕаны сити эппиккэр барытыгар кириэм». — «Аны сааскы, дьылга маннайгы тунах ыһыахха кэлээр!»). Шутка тут заключается в том, что собак не допускают на ысыаховое служение. Несмотря на своё юмористическое направление, сказка показывает, что самые сильные клятвы совершались якутами во время ысыаха.

В Жиганском улусе в старину клялись солнцем, огнём и духом вселенной. При клятве поклонялись огню и насыпали на темя пеплу со словами: «Пусть подавит меня таким же образом земля» и пр.

В одном якутском предании герой говорит своим старшим родственникам, возвращаясь от своих врагов: «Я, — говорит, — пришел умиловленный и удовлетворенный. Они кланялись моей чёрной тени, преклоняли колена моей толстой тени. Если изменят мысли, то у них вывернется поясничная кость, а если повернут голову (расположение?), то переломится шея».¹

---

¹ В сказках клятва называется весьма почтенным словом. «И до этого, — говорит один герой, — ты мне давал весьма почтенное слово, великую клятву. И в слове не устоял, клятву свою преступил. Что ты там ни говори, я тебе не верю, на какие бы переломы ты ни давал мне клятвы!»).

Иногда, наоборот, клятва строго соблюдается; так, однажды в сказке дьявол поклялся не рассказывать никому, что он встретил Юрюнь Уолана на пути; затем встречается его сын Юрюнь Уолана и спрашивает: «Ты дорогой видел человека?». — «Ни одного человека не видал», — отвечает дьявол. «Должно быть, встретил», — говорит сын и начинает бить его палками до того, что обнаружились спинные жилы, выкалывает ему глаза. Но дьявол, будучи поклянувшимся человеком, не видал да не видал, говорит, убьешь и тут не скажу, что встретил. Тут сын переломил ему обе ноги. Но дьявол, как поклянувшийся человек, не видал да не видал, говорит, убьешь и тут не скажу, что встретил, и т.д. До тех пор, пока человек не вырвал дьяволу нижнюю челюсть с языком и бросил.

В сказках упоминаются такие клятвы: «Если я худое на тебя подумаю, ложь скажу, грех сделаю, то пусть все мои боги давят меня; пусть небо мое спустит на меня каменный дождь и побьет меня; пусть земля, обратившись в топкое болото, покрытое мохом, не подымает меня; пусть переломятся руки, которыми я держу; пусть стянет ноги, которыми я хожу; пусть лопнет мой живот; пусть спинной мозг перервется. Глаза мои, которыми я вижу, пусть станут серо-чёрным камнем (окаменеют). Язык мой пусть стянет; челюсти мои пусть стиснутся так,

«Языком нос достань, ешь золу!» (*Тылгын муннугар тиэрт. Күллэ сиэ!*), — говорят якуты лжецу. «Пусть лучше отправится туда, где глаз не видит и ухо не слышит» (*Харах көрбөт, кулгаах истибэт сиригэр*).

Брань принадлежит к числу самых обыкновенных вещей в якутском разговоре; но об этом см. гл. XVI.

Зимой, приехавши друг к другу, якуты занимаются расспросами о звериных промыслах,¹ об отаве, не худеет ли скот, кто какого зверя упрюмыслил, кому сбыл шкуру; если это зверь, употребляемый в пищу, то кому и сколько дал мяса; кто убил скота для зимнего продовольствия и достаточно ли, какие части были съедены и какие части и кому были даны при самой бойне. После разговоров и запросов, после сытного завтрака или ужина (из жирного мяса у достаточных или же по одному зайцу на каждого) начинаются увеселительные загадки («Если встал, то до неба достал?»), заимствованные от русских, и свои туземные. Потом задачи: «По три (по семи или по девяти) собак привязано в трёх (семи и девяти) местах, сколько у них когтей?» (также о коровах, лошадях и оленях). Разрешением такой задачи занимаются почти все, некоторые наколют грудку палочек, считают каждый отдельно. Главный счетчик-контролер делает проверку, но и ему редко удается разрешить задачу правильно. Счет продолжается долго, пока у двух или трех лучших счетчиков счет совпадает в одну цифру. Затем испытывают силу каждого; лежащего на полу поднять за ноги; тянутся вдвоем за палку, перетянутый заменяется свежим до тех пор, пока кто-нибудь не перетянет сильного, хотя случается иногда и так, что силач перетянет всех. Ложась спать, выбирают сказочника, который и рассказывает, сидя перед камином, час, два или три, пока все не уснут...

чтобы туда не попадала жидкость и чтобы голос мой оттуда не выходил. Пусть сделавшись совершенно глухим, не различая ни запада, ни востока, потеряв и память, и мысль, я лишусь рассудка».

Или: «Если ... пусть мой каменный бог увидит меня вверх ногами (т.е. погибшего); пусть мой деревянный бог увидит меня насквозь (т.е. разорвавшиеся внутренности); пусть распорет меня взором моё тёмно-грязное солнце (т.е. разлагает внутренности?) и мой каменный бог посмотрит меня насквозь; пусть разломанный месяц, как половина расколотаго хамыйаха, чтобы на моём теле кожа вздулась и сошла пузырями. Не скажу никому, пока руки-ноги не изломались, пока знаю солнце и бога (т.е. пока жив)»... «Пусть пепел-уголь бог мой посмотрит меня насквозь через мельчайшие отверстия; пусть берестяной бог, как сытое дитя посмотрит меня насквозь; пусть деревянный бог, подобный двухлетнему дитяти, увидит меня насквозь до половины; пусть мой каменный бог (величиною) с резвое дитя, увидит меня вниз головою; пусть мое тусклое, как ночь, опрокинутое солнце с обратным обращением опрокинет меня наизворот; пусть наизворот заломленный месяц мой с обращением назад, пусть смеряет (он) меня назад!».

¹ За белками ходят, начиная с 1 октября до Дмитриева дня. Некоторые промышленники уходят каждый раз дня на три-четыре; другие даже на десять. После Дмитриева дня в продолжение всей зимы натягивают самострелы на лисиц; луки становятся в разных расстояниях от юрты; иногда на трехдневном верховом пути. Если лисиц много, то самострелы осматривают через три дня; если мало лисьих следов, то через 10 дней.

Весной играют в шашки; на открытом месте стреляют в цель из лука, а также из ружей (винтовок), стараясь попасть как можно вернее и на дальнем расстоянии. Иногда бывают в этих спорах и пари, впрочем, очень незначительные: по одному конскому хвосту, также по фунту пороха с двумя фунтами свинца и в очень редких случаях ружьё об ружьё (подробнее см. об играх следующую главу).

VII. И Г Р Ы

Народные игры всегда составляют один из самых интересных предметов для этнографа. Соединяя в себе народный театр и народную гимнастику, они представляют нам человека в праздничную, спокойную минуту его жизни; они обнаруживают нам ясно его народные стремления, его мечты, заглушаемые ежедневными житейскими заботами. И грезятся якуту борьба за существование, битвы пернатых, зверей, людей, войны волков и жеребцов, ржание жеребенка и т.п.

Утки и гуси ^А (*кус-хаас буолар* — «быть уткой и гусём»). На сухом месте (на поле, что для якутов равносильно слову на дворе или на улице) чертят две «воды», два озера.¹ «Утки» и «гуси» садятся на этих озёрях и «перелетают» (перебегают) с одного на другое. Уток и гусей бывает столько, сколько играющих; за исключением одного, который называется соколом (*мохсобол*). Сокол становится между двумя «водами» и ловит уток и гусей во время перелета.² Первый же пойманный должен лечь около соколиного места и делается «соколиным яйцом» (*мохсобол сымыыта*); второй пойманный тоже ложится, но первый в это время уже встаёт на ноги и становится соколиной самкой (*мохсобол тыһыта*). Когда сокол поймает третьего, то второй в свою очередь встает на ноги и становится соколиной самкой; первый же становится настоящим соколом. Когда поймают четвёртого, третий становится соколиной самкой, а второй настоящим соколом. Впрочем, число настоящих соколов не может увеличиваться больше трёх: и они вместе ловят всех гусей и уток. Если сокол невзначай вступит на воду, то пропадает.

В эту игру играют большие и малые, и она совершается с большим шумом и криком. Утка иной раз вызывает сокола: «Поешь ли ты кадыко-

---

¹ Иногда два столба; схватиться за столб — значит спастись на воде (Дулгалах).

² Если сокол поймает утку или гуся на дороге, то, значит, «съел» (Дулгалах).

вого жиру?Б» (*Хала сыата сиэн дуу?*). Сокол отвечает на это: «Потянемся!» (*Көхөлөһүөх!*). И они схватываются средними пальцами; если перетянет сокол, то утка пропадает и наоборот. Из уток последней остается, разумеется, самый быстрый и сильный человек. Три сокола стоят против него. Утка задирает: «Поешь ли ты жиру кадыка?» (*Хала сиэн дуу?*). Тогда соколы втроем нападают на утку, и если утка втащит всех троих соколов в воду, то, значит, утки и гуси сильнее соколов, и наоборот.

Война (*сэрии былльаһар* — «отнимать войско»). Играющие разделяются поровну на две стороны, составляя два народа. Границей посреди обоих народов проводится «река». Иногда этой рекой служит естественная яма или ложбина, по обе стороны которой и садятся люди. Каждый народ имеет своего «господина» (тойона); господином выбирают сильного человека. Вот один господин посылает к другому посла и требует от того людей. Тот отвечает: «Вот возьми этого человека!» — и дает кого-нибудь по своему выбору. Этот становится на одно колено на своем берегу реки; посол делает тоже на противоположном берегу; затем оба тянутся руками; и кто перетянет противника, тот приобретает лишнего человека к своему народу. Наконец дело дойдет до того, что на которой-нибудь стороне господин остается один. Тогда другой господин приказывает спросить у первого: «Даст ли он мне дань, сделается ли моим подчиненным? Или брать его силой?». Тот отвечает: «Пусть возьмет силой!» (*Кыайан ыллын*) или «Я ещё буду силиться» (*Мин өссө күүһүлэһиэм*). Тогда господин, владеющий всеми людьми, выбирает из среды своих трёх сильных человек и посылает их к реке для состязания с непокорным господином. Эти посланные становятся на колени и поодиночке тянутся с господином; если они его перетянут, то, значит, и весь парод завоеван. Если же он поодиночке перетянет их всех троих, то зовет к себе самого господина («пусть сам тойон приходит»). Призвавши, он скажет ему: «Сравнявшись этим, мы с тобой перестанем ли воевать? Мы, „сами господа“, будем ли друг у друга отнимать славу?» (*Эн биһикки манан тэнгнэһэн уурайыахпыт дуу? Икки тойон бэйэбит аат былдьаһаахпыт дуу?*). Если противник опасается единоборства, то отвечает: «Мы и прежде жили с тобою хорошо, значит, мы будем жить (ходить) равными; так хорошо будет» (*Биһиги уруккуттан даҕаны үчүгэйдээх баарбыт, ол тэнгнэһэн сырыттаахпытна үчүгэй буоллаҕа*). Если же не струсит, то скажет: «Пусть пересилит один из нас!» (*Биир*

кыайбыппыт буоллун!). И опять тянутся. Кто перетянет, тот берёт весь народ. Если же согласны на мир, то разделяют народ ровно по-прежнему и игра продолжается.

Мээчик сэриилэхэр. Похожа на предыдущую. Выбираются два тойона, каждому дается равное число народа. Из войска (или народа) выходят по одному человеку, которые, становясь друг от друга на значительном расстоянии, бросают друг другу мячик. Если один из состязующихся не будет ловок и не подхватит, то переходит в плен к противникам. Если с этой стороны игрок очень ловок, то он заберет, наконец в плен весь народ, останется только один тойон. Тойон-победитель предлагает или давать дань, и когда он (побежденный, — *Ред.*) согласится, то разделить народ по-прежнему и продолжать игру. Если же не согласен, тойоны тянутся средними пальцами и таким образом решают окончательную победу. Перетянутый дает словесную дань, и играют уже другую игру. Если же станут играть снова той же игрой, то выбирают тойоном уже другого человека, и всегда из самых сильных.

Волк и жеребец (*бөрө атыыр буолар* — «быть волком и жеребцом»). Один из играющих делается волком, другой — жеребцом, все остальные составляют табун кобыл. Табун становится в кучку, жеребец ходит вокруг него, защищая от волка. Если волк побежит кругом табуна, и жеребец бежит с ним, не подпуская к кобылам. Если волк сильнее, то отталкивает жеребца в сторону и ловит кобыл. Если схватил какую-нибудь, то значит уже «съел» её. Когда, наконец, волк «переест» всех кобыл, то жеребец барахтается с волком на поединке. Если волк повалит жеребца наземь три раза, то, значит, он его убил; но жеребец должен семь раз уронить волка, чтобы волк помер (у эгинцев); или же жеребец помирает после семи падений, а волк после девяти (у дулгалахцев). В иных местах эту игру играют иначе. Волк не «ест» кобыл поодиночке, а прежде выходит на состязание с жеребцом; оба противника толкают друг друга плечами; если жеребец упадет, то волк берет весь табун. Вместо прежнего жеребца выбирается другой, и игра продолжается.

Жеребята (*кулун куллуруһар*).^В Ставши в круг, подвертываются друг другу под руки и бегут, догоняя друг друга. Прежде в эту игру играли так. Взявшись за руки, подвертывались; а если у кого при быстром повороте оборвутся руки, то такой не пускается уже в игру, как неумелый. Если играющих девять человек, то кружат девять раз; если двадцать, то

двадцать раз. Оборвавшиеся между тем ложатся на землю боком к играющим. Последние, кончив кружение, становились на четвереньки, делались «жеребьятами» и с жеребьячьим ржанием перепрыгивали через лежащих.

Масло разворачивать (*хайах хостоһор*). На поле у столба садится самый сильный человек и, обхватывая столб обеими руками, держится, как можно крепче. За ним в ряд садятся другие, обхватывая и держась друг за друга и растягивая ноги по земле; при этом располагаются так, чтобы самые сильные были ближе к столбу, а самые слабые в конце ряда; сидящий у столба называется *тобоһо төрдө* («гвоздь-корень»), а прочие все *хайахтар*. Один сильный человек делается *хайах хостооччу* («вынимающим якутское масло») и должен, начиная с самого заднего и слабого, оторвать поодиночке всех сидящих. Если он очень силен, то сразу отрывает по три человека (*хайахтар*). И, оторвав, ударяет один раз кулаком по темени. Если жалеет, то ударит легонько; а если нет, то крепко. Таким образом вынимающий продолжает, пока не оторвет сидящего у самого столба гвоздя-корня и, оторвав, тоже ударяет его по темени. Если же корень-гвоздь усидит, то он в свою очередь ударяет кулаком по темени вынимающего, и притом столько раз, сколько тот вынул «масла», т.е. сколько вынимающий сам дал колотушек. Если вынимающий не может оторвать последних двоих, то говорят: «Нельзя отколупать; масло в жбане изгнило» (*Холлобостоох хайах сытыйда*). Дети играют этой игрой без различия полов, но если играют взрослые, то женщин не пускают. Корнем-гвоздем выбирается нарочно самый сильный человек, чтобы он отомстил за всех вынимающему масло.

Якутский хоровод (*үнкүү үнкүүлүүлэр*). Все становятся в круг, держа друг друга за руки. Среди круга становится «гвоздь» (*үнкүү тобоһото*). Круг вращается вокруг гвоздя на одном месте. Первым запекает самый лучший песельник (мужчина или женщина). Певец выступает из круга одной ногой и запекает свою песню; за ним поют её уже все. Когда песня кончится, сосед певца в свою очередь выступает одной ногой и запекает ту же песню; затем наступает очередь другого соседа, третьего и так дальше, пока, наконец, очередь снова доходит до первого певца (*этээччи*, или *бастын үнкүүһүт*). Теперь этот запекает уже новую песню, и хор повторяет её же. Если певец знает много песен, то пляска продолжается долго. При этом во многих местах в каждой песне прибавляется припев: «Столпившись толпою, станем переступать, чтоб было

счастье, пойдем вокруг» (*Үөрдүспүччэ үөрэ-дьүөрэ үктүөн иһиэх, төлкө буоллун төгүрүһэн иһиэх*). Гвоздём стоит мужчина, и притом самый лучший. Если он похвалит кого-нибудь из поющих женщин, то может её поцеловать; если же похвалит певца-мужчину, то заставляет его поцеловать ту, которой, по его мнению, он достоин.

Жмурки (*харах симэр* — «глаза зажимуривать»). Одному из играющих завязывают глаза, и он с завязанными глазами должен ловить остальных (*тутаччы*). Когда переловит почти всех, остается, конечно, один (или несколько) самый ловкий и быстрый человек. Ловящий гоняется за ним и не может поймать. Тогда снимает с глаз платок и ловит без повязки. Если же и так не поймает оставшегося, то передает ему всех тех, которых сам прежде поймал, и тот должен их поцеловать. Если же *тутааччы* поймает всех, то целует сам, кого хочет, или же поручает кому-нибудь поцеловать по своему желанию. Заставляет, например, старика поцеловать молодую девушку или бедного человека — почетную женщину; из-за этого выходят нередко обиды, ссоры; жалуются на оскорбление старостам, и дело оканчивается или ничем, или пустяками. Вообще игры в жмурки и «*мээчик хабар*» самые употребительные в окрестностях Верхоянска сравнительно с другими.

Перстень хоронят (*бэлэһэх кистэһэллэр*).

Все играющие садятся рядом; один становится «прячущим перстень» (*билэһэх кистээчи*); другой отгадывает, кому он его положил (*таай-ааччы*). Прячущий обходит сидящих и прячет перстень незаметно от отгадывателя кому-нибудь в пазуху. Отгадывающий может отгадывать на троих, если же не отгадает, то должен спеть песню. А если удачно отгадает на кого-нибудь, то этот человек должен встать, отгадывающий целует его и садится на его место. Вставший становится прячущим (*кистээчи*), а прежний прячущий отгадывает и т.д.

Якуты играют также в мяч, бросая его в землю, и, когда он отскочит, ловят его руками, что называется *мээчик хабар* (в Верхоянском улусе); пинают его ногами — *мээчик тэбэр* (в Жиганском улусе).

Борцы (*бөбөс*) борются; причем они бывают нагие, побежденному показывают оскорбительный кукиш, запачканный землею (*буордаах кукушка*), а победителю — стакан с кумысом, песня в его честь или чарку водки.

Тянутся палкой, кто кого перетянет (*мас тардыһар*).

Сбивают лучинку со столба ногой (*мас тэбэр* — «дерево пинать»).

Бабку, поставленную на расстоянии 5 саженой, сшибают палкой величиной с пол-аршина (*төргүү ытар*).

Стреляют из лука в мету; в пари идет ровдужный ремешок. В сказках этой игрой развлекаются даже на небе среди больших собраний. Метой становится кость, а призом — девица, например, дочь солнца. Обычно никто не может попасть, пока не придет, например, герой со среднего места (земли); он попадет сразу, берет девицу и едет дальше.

Ходить по-гусиному (*хаастыы хаамар*). Ходят на самых коленях, поднимая руками обе ступни.

Прыгать по-заячьи (*куобахтыы*). Прыгают вперед со сложенными вместе ногами.

Прыжок по-оленьи (*табалыы ойуу*). Бегут и под конец делают прыжок на одной ноге и в заключение перепрыгивают на обе.

Өрө көтөр — отвесный прыжок со сложенными ногами (на одном месте).

Прыганье (*ыстаталыы*) на обеих ногах; задача в том, чтобы не останавливаясь, пропрыгать большее расстояние.

Кылыйыы. Скачут на одной ноге; задача в том, чтобы сделать прыжок длиннее.

Взявшись средними пальцами так, чтобы составляли крюк, перетягивают друг друга (*холоһуу*).

Тянуться по-вороньи (*суордаһыы*). Тянут друг друга одной рукой, захвативши друг другу пять перстов.

Расставивши ноги, не сгибая колен и заложив руки за спину, достают с полу какую-нибудь небольшую вещь ртом (*салаан ылар*).

Став спиной к стене, лизнуть стену, откинув голову назад (*истиэнэни салыыр*).

Став на корточки и уткнув в угол палку, подвертываются под нее, причем сильно ушибаются (зимняя игра в юрте).

Хабылык. Вроде русской игры черепками, роль которых исполняют лучинки в 2 дюйма длиною; эти лучинки называются «кобылами», «жеребцами» и составляют семь или девять табунов. Жеребцы бывают с 1, 3, 5, 7 и 10 зубами; «двузубые» лучинки составляют кобыл. Начиная играть, каждый игрок имеет обыкновенно от 70 до 80 лучинок. Если один игрок поймал десятизубого, то получает от противника десять лучинок; если семизубого или вообще с нечетным числом зубов, то получает от противника одну лучинку. Если же с четным числом зубов, то ни одной.

Игра состоит в том, что берут в пригорошню лучинки, бросают кверху, подставляя лицевую сторону рук, и затем перехватывают ладонью. При расчете каждая зарубина считается равной одной лучинке; большие играют в эту игру по 1 коп. серебром за лучинку, дети — на кусочек мяса.

Юлка (*өртөгөй*). Игра мелкими палочками, почти столь же тонкими, как спичка, и длиною вершка в 2 или 1½; играют на деньги. Главная (деревянная) фигура делается в виде восьмигранного большого волчка, которым вертит поочередно каждый из игроков; и смотря по тому, на которую грань она упадет, отдается или берется игроком особое число лучинок.

Волчок (*күүгүнэс*), делаемый в роде тальниковой вороночки с четырьмя дырочками; внутрь воронки кладется горячий уголь, светящийся через отверстия. Тогда воронку пускают вертеться по земле (по полу), как волчок. Дети играют также «тальниковыми детьми», «тальниковыми коровами, быками», сделанными из дерева (*талах оҕо, талах ынах*).

Якуты играют также в *луобат* (шашки) по 1 коп. серебром за выигранную игру; богатые — по 10 коп. Игра играется по-русски, с тою только разницей, что у русских пешка, вышедшая в «дамы», может летать назад и вперед вдоль всей линии, а у якутов она не может летать и имеет только то преимущество, что ходит и назад, но только каждый раз по одному шагу.

Карты. Карточные игры заимствованы якутами от русских, но распространены и употребительны как совершенно национальные игры.

«Не разумеет даже карточной игры» (*Хаарты-даҕаны хараҕын билбэт киһи*), — говорят якуты о тупом и неопытном человеке. Все мужчины играют в карты с самых ранних лет; дети лет шести уже играют *хаарты кыратынан* (двойками) и просят у родителей фигур (*тангастаагын*), но родители сами дорожат фигурами. Сынки богатых родителей впервые заявляют свою деятельность проигрыванием нескольких штук отцовского скота. Отец за это побьет, а сын опять проиграет. Бедняки, бо- были, не имеющие ни кола, ни двора, играют на ножи, стоящие копеек 5–10.

Богачи, имея возможность играть долго, всегда выигрывают, а бедняки проигрывают; вследствие чего, вероятно, и сложилась пословица: «Притягивает копейка копейку» (*Харчи харчины тардар*). Хозяева и

даже старосты не брезгают выиграть последнюю копейку своего работника. Азартные игроки играют безостановочно по трое суток, проигрывают лошадь, сбрую, скот на поле, промышленные снаряды, наконец, всё платье; бедные — даже себя в работу. Истые игроки при игре расплачиваются после каждых 3–10 руб. и не играют в долг. Если проигравший не дает, то состоятельные истцы жалуются иногда родовому начальнику; но жаловаться по картежному делу считается между якутами делом недостойным порядочного человека.

В игре воруют и подкладывают карты сплошь и рядом; поэтому снимающий перетасовывает колоду на столе на всевозможные манеры, потом придавит крепко-накрепко и снимет... Но игра нейдёт, всё какие-то двойки; вскрывший с неудовольствием плюет в сторону и вздергивает плечом... Каждый играющий готов играть обманом и удерживается только потому, что другие зорко наблюдают. Всё-таки обыгрывание по предварительному заговору водится и называется *куолуу*. Оно считается делом весьма бесчестным; лишь только оно обнаружится, на *куолуу* обрушивается и презрение, и брань... Весь выигрыш его отбирается. Споры и ругань — общая принадлежность карточной игры, нередки и драки.

Относительно карточной игры у якутов сложились даже некоторые суеверия:

Если у игрока в кармане карты или медные деньги, то он проиграет.

Если к платью игрока, приколоть иголку с отломанным ушком, то игрок, не заметивший этого, проиграет.

Говорят, что и шаманы наговаривают на ладонь картежника, и после их наговора карта идёт к нему отлично. Так, рассказывают про одного якута Якутского округа, что он выигрывает только в Верхоянском, а в других округах непременно проигрывается и потому-де именно, что наговор ему сделан на Верхоянский округ.

Игроки говорят, что при водке легче играется и карта идёт лучше. Проигравший засыпает пьяный и только пробудившись узнаёт, что всё проиграно... Холостой царапает голову, но не очень отчаивается; зато семейный приходит в совершенное отчаяние и готов на самоубийство. Жёны ругают проигравшихся мужей, а те в свою очередь бьют жён, вымещают на них свою досаду.

При слове «картежник» (*хаартыһым*) якуты часто произносят вместе слова «пьяница» (*иһээччи*) и «мот» (*матамсык*). Вообще есть пословица,

что картежник-рабочий никогда не выходит в люди (*киһи буолбат*), т.е. при всём своем трудолюбии всегда бывает в долгах и не может приобрести себе какого-нибудь имущества (т.е. скота).

Играющие называют карты «шкурой нашей бабушки» (*эбэбит тириитэ*).

Карточная игра производится главным образом весной и зимой. Вместо записи и фиш употребляются палочки в 1½ дюйма длиною, называемые *бииркэ*. На пол стелют какую-нибудь шкуру мездром вверх (*ымайдаан*); зимой *ымайдаан* освещается лучиной, а весной играют в лесу; хотя комары и кусают, но это не останавливает картежников: они разводят дымокур, который несколько разгоняет комаров. Любопытствующих видеть картёжную игру бывает пропасть; и работа останавливается, и горе забывается. Проигравший все свои деньги стоит тут же и завидует другим счастливым, продолжающим игру. Вообще зрители с наслаждением смотрят на карты и на то, как деньги переходят из одних рук в другие. Особенно прельщают бедняков новые карты (которые вообще здесь продаются дорого, от 70 коп. серебром до 2–3 руб. за колоду), и они восклицают: «Эх, ударить бы» (*Ылэк! обустар!*). Играющие новыми картами платят из своего выигрыша владельцу карт *тороой* (столовые), и очень много, от 2–3 руб. серебром за колоду. Кроме того, платят ещё за *күрүүк* (бутылку водки), которою угощаются картежники и почетные зрители. Этот *тороой* карт и *күрүүк* водки составляют главную поживу молодых якутов-барышников, пользующихся слабостью своих единоплеменников.

Допускается играть в компании: компаньон (*хараан, баайсык*) может сидеть около своего товарища и указать, как сходить картой... Зато посторонний зритель никоим образом не может этого сделать; а если по подсказанному кто и выигрывает, то ничего не получит.

Нам известны следующие якутские названия карточных игр:

1. *Куоһур* — «козырь».
2. *Халырык* — «вихрь». В семь карт (листков).
3. *Хоһуол* — «козел».
4. *Биэт* (в пять карт).
5. *Поккуодам* (с походом). Три карты.
6. *Сулус* — «звезда» (польский банк). Три карты.
7. *Марыйаас* — «марьяш» (простой).
8. *Куоһура суох марыйаас* — «тёмный марьяш» (безкозырный).

9. *Кос марыйаас* — «парус марьяш» (переселенцы марьяш).

10. *Датына тыктыы* (счет 31 очка).

11. *Куорка* — «горка».

12. *Койдүү* (три карты).

В последнее время якуты выучились от русских даже в штосс!

Самая распространенная из всех игр — *куоһур* (в семь листков), в которую играют от 1 до 5 коп. за лист.

Изредка якуты играют в те же карточные игры и просто для забавы; тогда проигравшему вымазывают лицо сажей (*харыатаһарга*), или заставляют его за каждую проигранную игру выпить по ковшу (или чашке) воды (*уу иһэргэ*), или не позволяют говорить проигравшему до тех пор, пока он снова не выиграет (*ньомуой буоларга*), или показывают ему кукиш (*кукуоскаларга*).

VIII. СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ

«Тот сын, который сам женился, не бывает счастлив; счастлив бывает тот, кому родители указали или благословили жену», — говорит якутская пословица. В сказках якутских герои постоянно просят родителей указать им невесту; если же у героя нет родителей, то он просит указания у кого-нибудь из почётных соседей, например, у Кыкыллан-шамана или у Беседующего старика (*Сээркээн Сэһэн Сэллэбир Бытык Аан Дьалыксыт*), и говорит ему: «И бегающие звери, и пернатые птицы, и находящиеся в воде слизкие рыбы бывают самцами и самками. Поэтому укажи ты мне, от кого должна быть счастливая будущность дальнейшего потомства, судьба новых людей, кто должен быть назначением моего дома, равным другом, солежащим со мною в объятиях, назови мне верную хозяйку моего дома, укажи равного друга, лежащего на постели!» («*Алып Туйгун*»). То же бывает и в жизни: сын часто даже не смеет прямо выразить простого желания жениться, потому он начинает так: «Стал мне прохладен покров-доха, шуба стала проницаемой. Настало мне время взять равного друга!».

Если отец сам заставляет сына жениться, то последний, если только невеста не стара, отказывает ему реже, нежели дочери, которых сватают замуж. За отсутствием родителей невесту указывает дядя или старший брат. Если дело женитьбы решено и невеста богата, то выбирают свата.

Сватом выбирают обыкновенно почетного и влиятельного человека и вообще основательного, который нравится будущему тестю.

Сват приезжает как гость и входит в юрту. Надо сказать, что истые якуты никогда не здороваются друг с другом за руку и не знают даже слова «здравствуй». Приезжая, гость входит, не кивая головой, снимает шапку, вешает её на кол и греется у разведенного огня. Погревшись, он садится на лавку, и тогда только хозяин проговорит: «Рассказывай!» (*Кэпсээ, добор!*) (так, например, бывает на Моме). Так же и сват проходит матицу и садится перед хозяином, который уже всегда знает, что он приехал сватом. Хотя бы сват был и молод, его всегда называют почётным именем старца (*обонньор*). Сват садится на якутский стул (*олох мас*), держит в руках какую-нибудь палочку и ковыряет ею в зубах. И начинает «старец» городить ахинею и, наконец, скажет: «Вот у вас есть человек, и у нас есть человек; отец и мать желают соединить их». Хозяин как будто не понимает этого. Наконец, сват объясняет, прибавляя пословицу: «Ведь девочка бывает с ценою и калымом» (*Кыыс обо атыылаах сулуулаах буолар*) или «Счастливая девица далеко уходит от родины (от отца и матери)» (*Дьоллоох кыыс төрүөбүт сиригтэн ийэттигтэн аҕатыттан ыраах эргэ барар*). Иногда при этом сват дает тестю несколько денег, которые называются по-якутски «судьба челюстей» (*сынгаах онгоруута*)^A Если хозяин не согласен выдать дочь, то возвращает эти деньги назад.

На богатых свадьбах эти деньги играют большую роль. В продолжение свадебных церемоний по отношению к главному свату и главной сватье (*тустаах ходоҕой*) нужно соблюдать много обычаев, чтобы не нарушить почтения, следующего им по положению; за всякое такое нарушение, за всякую обиду платится цена (*сынгаах онгоруута*); главными сватьями и сватами в доме невесты бывают свекор и свекровь, в доме свекра — тесть и тёща, те и другие не упускали взыскивать деньги за оскорбление своей чести, например, если в поданном им мясе хоть один кусок был не тот, который требуется обычаем (им следует загривок, длинное ребро, и пр., если попадется в мясо позвонок, взятый из места, более близкого к спине или к голове, то вот уж и оказана обида, явное пренебрежение гостем), тогда уже всё мясо считается негодным; хозяева должны убить новую скотину, а *сынгаах онгоруута* платят своим чередом. Так, главный сват сочтет также за обиду, если ему кумыс будет подан непочетным, неродовитым человеком и проч. т.п.

Хозяин судит жениха больше по родителям и начинает речь о калыме (сулуу), который состоит обыкновенно из скота. Если хозяин потребует: «Десять», то это значит, что жених должен доставить десять лошадей (девять кобыл и одного жеребца, что у якутов составляет один табун) и десять рогатого скота (девять коров и один бык). Иногда «десять» означает четыре десятка: десять кобыл, коней и коров, да десять на угощение. Конечно, требования бывают очень разные (у состоятельных от 7, 8, 10 до 30 штук).

Если сват находит требование слишком большим, он торгуется, он говорит, что жених таким образом совершенно обеднеет. Тогда хозяин отвечает, что и он тоже понесет убыток, потому что за невестой пойдет платье и прочее приданое. Наконец, сговариваются, делают условие, сколько жених поставит калыму и сколько с невестиной стороны будет наряду: сколько пойдет шуб (обшитых обыкновенно по краям красным сукном), будет ли доха из рысей или тарбагану, или не будет; тиковые ситцевые занавески, меховые женские шапки, меховые ошейники и пр. Часть калыма (немного менее половины — $\frac{1}{2}$ – $\frac{1}{3}$) тоже идет на приданое, но чаще этот приданный скот дается не из женихового калымного скота, а из собственного тестиного. С невестиной стороны дается также лошадиная сбруя, медная или серебряная, и посуда. Обыкновенно всех платьев и мелких вещей дают за невестой столько же, сколько тесть получает «штук» (10) калыма. Перин в приданое не берут, потому что спят на кобыльей коже.

Сват отправляется и передает условия жениху. Потом с невестиной стороны назначают, в какое время приехать и пригнать калым.

На Моме сват за успех своих трудов получает от жениха после свадьбы некоторую плату, которую по-якутски называют *тыл быата* («соединение слов»). В старину после сговора зять входил в юрту вместе со сватом, но не иначе, как *кিনিиттээн*, т.е. соблюдая обычай, по которому зять всю свою жизнь не снимает перед тещей, также тёткой или старшей сестрой (с невестиной стороны) шапки и всегда бывает в платье, достигающем до колен, так, чтобы теща никогда не увидела его наколенников, и по которому невестка соблюдает подобный же обычай относительно свекра и свекрови. В старину (до обращения в христианство) жених ложился спать с невестой в ту же ночь и сильно обижался, если находил невесту лишенной девственности (ныне уже нравы изменились); если после этого жених (зять) проживал у тестя несколько

дней, то это считалось признаком, что он полюбил молодую; если же уезжал скоро, то тесть и теща решали, что он невзлюбил будущую жену.

В 1-м Юсальском наслеге при первоначальном сватовстве жених приезжает вместе со сватом. Переночевавши и посоветовавшись с женихом, сват выпускает его незаметно из юрты или отправляет к соседу (если есть близко жители), жених удаляется из боязни отказа. Затем сват начинает сватовство, говоря: «Я сижу, пришедши просить человека» (*Киһи көрдүү кэлэн олоробун*).¹ Родители знают значение этой фразы и отвечают: «Вот спросим у дитяти» (*Оџоттон ыйытыахпыт*). Мать уходит от свата и на стороне спрашивает дочь: «Пришел этот человек просить тебя за своего дитятю. Пойдешь ли ты?» (*Ити киһи эйигин көрдүү кэлбит оџотугар. Барыан дуу?*). Если дочь согласна, то отвечает: «Как вы сами знаете, (т.е. хотите)!» (*Бэйэбит билин*). Если же не согласна, то, не объясняя причины, она отвечает наотрез: «Не пойду я за этого человека» (*Барыам эрэ суох ити киһиэхэ*). Родители начинают увещевать: «Да это хороший человек, человек со скотом (*Сүөһүлээх киһи*). Сама рассуди. Этот человек может прокормить одну женщину²». Тогда дочь начинает плакать, но большею частью уступает родителям (особенно маленькие, которых обыкновенно и сватают). Как скоро родители дали свое согласие свату, то жених входит в юрту, и тогда начинается речь о калыме.³ Самые богатые говорят: «Десять», что означает 60 штук скота: 20 на угощение (курум) и 40 в калыме — 10 быков, 10 коров, 10 кобыл, 10 лошадей, да 100 руб. серебром — *сынгаах хоннорор* («отверстие челюстей»). После просьбы и увещаний свата тесть сбавляет на «восемь», на «шесть» и пр., а если желает отказать жениху, то нарочно назначает дорогой калым и ничего не уступает. Уславливаясь в калыме, уславливаются также и в том, сколько из этого калыма будет возвращено с невестой; в этом случае всегда назначается половина. Курум же весь съедается на угощении. Большею частью невеста скрывается от жениха, особенно если сватом будущий свекор. Однако после уговора жених с невестой делают несколько поклонов иконе; затем переменяются чаркой

¹ В Эгинцах: «*Мин Эһигиттэн өбүгэ өһүн ыйытаары турабын*».

² В сказке герой, сватая у Дэм-дэлэгэй олохтоох Дэкси баай тойона его дочь, говорит: «Слушай, высокочинный знаменитый господин дедушка! Я пришел на высокую славу твоей младшей дочери Ныikka Хараксын с шубой из семи рысиных шкур! Я прокормлю одну девочку; не буду морозить её плечи (т.е. одену); не обижу, не дам смотреть на неё враждебным огненным глазам; не позволю удачно сказать о ней, злоязычным» («Семиженный сирота Бяйбэйлин», сказка).

³ В других местах сват один улавливается относительно калыма; но выходит для совещаний к жениху; жених выходит вместе со сватом после окончания условий.

водки и целуются; меняются также кольцами или, за неимением их, платками; потом невеста уже не показывается. Если жених ближний, то она даже не выходит к нему проститься. Если же он дальний и, переночевав у будущего тестя ещё две ночи, поедет домой, то невеста выходит к нему и целуется. Срок для пригона скота различный: на весну, на осень и пр.

В день пригона скота у тестя происходит *уруу*, или *уруулаһыы* (родство, или свадебное торжество), собираются гости вообще до приезда жениха и большею частью по приглашению; но если хозяин пригласит на свадьбу какого-нибудь русского, то дарит его из своего калыма.

Русского слова «жених» на якутском языке нет; высватавший невесту прямо называется зятем (*күтүөт*). Будущий зять едет на свадебное пиршество поездом. Отец его называется главным сватом (*бастын түнүр*); он едет впереди, конечно, верхом, за ним дружка (*күтүөт доҕоро*), потом мать жениха — сватья (*тустаах ходоҕой*, *ходоҕой* значит по-якутски «перо из крыла»^Б), затем прочие сваты (*түнүр*) по числу кобыл калыма, вместе с этими сватами едет и «поднимающий мясо» (*эт көтөҕөөччү*, или *эт көтөҕөр түнүр*) с запасом варёной конины, которая называется *үһэр курум* («угощение с поклоном»).

Не доезжая до тестя вёрст пяти, убивают ещё жирную кобылу и сырое мясо берут с собою. Приехавши к тестю, «поднимающий мясо», не обращая ни на кого внимания, берёт вареное мясо в сумах, приносит и кладет его против камина; долго лежат эти сумы (с варёным мясом); сверх них кладут свежую лошадиную голову с обожжённой шерстью и мордой прямо против огня. Иногда шерсть не палят, а выбривают, оставляя волосы только на усах и бороде; мертвые глаза расширяют ещё заранее вставлявшейся талинкой, и они остаются открытыми; рот также раскрыт (талиной), уши вытянуты так, что голова представляется как бы живой. В иных местах голова кладется хоть и целая, но кожа бывает уже снята. Иногда рядом с головой на мясе помещается ещё посуда с водкой (впрочем, калым не всегда доставляется вместе с курумом). Потом «поднимающий мясо» берет с коня сырую конину (*кэһии*), кладёт её на лабаз (*аранас*) во дворе; никто ему не помогает в этих трудах; он должен сделать всё это один.

Между тем входит главный сват со своею свитой; его встречает хозяин. Сватов обыкновенно бывает 3 или 6; главным сватом — отец жениха, если его нет, то старший брат и, за неимением старшего брата,

мать (свекровь). Домашние иногда встречают поезд во дворе, принимая за повода всех сватов; но жениховый повод никто не принимает. Главный сват и хозяин (сват со стороны невесты) входят в юрту сперва одни, а остальные приехавшие сваты и жених остаются на дворе (в иных местах входят все вместе). Главному свату и хозяину подают по большому якутскому стакану кумыса; оба они встают рядом и, стоя на одном и том же месте, поворачиваются по солнцу так, чтобы при каждом обороте задевать друг друга смежными локтями, причем с умыслом проливают несколько кумыса, чтобы была благодать и счастье. Это называется *талкыччы охсуһар*. Потом оба они становятся друг против друга на одно колено так, чтобы другою ногой прикасаться к выдавшейся ноге товарища.

В некоторых местах, когда тесть и главный сват станут таким образом на колени, первый толкает последнего коленом, и тот обратно толкает его в свою очередь; это повторяется трижды. Потом тесть подает свой стакан с кумысом главному свату, а тот в свою очередь отдает ему свой. Тут они из вежливости отпивают немного кумыса каждый из своей посуды. Затем главный сват говорит: «У тебя какая мысль?» (*Эн өһүҥ тугуй?*). Тот отвечает: «Моя мысль та, чтобы размножить конный и рогатый скот. А твоя какая мысль?» (*Мин өһүм сылгы сүөһү элбиирэ, ынах сүөһү элбиирэ. Эн өһүҥ тугуй?*). «А моя мысль та, чтобы возник и родился человек» (*Мин өһүм киһи үөскээтин, төрүүтүн диэн*). Так спрашивают они друг у друга три раза и каждый раз отпивают немного кумысу. Иногда вопросы предлагаются так. Тесть: «У тебя какая мысль?». Сват: «Привел я скотину, чтобы она расплодила скота (*Сүөһү төрдө буоллун диэммин сүөһүнү аҕаллым*). А у тебя какое намерение?». Тесть: «Положил я человека, чтобы он стал родоначальником людей» (*Киһи төрдө буоллун диэммин киһини уурдум*)... Спрашивая друг друга подобным образом, они пьют кумыс из аяхов, стараясь во что бы то ни стало выпить один больше другого, для этого некоторые нарочно постятся перед церемонией дня три, желая возбудить сильный аппетит, потому что счастье-де переходит непременно к тому, кто отопьёт больше.

В 1-м Юсальском наслеге отец невесты сам встречает на дворе главного свата и принимает повод его коня; первую сваху — сама хозяйка; остальные домашние принимают повод приезжих, смотря по тому, кто кому соответствует по старшинству. Жених входит в юрту вместе со сватом. Родители невесты становятся в юрте: отец с иконой, мать с хлебом,

на котором посыпана соль. Жених подходит и кланяется им в ноги; будущие родители благославляют его. Невеста стоит тут же, но не принимает ещё благословения; целуется с женихом, снова меняется с ним чаркой и платком, после этого жених выходит вон из юрты. Затем уже входят все сваты и сватьи; первые по правой стороне юрты, вторые по левой. Главному свату и отцу невесты подают по большой посуде с кумысом. Оба они становятся на левое колено, а на выдвинутом правом, одетом в наколенник из волчьих лап, держа, посуду с кумысом (иногда, впрочем, оба наколенника бывают волчьи). Сверх того, они бывают в шапках из жеребьих лап, надетых набок. Затем они оборачиваются три раза, узнают друг у друга намерение и переменяются кумысом. Этот обычай называется *түһэх көрүстэхтэрэ* («коленки встретились»). Наконец, пьют как можно больше кумыса, чтобы отнять друг у друга счастье (*буйан былльастахпыт*). Затем главный сват и тесть встают и вместе со всеми поезжанами садятся по старшинству и порядку (если же поезжане оставались на дворе, то главный сват выходит и приводит их с собою в юрту). Сначала им подается кумыс в громаднейших жбанах, и они пьют его понемножку. Тогда жбаны эти уносят назад и снова дополняют. Затем пьют его понемножку, каждому гостю подают варёного мяса (телёнка или, чаще, жеребёнка) и водки. Хозяин угощает более знатных самыми жирными кусками, но с гостями ничего не говорит. Главный сват начинает говорить только поевши и дает хозяину по уговору калымные деньги (от 15 до 200 руб. серебром), это называется *сынгаах-хоннорор* («разнятие челюстей»). Тут они разговаряются.

Невеста в это время сидит за занавеской в левой половине юрты (*хангас диэкки*) и ест особо от гостей со своей дружкой-женщиной. Никто из сватов не смеет заглянуть в левую часть юрты, но гости заходят. Жених помещается в правой части (*уна диэкки*) перед камином, где находятся сваты, гости и хозяин, но он сидит на наре за гостями, за поезжанами, за главным сватом, надевши шапку, и спиною к людям, а лицом к стене и не оглядывается. Он ест особо от гостей в отдельной чашке вместе со своим дружкой (*күтүөт доҕоро*). Он отделяет от себя какой-нибудь кусок и посылает его в гостинцы невесте. Это называется *уос аһар* — «открытие губ», «отверзание губ жениха и гостей».

Как *уос аһар*, так и *сынгаах хоннорор* называют одинаково первое угощение мясом гостей и сватов. Невеста же с своей стороны никогда не посылает кусков жениху.

Затем все выходят на поле (свадьбы зимою почти никогда не бывают), разводят огонь, убивают несколько скотин (на обыкновенной богатой свадьбе восемь штук, по четыре с каждой стороны), варят свежее мясо, суют его в горячую воду, но вынимают полусырое и кладут кучею перед огнём на солнце, где оно доходит и становится вкусным. Гости составляют большой круг около огня так, что огонь находится в одном из фокусов круга; самый почетный гость находится в самой удаленной точке от огня; направо от него сидят всё менее и менее важные гости, а налево всё менее почетные гости так, что «чернь» помещается около самого огня. Перед гостями лежат доски с мясом; почётные сидят лицом к огню по одной стороне своих досок (таких досок бывает пять); остальные гости сидят по обеим сторонам остальных досок. Никто не начинает есть, пока вся лучшая часть общества не будет наделена. Угощением управляет *түгэтээчи* («раздатель»). Это бывает человек умный, рассудительный, знающий свет, чаще бывалый старик; должность его считается почетной, зато *түгэтээчи* всегда наживает себе врагов. Он постоянно осматривает вокруг гостей и, засучив рукава, выбирает кому следует мясо получше; разносят же многие или несколько человек. На долю богатых отделяется не менее 20 фунтов. А на самых богатых свадьбах народу собирается человек до 200; по этому можно судить, сколько варится мяса. Никто из гостей не оставляет после себя кусков и если не может съесть, то раздает другим бедным, смотря по расположению. Нерасчетливость такого обжорства так выражается якутской загадкой: «Говорят, птица Курагаччы наелась, продавши свой язык?» (Человек, проевший калым дочери).

Наевшись, гости встают, составляются кружки, выискивается певец-импровизатор и начинает петь; а если мысли его истощатся, он припевает «*быэ-буя*», пока снова прихлынут мысли и вырвется поток слов. Некоторые приходят в восторг от песни и приносят певцу чорон кумысу. В другом кружке возьмут сказочника, посадят в свой кружок и просят рассказывать; он садится, сперва ломается, копает землю пальцем, а потом разговорится, рассказывает и поёт сказку. Окружающая его якутская публика составляет нечто вроде хора греческих трагедий. Женщины постоянно выражают сожаление к женщинам, которым в сказках постоянно достается плохая участь, и поминутно восклицают: «Бедняжка!» (*Барахсан!*). Мужчины приходят в восторг, когда сказочник запоёт

песню дьявола-девки, одержимой любовью, песню скандального содержания, но с звучной и хорошей интонацией. Другие загадывают загадки, пляшут, борются, бегают, скачут. Осенью, когда наступает вечер (что бывает очень рано), составляются любовные пары и потом незаметно, не прощаясь ни с кем, расходятся и ложатся спать. Если невеста взрослая, то с этого времени она становится женою.¹

Иногда этого полевого угощения не бывает, а гостей угощают в юрте. В юрту вносят только что убитую целую кобылу и говорят: «Сватовья! Видели ли вы конское копыто?». Главный сват ответит: «Мы видели». Тогда выносят её обратно на двор и разрубают мясо; это называется *күннү сылгы*. Мясо этой скотины варят и потом угощают поезжан. Главному свату кладут бедро, один большой шейный позвонок, одно длинное ребро и самый жирный кусок из хребтины. Главный сват берёт бедро и посылает его «старушке, домашней сватье». Это называется *ыйаахтаах бэрсии* («законоположенное угощение»), и сватья должна сильно оскорбиться, если его не будет. Зятю, опять сидящему за спиною главного свата, дают две порции пищи, а невесте ни одной; зять, наевшись, остатки посылает невесте. Дружка тоже не сидит вместе с поезжанами, а ест из отдельной чашки. После этого ужина ночуют. Иногда гостей угощают лишь на другой день приезда, когда они встанут утром. Каждому гостю подают водки и дают цельные куски фунтов в 10 или 15; даже самым младшим приходится по 3 или по 5 фунтов. Затем выходят из юрты для передачи калыма; если тесть забракует некоторых скотин, то вместо них жениховая сторона должна представить новых. Если, например, подстрижена грива или хвост, то и тогда тесть берет за оскорбление штраф в 3 руб. серебром.

Затем жениха с поезжанами (человек восемь) просят выйти в особенную юрту, если есть, а если нет, то они должны гулять на воздухе. Им посылают котёл, говядину и повара, чтобы он накормил их на открытом воздухе. Это называется *көнүл күөс* («вольный горшок»). С невестиной стороны на нём никто не бывает, разве уж сваты сами пригласят.

Лишь только они выйдут, все родственники невесты, оставшиеся в юрте, начнут с большой серьёзностью разбирать привезённое мясо;

---

¹ Не к этой ли ночи относится старинная якутская загадка: «Свату и сватье платят за обиду кобылу и годовалого жеребенка?» (Если старинные сват и сватья не любят физически друг друга, то платили за стыд (за оскорбление чести)).

осматривают всё по рёбрашкам и по суставчикам: в точности ли это целая кобыла, или конь. Если недостает какого-нибудь куска, то жениховая сторона должна пожертвовать новым конём и сверх того, заплатить за оскорбление деньгами или скотом. Очень редко бывает, что на лошадиную голову становят пальму (железный инструмент), а шаман, стоя рядом с головой, держит в руке стакан кумыса и, черпая из него ложкой, брызжет в огонь, причитая и прося счастья для скота, хозяев и невесты: «Госпожа мать Создательница, родившая трех якутов (т.е. создавшая природа), нежащая Хранительница, ты создала сердитых мальчиков, сотворила розовощеких девочек. Ты создала день для соединения двух инокровных (чуждых по крови) (*Икки омук хааннаабы кытартыыр күнү онгорбутун*). Настал день для составления дома, для возжжения священного огня. Это закон, созданный восьмью богами, судьба, установленная девятью господами», и пр. После причитаний голову эту отдают шаману или какому-нибудь бедному старику.

Когда по осмотре окажется, что доставлено всё как следует, то, когда сватовья приходят с вольного завтрака, тесть (*ага кылын*) ставит в юрте несколько больших деревянных чаш (*кытах*) с топлёным маслом, которого на богатых свадьбах приготавливается от 15 до 20 пудов. Жениховый поезд ночует вторую ночь и на третий день едет обратно, если хозяин не упросит продневать ещё день. Иногда ещё несколько дней «едят» у тестя; и потом уже уезжают, оставляя невесту в доме отца.

Когда жених и сваты сядут на коней, то, поворотившись лицом к дверям, становятся верхом все рядом. Все домашние, за исключением невесты, выходят, выносят по чорону кумыса на каждого свата. Сваты пьют немного и отливают немного на темя своим лошадям, а остальное отдают вынесшим.¹ Эти выпивают всё оставшееся, не сходя с места. Тогда каждый сват друг за другом объезжает коновязь вокруг три раза и с криком «гай!» быстро уезжает. В это время хозяин велит кому-нибудь из домашних сесть на хорошую лошадь, обогнать поезд и окружить его один раз. Это делается для того чтобы поезд не увез с собою всего счастья. Для этого домашний человек иногда заранее прячется на коне в лесу и в удобную минуту объезжает вокруг поезда.

Невесту берут после и в разные сроки, от нескольких месяцев до трех или четырех лет; это называется *араарар* («отделение») или *сүгүннэрии* («взятие на спину»).^B Если невеста очень молода и срок этот длинный,

¹ В иных местах только один сват выливает остатки кумыса на чёлку своей лошади.

то нередко до его истечения свадьба совсем расстраивается, а из-за отданного калыма бывают тяжбы. Обыкновенно если отказывает невеста, то она возвращает калым, если же отказывает жених, то калым остается у невесты.

По рассказам якутов, прежде они привозили невест домой в полной и лучшей одежде, а именно на ней непременно должны были быть две рубахи из дабы, панталоны из толстой ровдуги, зимние (подбитые зайчиной), суконная летняя шуба, зимняя шуба на тарбаганьем меху и с бобровой опушкой, рысья доха; *тангалай* (коротенькая куртка или платье до колен вроде рубахи из красного сукна с бобровой опушкой, но без рукавов), разные серебряные побрякушки, разные серебряные украшения: *кэлин кэбиһэр*, *Г кыльльыы*, *Д бөбүх*, *Е хабарҕа симэҕа*; *Ё* большая шапка, ошейник, рукавицы из лап сиводушки-лисицы, кушак широкий шёлковый. Да за 10 вёрст до свекровой юрты и лицо невесте закрывали горностаями или шкурою рыси. Так делалось и в летнюю пору; да во всей этой одежде она, сошедши с коня, от коновязи до камина делала поклоны в девяти местах.

Прежде считали даже грехом шить невестино платье перед огнём. Его шили за занавеской из боязни, что дух огня, увидя, непременно проклянет невесту за то, что она уносит с собою всё домашнее добро.

В Якутском округе невесту увозят к жениху до венца; в Верхоянском же после венца и следующим образом. В назначенное время родители садятся сами и сажают свою (одетую в двой-трои лучшие одежды) дочь между собою. Жених приходит и подает невесте ремешок плётки; она берёт его левой рукой и встаёт; держа ремень, она должна молиться богу. Затем она прощается со всеми домашними, некоторые кланяются в ноги, некоторые нет. Родители должны благословить свою дочь, подобно тому как благословляют русские священники прихожан. При этом они наставляют и приговаривают: «Пусть господь бог даст тебе хорошую жизнь, топи неугасаемый огонь!» (*Айыи тойон үчүгэйдик олортун, аал уотун отун, иэримэ дьуэни тэрит!*), «Расширь хлев, удлини ремень для жеребят» (*Киэн хотоннон, уһун сэлэлэн*), «Роди много детей» (*Үгүс оһону төрөт*), «Чтоб потомство было счастливо» (*Дьоллоох ыччаттан*), «Корми голодных» (*Ааспыт аһат*), «Пусть проезжие верхом имеют у тебя ночлег!» (*Аттаах хонуга буол!*), «Делай добро для пешеходов» (*Сатыы үтэтэ буол*), «Пусть плодятся у тебя в люльках дети» (*Уйалаах оһо эйиэхэ үөскээтин*), «Пусть девятигранно натянется у тебя

ремень для привязывания жеребят (т.е. размножатся жеребята)» (*Тоһус тоһойдоох сэлэ тардылыннын*). В Усть-Янске, где главный скот составляют собаки, прибавляют ещё: «Пусть умножатся у тебя пёстрые собаки» (*Эриэн ыт эргийдин*). «Пусть умножится у тебя воспитываемый скот, пусть имеют зыбки рождаемые тобою дети. Поручил я тебе равного друга, обзаведение твоего священного огня, не дай обидеть, не брани, не бей, спасай от греха, слушайте друг друга, соглашайтесь!» (*Аал уотунг тэрилэ, тэнгнээх доһоргун туттардым, атаһастаппат буол, мөкпөт буол, сыспат буол, айыыттан быһыыр буол! Тыл тылгытыгар киирсэр буолун, сана санаһытыгар киирсэр буолун!*). В сказке родители, отправляя свою дочь с женихом, говорят: «Девушка всегда будет достоинством иноплеменных» (*Кыыс оҕо омукка аналлаах кыыл буоллаҕа*). И теперь ещё у якутов считается большой славой выйти замуж в другой наслег, а если невеста выходит в свой наслег, то нет никакой славы, даже стыдненько для богатых.

Иногда родители сами ничего не говорят, а когда жених и невеста получают от них благословение и станут лицом к огню (камина), кто-нибудь из краснобаев тоже становится лицом к огню и приговаривает такие же благословения: «Топи священный огонь, управляй домом. Да будут дети рожденные тобою [...] пусть воспитываемый (тобою) скот имеет [...]. Пусть распространится от тебя поколение людей, пусть возникнет от тебя повое поколение скота. Пусть нечистый не отнимает, не разрушает, живи таким образом до старости!».

После благословения жених за ту же плетку выводит невесту из юрты по-за печке. Уходя из родительского дома, невеста плачет почти всегда; причём утирает слёзы платком или за неимением его рукою. Не плачет только такая невеста, которая уже слишком рассержена на родителей, да и в этом случае умная девушка должна плакать.

Если тесть богатый и дает своей дочери в услужение свою работницу, то при выходе невесты эта работница подходит к коню и наклоняется спиною так, что молодая ступает сперва ногою на неё и потом уже садится на лошадь. Садясь верхом, она опускает плетку, и жених привязывает повод её коня за собой: она не должна сама править своими удилами и не должна оглядываться назад.¹

---

¹ Якутские сказки, которые настолько же отражают в себе якутский быт, как Илиада и Одиссея — греческий, очень часто описывают свадьбы. Так, в одной сказке («*Оһонньордоох эмээххин*») говорится следующее. Родители стали отпускать свою дочь с женихом и говорят: «Возьмите себе платья и скота, что вам понравится». На это дочь отвечала: «У жеребят я возьму только узду, у телят — нарыльник, из посуды — хамыйах (ложку)!». Взяли и поехали. Тут жеребята сказали: «Если

Отъехавши немного, жених позволяет ей самой править; но, подъезжая к родительском дому, он опять отбирает у неё повод и привязывает за собой.¹

пошла наша узда, зачем мы останемся?». И все жеребята пошли за своею уздой. Тут кобылы сказали: «Когда пошли наши дети, и мы не останемся». Пошли за жеребятами. А жеребцы сказали: «Мы не остаемся от своего табуна». А телята сказали: «Когда пошел наш нарыльник, зачем же мы останемся?». Быки сказали: «Мы не остаемся от коров». Весь скот и пошёл. Чашка сказала: «Я не остаюсь от хамыйаха». Пошла за хамыйахом. Пища сказала: «Я не остаюсь от посуды». Имущество сказало: «Мы не остаемся от пары, от подобного себе». Люди сказали: «Мы не лишаемся имущества, не остаемся от своего скота». Все и пошли за невестой.

Остались дома отец и мать, да старуха-служанка Симэхсин-Эмээхсин. Вышла эта старуха на крышу и зажгла огонь, достигающий до неба, и сказала: «Девушка! Родители твои горят: взгляни левым глазом!». На это девушка взглянула краем левого глаза. Половина скота, богатства, сытости оторвались, остались от неё и воротились домой. Поэтому-то до сих пор девушка, уезжая из отцовского дома, не должна оглядываться, потому что тогда назначенное её счастье должно остаться (у родителей).

¹ Здешние якуты рассказывают, что в Якутском округе на Татте есть обычай вести за молодой в дом тестя свободного верхового коня, осёдланного в лучшую сбрую. О происхождении этого обычая здесь есть такая легенда.

«Жил там на Татте один почётный якут и довелось ему жениться на шаманке. Вот и жили они несколько лет. И эта невестка по якутскому обряду сильно прячется от свёкра. Если застанет её нечаянно на дворе, она провалится сквозь землю и очутится на кровати. Однажды свёкор со свекровью сделали ысыах на чисто белого жеребца и через шамапов; привязали коня к столбу, стали править (служить). Стало досадно этой шаманке, что и её не пригласили в числе шаманов. Вдруг и потерялась опа; стали её все искать; искали три дня, нигде не нашли. Смотрят на четвёртый день: уж давно удавилась она на вершине столба, даже сгнила вся. А шаманка была важная; когда спала с мужем, то часто обращалась то в медведя, то в собаку, то в волка. Её и похоронили по-старинному на *аранасе* (на деревьях). Женился этот якут во второй раз. Живут несколько времени. Как-то в одно время все куда-то разошлись; новая невестка осталась одна. Вдруг входит в юрту молодая красивая женщина, вся разнаряженная, в лучшем якутском наряде, и спрашивает опа у второй жены: „Сказывай, девка, каково живёшь?“. — „Нет, — говорит, — нечего сказывать: живём себе“. — „Я, — говорит, — здесь имею обычай брать подарок от всех здешних вновь приехавших невесток. Если нечего тебе рассказывать, так дай подарок!“. — „Родители, — отвечает она, — не дали мне подарка, да и не говорили ничего, что есть такая женщина, которую надо отдарить. Да и нечего, кажется, дать-то тебе“. Тогда женщина, вошедшая с надворья, ушла, а новая-то невестка удавилась на кровати. Женился этот якут на третьей жене. Опять пожили несколько времени. И опять, когда никого не было дома, входит эдакая разнаряженная женщина и говорит: „Здравствуй, девка! Каково живёте? Сказывай“. — „Нет, говорит, нечего сказывать. Живём так себе“. — „Ну, если нечего сказывать, то подари меня. Я, — говорит, — такой человек, что всегда беру подарки от вновь приезжих невесток“. — „Нет, говорит, родители не дали мне подарка, да и ничего не говорили, что есть такая женщина, которую надобно отдаривать“. Тогда вошедшая с надворья женщина вышла, а невестка тоже удавилась на кровати. Женился этот якут на четвёртой жене (тогда ещё некрещенные были). Жили несколько времени; потом как-то раз все люди разошлись из дому. Осталась дома одна невестка. Вот и входит разнаряженная молодая женщина и говорит: „Сказывай, каково живёте?“. Та отвечает: „Слава богу, ничего, живём. Люди и скот, все живем хорошо. А кроме этого, что я, дома живущий человек, могу знать? Ты человек пришедший; ты больше можешь знать, ты и сказывай!“. — „Что я буду говорить? Я человек несчастный, мученица: есть — не нахожу пищи, одеваться — не нахожу одежды; встречаюсь со всякой крайностью. Я, — говорит, — имею обыкновение со всех приходящих сюда невесток брать гостинцы. Дай и ты мне свой подарок“. — „Хорошо, — говорит, — дай только сроку, я посоветуюсь с мужем, свёкром и свекровью и в назначенное время дам“. — „Хорошо,“ — говорит. Вот ушла эта женщина, вошедшая с надворья. Пришли домашние; вот невестка стала рассказывать об этом домашним; через шамана дали ей (шаманке) белую кобылу. С тех пор она более не приходила. Поэтому и думают, что она удавила тех невесток за то, что они не дали ей ничего и не сказывали домашним. ^Ж — И до сих пор у таттинских якутов есть обычай: если кто выходит замуж из их места, то, отвозя невесту к жениху, за ней ведут лошадь без седока, но в отличной сбруе и осёдланную как-будто под невесту. И когда такая лошадь приходит к свёкрову дому, точно кто на ней ехал: вся в кровавом поту. Значит, эта шаманка на ней ездит. Выходила вот одна якутка за бывшего дюпсунского голову Петра Павловича Афанасьева, грамотный он был человек и недавно помер. Провели и к нему за невестой простую (т.е. без седока) лошадь, тоже очень вспотевшую. И когда жених с невестой ехали по дороге, так огненный дождь (*уот самыыр*) падал и семь воронов летели вместе (значит, шаманка-то обращалась в этих воронов). Увидали эту простую лошадь родители Петра Павловича и оскорбились: „Мы, говорят, это почитаем за грех; это что такое: проклятие ваше что ли? Мы не знаем этого обычая“. Те отвечают: „Мы никак не можем без этого быть; у нас уже такое обыкновение с издавних пор“. Долго спорились; хотели даже тягаться, едва согласились и приняли это за правду. Для пустой лошади (т.е. для шаманки, невидимо сидящей верхом) поставили в юрте стол с лучшим угощением. Приехала в это время

Вышедши из тестиной юрты, жених и невеста садятся верхом на лошадей сперва только двое; остальные спутники становятся пешие вокруг коновязи, вместе с ними становятся к коновязи и прочие люди. Жених с невестой трижды объезжают вокруг этой толпы. До обращения якутов в христианство объезжали по солнцу, ныне по примеру православных священников против солнца. Кончив третий объезд, жених с невестой останавливаются на том же месте, где сели на коня. Тут им обоим подают по чорону с кумысом, а один из остающихся дома старик брызжет на поясницу невестиной лошади из ложки кумысом, приговаривая: «Будь ты, подобно этому, богата!» (*Субу курдук буйаннаах кэһилээх буол!*). Затем поезд трогается: зять впереди, невестка за ним, а далее прочие спутники. Большею частью поезду, не доезжая до свёкра, приходится ночевать в какой-нибудь юрте, за неимением её — в поле. С ночлега посылается человек, чтобы известить свёкра.

Свёкор готовится к приёму, и если на левой стороне дома нет коновязи, то велит её поставить, невестка должна спуститься у этой коновязи.

У невестиного коня с обеих сторон узды бывают навешаны побрякушки, серебряные кисточки, кружки, кольца и иногда пуговицы и пр. Когда подъезжают к жениховой юрте, две девушки-девственницы (если нет взрослых девственниц, то маленькие) срывают эти побрякушки и берут себе. Те же две девственницы поддерживают невесту, когда она спускается с коня (у коновязи). Иногда вместо девственниц повод невестки принимают две женщины; из которых та, которая принимала повод с правой стороны, называется уже «матерью» (*ийэ буолбут*).

Лицо у невесты бывает закрыто; у самой богатой — соболями, победнее — рысью, ещё беднее — бобром, у самых бедных — кобыльими лоскутами. Невеста должна ехать на лучшей белой кобыле. В редких случаях они едут на чёрных и ни в каком случае на рыжих. С невестой на одной или двух лошадях привозится мясо, которое потом раздают родственникам и знакомым. Вся посуда, которую привозит с собою молодая, чороны и чашки, привозятся полные масла.

замужняя женщина, сестра Петра Павловича, а была она в это время беременна. Так шаманка-то от оскорбления, что её не хотели принять, „съела“ эту беременную; как приехала тут, заболела родами, родами и померла. Да девять кобыл ещё пропало. Осенью это было: кобылы ещё не были распущены».

На той лошади, на которой ехала невеста, также бывают сумы (с платьем). Как только невесту спустят с коня, домашние прибегают с шильями и, выбрасывая платье, протыкают ими сумы насквозь; это делается для того, чтобы все черти и все несчастья погибли бы и уничтожились.

Затем одна почётная замужняя ни в чём не опороченная женщина должна подойти и развязать у невесты пояс и за него должна вести её до дверей юрты. Один из спутников зятя, *тангара киллэрээччи* («вносящий икону»), вносит в юрту невестину икону, ставит её на божницу, перекрестится и, зажигая, ставит перед этой иконой привезённую с собою свечу. И затем выйдет на двор. Тогда домашние тоже и своим иконам зажгут восковые свечки. Свёкор с свекровью выйдут из юрты, вынося с собой крест или, за неимением его, икону. Невестка должна на дворе же (иногда и зимою) поклониться в ноги сперва свёкру, потом свекрови и затем поцеловать крест. Тогда свёкор и свекровь целуются с невесткой и уходят в юрту. За ними входит зять, приезжие люди и домашние; в юрте тотчас же натягивают привезённую в приданое занавеску (на кровать невестки), а также бросают в огонь немного масла из особенной чашки, привезённой невесткою, на дворе остаются лишь невестка, да «мать», которые входят с особым обрядом.

Иногда по дороге от коновязи до юрты невеста должна повесить несколько связок мехов; повесивши каждую связку, она должна класть столько же поклонов в землю, сколько по счету мехов в каждой связке. Если в связке девять мехов (с лапами, головой и хвостом), то весится девять связок и каждый раз кладется девять поклонов. Эта самая богатая невестка и называется *тобус ыйыылаах* («с девятью повешенными связками»). Победнее вешают семь вязанок, в каждой по семи шкур, это называется *сэттэ ыйыылаах*. Более бедные весят по три и называются *үс ыйыылаах*. А крайне бедные уж ровно ничего не весят. Некоторые молодые вешают вязанки лишь у изголовья своей кровати (*үс үүс ыйыылаах* — «из трех рысей»).

Поперек раскрытых дверей иногда стоят две девушки или женщины (но не те, которые приняли повод невестиного коня), держа две мягкие ветви, связанные кончиками, или две некрепкие палочки, положенные одна на другую, иногда просто в дверях воткнута сухая тонкая палка. Почетная женщина, которая в этой церемонии зовётся «матерью» (*ийэ буолбут*), должна пройти, нагнувшись, под палкой, но невеста не должна наклоняться, трогать её руками, а должна грудью переломить

преграду и так войти в юрту. У дверей же невестка получает от «матери» три сырые ветки (три верхушки молодых лиственниц¹ и, вошедши по-за печке, ставит их правою рукою в печку к разведённому огню, чтобы они загорели, приговаривая при этом: «Пришла я топить неугасимый огонь; управлять этим домом свой век» (*Мин кэллим аал уоту умуллубакка утуйбакка, утупнакка, алаһа дьизни дьизлииргэ*).

Если невеста зажжёт огонь лиственничными ветками небрежно, то считается, что она будет ветренная; если же аккуратно, как следует, то значит будет хозяйкой. Если же совершенно обойдутся без этого обычая, то называют *ууччалы киллэрбиттэр* («ввели по-русски»).

Если свёкор или свекровь не выходили с крестом на двор, то вот в это время жених с поезжанами проходит в переднее место. Невеста, вошедшая с закрытым (горностоями) лицом по-за печке и затопившая огонь, должна молиться богу и поклониться в ноги свёкру и свекрови. Свёкор, сидя, говорит ей: «Вошла ты топить твой священный огонь, обзавести твой дом, воспитывать основной дом, увеличивать шесток. Пусть расплодятся рождаемые тобою дети; пусть воспитываемый тобою скот имеет хозяина. Дети мои, будьте счастливы!» (*Аал уоккун отто*

---

¹ Церемония приезда невесты описывается в сказках, например, таким образом (*«Бэйбэрикээн эмээхсин»*): «Приехал жених с калымом, зовёт невесту. Та не соглашается: „Какую, — говорит, — ты жену себе отыскиваешь? Девушек больше окуней; женщин больше харгусов. Сердце мое убоялось; рассудок встревожился, не пойду“ (это говорит сирота-воспитанница). Жених отвечает: „Воспитавшая госпожа Хранительница, создавшая госпожа Создательница назначила, определила тебя за меня. Как бы то ни было, добром или худом, я непременно должен тебя взять!“. Старуха, воспитавшая (сироту), заплакала и сказала: „Никто из вас не переступайте моих слов!“. Девушка согласилась, сказавши нехотя: „Ладно“. Парень соскочил, заплясал, запрыгал, обнял, целовал-нюхал. Наигрались лучшими играми, нахохотались сильным смехом, наговорились самым лучшим разговором. На дворе привязали распестро-пёструю белую лошадь, говорящую по-человечески, оседлали серебряным седлом, обуздали серебряной уздой, надели серебряную оброть, наложили серебряный чапрак, покрыли серебряной попоной, навесили серебряные перемётные сумы, привесили серебряную плётку. Одели-исправили девушку, увезли домой, уехали в дорогу, узнавая зиму по пороше снежной, лето по дождю, осень по туману, ехали путем-дорогой.

У будущего свёкра комнатные слуги с семи домов, домочадцы с восьми домов, прислужники из девяти домов, девять господ сыновей, родившиеся, как девять журавлей, готовятся к приёму невестки, говорят: „Как приедет невестка, будет выступать-прохаживать, со следов её будут выскакивать соболи“. Для этого приготавливали стрелы, и работали до того, что с пальцев сошла вся кожа; до тех пор присматривались к работе, что глаза притупились-притупели. Семь девиц, женщин, подобные семи стерхам, родившимся вместе, засучивали нитки до тех пор, что с коленей сошла вся кожа, говоря: „Как взойдет невестка, да звучно сморкнёт, посыплется дорогие корольки (бусы)“.

Приехал сын с невесткой. У коновязи две девицы поймали их за повод; подняли, спустили. Звучно сморкнула — так и посыпались дорогие корольки, они в тот же миг стали вздевать их на нитки. По месту, где невеста шла вперёд, выбегали соболи; парни выбежали в тёмный бор стрелять их. От коновязи до юрты устлали зелёной травой. Пришедши, она развела огонь тремя лиственничными ветками. Спрятали её за занавеску...

Таков, по описанию сказки, приезд невестки, назначенной матерью-«хранительницей». А вот как приезжает в невестки дьявольская дочь.

Домашние, не зная её происхождения, приготавливаются её принять. «К корню столба вышло девять юношей и восемь девиц, чтобы принять её за оброть. А невестка эта привязала лошадь наизворот к тальнику, где Симэхсин-Эмээхсин привязывала пёстрого быка. Девицы, желавшие принять её лошадь за оброть, на четверть упали духом и разочаровались. Девицы насучили ниток; парни наготовили стрел. А эта невестка, дьявольская дочь, как сморкнула: рассыпались зелёные корольки: встречающие омерзались. Там, где прошла она, побежали рыжие (летние, плохие) горностаи: все встречающие оскорбились и омерзались».

киирдин, алаһа дьизии тэрийэ киирдин, иэримэ дьизэни иитэ киирдин, көй холумтанһын, күөдүтэ киирдин! Төрөтөр оҕон төрөллөөх буоллун, иитэр сүөһүң иччилээх буоллун!). Однако ни свёкор, ни свекровь не целуют невесты, и «мать» должна обвести её позади печи и посадить под занавеской в угловую кровать (үгэх орон): невеста и тут не снимает своей одежды; «мать» остается вместе с нею, только вдвоём.

Посадивши невесту, для жениха и невесты варят особый горшок и из него их одних кормят горячим. Это делается для того, чтобы они жили тепло и между ними не было бы холодной разлуки (*сылаас күөһүнэн аһаттыбыт, сылаастык сыльһын, иллээхтик олорун*). Если молодой понадобится выйти из юрты, то домашние становятся строем и заступают, чтобы прочие не видали; они должны скрывать её от посторонних в продолжение трёх дней. Днём она сидит под занавеской одна или с «матерью», а ночью спит с мужем. Есть ещё обычай, по которому женщина, приготовляющая постель для новобрачных и вешающая в первый раз занавеску, приговаривает: «Спите вы весь свой век на этой кровати так же согласно с таким же чистым сердцем, как я приготовляю эту кровать. Благословляю я вас. Живите вы весь век двоечком согласно столь же хорошо, как доброжелательно я приготовляла кровать. Благословляю я вас!». Переночевавши, утром молодые дарят эту женщину деньгами.

Между тем для гостей становится огромная посуда с топлёным маслом под названием проруби (*ойбоно*). Гости черпают масло хамыйахом и пьют в непомерном количестве; хозяйева же немедленно дополняют прорубь новым маслом. Если же масла не хватит, то большой стыд; оставшееся масло обозначает счастье, оставшееся хозяину (свёкру).

Гости разъезжаются на другой день; на третьи сутки остаются не иначе, как по приглашению.¹

Через три дня невеста переодевается в домашнюю одежду и должна показаться домашним, но не должна снимать шапки. В старину невестка

---

¹ На Моме жених начинает спать вместе с невестой на третью ночь во время уруу (свадебного пиршества). Берут же невест из родительского дома потом и в разные сроки. В одно время с выездом невесты отправляют и её приданое, скот. Невесту провожает также её отец или мать. От коновязи до входа в свёкрову юрту настлана зелёная трава; одна женщина выходит и берёт за повод невестиного коня. Свёкор и свекровь сами выходят из дому, держа каждый по иконе. Невеста кланяется поочередно каждому из них, и они благословляют её иконой. Затем свёкор и свекровь первые входят в юрту, за ними тёща (или тесть), потом зять. Невестку вводит в юрту женщина, принявшая её коня за повод. Невестка, обошедши по-за печке, разводит тремя ветками огонь и наливает в него масло; а свекровь в это время приговаривает: «Да внидешь ты сюда топить священный огонь, кормить семью!». Затем невестку садят за занавеску. Тёща уезжает через две ночи; на дорогу ей дают одну лошадь и одну кобылу; затем ещё одну лошадь убивают и съедают на прощанье, и четвертую убитую дают вместо подорожников.

совершенно не показывалась; ныне же, и то не везде, она не снимает шапки, не показывает своих волос как свёкру, так вообще старшим родственникам.

Жених может иногда и не приезжать за невестой, а невесту везут к венцу и от венца привозят к жениху. Если жених приглашает и родителей невесты, то они должны приехать вместе с дочерью; с невестинной стороны бывает также две или три сватьи.

Если тесть приедет вместе с дочерью, то он должен привезти по девяти штук разных мехов: рыси, соболя, сиводушки, лисицы, горностая, медведя, белки, росомахи, волчицы (конечно, здесь говорится о самых крайних богачах). Тесть, приехавши, вешает эти девять шкур прямо над кроватью свёкра. Тот в благодарность отплачивает скотом.

Через три дня после приезда молодая, показавшись домашним, должна обдарить родственников мужа: тёще дарит хорошую шубу, а остальным серебряные вещи или монеты.

Через год после замужества молодая снова едет к своему отцу и принимает в подарок часть скота, полученного им от её свекра в уплату за девять мехов.

Так как якуты часто просватывают своих детей в младенческих летах (от 7 до 12), то по уплате скота малолетнюю невесту с такими же церемониями привозят в дом жениха, где она, не понимая супружеских страстей, проживает месяц или два и затем возвращается к родителям до совершеннолетия.

В отличие от обыкновенных свадеб бывает *сүгүһнэриилээх уруу*, случающийся очень редко, только у очень богатых якутов. В этом случае при *уруу* (свадебном пиршестве в доме тестя), против условленных угощений, жениховых сватов угощают ещё одним завтраком, для которого убивается зараз три кобылы, отпускается три пуда саламата (муки с маслом) и полтора пуда масла (конечно, съедается не всё)... Затем, после отъезда жениховых сватов в назначенное время тесть и тёща сами должны везти невесту в свёкров дом (жених за ней уже не приезжает). Поезд их останавливается ночевать где-нибудь вблизи свёкровьей юрты. С ночевки извещают свёкра и зятя, тогда зять на месте этой ночёвки должен угостить поезд совершенно таким же завтраком, каким, сверх условленного, были угощепы в тестином доме, употребить совершенно столько же съестных припасов. На этой ночевке бывает много ртов и провожатых, и гостей.

Переночевавши, поезд с невесткой пускается в дорогу рано утром, вскоре после восхода солнца. При этом один из поезжан, имеющий под собой самую лучшую лошадь, обгоняет поезд и уезжает вперёд один по дороге к свёкру. А в то же время и от свёкровой юрты выезжает один лучший ездок узнать о приближающемся поезде. Каждый из этих ездов называется *нөрүүн көрсүһэр киһи*. Лишь только встретятся они дорогой, свёкровский посол тотчас поворачивает лошадь назад, и оба скачут к свёкровой юрте, стараясь во что бы то ни стало обогнать друг друга. Ворота у свекрова дома должны быть в это время задёрнуты пряслем. Оба ездока должны перепрыгнуть через прясло и подъехать поскорее к главной (стоящей ближе к юрте) коновязи, подъехавший раньше, считается победителем в этом оспаривании славы (*аат былъльаһыта*).

Вскоре приезжает к юрте и поезд. Главный сват (тесть) подъезжает и останавливается у главной коновязи, все сватовья и сватья за ним, но никто не слезает с коней. Соскакивает лишь один человек, приехавший с поездом, взбегают на юрту и высекают огонь из огнива над трубой. В тот же миг и с свёкровой стороны тоже взбегают на юрту один человек и высекают огонь; это называется *уот уксар* («раскладывание огня»). Кто скорее высечет огонь и зажженный трут опустит в трубу, тот «отнял славу». Между тем другой человек с невестиной стороны идёт за юрты, а там уже готов человек и со свёкровой стороны; другой человек со свёкровой стороны бросает им через юрту с передней стороны дома сырую мокрую лошадиную голень. Обе соперника, стоящие на задней стороне юрты, стараются схватить её, или кто-нибудь один вперед, или оба вместе, в последнем случае кто-нибудь один должен вырвать её из рук другого; если же соперники очень сильны, то они разламывают голень пополам, что означает равенство. Это состязание называется *хары былъльаһар*.

Но окончании этих состязаний сваты и сватья свёкровой стороны принимают повода у сватов и сватей (тестя), зять принимает повод невесты.

Затем вводят в юрту с обычной церемонией; потом поезжан угощают совершенно таким же угощением, какое было на свадебном пиру у тестя (*уруу*).

На другой день утром против дома с восточной стороны ставят ёлки (*багах*), нижняя часть которых (от ветвей) очищена от коры; число багахов бывает соответственно счёту мехов, привезённых в приданое (по одной или по три лисицы, черно-бурых соболей, сиводушек и пр.). Эти меха развешивают на елках, на каждой по одному меху. Между тем домашние пригоняют в загородь кобыл, число которых должно быть больше против числа повешенных меховых шкур, иначе стыд, потому что из всех пригнанных тестина сторона выбирает из этого себе в подарок лучших животных соответственно числу вывешенных шкур. Очень богатый свёкор нарочно припасает на этот случай дикий скот, который никогда не бывал даже взнуздан. Затем с тестиной стороны назначают человека, который *один* (без помощи других) должен поймать отобранных кобыл голыми руками. Если человек, назначенный на это, малосилен, то он может выбиться из сил и не сможет переловить всех их, в таком случае уже нельзя послать на поимку другого человека и переловленный скот остается у свёкра.

Взявши этих кобыл, тесть должен ночевать. На другой день свёкор приглашает свата (тестя) ещё продневать. Тогда тесть вызывает своего борца (*бөбөс*), со свёкровой стороны тоже выставляется борец. Переборовший отнимает славу. Наконец, настает день отъезда. Когда поезжане сядут на коней, то всем сватовьям, как большим, так и малым, поступившим в сватовья сверх условия (*хаалбыаһын түнгүрдэр*), подают каждому по особому чорону; если же чоронов не хватает, то это большой стыд, и подавать каждый чорон должен отдельный человек. Если же кому из почетных гостей не оказали такого почета, как *хаалбыаһын түнгүр*, то он, конечно, обижается и сердится.

IX. СЕМЬЯ. РОДЫ

В сказках якуты с любовью описывают свои наряды; и действительно богачи любят рядиться. Но громадное большинство ходит почти нагое, не только летом, но и зимой. Бедные дети постоянно в лохмотьях, босонogie (босогрудые, в одежде праведников). Женщины-якутки по целым годам ходят в одной рубашке, которую никогда не моют.¹ В последнее

---

¹ Неопрятное и небрежное содержание глаз значительно усиливает между инородцами глазные болезни (см. гл. XVI). Чесотка очень распространена, тем более что якуты считают её пустою болезнью и редко обращаются за медицинским пособием; сами же для лечения от неё употребляют отвар некоторых трав (*туллур от^A и*

время купцы поднимали цену дабы с 3 руб. на 6, и потому только состоятельные носят эти рубахи, а бедные одеваются только в короткие жёсткие *куйпакы*, из кобыльей шкуры. Надо дивиться, как они не замерзают зимой в своих жалких лохмотьях. Иная баба в полгода получает жалованья только на рубаху (*рубахы, тангаһа*), и эта-то рубаха носится до тех пор, пока держится на плечах.

Все якутки носят наколенники и повыше их глухие штаны, которые завязывают сбоку; хотя эти панталоны тоже никогда не моются, но, не пропуская ветра, они предохраняют якуток от многих женских болезней <...>.

Начало месячных очищений весьма непостоянное, смотря по здоровью и образу жизни. Якуты говорят, что самое раннее месячное очищение здешних якуток начинается в 13, а позднее — в 20 лет. Подгородные якутки во время месячных особенной диеты не наблюдают, однако любви с мужчиной избегают и в церковь не ходят.

Признаком зрелости девушки и способности её к половой жизни якуты считают развитие груди. У них есть также старинная поговорка, что если в спину девочке бросить тяжелой зимней рукавицей и она не упадет, то, значит, достаточно развита для любовного дела. С этого времени русские и молодые торговые якуты соблазняют бедных девушек большею частью «красным платком» (*кыһыл былаатынан*). Братья снисходительны к сестрам; матери также смотрят сквозь пальцы на шалости своих дочерей, но зато бдительно наблюдают за невестками.

Свадебный уговор иногда заключается у якутов ещё тогда, когда жених и невеста дети. Иной раз венчали (и даже венчают) таких, которые ещё не подозревают запрещённого плода и неспособны к супружескому делу; невест, например, венчали лет 13, даже 11. Замечают, что в этих случаях у супругов дети не рождаются ранее 25–30-летнего возраста, а хотя и бывают редкие случаи родов до 20 лет, но новорожденные бывают слабы, тощи и неживучи. Если сватающий молод, то он обыкновенно бывает 2–7 годами старше невесты. Случаи браков несоразмерных по летам бывают редки; обыкновенно их составляют старики, женящиеся на молодых. Молодые очень равнодушно выходят за старых, зная, что заведут себе молодого любовника (*ночоотуруо суоѳун билэр* — «знает,

---

*ургуһун*⁵) (в 1-м Юсальском наслеге). Видеть себя во сне грязным — к счастью. Нечистоплотность даже городских обруселых якутов доходит иногда до возмутительной степени; здесь якутка, например, нисколько не брезгует собирать тёплое коровье кало голыми руками, не мыть никогда ни рук, ни тела; а если уж грязная плоть очень зачесется, то соскабливать с тела грязь столовым ножом.

что не будет в накладе»). Если же родители приневоливают молодого сына жениться на женщине 10–15 годами старше его, то он упирается всеми силами.

Если свадебный уговор сделан в такое время, когда жених с невестой способны быть супругами, то они позволяют себе супружеские удовольствия до венчания; иные венчаются уже тогда, когда успеют надоесть друг другу. Если венчанный жених спит с невестой, то это называется *күтүөттээтэ* (от слова *күтүөт* — «зять»). Небогатые, обвенчавшись, разъезжаются по большей части на заработки, и хотя в продолжение года или полугода новобрачные видятся не более двух-трёх раз, но дети идут своим чередом.

Как в песнях и сказках, так и в жизни, якуты постоянно употребляют выражение «поцеловал-понюхал».¹ <...> Впрочем, поцелуи у женатых якутов не в ходу.

Якуты уважают женатого человека. Жениться, по их мнению, значит стать человеком или в люди выйти. В сказках герои нередко говорят: «Вот мы теперь разбогатели, раздобрели, живем лучшим житьем, так надо нам теперь жениться, взявши женщину, сделаться людьми».²

Жены богатых якутов очень трудолюбивы, они постоянно работают: летом доят коров, кобыл, делают кумыс, масло, тар, зимою готовят кушанье, кормят коров, шьют. Богатые якутки почти все очень скупы и

---

¹ В общеизвестной якутской песне «Халлан-Хачий» Хальчикынай-уола говорит, что в молодости своей, «когда я, тихо, осторожно подвигаясь по-за стенке узорчатой кровати, нюхал своим курносым носом моего друга (женщину), то считал я это лучше (приятнее), чем острым ножиком вырезывать полосками белый брюшной жир и есть». В сказке «Осьмиженный сирота Бяйбэйлин» сын, прощаясь с родителями, трижды поцеловал их в верхнюю губу (так крепко, что) выпил три поварешки крови; дважды поцеловал в нижнюю губу — выпил две поварешки крови.

² В одной сказке мать говорит сыну: «Но ты имеешь надобность в женщине, нужду в девушке; твоему дому недостает домашнего хозяина (т.е. женщины); огонь твой будет гореть неправильно, потому что не будет у тебя назначенного сотрудника; скот, который ты будешь воспитывать, должен иметь огород и хлева; рождаемые дети должны иметь гнезда и присмотр». Когда невеста отказывает жениху, то он говорит: «Верно, она думает, что я не в состоянии прокормить одну женщину или одеть (буду морозить её плечи)» («Хаан Дьаргыстай»). Жена так описывает свое семейное счастье: «Мой старик (муж) не похож слишком на дьявола, не так дурной человек. Относительно пищи — голодом не морит, что касается платья — не мёрзну. Саму меня любит, да и я, признаться сказать, не ненавижу его. Всё равно, хорошо живём».

«Однажды утром, — говорит сказка, — сын их не ел обыденную пищу, не разговаривал с родителями, сердился. Они спросили его: «Что с тобою, голубчик?». — «Да ведь все породы бегающих зверей имеют жеребцов и самок; все роды крылатых имеют самцов и самок. Только я в продолжение своей жизни всё обнимал свою локтевую кость. Пары мне не стало: обнимал поперек толстые колени, камусная постель стала холодной; шерстяной коврик прохладным; кровать, сложенная неправильно, мучительной. Седло мое — подушка стала устаточна; доха-покрыв неплотной, шуба малополезной. Я нуждаюсь в равном друге, лежащем (со мною) на постели. Нет у меня госпожи жены, лежащей на левой стороне» («Оҕонньордоох эмээхсин»).

очень стесняют своих мужей в распоряжении имуществом, особенно от-носительно рогатого скота. Богачи-якуты обыкновенно ленивы. Отъезд, дружба с посторонними часто зависят от согласия жён.

Муж с женою не должны спать спиной друг к другу — грех. Они не должны спать друг к другу ногами — грех; в последнем случае между ними ложится червь.

Бедные якуты женятся лет 25 и 30. Мужья бедного или среднего состояния вообще верны своим женам, хотя последние вообще неверны мужу. Наоборот, богатые мужья, как говорят, бывают всегда неверны своим женам, да и жены тоже не могут похвастать своею верностью.¹ Мужчины, впрочем, не столь ревнивы, как женщины, иногда они даже сквозь пальцы смотрят на неверность своих жен. Зато жена, узнав о неверности мужа или даже только заподозрив её, не остается хладнокровной. Конечно, иногда и мужья оказываются ревнивее жён, и потому ревность служит главным источником семейных несогласий и частых драк.

У якутов есть поверье, что если у хозяйки «ножи скоро точатся, то, значит, муж ревнивый», может быть, намекающее на то, что ревность в старину была обыкновенным поводом к убийству (точению ножа). По другим, — ножи скоро точатся — к убою скотины. Рядом с ревностью источником семейных распрей служит бедность и невежество: иногда муж нарочно ругает и бьёт свою жену, чтобы лишить её аппетита и съесть её порцию; множество поверий (см. конец главы), по которым детям не дают очень многих частей съестного, происходит может быть, отчасти от того же желания уменьшить порции детей для того, чтобы взрослым оставалось побольше.

Вообще якуты-мужья не очень ласковы к своим женам, за исключением пасхи, они очень редко с ними целуются. Кроме того, мужья очень часто секут своих жен ремнём или розгами; и кажется, нет ни одного, который бы хотя раз когда-нибудь не дал жене пощечины. Рабочий класс дерётся чаще. Редко случается, чтобы жена просила пощады под кулаком мужа, а напротив, они только ругаются и кричат: «Бей, бей, убей! В ссылку пойдешь, плетью накажут, варнаком будешь!». Муж бьёт жену по праву; он имеет право бить её: он её муж! Избитая до полусмерти жена никогда не пойдет на него жаловаться; она убеждена, что

---

¹ Якуты веруют, что при первом нарушении супружеской верности брачный венец спускается до плеч, при втором — до пояса; при третьем — на верхнюю сторону ступни, а потом уже он топчется вероломцем. Такое верование, впрочем, не мешает якутам, как они выражаются, «сбрасывать венцы тотчас после венчания».

муж имеет неотъемлемое, бесспорное право бить её, даже замучивать. Будущие здесь мировые суды должны обратить внимание на этот пункт; в округе случаются иногда самоубийства женщин; случаи этого интересны, но малоисследованы.

«Рано встают, как муж с женой, ненавидящие друг друга», — говорит якутская пословица. «Ах подруженьки, — говорит песня якутской девушки, — повеселимся, посмеёмся, поиграем, пока не вышли мы замуж, на мучение стремительных (сильных) больших пальцев мужа». Если муж забивает жену до полусмерти даже при свидетелях, то окружающие сами дивятся: «Какой-де у ней муж сердитый!», но никто не думает заступиться, хотя бы одним словом. Они даже удивятся мысли о защите: «Как заступиться? Муж ведь. Он волен ведь!».

Несколько десятков лет тому назад деспотизм мужей¹ был ещё ужаснее. Они секли своих жен скребницей (*тиистээх кымньыынан*), лошадиною плетью, ремнём, плетёным из конской гривы (*өргөнүнэн*), уздой. Самых упорных жен, не просивших помилования, а только отругивавшихся (*өһөс дьахтар*) мужья привязывали комарам (*бырдахха*). До сих пор ещё есть старухи, испытывавшие это мучение. Так, одна старуха рассказывала: «Раз в старину муж сёк меня сёк, бил меня бил, а была молодая, здоровая: всё нипочем, только отругивалась. Бьёт меня муж, приговаривает: «*Аартыаҥдуо* (будешь ли просить помилованья)?» — «Но дуу!», — говорю. «Ну уж найду же я средство усмирить тебя!», — сказал (муж), раздел меня и привязал к лесине. Летом это было; комары облепили меня в один миг, совсем почернела я, а всё молчу. Тошно уж потом стало, солнце в моих глазах потемнело: хотела я только сказать: «Друг, отвязи, умираю я...» — А он сам и отвязал!».

Да и теперь ещё бывают мужья, которые бьют жён и приговаривают: «Знай, что ты с мужем! Знай, что ты с другом! Муж вот такой бывает! Друг вот такой бывает! Узнала ли ты друга? Узнала ли, что с мужем? Узнала ли, узнала ли?». А жена кричит: «Бей хорошенько, друг, бей хорошенько! Не побьёт ли мой друг? Не побьёт ли моё серебро? Не побьет ли моя медная соринка? Как же ему иначе: хорошенько, хорошенько!...». Из этого видно, что если либеральная якутская поэзия и называет женщину «равным другом» мужчины, то консервативная практика по-своему толкует это выражение.

---

¹ «Мы к вам с мужской кровью, с мужской мыслью», — говорят якуты в одном старинном предании, объявляя войну на смерть.

Женщина вообще считается существом низшим, чем мужчина; поговорка, что «женская мысль короче волоса» существует и у якутов (*Дьахтар киһи санаата аһынааҕар кылгас*). Женщина отеснена суеверными обычаями более, нежели мужчина. Женщине совершенно не дают орлиного пуху и перьев; она недостойна держать в руках орлиное перо; да и руки у ней заболят от такого греха. Великий грех женщине наступить на перо стерха; да и вообще если женщина наступит на перо какой бы то ни было птицы, то эта птица уже не будет ловиться. Грех женщине спать на медвежине; грех жене входить в чужой дом раньше мужа. Женщина не может садиться верхом на жеребца или на быка, это великий грех; она может ехать только на самках или на оскропленных самцах.

В 1867 г. на о. Гавришку отправилось довольно много промышленников; но почти половина вернулась с морского берега, потому что один якут повёз вместе с собою жену. На островах-де прежде не ступала ни одна женская нога, а теперь они сочли это за великий грех и всех смельчаков, уехавших туда (между которыми было несколько русских), считали обречённым на неминуемое несчастье. Те, однако, съездили благополучно и по случаю благоприятной погоды собрали множество кости.

Унижение женщины выражается, как мы видели, и в свадебных обрядах. По дороге в дом жениха она не управляет своими удилами, сверх шубы невестка надевала тангалай (род мехового пальто), а сверх тангалая — доху (*сангыйах*). В такой одежде невеста привозилась в дом, в такой она входила или сидела за занавеской в доме свёкра. Это правило строго соблюдалось каких-нибудь десять лет тому назад. Невестка до сих пор не может ни пройти, ни проехать спереди мимо дверей свёкровой юрты, она должна обходить её сзади. При нарушении этих законов её постигает или болезнь, или несчастье. Она не должна даже проезжать перед тем местом, где некогда был дом свекрови — должна объехать сзади; не должна также наступать на пепел огня старших родственников своего мужа. Она не должна показываться свёкру до самой его смерти. Если она выходит доить коров или кобыл, то свёкор уже не выходит на двор, чтобы не встретиться с ней. Если же случится, что свёкор увидит её, то это считается великим грехом. После того невестка уже не прячется от свёкра, но закутывается в платье ещё плотнее. Она никогда не показывает своему свёкру, а также и всем старшим обнажённой головы или груди (зять также не снимает рубашки при теще). Женщина

не должна здороваться с кем-нибудь без шапки и без платка, если же невзначай и придется, то она должна прикрыть голову ладонью. Она не может также есть или молиться богу без платка. Сорвать с неё платок — это не только бесчестье, это равняется развенчанию.

Если замужняя женщина острижена, значит она желает смерти мужа, — великий грех. Расчесывая волосы, замужняя женщина не должна бросать их на пол: ложе осквернится.

Женщина не должна перешагивать через оружие, через узду лошади, конскую сбрую, мамонтовую кость — грех. Великий грех, если ребёнок или женщина перейдут спереди шамана во время его шаманодействия. При всём том женщина, выходя замуж, сохраняет свое собственное якутское имя.

В сказках якутки всегда рожают через десять месяцев (*онуһугар олорбут* — «на десятом родила»); это естественно, если вспомнить, что они считают месяца по луне. Прежде беременная, как только исполнится десятый месяц, выходила вечером и кланялась новорожденному месяцу, приговаривая: «Дух месяца, помилуй меня!» (*Ый иччитэ, абыраа миигин!*) или «Дух луны, в месяц твоего рождения и меня разреши ты счастливо от бремени!» (*Эн терөөбүт ыйгар миигин эмиэ үчүгэйдик төрөт, ый иччитэ!*). При этом она, разумеется, не крестилась, но, ставши на колени, кланялась до земли.

Число суеверных обычаев для беременной женщины очень увеличивается. Например, двум беременным женщинам нельзя ровняться ростом — грех. Обедать вместе или лечь на одну кровать двум беременным женщинам — грех. Обедать или ужинать беременной женщине без платка или шапки — грех; нельзя сучить длинные нитки — при родах муки будут продолжительные. В кушаке беременной женщине есть нельзя — грех. Если уголь выскочит из разведенного огня в камине, то беременная женщина не может брать его щипцами или чем другим, а должна взять рукою, а то роды будут трудные. Мясо жареное на углях (на огне) давать беременным женщинам есть — грех. Пену молока есть беременной женщине — грех. Беременные женщины не переходят через оглобли саней. Беременные не едят вены близ сердца: икота будет. Селезёнку также не едят, при родах будет давление. Внутренности зайца беременные не едят. От первого промысла беременной женщине рыбы не дают — грех. Потроха гуся, застреленного из ружья, беременной женщине не дают: ружьё изурочится. Голову большой рыбы, хвост

рыбы беременные не едят: поясница будет болеть. Грех беременной есть мясо поджаренное, прилеплённым к внутренней стенке якутского камина: послед запоздает после родов. Грех также беременной есть стоя. Приоткрывши дверь, беременная женщина не стоит в дверях: роды будут трудные. Даже «в окно или в щель смотреть беременной женщине — грех!» и многое т.п.

При приближении родов в земляной (деревянного не бывает) пол юрты вколачивают два кола; якутки рожают стоя на коленях так, чтобы вколоченные два кола поддерживали беременную подмышки. Около кольев под колени настилают мягкой хорошей травы. Якутское слово «сэла» (*олорбут*) равносильно слову «родила». Приглашая повитуху, истый якут говорит ей: «Будь матерью!» (*Ийэ буол*). А если она уже сповивальничала, то сама скажет про себя: «Я стала матерью» (*Ийэ буолбутум*).

Заболевши родами, роженица снимает с себя свои «пantalоны» и кладёт их под траву. Домашние ставят в печку варить горшок с мясом; это делается для того, чтобы беременная разрешилась скорее, нежели сварится горшок. Этот небольшой горшок называют *сырсы күүс* («горшок перебежки»), и сваренное мясо потом съедает повитуха.

При наступлении родов беременная становится на колени и лишь только начнет кричать, как два сильных, человека подхватывают её сзади за пояс и потянут к себе; а другие двое тянут спереди за руки (этот обычай существует также у ламутов и тунгусов, которые, как говорят, тянут кушаками ещё сильнее). Если людей мало, то женщина сама держится крепче за колья, и двое мужчин тянут сзади. Иногда роженица становится на колени и её тянут за неделю до естественных родов. В этих случаях нередко рождаются мертворождённые. Если даже якутка не становится на колени, а готовится родить лёжа, то и тут ей тоже дают живот сверху вниз.

Если будет особенное затруднение к выходу младенца, то скоблят клюв стерха, разводят в воде и дают роженице, чтобы она скорее разрешилась. Прибегают также к молитве говоря: «Госпожа Создательница! Ты создала людей, ты создаешь рождаемых детей. Спаси меня (или её) от мучения, приди сюда! Дух цветущей растительности, сын Писарь, дочь Писарша, *Эрбэһин уол*, *Эрбэгэй кыыс*, приходи вместе с Создательницей, напиши бессмертное многолетие, бессмертную сильную судьбу!». В некоторых местах всё время, пока варится горшок (*сырсы*

күөс), все домашние вместе с бабушкой кричат: «Горшок плывёт, сварившись и вскипевши, горшок плывет! Госпожа Создательница, поскорей-поскорей! Раствори твою широкую белую падь! Горшок убежал, горшок убежал! Скорее!» (*Күөс куотта, күөс куотта. Айыыһыт хатын, түргэнник! Тэлэмэн манган аартыккын арыян кулу. Айыыһыт хатын! Күөс куотта, күөс куотта, түргэнник!*).

Вдруг послышится крик новорожденного. «Выйдите, выйдите!». И выходят все, кроме бабушки-повитухи. Тут отрежут пуп, перевяжут, и тогда снова все входят. У кровати перед камином вывешивают тотчас цельную заячью шкуру с головой и лапами; если родился мальчик, то вместе с зайчиной вешают стрелу с орлиным пухом (на конце), а если девушка, то в одних местах — ножницы, в других — две серьги. Богатые вместо заячьей шкуры вывешивают иногда горностая или лисицу. Шкуру эту в некоторых местах (на Моме) называют *Айыыһыт* («Создательница»). Новорожденного моют и завертывают в заранее приготовленную зайчину. Повитуха с ребёнком помещается подле родильницы на кровати (*хангас диэкки*), а родильница лежит на полу на траве перед печкой.

Случается, что, несмотря ни на какие выкрикивания и насильственные приемы для скорейших родов, роженица всё-таки не разрешается от бремени. Тогда прибегают к помощи шаманов. В старину призывали даже разом по два, по три и по четыре шамана. По рассказам якутов, это бывало, например, таким образом. Один старинный момский якут Сэмэн пригласил в подобном случае четверых шаманов, одного — 30 лет, другого — 40, третьего — 50, четвертого — 80 лет. И все они шаманили, призывали Создательницу (*Айыыһыт*), наклонялись к роженице, крикнули ей против пупа, призывая в себя её дьяволов. Как кинулись из роженицы черти в этих шаманов, всех их навзничь повалило, отбросило: язык они высунули и глаза выпучили. Потом сказали они хозяину: «Не под силу нам этот дьявол». Тогда хозяин пригласил шамана Каракана, который был хотя и моложе первых, да дьяволов имел с дальних и великих мест, да и сам был настоящий дьявол. И этот пятый шаман начал службу по обыкновенному шаманскому обычаю. Сначала ему вывели юрту, сел он на постилку, надел шаманскую шапку и платье, пррукнул обеими губами и стал трясти головою. Вскрикнул: «Шаманский и дьявольский роды хотели-обещали мне быть друзьями на среднем месте (т.е. на земле)!» и хлопнул в ладоши. Взмотнул головою, шапка его

отлетела, и волосы встали дыбом. По корням волос вошли к нему в голову дьяволы: преобразилось его лицо и кровь заиграла... Топнул он раза три и встал. Начал расхаживать по юрте, запел: «Если в самом деле родится ребенок, то приблизьтесь ко мне, дьяволы!». Подошёл, приподнял занавеску, за которой лежала роженица. Высунул язык, руки расставил, крикнул неестественным образом и обнял женщину. Три раза повторил он этот приём — принял дьявола. Перевернулся на одном месте раза три или четыре и отпустил руки назад, повалился. Стал стучать пятками о землю, приполз к хозяину. «Вот говорит, я принял настоящего дьявола. Я переводчик этого дьявола!». Хозяин отвечал, вставши: «Говори, я слушаю тебя!». — «С завтрашнего дня приготовь семитравого жеребца белобрюхого, белоголового, с ногами, как березовые колья. На этом-то жеребце я отправлю его к почтенным родителям!» На другой день хозяин приготовил коня, а беременная родила.

Как скоро беременная уже родила, то берут конскую гриву (мясо), четыре жирных конских ребра; четыре безмена масла (10 фунтов) растопят и сольют в одну чашку. Сваривши всё это, ставят у родильницы в головах или в *югэхе* (чуланчике); этих припасов никто не ест в продолжение трёх дней.

Пища эта предназначена для Создательницы (*Айыыһым*), доброго духа, помогающего при родах. Иногда она состоит из частей жира, сердца и бёдер вновь убитой скотины и из трёх чашек топлёного масла.

Во все эти три дня не ругаются, не ссорятся, не стучат посудой. Верят, что в это время в юрту собираются лесные и травяные духи и что, если застучать, они испугаются и ребенок должен умереть. В продолжение этих трех дней родильница лежит на том же месте, где она разрешилась; и на нём же она должна умыться на третий день.

Лишь родильница встанет с полу, повитуха убирает траву и складывает её в тальниковый *тымтай*; и повитуха должна сама варить горшок (кашу с мукой — *бурдук хааһы* и, за неимением муки, бутугас; топлёное масло наливается во всяком случае). Каша становится в чашке на пол. Никто из мужчин не ест этой каши; присутствующие пожилые якутки наряжаются в лучшее платье, надевают шапки, садятся на пол кругом чашки, руки и лицо вымазывают себе маслом, отливают масла в огонь и нарочно хохочут, будто бы от большого веселья: «Пусть — говорят, — и на будущий год будет такое же благословение!» («Создательницу мы

проводим» *Айыыһыт атаардахпыт*). Повитуха, надевши шапку наизкось и завязавши её сверху, должна тоже вымазать себе лицо маслом и наговаривать перед огнём: «Отправляю я Создательницу. Хорошо отправься, на будущий год воротись благополучно! Хорошо воспитай данное тобою дитя. Осталась я довольна тобою мягче пуха и слаще жира. Возвратись ко мне на будущий год; осталась я в радости» (*Айыыһыты атаардым. Үчүгэйдик аттан, эһиил үчүгэйдик эргийээр. Биэрбит оҕобун үчүгэй уйаҕар иит. Түүтээбэр сымнаҕастык, сыатааҕар минньигэстик санаабын тутан хааллым. Эһиил миэхэ эргийээр. Мин үөрэн хааллым*).

В иных местах стрелу, нож или ножницы вешают лишь на третий день; в огонь камина бросают жира или льют масла, а «чистый» (девственный) мальчик, стоя за печкой, приговаривает: «Создательница наша! Хорошенько предвещай (новорожденному) счастье, напиши в твоём белом писании, создай сильную (прочную?) судьбу, дай широкий век. Хорошенько поезжай, госпожа Создательница!» (*Айыыһыппыт үчүгэйдик дьаллыктаа, үрүҥ суруккар суруй, бөбө онгоруута онор, кэтит сааста кулу. Үчүгэйдик аттан. Айыыһыт хатын!*). Затем все присутствующие садятся за стол кушать.

В других местах через три ночи около восхода солнца все люди в юрте, и мужчины и женщины, отрезают части всякой пищи, какая есть, и кладут на край шестка. Вся юрта наполняется дымом. Повитуха (*ийэ буолбут дьахтар*) складывает в тальниковый туес траву, на которой лежала родильница, и, держа на восток зайчину Создательницы, причитает: «Госпожа Создательница! Стой, вполне наевшись! Ступай, благословивши лучшим благословением! Дай опору этому твоему младенцу листовенницу и камень (гору). Пусть самый послед^В твоего ребенка доживет (просуществует) до тех пор, пока (сырое дерево, на котором он повешен) станет гнилым пнём, рыжим крестом! Госпожа Создательница, сделай (твоего дитя) с бессмертным веком, с бессмертной душой! Дух этой цветущей растительности, сын Писарь, дочь Писарша, выйди ты, пишучи твоим белым письмом! Все вы, радуясь подобно нам, направляясь^Г точно же так, как мы, сидючи, одевшись в лучшем платье, точно так же, как мы, со скукой, вкравшейся в вас, точно так же, как и в нас, вы с бессмертным веком, бессмертной душой, стойте вы все, вполне наевшись!»^Д (*Бу Айыыһыт хатын, аһаан сыаргаан тур! Үтүө айыыны айан бар! Бу иринньэххин, бу ньирэйгин тииттэн тирэннэр, таастан тайаннар, бу оҕобун кэнэбэһин даҕаны, буоллар өтөх*

төнгүргэстээх этэ, сурт кэриэстээх этэ, Айыыһыт хатын! Өлбөт үйэлээн, быстыбат тыыннаан табыс, Айыыһыт хатын! Бу ойуулаах от-мас иччитэ Суруксут уол. Суруксут кыыс, үрүҥ суругунан суруйан табыс. Субу биһиги курдук үөрэн олорон, субу биһиги курдук көннүөрэн олорон, субу биһиги курдук аһаан олорон, субу биһиги курдук татырыйбыккыт таргаан олорон, субу биһиги курдук чункуйбут көхсүгүт дьөлгөрүүэн оло-рон, өлбөт үйэлээх, быстыбат тыыннаах бары барыгыт, бүрү бүттүүн аһаан сыаргаан туруҥ!). После этого родильница выпосит послед вме-сте с заячьей шкурой.

В других местах перед выносом последа читают такую молитву: «Гос-пожа создавшая Создательница! Надень ты на руку твой серебряный наигольник, подобный спинной кости жеребенка, воспитанного бога-тым человеком, и, слушая, ласково взгляни. На будущий год в это же время мы будем ждаты-поджидать, что ты вот так же побываешь у нас. Смеющиеся мы смеялись, играющие мы играли. Создавшая Создатель-ница, выходи ты с растаявшею внутренностью, с разнеженной наруж-ностью, смотря к солнцу, смеясь и улыбаясь. Создавшая наша Созда-тельница, выходи ты, воспитывая твоего младенца, заставляя его пла-кать, делая тучным полуторагодовалого твоего дитятю, делая его с зыб-кой. Не спи ночью, не днюй днём, вращайся днём и ночью!» (Айбыт Айыыһыт хатын, байлыат киһим иитийэх ыбаһатын сүннүөбүн унуобун курдук үрүҥ көмүс иннээликкин иилинэн турангыҥ иһиллэн ту-рангыҥ, иһэригилэн көр. Эһиилги дьыл баччатыгар субу курдук кэлэн ба-раар, көһүтүөхпүт, кү- үтүөпүт, күлүүлээх күллүбүт, ойньоуулаах ойньоотубут. Айбыт Айыыһыт хатын, иһинг ирэн, таһыҥ сылааран, күн диэкки көрөн күлэ мүчүйэн табыс! Айбыт Айыыһыт, ньирэйгин ньиккирэтэнгин, балчыргын барбардангыҥ, оҕобун уйалаах гына тэрийэн табыс; Түүнүн утуйума, күнүһүн өрөөмө, айбыт Айыыһыт хатын, күнүстэри — түүннэри эргийэ тур!).

В иных местах бабушка (на третий день после родов) покушает, льёт из горшка в огонь и прощается, говоря: «На будущий год я благополучно приду. До тех пор вы хорошенько воспитывайте моё дитя. Не дайте от-нять поганым, не дайте уничтожить (его) нечистому; берегите (сравни-вайте), как глазной зрачок. Стоя, отдала я вам (часть) из моего сердца; оставила вам, отколовши из чёрной моей печени» (Эһиил үчүгэйдик кэ-лиэм. Онуоха диэри оҕобун үчүгэйдик оҕолоон олорун. Бырастыыйдарыҥ. Былаҕайга былльатаайабыт, дьиэлигэйгэ дьиэлитэйэбүт, хараккыт

харатыгар холуйангыт, нохтолоохпун, туураммын биэрдим, хайгях хара быарбыттан, хайытаммын хааллардым).

Тут детское место завертывают сперва заячьей шкурой, потом травой и выносят в лес. И родильница непременно должна сама проводить до дерева, даже зимой, впрочем, недалеко. Далеко уносить считают грехом: дети долго не будут родиться.

Не повесить детское место на лесину невозможно, а если его съест собака, то несчастье.¹

Детское место вешается на восток от юрты, и притом на сырое дерево, для того чтобы не сгорело; если же детское место сгорит, то, значит, женщина уже не будет более рожать.

Родильница вешает детское место, одетая в доху из беловатого жеребца и с суконной шапкой на голове; иногда, вешая, она приговаривает: «Госпожа Создательница, хорошенько поезжай, не сердись! На будущий год хорошенько приходи!».

В некоторых местах (в 3-м Юсальском наслеге) зимой вместо родильницы ходит и повитуха. Заменяя родильницу, она вешает детское место на короткую толстую лиственницу и приговаривает: «Если снова возвратишься, возвратись хорошей стороной, светлым лицом, приводя с собою сердитых мальчиков, краснощёких девочек, госпожа моя Создательница, нежащая Хранительница, госпожа Девица-господы! И нежно воспитай твоего слабого дитя. Уруй, дьалысхан!».

В некоторых местах, когда отправляют Создательницу (*Айыыһыты атаараллар*), то на чашу с кашей, поставленную перед камином кладут накрест лук и стрелу, если родился мальчик, и ножницы с мутовкой —

---

¹ В сказках часто описывается беременность. Так, одна героиня заболела родами. Её волшебная, говорящая по-человечески лошадь вылетела на верхнее место (на небо) и прилетела к госпоже Созидательнице, упростила её явиться на помощь к роженице. «И Создательница (*Айыыһыт*) спустилась на землю в виде священной кобылы, покаталась около дома, сделалась госпожою женщиною и вошла. Роженица была без чувств. Создательница погладила, подняла её: родился донельзя хороший сын. Воспитывали его, завертывая в рысьи и соболиные шкуры. Создательница ночевала тут три ночи и потом взлетела наверх, сказавши: «Пусть до последних веков через три ночи роженица, вымывшись, дает своего сена (травы)!». И до сего дня есть такой обычай вставать через три ночи» (*«Обонньордоох эмээхсин»*).

В другой сказке Создательница и Хранительница, видимо, спустились, помогли разрешиться от бремени женщине (одной из прародительниц), но неизвестно откуда взялся вихорь, вырвал окна, выкрутил всё на двор и унёс новорожденного дитя. Создательницы, вылетев под видимое небо двумя белыми стерхами, кружась, полетели в вышине с песней: «Как страшен дьявольский обман, колдовство! Ах, как мы испугались! Ныне как бы мы ни жалели, как бы ни сочувствовали родящемуся на земле, не спустимся уже сами собою видимо (т.е. так, чтобы люди могли видеть). А пусть до последних веков делают обряды только для формы (славы), для обычая!».

если девочка. Или же если родилась девочка, то немедленно заказывают кузнецу новые ножницы, которые и делаются собственностью новорожденной.

Якутские дети

Из фондов Музея Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР
им. Н. Н. Мамуко-Мамзал.

Из мяса, поставленного у изголовья роженицы, берут куса два или три и, воткнув на рожень, кладут около ребенка; потом один человек ложится около ребенка и притворяется, что засыпает, затем разбужается, его и спрашивают, что он видел во сне. Тут он вытирает глаза и говорит: «Видел! Вижу я во сне, будто иду по полю, вижу: два человека сено косят, две бабы убирают; сено зелёное, густое, высокое. Одна баба коров доит, другая кобыл доит; навоз коровий и кобылий в кучи сбит. Юрта стоит богатая, стоят девять высоких столбов с перехватами. Слышно ржание кобыл, мычание быков. Мальчишки во дворе играют, девушки и парни взялись за руки, передвигают

ноги и песни поют, молодые ребята скачут-бегают, два борца борются, кругом их народ собрался, смотрит. И среди всех их заметил я важного, видного старика, важную толстую старуху и спросил я у людей, кто это такие. Тут сказали мне: «Неужели ты не знаешь людей, родоначальников народа, начало скотоводства? Это N.N. (тут рассказчик называет по имени ребенка)». Услышал я это, обрадовался и от радости проснулся». Присутствующие восклицают: «Уруй, уруй! Дьаллык буоллун!» (Да будет благословение!) И потом все делят между собою мясо, воткнутое на рожень, и съедают.

В других местах обычай выноса делается несколько иначе. Собрать тымтай с травой и детским местом, бабушка должна сама варить горшок и, сваривши, делить его на три части. Это называется *быртах күүс* («нечистый горшок»); некоторую часть его отливают в огонь, наливают также на траву. Горшок с остальной частью ставят у порога. А потом,

вынеся траву, старуха-повитуха съедает его мясо сама. Затем уже варит новый горшок (*айыыһыт атаарар күөс*).

Если ребенок не помер, то заячью шкуру, вывешенную перед камином, сохраняют и на будущее время, чтобы не помирали и будущие дети (когда же вырастают большие, то эту шкуру употребляют и на платье). Если же новорождённый умрёт, то вывешенную зайчину считают несчастной.

На третий день делают для новорождённого якутскую колыбель (*биһик*), круглую, долгую, из досечек, которую не качают с бока на бок, как русскую, а двигают, толкая ящик взад и вперёд. Младенца разворачивают из этой шкуры, в которую он был завернут при рождении, и заворачивают вместо неё новой заячьей же шкурой, а сверху шкуры — кобыльей кожей и завязывается в трёх местах ремешками. Ограждая колыбель от дьявола, в неё кладут коренья шиповника (*дэлэһин хатыыта*), приговаривая: «Пугаем мы этим, отстраняем от дьявола» (*Абааһыттан араардыбыт, манан куттаатыбыт*). Кроме того, чтобы отогнать дьявола, привязывают к зыбке медвежьи лапы; подле колыбели втыкают ножи, к дуге зыбки привязывают железные побрякушки и колокольчики.

Положивши ребёнка в зыбку, начинают гадать о его судьбе. Повитуха берёт кусок говядины из части новорождённого и ставит его на рожень, а сама приклоняется в зыбку и притворяется спящей; это делается днём. Разбудившись, она станет рассказывать, что во сне она была в доме новорождённого, видела много рогатого и конного скота и людей, которые следовали ему. Потом всем дают на счастье съесть по кусочку.

Если дети у родителей помирают, то для спасения их от дьявола их воруют. Это делается таким образом: ребёнка голого завертывают в лисью, заячью или кобылью шкуру и подают крадущим через окно или, чаще, через дыру в хотоне (*куллараан*), где входит собака. Крадут также через трубу или близ реки; в последних случаях ребёнок никоим образом не померёт (если человек перейдёт реку, то след его теряется и дьявол уже не может его разыскать). Укравшие ребёнка несут его в медном котле и идут взадпятаки, до тех пор, пока юрта родителей скроется из виду; иногда поперёк своего следа в юрте кладут полено. Вместо ребёнка оставляют у родителей собачку¹ или какое-нибудь маленькое животное, иногда уголь или гнилушку. Дьявол приходит и вместо дитяти

---

¹ В этом случае собачка становится безглазая или безногая и потом пропадает; ребенок же остается жив.

берёт положенную вещь, а чтобы он не заметил обмана, родители уже не называют своего сына по имени, а например, «куропашкой» или тому подобным названием. Иногда, укравши у матери новорожденного, оставляют ей в пазухе ребенка, сделанного из дерева и одетого в платье новорождённого. Этого деревянного ребёнка сперва баюкают и качают, а потом кладут в яму, т.е. хоронят.

Иногда вместо покражи старуха покупает детей, приносит грош и подает в окно, приговаривая: «Пришла я покупать умирающих детей. Пусть это дитя будет моё!». После этого она уже считается матерью ребёнка, хотя ребёнок и остаётся дома. Иногда родители даже не знают, кто украл ребенка, укравшие уводят также несколько хозяйских скотин для его пропитания. Только через год его приносят к родителям. Если родители и знают, где находится их дитя, то они избегают посещать его до истечения года. Иногда же украденное дитя воспитывается до 6 или 10 лет, не выдаваясь с родителями. Во сне видеть младенца — значит в тот день приедут родители, у которых помирают дети.

В продолжение одного или двух месяцев муж не «лежит» вместе с роженицей, в продолжение 40 дней он не вносит в свою юрту того платья, в котором ходит на промысел; роженице в это время не позволяют ходить в анбар. Если она курит трубку, то не должна сама брать такой священной вещи, как огонь; если же возьмет, то у ребенка будет золотуха, раны и сыпи. Сама повитуха в продолжение трёх дней не может топить огня, даже брать его лучиной без рукавиц. Если у одной женщины помирали дети или скот, то из её юрты нельзя брать огня. Женщина не берёт также платья от женщины, у которой помирают дети, а то детская болезнь пристанет (*обо олүүтэ сыстыаба*). Если у какой-нибудь женщины дети постоянно умирают, то велят особенную жертву: *ситии быһар*.

Двойни рождаются нередко, и тогда боятся воспитывать их в одном доме, думая, что они от этого помирают. И потому одного из близнецов (и именно родившегося прежде) отдают на воспитание в люди, а другого оставляют у себя.

У якутов есть тоже поверье, что иной человек рождается два или три раза. Будто бы некоторые дети, только что выучившись говорить, рассказывают, что прежде они были такими-то и такими-то людьми. Такой человек называется у якутов *киһи үөрэ*.

Если женщина долго не рождает, то, по рассказам некоторых, вешают Создательнице на летний восход солнца жертву-намылгу, которая состоит из заячьей шкуры, хвоста и крыльев кукушки, а также хвост и крылья какой-то пёстрой птицы, которую якуты называют *сарк кыыл*. А если этой птицы нет, то вообще пёстрого птичьего пуха.

Если во всё время своего замужества женщина не рождает детей, то из желания иметь потомство она прибегает к следующему средству: она отправляется одна в лес к *арык мас*, лиственнице, густо сросшейся кверху, что бывает редко. Под этим деревом стелют чисто белую кобылью шкуру с головой и лапами. На неё она ставит чорон с кумысом и затем, сидя на той же шкуре, говорит: «Госпожа, воспитавшая Хранительница, госпожа, создавшая Создательница, не дали мне дитяти в продолжение всего моего века. Дух моего места, дух моей растительности, у вас прошу я (дитяти). Дайте, спустите мне (дитятю) от духа вашей густо свившейся сверху лиственницы, (этого) устроенного дома, гнезда обитаемого духом местности, духом цветущей растительности. Завялая, высохла. Дух сросшейся сверху лиственницы! Создай и дай (мне) ребенка, назначенного (для того), чтобы завещать ему мой дом и огонь, чтобы похоронить мои кости, имеющие быть заветными» (*Ииппит иэйэхсит хатын, айбыт Айыыһыт хатын уйэлээх сааһым устатын туюохтары оҕо биэрбэтилэр. Аан дайдым иччитэ, ойуулаах от — мас иччитэ, эһигиттэн көрдөһөбүн. Аан дайды иччитэ, ойуулаах от — мас иччитэ дьылэммит дьыэтэ, уйаламмыт уйата, арык, иччигиттэн түһэрэн кулун! Хобдобурдум, куранхардым. Кэриэстээх буолар унуохпун көтөхтөрүөхпүн дьыэбин уоппун анаан биэриэхпин аналлах оҕото айан кулу, арык иччитэ!*). И при этих словах льёт кумыс в середину на основание дерева.

Если дух дерева (*арык иччитэ*) дает (дитятю), то дерево станет скрипеть и на конскую шкуру падает червь, женщина берёт его, проглатывает и от этого становится беременной. Дерево же это (*арык*) высыхает с одного раза. Дитя, зачавшееся таким образом, называется *арык оҕото*; все якуты уверены, что (по некоторым, даже до 15 лет) дитя не сидит спокойно, а покачивается во всё время, пока продолжается ветер. Осуждая людей, не сидящих спокойно, якуты всегда сравнивают их с *арык оҕото* (*арык оҕотугар дылы эгэһэһэ оһорор дуу?*). На Бытантае люди, происшедшие из *арык оҕото*, считаются недолговечными; они живут всего лет до тридцати.

В иных местах этот обряд совершается несколько иначе. Женщина, пришедши к *арык мас* втайне от всех, говорит: «На тебя я позарилась, к тебе почувствовала любовную похоть. Нуждаюсь я в детях, дай мне твоего ребенка. Покумимся!». Затем женщина засыпает под деревом. Когда она проснётся, червь падает ей в чорон кумыса, разведённого маслом. Она выпивает кумыс вместе с червём и, кроме того, брызжет дерево из хамыйаха кумысом. В некоторых местах на чисто белую конскую шкуру под деревом ставится не один чорон, а три. Женщина, пришедши к дереву, обходит его трижды и потом садится. С ней бывает шаман, читающий за неё молитву. Если дух арыка дает ей сына, то в кумыс падает белый червь, а если дочку, то зелёный. В иных местах женщина сама трясёт арык-дерево, и когда выпадает червь, то берёт его и съедает, приговаривая: «Будь у меня счастливое дитя, долговечное, бессмертное!» (*Дьоллоох оџо буол миэхэ, уһун үйэлээх, өлбөт саастаах!*). В Эгинцах женщина садится под *арык мас* в лучшей своей одежде и говорит: «Ты, кудрявое дерево, должно иметь детей. Я нуждаюсь в детях. Впитай в меня дитя!» (*Эн, арык, оџолоох буолуох тустакхын. Мин баарбын оџоџо баџалаах; миэхэ оџону инэр!*). Затем она берёт длинный сук (если возможно, берёзовый) с зелёными ветвями и ударяет им по ветвям арыка сверху вниз три раза. Затем женщина по три раза черпает из каждой принесенной посуды кумыса и пьёт.

Иногда бесплодные родители просят себе дитяти прямо от шамана. Для этого шаман шаманит и дьявольской силой улетает во время своей службы в отдалённые места, собирает создательниц и хранительниц и выпрашивает у духа земли ребёнка. И те дают ему, наконец, душу, имеющуюся родиться на земле. Шаман гонит эту душу к месту своего служения и погоняет её (талиной?), оттого у неё на какой-нибудь части тела остается рубец, примета. С тех пор как душа будущего человека принесена, мать становится беременной и родит потом дитятю с упомянутой приметой. Такое дитя называется *ойун аџалбыт оџото* («дитя, принесенное шаманом»).

Якуты указывают на многих современников как на родившихся вследствие подобной церемонии. Такие люди считаются чрезвычайно долговечными. Если такой человек принесен шаманом от *хара сылгылаах* («дьявола чернокобылых»), то он всегда радуется, когда слышит о смерти какого-нибудь человека.

Иногда шаман, шаманствуя для матери, у которой помирают дети, спускается в нижнее место, догоняет унесенную дьяволом душу новорождённого, возвращает её и прячет себе в ноздри; тогда дьявол уже не может унести душу дитяти, и оно не помирает. Если же сам шаман состарится и станет помирать, то он прикладывает к носу обе руки и выпускает эту душу, если это дитя уже выросло, то остаётся живым на свой век; если же оно ещё мало, то дьявол может его взять (т.е. оно может помереть).

Рождению мальчика якуты вообще радуются более, чем рождению девочки. Видеть во сне, что женщина надевает сережку или кольцо, или берёт ножницы, значит, родится девушка. Видеть во сне стрелу или огниво, топор или железо, лук или ружьё, значит, родится мальчик. Во сне видеть себя нагим, значит, на третий день непременно должен родиться ребёнок.

Сознавая, что будущность ребёнка много зависит от поведения матери во время беременности, якуты заботятся о ней ещё со времени беременности, но по незнанию самых основных правил гигиены они ограничиваются лишь соблюдением одних суеверных обычаев. Так, они считают, что если беременная женщина сошьёт себе новые торбаса и в старые положит новые стельки, то дети родятся плешивые. Беременная не должна есть налимью голову, иначе ребёнок будет слюнявый. Она не должна есть печень тайменя: ребёнок будет с пятнами на коже. Щуку не едят по той же причине. Бедные якутки кормят грудью своих детей года по два и даже по три, богатые — по несколько недель, а затем коровьим молоком.

Бедная мать очень прилежно кормит грудью новорождённого младенца, потому малые дети бывают полны, но когда подымутся на ноги, то начинают худеть вследствие недостатка пищи. Мать считает грехом брать избыточного младенца затылком к своему лицу.

Ребёнку, который ещё хорошенько не говорит, не дают есть яиц какой бы ни было птицы, а то будет заика или вообще не скоро выучится говорить. Не дают также сырого мяса, а то нескоро выучится говорить. Молока коровы, отелившейся в первый раз, детям не дают шесть дней (после родов), от стародойки — в продолжение двух дней (после родов), иначе ребёнок будет заика. Дети не едят коротких коровьих рёбер (*тулаайах ойоѳоһо*), а то сиротами будут; им нельзя есть наружную часть голени, а то они не будут знать примет по телу (см. гл. XVI), толстую

кишку: будут недальновидны. Нельзя есть желудок (коровий и конский), тоже будешь недальновидным. Дети не обглаживают лицевых скотских частей, а то будут бесстыжими. Они не едят верхний кончик языка, иначе будут бранчливыми. Жир между копытами не едят, а то глаза испортятся. Нельзя есть лицевую жилу конного и рогатого скота (*сырай тымыра*), а то лицо будет тянуть. Нос или мясо около глаз детям не дают есть, а то будут сопливые. Жилку наружной стороны голени детям не дают, а то будут несчастны (важные люди тоже не едят). Маленький отдельный мясной кусочек (*тулаайаҕа* — «желчный пузырь?») у печени детям не дают, едят только рабочие. Дети не должны есть (коровью и кобылью) селезёнку, а если съест, то когда вырастет и пойдет на сохатого или на медведя, то в животе у него сделается давление и он не попадет выстрелом, а у девицы при родах потянет селезёнку. Лен¹ тоже дети не едят, а то будет лен стягивать. Птичье и заячье сердце ребятам не дают: они будут пугливы. Птичье сердце также не дают детям, а то они будут трусы. Детей берегут также от глаза, особенно зловредным считается глаз рыжего человека (последнее суеверие разделяется и некоторыми русскими). Если сквозь окно проскальзывает пучок солнечных лучей, и дети играют, подставляют под него руки, платье, то родители запрещают это; от этого дети будут мочиться ночью на постели.

Если взрослый серьезный человек станет ласкать дитя, то якуты говорят о нём, что он чадолюбив, как медведь (*эһэбэ дили оҕомсох*). А если взрослый говорит глупости, то ему возражают: «Э, старик. До сих пор ты, как новорожденный ребенок с незаросшим теменем, с незажившим пупом! Точно малое дитя, пролившее свое молоко» (*Үүтүн тохпун ньирэй оҕоҕо дили*).

Мальчиков с 7, 8, 9 лет обучают ходить за телятами, пригонять их во время, также раскладывать курево для защиты от комаров оленей, лошадей, рогатого скота, зимой выгонять телят на водопой, втаскивать в юрту дрова для топки и т. д.

В это время домовый (*дьиэ абааһыта*), живущий преимущественно на старых пепелищах, играет с якутёнками в виде ребёнка лет 10; он иногда уводит детей в лес, играя, позволяет им садиться к себе на спину, но под страхом смерти запрещает им рассказывать о себе родителям. Если на каком-нибудь якутёнке надет крест, то этого мальчика он отгоняет

---

¹ Лен — то же, что «становая жила», старое название позвоночного столба. — прим. OCR.

прочь или просто скажет: «Не кажи мне креста». Дети часто рассказывают, будто они видели этого домового: лицо у него красное, волосы рыжие, глаза голубые. Домовой считается скромным и безвредным для скота и для людей. Впрочем, некоторые слышат, как домовый ночью лижет невымытую посуду, а в некоторых местах ему льют за печку пищи и причитают молитвы.

Уже с десяти лет они начинают собирать рогатого скота. Отец сажит сына сзади себя на лошадь верхом (*мэнэсти*), а девушки с этого времени начинают обучаться езде на быках. Детей же моложе десяти лет при переездах возят в особых ящиках, которые, подобно перемётным сумам, кладут на вьючную лошадь. Ящик делается настолько глубокий, чтоб дитя не выпадало.¹

С 13–14 лет учат собирать кобыл и рогатого скота. Промыслам начинают учить с 12–16 лет, смотря по желанию детей и бесконечному разнообразию жизненных обстоятельств. Сперва куропашек, уток, петушков плёнками, потом зайцев петлями; потом учат стрелять из лука или ружья белок, лисиц, диких оленей. Взрослые начинают промыслять медведя. Подрастая, молодые парни особенно ухаживают за скотом, стараясь увеличить его численность, чтобы впоследствии приобрести за него невесту получше.

Случается, что отцы бьют взрослых сыновей; в этом случае они не только не дают сдачи, но даже не обороняются. Самая решительная мера — убежать куда-нибудь на время. Хотя отцовская власть в большом почете у всех якутов, но богатые отцы редко бьют взрослых сыновей и, видя их непокорность, спешат женить, дают часть наследства и говорят: «Ну живи теперь своим умом».

Неженатый человек не должен есть яиц, снесенных птицей где-нибудь вне гнезда: подобно тому как скоро сгнивает одно брошенное яичко, так и его век будет столь же скоротечен (такое яйцо едят только люди, убившие медведя, могильщики да старухи). Хвостца нельзя есть детям: под мужчиной конь будет шалить, уронит его и переломит ему самому хвостец, а девочка, сделавшись женщиной, при родах сама заболит хвостцом. Дети не едят щёк, которые шероховаты изнутри, иначе

---

¹ В одной сказке герой за пять ночей становится ребёнком пяти лет, «ребёнком, сающимся верхом на лошадь». В другой сказке сын жалуется на родителей: «Меня, своего дитя, они не нянчили, как другие родители нянчат своих детей. Не оказывали мне почтения, подобно тому как родители почитают рожденного ими. Они ни разу не кормили меня своим тёплым горшком, ни разу не клали спать в своей тёплой пазухе, ни разу не разговаривали со мной ласковым словом» («*Күөнчэ Бөгө*»).

мальчик женится на девице с шероховатыми щеками, а девочка выйдет за такого же мужа (то же поверье относительно основания языка). Дети не едят жилу из-под коленчатой косточки (*кыһыаччыта*), а то мальчика будут впоследствии угнетать родные, а девушку свёкор, свекровь и муж.

Если рожень подгорит, сломается и упадет, то мясо, бывшее на этом рожне, детям не дают: иначе, когда мальчик впоследствии станет мужчиной и выйдет на медведя, то у него сломается нож (*таймы*), а у девочки сломаются колья, когда она, опираясь на них, будет рожать.

Нельзя давать детям прикип к котлу; иначе, когда мальчик возмужает и поедет высватывать невесту, то будет худая погода, а девочка, когда приедет к свёкру и свекрови и придется ей долго стоять на дворе, то тоже погода будет худая. Дети не едят большой жилы у копыта (*тар-дар ингиир* — «тянущая жила»), а если мальчик съест, то впоследствии, когда он приедет к тестю и тёще и станет им кланяться, у него потянет ту же самую жилу, и он не сможет поклониться. Дети не едят также коленный жир, а иначе, когда впоследствии у мальчика будет свадебное пиршество (*уруу*) и он должен будет поклониться тестю, стоя на коленях, то в то время у него на коленях выйдет чирей; у девушки же чирей будет тогда, когда при родах ей придется ставать на колени. Детям не дают также мяса, которое было прилеплено внутри печки, а то, когда девочка станет невестой и поедет от отца к мужу, у ней ознобится лицо, а у мальчика, когда он поедет смотреть невесту. Лен девочка не ест потому, что когда она выйдет замуж, приедет к мужу и будет кланяться свёкру и свекрови, то у ней в то время потянет лен. Девочки и рождающие женщины не должны есть мясо скотины, умершей от мучительных родов, а то роды будут мучительные. Девочки не должны есть птичьи яички, снесенные как бы без скорлупы, а то сами будут мучиться родами.

Девушек учат шить и варить по-якутски горшок. С 13 и 14 лет они доят, дрова рубят; с 15 и 16 косят сено. Девушки не едят ушей: любовники обнаружатся. Девушка не должна мести пол с отдыхом, а то муж будет колотить с отдыхом. «Не ешь остатки мяса на рожне, не то за безродного выйдешь» (*Үтэһэ төрдүн сиэмэ, төрдө суох киһиэхэ барыан*) (если мужчина, то женится на безродной). Если девица худо чистит ледяное окно, худо метёт, худо обгладывает кости, то выйдет за человека с «худым лицом». Если будет чесать волосы вечером, то выйдет за чело-

века, кругом задолжавшего. «Шейную кость не ешь, за пастуха выйдешь!» (*Моой унуобун, сиэмэ, маньыһыкка барыан*). «Грех давать нитки счётом: муж будет давать куски счётом». Девушки и молодые женщины не едят поясничную кость: роды будут трудные. Девушке сидеть на пороге — не выйдет за богатого. Если девица видит во сне, что она поехала верхом, значит, скоро выйдет замуж (если юноша видит во сне, что он садится на лошадь — к свадьбе).

Девушка иногда ворожит, в какую сторону она выйдет замуж. Для этого она берёт уголек с пеплом, положит его на ноготь и говорит: «Направься ты в ту сторону, куда мне замуж выйти; если умру я, взлети кверху, а если не выйду замуж, крутись туда и сюда» (*Хайа диэки барсабын, онно кэт; өлүөм буоллар өрө кэт, эргэ барыам суоҕа буоллар онно — манна бурулун*). Выходит в безветреную тихую погоду и пускает пепел на воздух. Или же на горячий уголь гадающая кладет свои остриженные ногти и гадает по тому, в какую сторону направится дым.

На святках девушки кладут на полу в юрте каждая по позвонку коровьего хвостца; если собака придёт и съест чей-нибудь кусок прежде других, то девушка, положившая этот кусок, должна выйти замуж прежде остальных.

Девушки и молодые якутки, особенно богатые, мало говорят, даже не поют, а заставляют петь более бедных и не столь застенчивых якуток. Девушка и молодая женщина почти не говорит с малознакомым мужчиною, но тем не менее даже при первом свидании всякий повеса может склонить её себе даже простым миганием или двумя-тремя словами, которые она не столько слышит, сколько угадывает, и отправляется в лес на свидание... Впрочем, некоторые считают большим грехом любодеяние под открытым небом: «От этого вся земля огнём горит!».

Родители нередко отдают дочерей замуж против их воли; в таком случае они отказываются в церкви. Если же дочь сбежит к жениху против родительской воли, то это считается позором. В таком случае её постоянно этим попрекают: «Я не из таких, я не убежала ногами» и пр.

Вышедши замуж, женщина считается купленной. Богачи предпочитают покупать красавиц. Некоторые якуты ищут богатых невест, чтобы самим оборотиться, или же берут бедную, чтобы платить меньше калыму.

Так как иногда невест покупают с детских пор и потом свадьба устраивается до венца, то в этом случае потеря невинности не становится невесте в упрёк; если же она лишилась девственности, не имевши жениха, то это считается великим позором. В случае незаконной беременности родители стараются отыскать виновника и заставляют его или жениться, или же содержать роженицу во время болезни и выкормить ребенка до 7 лет. Случается, что за неоткрытием виновника посторонний признает ребёнка своим сыном и женится на девушке, конечно, с её согласия. Если же незаконнорождённый вырос большой, а девушка потом выйдет замуж, то сын её остаётся у родителей (т.е. у дедушки или бабушки). <...>.

Х. НОВОСЕЛЬЕ

Мы видели, как малочисленно население Верхоянского округа, потому понятно, что для обозначения многочисленности якуты употребляют выражение: «(Так много), что человеку встречается незнакомый человек и скотине — незнакомая скотина». Естественно, что якуты здешнего округа не живут деревнями, а отдельными юртами. Почти все якутские местечки состоят из одной юрты и очень редко из двух. Здешние якуты считают Верхоянск необыкновенно большим «городом», потому что в нём всё-таки около сорока строений. Но, за исключением Верхоянска, они не представляют себе возможности другого города с таким же множеством домов, а слышавшие об обширности Петербурга рассказывают другим, что «Петербург — очень большая юрта».

Якутские юрты никогда не имеют входа с западной стороны и даже редко имеют на запад окна; всё это вследствие убеждения якутов, что правда и свет всегда происходят с востока и отгоняют дьявола, живущего на западе. Вход в хлев (хотон) у бедных через юрту, а у богатых он хотя и отдельный, но тоже всегда с восточной или северной стороны и никак не с западной.

Вообще богатые якуты ставят юрты о восьми или шести внутренних столбах, а бедные о четырёх. Настилают стены несколько в наклонном положении, богатые тёсаными и подструганными плахами, а бедные делают стены просто бревенчатые, подчищенные кое-где с внутренней стороны; снаружи же бревна остаются с корой, чтобы лучше удерживалась замазка из глины, смешанной с конским калом. Внутри

юрты полов почти никогда не бывает. Нары или кровати устраиваются по стенам юрты и разделяются перегородками, достигающими половины всей высоты юрты. В больших юртах по каждой стене дома бывает по две или по три нары, а у бедных в малых юртах по одной и без перегородки. Названия и расположение кроватей и окон см. Прибавление II, словарь, слова: *дьиэ* («дом»), *түннүк* («окно»).^А У богатых юрты внутри имеют иногда до 25 квадратных сажень (редко); у бедных же эти размеры сокращаются даже до одной квадратной сажени, так только, чтобы поместиться хозяину с хозяйкой и ещё кому-нибудь. Высота больших юрт посередине (потолок стелется на матицах в три ряда, причём средняя часть на 1½ аршина выше боковых) достигает до двух сажень, а в малых юртах у бедных и малорослому приходится нагибаться, последние юрты имеют всего одно окошечко (с южной стороны). Зимой, как мы говорили, в окна вставляют льдины, а летом волосяные рамы, которые очень прочны и светлы, но, разумеется, свободно пропускают холодный воздух.

Якутский камин протапливается целый день, даже на ночь трубу не закрывают, чтобы не задохнуться, и несколько раз топят даже ночью, особенно если хозяева не имеют сносного ночного платья. Снаружи над дверьми юрты делают на столбах навес для защиты от непогоды. Самые двери бывают небольшие досчатые, «лежащие» в наклонной стене. Зимой у богатых двери обиваются шкурой скотины шерстью вверх; у бедных просто накрываются кожей; летом дверь привязывается ремнями, а зимою верхний треугольник двери примораживают к колодам глиной, смешанной с калом, так что входящий отодвигает только нижний треугольник двери, которая затем захлопывается уже сама собой. Состоятельные якуты обмазывают такую глиною и наружные стороны стен, которые до окон поддерживают завалинами (у богатых из тёсаных плах, а у бедных бревенчатыми), насыпанными доверху землёю.

Хотоны (или зимние хлева для скота) строятся из круглых брёвен и почти всегда на северной стороне юрты, с полом из круглого тонкого леса, настланного на балках; около стен делаются ясли, особые для телят и для коров. Обширность хотона зависит от состоятельности хозяина, так что он устраивается для помещения от 5 до 80 коров. Бедные же, имея всего одну или две коровы, не строят хотонов и помещают коров в юрте у входа за камельком. Для выметания из хотона конского^Б

кала устраивается окно, или, лучше сказать, дыра под самым полом, которая и закрывается замороженной глыбой кала со снегом. Кал выгребают по утрам, выпустивши скот на улицу. Но так как у якутов среднего состояния вход в хотон делается через юрту, то и в самой юрте вонь бывает невыносимая. Летом скот ночует на открытом месте, а во время выдоя его загоняют в отдельно устроенные летние хотоны (*сайынны хотон*) без обмазки. Около юрты делают два или три сеновала на северной или восточной стороне юрты; одну огорожу для рогатого скота, другую для конного и третью для лошадей проезжих. У богатых бывает по два или по три небольших анбара, обращённых дверями на юг или на восток; двери вообще бывают узки и низки так, что в них едва можно пролезать. В некоторых анбарах бывают и погреба. У бедных анбаров не бывает; они вырывают в земле яму глубиной на аршин и более и вместо дверей заставляют её бревёшками: там они содержат свои припасы (*онурчах* или *хоспох*). Кроме всего этого, перед домом становится несколько коновязей, столбов для привязывания лошадей; они иногда становятся рядом, одной, двумя или тремя линиями, причем столбы ближайшие к дому бывают толще и выше. Они предназначаются для богатых и почётных приезжих; тонкие и мелкие — для бедных.¹

---

¹ В якутских сказках дом сказочных героев описывается такими чертами: «Имел он тридцатигранный сквозной серебряный дом, светящийся из-за девяти дневных переходов девятиклыкастого (т.е. медведя, волка и т.п.) самца в зрелом возрасте, обмазанный в три ряда серебром. Когда Алып Туйгун повернулся и посмотрел внутри дома, внутренние столбы (поддерживающие потолок юрты) были из богатого дерева, стены — из многого дерева, матица — из хорошего дерева, потолок — из многого дерева. Его почтенная широкая печка была подобна тому, как бы госпожа барыня, надевши нараспашку доху из жеребьячей шкуры и смотря к западу, влетела (в юрту) и встала, не застегнувшись. Его широкий почтенный шесток был подобен ничком положенному туловищу (без ног и головы) девятиравного вполне развившегося телом жеребца. Ниже его серебряный пол был подобен коже трехгодовалого сохатого, растянутой по первому (осеннему) озёрному льду, замороженной и выскобленной. Его серебряный стол был подобен разостланному и мелко исписанному листу бумаги русского человека. Выше было серебряное блюдо, подобное трехравному сохатому с отрубленной головой и ногами, растянутому горизонтально. Были золотые ложки, подобно обделанной затылочной кости умной лисицы, золотые вилки, подобно выскобленной язычной кости стерха самки, сковорода из серебра под чернью, подобно внутренней перепонке шеститравного жеребца, когда её держат растянутою горизонтально. По сю сторону был у него *хаппахчы* (чуланчик) с побрякушками, подобно стоя играющим головою и ногами восьми белым жеребёнкам, привязанным за голову к ремню, золотые кройма кровати, подобно чисто белой жирной кобыле с притянутой набок головою. Кровать его была узорчата, постель шахматно полосатая, одеяло шашечное, подушки дорогие. Когда встал он, посмотрел на левую сторону: была у него полка-прибаутница, насмешливый югях, а далее прибаутник — скотский хлев. Когда посмотрел он на восточную сторону: была почтенная тяжёлая дверь, наколоченная-сделанная семью пожилыми старухами-женщинами из восьми медвежьих самцовых шкур. Ниже был большой почтенный порог, подобно растянутому ничком шеститравному табунному быку с отрубленными головой и ногами. Далее — серебряные сени, подобно прибежавшей в запуски лошади со светлыми напниками (лошади), на которой ездят лишь верхом и для веселья; были серебряные двери, со стуком отворяемые восьмью юношами, далее было толстое прясло, со стуком отодвигаемое девятью юношами. Гладкосеребряное надворье, (столь гладкое), что на нём девятигодовалый конь не может удержаться на ногах, подобно лошади с весёлыми напниками (употребляется для верховых увеселительных

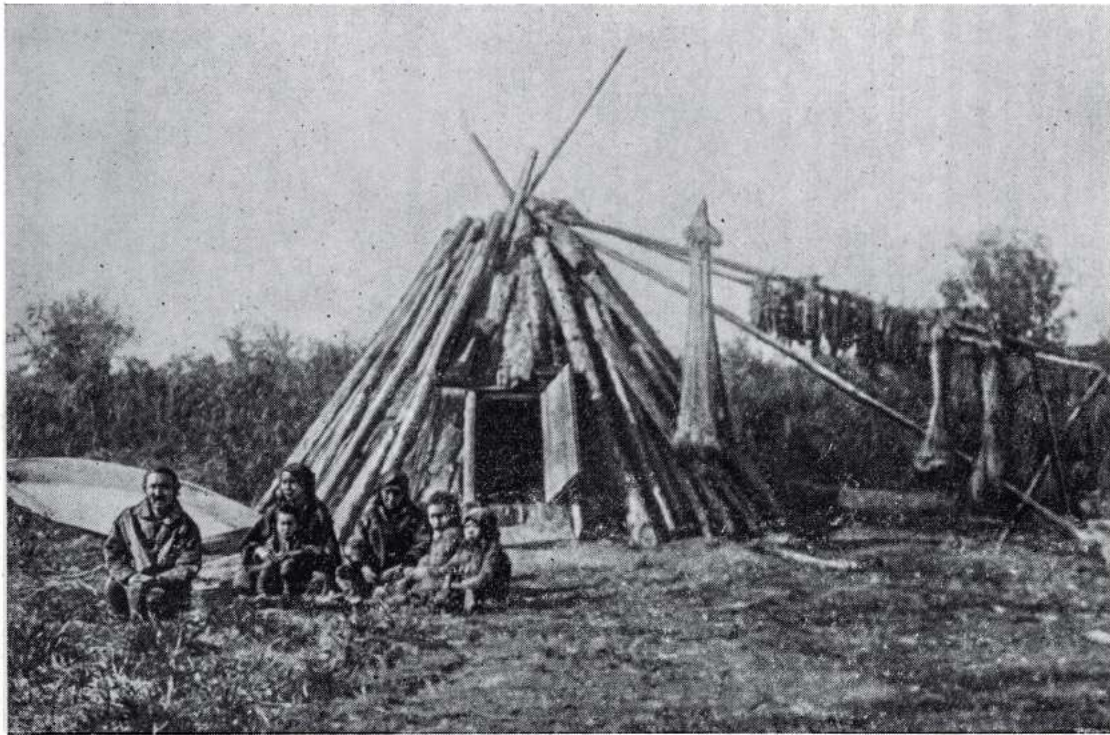
Близ дорожных поварен коновязей не становятся, потому что приезжие немедленно срубают их на дрова; да и вообще якуты избегают ночевать в поварнях: так как в них просыхающее дерево постоянно трещит, то якуты уверены, что поварни населены чертями, что по усть-янскому тракту есть одна поварня (*Таас анна* — «горное ущелье»), в которой будто бы никто из якутов не ночует. Ночевал как-то раз тунгус, да и тот помер. И когда его увидали, так вся кожа была исцарапана когтями (разумеется, и не звериными, дьявольскими)!.. По зашиверскому тракту самыми страшными поварнями считаются Убиенная и Байхал.

Якуты всегда имеют летние и зимние юрты. Зимние они всегда строят у своих покосов, близ озера или реки, т.е. водопоя, кроме того, на северной или на западной стороне открытого поля, близ лесу для защиты от холодного северного ветра. Летние юрты бывают такой же формы, как и зимние, но меньше размером, без хотонов и глиной обмазываются тонко; они строятся тоже близ воды, но на сухих местах и против юга, чтобы скотская мокрота на дворе скорее осушивалась. Сверх этих построек, в Якутском округе строят ещё конусообразные летние деревянные урасы, которых в Верхоянском округе нет, а бывают только изредка земляные урасы (*буор ураһа*).

Подыскавши подходящее для постройки юрты место, хозяин или шаман ложится на нём ночевать, и приступают к постройке только в том случае, если во время этой ночевки пригрезится сон с хорошим предвещанием. В случае дурного сна шаманы в старину вбивали на этом месте кол и запрещали строиться не только предполагавшим тут поселиться, но всем будущим поколениям. Выбирая место для юрты, шаманы иногда ворожат также, бросая поварёшкой: если она несколько раз опрокинется навзничь, то избранное место бросается, если же поварёшка «сядет», то строятся охотно.

поездок), вскачь прискакавшей за дневной переезд. Гладкий серебряный снежный мусор, на котором скользит ногами восьмигодовалый конь. Было девять отборных господ коновязей, подобно девяти господам в дохах из волчины, говорящим по-человечески, молвящим по-якутски. Два столба с колышками, подобно двум девицам, держащим двух стерхов навзничь за обе ноги и заставляющим их дрыгать (ногами). Был высокий лабаз, подобно восьми четырёхгодовалым сохатым, стоящим и нюхающим. Когда посмотрел он в сторону, было девять пустых пней, подобно девяти беловатым волкам, стоящим, воя и смотря кверху на небо» («Алып Туйгун»). См. также начало сказки «*Хаан Дьаргыстай*».^{[B](#)}

Якутская юрта.

Из фондов Музея Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

При постройке новой юрты якуты обращают особенное внимание на постройку камелька. Эти камельки делаются деревянные, обмазанные снаружи глиной. Когда новый камелёк поставлен, но ещё не замазан, в него посередине кладут голову, сердце и лёгкие зайца, приговаривая: «Надень навыворот заячью доху, надень навыворот заячьи штаны, надень ты навыворот твою заячью обувь, твои заячьи рукавицы, твою заячью шапку, твой заячий ошейник!» (*Куобах сангыяххын тиэрэ кэт, куобах сыальльабын, тиэрэ кэт, куобах этэрбэскин тиэрэ кэт, куобах үтүлүккүн тиэрэ кэт, куобах бэргэхэбин тиэрэ кэт, куобах моойторуккун тиэрэ кэт!*). Затем заячье сердце, голова и лёгкие замазываются в шестке глиной и там остаются навеки. Некоторые молодые якуты, оставляющие уже старину, объясняют, что это делается для того, чтобы труба не дымила.

Иные вместо заячьего сердца и потрохов кладут внутренности телёнка; при этом хозяин говорит: «Священный огонь мой дедушка! Лежи ты в продолжение девяти веков, кушая (эту) послушную (т.е. даваемую без замедления) твою взятку, готовое даяние!» (*Бэлэмнээх бэригин, ыллам ылымнын, аал уот эһэм, тобус үйэ токхары аһыы-сии сым!*). Иные же приговаривают: «Да даст нам наш дедушка хорошее житьё, да сделает, чтобы не было дьяволов!» (*Эһэбит учугайдык олортун, абааһыны суох гыннын*). В первый раз разводят в камине огонь не иначе, как наперёд положивши в огонь масла или жиру.

По убеждению якутов, каждый дом населен домовым (*дьиэ абааһыта*). Всякий треск в доме приписывается этому дьяволу, даже если треснет икона. Впрочем, домовому (дьяволу), сколько мне известно, не делают никаких жертв.

Переходя на новоселье, никто из новоселов не должен ни ссориться, ни браниться для того, чтобы дом был всегда мирным.

На Моме при переходе в новую юрту богатые якуты убивают большую скотину (кобылу или корову) и, как только перережут горло, берут и брызгают теплою кровью печь, приговаривая: «Благополучно, счастливо стой наш дом, дай нам хорошо жить!» (*Үчүгэйдик дьоллоохтук тур бу дьиэбит, үчүгэйдик олорт биһигини!*). Потом в камельке разводят огонь, отрезают по маленькому кусочку от всех частей тела убитой скотины и кладут их в самую середину огня. Затем берут белой ссоры, сметаны или масла и брызжут сперва во внутренность камелька, потом в самый огонь, приговаривая: «Священный наш огонь, ешь-кушай!» (*Аал уоппут, аһаа-сиэ!*). Затем брызжут камелёк снаружи, четыре столба юрты и матицу.

В других местах хозяин, выстроивши новый дом, обращается к огню и говорит: «Милостивый господь бог, заставь плакать (т.е. жить) твоих младенцев, возрасти годовалых детей, сделай табунами „нарыльничьих“ (телят), размножь обрутных (жеребят), призрей жирных! Милостивый господь бог, отец мой, я приготовил по назначению обзаведение моего священного огня, моего новосёлого дома, обзаведение потного хотона, обзаведение загона, пахнущего мочою. Создавшая моя Создательница, воспитавшая моя Хранительница, помилуй! Не дай отнять нечистым, не отодвигай твое толстое прясло, не отстраняй твою толстую дверь! Воспитавшая моя Хранительница, создавшая Создательница, дух цветущей растительности, младший сын беломолочного Белого господя бога с седалищем¹ из молочного озера, девять лет лежавший ослабленным с неудержанием мочи, Дабан Дархан, Кыра Бырдыа, Манкы Батас, Кындыс Кымныы, Хакхай Саныях, Бэдэр Бэргэсэ, Байба Дьылбэх дедушка мой Священный огонь! Стой ты на среднем месте (земле), защищай от девяти духов-привидений с лицами, закрытыми похоронным платком (от покойников)! Жалей ты нас (при нападении) дьявола, не дай во власть нечистых! Приготовил я дом, желая пожить оседлостью,

---

¹ Здесь и далее в тексте автор употребляет слово «седалище» в значении «местожительство, местопребывание» или «место для сидения». – прим. OCR.

народить детей, выкормить скота, жить в избытке и богатстве во весь свой век! Святой господь мой отец, спускай на мой дом светлое твоё дыхание!» (*Аал уотум тэрилэ, киирэр дьизм тэрилэ абраллаах Айыы Тойон аҕам анаабыта, ньирэйгин ньиркирэт, балчыргын барҕат, үрүөлээххин үөрдээ, көгөннөөххүн көлчут, хаһаалааххын харыһый; холонсолоох хотонум тэрилэ, дьаардаах тиэргэним тэрилэ абраллаах Айыы Тойон аҕам анаабытынан онгоһуннум. Айбыт Айыыһытым, ииппит эйиэхситим, абраа! Былаҕайга былъяатыма, дэлэгэйгэ диэлитимэ, суон сүлъялүгэскин төлөрүтүмэ, халын халганһын халбарытыма. Ииппит эйиэхситтэrim, айбыт Айыыһыттарым, ойуулаах от-мас иччитэ, үүт таас бэйэлээх, үүт күөл олохтоох үрүг Айыы тойон аҕам ылгын уола тоҕус сылы мэлъяи сидьин-босхон буолан сыппыт Күөрэ Дабаан Дархан, Кыыра Бырдыа, Манкы Батас, Кындыс Кымньыы, Хакхай Санһыах, Бэдэр Бэргэһэ, Байба Дылбэх, Аал уот эһэм! Орто дайдыга тоҕус тордуулаах сырайдаах кудук үөрдэр иччилэриттэн көмүскүү аһына тур. Адьарайтан аһын, былаҕайга былъяатыма, дэлэгэйгэ диэлитимэ. Үйэлээх сааһым токхары баай байаммын, тот тотоммун, сүөһү ииттэммин, оҕо төрөтөммүн, киһи олоҕун олороммун, олордорбун диэммин оноһуннум. Айыы тойон аҕам сырдык тыынһын түһэр мин дьизм туспатыгар!»).*

Иные в день новоселья берут хамыйахом (ложкой) ссору от такой новотёлой коровы, которая отелилась в первый раз, сначала этой ссорой брызжут быка, чтобы быть богатыми; потом брызжут как потолок, так и стены дома. Все стены, не исключая и западной, брызгают стоя лицом к востоку; при этом хозяин приговаривает: «Будь мой дом сытым» или «Стой ты, блестя и выступая топлёным и якутским маслом» (*Арыынан-хайагынан бычыгырыы-ньаргарыйа тур*) (Верхоянский улус). Якуты почти никогда не моют своих домов и потому признаки брызганья остаются на стенах долго, если не навсегда.

Некоторые под все столбы (багана) новой юрты кладут по копейке, а щели наверху между столбом и потолком замазывают маслом. Также под главную коновязь¹ (*бастыыкы* — «южный столб») в яму кладут на

---

¹ Якутские сказки с уважением говорят о «господине» коновязи (*тоҕус устаах томторболоох тойон сэргэ*). Нижняя коновязь Улусханнах Улу господина кричит по-львиному. У другого героя во внутренности двора было девять господ коновязей: первая была с птицей большой породы (*бар кыыллаах*), средняя с орлом, последняя с кукушкой (*Оҕонньордоох эмээхсин*). Так как эти птицы были священными, то надо думать, что коновязи в старину делались с идолами (богами).

У одного сказочного героя на дворе было три господина коновязи, подобно трём улусным головам, которые, толкуя, что «у этого царя такой закон», «у такого царя такой закон», поспорятся в словах и расходятся по-

Моме конскую гриву, в других местах наливают простокваши или масла; богатые кладут серебряную или медную деньгу и, становя столб, приговаривают: «Пусть останавливаются у тебя лучшие господа, пусть стоят у тебя лучшие табунные жеребцы». Другие, становя главную коновязь, наговаривают: «Отец мой, белый господь! Когда в начале веков Белый господь бог спускал на трёх якутов белую душу, то спустил он главную трость. По этому-то примеру и я проткнул (коновязью)! (*Ол куолутунан астым*)».

На святках вечером, когда люди лягут спать, якуты надевают себе на головы красномедный котёл и выходят к главной коновязи. И, вышедши, станут, обнявши коновязь, и скажут: «Господин коновязь, рассказывай и предвещай!» (*Сэргэ тойон, кэпсиэ!*). И стоят так часа два, потом приедет на семи стерхах (нечистая сила) и спустится на макушку человека, и станет стучать в котёл: доб, доб, доб!.. И скажет тут (нечистая сила), кто из домашних когда умрет, кто разбогатеет, кто обеднеет... И в тот же год исполняются эти слова. Если кому в этом доме помереть, то слышно будет оханье; если умереть кому-нибудь из другого места, то стон; если из этого дома выдадут девицу, то услышат топот коней свадебного поезда и т.п.

Только взрослые люди решаются выходить таким образом, маленькие не выходят. Да и взрослые выходят не иначе, как в одиночку или вдвоем, а если выйдут три человека или вообще нечётное число, то (нечистая сила) съедает. Если же вышедший к коновязи ничего не услышит, то, значит, весь свой век он будет счастливым человеком, которого не постигнет никакая беда.

Также ночью, когда люди лягут спать, сеют у коновязи снег и никому не позволяют по нему ходить. Если насыпает счастливая девушка, то наутро на этом снеге будет след верхового человека (замужество), а если юноша, то будет след хороших женских торбасов (женитьба).

При передаче калыма на второй день якуты привязывают к коновязям только лошадей, по одной лошади на каждую коновязь; калымных кобыл, если нет лишних коновязей, привязывают к дереву; если же есть коновязь, то всех кобыл привязывают к одной коновязи (*сулуубиэ*);

том на три стороны (первый столб был золочёный, средний с чёрным серебром, последний просто серебряный). Если кому добра пожелают эти столбы, то благословляют за три переезда, говоря: «Пусть имеет три человеческих века». Если же худого пожелают, то проклинают за девять переездов, говоря: «Сохните, стойте вы, обнявши сухое дерево!» («Бэрт Хара»).

остальных кобыл, назначенных на свадебное угощение (*курум*), привязывают к ножке лабаза (остальную роль коновязи в свадебных церемониях см. гл. VIII).

При перенесении старой юрты на новое место матица и столбы остаются те же самые; скоротить их или изменить размеры дома — грех. В таком случае лучше уж поставить совсем новый дом. На Моме при перенесении юрты богатые якуты повторяют ту же церемонию, как и при поселении в совершенно новую юрту. В Эгинском наслеге несколько лет тому назад поступали так. При наступлении дня переноски старого дома на новое место хозяева убивали какую-нибудь скотину, сердце и лёгкое этой скотины сожигали в печи, а самую печь обрызгивали кровью животного. Потом два ловких, решительных молодца всходили на крышу или, что то же, на потолок юрты к трубе (*чуоратыгар тахсан*) и вдруг начинали ломать. Тогда хозяин, стоя внутри юрты, говаривал: «Бай!» («Что это?»). «Что это делают с печью?» (*Бай! Бу оһоһу хайаатылар бу?*). А разламывающие печь отвечают: «Мы хотели поправить, да невзначай сломали!» (*Оһоробут диэн альльаттыбыт!*). Тогда хозяин говорит: «Эдакая жалость! Вы, дураки, играя-шляясь, печь сломали! Теперь, расстроивши, уж разве снова поставим?» (*Хаарыан оһоһун! Бу мэниктэр ойньуу сыльһан альльатан кэбистэкхит. Арай көтүрэммит сангатык тутуохпунт буоллаҕа?*).

Во сне огораживать дом богатого якута — к должности. Видеть во сне новый дом — к смерти. Во сне новый погреб копают — к смерти. Увидать развалившимся дом или печь — к смерти хозяйки дома.

В предыдущей главе мы уже упомянули о домовом (*дьиэ абааһыта*). В 3-м Юсальском наслеге его считают опасным, тем более что его никак нельзя уничтожить, а он же, рассердившись, пугает и даже умерщвляет и людей, и скот. Чудится тоже перед смертью. Поэтому, чтобы задобрить домового, хозяева льют ему за печку какой бы то ни было пищи и приговаривают: «Друг наш постоялец-соседка! Не думай грешного нашим родимым детям, не делай зла нашему воспитываемому скоту. Живи, делая длинное богатство, длинную благодать. (Если) злоумышленные, проклинаящие (других) люди придут и сделают зло нашему воспитываемому конному скоту, родимым детям, нашему богатству и счастью, то спасай ты от них, постоялец наш соседка! (*Маныы-быыһы олор, Сөдүөкэ дьукааккыбыт!*)».

Вследствие продолжительности здешней зимы, вследствие малочисленности строений, вследствие того, что юрты обмазываются снаружи глиной, а внутри не имеют полов, пожары в юртах очень редки; в случае пожара маленький домовый сгорает вместе с домом, но большой суседка не только не сгорает, но ещё и сам тушит пожар (а чем, это неизвестно).

Если разрушат старый дом и построят новый, то домовый, нисколько не сердясь, переходит в новый. Он гневается только в том случае, если по неосторожности сломают камин (камин в покинутых домах оставляется неприкосновенным; если же его и ломают, то не иначе, как с извинением, приведённым выше). Иногда, впрочем, старый суседка причиняет зло в новом доме. Вот кому-нибудь из домашних и явится во сне якутка-старуха Таяхта в изорванном платье и скажет: «Что это вы не окурите своего телёнка ладаном? Ведь у вас дьявол!». Встанут хозяева, потолкуют, посмотрят коров: а у них раночки образовались около сосцов; это значит, старый суседка уж щупает их, доит молоко!..

Иногда домовый мешает молоко, которое хозяева хотят створожить. Такое вмешательство якутки обнаруживают следующим опытом: если поднимут зачерпнутый хамыйах и молоко за ним тянется, то это явное доказательство, что домовый дьявол мешал молоко; такое молоко не пьют, а выливают. Если же молоко не тянется, то, значит, домовый до него не прикасался, и его употребляют без опасения.

ХІ. ОБЫЧАИ НА ПРОМЫСЛАХ

Религиозные обычаи имели в старину и имеют в настоящее время громадное практическое значение. Люди, шедшие на промысел таких зверей, как например медведь или сохатый, убеждённые, что медведи мстят друг за друга и понимают по-якутски, крайне нуждались в нравственной поддержке для подкрепления своей бодрости к борьбе с таким страшным неприятелем. И вот услужливая старина придумала целый ряд обычаев, естественных в краю, где звероловство составляет не «охоту» (забаву), а промысел, серьёзное занятие всей жизни.

Отправляясь на охоту за «промыслом пищи» (*бултуу-астыы*), промышленник прежде всего старается заручиться расположением бога огня и, чтобы задобрить его, подливает масло в огонь и приговаривает: «Госпожа Байанай с шапкой из головной шкуры! Пусть, выезжая в тёмный лес, никогда не возвращаюсь я с неокровавленными тороками (т.е.

без убитого зверя)!» (*Баттах бэргэлээх Байанай хатын! Хара тыабар тахсан бараммын, төргүүм хаана нуох төннүбэт этим*). А при недостатке промысла на волков и лисиц прибавят: «Создай-ниспошли нам редкоклыкастых (зверей)» (*Ардай аһыылаахта айан кулу*). Наливши масла в огонь, становятся на колени и, прижавши руки к сердцу, кланяются огню и потом, выехав, не оглядываются назад.

Впрочем, молитвы у разных промышленников бывают разные. Иные, например, причитают так: «Тёмный наш бор, дай промысла! Глубокая наша река (вода), не препятствуй! Зелёный наш лес, помоги, подай твоих высокопряморогих, самых крупных девятиклыкастых! Дух тёмного леса, подай нам помощи!» (*Хара тыабыт, харай, устар далайбыт, харгыстаама, күөх тыабыт, көмө кулу, өрөгөр үрдук муостаакхын, тобус ойдох толом буургун, хара тыам иччитэ, харайан кулу!*).

Или: «Дух священного огня, кушай-ешь! Байанай, дух леса, ешь! Дух охоты, Волосяное плечо Барылах-батыр, с щедро богатым распоряжением, с кровавым подножием, с мохнатым седалищем из пышной хвои... Куранай Бэргян, духи горных лесов, семь братьев, прошу я у вас счастья-добычи: укрощая диких и шаловливых, поверните к коршуну и само-стрелам (не представляйте препятствий ни передним ногам, ни задним). Дух чёрного ветра^А наделяй, дух зелёного леса, загоняй нам на ночь молодых оленей, на завтрак двухлетних и трёхлетних, на обед самцов молодых оленей, радуй лучшими рогатыми самцами, приготовляй-ставь поперек дороги девятиклыкастых самцов, присуждай редкоклыкастых голубых белок, давай нам вместо плёток красных лисиц, бурых сиводушек на шейный шарф, заставляй шагать чёрными лисицами (т.е. дай лисиц на обувь)!» (*Аал уот иччитэ, аһаа-сиэ! Тья иччитэ Байанай, аһаа! Байанай иччитэ Баттах сарын Барыылаах Баатыр, байам сайам тутуу, кыа хаан үктэллээх, көп сөгөлөөн түүлээх олохтоох, Курадай Бэргэн Курагаччы Сүүрүк; тыа иччитэ, сэттэ уни-бии дьон, эһигиттэн дьол-саргы көрдөһөн эрэбин; элиэбэ эргитэн, тонуга торутан, хангылгын сымнатан, тартыккын чычааһырдан (илин атах энчиһэ суох, кэлин атах мүтүөһэ [?] суох). Хара тыам иччитэ харайангын, күөх тыа иччитэ күөйэнгин, хорой кыыл хонуктаангын, үөнгэс кыыл утэлээнгин, иитэн буур эбиэттээнгин, өргөстөөх үтүө буургунаан үөрдэнгин, тобус ойдох туоллан буурунан тосхой- онгун туолунарангын, ардай аһыылаабын хардааччытынан айангын, күөх тиингинэн күөтүлээнгин, ныһыл саһылынан кымньыылаангын, буурай*

кэрэмэһинэн моойньохтоонгун, хара саһылынан хардыылаангын, сырытыннаран аҕал!). Или «Господин Байанай, шумящий молодец^Б с волосяною дохою, сын твой Бючюн, дочь Кюлюмь, будьте веселы (улыбайтесь)! А (ты), сидючи верхом на чёрном самце-олене с четырьмя ногами, подобными берёзовым кольям, и с пятном на лбу, путешествуя в утренние сумерки, держа две плётки из берёзовых шестов, погоняй нам зверя с восьми холмов, с девяти пустых оврагов, направляй к нашим промышленным снарядам, к нашим загородам, направляй мимо идущих, поворачивай пристающих!» (Баттах сагыннах Барыылаах Баатыр, Байанай тойон, Бүчүн уолун, Күлүм кыыһын; мичингээн турун! Сүүһүгэр туһахталаах, түөрд хатын тоҕоһо курдук атахтаах, хара буур таба аккын мииннээн сыльдьаһын, тын хатыыта үүгүл — дьүүгүлгэ икки хатын ураҕас кымньыыгын тута сыльдьаһын, абыс адааргыттан, тоҕус көнгөй куонаҕыттан үүрэн — түрүйэн киллэр, элиэбэр эргит, тонгуубар^В тосхой халыйбыты хайыһыннар, элийти элиэбэр эргит!).

Иногда перед отправлением вешают жертву (салама или дэлбиргэ): между двух деревьев на такой высоте, как достанет рука, протягивают верёвку в семь «маленьких ручных сажений» (около семи аршин длиною) и на неё вешают заячью шкуру, волосья из белой конской гривы и пуху дятла. Иногда эту жертву вешают на пёстрой веревке, протянутой на семи воткнутых рядом сырых талинах, которые обчищаются и становятся против солнцевосхода и притом на горе; и в этом случае жертва состоит из тех же вещей, но вместо пуха дятла иногда вешают вообще пух какой-нибудь пёстрой птицы. Эта жертва представляет подарок, или гостинец (кэһии), промышленников духу тёмного леса, Вольному сыну, Вольной девице (Хара тыа иччитигэр Субан уолугар, Субан кыыһыгар), подарок, состоящий из семи экземпляров (т.е. по одному на каждую ручную сажень) трёх видов (заячьей шкуры, конской гривы и пуха, т.е. 3×7). После молитвы богам эту жертву уже никто не трогает. Во время молитвы все отправляющиеся на промысел, числом от 4 до 10 человек, собираются к жертве; если нет шамана (что, впрочем, бывает редко), то молитву читает какой-нибудь старый, опытный промышленник. Он призывает в ней Байаная, его детей, духа сухого леса (курун тыа иччитэ) Куранай Бэргяна, духа погорелого тёмного леса (өлүк тыа иччитэ) Ёндөгөччөй Бэргян, просит их давать промысла с промышленного места, направлять лучших красных лисиц, чёрно-бурых сиводушек,

«длиннобедрых» (т.е. оленей), поворачивать «круторогих». (*Булун дай-дыттан буллартур; кылааннаах кыһыл саһылгын, буурай кэрэмэскин, хара саһылгын, дьорогоно сотолооххун тосхойо тур; эргэнэ муост-ааххын элиэбэр эргитэ тур*). Большею же частью для этого приглашают шамана.

Шаман шаманит, молится Байаная с братией (прибавляя ещё *Чаадай Бооллох Куйдабан ойун, Кылыһыан ойун*), брызгает жертву из хамыйаха кумысом или умнаном с ссорою, разведённым маслом. Во время своих напеваний шаман ударит в ладоши, и на ладонях у него окажется кровь; он брызжет ею назад себя с криком «*Уруй!*». Охотники подхватывают тот же крик. Если кровь попадёт на кого-нибудь из стоящих сзади промышленников, то тот уже непременно добудет зверя. Иной раз Байанай рассказывает шаману, кто из промышленников и сколько добудет, тогда шаман предсказывает им вперед успех промысла: кто, сколько и какого зверя. «И слова его сбываются в точности». Промышленники отправляются порознь и когда ворочаются с промысла, то уже сами разыскивают шамана и если речи его сбылись, то одаривают его деньгами или скотиной, или заячьей шкурой и т.п.

Хотя шаманы, молясь по поручению охотников, и говорят богам, что послал их такой-то якут и просят они для такого-то (при этом они называют охотника его народным якутским именем), но Байанай всё-таки иногда отказывает, говоря: «Не знаю я этого человека! Зачем он послал тебя? Не пошлю я ему промысла!». А бывает тоже и так, что пригласят зловредного шамана (*сиэмэх ойун*), так тогда все его просьбы бесполезны: Байанай непременно отказывает.

После удачи-промысла благодарность заставляет охотников читать благодарственную молитву: «Дух тёмного леса, господин кровавой Байанай! В дохе из головных шкур всеимеющий молодец! Ты, едучи на твоём коне-самце сохатом, и впредь поворачивай к моим ловушкам скороногих, красиворогих. Семь родных братьев, девять сыновей, восемь смеющихся девиц, все вы ставшие дружелюбными к парням, ставшие покровителями мужчин, останавливающие отходящих, сдирающие кожу с бегущих, держащие стоящих, Чаадай Буолох,¹ господин Нямпаншаман, наш дедушка, и впредь направляйте вы нам длинноногих, направляйте красиворогих, не считайте мою молитву не достигшею (не

---

¹ По объяснению якутов, Чаадай Бооллох — работник лесного духа, отворяющий ворота тёмного леса (*хара тыа сүллэҕиччитэ*).

удовлетворительною), не дайте лисицам с плоским истёртым хвостом, сделавшись серою собакою, перескакивать «дорожку Байаная» (т.е. оставлять нас без промысла). Духи тёмного леса, ставши подобно тунгусам в платье из пёстрых оленей, и ныне ликуйте вы, радуйтесь, и ныне будьте у меня с восточной стороны, всегда подготавливайте (зверя) на пышную хвою, наваливайте на кровавую хвою. Совершенно все вы стойте, вполне наевшись пищей, созданной вами самими!». *Хара тыа иччитэ хааннах Байанай тойон! Баттах Сангыйах Баай Барыылаах Баатыр! Буур тайах аккын аттанан барангыгын, элик атахтааххын, эргэнэ муостааххын мин элиэбэр аны даҕаны эргитэр буолуоххар! Сэттэ уни-бии тоҕус Бүчүн уол, аҕыс Кулум кыыс, барыгыт уол оҕо доҕор айыыта буолбут, эр киһи эйээн айыыта буолбут, баран эрэри баллыр-даабыт, сүүрэн эрэри сүллэлээбит, туран эрэри туппут, Чаадай Бооллох, Ньэмпээн ойуун тойон эһэбит, мин диэкки аны даҕаны дьорҕоно сотолооххун тосхой, эргэнэ муостааххын эргит; улуу киһи алгыһым сиппэтэ диэнгин, хантайа элэйбит кутуруктаах саһыл күөрт ыт буолангыгын Байанай суолун быһыта көтүөлүүр буолай- аҕыт! Хара тыа иччилэрэ чуоҕур таба таҕастаах омуктар буолангыт, аны даҕаны буоллар үөрэ—көтөтурар буоллун; мин илин оттүбэр аны даҕаны буоллар, көп сөгөлөөн үрдүгэр куоһүлүтэр буоллун, хааннаах сөгөлөөн үрдүгэр үгкүрүтэр буоллун! Бары барыгыт, бүрү бүттүү аһаан сыарҕаан турун бэйэҕит айбыт аскытыттан!»).*

Когда отправляются искать мамонтовую кость или промыслять медведя, то молятся Этюгятыиччитя, духу глубоких текучих вод. Ему не ведают жертв, но шаман шаманит и просит, чтобы мамонтовой кости было довольно и чтобы промышленники остались живыми от медведя.

Отправляясь на медведя, промышленники говорят уже особым языком, отличным от обыденного.¹

¹ Вот несколько слов, употребленных на промысле: *анаҕас* — зуб (*тиис*); *амаҕаччы* — узда (*үүн*); *анаардыбыт* — мы видели (*көрдүбүт*); *арбаҕаһа* — кожа (*тириитэ*); *барымта* — платье (*танас*); *баҕадьы* — стрела (*оноҕос*); *бөкөт* — медведь (*эһэ*); *бөх* — собака (*ыт*), *болорут* — варёный (*буһар*); *бэбээрэр* — лает (*үрэр*); *далаһа* — конь (*ат*); *инньэ* — стрела с железным наконечником; (*ох*); *ружьё* (*саа*); *көбдөгө* — лёгкие (*тыната*); *инньэлээ* — стреляй (*ыт*); *иччилээ* — опростай (*высыпь*); *көтөлө* — след (*суола*); *киргил* — топор (*сүгэ*); *кылатар* — глаз (*харах*); *кыраммтана* — кость (*унуоҕа*); *кыталык* — ружьё (*үрэр саа*); *кыталыктаа* — стреляй (*ыт*); *кытарар* — огонь (*уот*); *кытаанаҕа* — кость (*унуоҕа*); *кытаанах* — дерево, дрова (*мас*); *кыата* — кровь (*хаан*); *кытыйа* — посуда (*иһит*); *кэһэрт* — иди в брод (*оломнот*); *манньыйара* — печень (*быара*); *мөчөкө* — сердце (*сүрэҕэ*); *наарда* — сани (*сыарга*); *муруннаах* — собака (*ыт*); *ньалбанныах* — станем есть (*аһыах*); *пээнэ* — мясо (*эт*); *орох* — след человека (*суол*); *сайып* — сукровица (*хаан*); *сабанар* — плоть (*кымныы*); *салбаныах* — станем есть; *салбаныаҕа* — язык (*тыл*); *сомоҕо* — сердце (*сүрэх*); *суна* — шерсть (*түү*); *сымнаҕа* — печень (*быара*); *сымнаҕастыах* — станем спать (*утуйуох*); *сынааҕа* — ковшик (*хамыйах*); *сыыс* — собака (*ыт*); *сыыһаа* — отпусти собаку (за промыслом); *сытыы* — нож (*быһах*);

Убивать медведя в берлоге сонного считается грехом: тогда другие медведи съедят самого охотника, когда он будет спать. Захватив медведя в берлоге, говорят: «Господин дедушка! Постой-ка, осмотрись: пришли мы к тебе ламутским воинством!» (*Тойон эһэ, болбой эрэ! Биһиги хангаайы сэриитэ кэллибит!*). Или: «Господин наш дедушка! Встречаемся (с тобою) мы, лучшие из мужчин, старики тёмного леса. Раскрой твою мягкую дорогу! Пришли мы, собравшись иноплеменным (ламутским) войском, пришли попытать с тобой (свои) силы. Пробудись, пробудись!» (*Эһэбит офонньор, хара тыа кырдыаһа, эр үтүөтэ көрсүһэ эрдийэн эрэбит. сымнаҕас, суолгун арыһан кулу. Эйигин кыттары күүһүргэһэ кэллибит; хангаайы (или ламынка) сэриитэ мустом кэллибит. Уһугун, уһугун!*) При этих словах пальму или копье уже держат над отверстием берлоги.

Если на медвежий промысел выйдет 6–10 человек и разломают берлогу, то медведь-де всегда бросается на лучшего промышленника; если же близко стоит какой-нибудь маленький, новичок, то медведь-де его никогда не тронет, а кинется прямо на опытного промышленника и ударит его лапами. Тут промышленник скажет: «Постой, осмотрись, наш дедушка! Не горячись смотря на парня, не досадуй смотря на девуцу! Мы равные с тобою, достойные (друг друга). Не делали мы поступков, влекущих за собою большее наказание: когда ты спал, мы не сломали твоих длинных костей, не нападали, пришедши крадучись. Постой, господин дедушка, старец Михайло (или старуха Марья)! Постой, осмотрись! Заговорим-ка по-человечески, направимся-ка по-якутски!» (*Тойон эһэбит, тохтоо-болгой! Уолу көрөһүгүн уоһурума, кыһы, көрөһүгүн кыһырыма! Тэннээһин — холоонооһун биһиги баарбыт. Уһун умтуону онгорботохпут; уһун унуоххун тоһуппатхпыт, утуйа сыттаһына, уоран кэлэммит баатырга- абатахпыт, Тохтоо, тойон эһэм, Мэхээлэ*

сүмүктээтэхпит — будем спать (утуйуох); сэгэстэннибит — мы слышали (иһиттибит); талаһа — конь (ат); тардыһынна — побежала (сүүрдэ); тардынар — подруга (холун); таппыһа — земля, место (сир); тардыстыах — притянем (тартаныах); тайаныах — нога (атах); тэмиз — потник (бото); эгийэ — пойдём, отправимся (барыах); иэдэтэр — мутовка; ыбанар — посох (тайах); ыһык — пища (ас); таганыах — ляжем (сытыах); тобуох — переночуем (хонуох); тобуй — руби (кэрт); тонсоһой — лук (саа); туктуй — топор (сүгэ); тэбинэр — трава, волоса человека; тэмэй — привяжи (баай); тэмэлтэ — ремень (быа); убагаһа — вода (уу); кровь (хаан); уольдьастыбыт — мы насытились (тоттубут); үтүөх — сума (матаба); хабайах, халбына — ложка (сынааба); хачаһар — седло (ыһыыр); халбыһах — поварешка (хамыйах); ханһарыах — воротимся (тоннуөх); ханкаһар — седло (ыһыыр); харынһаалаа — поезжай передом (бастаа); хаарпах — котёл (салыыр); харса — голова (баһа); чымыдаал — сума (матаба); хатана — кость (унуоба); хахсаһар — седло (ыһыыр); чилчиннэх — станем пить (иһиэх); чурус (турус) — нож (быһах); чынылла — котёл (салыыр); эхтэ — зверь повернул в сторону; эбэ — медведь (эһэ).

оџоннџор (Машка эмээхсин)! Тохтоо, болгой! Киһилии кэпсэтэн, сахалыы салаллан көрүүх!).

Если встретят медведя на пути, то пускают на него собак и стреляют. Если пуля не убьет, то готовят «пальму» — железный нож длиною в локоть, но выпущенный из древка только на четверть. Когда медведь бросится на человека, пальму упирают древком в землю, а якут, поддерживая древко, пригибается за ним; медведь вместо человека попадает только животом на пальму и умирает. При смерти его, промышленники вскрикивают: «Уруй!».

Так или иначе упромыслив медведя, все присутствующие якуты тычут медведю, как самцу, так и самке, в заднюю промежность трижды, восклицая каждый раз: «Чукук!». При этом все они плачут и высказывают сожаление (в Эгинском наслеге). В других местах вместо этого отламывают древесный сук и им суют самцу в заднюю промежность, а самке во влагалище, приговаривая несколько раз на «медвежьем» наречии: «Усмиришь мыслью, будь смирен, как женщина!».

Разрубив медведя, отрезают части из сердца и едят, приговаривая: «Да будем мы с таким же бесстрашным сердцем, как и ты! Да будем мы с такой же сердитой кровью, как и ты!» (*Эн курдук куттаммат сүрэхтээх буоллуох, эн курдук уордаах хааннаах буоллуох!*). И затем выпивают по одной ложке сырой крови (эгинцы). Впрочем, прежде кровь пили не ложкой, а черпая ладонью; выпившие крови становились уверенными, что на будущее время они будут сильны, храбры, безбоязненно и удачно будут нападать на медведей.

В других местах тёплую медвежью кровь пьют только «удальцы» и вообще желающие; при этом пьющий приговаривает: «Да буду я столь же мужествен, как и ты; да буду я такой же ловкий, как и ты, такой же сердитый и столько же крепкосердечный (сильный), как и ты!». (*Эн эрин курдук эрдээх буолуом, эн хоһуунун курдук хоһууннаах буолуом, эн уорун курдук уордаах буолуом, эн сүрэҕин курдук бөгө сүрэхтээх буолуом!*). Но присутствующий на промысле медведя в первый раз непременно должен выпить три ложки тёплой крови, вскрикивая при каждой повороте: «Хах!».

На поле разводят огонь; в него бросают лучшего медвежьего жира, приговаривая: «Дух промышленных, шаман Эрбаллын! Дух загородей на диких оленей, шаман Турбальлын! Дух шумящего сухого леса Кудамы! Дух шумящего густого леса шумящий Барылах-батыр, дедушка

мой господин Байанай! Ешь, кушай, возрадуйся, возвеселись! *Уруй, уруй, уруй!* (*Эллиэ иччитэ Эрбэдьльин ойун! Тонуу иччитэ Туорбальльин ойун! Курулуур курун тыа иччитэ Барылыыр Барыылаах Баатыр, Байанай тойон эһэм! Аһаа-сиэ, үөр-көт. Уруй, уруй, уруй!*). Или: «Барылах-батыр, с дохою из головной шкуры! Пусть внутренность твоя растёт, пусть наружность твоя умаслится!» (*Баттах сагынньах Барыылаах Баатыр, иһинг ирдин, таһын чалгарыйдын!*).

В некоторых местах, разрезавши медведя, достают брюшину, завертывают её в траву и кладут на нарочно устроенный лабаз, который и делает именно тот человек, который убил этого медведя. При этом говорят: «Господин наш дедушка! Почтили мы (тебя), уважили. Уважили чистые твои кости, чистое твое тело, чистую твою кровь! Не думай же худо!» (*Эһэбит оҕонньор! Ытыгылаатыбыт, маанылаатыбыт, ыраас унуоххун*¹ *ыраас эккин, ыраас хаангын ытыгылаатыбыт, куһаҕаннык саныыр буолаайаҕын!*»). Голову медведя отрубают и вешают на зелёном (сыром) дереве, в уши медвежьей головы вдевают тальниковые серьги, приговаривая опять: «Усмирись мыслью, будь смирен, как женщина!» или «Надели мы тебе серебряные серьги!». Голова медведя оставляется в лесу на лабазе, довольно высоко, как рука достанет, подобно тому как прежде хоронили людей, вешая на деревья.¹ Таким образом, обычаи сравнивают промысел на медведя с опасной, рискованной войной против сильнейшего и храбрейшего неприятеля, который, даже проиграв битву, удостоивается почетного погребения. Великая война с медведями отмечена в народных преданиях множеством различных сказаний. Вот, например, одно из них.

«По реке Волчьей (*Бөрөлөөх*) жил когда-то в старину старый якут. Старик этот совершенно не боялся медведей, и был у него сын такой молодец и удалец, каких не бывало. Поехал этот сын белковать и видит: бежит прямо к нему навстречу медведь. У якута были пальма да лук, слезает он с коня. Прибегает медведь, стали драться. Медведь вырвал у него пальму; стали драться в рукопашную. Бились они с полудня целый день до солнечного восхода, пока молодец свалил, наконец, медведя. Как свалил, и нечем ему его убить, даже ножик выронил: голыми руками боролся. Видит: едет на коне его родной брат. Увидел его, стал кричать:

¹ Лабазы якутами устанавливаются так: в землю устанавливают четыре столба, на которых кладется четыре перекладыны, составляющие четырёхугольник; на этот четырёхугольник настилают круглых бревёшек. В лесу вместо столбов просто обрубают только вершину четырёх деревьев и делают настилку. На таких лабазах якуты сушат летом рыбу.

„Спасай мою жизнь от этого злодея!“. Тот слезает с коня, пускает его на волю... Между тем медведь повернулся, схватил якута прямо за горло, брат подскочил, отбил пальмою... Медведь убежал. Брат поднял раненого полумёртвым, посадил его на лошадь, привез домой к отцу. Через месяц стал раненый поправляться, почти через два дня стал выздоравливать. В это время брат привёз с промысла мясо сохатого, стали есть. Вот наелись, и больной вместе. Гнилое было мясо, скисшее. Все раны у него расстроились, распухли, сделался больной без чувств. Отец стал точить свою пальму. Выточил её и говорит: „Чем умирать тебе от зубов злого зверя, лучше тебе умереть от моих рук“, — и взял заколол его в сердце. Тогда не было погребения (христианского), а просто делали лабаз (*арангас*) и вешали между двумя деревьями. Положили и его на деревьях за 10 верст от дома.

Дней через десять приезжает брат с промысла и едет мимо покойника, видит: гроб развален и след медвежий. Медведь уж давно пришёл и съел его. Брат повернул, погнался за медведем. Раньше обещался он воротиться домой через двой сутки, однако и через пятеры не возвратился. Поехал отец за сыном (дома осталась одна старуха). Приехал старик к месту покойного сына: след медвежий и след сына, ушедшего за этим медведем. Поехал старик по этому следу и другого сына нашел съеденным (медведем). Не в состоянии был сам старик гнаться за медведем...

В декабре месяце ехал из верхоянских мест на Мому якут по прозванию старик Кулун («жеребенок»), и у него был работник Эрбэхтэй Эрчимнэгэ. В то время не было (по дороге) ни поварен, ни юрт, ничего. Вот и остановился он ночевать на Волчьей (*Бөрөлөөх*) на месте, называемом Нучча-Тумула (Русский мыс). Видит: бежит медведь с вершины реки, этот старик и говорит работнику: „Не будет нам добра, парень! Бежит медведь, съевший сына старика Чарбоя!“ А это ему не было известно (стало быть, он был или колдун, или шаман). Рабочий Эрбэхтэй, бывший в дохе из шкуры дикого барана, схватил свою пальму и стал биться с медведем. При свете началась драка, всю ночь дрались, а ночь была лунная. Перед утром этот человек заколол медведя, медведь через доху покусал человеку руки. Приходит работник к хозяину рассказывает. Старик хозяин распластал медведя, и сварил, что ему захотелось, а работник лежит недвижимо. Сварили медвежье мясо, начали есть. Поевши, старик узнал и говорит: „Этот медведь, должно быть, съел человека, это мясо не походит на медвежье!“. По болезни рабочего старик

Кулун заехал к Чорбою (а до него было вёрст 40 вниз по реке), тут и узнал, что этот самый медведь съел обоих его сыновей. Приезжают оба старика к работнику, а тот помер от ран, нанесённых медведем. Тогда поехали оба старика на Мому, на третий день, доехавши на место *Кумах сыһыы*, старик Чорбой помер от болезни, а Кулун вернулся в своё место (около Верхоянска)».

Подобные рассказы рассказываются якутами как несомненная истина. Они не спросят, кто же мог узнать, что один и тот же медведь бился и погубил трёх человек. Ведь двое первых промышленника погибли в одиночку, и никто не мог быть свидетелем их битвы. Даже сам Чорбой помер на третий день, и остается только старик Кулун, который для прославления своего пророческого дара мог исказить историю. Во всяком случае из сказания можно сделать некоторые выводы: во-первых, что битва с медведями представлялась прежде и теперь якутам весьма кровопролитной, трудной и продолжительной, чем-то в роде Бородинской битвы; во-вторых, что обычай есть медвежье мясо был всеобщим в старину (его ел и *хозяин*); теперь же медвежье мясо едят редко, и притом только «последние» люди, т.е. бедные; в-третьих, что родственники промышленника, съеденного или убитого медведем, ставили своею обязанностью преследовать и доканать своего врага (родовая месть, обращённая на зверя); в-четвертых, что существовал обычай добивать раненых (отец убивает сына) опять потому, что смерть промышленника от зверя считалась позором для родственников промышленника. Этот последний вывод подтверждают и другие предания. Так, момские якуты рассказывают, что однажды в старину один молодой якут, встретив в лесу медведя, испугался и со страха прибежал в юрту к отцу. Старик отец отточил свою палму и ударил сына, приговаривая: «Разве дам я тебя на съедение поганым зубам (медведя)? Лучше же умри ты от моей руки чем от медвежьих зубов!». Отцовский удар попал сыну прямо в сердце. «Отец, мужественный же ты человек, попал ты мне в лучшее место!», — воскликнул сын, испуская дух. В предании о Хаптагай-батыре этот богатырь и витязь говорит своей жене: «Не бойся: не умертвят нашего сына ни медведи, ни ламуты, ни русские, ни стрелою, ни копьём!». Якуты и теперь боятся убивать десятого медведя, боясь, что за него будут мстить другие медведи. Сонного медведя (а также змею) не называют по имени, а то он услышит и будет мстить. Медведь снится якутам во сне; убивать медведя во сне, значит помрёт важный,

значительный чиновник. Если медведя промышляют пастью (күлүмэ), то, изготовивши пасть, приговаривают: «Господин мой дедушка! Сделал я дом для твоего прихода: положил съедомую пищу, думая, что и впоследствии мы будем с тобою в дружбе» (*Энэм оѳонньор! Эн кэлэнггин кирэрдьизэбин онгордум, аһыыр аскын уурдум, хойут даѳаны сити курдук эйэлээх буолуохтубут диэммин*).

Когда хозяева придут и увидят уже попавшего в пасть медведя, то вскрикивают «Уруй!» и приговаривают: «Господин мой дедушка! Сказал я тебе: ночуй! Ты вот и лежишь-почуешь в (том самом) моём доме; пусть и впоследствии мы будем друзьями!».

Когда ходят промышлять диких оленей (*тангара кыыла* — «божий зверь») или сохатых, то им нет ни погребения, ни того почета, какого удостоивается медведь. Когда же увидят подстреленного оленя или сохатого, то кричат: «Уруй!» — крик, который, по объяснению некоторых, значит «да придет к нам счастье!» и, по объяснению других, означает просто благодарственный возглас к богу.

Убив сохатого, охотник подбегает, вырывает у него пучок волос, поднимает их кверху и кричит: «Уруй!». Потом становится к востоку и причитает.

Горло сохатого не отрезают напрочь, а голову его отнимают вместе с сердцем. Это делается прежде всего, потом вырезают коленочный жир задней ноги. Этот жир разрезают на три небольших кусочка и кладут на угли в огонь разведённого костра, приговаривая: «Господин Байанай, с шапкой из головной шкуры, сыновья и дочери тёмного леса, ешьте-кушайте!» (*Баттах Бэргэхэлээх Байанай хатын, хара тыа уола кыыһа, аһаан-сиэт!*). Или: «Духи нашей местности, все вы возрадуйтесь, возвеселитесь, ешьте- кушайте!» (*Дан дайдыбыт иччитэ, бары барыгыт бүрү бүтүүн, аһаан-сиэн! Үөрүң, көтүң!*).

Отрезают также несколько шерсти сохатого и оставляют на том месте, где убили. Кровью сохатого обрызгивают всех находящихся тут охотников, и лицо, и платье, смотря по тому, куда попадет. Это делается для того, чтобы удачный промысел продолжался года на два или на три (сохатого присылает только самый лучший шаман: зверь этот стал редок). Мясо и кости сохатого нельзя бросать в огонь: сохатый исчезает на девять лет.

В иных местах, как только сохатый начинает падать, промышленники уже кричат: «Уруй!». Лишь только упадёт зверь, его отталкивают в сторону, а того места, где он упал, уже не топчут; на этом месте кладут лиственниц, и это называется *Байанай тойон олбоџо* («седалище господина Байаная»). Затем вырезают ногу сохатого и, положив её на плечо, приговаривают: «Дух тёмного леса, до последних веков открывай ты твою широкую беспрепятственную дорогу!» (*Хара тыа иччитэ, кэнэџэски уйэтин туххары дьөлгөм дьөлөгөй аартыккын аһан биэрэр буол!*). На месте, где убили сохатого, втыкают тонкую лиственницу, верхний конец которой заостривают. Срезают с подбородка сохатого кожицу с бородкой и надевают на верхний конец лиственницы. Когда через три дня придут к этому месту, бородки сохатого уже не находят: «У хорошего промышленника Байанай-тойон берёт эту бородку к себе».

Если промышленник убьёт какого-нибудь зверя и обагрят руки его кровью, то он не должен их умыть, а то вместе с кровью он смывает и счастье-удачу. Кровь животного должна засохнуть на руках и сама отвалиться потом кусками. Упромысливший зверя, возвратившись домой, непременно должен в тот же вечер поколотить кого-нибудь из домашних, иначе Байанай рассердится и лишит его промысла на несколько лет (обычай на Моме).

Ружьё и лук-самострел изурочиваются во многих случаях, например, если бросить в огонь перьев убитой птицы или шерсти убитого животного, если беременная женщина наступит на этот пух или шерсть, если дотронется пальцем до кровавой раны, сделанной выстрелом, и т.п.

Если очень ружьё хвалить, то изурочится промысел. Впрочем, если даже изурочится лук, ружьё и промысел, то унывать не надо. «Даже трижды повесивший лук бывает человеком (т.е. трижды бедневший, трижды весивший лук на стену от неудачи)», — говорит якутская пословица.

Чтобы поправить ружьё, дают стрелять им другому человеку, и оно, дескать, действительно поправится, станет попадать, или же просто ружьё вымывают чистой водой и обкуривают ладаном. Поправляют ещё и другим способом: закрывают ружьё и кладут под порог для того, чтобы женщина как-нибудь, не замечая, сама перешагнула через него; тогда оно, дескать, исправится и такая-де это правда, что всякий несколько раз испытывал на своей жизни. Это объяснение показывает, до какой

степени суеверия, ободряя упавший дух невежественного промышленника, придают его робкому уму смелость и удачу.

Стрелы иногда дают заговаривать шаманам. Шаман шаманит и на седьмом седалище (*олох*) достигает к девице Рыжекобылых (*Куочай ку-гас Сылгылаах кыыһыгар*). Эта в свою очередь мажет стрелы кровью рыжей кобылы и делает над ними заклинания. А шаман потом относит обратно эти стрелы промышленнику, приговаривая: «Да будут эти стрелы смертоносны; попади-пронзи ты ими сердце врага своего; пусть возвращаются они к тебе назад, не падая на землю!». Стреляют этими стрелами, окружая сперва ими голову трижды и приговаривая: «Вы, остроблестящие стрелы, пойдите-полетите, пронзите-прострелите и прилетите ко мне назад!». И, действительно мол, такие стрелы, не падая на землю, возвращаются к своему хозяину, принося на своем конце мышь или лягушку.

Зайца, попавшего в петлю, нужно есть с помощью ножа, а не рвать зубами, иначе на будущее время зайцы будут перегрызать петли. На Бы-тантае зайцу, попавшему в петлю, не обрезают шею, а то петля будет обрываться.

Если зайцы долго не попадались и, наконец, изловят одного зайца, то в некоторых местах такого зайца приносят к печке и, приговаривая: «Будешь ли ты после этого попадать?», — зарывают в горячую золу так, чтобы шерсть его спалилась, а потом достают и едят. В других местах если после долгого неулова зайцев якут упромыслит одного, то он сам вносит его в юрту, берёт полено с огнем на конце (*уоттаах маһы*), бьёт им этого (мёртвого) зайца и приговаривает: «Теперь ты будешь ли видеть волос самострела? Будешь ли видеть мою петлю? Будешь ли перегрызать?» (*Эн аны айам кылыытын көрүүн дуу? Туһахпын көрүүн дуу? Кэрбиир буолуон дуу?*). Тут один из домашних выскочит со стороны и скажет: «Перестань! Теперь я уже не буду перепрыгивать, не буду видеть твоей петли, волоса твоего самострела! Как только приду, так и паду; прошу пощады!». Сказав это, он отнимает зайца. В других местностях против изуроченья зайцев не предпринимают никаких суеверных мер. Утку, изловленную петлей, варят не иначе, как отрезав носок, а то не будет попадать. Пух куропаток не бросают в огонь, а то промысел изурочится. Нельзя есть пузырь, находящийся во внутренностях белки: белка исчезнет. Нельзя брезговать внутренностями упромышленного животного, говорить «фу!» и «фа!» — грех.

Если охотники что-нибудь добудут, то они обязаны наесться вдоволь, досыта убитого зверя; если же мясо его не едят, досыта наесться своей собственной пищи, иначе дух охоты Байанай осердится, оскорбится. Также, воротившись с промыслу, грех ночевать не покормивши собаку.

Отправляясь на промысел видеть во сне приехавших ламутов с оленями — к хорошему промыслу (якуты сознают, что ламуты — хорошие промышленники). Табак получить во сне — к промыслу (это поверье, без сомнения, произошло оттого, что якуты чаще всего отдают свой промысел за табак).

Упромыслив оленя или лисицу, приходят домой, говоря: «Пришли мы вместе с Байанаем, поделился дух тёмного леса в одежде с пёстрыми крапинками!» (*Эрдэбэс кыыл эриэн түүтүн курдук эбирдээх танастаах хара тыа иччитэ харайда!*). У добытого оленя берут все передние зубы и кладут в сумочку в торока, а у лисиц носы; как то, так и другое, отправляясь на охоту, всегда берут с собою, это делается для того, чтобы «Байанай был ближе».

Диких оленей и лисиц ловят устройством так называемых *тонуу* — длинных, простирающихся на несколько вёрст загородь, среди которых во многих местах оставляются отверстия для прохода (*элиэ*), где и ставят натянутый лук (самострел). И потому, бросая жир в огонь, приговаривают: «И теперь поворачивай к отверстиям наших загородей!». (*Аны-дабаны элиэбитигэр эргитэ тур!*).

Съевши убитого оленя, нельзя небрежно бросать его кости, иначе олени будут перепрыгивать загородь (*тонуу* делается по пояс человеку). Мясо лисицы не едят, но его нельзя бросать в такое место, где оно может сгореть, иначе лисица не будет попадаться три года. В Эгинцах мясо лисицы не дают собакам, а прячут его зимою в подполье или вешают где-нибудь высоко на дереве, где оно хранится до весны. Весною это мясо бросается близ воды; если же случайно это мясо сгорит во время палов, то весь красный зверь исчезнет на семь лет и как бы ни шаманили шаманы, промысла не воротят.

Если лисица попадет на самострел,¹ то её должен взять только тот, кто поставил лук. Посторонний не должен брать, и если уж будет брать другой человек, то сначала должен сказать: «Пришёл к тебе я, подлинный хозяин лука. Поднял я промысел, упромышленный мною самим»

---

¹ Увидав лисицу, наколовшуюся на снаряд, тоже кричат: «Уруй!».

(*Бэйэм бултаабыт булпун көтөхтүм*). А если не исполнить этого обычая, то лисицы не будут попадать.

Взявши лисицу, попавшую в лук, момский якут срубает дерево или возьмёт травы, застелет её следы и засыплет снегом так, чтобы ничья нога не наступила на этот след, потому что в противном случае лисицы тоже не будут попадать.

Внося лисицу в дом, хозяин обносит её позади печки (по левой стороне), надевает на неё шапку, крепко привязывает её; держит лисицу на руках у груди и становится у печки. В это время в юрте ничем не стучат, из камина не зажигают огня лучиной: лисица-де очень боится огня; ноздри и губы лисицы мажут маслом, бросают также масла в огонь и говорят: «Вот сколько у нас масла и жиру; мы добрые, богатые, не забывай нас, приходи к нам!». Или: «Принес я (это) важному моему дому; место моё, прими дому; место моё, прими находку-счастье; земля оказала милость; помазал я маслом, накормил» (*Алаһа дьииэбэр аҕаллым; аан дайдым, булуутун-дьолун тут; аан дайдым харайда; арыыннан аҕаатым-аһаттым*). Или же, помазав рот лисице маслом и закрыв лисице рыло, скажут: «Тётушка, тётушка! Такие-то душистые, пахучие наши анбары, чуланчики: обращайся ты к нам денно и ночью! И впредь буду я тебя уважать-почитать!» (*Эдьий, эдьий! Биһиги үгэхпит-хоспохпут маннык сыттаах-сымардаах. Түүннэри-күнүстэри эргийэ турар буол!*).

Когда якут не упромысливал лисиц в продолжение нескольких лет сряду и, наконец, добыл, тогда он, убивая лисицу, отрезывает ей голову, снимает ей череп и мешает ей в мозгу маленькой мутовкой, приговаривая: «А изловил я тебя, непопадавшуюся мне девять лет, свёл с ума, вскружил твою голову, спутал твои мысли, разрешил тебя изуроченную. И впредь (теперь) ты мне попадайся. Пусть и впредь духи моего места бросают мне таким же образом окном и трубою (т.е. дают в изобилии). Уруй, уруй!» (*Тоҕуссыл тоххору миэхэ түбэспэтэххин түбэһинньэрдим, мэйиигин ииртим, санаабын издэттим, ханныбыккын төлөрүттүм. Аны да миэхэ киирэр буол. Сирим-дайдым иччитэ, аны даҕаны субу курдук түннүгүнэн — үөлэһинэн түһэрэн биэрэр буоллун. Уруй, уруй!*).

Когда ставят самострел на кабаргу, то показывают кукиш и приговаривают: «Если ты не попадешься в самострел, так ты вот всё равно, что кукиш!». (*Бу айаҕа киирбэтэххинэ, арай бу кукууска курдук киһи буол-*

лабын!). Иные ещё прибавляют к этому: «Упади, пройдя столько-то шагов!». Кабарга не боится лука, попадает на него, ранится и, «отославшись, падает в стольких шагах, сколько скажут, становя самострел».

Иные, натягивая самострел на кабаргу, приговаривают: «Худой же ты будешь молодец, если не дашь попасть наперерез вытянутой твоей ставной жилы». (*Чиркэйэн турар сиһин үөһүн оһа түһэртэтэххинэ, куһаҕан эр буолуон!*). Затем вырвут три ветки лиственницы и бросят в сторону, приговаривая: «Стыд тебе будет, если ты пройдешь (далее) эти три прыжка. После этого я тебе кукиш дам!» (*Бу үскөтүүнү быһа аастаххына, саат буолуох тустаах. Бу кэнниттэн эйиэхэ кокууска биэриэм!*).

Вот хозяин приходит к самострелу и смотрит: лежит кабарга мёртвая. Тогда хозяин выламывает из дерева два сука или две талины и засовывает их под убитую кабаргу в снег. Если тут случится несколько якутов, то все они участвуют в этой церемонии. Этими тонкими палками выворачивают кабаргу, до тех пор пока палки не переломятся под снегом. «Что это ребята? Стоячая ли гора свалилась, или оборвался подвижной мыс? Как это он помещался-ходил на белом свете?» (*Ылат-татай, оҕолоор! Турар хайа туллан сыттаҕа дуу? Босхо тумул быстан сыттаҕа дуу? Бу хайаан аан дайдыга батан сыльлыбытай?*). Иные, поднимая кабаргу талиной, приговаривают: «Какой это хребет, какая это гора?». «А зверок небольшой, — прибавляет рассказчик, — пятеро за один завтрак не наедаются». Если при поднятии кабарги случится семь или девять человек, то хозяин говорит: «Идите-ка сюда, девять юношей! Возьмите-ка его с корня девятью сырыми шестами». И затем поднимают все вместе, как бы необыкновенную тяжесть, прикрикивая: «хук-кай!». Если хозяин один, то наговаривает то же самое, приговаривая: «Силы-то у меня, как у девяти молодцев, потому только могу я поднять тебя на лошадь!».

Подъезжая к дому, хозяин кричит: «Ну, ребята! Выходите, сколько вас есть людей! (Всем) воинством внесём этого зверя величиною с подвижную гору. Привёз его (только) я, будучи лучшим мужчиной и с отличным конём!» (*Чэйинг, оҕолоор! Хас киһи бааргытый, тахсын! Сэриинэн киллэриэбин бу кыылы, босхо тумул саҕа; киһи бэрдэ буоламмын, ат бэрдэ буолан аҕаллыбыт!*). Домашние выбегают с криком: «Фу! — говорят. — Какой величайший зверь! В этот год и не съесть нам его всего».

Иногда хозяин поднимает кабаргу и сам приносит её домой. Навстречу ему выбегает несколько человек. «Что же это такое?» (*Дьэ, хайа кыылый?*), — спрашивают они. Затем берут зверя с обеих сторон, как будто один не может его нести, и, неся, прикрикивают: «Хук-кай!» — как будто они едва-едва, с большим трудом могут поднять такого громадного зверя. Наконец, из дому выскакивает ещё один человек и раскрывает дверь. «Ну, — говорит, — да взойдет ли он в двери?». Тогда колоды дверей слегка стесывают и зверька вносят в юрту с криком и гамом.

В матицу втыкают палки, нарочно тоненькие, чтобы они легко переломались. И на них-то вешают кабаргу; зверь обрывается и падает: «Разве дерево выдержит, ремень удержит этого господина нашего дедушку?» (*Бу тойон эһэбитин быа кыайыаҕа дуу, мас уйуоҕа дуу?*). Таким образом кабаргу вешают три раза и каждый раз приговаривают то же самое.

Потом присутствующие приступают к разрубке мяса. «Какой топор в состоянии разрубить такого преогромного зверя?», — возражают некоторые. Разрубив мясо на части, готовят сбить его в котёл. Сначала нарочно приносят очень маленький котелок. «Да, господин наш дедушка не поместится в этот котёл. Отнесите его!», — скажут другие. Тогда во второй раз приносят котёл побольше; но получают такой же отказ. В третий раз приносят соразмерный котёл. «Теперь уж, надо быть, взойдёт. Что за чудо? Что бы ни было на свете, как не взойдет в этот котёл?». Тут только уже начинают укладывать кабаргу. В якутском языке есть даже выражение о чем-нибудь несоразмерно большем: *даа-дан диэри баппат* — «не уместается, точно кабарга». А некоторые «хук-кайют» даже завтракая кабаргою.

Якуты уверены, что без этих церемоний кабарга не будет попадаться. Кабаргу большею частью промышляют самострелом и только изредка бьют ружьём. Теперь <...>, вероятно, и тайна выделки из кабарги драгоценного мускуса делается известной миру; надо желать, чтобы и Верхоянский округ мог воспользоваться этим открытием, чтобы кабарга окупил оказываемый ей почёт... Может быть, и якутские обычаи относительно этого зверя заимствованы якутами из тех народов, которые имели возможность сбывать кабаргу на выделку мускуса.

Рыбный промысел Верхоянского округа развит главным образом близ берегов Ледовитого океана; отправляясь на летний промысел, рыболовы молятся морскому духу (*Байаҕал иччитэ*). Для этого шаман ставит на берегу моря (тундре) вежи, протягивает плетёную волосяную нить (*ситим*) и вешает на неё по девять штук заячьих шкур, летучих мышей и птиц. Затем шаман брызжет жертву и просит у морского духа рыбы; он перечисляет духов всех мест, рек и гор, видных ему с места шаманодействия, и прибавляет, что все они будут благодарны, если морской дух подаст рыбы. Во время песнопений вдруг в руках у шамана покажется рыбья слизь, он перебрасывает её назад через голову, и на кого она попадёт, тот много добудет рыбы.

Впрочем, и на реках якуты-рыболовы не обходятся без подобной же церемонии. Пригласив шамана, они втыкают на песчаном берегу реки семь молоденьких тоненьких лиственниц; они становятся прямым углом, так что одна сторона угла упирается в реку, а другая идет параллельно ей; каждая сторона заключает в себе по три стоящие рядом лиственницы, а срединная, седьмая (лиственница), занимает самую точку угла. По воткнутым лиственницам протягивают плетёную верёвку длиною в семь ручных сажений. Между кольями вешают на некотором расстоянии друг от друга (почти на аршин) семь частичек одной шкуры саврасового зайца, семь вязанок пёстрого птичьего пуха с крылами (иногда до семи вязанок ястребиного и по семи вязанок кукшиного пуха).

У того конца жертвенной верёвки, который упирается в самую береговую черту, ставят посуду кумыса с маслом.

Шаман, снявши шубу, почерпнувши кумыса с маслом, брызжет по этой жертве хамыйахом, а потом в реку и при этом поет: «Дух поднимающегося белого моря, дух восьмигранной вселенной, семь твоих сыновей, семь твоих дочерей! Прошу я, стою, принеши (вам) в подарок, если вы сыновья, то пуху на стрелы, если вы девицы — меховой околыш для шапки. Господин дедушка мой, дух поднимающегося белого моря! Выплёскивай (нам) на берег твоих слизкохвостатых (рыб)! Мы, пёстрогрудые (т.е. от наготы), обеднели, похудели, отощали, высохли. Насыщай же ты твоих оголодавших, дай пополнеть отощавшим! Дух места! Ведь ты воспитал (нас), укрывая в потливых подмышках, ты воспитал (нас), скрывая в пахах твоих с запахом мочи. Дух места, смотри ты обоими твоими вертящимися глазами, слушай обоими твоими нежными ушами!

Склонил я шейную кость, преклонился суставами!» (Үллэр үрүнг байаҕал иччитэ, аҕыс иилээх саҕалаах аан дайдым иччитэ, сэттэ уолунг, сэттэ кыыһынг, кыыһынг буоллаҕына-буодьу таҥаһын, уол оҕонг буоллаҕына оноҕоһун түүтүн бэлэхтиэн тураммын көрдөһөн эрэбин. Үллэр үрүнг байаҕал иччитэ тойон эһэм, салыннаах кутуруктааххын таһырдьа дьалкыйан кулу! Элээн түөстээх, эдьэри бэйэлээх буоллубут, туорхакыйдыбыт, хобдогурдубут, куранхардыбыт. Сыарҕатаабыккын сылаарт, торҕотообуккун толорут [торолут?]. Аан дайдым иччитэ! Холонгсолоох хонноххор хорготон ииттинг этэ, дьаардаах быттыккар кистиэн ииттинг этэ. Аан дайдым иччитэ, икки эригир хараххынан көр, икки кунньалык кулгааххынан иһит! Хаайлыктыын ханкыйдым, сүһүөхтүүн сөнгүрөйдээтим!).

Затем шаман ещё дважды брызгает в реку и на жертвы и дважды причитает подобным же образом, прибавляя: «Ну, дух этого места, девять твоих вольных детей, все вы ешьте-кушайте!» (Чэ, аан дайдым иччитэ, уон уйгур уолунг — кыыһынг, аһаан-сиэн барыгыт!).

Иногда, смотря по многоречивости шамана, причитания при жертвоприношении бывают длинные, с частыми повторениями одних и тех же выражений. Вот краткий очерк подобных молитв. Накануне жертвоприношения шаман поёт внутри юрты: «Дух восьмигранной местности, не вздрагивай от стука (моей одежды), от отголосков (моего голоса). Дух озера с моховой землянкой, старик Кёккётуй (күөл иччитэ, көппөх ураһалаах, Көккөтүй оҕоннзор), дух реки с песочной землянкой, дух глубокой воды, дух поднимающегося белого моря, господин Сандалас, госпожа Мэндэлэс, парень Мючюн, девица Кюлюнь, слушайте вы благо-склонно, удачно вещайте счастье! Айэхал мой, айылыат!». Поёт шаман подобным образом, доходит до четвертой «ступени» (кэрдии), призывает в себя сына и дочь духа глубокой воды и опять поёт: «Дух глубокой воды господин Мэндэлэс, господа Мэльдэлыгэн, сын твой Мючюн, дочь твою Кюлюмь! Пришел я верным посланцем, подобающим сватом, умеющим заказчиком от солнечных людей (күнүм дьонуттан). Пришел я с подарком — семиобхватной нитью с пухом кукши; парню (Мүчүг) принес я ценный подарок — пух для стрелы, девице ценный подарок — мех верхней части спинки зверька на околыш (шапки). Умирают солнечные люди; уже семь ночей, как они ели сажу; уже три дня, как они стали, охая, вставать с постели; вот уже два дня, как стали без чувств; вот для этого-

то и пришёл я к вам; и пришёл с ценными подарками, с длинным благодеянием, с широкой жертвой (*кэтит дэлбэргэлээх*), с питьём из разбрызгиваемой молочной белизны, выпросивши от имеющих, вытянувши с неимущих. Молодой, я стал старым, дитя, я стал престарелым, стал, охая, вставать с кровати, сложенной неправильно. И во всё это время питался я, кормился вашим разбрызгиваемым ысыахом, вашими слизкими рыбами, вашими веселохвостыми, неплотношейными, широкоголовыми (*салбах бастааххын, саксагар хайыылааххын, куйаар кутрук-тааххын, салыннаах балыккын*). Вот и пришёл я, думая, на что осердился ты, дух госпожи бабушки (р. Яны), отчего перестала кормить-миловать? Поэтому-то вспомнил я, подумал, пришёл!».

Затем духи — парень Мючюн и девица Кюлюмь — входят в шамана, и тут он поёт от их лица: «*Айхалым* (протяжно), *айылыат* (протяжно)! Для каких сожалеемых людей пришёл ты и держишь речь? Ведь ты много говоришь, шаман! Ступай к нашим родителям. Мы что знаем? Родители наши должны знать!» (*Бар да ийэбэрабабар, биһиги тугу билиэхпитий? Ийэм-аҕам билэллэр уни!*).

Тогда шаман выпускает этого парня и девицу, идёт далее и достигает седьмой «ступени» (седалища, которого никто не видит), стал на одно колено, держит в руках жертвенную верёвку и, сложивши руки у оконечности груди, кланяется: «Госпожа моя бабушка, пришёл я, нагнувшись суставами, склонившись шеей, кланяясь, упрасывая! Со времен моего почтенного дедушки, почтенного отца, почтенной бабушки и почтенной матери, направляла-давала ты широкоголовых, веселохвостых, расплескивала-давала на дворе слизких рыб, щедро рассыпала, и ел я и видел солнечный свет и землю! Вот послали меня спросить, на что рассердилась ты, отчего перестала давать?».

Госпожа бабушка: «О, ступай от меня, парень! Не пущу я к себе шамана, думавшего грешное на скот, созданный богом, думавшего грешное на человека, созданного господом! Пришел грешный шаман!» (*Ой, бар, тойон! Айыы айбыт киһитигэр айыыны санаабыт, Айыы айбыт сүөһүтүгэр айыыны санаабыт, мин киллэриэм суох. Айыылаах ойун кэллэ*).

Шаман: «Госпожа моя бабушка! Не думаю, чтобы я сделал большой грех на человека, созданного моим господом. А причислили на меня посторонний грех, то я не принимаю его, госпожа бабушка! Очень просят

меня люди мои, потомки, остатки прежних знакомых мне людей. Отворите же мне дверь!». Отворили, шаман вошёл в дом духа глубокой воды (снова поет): «Дух поднимающегося белого моря, господин Мэндэлэс, госпожа Мэндэлгэн, сидите вы, слушайте, внимайте, смотрите-зрите! Вот уже семь ночей, как солнечные (т.е. земные) люди ели сажу, вот уже три ночи, как стали, охая, вставать с неправильно устроенной кровати, вот уже две ночи, как стали без чувств. Со времени моего дедушки, бабушки, со времён почтенных родителей щедро брызгала-давала она, направляла широкоголовых, веселохвостых, кормила и воспитала меня; я, человек, желаю есть привычную пищу; благодетельствовала она прежде, и ныне я желаю благодеяния. На что рассердилась она, перестала кормить? „Ступай, скажи!“, — (так) сказал мне народ, и вот пришел я, госпожа бабушка! И пришёл для сына с ценным подарком: пёстрым птичьим пухом, с крылами для перьев стрелы, а дочери на околыш шапки верхний спинной звериный мех; с длинным благодеянием-жертвой в семь ручных сажен, с разбрызгиваемым белым молочным питьем». Шаман ввёл в себя господина духа моря. Дух смерял руками жертвенную нить (*салама*): семь ручных сажен, оказалась одна четверть лишку, оторвал он её, бросил назад, взял только семь сажен (конечно, всё это представляет шаман, в котором теперь присутствует дух).

Дух: «Очень уж вы говорите! Возьми, парень, возьми, девка! Дайте этому шаману одну обхватку рыбы!».

Шаман: «Э-э-экха!» — схватывает рыбу и кричит: «Уруй!.. Пфу!» — и бросает её сзади себя. Люди, находящиеся в доме, тоже кричат: «Уруй!», — и держат, подобравши полы, платья.

Дух глубоких вод: «Больше уж я не дам!».

Шаман: «Много ли насытится этим человек, который уже семь ночей ел сажу, вот уж три дня, как стал, охая, вставать с неправильно сложенной кровати, вот уж два дня, как стал без чувств. Зачем суховато и мало дала ты, госпожа бабушка? Нельзя ли ещё прибавить? В чём же будет состоять слава моря, изо всего того, что отворил я твою тяжелую почтенную дверь, перешагнул твой высокий порог, сходил к твоему священному огню и дому, госпожа бабушка? Прибавь-ка теперь еще раз!».

Дух: «Возьмите, парень и девка! Очень уж говорит этот шаман, возьмите, дайте (ему) ещё раз!».

Шаман вскрикивает: «*Аһакха!*» Схватил рыбу, со словом «пфу!» перебрасывает назад себя.

Народ опять кричит: «Уруй!».

Шаман: «Госпожа бабушка! Я, шаман, знаменитый повсюду, куда только достигают ноги проворной лошади, куда только доходит молва путешественников, пришёл к моей госпоже бабушке. Вскипи-ка сверху, понатужься снизу, махни-ка (поделись-ка) теперь ещё раз, чтобы имя знаменитого человека прославилось повсюду, куда только достигают ноги быстрой лошади. Махни-ка ещё раз, госпожа бабушка».

Дух: «Что это? Видно, этот шаман не хочет отойти от моего дома, прибавь ему половину охапки!». (Парень и девка дают)...

Шаман: «Эх-ях!» (схватил). «Пфу!» (бросил).

Народ! «Уруй!»

Тут шаман, находясь внутри дома, становится на одно колено, обращается лицом на летний выход солнца: «Госпожа бабушка! Сходивши для пользы своему народу, помолился я, умолил. Госпожа бабушка, как ворочусь я к моему месту, к священному огню, к моему дому, ко всем почтенным людям. Накорми меня во имя того, что перешел я твой высокий порог, отворил тяжёлую почтенную скрипучую серебряную твою дверь. Я не могу дойти к моему месту, к моим почтенным людям».

Дух: «Ты выпросил для людей и для себя опять просишь? Не дам я, не накормлю!».

Шаман: «Госпожа бабушка! Побывши у тебя с таким трудом, не могу я дойти до дому: должен с голода умереть дорогой. Если же я снизу заплесневею, сверху покроюсь плесенью, если собаки этого места искусают меня, черви, жуки и моль будут поедать меня сверху, тогда весь почтенный народ станет смеяться, тогда кому будет стыдно: тебе или мне? Буду ли я стыдиться, что, вышедши из твоего дома, умру с голоду и буду лежать мертвый? Если ты сделаешься посмеянием людям, оставшимся в живых, сумеешь ли ты оправдаться, госпожа бабушка?».

Дух вод: «И правда, этот шаман не хочет отойти от моего дома! Дайте солнечному человеку пудовую кривохвостую рыбу, видом как будто разорванную по пупу когтями!»

Шаман схватывает руками рыбу, в хлебывает и проглатывает: «Госпожа бабушка! Здесь-то я наелся; нельзя ли и на дорогу дать мне пищи, чтобы не потерять нам обоим свою высокославящуюся, высокую славу, чтобы не уничтожить белый почет, если я помру с голоду... Госпожа моя бабушка!».

Дух вод: «Не хочет отойти от моего дома этот шаман. Дайте ему красную рыбу: пусть ест дорóгой!».

Шаман опять схватывает и бросает назад, говоря: «пфф!».

Народ: «Уруй!».

Снова шаман становится на колени: «Госпожа бабушка! Да будет, чтобы ты заставила меня сделать счастливую дорогу, заставила меня говорить счастливое слово, чтобы каждый шаг мой был с дорогим подарком, с длинным благодеянием для моих людей, чтобы всё моё хождение было счастливо, чтобы молвил я счастливые речи (*Дьяллык буоллун, дьаралык буоллун, улуу дьяалы*). При этом шаман трижды повёртывается по солнцу, приходит к народу, поёт: «Что есть у вас рассказать?» (*Туох кэпсэллээх олоробут?*).

Народ: «Ну нет! Какие у нас будут рассказы! И глазами ничего не видали, и ушами не слышали. Лучше рассказывай ты, путешествовавший человек!».

Шаман: «Побывал я, сходил к духу поднимающегося белого моря, к духу глубоких вод, господину Мэндэлэсу, госпоже Мэндэлгэн. Вот он послал вам со мною две с половиною охапки рыбы. И вы будете много есть (т.е. добывать) таких же рыб, как я завтракал: пудовых кривохвостых, видом как будто разорванную по пупу когтями. Дал он мне на дорогу красную рыбу. Этих-то двух видов рыб и будете вы есть, если я удачно сходил (к духу морей). А если я неудачно сходил, то не будет вам попадаться рыб с такими приметами. Вот поэтому и разбирайте, действительно ли я был или не был (у духа вод)».

Народ: «Да будет так!».

Этим оканчивается первое представление шамана, он кушает и ночует.

Утром перед восходом солнца шаман выносит *дэлбиргэ* (жертву) и вешает её на семи талинах, которые иногда ставятся и не на берегу, а на всяком открытом месте и не углом, а в одну линию так, чтобы начало её было к востоку и конец её к западу. С нижней половины талин по приказанию шамана снимают, срезавают кору и привешивают к жертве. Кумыс, разведённый маслом, налит в берестяной посуде. Шаман надевает на голову шапку и притом так, чтобы одна отвороченная кверху наушка приходилась на лбу, а другая на затылке. Шаман стоит сзади жертвы, рядом по левую сторону от него стоит его прислужник, кормчий (*кутуруксут*). Шаман поёт сначала очень протяжно: «Чой! Чуораны!

Чой! Чуораны! Чой! Чуорахны! Чох! Чох! Чох! (Затем каждая сказанная мысль отделяется словом *чих!*).

Старый год прошёл, направился новый год, поднялся снежный сугроб; пришло мягкое лето, наступил зной; стоял снег с почтенных мысов, слинял твёрдый снег звучного широкого неба. Госпожа широкий Дулгалах, широкий Сартан (имена рек), госпожа бабушка (т.е. Яна), ставшая направлением для перелёта птиц, для перехода зверей! Госпожа бабушка, широкий Боронук (место, на котором стоит г. Верхоянск), почтенная госпожа с моховым летним домом Кёккётуй, госпожа Кумас с песчаным летним домиком, дух поднимающегося белого моря Мэндэлэс, госпожа Мэндэлгэн, господин сын Мючюн, дочь Кюлюмь! Расширил я ваш разбрызгиваемый ысях. Если спрашиваете вы, кто это брызжет белым брызженьем? Это посланный человек, принесший семи-саженную жертву, пёстро-го духа птиц на стрелу сына, верхнего спинного меха на околыш шапки девице. Дух цветущих трав, старик Ёкчёрюкээн, дух деревьев Махчарыкаан-старик, дух корней свалившихся лесин, старуха Сыкдыкаан, тётушка моя, дух развалин! Не допускайте поскользнуться вашим гладкокопытным, скользнуть раздвоеннокопытным, проскользнуть четырехсуставным. Скрывая в вашем узком, пряча в вашем широком, завертывая в мягком, не давайте владеть невзгоде, отнимать лукавому!».

Кончив брызганье, шаман снова держит поварешку (хамыйах), поёт: «Солнечный ворожей с серебряными пальцами, мелькающими подобно крыльям маленькой куропатки! (*Хаккырыар хабдьым кынатын курдук килбэдьльбин көмүс тарбахтаах Күн Түөрэхсит!*). Если назначенного хозяина не возьмёт невзгода, не отнимет лукавый, если оправдаются сказанные мною слова, если счастливо будет моё хождение, обратите по солнцу, «посадите» мою белую ложку, величиною как маленькое озерко! Крр!.. *Кинкир-кир!*». Затем шаман бросает хамыйах, и он «садится», т.е. падает дном книзу. «Уруй!», — восклицает шаман, и за ним воскликнут все присутствующие. Потом уже отправляются на промысел.

На самом рыбном промысле якуты соблюдают множество предосторожностей. Например, нельзя удить рыбу, наевшись медвежины: рыба исчезнет. Талиной нельзя ударять по воде: рыба не будет ловиться. Рыбные кости нельзя бросать в огонь: изурочишь. Рыбу нельзя спускать в посуду без воды: изурочишь. Добытую рыбу нельзя резать ножом

сверху: изурочишь, резать надо снизу. Нельзя бросать небрежно кости мелких рыб. Нельзя варить рыбу в котле, в котором лежит мясо с кровью: промысел изурочится.

Первую упромышленную рыбу едят без соли, иначе промысел изурочится. Промышляя большую рыбу, её потчуют гостей не иначе, как отделив голову (на Бытантае), большая рыба подается гостям с головой только тогда, когда сезон промысла уже окончился. Рыбьи кости нельзя выбрасывать изо рта; их нельзя попирать ногами, иначе рыба исчезнет. При налиме нельзя высекать огонь — изурочится. Изловив налима, на Лене вырезают ему глаза и приносят домой безглазого. Желудок налима не разрезают поперёк, а иначе налимы не будут попадаться в продолжение трёх дней. Если разрезать поперёк желудок тайменя, то он не будет попадаться в продолжение девяти лет. Если вытащишь на удочке рыбу, да она уйдет с берега в воду, то рыба изурочится (в этом случае она-де рассказывает товарищам об опасности). При живой рыбе якуты никогда не говорят и не кричат: они уверены, что рыба услышит их разговор, расскажет другим и не будет ловиться. (Поверие произошло оттого, что якуты подметили тот достоверный факт, что рыба имеет слух и облекли его в суеверную форму. Между тем русские на устье Индигирки и жители Быкового мыса (смесь русских с якутами) не соблюдают этого обычая и свободно шумят при живой рыбе). Если в дом приносят живую рыбу, а домашние кричат в ссоре друг с другом или уронят железную посуду, то рыба услышит это и изурочится (*ханнааҕа*). Вздевая на удочку наживу, например мясо, якуты приговаривают: «Пришедши быстро-плавно, схвати ты, с переполоху глотни!» (*Халыйан кэлэн хан, уолуйан кэлэн уон!*).

У инородцев на Моме и на реках есть ещё поверье, что если через озеро или реку перенести покойника, то рыба пропадёт на девять или одиннадцать годов; потому в таком месте, где перенесён через воду покойник, они уже рыбы не ловят. Русские же в Ожогоином и Русском Устье, как говорят, не имеют этого поверья.

Если якут видит во сне морды или сети, то это к приходу белого человека. Не намекает ли эта последняя примета на то, что якуты научились ловить рыбу сетями и мордами только от русских?

ХII. КОННЫЙ И РОГАТЫЙ СКОТ

Отправляясь в бесконечно дальний путь, сказочный герой говорит: «Прощай мой родной дом, священный огонь, нежные родители, 90 табунов кобыл, 80 хотонов коров!». Приехавши на свое место, Белый юноша увидел, что растительность его произрастала отлично, место его украсилось превосходно; коровы и кобылы его очень расплодились.

Якутская сказка.

«Каково живете?», — спросите вы у якута. «Силою божьею, с людьми и со скотом живём хорошо» (*Тангара күүһүнэн киһилиин-сүөһүлүүн олорбут үчүгэйдик*), — ответит он. Самое сердечное якутское благословение: «Пусть ржёт у тебя табунный жеребчик; пусть всегда мычит у тебя самец-бык! Пусть распространится у тебя девятигранно натянутый ремень для привязывания жеребят!». ^А Такое желание понятно между людьми, у которых скот составляет почти исключительное имущество, и выражение «не евший отцовского имения» равносильно: «не пользовавшийся наследством».

Оленей якуты лишь очень недавно заимствовали от тунгусов и ламутов; коров же, по всей вероятности, от русских. ^Б Несомненно, что только конным скотом владели якуты с древнейших времен; только он искони составлял «счастье-благодать, длинное богатство» (*уйгу буйангы, уһун кэһиини*) якута-человека.

Почти всё мирозерцание якута сводится на конный скот. «И живёт он, — говорит сказка, — вместо денег пересчитывает толстый жир кобылий, разделяет сало по позвонкам, кумысом горло себе поправляет, коленчатыми ноздряватыми костями зубы себе заколачивает».

А вот, говорят, ржание молодого жеребчика не теряется в продолжение девяти годов? (Грохот раскалывающегося льда).

Говорят, вниз по реке уплывает косматый жеребёнок? (Вода наледи).

Говорят, есть белая кобыла, в белой кобыле чёрный жеребёнок, в чёрном жеребёнке поганый жеребёнок? (Снег, дом и печка).

Говорят, не исчезает след лежавшего почтенного жеребца? (Место, бывшее под жильём).

Белая кобыла ушла, желто-белая прошла, а буланая плывет да плывет? (Волны и течение воды после того, как весенние льды пройдут).

У одной кобылы семь жеребят и, оставшись от них, она ржёт? (Лук, тетива и стрелы).

У двух белых кобыл одна узда? (Медное устье раздувального меха).

Белая кобыла с неба поскользнулась? (Гребень).

Конёк хвоста не может поднять? (Безмен).

Говорят, у чубарой лошади и следов не видно? (Лодочка).

Говорят, стоит чёрный жеребёнок, загнанный в хлев? (Звонцы в бубенчиках) и многое т. п.

«Был, — говорит сказка, — у этого дьявола нос, точно голень хорошей кобылы». «Огниво, как голова большой лошади; большой чёрный кремь, как печень кобылы»; «Сырой тальник рос тут так часто, как хвост жирной кобылы»; «Было блюдо, подобно коже трехгодовалой лошади»; «Поле, как растянутый жир лучшей кобылы»; «Внутренность двора столь гладка, что на ней не может устоять десятигодовалый жеребец» и многое т.п. Поперечное сидалище Белого господя бога подобно рубцам нёба четырёхтравного жеребца. Сам Белый господь бог имеет на небе молочное подножие, молочное сидалище, коновязь из серого коня, столб на дворе из чисто белой лошади, медный ысыахный кол из жёлтой лошади и кушает разбрызгиваемый ысыах, пьёт белую молочную пищу.

В якутском языке много названий для лошадей разного возраста, разных мастей и свойств. (См. Приложение [В](#) Якутско-русский словарь). Сказочные герои у якутов имеют по несколько верховых лошадей: чалая у них для выезда на промысел, жёлтая для обыкновенной езды, голубая для путешествий, белая для пастьбы скота, лошадь с веселыми напликами¹ для выезда на веселье. (*Аан Дьаралы атыырдаах, Күн Көлбөрү биэлээх, Айыы сыбайа биэлээх; булууга мииннэр буурул аттаах, айанна мииннэр араҕас аттаах, суолга мииннэр сур аттаах, кэтиигэ мииннэр кэрэ аттаах көргө мииннэр көр дьабыл аттаах*). Главная лошадь сказочного героя — чисто белая, длиной в один дневной переезд, шириной в десять вёрст, с серебряными крыльями для полета, а ест она ветер, приходящий с севера и юга. Жалобное ржание этой лошади «проходит ему через подошву в самое сердце».

---

¹ Наплики — пятна. — прим. OCR.

Якут ходит в кобыльей шкуре, спит на кобыльем меху, пьёт кумыс, питается кобыльим мясом,¹ летом он не отлучается от коней, зимой он помещается в одном хотоне, в старину он погребался вместе с лошастью, а ныне он въезжает на ней в царство небесное. Едва ли было бы преувеличением сказать, что в якутах столько же лошадиной крови, как и в любом якутском коне. Это выражение, столь резкое для слуха образованного человека, показалось бы, пожалуй, лестным истому якуту.

В сказках великие якутские герои называют коня своим «равным другом». Высшее правосудие проявляется жеребцом; в самом запутанном деле, где не могли рассудить ни кузнецы, ни гром, дело решил конь (в сказке «Хаан Дьаргыстай»). Почетность коня засвидетельствована народными играми. Если играющий в *хабылык* в числе прочих лучинок по ошибке захватит «жеребца» (лучинку с зарубинкой), то он должен заплатить штраф лучинками, платя их столько, сколько «зубов» (зарубин) у жеребца, да, кроме того, ещё за хвост, за гриву и за четыре копыта. Игра жеребцами и жеребятами — одна из самых популярных якутских игр.

Собирание кумыса освящено религиозным торжеством ысыаха; все дьяволы и боги умилощивляются волосами конской гривы, конским жиром или конской шкурой. Богиня-создательница, помогающая при родах (*Айыыһыт*), сама превращается в кобылу; богиня-хранительница на время ысыаха делается белою кобылицей. Некоторые жеребцы прямо боготворились, но об этом см. гл. XIV, 1. В старину у якутов был обычай, по которому, увозя невесту из отцовского дома, особо от калыма, жених оставлял им вместо дочери одну кобылу, которая и называлась «скотиной, данной вместо дитяти» (*оҕо оннугар биэрбит сүөһүтэ*).

После всего этого понятно, что у якутов много разных обычаев относительно конского скота. Например, считается грехом перешагивать через ремень, натянутый для привязывания жеребят. «Только безумный человек перешагнет через узду жеребёнка» (*Баһа суох киһи көбөнү атыллыаба*). Грех бросать на землю волосья, вырезанные из конского хвоста, их следует бросать на жеребца. Нельзя лить на пол закваску кумыса: счастье разольешь. Конный, а с ним и рогатый скот имеет назна-

---

¹ Почти ко всем якутам можно применить часто употребляемое якутское выражение: «*кыырт курдук этимсэх*» («плотояден, как ястреб»).

чение от господ бога: ударить скотину по морде или по голове — великий, страшный грех. Иметь лошадиную оброть без побрякушек — грех: от побрякушек чёрт удаляется.

Жеребят обыкновенно продают с обротью; лошадь без оброти всё равно что «без души» (*тыына суох*). Некоторые якуты уверены, что лошадь, купленная без ремня, непременно умрёт; на Моме считают также за грех удерживать нарыльник от проданного телёнка.

Прощаясь с лучшим своим конём, истый якут считает необходимым сделать ему несколько наставлений, говоря: «Во весь свой век воспитывай ты счастливый скот, не давай в обман, не выдавай дьяволу назначенного твоего хозяина!». Или: «Пусть, сидючи на твоём высоком хребте, встречается он со счастьем. Будь долговечен, широко счастлив; пусть не взглянут на тебя удачно каленоогненные (враждебные) глаза; пусть не злословят злоязычные! Ходи ты (т.е. живи) и у этого хозяина (или хозяйки) так же хорошо, как ты ходил у меня. Жеребчик мой, благословляю я тебя!» (*Уйэлээх саас тоххору дьоллоох сүөһүнү иит, аналлаах иччигин абааһыга биэримэ, албыннатыма! Үрдүк мындаан үрдүгөр илдьэ сыльдьангыһын иччигин дьолу — саргыны көрсөр буоллун. Уһун үйэлэннин, кэтит дьоллоннун. Хатан харах уоттаах таба көрбөтүн, тааар тыллаах таба эппэтин. Миэхэ даҕаны үчүгэйдик сыльдьыбытын, бу да тойонгор (хатынгар) үчүгэйдик сырыт. Соноҕоһум, алҕаатабым эйигин!.*)

Уважение к конному скоту (а за ним отчасти и к рогатому) выражается в множестве рассказов, находящихся полную веру среди якутов, например:

«Лет двадцать или тридцать тому назад жил на Табалахе, в 240 верстах от Верхоянска, якут Григорий Кирдиэлиир. Небогатый он был парень, да ловкий. Купил он у дорожных людей сухого (т.е. заморенного, заезженного) жеребца, да ещё одну лошадь. Вёл он этих коней, да по случаю распутицы остановился у одного якута. Когда привязывал Кирдиэлиир лошадей к коновязи, старик-хозяин посмотрел на них и сказал: „Ух, — говорит, — какого ты взял сухого жеребца! Лошадь-то ещё может понравиться, а жеребец пропадёт: какой сухой!“. Тут жеребец пфукнул губами и сказал: „Пфу! Врёшь ты: вот ты-то уйдёшь под землю, не доживёшь на будущий год до этого времени, а мне суждено расплодить огромный табун!“. (*Сымыһан эн! Эһиилги дьыл баччатыгар тийиминэбин, буор анныгар киириэн! Мин үөр атыыра буолуох*

тустаахпын, элбэх сылгыны төрөтүөх тустаахпын!). И действительно, предсказание жеребца исполнилось: старик-хозяин, который один и слышал эти слова, помер, а жеребец не только не пропал, но и действительно расплодил много скота». «Ловким» парням легко, таким образом, заставить других уважать и ценить свое богатство.

Или: «В 30 верстах от Верхоянска живет Вера, жена Лариона Кыната („крыло“) ясновидящая она, пророчица. Когда сидит она, то дёргает у ней или жилы, или сердце, и поэтому она предузнает и предсказывает и счастье, и печаль, и свадьбу, и когда приедут дорожные. Все предсказания Веры бывают непреложны... Как-то лет пять тому назад приносит она утром в хотон сена для телят и видит: стоят два бычка. Один плачет, голову повесил, не ест; другой весело кушает и говорит товарищу: „Что ты это голову повесил?“. А тот отвечает: „Как же мне не печалиться? Ведь меня весной-то убьют. Несчастливая я скотина“. — „Нет, — говорит на это первый, — я счастливый: свыше я назначен быть табунным самцом и расплодить скота“ (*Мин үөр обуһугар аналлаахпыт; хотону тэни-тиэх сүөһүбүн*). Услыхала она это. („Ведь телята подолгу не разговаривают“, — наивно прибавляет рассказчик). Выдала потом Вера замуж молоденькую дочь, лет 19. Стал зять собираться ехать в Усть-Янск. А мать и говорит: „Ужасно меня печалит её поездка: как только вспомню, так и станет прискорбно. Верно, уж я умру, не видать мне больше дочери!“. Останавливала мать молодых, да не слушали. Наступило время отъезда; вследствие материнских слов дочь неохотно собиралась в дорогу, но муж принуждал. Оседлали и коней. Вышла мать за чем-то на улицу, а лошадь её дочери стоит и плачет. И пфуканье лошади почудилось ей речью: „Несчастливая я лошадь; не привезу уже обратно домой свою хозяйку!“ (*Мин сордоох аппын; иччибин туруору дьибитигэр төннөрөн аҕалыам суох*). Как услышала это Вера, мороз у ней пошёл по телу, хотела домашним сказать, но не решилась. Так и не сказала, но, прощаясь с дочерью, горько плакала. А дочь, доехав в Усть-Янск, действительно скоро захворала и померла». Этой истории уверовал весь околоток.

Якуты уверены также, что если скотину сильно бить, то она говорит (жалуется) об этом богу. В сказках постоянно встречаются лошади с человеческой речью: там они уже долго разговаривают, говорят целые обвинительные и защитительные речи и пр.

На святках якуты, желающие узнать свою судьбу или участь своих близких, зарываются осторожно в сено в лошадиных яслях и лежат там

около двух часов и слушают, как говорят между собою кони; по этому судят о счастье или несчастье наступающего года. Если же лошади услышат, что в яслях спрятался человек, то они его съедают! Необходимо также, чтобы и люди не знали о том, что известный человек залег в ясли. Всё время, как кони будут жевать сено, их жевание будет слышаться лежащему как разговор, и узнает он из этого всё, что только случится, счастье и несчастье, все события будущего. И будет он слушать до утра, до тех пор, пока лошади наедятся и перестанут жевать. Тогда он должен выйти из ясель, тоже очень осторожно, так, чтобы ни кони, ни люди не заметили. И всё слышанное им сбудется так точно, как будто кони это вперёд видели. Слышавший не должен рассказывать никому своих открытий, может рассказать только перед смертью отец младшему сыну.

Убивая скотину, на Моме кладут в огонь три кусочка жиру, чтобы он горел в трёх местах. В Эльгецком улусе, сваривши мяса только что убитой скотины, зачерпывают из котла жир хамыйахом и льют в огонь, а также бросают в огонь три маленьких кусочка лучшего жирного места, приговаривая: «Кормлю я этим нашего дедушку огня» (*Уот эһэбин аһаттаһым*).

Холостя коня, приговаривают: «Отстранил я силу нечистой болезни, удалил силу смерти, сделал толстым боковое мясо, сделал я толстым его в два ряда. Это определение молочно-каменного Белого святого господа, беда, сделанная вследствие бедствия, назначение сотворившей Хранительницы, назначенное восьмью святыми. По назначенной судьбе взял я назначенную судьбу: пусть питается сотворивший тебя добрый дух!». (*Дьай бөбөнү дьалбарыттым, өлүү бөбөнү көлбөрүттүм, халын табаннаатым, хос табаннаатым; үүт таас бэйэлээх Үрүн Айыы Тойон онгоруута, үлүгэртэн онгорбут үлүгэрэ, айбыт эйиэхсит хатынын анаабыт анала, аһыс айыын анаабыт анала, онгоруулаах онгоруу онгорбут онгоруутунан ыллым, айбыт айыыһытын иттин!*).

Жилы холощенного коня перевязывают жилистыми нитками, эти нитки должны быть от убитого, а не от пропавшего скота, «иначе конь пропадёт». Части, снятые при холощении, жарят, но непременно на сентухе (т.е. огне, разведённом под открытым небом). Жарить их на тальнике нельзя, а также есть внутри дома. Женщины не могут есть и снаружи. Женщины и девицы не могут присутствовать при холощении, а то они сглазят коня.

Холостить жеребца может лишь тот человек, который обучен сновидением (умсуйуу), т.е. видел во сне, что какой-нибудь из опытных операторов давал ему нож и заставлял скопить жеребца.

Церемония скопления производится в некоторых местах так. Жеребцы, предназначенные к этому, привязываются к столбам. Холостящий, держа в правой руке треножный чорон кумыса с маслом, а в левой руке операционный нож, обходит по солнцу вокруг жеребца трижды и приговаривает: «Дух моей местности, ты создала, показала пример, распорядилась. Родился я, обученный во сне, пришёл я от родоначальника холостящих; и поэтому хочу делать!» (*Аан дайдым иччитэ, онгорбутун, туомнаабытын, дьаһайбытын! Умсуйан төрөөбүтүм; быһаччы төрдүттэн кэлбитим, ол туһун онгороору гынабын*). Затем холостящий отпивает из чорона три глотка кумыса, потом, взяв кумыса, брызжет жеребцам на спину, как попадёт, по разу на каждого. Остающийся после того кумыс весь выпивает сам.

После этого берут одного жеребца и, связавши ноги, повалят. Сделавши операцию, холостящий обмывает рану парным кобыльим молоком (очень редко кобыльим молоком, разведенным водою). Затем растягивает рану руками, трижды плюёт в неё и наговаривает: «Засохни, как доска, уничтожься так, чтобы и сукровица не выходила!» (*Хантаһын тахса хат, симэһин тахсымна симэлий!*). Потом холостящий становится, стоя на одном месте, а кто-нибудь другой трижды обведет вокруг него по солнцу охолощёного коня (уже поставленного на ноги).

Впрочем, не все здешние якуты знают всю эту церемонию; иные просто, охолостив коня, плюют трижды в рану и приговаривают: «Будь ты с такими же добрыми мыслями, как и я; будь ты такой же крепкий, как я. Удвоил я твоё тело, сделал толстым твоё бедровое мясо, втрое пышнее сделал твою шерсть. Побывай в Якутске, а воротись Охотским»^Г (*Мин курдук үтүө санаалаах буол, мин курдук мингэлээх буол. Хат табаннаатым, халын куннаатым; үс хат бүтэй мүөрсун түүлээтим. Дайдыннан айаннаа, лаамыннан эргий!*). При холощении быков этого обычая нет.

Убивая главного (или табунного), жеребца, хозяин говорит: «Заветная моя лошадь! Моя бегающая нога, летающее моё крыло! Отопни ты мне от твоей благодати-счастья, ступай в загон!». Бьют табунного жеребца следующим образом. Сперва живому жеребцу связывают передние и

задние ноги и валят его навзничь на землю. Тогда человек, исполняющий это дело, берёт в руки чорон кумысу и выпивает его. Затем он разрезывает жеребцу брюхо на четверть так, чтобы могли войти в живот раненой лошади только рука и кулак. И вот человеческая рука, вошедши в живот, ущупывает становую жилу и обрывает её. Неумелые долго мучают коня, не зная, где отыскать эту жилу, а несчастная лошадь визжит и бьётся. Оборвав становую жилу, тот же человек должен вытеребить из-под пахов передних и задних ног несколько шерсти¹ и положить себе в пазуху на голое тело, приговаривая: «Оставь мне благодатное твое счастье, широкое богатство!» (*Уйгу быйангыҥ, кэтит кэһиигин миэхэ кэбиһэ тур!*). Если убивают самого лучшего и старшего табунного жеребца, то вместе с ним непременно должно убить и кобылу.

Якуты верят, что человек помирает от того, что дьявол прерывает ему становую жилу. Может быть, и обычай обрывания становой жилы у жеребцов есть не что иное, как почёт, оказываемый лучшему представителю конного скота, почёт человеческой смерти?

Уважение, соединенное с обожанием, перенесено якутами с конного скота отчасти и на рогатый, как это читатель уже мог заметить. Но что коров якуты узнали только впоследствии, это несомненно доказывается совокупностью якутских примет и преданий. Рогатый скот никак не мог достигнуть того почетного положения, которое приобрёл себе конь. Самый взгляд якутов на коров и лошадей очень различен.

Например, видеть во сне, что пропал табунный жеребец — к смерти родоначальника или почётного якута.² Видеть во сне, что пропала кобыла — к смерти почётной якутки. Видеть же во сне, что пропал хороший бык — к смерти русского (почётного или чиновника), а если пропала корова, то к смерти русской женщины.

Если жеребёнок пропадает (во сне), то помрет якутёнок. Если чорон (якутский стакан) расколется (во сне), то пропадет кобыла; если во сне расколется (русская) деревянная чашка, то пропадет корова.

---

¹ В одной якутской сказке герой выдергивает из своей лошади четыре волоса и говорит: «Будьте вы четырьмя тёмно-пегими кобылами!». И четыре волоса обратились в четырёх тёмно-пегих кобыл, а герой поскакал на своём коне далее. В другой сказке из трёх выдернутых конских волос сделался один жеребец.

² Видеть во сне, что табунный жеребец пропадает или его хотят убить в тот же день — значит, богатый якут помрёт в тот же год. Если (во сне) собираются убить жеребца на завтра, то, значит, якут помрёт на другой год.

Самое слово «пастух» как конного, так и рогатого скота по-якутски называется *сылгыһыт* от слова *сылгы* — «конь». Этим же словом называется ветеринар-акушер, помогающий кобылам и коровам разрешаться потомством.

При передаче тестю калыма конный скот отдают сперва и потом уже рогатый.

Якутское предание говорит, что в старину бык заспорил с жеребцом, и пошли они оба к господу богу; жеребец и говорит: «Господи, повели, чтобы лето и зима были равные». А самец-бык сказал: «Нет, говорит, если зима с летом будут равные, то у меня нос совсем изгниёт». Тогда сказал господь бог: «Ну, так пусть лето будет пять месяцев, а зима с осенью восемь месяцев!». Так жеребец рассердился, как пнёт быка по морде: все верхние зубы напрочь вышиб. Оттого-то нынче у быков и нет верхних зубов.

В якутских сказках великие герои ездят постоянно на конях верхом, а дьяволы на быках и притом ещё на санях с обледенелыми оглоблями, с закуржевевшим хомутом; да и бык-то у дьяволов тёмно-грязного цвета и с оборванными копытами. Шаманы, разыскивая болезни своих пациентов, обращаются на верхнем месте (небе) сивожелезым жеребцом с железною редкою гривой, с коротким железным хвостом, не достигающим до подколенника, на нижнем месте голубопёстрым быком со впалыми бёдрами, с оборванными копытами. Если шаманы делают дьяволу угощение (*күндү*), то для верхнего дьявола убивают кобылу, а для нижнего — корову.

Кобыл якуты всегда доят с левой стороны, коров же с правой; если корову доить с левой стороны, то дьявол станет вместе доить.

Якуты дают своим детям есть конские уши, глаза, нос и прочее, а между тем те же части коровьего мяса не дают. Коровьи уши есть — дитя вырастет глухой, как корова. Коровий нос есть — когда пойдет в холод, то из носа потечет вода. Коровьи глаза съесть — дети будут рожаться большеглазые и близорукие. Мальчику не дают кончик коровьего сердца: а то и у него «сердце будет трусливое». Между тем как кончик конского сердца мальчики едят (девушки едят как кобылье, так и коровье).

В благодарность божеству за дарованные богатства у якутов есть чисто народный праздник ысыах, праздник освящения кумыса, табунных жеребцов и кобыл как представителей конного скота (см. гл. XIII).

Однако польза рогатого скота слишком осязательна, чтобы якуты не дорожили этим богатством. Поэтому ысыах с конного скота перенесен отчасти и на быка, но последний ысыах бывает очень редко.

Есть также некоторые обычаи, показывающие, как якуты дорожат и рогатым скотом. Так, в некоторых местах, когда корова отелится в первый раз, то доят от неё жёлтого густого молока, сварят в котле и затем ставят на восток. Это молоко якуты не пьют, исключая разве самых бедных, и употребляют на жертву госпоже *Ынахсыт* — «коровнице», создательнице коровы. Для этого один мужчина берёт простой хамыйах, черпает сваренного молока и брызгает им по потолку юрты, приговаривая: «Слушай, госпожа Коровница! Няньчи твоих новорождённых, делай полными твоих телят, жирными годовалых телёнков, подавай, брызжи ими в таком множестве, как вот это мелкое брызганье!» (*Ынахсыт хатын иһит! Ньирэйгин ньиркирэт, торбоскун толорут, тыһаҕаскын чиилит, маннык үрүҥ ибир ыһыабынан ыһа тур!*). Весной благословляют ещё и быков-самцов. Для этого вне юрты на очаге разводят огонь, ставят близ него ссору (квашеное молоко), приводят быка-самца, отрезают от конца его полового члена несколько шерсти и мешают её со ссорой, затем вымажут этой ссорой, начиная с затылка до хвоста, приговаривая: «Не отстраняй от нас твоей благодати, не удаляй от нас твоих гостинцев!» (*Буйаҥнын бултарытыма, кэһиизин биһиттэк араарыма*) (при шамане эти наговоры бывают гораздо значительнее). Затем быка употребляют для случки.

Есть ещё у якутов следующее обыкновение, именно: момские якуты имеют обычай в первый день рождества или пасхи есть коровью или бычью голову. Вставши по утру, обрезают этой голове ноздри и кладут их на тарелке на передний стол перед образами. Затем сами садятся, съедают голову; потом молятся богу и разделяют ноздри быка всем, кто бы тут ни был, по маленькому кусочку. Эти ноздри называются «доля нашего господ» (*тангарабыт үлүүтэ*).

Из всех домашних животных в самом большем пренебрежении находится «поганая» собака (*быртах ыт*). Для неё не только нет ысыаха, но и самое присутствие её на этом празднике считается великим грехом, и потому всех собак во время ысыаха запирают. Человек, убивший собаку, не должен скопить жеребца. Собаке нельзя давать лакать кумыса, а то сосцы у кобыл покроются прыщами. На Бытантае собак совершенно не кормят коровьим молоком. Давать собаке топтать пух птицы — грех.

Якут не должен давать собаке пищу, жеванную им самим: от этого человек худеет. Брань чёрной четырёхглазой (белые глаза и белые брови чёрной собаки дали ей эпитет четырёхглазой) собакой считается у якутов самой оскорбительной. А если уж якуты очень рассердятся, то скажут: «Да у твоего деда кумысный мех был из собачьего желудка, ковшик из собачьей затылочной кости, мутовка из кости собачьей голени, воронка к мутовке (для мешания кумыса) из шейной собачьей кости! Что же в тебе путного, когда ты такого роду-племени?» (*Эн эһэн ыт кууту-йата кѳбүөрдээбэ, ыт кэтэбин унуоҕа хомуостааҕа, ыт сототун унуоҕа хамнатардааҕа, ыт хаайлыгын унуоҕа хабаргалааҕа?*).

Впрочем, такой презрительный взгляд на собак, вероятно, изменяется по мере приближения к берегам океана, где собака составляет единственный домашний скот.¹ В здешнем же Верхоянском улусе обычаи клонятся исключительно к тому, чтобы как-нибудь охранить только конный и рогатый скот. Например: Весной нельзя стоять в дверях и бросать что-нибудь на двор — скот будет худо рожать. Весною есть стоя на ногах — грех: скот будет стоя рожать.

Коровье молоко до четырёх дней, после того как корова отелится, пить нельзя — грех.

Ребенок не должен царапать ногтѳм пену, накипевшую в котле — сосцы у коров покроются прыщами.

Худо бросать в огонь сырую талину — у коров молоко убавится.²

---

¹ Так, например, если сука родит на кровати (в ногах), то хозяин этой кровати будет счастлив, богат и будет иметь потомство. Если же хозяин будет так глуп, что новорождённых щенков разбросает наземь, то тогда его проклянѳт собачья создательница (*Ыт Айыыһыта*), а уж человек, проклятый ею, во весь свой век не будет богат и счастлив. В Эгинцах есть также собаки, посвящённые Чаадаю, богу промысла. Обыкновенно, если хозяин заметит, что подрастающая его собака будет хороша, то он призывает шамана и заставляет его шаманить. Собаку привязывают перед огнем камина ремнем, который должен быть без надставок из кожи сохатого. Шаман шаманит, призывает Чаадаю, говорит: «Приди! Вот я приготовил для тебя любимого самца!..». После причитаний шаман объявит, наконец, что привѳл Чаадаю. «Ну, обрадовали вы меня, — скажет Чаадай. — Доволен я вами; всегда буду я с вами ходить!». Потом Чаадай скажет шаману, что через столько-то дней или в таком-то месяце даст он хозяину такого-то промысла. И вот, если хозяин упромыслит зверя, снова приглашает к себе на дом шамана: шаман снова шаманит и брызжет эту собаку кровью убитого животного трижды. Голову упромышленного зверя поставят к огню и скажут Чаадаю: «Вот ты дал нам эту добычу, и мы тебе дарим (это)!». Потом шаман увозит эту голову к себе домой и съедает её сам; если же шаман бедный, то ест и его семейство. А хозяин, когда промышляет, всегда дает известную долю своей собаке, приговаривая: «Вот и твоя доля!».

Если собака фыркает, или ложится на спину, или ползает задницей по полу (по земле), то это всё к большой беде или к смерти кого-нибудь из домашних. Если собака тянется на человека — к счастью, если она помочится на платье девочки, то девочка в этот год выйдет замуж, если же на платье молодого якута, то он женится <...>.

² Кобылы доят разное, от 6 до 10 раз в сутки, смотря по привычке и качеству отавы. Коров доят четыре раза в сутки. Для вызова усиленного отделения коровьего молока якутки прибегают иногда к варварским средствам: для этого они вводят в рукав матки цилиндрически свѳрнутый пучок травы, или ремень, свѳрнутый несколько

Пьющий кумыс из посуды не должен его обдывать, иначе кобылы будут пугливы. Если якутка делает ссору, а ссора у неё не выходит, то это к смерти этой женщины.

Столяр во всю свою жизнь не должен делать более трёх хамнатаров (мутовок для взбалтывания кумыса) — грех. Он может сделать более только в том случае, если сломает первые три.

Видеть во сне, будто лошадь укусила — к добру: она вынимает из человека начинающуюся в нём болезнь. Кало видеть во сне — к счастью. Зелень видеть во сне — к счастью. Во сне делать сливки или масло — к добру. Видеть во сне два стога сена — к большому счастью. Видеть во сне, что сено метают — к добру, благополучию и богатству. Во сне убивать вшей — к пропаже скота: мелких, то будет падать мелкая скотина и плохо будет родиться, крупных — к пропаже крупного скота.

Все эти молитвы, причитания, суеверные предосторожности, приметы наяву и во сне очень естественны ввиду ветеринарного невежества якутов и тех многочисленных опасностей, которым скот постоянно подвергается. Между более или менее обыкновенными скотскими болезнями якуты, например, называют *иһигэр өлөр* («внутренняя бо-

---

раз, или комок соли и т.п. Этот свёрток называется *купчуур* и держится в корове целый день, а назавтра им обмазывают коров. Это средство употребляется также для того, чтобы корова телилась, если она не телится. Летом для защиты коров, оленей и лошадей от множества комаров, нередко заедающих скот, раскладывают дымок (түптэ) из сырого и сухого леса и конского кала. Дымок обыкновенно раскладывают около юрты, и он не потухает ни днём, ни ночью, скот жмётся к дыму, и потому, чтобы скот не опалился, дымок огораживают, особенно если скота довольно. Конечно, при ветре около одного дымокура укрывается много скота, но при тихой погоде число дымокуров увеличивается, потому что в этом случае, конечно, дым подымается вверх и защищает слабо (на р. Адыче, иногда бывает так много комаров, что они до смерти заедают лошадей, преимущественно вороных).

Сено здесь начинают косить не раньше петрова дня, но и не позже Прокопьева (8 июля). Первые 7–10 дней рабочие не пьют кумыса, так как с жару пить кумыс вредно; эти первые десять дней называются *сарык*; и потом уже, по привычке, рабочие не остерегаются кислой пищи. На работу отправляются утром часу в седьмом, а с 11 или 12 час. дня выходят на отдых, продолжающийся часа четыре (*омурган*). На отдыхе пьют кумыс, едят, оттачивают косы, поправляют сломавшиеся инструменты: грабли и вилы. Вечером выходят с сенокоса (*хадына*) после заката солнца.

Күүлэй (русское «гуляй») — мирская помощь косить сено; это обычай, принятый якутами от русских. Приглашённым на помощь с вечера дают мясную кашу, утром в день помощи поят кумысом, а после работы кормят обедом. При этом обыкновенно работающим ничего не платят.

Якуты оставляют сено в стогах на поле же, где и огораживают каждый стог особой изгородью, а не свозят его к юрте. Весной коровы ходят к ближайшему стогу и там едят сено. Необходимую же часть якутки приносят на спине с помощью подъёмной талины, подобно тому как таскают дрова.

Если во время метания стога один рабочий стоит внизу, а другой сверху, то нижний не должен мерить стог — грех, это значило бы мерить верхнего рабочего. Рано начинать покос — грех, начинать с большого поля — тоже грех.

Именами или прозвищами домашних животных часто служат фамилии их настоящих или бывших хозяев, дойниц и пастухов (см. Дополнение V).

лезнь»), *мэйиитэ иһэр* («голова пухнет»), *ытыстар* («щеки стискиваются»), *харар* («давится травой»), *сыарҕанкыар* (натирается «садно», рана при верховой езде), *сиһэ эчэйэр, тостор* («спина наджабливается, переламывается»), *күөмэйдьит* («горловая болезнь»), *хабарҕаһыт* («горловая жаба»), *иринэ тохтор* («гной идёт из ноздрей»), *тииһэ суох буолан өлөр* («умирает, обеззубевши»), *хахсыйан өлөр* (умирает от того, что глаза наполняются жиром и гниёт голова), *иирэн эрэр* («с ума сходит»), *тамаҕардыыр* («гортань заpalивается»), *доҕолоннуур* («обезживается»); *атаҕа тостон өлөр* («умирает от перелома ног»), *маска атыллан өлөр* («накалывается на дерево», «настреливается на самострелы», «умирает от неумелого пусканья крови и скопления»), *хабаҕаран өлөр* («умирает запором»); *ис тэһэгэстэн өлөр* («умирает килую» — жеребята), *тумнаҕарар* («запор у новорожденных»), *эмэһэтэ бутэй*^E («роды задницей»), *ханнахайдан өлөр* («брюшина лопаётся» — если долго непоенная лошадь сразу напьётся); *ханнын ыпсыыта атан* («внутренние кишки разделяются»), *иһэ хатыллан эрэр* («кишки свёртываются»), *иһин тэһитэ кэйдэрэр*, («колотье в желудке»), *иһэ үөnnүрэр* («черви разводятся во внутренностях»), *сиһик үөһэ хонгон өлөр* («становая жила отстаёт»), *сиһин үөһэ көтүллэн эрэр* («становая жила рвётся»), *ытык этэ быстан өлөр* («обрывается тело в конце позвоночного столба»), *сүрэҕэ-быара уруттаан* («сердце и печень заpalиваются»), *хурчаҕа или татаар буолан эрэр* («паршивеет»), *һатуук* (повальная болезнь) и др.

Против некоторых болезней якуты употребляют кое-какие лекарства: например, телят поят от поноса водкой и щёлоком горшечной горелой глины или горючей серой, растолчённой и разведённой на воде. Если корова умерла от чахотки, то лёгкие её сушат и потом мелко толкут, разводят водою и дают как лекарство другим коровам, страдающим сухоткой; иные при чахотке заставляют животное проглотить живую лягушку. При горловой болезни курят серу и пускают дым в нос.

При болезни, называемой якутами *хаары*, на раны коню льют купорос. При «запале» пускают кровь из жил, шеи, хвоста и нёба. При растрескивании копыт конного скота влагают в расщелины копыта живую ящерицу. При лёгком отравлении рогатого скота корнем травы *аба* дают пить парное молоко, при запущенном отравлении протыкают живот шилом или длинной иглой, чтобы «пары вылетели изнутри», однако ж малоудачно. Присталой скот кормят, насильно вливая в горло масла и

растопленного жира с солью (не менее полфунта), это повторяют несколько раз, конечно, если только у хозяев есть излишек такого лакомства, как соль. Новорождённому жеребцу дают от запора растопленный мозг; а при сильном запоре влагают в проход чубук или особо устроенную тальниковую трубку и дуют.

Во время оспы или при опухоли коровьих сосцов корову доят против отверстия дыроватого камня, веруя, что через это она выздоровеет. При болезни глаз у рогатого скота, в каждый глаз пускают по две или по три крупных человеческих вши.

При заразных болезнях больную скотину или только одно больное место окуривают порошком киновари, употребляя для одной скотины на один раз не более 2–3 гранов (это окуривание употребляется также при ногтееде оленя).

В случае скотского падежа тихо подкрадываются к скоту и внезапно стреляют в него холостым зарядом (вероятно, для того чтобы спугнуть болезнь).

В старину в случае скотского падежа курили скоту под носом масло, а зимой кобылий жир, приговаривая: «Накормил я этим мимохожего дьявола, насытил остановившегося дьявола, дал я тебе этим долю; отойди ты от нас, провались в пропасть, войди в свой омут! Если оборотишься ты, пусть вывернется у тебя верхний конец бедренной кости; если оглянешься в мою сторону, пусть расколется твоя шея! Провались насквозь в девятисаженную пропасть, чтобы темя твоё не было видно, чтобы тебя покрыла чёрная земля!» (*Aaһар абааһыны аһаттым, тохтуур абааһыны тотордум, манан үлүүлээтим; арах биһигиттэн, үтүгэнгэр түс, үөдэнчгэр киир! Эргийдэххинэ иэрчэҕиҥ эргийдин, мин диэки аны хайыстаххына, хаайлыгыҥ хайыннын; тобус былас үтүгэнгэр тобулу түс; төбөҥ өрөкүйдүн, хара буор саптын!*).

Иногда в случае падежа обращались к шаману, тот шаманил и упрашивал богов, обещал им чёрно-бурую лисицу с белым пятнышком на шее или медведя с белым ошейником (т.е. с белой полосой меха на шее) и другие жертвы. Эти меха, обещанные шаманом, вешались в анбаре и никому не продавались.

И теперь ещё иногда в случае поваральной болезни рогатого скота¹ шаман совершает длинную церемонию. Сначала он поёт внутри юрты: «Дедушка мой Священный огонь, Мелкая седина, Большой меч. Плётка из падающей звезды, Рысья шапка, Львиная доха, младший сын молочно-каменного Белого господя, лежавший расслабленным с болезнью неудержимой мочи, сделавшийся множеством искр, спустившийся для белого дыхания трёх (племён) якутов, дедушка мой священный Окхон! Защищай ты нас под твоими мышками, прилепляй нас в твоих пахах, завертывай в твоём мягком! Создавшая госпожа Коровница (*Ынахсыт*)! Восьминогий (дьявол) Прожорливая болезнь уничтожил, развеял, сломал всё (наше) благосостояние и богатство. Твою благодать, даяние, созданное тобою для белой души якутов с разрушающимся земляным дыханием, — высокорогих (т.е. рогатый скот) он прошел вброд, как воду, перебрёл, как снег; заступи, помилуй! Молю я тебя об этом (кланяюсь). Дух восьмигранной вселенной, Сильное солнце, почтенная госпожа! (Дьявол) перешёл богатство-благодать воспитываемых твоих детей вброд, как воду, перебрёл, как снег (поставил ни во что). Для спасения этого из жалости я причитаю, кланяюсь тебе об этом. Заступи, помилуй!» и т.п.

Затем, устроив вне юрты *ситии* и приготовив по три или по семи тальников мух или пчёл, зашивают их в кожу и привязывают к жертвенной нити. Трое мужчин держат каждый по одному большому деревянному копьё; три женщины держат каждая по одним ножницам. Наконец, ещё один человек держит зажжённую палку. Все семером бросаются они на собранный больной и здоровый скот, тычут его ножницами, копьями, прижигают огнём, приговаривая каждый: «уоп-чук, уоп-чук!»² Прогнал я мечом, посадил на копьё, отстранил поветрие, прогнал Прожорливую болезнь; сделал очищение священным огнем. Имеющие обиталище наверху, летите наверх! Имеющие провал внизу, провалитесь вниз! Уоп-чук, уоп-чук! На копьё я посадил, прогнал я мечом. Вот милосердие духа местности, защита воспитавшей Хранительницы, заступление создавшей Коровницы за то, что расстроил (дьявол) богатство, за то, что, как

¹ По-якутски *кыдьык* или *хапсык олүү* болезнь эта состоит в том, что у скотины пучит живот с правой стороны или вообще задней половины, мясо гниет и становится горьким так, что его не едят, и даже шкуру не употребляют на платье.

² *Батаһынан, баттым, үгүүннэн үөллүм; хапсык олүү халбарыйдым; кыдьык олүү кыйданым, аал уот арчылаата [?] арчылаатым; үөһэ дьабыннаах үөһэ коттун; аллараа дьабыннаах аллараа симиттин [?]*! Уоп-чук! Уоп-чук! и т.д.

воду, перешёл вброд, перебрёл, как снег, счастье и благодать! Это заступничество трёх святых сыновей, трёх святых девиц по примеру от восьми святых. Уоп-чук, уоп-чук! На копьё я посадил, прогнал я мечом, отстранил я поветрие, прогнал мечом. Обитающие вверху, летите вверх! Имеющие пропасть внизу, проваливайтесь вниз! Уй, уй, уй! Хай! Турт!». И с этими криками ножницы, копьё и горящее дерево бросают на землю.

Затем, сидючи в юрте, шаман говорит: «Небесный Мяк Туян, зверь западного неба с тремя в линию друг за другом расположенными глазами! Преследуем мы на земле Прожорливую болезнь верхнего места. Железная маленькая мышь нижнего места — зверёк с тремя ногами, расположенными рядом в линию посреди живота, с тремя глазами посреди лба, с железным клювом, с железными когтями, выходящая с вершины трёх подземных морей (*Күн байаҗала, өлүү байаҗала, ап байаҗала оройуттан*)! Повернитесь сюда за Прожорливой коровьей болезнью, постигшей „высокорогих“!».

Два призванные животные являются к шаману, но никто не видит их, кроме него; они поднимают эту коровью болезнь, прогоняют на верхнее место, а также и семь мух и семь пчёл, присоединённых к жертвенной нити. Шаман путешествует вместе со своими животными и изображает это разными телодвижениями, прикрикивая: «хай, хай! хот, хот!.. уй, уй!». Проехавши известное расстояние (т.е. достаточно накричавшись), шаман приезжает к пади (низкому месту между горами, подъёму) и поёт: «Дух пади с челюстями-якорем в полтора аршина, с железным зыбучим языком в полторы ручных сажени! Не тяни с чесаного волоса с саженой нашей конской гривы, от саженого нашего хвоста!».

Затем с новыми криками: «хай, хай, хай! уй, уй, уй! хоп-чок, хоп-чок, хоп-чок!» и т.п. шаман достигает с этими животными до седьмой пади, заходит на небо. Здесь на южной стороне неба живет Улуу-тойон; ему-то теперь и поёт шаман: «Почтенный господин! Твой вольный сын (*Бырах уолун*), твоя Вольная дочь — Прожорливая болезнь, спустившись, сделала повальную болезнь на „высокорогатых“, созданных на средней земле госпожой Коровницей; прошла бродом счастье-богатство, подобно воде, перебрела, подобно снегу. Но заступился разводимый священный огонь, дух восьмигранной местности, смиловалась воспитывающая Создательница. Пора уйти с земли этому дьяволу — болезни. Не выносят его люди с свободно движущейся головой. Так ты притяни к себе твоего Вольного сына, Вольную дочь, Повальную твою болезнь,

Прожорливую болезнь. Постигает землю кара-наказание от поклоняемого бога, от призываемого господа. Для защиты от этого притяни ты к себе эту Повальную скотскую болезнь, Прожорливую твою болезнь, не пускай (к нам)! Если ты ныне, придя на среднее место (землю), помыслишь, то пусть мысль твоя спутается; если, придя на среднее место, подумаешь, пусть ум твой смешается; если, придя на среднее место, взглянешь, пусть оба глаза твои уйдут в нос и сольются с затылком; если, пришедши на среднюю землю, подумаешь ты, пусть нервы твоего сердца порвутся, растают и выльются мочевым пузырьём; если, пришедши на землю, ты оглянешься, пусть расколется твоя шейная кость; если пришедши на землю ты повернёшься, пусть вывернутся у тебя верхние части бедровых костей! Пусть истребится след, по которому ты ушёл, и не покажется следа твоего прихода! Тьфу!». С этими словами шаман возвращается на землю, уверяя народ, что теперь болезнь должна прекратиться.

По рассказам других, в случае падежа (*һатуун*) скота шаман шаманит, стоя среди народа, против больной скотины, следующим образом: «Хах, хах, хах, хах, хах, хах, хах, хах!.. Дух восьмигранной вселенной! Э-э-э-э... Госпожа тётушка! Заставляешь ты отмыкать твоё толстое прясло! Госпожа тётушка (т.е. болезнь)! Заставляешь ты отодвигать твою толстую дверь. Госпожа тётушка, пожалей ты, будь ты ласкова, сделавшись осою с большими железными крыльями величиною с дверь! Не копал я тебе оврага сзади, не копал ямы спереди! Не говорите, что не пел я послушную мою песню, не заставлял петь дикий дьявольский напев. Этот пример мы делали, да и теперь делаю я это дело. Госпожа тётушка, помилуй ты, вникнувши в удачное моё причитание, наполнившись звучным моим дьявольским напевом. Как человек, вошедший отворя (двери), в дом якута-человека с разрушающимся земляным дыханием, с подошвами (покрытыми) землею, с гнущимися суставами, говори ты по-человечески, молви по-якутски! (*Бокулььуйар сүһүөхтээх, буордаах уллунахтаах, бутарыйар буор тыыннаах, борон ураанхай сакха киһи аан алаһатыгар арыян киирбит киһи, киһилии кэпсээ, сакхалыы сангар!*). Довольно ты наелась, остановись! Развязывая твою в три ряда серебряную плотнокаменную челюсть, замкнутую со скрипом (т.е. разговоришься), госпожа моя тётушка! Приподнимая твою серебряную гортань, войди-ка ты, госпожа моя тётушка, в мой четверогранный каменный

желудок! Госпожа моя тетушка, Сыабына Марья, светлейшая девица сыратского племени! Госпожа тётушка, с почтением из семи лучших пчёл, полетевшая, приподнимаясь с верхушки семи речных талин! Не порти назначенное и данное создавшею Создательницею, не расстраивай воспитанное и данное воспитавшей Хранительницею! Госпожа моя тётушка, склонился я шейной костью, преклонился позвоночным хребтом, наклонился суставами. Павши навзничь, не позволяй бежать по шву спины, павши на спину, не позволяй бежать по шву груди! Госпожа моя тётушка! Представляю я всё, что ты просишь, скорую твою взятку, усиленное угощение, благодарность-уважение! Госпожа моя тётушка, скажи назначенный тобою срок, определённое (для этого) время!»

(Үлүүгүн бүтүм, үлүгэргин дуоһуйдум. Үс хос үрүг көмүс ланкыр таас сынгааххын, дьаакырынан күлүүстээх сынгааххын өһүл, хатын эдьийим! Үрүг көмүс көмөгөйгүн көбүөхтэтэн, түөрт кырыылаах ньанкара таас куртахпар киирэн кор, хатын эдьийим? Сырылганнаах Сырат омук кыыһа Сыабына Маарыйа омургу хатын эдьийим! Сэттэ иирэ талах төбөтүттэн тэмтэйэн көппүт, сэттэ таллан ыңырыа ытыктаах хатын эдьийим! Айбыт Айыыһыт анаан биэрбитин алььатыма, ииппит эйиэхсит ирээттээн биэрбитин ингэримэ, хатын эдьийим! Хаайлыктыын ханкыйдым, тоноҕостуун нуоҕайдым; сүһүөхтүүн сөнүрөйдээтим. Умса түһэнгин уорҕан сиэгинэн сүүрдүмэ, иттэнэ барангың түөһүг сиигинэн сүүрдэр буолаайабын, хатын эдьийим! Ыллам ылымньың, күһэлээннээх күннүгүн, махтааттаах мааныгын, тугу көрдүүгүн барытын баар гыныам! Ботонноох болььоххун, кэмнээх кэрдиигин этэн кулу, хатын эдьийим!).

Дьявол входит в шамана и поёт: «Дьоком уни дьуодьоком уни дьуо, дьоком уни дьуо! Эх! Туон-аҕай, туон-аҕай, туон-аҕай, ойунтай!). Сказали мне: построил он себе светлый белый дом длиною в суточный переезд; сказали мне, что растянул он господина девятигранный ремень (для привязыванья жеребят); сказали, что размножил он обротных (жеребят), развел табуны нарыльничных (телят); сказали, что если бросить (их) в огонь, так чад пойдёт, пришёл я в гости (и оказались эти слова) правдой. Я-то обучен по распоряжению матери восьми вещей шаманских дьяволов с лицами, покрытыми похоронными платками (которыми закрывают лицо покойников), матери девяти кудрявых дьяволов с лицом, закрытым (гробовым) платком, духов пёстро-рыжего облака, имеющих седалище на тряских поперечных таманских облаках на моём

широком небе! Шаман, где же мои семь щепоток волос, семь щепоток гривы, где почтение моё из медуниц (пчёл), по семи (штук помещённых) на верхушках семи ручных талин? Шаман, приготовишь ли ты их в то время, когда завтра восьмилучистое ласковое чисто белое солнце бросит свои жёлтые лучи на низкий холм якута-человека? Если ты приготовишь, я отделись от святой земли, пойду от солнечного места. Если же не приготовишь этого, шаман, то я сделаю то, что наружная сторона твоего дома закуржавеет, что труба твоя покроется мелким снегом!»

(Күннүк усталаах күлүмэт маҕан дьиэни туттубут, диэбиттэригэр; тоҕус тоҕойдоох тойон сэлэни тиирбит, диэбиттэригэр; көҕөннөөбү күөдьүппүт, үрүөлээби үөрдээбит, диэбиттэригэр; уокка кэбистэххэ кэнсик тахсыһы, диэбиттэригэр; ыаллыы кэлбитим: кирдик. Киэн халлааммар ойун ньэнсэлгэннээх эндир былыт олохтоох, саадьаҕай буурул былыт иччилэрэ тоҕус тордуулаах сырайдаах кудук эмигэт ийэлэрин, аҕыс амнахтаах сырайдаах албан эмигэт ийэлэрин дьаһайбыт дьаһалталара, үөрэппит үөрэхтэрэ этим. Сэттэ сүүмэх кылым, сэттэ сүүмэх сиэлим, сэттэ иирэ талах төбөтүгэр сэттэлии тойон ыңырыа ытыктарым ханнаны, Ж ойун? Сарсынны аҕыс өргөстөөх аламай маҕан күнүм, сакха киһи сатыы тыатыгар саһара тыгарын сабына баар гыныан дуу, ойун? Баар гыннаххына, айыы дайдытыттан арахсыам, күн дайдытыттан күрэниэм. Маны баар гымматаххына, дьиэн таһын кыраһардыам, үөлэскин кырыардыам, ойун!).

Шаман (от своего лица): «Госпожа моя тётушка, девица сыратских инородцев, Сыабына Марья! Завтра в то время, когда восьмилучистое ласковое чисто белое солнце бросит жёлтые лучи на низкий холм якута-человека, приготовлю я на верхушках семи речных талин по семи моих важных медуниц. На конце моего высокого мыса соберу я имеющих круглые постели, разведу трёхпоясный важный огонь, семипоясное искрящееся пламя. Госпожа моя тётушка, наклонил я голову твоей тени, преклонился толстой твоей тени. Пусть выйдешь ты так, чтоб печень твоя стала нежна, как печень налима, столь мягка, как рысья шерсть. Да встретимся мы с тобой завтрашний день. Оттяни к себе скорый твой припадок, прилипчивую твою болезнь. Госпожа моя тётушка, дай узнать почтенный признак твоей (воли). Если дашь знать, то мы соберём (потянем) с имеющих, поищем у неимущих!»

(Хатын эдьийим, сырат омук кыыһа Сыабына Маарыйа! Сарсынны күн аҕыс өргөстөөх аламай маҕан күн, сакха киһи сатыы тыатыгар саһара тыгарын сабына

сэттэ иирэ талабым төбөтүгэр сэттэ тонгул тойон ынгырыабын бэлэмниэм; хонгорой тумуһабым тумсугар төгүрүк тэллэхтээби бөлүөбүрдүөм; үс курдуулаах отууну тэрийиэм, моҕол сэттэ курдуулаах сирэһин отууну тэрийиэм, хатын эдьийим! Харанга, күлүккэр ханкыйдым, суон күлүккэр үгүрэйдиэтим, хатын эдьийим! Сыалыһар балык быарын быарданан табыстабын буоллун, үүс түүтүн түүлэнэн табыстабын буоллун хатын эдьийим! Сарсынны күн көрсүһүөх буоллун. Түргэн тиһиккин, таарымтабай өлүүгүн бэйэбэр тардын: ытык бэлиэбин биллэр, хатын эдьийим! Бэлиэбин биэрдэххинэ баартан сахсыһаахпыт, суохтан көрдөһүөхпүт, хатын эдьийим!).

Дьявол: «Дьюо-да, дьоком-уни, дьюо-даа, шаман! Если завтра в то время, когда восьмилучистое ласковое белое солнце бросит жёлтые лучи на низкий холм якута-человека, ты не разведешь девятипоясный важный огонь, не разожжёшь девятипоясный искрящийся огонь, если не приведёшь кругопостельных на конец высокого мыса, если не приведёшь важных моих медуниц по семи штук на верхушку каждой из семи речных талин, уж мы (тогда) с тобою, шаман, смотри, увидимся!» (Сарсынны күн абыс өргөстөөх аламай маҕан күнүм сакха киһи сатыы тыатыгар саһара тыгарын сабына тобус курдуулаах моҕол отууну оттубатаххына, үс курдуулаах сирэһин отууну оттубатаххына, хонгорой тумуһах тумсугар төгүрүк тэллэхтээххинэ чуоһунпатаххына, сэттэ иирэ талабын төбөтүгэр сэттэли тонгул тойон ынгырыабын чуоһунпатаххына, эн биһикки көрсүһүөхпүт дуо дуу, ойун. Дьомини, дьоко — да!).

Шаман: «Госпожа моя тётушка! Когда уж с тобой-то я сговорился, зачем я не приготавливаю? Дай узнать почтенный признак твоего (существования), распорядись, чтоб якут-человек мог заметить. А то обстыдят якуты моё чисто белое блестящее лицо, накормят меня в кривой собачьей посуде. Не уменьшай сказанного тобою слова, и давши назначенный тобою срок, определённое тобою время, не поддавайся ты дьяволу, не дай победить тебя нечистым! Жди-стой, вышедши на жёлто-белую твою падь, подобную клыку шеститравного жеребца» (Хатын эдьийим, эн диэтэх киһини кытары кэпсэтэн бараммын, туокха бэлэмнээбэт буолуомуй? Баарабай бэлиэбин биллэр, сакха киһим билиэх курдук гына дьаһай! Сакха киһим килбиэннээх маҕан сырайбын саатардыахтара, кэлтэгэй ыт иһитигэр аһатыахтара; эппит тылгын мытабайдыыр буолаайынны; ботонноох болььоххун, кэмнээх

кэрдиигин биэрэн барангын былабайга былъяатар буолаайынгый, дэлэгэйгэ диэлитэр буолаайангый. Алталаах атыыр сылгы аралгатын курдук араҕас маҕан аартыккар тахсан турангын кэтээ! Дьом-уни, дьокком уни! Туон-абай, Дьалысхан!).

Условившись таким образом с дьяволом болезни с вечера, наутро шаман кладёт на конце мыса (острова) голову скотины, пропавшей от болезни, и вокруг неё втыкает семь речных талин, делает по семи тальниковых пчёл на каждую талину. Этих деревянных пчёл он пестрит кровью больной скотины. Затем на некотором расстоянии к югу от жертвы становится сам шаман, у которого протянут длинный хвост кушака, надетого на шею и пропущенного через плечи под мышками на спину. Три человека держат сзади за этот хвост и поют то же самое, что поёт шаман.

Шаман: «Сыабына Марья, дочь сыратских иноплеменников! Пусть направится щеголеватая твоя голова, пусть подымется весёлый твой хвост. Обеспокоился дух восьмигранной вселенной. Дух цветущей растительности не влюбил тебя! Госпожа наша тётушка, твоего-то дыхания и запах твоего рябого лица не перенесли (ни люди, ни скот). Госпожа наша тётушка, потолстел-пополнел назначенный твой выкуп, готовое даяние. Не делай сзади широкой кары! Если будут желающие есть, отстрани; если будут хотящие съесть, отдели, госпожа наша тётушка! (Сырат омук кыһа Сыабына Маарыйа! Сарбах баһын салалыннын, куйаар кутуругун көтөбөлүннүн. Абыс иилээх саҕалаах аан ийэ дайды иччитэ аймаһыйда. Ойуулаах от-мас иччитэ түүтөөнө эйигиттэн өбүргээтэ. Эн диэтэх иһи чымырыыттаах сырайын сымарын³ эн диэтэх киһи сыналганнаах тыынгын уйбатылар, хатын эдьийбит! Туһааннаах толугун, бэлэмнээх бэригин туолунна, торолуйда, хатын эдьийим! Кэлин өттүгэр кэтит кэнчиэни онгорор буолаайынгый. Сиэри гыммыт баар буоллахтарына, силэйэн кэбис; аһаары гыммыт баар буоллахтарына, арааран кэбис, хатын эдьийбит. Куйаар кутурук көтөбүлүннэ, сарбах бас салалынна).

Кый, кый, кый! (крик, которым шаманы погоняют дьяволов). Отворилась жёлто-белая падь, подобная клыку шестилетнего жёлто-белого жеребца. Позвало тебя твоё почтенное место; застонала мать — твоё место; затужило твоё отцовское место (Алталаах араҕас маҕан атыыр сылгым аралгатын курдук араҕас маҕан аартык арылынна; улуу дайдын угуйда; ийэ дайдын инэрсийдэ; аҕа дайдын аҕынна).

Кый, кый, кый! Девять моих кудрявых дьяволов, восемь моих вещей дьяволов с лицами, покрытыми похоронным платком, ты бросила меня в мать-море, когда спускался я, бросила меня в рот пёстрой лягушке величиною с корабль, и ходил я девять лет; в пазухи и пахи впитывались мне красные черви, подобные ремню нагайки юноши-человека; эта пёстрая лягушка и родила меня; и ходил я в смертном мире, сделавшись смертною рыбою с кривыми крылышками, с кривыми жабрами; девять лет я ходил, и, когда исполнилось девять лет, плывя вверх по „солнечному“ (т.е. человеческому) морю, прибыл я на конец отважного мыса, подобного горлу глухаря, и лежал тут. Мать моя, госпожа Девица с сухими рыжими кобылами, Скорый припадок, Иноходное колено, Скорые пахи, Отстающие мышки, Верхоглаз, Длинные острые ресницы, Запыха штука, завинтивши (меня) на свой семисаженный железный слизкий язык, воспитывала меня на высоких облаках; потом при выезде бога Хоро ознакомила с чисто белыми дорогами, постепенно поднимающимися, подобно двум жирным чисто белым кобылам, стоящим рядом; проложила мои чисто белые дороги, идущие одна над другой, подобно рыжеватым коням, стоящим гусем; познакомила меня с госпожами матерями, воспитавшей Хранительницей, создавшей Создательницей. Святая девица Айахал, моя шаманка, святая девица Айтал, шаманка, дали мне золотой пучок (кобыльих волос, который шаманы держат в руках) и сказавши: „Для спасения счастливой серебряной жизни трёх (родов) якутов будь ты помощником против обиды восьминогого дьявола“, надели мне мой весело-серебряный повод, подобный тени бесконцев ели со снегом на ветвях, посадили меня на мою лёгкую постилку из шкуры сивожелезного жеребца с яблочными бёдрами. Создавшие мои госпожи, воспитавшие мои хранители надели на меня мою железную шапку с девятью подпорками, ознакомили меня в верхними дорогами моего бога, с солнечными (земными) путями, бросили кверху мой *түөрэх* (головное украшение, которым гадают) с семью орлами (в орлянке), с девятью подпорками. Создавшие создатели, воспитавшие хранители мои, кажется, возвратили меня для спасения серебряной души якута-человека. Госпожа моя тётушка! Предпочли меня почтенные люди, насильно послали превосходные люди. Госпожи мои госпожи, не грязните светло-белого моего лица, не останавливайте господина большое моё лицо, не делайте, чтобы солнечный народ смеялся надо мной, как над серой собакой, насмеялся, как над пёстрым псом. (*Көмнөхтөөх*

мунур харыйа күлүгүн курдуккүлэр көмүс тэһииммин түгнэри кэтэн олороммун алганным; толбонноох курбаһахтаах күөх боронг атыыр сылгым тириитэ диэрэ дэпсэбэр олороммун алганным. Алталаах атыыр хакхайкыылым сототун субуйуун уңуоҕун курдук тимир сирэһин тайахпын иннибэр аннынан тураммын силэнним; тоҕус холуннаах чой улааммын таһнары тутан тураммын тамалыйдым. Байылыат киһим иитиэх ыбаһатын былаат холун курдук кыһыл көмүс былаайахпын кэдирги тайахтанан тураммын быралыттым. Маһнай күнүс күн көлбөрү таала күн диэки күлэр быарыгар аар саҕага мас орто мутугар уйаланан сыппытым; түөрд кырыылаах ньаҥкыра таас буоламмын сыппытым; сакха киһим буор ураһатын саҕы тимир чоҥкуйа тумустаах, сакха киһим от кэбиһэр кыдаматын саҕы тимир сабарай тыҥырахтаах, дьыал саҕы тимир лэбэ кынаттаах ийэ кыылым баттаан сыппыта тоҕус сыл тоххору; тохсус сылым туоларыгар туерд аты дэлби ыстаммытым. Тоҕус сыл тоххари атынны кыыл буоламмын сыппытым; тохсус сылым туолуутугар төбөм аһа сэрбэһэһиэн көстүбэхтиир буолтун кэннинэ ийэ байаһалбар түһэрбитин; түһэммин хараап аал саҕы ала алчах кыылым айаһар түһэрбитэ, тоҕус сыл тоххари сыһыһыбытым; быттыкпар-хоннохпор уолан киһи кымныытын тэлиитин курдук кыһыл чиэрбэлэр инмиттэрэ. Бу алчах төрөөн кэбиспитэ, өлүү байаһалыгар кэлтэгэй хайыылаах, кэлтэгэй сиэлгэхтээх өлүү луо балыга буоламмын сыһыһыбытым; тоҕус сыл тоххари сыһыһыбытым; тохсус сылым туоларыгар күн байаһалын өрө тутаммын, улар кыылым уолугун курдук куоһайар куоһай тумуһабым тумсугар тахсаммын салгылаак сыттым. Куулар кугас сылгылаабым кыһа Түргэн Тиһик, Дьоруо Дьылбэк, Быһый Быттык, Хобуй Хоннох, Өрө Харах, Өргөс Кыламан, Өрө Мэҥилэс Обургу Хатын ийэм сэттэ былас тимир салыннаах тылыгар эрийэ охсон таһаарбыта, эндир былыкка иппитэ; онтон хоро таһарам аартыгар икки байтал маган биэ сылгым кэккэлэһэ турбутун курдук кэйгэл маган аартыктарбын биллэрбитэ; сур сылгым суксуһа турбутун курдук суксурга маган аартыктарбын тобулбута, иппит эйиэхсит, айбыт айыһыт хатын ийэлэрбин биллэрбитэ. Айыы кыһа Айахалым удаһан, айыы кыһа Айталым удаһан, кыһыл көмүс дьалбыырын салгынын түһэрэн биэрбитэ: „Үссакхам өллөйдөөх үрүҥ көмүс тыынын өрөһү йүөбүн туһугар, абыс атахтаах адьарай атаһасталын туһугар абыраллаах буол!“ — диэннэр, көмнөхтөөх мунур харыйам күлүгүн курдук күлэр көмүс тэһииммин

кэтэртилэр; толбонноох курбаһахтаах күөх борон атыыр сылгым тириитэ диэрэ дэпсэбэр тэгилилттилэр. Айбыт айыыларым, ииппит эйиэхситтэrim тобуc тулааһыннаах тимир дуулабын кэтэртилэр; үөһэ дайдым айыым аартыктарын, күнүм суолларын биллэрдилэр; тобуc тулааһыннаах, сэттэ өрүөллээх көй түөрэхпин кэбистэрдилэр. Үс сакха өллөйдөөх үрүң көмүс тыынын өрөһүйүөм туһугар айбыт айыыһыттарым, ииппит эйиэхситтэrim эргиппиттэрэ этэ. Хатын эдьийим! Ытык дьон ытыгылаабыттара, бэрт дьон мэкийбиттэрэ. Килбиэннээх маган сырайбын киртитэр буолаайыңый, күнүм дьонугар күөрт ыт күлүүтэ гынар буолаайыңый, эриэн ыт элэгэ гынар буолаайыңый, хатын айыыларым). Уоха ыт! Уоха ыт! Уоха ыт!¹ Кый! Кый! Кый!».

От этого крика дьявол болезни и выйдет из больного скота. Шаман приходит в юрту и, сидя в ней, запоёт: «Духи восьмигранной моей вселенной! Пришел я, сообщившись с нечистой силой так, что не удерживает её рука; пришёл я, бывши в больших трудах, так что ноги не удерживают, трудах, требующих вознаграждения. Пришёл я для вещего причитания, пришёл я для зычного дьявольского напева. Заверните-согрейте моё несколько продрогшее; очистите-осветите моё мимо протёкшее. Ничтожный ходил я, поднявшись через силу; ездил я вместе с сильным из лукавых. Духи восьмигранной моей вселенной, отец мой господь бог, помилуй! Воспитавшая моя Хранительница, не негодуй! Топимый Священный огонь, дедушка мой, младший сын белокаменного Белого господа с седалищем из белого озера, девять лет лежавший ослабленным с неудержанием мочи, Кыра Бырдыа, Дабан Дархан, Манкы Батас, Кындыс Кымны, Хакхай Саныях, Бэдэр Бэргэсэ, Байба Дьилбэх, пришёл ли я к воспламеняющемуся пламени дедушки моего Священного огня! Друзья, пришёл ли я к черте жилого дома с восемью подпорками? Друзья, держа ровно мой серебряный повод, подобный тени бесконцей ели со снегом на ветвях, останавливая потихоньку, посадите-ка меня на лёгкую мою постилку из шкуры сивожелезого коня с яблочными бёдрами. Наденьте-ка мне на макушку мою железную шапку с девятью подпорками! (Абыс иилээх саҕалаах аан ийэ дайдым иччилэрэ! Харым уйбат хара дьайга холбоһон кэллим, сотом уйбат суон соболонго ымнаһан кэллим. Албаннаах алгыска туран кэллим; дорҕоонноох

¹ Этим криком шаманы подражают примеру Чуонах (Аграфены-шаманки).

тойукка туран кэллим. Сүөдүйбүппүн сүлгүйэн, аһаабырбыппын арчылаан кулун. Көһлүбүн бөбө көтөбүллэн сырыттым; албын бөбөнү кыттары айаннаан сырыттым. Абыс иилээх саҕалаах аан ийэ дайдым иччилэрэ! Айыы Тойон аҕам, абыраа! Ииппит эйиэхситим, эриэккиир буолаайыңый! Оттон олорор айыы уот эһэм, үүт күөл олохтоох үүт таас бэйэлээх Үрүң Айыы Тойон ылгын уола тоҕус сылы мэлдьи сидьин босхон буолан сыппыт Кыыра Бырдья, Дабаан Дархан, Маңкы Батас, Кындыс Кымныы, Хакхай Сангыах, Бэдэр Бэргэһэ, Байба Дьылбэх, Айыы уот эһэм көй төлөнүгэр кэллим дуу? Хакхайдар, абыс тулааһыннаах алаһа дьиз чэрчитигэн кэллим дуу? Хакхайдар, көмнөхтөөбү мунгур харыйам күлүгүн курдук күлэр көмүс тэһииммин тэн тутан, толбонноох курбаһахтаах күөх борон ат сылгым тириитэ диэрэ дэн сэбэр намырытан тохтотон олордон көрүң эрэ. Тоҕус тулааһыннаах тимир дуулабын төбөм оройугар кэтэрдэн көрүң эрэ).

Лах, лах, лах!.. (этим криком шаман увещевает себя не вздрагивать от надеваемой шапки).

Дайте-ка мне с правой стороны мою кобылу (бубен) с девятью подпругами! Дайте-ка мне загнутую колотушку, подобную ключице с ногою и лопаткой откармливаемого жеребенка богатого человека. Солнечные (т.е. земные) мои люди! Люди моего жёлто-белого неба, восемь моих вещей дьяволов с лицом, покрытым похоронным платком, отстранитесь наверх! Люди мои туманного неба, девять кудрявых дьяволов с лицом, покрытым похоронным платком, отстранитесь наверх! Гнездящиеся вверху, летите наверх; имеющие провал внизу, провалитесь на низ! Отстранитесь наверх, поддерживающие меня за затылок, если я падал ниц, и за лоб, если я падал на спину! (Тоҕус холуннаах чөй улааммын аттаных диэки муннабар туттарын эрэ! Күн айыым дьоно, байылыат киһин иитиэх ыбаһатын былаат холун курдук кынайа былааһын туттарын эрэ, күн айыым дьоно! Сакха киһим аҕаарыйар араҕас маган халлааным дьоно аймахтарым, абыс амнахтаах сырайдаах албан эмигэттэrim үүһэннэн буолун! Үөһэ дьабыннаах үөһэ көтүң! Умса түстэххэ сүүстэн өйүүбүттэр, иттэнэ бардахха кэтэхпиттэн өйүүбүттэр үөһэннэн буолун). Намыр, намыр, намыр! Ба-ба-ба-ба!.. и пр.

Солнечные мои люди, подайте мне с правой стороны мои рукавицы, отстегните мой весело-серебряный повод, подобный тени бесконцев ели с ветвями, покрытыми снегом. Пойдите, пойдите! Тише, тише! Множество молний сверкнуло пламенем, спустилась пёстрая молния,

гром загремел, сильно разразился (*Ба! Ба! Ба! Тохтоо! Тохтоо! Намыр! Намыр! Кой чагаан күөдүйдэ, ала кындыс сатыылаата, сүмэ хаан сүүдүйдэ*). *Көй сырал! Көй сырал! Намыр! Намыр! Намыр!*¹

Сила и храбрость уменьшились. Люди мои, разобравшие под шапкой пять (т.е. множество) волос, пересчитавшие под дохою шесть (множество или все) мыслей, подымайтесь выше и выше, прекратитесь! (*Уохтуун уҕарыйда, күүстүүн көбүрүөтэ. Бэргэхэ иһинээҕи биэс аһы биистиин бичигилиэбит, арбаҕас иһинээҕи алта санааны ааҕа дьарыгылаабыт дьоннорум, үөһэннэн-үөһэннэн. Намырайын!*). Ба-ба-ба...».

Затем шаман трижды плюнет на пол, и церемония кончается. Голова же больной скотины сжигается вне юрты кормчим (*кутуруксут*), поддерживающим шамана за хвост.

Большею частью шаманы отделиваются объяснением, что прогнали они скотскую болезнь отсюда в вершину одной не названной по имени речки и что «как только упадет скотина такой-то или такой-то масти, то здесь падёж прекратится, а зато в вершине одной речки он долго будет продолжаться...

ХІІІ. ЫСЫАХ (ПРАЗДНИК КУМЫСА)

Якуты разделяют год на двенадцать месяцев, считая их по новолуниям, и потому месяца их неточно сходятся с русскими. Новый год у них начинается в мае месяце, т.е. весной. *Ыһыах-ыйа* (месяц, когда бывает праздник кумыса) в здешнем крае совпадает с июнем месяцем, хотя, кажется, в старину, когда якуты жили в более южных местах, он совпадал с маем, т.е. с якутским новым годом.²

Происхождение этого народного праздника приписывается одними средней дочери Белого господя бога Кыыс Айыы. Она прежде всего сделала ысыах для того, чтобы трава хорошенько, густо росла, чтобы родился скот и воспитался человек, чтобы не осталась земля без травы и

¹ Пугая страшною молниею и громом, шаман прогоняет от себя дьяволов. Слова *көй сырал* повторяет и тот человек, который в это время высекает огонь огнивом над головою шамана.

² Май — *сынньалан ыйа* («месяц спокойствия») или *ыам ыйа* («месяц удоя»); июнь — *тунах ыйа* («летний месяц») или *ыһыах ыйа* (месяц, когда якуты празднуют новое лето и распивают кумыс); июль — *от ыйа* («травяной месяц»); август — *атырдьах ыйа* («вилы месяц»), обрусевшие называют *ыспаган ыйа* («госпожикин месяц»); сентябрь — *бэһинньи ыйа* («пятый месяц»); октябрь — *алынньи ыйа* («шестой месяц»); ноябрь — *сэтинньи ыйа* («седьмой месяц»); декабрь — *ахсынньи ыйа* («восьмой месяц»); январь — *тохсунньу ыйа* («девятый месяц»); февраль — *олунньу ыйа* («десятый месяц»); март — *кулун тутар ыйа* («месяц жеребёнка имать»); апрель — *буус устар ыйа* («месяц лед идёт»); обрусевшие называют *дьөгүөрүйэп ыйа* («георгиевский месяц»).

животных. По более распространённым рассказам других, ысыях произошёл таким образом. Самым первым прародителем якутов был Оногой Бай-тойон; жил он со старухой; был у них работник Хатыр-ого («коса-дитя»), который впоследствии получил имя Эллэй. Однажды старуха и говорит старику: «Старец мой! Отчего трясутся у тебя кости, когда с надворья взойдёт Хатыр-ого?». Отвечал ей он: «Зачем я буду трястись, увидевши его?». На эти его слова старуха сказала: «Уже я посажу тебя на шкуру чёрной кобылы, даю тебе в руки аяха^А (стакан), полный кумыса, а потом позову Хатыр-парня с надворья: тогда ты посмотри на себя».

Вот сделала она так и позвала парня Хатыра. Как он взошёл, дрогнул старик, расплеснул-пролил кумыс по шкуре. Тут старуха сказала: «Старик, что я тебе говорила? Признаешь ли ты?». «Правду ты сказала!». Тут старик сказал парню: «Выбери себе в жены одну из двух моих дочерей». Парень, чтобы сделать выбор, подстерёг как они мочатся: питомка старика как замочится, то пена большая бывает, как лебедь. Вот он и берёт её. Старик рассердился, что взял он не собственную его дочь, а питомку, ничего не даёт им (в приданое), дал только одну кобылу рыжую, как гусь-гуменник, а эта кобыла была стародойка. Эллэй (Хатыр), скопивши от неё кумыса, брызжет (делает) ысыях. Призвал на ысыях тестя Оногой Бай господина. Приходит он со всеми людьми; и все они целых трое суток пили этот кумыс, не могли выпить...

Вот с тех пор и сделался якутский ысыях. А от Эллэя и произошли все якуты.

Таким образом, эти предания определяют ысыях, с одной стороны, как необходимый обряд для того, чтоб лучше произрастала растительность, плодились животные и люди, а с другой стороны, как искони ведающийся обычай упиваться кумысом... Иные говорят, что Эллэй-батыр был сын Белого господина и, живши на земле, делал ысыях, скопивши молока от одной паршивой кобылы, и завещал сделать по его примеру ысыях при «обращении» года и сказал: «Кто, брызгая ысыях, удачно будет причитать мою молитву, тот будет иметь конного скота!».

У самых старинных якутов, как мне рассказывали, ысыях бывал иной против нынешнего.

Если в старину хозяин, приготовляющийся брызгать ысыях, приглашает только одного шамана, то это стыд. Далеко по околотку спрашивают об этом: «Сколько шаманов созвали для ысыаха?» (*Хас ойуну*

ылан ыһыахтарызгар алгаппыттар үһү?). Если на эти расспросы скажут: «Нет, друг, только одного шамана берут и заставляют брызгать!» (*Суох, доҕор! Соҕотох эрэ ойуну ыллатан ыстардылар!*), то на это расспрашивающие скажут, осуждая такого хозяина между собою: «Уж лучше бы он совсем не собирал ысыаха!» (*Ол кэриэтин ыһыах ыспатаҕа даҕаны ордук буолуох эбит!*).

Если же ответят: «Три шамана, или четыре шамана есть (у него)», то спрашивающий тогда скажет: «Вот этот умный человек! И слышать хорошо об этом, друг. Ведь из стольких шаманов, хотя первый или второй, хоть с одной какой-нибудь молитвой (заклятием) будет угоден (услышан) духом вселенной, духом растительности, духом священного огня, господом богом!» (*Ол иннигэр кэрсиз киһи эбээт! Истэргэ үчүгэй эбит доҕор! Очно ойунтан саатар биирдэстэрин, саатар иккистэрин. аан дойду иччитэ, от-мас иччитэ, аал уот иччитэ, Үрүҥ Айыы бииргэстэрин эмэлэрин алгыстарын истэр ойуна баар буолуоҕа эбээт!*).

Если много шаманов сзывает хозяин, то хвалят.

Сам ысыах справляют так. В то время, когда кобылы жеребятся, кобылье молоко не жеребившейся прежде четырёхтравой кобылы собирают особенно, не смешивая его с молоком тех кобыл, которые уже жеребились прошлым летом. Также молоко в первый раз отелившейся коровы собирают отдельно и делают из него масло. Если у хозяина мало конного скота, то долго копят кумыс. Если же у хозяина много конного скота, то ысыах делают в то время, когда только что начнут зеленеть ветви лиственницы. И созывают на праздник людей на расстоянии 100 или 200 вёрст. Если на это приглашение кто-нибудь не пойдёт, то звавший его хозяин надевает навзничь (наискось) шапку с рогами¹ (*муост-аах бэргэһэ*), рога на шапке шились из рысьей шкуры), нальёт в огонь молока, надоенного от впервые ожеребившейся кобылы, и масла от впервые отелившейся коровы, сядет на колени и скажет: «Пусть никакое счастье не останавливается у тебя до конца века. Пусть безмерно длинное и широкое богатство не распространяется у тебя. Пусть будет кара и наказание на рожденных тобою детей до конца века и на потомство твоё во веки! Дух, восседающий в этом затопленном мною священном огне, слушай это сказанное моё слово и задуманную мою мысль! Дух восьмиуступной вселенной, слушай! Дух цветущей растительности, слушай! Воспитавшая Хранительница, слушай! Создавшая Айсыт (добрый

---

¹ В старину все якуты носили шапки, особенно невестки.

дух), слушай! Слушай, Белый господь бог, беломолочный, с белым под-
ножием! Южный с истоптанными загонами Кюрюё Дьэсэгэй (дух скота),
слушай! Верхний с девятью соединениями Хотой-господь, управляю-
щий всеми святыми, слушай! Рассердился я, разгневался на него!»
*(Кэннэбэһин даҕаны уйгу быйан эйиэхэ тохтооботун! Усташа биллибэт,
кэттитэ биллибэт кэтит кэһии эйиэхэ тэнийбэтин. Кэнэбэһин даҕаны
төрүүр оҕон тоххору, кэнэбэһин даҕаны ыччатын тоххору сэт-кэнчэ
буолуохтун! Бу мин эппит тылбын, санаабыт санаабын, бу оттон
олорор аал уотум даҕаны иччитэ, иһит! Бу аҕыс иилээх саҕалаах аан ийэ
дайды иччитэ, иһит. Бу ойуулаах от-мас иччитэ, иһит! Бу иппит
эйиэхсит, иһит! Бу айбыт Айыыһыт, иһит! Бу үүт таас бэйэлээх, үүт
күөл үктэллээх Үрүҥ Айыы, иһит! Бу собуруугу тэпсилгэнэ буолбут
күрүөлөөх Күрүө Дьэһэгэй тойон, иһит! Бу үүһээги айыы айыыны
барытын дьаһайааччы, тоҕус холбуулаах хотой Айыы, иһит! Мин
киниттэн хоргуттум даҕаны, хомойдум даҕаны!).*

Если же по зову соседи придут, то радуются.

Когда весь народ соберётся, приносят три листовенницы и с нижней
половины сдирают кору и затем, соединивши их верхушками, втыкают
в землю на дворе (т.е. вне дома).

Если справляет праздник самый богатый человек, то под эти листовен-
ницы становятся девять кожаных жбанов (*сири ыаҕас*), каждый из них
сшит из одной бычьей шкуры. И если хозяин поставит девять жбанов
кумысу, то убивают девять скотин. А если хозяин соберёт кумысу семь
жбанов, то убивают семь скотин; если три жбана, то три скотины. Это
делается обыкновенно по числу табунов; если у хозяина девять табунов
кобыл (в табуне ныне считают от 10 до 18, а в старину — от 18 до 30 с
жеребцом), то собирают девять жбанов кумысу; и во время собрания
приводят к трём листовенницам девять табунных жеребцов и привязы-
вают к девяти углам ремня, растянутого девятигранно (*тоҕус
тоҕойдоох сэлэ тогойугар*).

Между тем шаманы, сколько их есть, надевают шапки из одних ног
(кожи) белошерстного жеребёнка, дохи из одной шкуры белого жере-
бёнка и приготавливаются брызгать особым плоским праздничным ха-
мыйахом (*ыһыах хамыйаҕа*), отличным от обыкновенного кухонного.

Сзади шаманов становится за каждым из них по семи чистых девушек
(т.е. девственниц), и, идя за шаманом, они обеими руками махают к себе
воздух так, чтобы когда одна ладонь приближается к груди, другая была

от неё на расстоянии локтя (по-якутски это называют *бити* и *битийэл-лэр*), кроме того, притоптывают ногами. Спереди шаманов становятся на каждого по девяти чистых юношей; эти тоже махают руками и пляшут, прося тем счастья. Они бывают одеты в ту же одежду из белого жеребёнка, как и шаманы.

Если чистых девушек и парней будет недоставать на каждого шамана по столько, сколько нужно, то излишнее число шаманов отстраняют.

После того шаманы становятся брызгать. «Собак берегитесь!», — приказывают шаманы. Тогда всех собак привязывают. Если же собака невзначай перегрызает ремень или оборвёт его и во время ысыахной церемонии перебежит спереди шамана дорогу, то этот шаман с казнью умрет, т.е. тяжёлой и скорой смертью.

Загон, где должна происходить церемония, бывает у богатых в три сажени, девятигранный, обтянутый ремнём, к углам которого привязаны табунные жеребцы, и с каждым жеребцом по кобыле. Внутри загона разведён огонь, на восточной стороне; с западной стороны широкий вход.

Шаман (или несколько их) выходит из дому с упомянутой свитой, парни и девушки всё время идут, притоптываясь и махая руками, и вместе с шаманом входят в загон. Парни стоят впереди шамана, шаман всё время топчется на одном месте, стоя лицом к востоку у середины ремня (когда шаман поворачивается назад лицом, девицы уходят, а парни остаются).

Шаман начинает наговаривать: «*Айахал!*¹ *Айыллыатым* («умоляю»)! *Айыллыатым намалса!* В первый полдень, когда сотворили двуногого (человека), с подножным молочным озером молочно-каменный Белый господь бог создал (сделал) двуногих для зачатия, размножения и воспитания на этом среднем месте (земле); всё ты распорядился, ты сделал. И по тому обычаю ты сделал нас, шаманов, переводчиками для людей этого среднего места (земли); ты сделал, чтобы мы были молитвословными. По этому обычаю мы у этого именитого человека в день (зеленения) зеленеющей цветущей травы восьмигранной вселенной, в день зелени цветущих деревьев, в день зелени этого зубчатого тальника, мы имеем этот наш день для прошения у тебя. По сделанному тобою обычаю наступил день гуляния нашим обратным^Б (с оборотами) жеребят. Наступил день расположения телят с нарыльниками. По сделанному тобою обычаю наступил день нашего благословения (молитвословия). И,

---

¹ Слово шаманов, которым они просят от бога добра. Дьявольский шаман не говорит этого слова.

кроме того, есть ведь сделанное тобою. Пёстробрюхого сироту-мальчика с искривлёнными ногами ты сделал господином человеком с звучным и толстым голосом, с многоволосой бородой, который, садясь, ломает край (кровати) из мёрзлого дерева: так сильно твое определение. Пёстробрюхую сироту-девочку с загоревшим от (огня) печки лбом и с искривлёнными ногами ты сделал госпожой женщиной с белоснежным телом, с расплывшимся жиром на животе, с толстыми бедрами (у колен), которая, садясь, сгибает березовую закройму (кровати): так сильно твое господне определение. На этом среднем месте по этому твоему обычаю ты создал (сделал) табунного жеребца со спутанной гривой, со спутанным хвостом, с трёхцветной красивой (почтенной) шерстью. Ты создал табунного быка, длиннорогого, с волосяным комком в хвосте и с толстым голосом. На это вот настал наш день брызгать разбрызгиваемый ысях, собравши сливок наших новодойных, накопивши густое молоко (осадок) наших стародоек. Настал день, поднимающий почтенный старый год с тридцатисаженой шеею. Настал день плыть прошлогоднему льду. Настал день, когда воспитывающая мать Хранительница, имея с восточной стороны заказчиком (послом) мелкий дождик, имея товарищем крупный дождь, имея другом слабый гром, останавливаясь завтракать на дороге, как белое поперечное облако, подобно постеленной чисто белой кобылей коже с головой и лапами (т.е. с кожей кобылей головы и ног), сделавшись глухо белою кобылицею, пришедши на трёх седалищах (подножных подстилках), стоит и ржёт трижды! Настал день, заставляющий отойти дьяволов, причиняющих болезнь гортани. Настал день, облегчающий лошадиную болезнь горла. Настал день, когда восьминогий Аан Адъарай Бёгё притягивает к себе свое лукавое распоряжение и мелкие хитрости (т.е. когда дьявол боится). Настал день, когда дух этих девяти рощ, вдруг сделавшихся пышными, остерегается, прислушиваясь. Настал день, когда остерегаются духи этих восьмиречных мысов с жертвами из конской шкуры. Наступил день, когда смотрят, защищая глаза от света, духи разбросанных чёрных камней, подобных восьми худо содержимым клыкам жеребца.

Настал день, когда на самой середине восьмигранной вселенной дух этой цветущей растительности толстый Писарь и распоряжается, и пишет (всё) для будущности последних поколений двуногих, для судьбы последних людей. Господь бог, возникший и живущий за третьим небом, ты всё определяешь! Эта их участь сделана тобою. На это ты сделал

нас молитвословами. Ты, сделавший богатыми южных людей с загонами, быстро увеличивший загонных коней, Кюрюё Дьэсэгэй, ты всё сделал, всё ты распорядился. Мы все, дивные якуты, тебя благодарим. Удачно ли мы скажем твою молитву? Будьте все, как благословенные. С девятью вязанками жертв Хотой-господь, возникший за семью небесами, это ты всё распорядился, всё ты сделал. Вот мы по сделанному тобою обычаю хотим брызгать разбрызгиваемый ысях. Воспитавшая Хранительница, создавшая Айсыт (добрый дух), к нам возвратитесь и внезапно дайте нам безмерно длинную благодать и безмерно широкое богатство! Дух этой восьмигранной вселенной! Хитрость восьминогого (дьявола) Адьарай Бёгё, приходя, хочешь съесть, испортить (нас); на такой конец не отворяй же звенящую дверь на восточной стороне! На юге не раскрывай весёлого серебряного прясла! Если он скажет: «Есть стану!», — дай ему сырого. Если скажет: «Кушать стану!», — дай ему горькой травы. Господь бог создал (сделал) тебя для того, чтобы мы с тобою воспитались, в ширине твоей завертывай нас, в тесноте (узкости) твоей скрывай нас! Духи этой цветущей травы, стойте, вполне наевшись! Духи цветущих деревьев, стойте, вполне наевшись! Духи восьмигранной матери-вселенной, стойте, вполне наевшись! Госпожа бабушка этой текучей глубокой воды, вполне наевшись, стойте! Духи девяти вдавшихся мысов, стойте, вполне наевшись! Духи этих семи домовых развалин, вполне наевшись, стойте! Духи этих девяти мысов, стойте, вполне наевшись! Определяющие границу жительства двуногих, если вы существуете, стойте, вполне наевшись! Этого господя бога меньший сын Далан Дарган с чисто белыми наколками, Баябат Дьоло, Раздвоившийся хвост, Удачные когти, Львиная доха, Рысья шапка. Плеть из падающей звезды, Мелкая седина, господин дедушка дух священного огня, ведь ты однако! Пришедши на это среднее место для волнующегося белого дыхания трех (племен?) якутов, тридцать лет ты лежал неподвижно! Когда господь бог прогонял тебя на среднее место, чтобы было дыхание кругом четырёх (колен) якутов, ты спустился, держа в правой руке весёлую серебряную плеть! Ты спустился, держа в левой руке большой меч. Ты спустился, держа вместе с тем в правой руке медный с побрякушками ожиг. Ведь ты, милующий нас, скрывай ты нас в ширине твоей и завертывай в узком! Выпаривай¹ нас, душу людей твоих и твоего скота в трёхпоясном глухо серебряном твоём гнезде и не давай

---

¹ Здесь и далее «выпаривать», «парить» — в смысле высиживать (яйца). — прим. OCR.

нас восьми хитростям восьминогого Аан Адьарай Бёгё. Если придёт человек этого среднего места (т.е. земли) — косматоголовый самец-шаман с смертельными шаманскими фокусами, с двойным превращением и, пришедши, станет портить благословенных твоих людей и твоего загонного скота, то ты перережь ему насквозь становую жилу твоею священной вилой. Господь бог, перешиби его насквозь своей весёлой серебряной плетью! Готовы тебе сливки новодоек, отстой (молока) стародоек, наше жёлтое масло. Стой, вполне наевшись! Девять старых юёрей (душ), сделавшиеся издавна владельцами (духами) девяти выдающихся мысов, с жертвами из конской шкуры, стойте, вполне наевшись! Чтобы ни говорили, ни именовали нашего имени страшно жестокие враги, все вы, совершенно все, стойте, вполне наевшись! В начале веков, когда зачинался-родился имевший одну паршивую кобылу Ёллёй-святой, накопивши кумыс этой паршивой кобылы, он сделал ысыях; наступает наша очередь повторить это его дело. Вот прочитал я молитву восьми святым, стоячи с семью девицами-женщинами, махая к себе руками, стоячи с девятью юношами, призывая телодвижениями (пляской) к себе благодать!»

(Мангай күнүс икки атахтаабы отордохторуна, үүт таас бэйэлээх, үүт күөл үктэллээх Үрүң Айыы тойон, бу орто дайдыга үөскүүрүн, төрүүрүн, иитиллэрин — барытын эн дьаһайбытын, эн онгорбутун. Ол майгытынан эн биһигиш, ойуттары бу орто дайды киһитигэр тылбаас онгорбутут; биһигини алгыстаах буолун диэн онгорбутун. Ол майгытынан бу ааттаах киһиэххэ биһиги бу абыс иилээх саҕалаах аан дайды ойуулаах ото көбөрөр күнүгэр, бу ойуулаах маһа көбөрөр күнүгэр, бу сарбаннахтаах талаҕа көбөрөр күнүгэр, биһиги бу эн тускар көрдөһүүлээх күммүт. Бу эн онгорбутун быһыытынан көбөннөөх кулуммут көлчүйэр күнэ буолла! Үрүөлээх торбос үөдүйэр күнэ буолла! Бу эн онгорбутун быһыытынан алгыыр күммүт буолла! Оннооҕор буолуох эн онгорбутун баар эбээт! Эриэн истээх, кэдирги атахтаах, тулаайах уол оҕону тоҥ мас сыһаһаны тосту олорор дорҕоонноох саҕалаах, тор курдук бытыктаах, суон куолайдаах, дон курдук тойон киһи гына онгорбутун: эн онгоруун бачча күүстээх! Толбонноох оһоҕостоох, кэриэхтээх сүүстээх, кэдирги атахтаах тулаайах кыыс оҕону хаар курдук эттээх, халыйбыт хаһалаах, хатъиг мас сыһаһаны ханаччы олорор суон түһэхтээх хатын дьахтар гына онгорбутун: бу айыы тойон онгоруун бачча күүстээх. Ол быһыытынан бу орто дайдыга үөртүйбүт сиэллээх, үөртүйбүт кутуруктаах, үс хат бүтэй мөрсүн түүлээх, үөр

атыырын эн онгорбутунг. Ылары муостаах, богуруолаах кутуруктаах, суон сангалаах үөр обуһун эн онгорбутунг! Маныаха тунгуйбут үрдүн мунньан, кырдыаҕаспыт сөҥөлүн мунньан, ибир ыһыах ыһар күммүт буолла, үтүөлэр (даҕаны, куһаҕаттар даҕаны, кырдыаҕастар даҕаны, топпуттар даҕаны, ааспыттар даҕаны) бу отут булас буула ойно мойньоох улуу дьыл көтөбүллэр күнэ буолбут. Кур буус устар күнэ буолбут. Бу ииппит эйиэхсит хатын, тус илин диэкиттэн ибир самыыр ильдьиттэнэн, толон самыыр доҕордонон, дүбдүр этинг дьэһиэлдэиттэнэн, тыстаах баттахтаах маган сылгы тириитин тэлгии кэбиспит курдук үрүҥ туору былыт курдук үтэллэнэн баран^В эбирдээх таныылаах, бүтэй маган биэ Һылгы буолан кэлэн туран, үс олоххо кэлэн туран, үстэ үөлэн тыбыыраар күнүм буолбут. Бу буоллагына хабаргаһыт хабаандатын хамынар күнэ буолбут, күөмэйдьит күөгүтүн көтөҕөр күнэ буолбут. Аҕыс атахтаах Аан Адьарай Бөҕө албын дьаһалын, сиикирэ кубулгатын бэйэтигэр ахсырынар күнэ буолбут. Бу тоҕус түллэр түбэ иччитэ сэргэнниир күнэ буолбут. Бу аҕыс хонгорой куорка тумуһах иччилэрэ сэргэнниир күнэ буолбут. Бу аҕыс атыыр сылэн аралгатын адаарынгы туппут туппут курдук адаар хара таас иччилэрэ суогастыыр күннэрэ буолбут. Бу ойуулаах от-мас иччитэ суон суруксуттуун олороннор икки атахтаахтарын кэнчээри киһи кэскилигэр, хойукку киһи онгоруутугар олоронут суруйар даҕаны, дьаһайар даҕаны күммүт буолбут. Ол кэннинэ, бу үс хат халлаан үрүт өттүгэр үөскээн олорор Үрүҥ Айыы, барыта — эн онгоруунг! Бу эн онгорбут айыыларынг бааллар. Маныаха эн соҕуруу диэкки күрүөлээх киһини күөдүүппүт, күрүөлээх сылгыны күөдүүппүт Күрүө Дьэһэгэй тойон, барыта — эн онгорбутунг, барыта эн дьаһайбытын! Биһиги ураанхай сахалар барыбыт эйиэхэ махтанабыт. Биһиги эн алгыскын таба алгааччылар буолуохпут баар дуу? Барыгыт алгаммыт курдук буолунг! Бу сэттэ халлаан үрүт өттүгэр үөскээбит тоҕус холбуулаах Хотой Айыы, барыта — эн дьаһайбытынг, барыта эн онгорбутунг. Эн онгоруут быһыытынан бу биһиги ибир ыһыахпытын ыһар гыммыт буоллар. Бу ииппит Эйиэхсит, айбыт Айыыһыт биһиэхэ эргийэнгит, устата биллибэт уйгу буйаҥгытын, кэттэтэ биллибэт кэтит кэһиигитин биһиэхэ дьэбэлгэдитэн кулунг! Бу аҕыс иилээх саҕалаах аан дайды иччитэ аҕыс атахтаах Аан Адьарай Бөҕө кубулгата кэлэн сиэри гыннар, альдьатаары гыннар, өттө буоллаҕына, бу илин диэкки алтан айгыр халгангынан аһан биэрэр буолаайаҕын! Бу соҕуруу диэкки күлэр

көмүс сүлүгэспин төлөрүтэн биэрэр буолаайабын! «Сиэм» диэбиккэ сиикэйдэ биэр, «аһыам» диэбиккэ абата биэр. Эн биһиги иитиллэрбит туһугар — Үрүң Айыы эйиигин онгорбута; киэнгэр суулаа, кыараҥаскар хоргот биһигини. Бу ойуулаах от иччитэ, аһаан сыаргаан турун. Абыс иилээх саҕалаах аан дайды иччитэ, аһаан-сыаргаан турун! Бу сүүрэн сүңкэ далай эбэ хатын, аһаан сыаргаан турун. Тоҕус тумуһахтар иччилэрэ, аһаан сыаргаан турун! Бу сэттэ өттөх иччилэрэ, аһаан, сыарҕаан турун! Бу тоҕус тумул иччилэрэ, аһаан сыаргаан турун! Бу икки атахтаах чэрчитигэр оторооччуктар баар буоллаххытына, аһаан сыаргаан турун! Бу Айыы тойон ылгын уола Долан Дарган Маган Дьылбэк, Байабат Дьоло, Атара Кутурук, Албас Тыңырах, Хахай Санһыах, Бэдэр Бэргэһэ, Кындыс Кымньыы, Кыыра Бырдыа тойон эһэм, Аал уот иччитэ эн буоллаҕа. Бу орто дайдыга киирэнгин үс саха үркүрүүр үрүң тыына буолуон туһугар отут сыл тоххору сидьин босхон буола сыппытын; түөрт саха төгүрүк тыына буол диэн эйигин орто дайдыга Айыы тойон кыйдаатабына уңуо диэкки илиигэр көр көмүс кымньыыны тутан түспүтүн; ханас диэкки илиигэр манҕа батаһы тутан түспүтүн; дьөрсө уңуо диэкки илиигэр хатаргастаах алтан үөт төрөҕи кыттары тутан түспүтүн! Биһигини абырааччы эн бааргын! Эн биһигини киэнгэр хоргот, кыараҥаскар суулаа. Үс курдуулаах бүтэй көмүс уйаҕар айыылаах киһин кутун, айыылаах сүөһүң кутун, онно уйаҕар баттаа биһигини, абыс атахтаах Аан Адьарай Бөҕө Абыс кубулгатыгар эн биэримэ биһигини! Бу орто дайды киһитэ икки дьэкирсиннээх, өлүү хомуһуннаах, аарык бастаах атыыр ойун кэлэн альдьатара айыылаах киһигин, күрүөлээх сүөһүгүн альдьатар баар буоллагына, маныаха ытык адараннан сиһин үөһүн быһа быраҕар буол! Айыы тойон көр көмүс кымньыытынан быһа быраҕар буол! Тунгуйбут үрдэ, кырдыагаспыт сөңөлө, араҕас арыыбыт эйиэхэ бэлэмнээх: аһаан сыаргаан тур! Бу былыр былыргыттан тоҕус хонгорой куоркур тумуһах иччитэ буолан хаалбыт тоҕус куруку үөр; аһаан сыаргаан тур! Чулуу күттүр өстөөхтөр биһигини ааппытын ааттаабата диир буолаайабыт, бары барыгыт бүрү бүртүүн, аһаан сыаргаан турун! Биир татаар биэлээх Эллэй Айыы үөскээбитэ — төрүөбүтэ манай күнүс бу ыһыабы бу татаар биэтин кымыһын мунһан, ыһыах онгорбута. Ол кини онгорбут тэҥилэ бу иһэр. Бу мин сэттэ кыыс дьахтары битии бититтэрэн тураммын, бу тоҕус уол киһини үңкүү үңкүүлэтэн тураммын, абыс үйэҕэ алгыс алҕаатым!).

После этого льют кумыс на всех привязанных жеребцов. Затем пьют кумыс, собравшись, едят, затем на открытом воздухе играют и пляшут. Сперва жмурки, потом «волк и жеребец», потом «утки-гуси», потом «война», потом «хайаххостосор», «хоровод», «жеребята», «перстень хоронят»... Таков был старинный ысыах, по рассказу эгинцев.

А вот как он бывал в недавнюю старину, по рассказам дулгалахцев.

Ысыах требует больших расходов, и потому его делают редко; бедные — раз в жизни, и самые богатые — не более трёх раз на своем веку. Кто три раза сделал ысыах, тот считается богачом, а делать ысыах больше трёх раз в жизни — уже грех. На Моме достаточные якуты делают ысыах ежегодно.

В старину богач по числу своих табунов (6, 7, 9) выбирал по 6, 7, 9 жеребцов и кобыл, но не более 9. По числу жеребцов выбиралось, например, 9 юношей, и они одевались в оленью шкуру белую, как молоко (*үүт маган таба тириитэ*), в белую обувь; надевали белую шапку накосо. Садятся они на лошадей и с криком-рёвом выгоняют 9 чисто белых жеребцов и кобыл на хребет гор. Если эти кони воротятся домой, то, значит, боги не приняли их и хозяин должен разориться, а если не воротятся (если, например, их съедят волки и медведи), то должен разбогатеть.

Шаман не присутствует тут и не ездит угонять скот; хозяин с хозяйкой тоже остаются дома и смотрят только вслед, как юноши угоняют жеребцов и кобыл прямо на восток. Возвращаясь назад, юноши говорят: «*Айыыһыт хатыны кыттары билистэхпит!*» («Мы познакомились с госпожой Хранительницей!»). По случаю такой радости пьют, едят, делают ысыах.

Ысыах бывает разный: на святого и на дьявола. Святому посвящают белого жеребца, а дьяволу — пёстрого и красно-пегого. Иногда на одном ысыахе бывают два шамана: один на святого, другой на дьявола. И оба шаманят в одно и то же время, хотя и в двух местах.

Шаман на святого одевается в одну шапку и доху из белого жеребенка, доха иногда бывает с опушкой из чёрной жеребятины. Юноши, возвратившись с гор, стоят сзади шамана (числом 7–9). Народ, не евший ничего с утра, при церемонии стоит на дворе, ничего не делая и ничего не говоря. Нарушить это правило — грех. Шаман, ставши у того места, где поставлен кумыс с зелёными берёзками или, за неимением их, елями или лиственницами, и отливши кумыса немного, говорит: «Богу

нашему, которому мы молимся, господу нашему, которого мы умаливаем, благословляющей нас Хранительнице! Узнайте же через это богатство-счастье длинную нашу благодать! Вместе с тем просим, чтоб и ныне нам дали широкую благодать, как давали прежде на счастье нами рождённых детей во веки веков!» (*Албаннар айыыбытыгар, суланнар тангарабытыгар, алгыстаах айыыһыппытыгар уйгу буйанмытын, уһун кэһиибитин маныха биллэр эрэ: маныбытын кытара көрдөһө, маныбытыгар кэтит кэһиибитин биһиэхэ ани даҕаны биэрбитин курдук биэрэ тур диэн, биһиэхэ төрөппүт оҕо дьолугар үйэттэн үйэ тоххору!*).

Сказавши это, шаман идёт на восток, где разведён небольшой огонь (сентух). Тут тоже немного льют кумыса; сзади его идут юноши и тоже льют понемногу кумыса трижды. После молитвы нальют на огонь, тогда начинают пить кумыс (на поставленные деревца тоже льют кумыс).

На дьявола делают иначе. Ставят столб с 9 выемками и к нему привязывают посвящённого жеребца. Столб бывает четвероугольный, и на самом его верху делают человеческое лицо, обращённое на запад (на лице обозначают неявственными чертами глаза, нос, но ни волос, ни бороды не обозначают). Под шею к этому человеческому лицу привязывают к столбу пёстро-чёрного жеребца. Это делается около юрты, и шаман, привязавши коня, становится сзади него. Этот шаман бывает одет уже не в доху из кобылёнка, а в настоящее шаманское платье, держит в руках ложку, дыроватую насквозь в 3 или 9 местах, и широкою *сынага*, в отличие от обыкновенного хамыйаха. Эту *сынага* шаман держит пустую и обходит кругом жеребца, смотря на него, трижды. В это время другой младший дьявольский шаман стоит, держа в руках чорон с кумысом. Обошедши трижды, главный шаман начинает ложкой шершавить шерсть коня со всех сторон. Потом громко кричит: «Хозяин! Для сожаления о чёрной душе, для искупления белой души, принёс я к тебе это, стал, чтобы потрудиться», (*Дьизлээх тойон! Хара тыынын харыһыгар, үрүҥ тыынын толугар, бу маны ильльэммин эйиэхэ эрэйдэнэн көрөөрү турдабым*). Потом начинает петь песни.

Якуты чрезвычайно боятся шаманов вообще и в особенности дьявольских, не смеют на них даже взглянуть: потому чрезвычайно трудно добиться до подробностей шаманского священнодействия. Сами шаманы, конечно, не очень расположены открывать постороннему человеку тайны своей профессии.

В настоящее время ысыах делается так. На восток от юрты становятся большую самую чистую кожаную одну (или несколько, чаще нечётное число) посуду с кумысом, смешанным с маслом, около десяти пудов, и высокую, по грудь мужчины. Подле посуды втыкают перпендикулярно три молодые тоненькие лиственницы, нижняя половина которых очищена от коры (*чэчир*), иногда лиственницы стоят в ряд, перевязанные широким плетёным волосяным поясом, сшитым из нескольких волосяных веревок, иногда же лиственницы связываются верхушками над серединой посуды. На верхушках лиственниц привязаны волосы конской гривы; несколько этих волос бросается также в большую посуду с кумысом.

Далее на восточную сторону разводится огонь, ещё далее стоит высокий столб, к которому привязывают жеребца (всякой масти) или же кобылу и жеребца.

Из большого жбана наливают кумыса в три стакана и дают их трём юношам, четвёртый побольше дают шаману. Надевши боком шапки и держа в руках стаканы, юноши становятся один за другим лицом к востоку и к разведённому огню; за ними остаётся посуда с кумысом, а за ней стоит шаман, тоже обратившись лицом на восход солнца. Все они (четверо) стоят на левом колене, а на поднятом правом колене держат обеими руками стакан. Затем шаман запоёт протяжно: *«Айхаллым, айхаллым! Айлайым, айлайым, айлайым! Сайлыатын, сайлыатын! Сайлыат! Эгэлин күөгэлин, эгэлин күөгэлин, эгэлин күөгэлин.* Госпожа воспитывающая Хранительница, госпожа, создавшая Айсыт, матушка моя, дух цветущей растительности, госпожа Эбиресь, господин Могурос! Господин Оногой Бай, ты в начале времен обзавёлся единственной кобылой, вот от этого-то мы поставили вот счастье-богатство, длинный гостинец! Это определение, сделанное Белым господином богом беломолочным, с сидалищем из молочного озера! Это установленный старинными предками обычай якутов, людей среднего места (земля) с подвижными головами, с гнущимися суставами, с подошвами ног, покрытыми перстью¹ земли... *Айхалым, айхалым, айхалым! Айлайым-айлай, сайлыатым сайлыат, күөгэлин күөгэн, дьалысхатын дьалысхат... Иянн...* (ржёт по-лошадиному). *Куру!* (5–10 раз)»... Все эти слова шамана слово в слово повторяют и трое юношей, стоящих со стаканами.

---

¹ Персть (*устар.*) – пепел, прах, грязь, пыль. – прим. OCR.

Затем шаман, а вместе с ним и юноши встают на ноги и делают один оборот по солнцу и, наклоняя стакан к себе, отливают кумыса в огонь. Затем каждый из троих юношей поодиночке обходит три раза вокруг жеребца. Приходит потом и шаман и поёт: *«Иитимнылээх Эйиэхсит хатын, айбыт Айыһыт хатын. Оногой Баай тойон эһэм оёонньор, чахчы кирдик истибитинг буоллабына айахпыттан иһэн көр!»* («Воспитывающая госпожа Хранительница, создавшая госпожа Айсыт, старик-дедушка мой господин Оногой Бай, если действительно точно вы слышали, выпейте-ка из нашего стакана!»). Затем шаман снова заржёт и скажет: *«Куру-куру-курук!»*... Затем шаман подставляет стакан к губам жеребца, тот протягивает морду и с охотой отпивает трижды.

Затем шаман берёт особую поварешку (хамыйах), плоскую, без углубления, с крестообразной дырой. Этим хамыйахом шаман черпает из стакана, до половины отпитого жеребцом, и, обходя жеребца трижды, брызжет его кумысом с маслом по спине, шее и куда попадет. После этой церемонии жеребца уводят.¹

Шаман возвращается к большой посуде с кумысом и держит стакан; один из работников хозяина наливает ему сполна. В это время народ са-

---

¹ В некоторых местах, наливая кумыса на жеребца, шаман поёт: «Сыновья Белого господя бога! Сыновья моего солнца с серебряными заплетёнными волосами, падающими до половины спины! Спуститесь по правой моей стороне. намахайте и натопчите, накликайте мне криком *«уруй!»* счастья, добра, длинного богатства! По левой стороне восемь моих святых дев с волосами, с золотыми блёстками, с пальцами, подобными пуху кости крыла маленькой куропатки, святые мои девы, по левой моей стороне направьте мне лучшей удачи (святим) напевом *аяхалаилыэт*. Направьте мне счастья чисто белого, величиною с жирную чисто белую кобылу. *Аяхал*, мой *аяхал*! Сыновья моего солнца с серебряными заплетёнными волосами! Стойте, направляйте мне белого счастья величиною с глухо чисто белого жеребца, имеющего тихие глаза, копыта из гребельной [т.е. высшего качества (сортность мамонтового бивня) – прим. OCR.] кости, яблочные (масть) бёдра, чувары [правильно – чубарые, т.е. с тёмными пятнами – прим. OCR.] ноздри! Создавайте угощение глубокое, подобно неубывающему глубокому месту среди воды; приготовляйте беспредельное, безграничное счастье, чистое счастье-благодать и длинное богатство приготовляйте до последних (поколений) людей и скота. (Господь бог), безостановочно до последних времён изготавляй господин девятигранный ремень (для привязывания жеребят), распространяй хотон с запахом мочи, разгуляй обротных [т.е. молодых, послушных, не требующих узды – прим. OCR.] (жеребят), собирай стадами (телят) имеющих нарыльники, создавай колыбельных детей!» (*Үрүт Айыы тойон уолаттара, көхсүн быһабыһынан түһэр үрүн көмүс өрүүлээх астаах күнүм уолаттара, унуо диэкки өттүбүнэн түһэннит битиитэ битийэн кулун, уйгу буйанна, уһун кэһиитэ уруйдаан кулун! Ханас диэкки өттүбүнэн абыс айыым кыһа кыһыл көмүс алыгастаах астаах, хахырыар хабдьым табыталын түүтүн курдук тарбахтаах айыым кыргызтара, ханас диэкки өттүбүнэн айабыллаан, айалыаттаан саргыта салайан кулун! Байтал маган биз сылгы ыба маған саргыта салайа турун, аяхал аяхалым! Үрүн толбонноох көмүс өрүүлээх астаах күнүм уолаттара, эбэрдээх таныылаах. курбуһахтаах тараах тынырахтаах, набыллаах харахтаах бүтэй маған атыыр сылгы саба маған саргыта салайа турун! Чөнөрү чүөппэ уолбатын саба диринг түһүлгэтэ оноро турун! Унуоргута биллибэт, уолабата көстүбэт уута ыох уйгу буйан, уһун кэһи кэнэбэски кэнчээри киһи тоххору, кэнчээри сүүһү тоххору, оноһулла турдун. Кэнэбэһин үйэтин тоххору тобус тобойдоох тойон сэлэни тохтоппокко тогуорута тур! Дьаардаах хотону тэнитэ тур! Көгөннөөбү көльчүт, үрүүлээбү үөрдэһиннэр, уйалаах оёону оноро тур!)*

дится крúгом, внутри которого заключается посуда с кумысом и разведённый огонь. Шаман садится рядом с прочими людьми, которые все сидят со стаканами, и мужчины, и женщины. Один рабочий наливает все эти стаканы сполна кумысом, другой рабочий их раздаёт. Первый стакан выпивают сполна и всё за раз, затем уже пьют кто как хочет, и затем начинают игры и увеселения.

Конечно, церемония ысыаха, смотря по местности, разнообразится. Иногда при начале юноши стоят не особо от шамана, а рядом с ним, только по левую сторону, и шаман поёт таким образом: «*Чох, чуорагы, чуорагы!..* Дух местности, Сильное солнце, почтенная госпожа! Госпожа бабушка (Яна) с двумя упругими (красивыми) серебряными сосцами, подобными двум кумысным мехам, (реками) широким Дулгалахом и широким Сартаном,¹ ставшими путями для перелёта птиц, для перехода животных. Так ты, госпожа бабушка (Яна), шуми жёлтым богатством! На верхнем месте молочно-каменный Белый господь, давая резвых мальчиков, румяных девочек, в которых мы нуждаемся, вещай ты им счастливую судьбу! Размножай обротных жеребят, увеличивай четырёхсторонний конский загон! Умножай счастье-благодать для благоденствия последнего поколения! Молочно-каменный Белый господь, слушай ты обоими слушающими ушами, смотри обоими глазами — ласковыми солнцами! Для тебя я разбрызгал разбрызгиваемый ысыах! И на это распространи ты счастье и благодать, увеличь наши тесные конные загоны, умножь наших жеребят! Господь мой Кюрюё Дьэсэгэй, удлини короткий мой загон, сделай с гранями мой безгранный ремень (т.е. увеличь число моих жеребят), сделай с загонами мой воспитываемый скот, размножай моих обротных жеребят... Дух цветущей растительности, Писарь (Суруксут), пиши ты глухую судьбу, определяй глухое будущее счастье. *Айыы Дьалыксыт Танха Дьаралык иччитэ Чээчик Биис ууһа Аан Дьалыксыт*, создавай глухую судьбу!» (К огню:) «Воспитывающая Хранительница, создавшая госпожа Создательница, разбрызгали мы ысыах для счастья будущих поколений наших людей. Мать моя, Сильное солнце, почтенная госпожа, дух нашей местности, слушай: для счастья будущих поколений сохраняй ты нам скот, укладывая его в твоём серебряном гнезде, пряча в узком, скрывая в широком!». Затем, стоя на одном месте, обернутся по солнцу трижды и льют кумыса на огонь и станут

---

¹ Реки сравниваются с кумысом и сосцами потому-де, что весь народ ими питается.

брызгать. Обрызгавши жеребца и кобылу, войдут в дом и там тоже льют в огонь.

Если ысыах бывает на быка, что случается гораздо реже, то в этом случае у шамана уже не три юноши, а один; на разостланной белой конской шкуре становятся одну посуду с ссорою, другую с варёными сливками, третью с сырыми сливками, четвертую с молоком, пятую с умнаном¹, разведенным маслом... В загон приводят одного быка и корову. Шаман поёт протяжно: «Чох, чох, чох! Чуорагы! Чуорагы! Чуорагы! Госпожа Коровница, с молочным озером, не покрывающимся пенками, с масляным полем, с творожным болотом, с сливочною сыростью травы, с сухим тальником (покрытым травой, приплывшим по реке), с лисьим полем. (Үрүмэдийбэт үүт күөллээх, арыы сыһыылаах, издьигэй бадарааннаах, сүөгэй сүдүрүүннээх, арыы дабыһаннаах, самнах үөттээх, саһыл сыһыылаах Ынахсыт хатын!). Ближайший сюда господин Чонохсун, госпожа Мылахсын, госпожа Коровница! Находящиеся посередине госпожа Аналы, господин Аналы с чёрнополосатыми коровами, с чёрнополосатыми быками! Находящиеся по ту сторону госпожа Бай Кудук, господин Бай Кудук с большими пёстрыми быками, с большими пёстрыми коровами! Распространяй скотский загон с запахом мочи, увеличивай широкие наши хотоны, размножай телят с нарыльниками, сделай этого твоего быка жирным внутри, а снаружи хорошим самцом! Дух местности, сделай с гнездами воспитываемого скота, сделай счастливым рождаемого скота. Если придёт поветрие на скот, станет «есть» (т.е. умершвлять) его, станет завидовать, то ты не выдавай! Для этого я и брызгал. И сделал это для счастья моего потомства, исполнил пример, указанный тобою! А вещал счастье тем вещанием, которое было сделано восьмью святыми шаманами (на верхнем месте), сделал пример, поданный восьмью святыми шаманками. Вещал я счастье тем вещанием, которое провещано было тобою, Аян Дьалыксыт! Сделал я пример, сделанный Белым господом!». Во время этой молитвы, растягиваемой разными повторениями, шаман черпает своим хамыйахом сперва умнана с маслом и брызгает на быка и корову, затем почерпывает из всех поставленных посуд с разными вилами коровьего молока и тоже брызжет. За-

---

¹ Умнан, тж. умдаан – кислое питье, приготовляемое, через сученье мутовкой, из кислого молока (суорат), тара, или пахтанья из-под кислой сметаны по взбитии масла (С.И.Сомоготто «Молочная пища якутов и других тюркских народов») – прим. OCR.

тем, держа в руках дыроватую ложку (*сынгааба*), шаман скажет: «По самой чисто белой середины, на жёлтой черте, среди нежной печени моей восьмигранной местности эту мою чисто белую ложку величиною с маленькое озерко покругивши, посади!». Затем ложку бросают: если она падёт выпуклостью, то это к худу; если же «сядет» — хорошо; и тогда все люди, стоящие в загоне, кричат: «*Уруй!*». Если ложка падет «навзничь», то, во избежание горя, шаман бросает её до тех пор, пока она не «сядет, как следует». Кончивши церемонию в загоне, в дом уже не входят для брызганья, как при конском ысыахе.

Ныне делают конный ысыах и без шаманов; в этом случае на двор не выходят, а дома место шамана занимает почетный старик; он становится перед огнём в камине, и сзали его стоят трое юношей, держа каждый по чорону. Старик говорит: «Имеющая торную обширную падь, подобно половодной реке, имеющая нежную горную дорогу с повешенными (на деревьях) жертвами из конской гривы, имеющая подножием зелёную едому (невысокий холм), воспитывающая госпожа Хранительница, воспитавшая двуногих, зачавшая трёх якутов, распространившая пригон (скота) с запахом мочи, увеличившая (скотский) хлев с едким потом, увеличившая господина девятигранно растянутый жеребьячий ремень, благословившая резвыми мальчиками, наделившая новорождёнными жеребятами, окружившая румяными девочками, зачавшая телят с нарыльниками! В промежутки сходящихся двух годов (в день Нового года), на новолунии, в самый лучший день, на восьмигранной матери-вселенной я брызжу белым молоком мелким брызганьем для спасения богатства-счастья, широкой благодати трёх белых якутских душ!» (*Өнньүөс үрэх саба дьэллэмдэлэгэй аартыктаах, сиэл сиэбилээх арыы намылга аартыктаах, чэл быраан үктэллээх, иитимньилээх эйиэхсит хатын, икки атахтаабы ииппит, үс сакханы үөскэппит, дьаардаах тиэргэни тэниппит, холонгсолоох хотону субуйбут, тобуһ тобуһдоох тойон сэлэни тогулуппут, тартык уол оҕону дьалыктаабыт. чалчырга кулуну чаалыппыт, иҥигэр хааннаах кыыс оҕону эрчийбит, өрүөлээх торбоһу үөскэппит! Дьыл ыпсыытыгар, ый саҥатыгар күн үтүөтүгэр, абыс иилээх сабалалаах аан ийэ дайдыга уйгу буйаҥнын, уһун кэһиингин үс сакха үрүҥ тыынын өрүһүйэрин туһугар үрүҥ туһабынан ибир ыһаабынан ыһабын!).*

После этого наговора трое юношей отливают немного кумыса в огонь, наклонивши чороны на свою сторону (а не от себя); они делают это молча и трижды.

Старик опять станет говорить: «Дух цветущей растительности! Для того мы держим (в руках) сливки перводойных (кобыл), осадок (молока) стародоек, богатство соловых (кобыл), благодать белых, чтобы восьмиуступная мать-вселенная изобиловала жёлтым (лучшим) счастьем в продолжение восьми веков! Для этого мы держим» (*Ойуулаах от-мас иччитэ! Ол туспутугар туттубут тунгуй үрдэ, кырдыаҕас сөнгөлө, улааммыт уйгута, кэрэбит кэһиитэ, аҕыс иилээх саҕалаах аан ийэ дайды аҕыс үйэ тоххору араҕас бийаңынан айгыста тур диэн, ол туспатыгар туттубут!*).

Три юноши снова трижды отливают кумыса в огонь, и опять наклоняя чороны в свою сторону.

Затем старик снова говорит: «Из-за девяти веков распространившийся живущий мохнатый великий шесток! Для того мы держим. Для девятипоясного (с девятью перехватами), девятикарнизного, из-за девяти веков установленного нашего жительства, нашего стоячего домика: воспитай (разгуляй, развесели) хорошенько обротных жеребят, расплоди хорошенько телят с нарыльниками, не заставь зажмуривать (глаза), т.е. избавь от смерти ресничных (имеющих глаза с ресницами), имеющих бока, не заставь лежать (т.е. избавь от болезни)» (*Тоҕус уйэ тоххоруттан тоҕуоруйан олоҕбут түүлээх көй холумтан! Ол туспатыгар туттубут тоҕус курдуулаах, тоҕус тулааһыннаах, тоҕус үйэ тоххоруттан туругуран олоҕбут туруорбах балаҕаммыт туспатыгар, көҕөннөөх кулунгун үчүгэйдик көлчүт, өрүүлээх торбоскун үчүгэйдик үөскэт, кыламаннааххын симнэrimэ, өттүктээҕи, сытыарыма!*).

После этого опять трижды льют на огонь; затем кумыс пьют все домашние или кто есть, каждый держа по чорону или по аяху. Но никто не выпивает до дна, а оставляет несколько кумысу, который и дополняется из жбанов.

Нынешний ысыах есть только сокращение старинного.

В день ысыаха народ поднимается рано; встают в пятом или шестом часу утра. Становят три листовенницы, выскобливши кору добела, чтобы они походили на берёзу, и связывают их по верхушкам. Внутри (а иногда сзади) их ставят кумыс в кожаном жбане; если их шесть, то они ставятся треугольником. Три холостых парня, надевши на голову наискось

шапки из белого жеребёнка, держат три чорона кумыса с маслом и льют на огонь сверху, наклоня чорон в свою сторону, приседая одним коленом. Три раза обходят по солнцу и каждый раз льют трижды.

На восток, «падь Хранительницы» (*Эйиэхсит аартыга*), со словами: «Дух вселенной, дух тёмного леса, господь бог, госпожа Хранительница» — наливают кумысу в очаг (сентух) на загоне. К столбу привязывают чисто белого жеребца и табунную кобылу; этому жеребцу на гриву шаман льет кумысу из дыроватой чашки трижды. Юноши, отливши кумысу в огонь, подходят к людям и, наклоняясь на одно колено, дают каждому отпить трижды.

В некоторых местах, накопивши кумысу и «жеребчых сливок» (*кулун үрдэ*), ысыях делают так. Встают рано утром и берут одну молодую кобылу, ещё недоенную в этом годе, и доят её перед самым началом ысыаха. Три парня в жеребчых шапках, надетых набок и с отвороченными ушами, становятся друг за другом и молча, один за другим наливают кумысу в огонь. Парни ничего не говорят, а один почетный старик в ряд с гостями наговаривает: «Господи, вкуси ты пищи, созданной тобою, покушай из широкого богатства, длинной благодати! Хорошенько воспитай скот! Милостивый господь бог, сердитых мальчиков ты создал, счастливый скот создал. Воспитывающая госпожа Хранительница, кушай! Госпожа Айсыт, накинувшая рысью доху нараспашку и рысью шапку боком. И стоим мы, надевши подобно тому, как ты. И ныне счастливых мальчиков подай! Счастливый скот дай! И ныне мы стоим, прося господа бога» (*Айыы тойон, айан биэрбит аскыттан аһаа! Кэтит кэһиигиттэн, уйгу буйаһыттан аһаа! Абыраллаах Айыы-тойон, иитэр сүөһүнү үчүгэйдик иит. Абыраллаах Айыы-тойон, уордаах уол оҕону айан биэрдингэн дьоллоох сүөһүнү айан биэрдингэн. Иитимдһилээх эйиэхсит хатын, аһаа. Айыыһыт хатын үүс саһыйаххын нэлбэгийдээн баранһын үүс бэргэһэҕин кырыытынан ууран баранһын. Эн кэппитит курдук, биһиги кэтэн турабыт. Аны даҕаны дьоллоох уол оҕото айан кулу, дьоллоох сүөһүтэ айан кулу! Аны даҕаны, Айыы тойон, биһиги көрдөһөн турабыт*).

В некоторых местах приговаривают три раза, в других — один, но льют везде девять раз. Посвящённые белые жеребцы нынче редкость, и льют на челку и гриву обыкновенного жеребца.

Сперва льют кумыс на дворе, а потом в юрте в огонь.

Гадают дыровой ложкой (*сынгааба*): если она падёт на спину, то кричат: «Уруй!» («Да придет к нам счастье!»); если выпуклой стороной кверху — к худу. Шаман открывает крышку у жбанов с кумысом, и тогда все начинают петь.

Во время ысыахного «хоровода» поют:

*Улаан кулун уйгута,
Кэрэ кулун кэһиитэ,
Манган кулун мааныта,
Бараммат мааныта,
Уһун уйгу буолла,
Кэнэбэски кэтит кэһии,
Айыыбыт сагыаллаата,
Абааһыта аччаата.*

(«Настало богатство солового жеребца, благодать белого жеребёнка, уважение чисто белого жеребёнка, неистощимое уважение, длинное богатство, будущее широкое богатство, слышно идущего Создателя (Создательницу), уменьшение дьяволов»).

XIV. МИФОЛОГИЯ

1. Обожание птиц и животных

У якутов до настоящего времени есть брань: «Убей человека да съешь!»; «Свари в горшке человеческие кости да съешь!»

«Предки наши, — рассказывали мне эгинцы, — в старину ели своих младенцев. Жили раз старик со старухой; приготовились, хотели съесть своего сына, уже большого. Прилетела к ним эта птица (ястреб), принесла шерсть сохатого и бросила на младенца. Тогда родители остановились, не стали убивать свое дитя; сын бросился за птицей, дошел до пропавшего сохатого и принес его мяса родителям; они съели сохатого, а его оставили в живых. С тех пор они стали почитать ястреба богом».

Ястреб, хищная птица, послужил для народного мирозерцания образцом, примером для дикарей промыслять зверя, указывал ему на мясо, которое может заменить человеческое. И вот обожание ястреба показывает древнейший шаг человека к прогрессу, переход от самоед-

ства к охотничеству. В нынешних якутских сказках людоедство составляет занятие одних дьяволов, причём дьявольская дочь иногда режет живого человека, привязанного ремнем, и ест свежинку.

Обожание ястреба состоит: 1) в том, что невестка никогда не показывается этой птице нагая, а если же как-нибудь неосторожно выйдет голая, то перед этой птицей прикрывает матку; 2) невестка не проходит спереди ястреба, а сзади, и притом надевши *тангалай*;^A 3) мужчины кланяются ястребу, когда он летит мимо (один поклон).

Если ястреб летит по одному пути с едущими якутами, то они считают это за счастье.

Другие рассказывают, что как-то в старину эгинцы начисто разорились, да ястреб прилетел к ним и указал место промысла. Тут они и приобрели себе неисчерпаемое (!) богатство.

Ястреба почитают и на Моме, считают величайшим грехом топтать его пух: от этого бывает ломота всех костей, человек обессиливается и перед смертью кричит по-ястребиному.

Если-де старинный якут скажет в страхе: «Господь бог, помилуй!» (*Айыы тангара, абыраа!*) — да в это время прилетит какая-нибудь птица: ястреб, лебедь и т.д., то эту птицу уже и считали богом.

В сказке «Кюн Эрили» №2 герой обращается ястребёнком (с белым ошейником и шарообразным пучком перьев на хвосте) и летит на небо, где, сделавшись звездой (*уоттаах сулус*), смотрит на землю.

Ныне, впрочем, выражение «поклонник ястреба» стало уже бранным.

В других местах, например в Эльгетском наслеге, боготворят лебедя и чествуют его также, как эгинцы ястреба. Эльгецкие невестки до сих пор не называют лебедя его названием *куба*, а *төйүһнүү*.^B

Эльгецкие женщины не должны есть лебедя: «В старину женщины пробовали есть лебединое мясо, да стали от этого сходить с ума, кричали по-лебединому». Потому теперь уж и не едят.

Орёл тоже считался в старину богом. Самое название его по-якутски *тойон*, что значит «господин». Якутская сказка о том, как птицы в первый раз переселились в Верхоянский округ, соединена с общественным выбором начальника, который и пал, наконец, на орла, будет сообщена нами особо («Сыч и чирок»)^B. Если момские якуты наткнутся на пропавшего орла, то поднимают его с земли и вешают на дерево так высоко, как достанет рука. Но главным образом орёл почитался бывшим Батулинским наслегом, ныне присоединенным ко 2-му Юсальскому.

В сказке Алып Туйгун спрашивал у встретившихся ему ворона и вороны, куда ушёл дьявол. Они не указали ему. Тогда, поколотив их, Алып Туйгун поехал дальше: над одной рекой лежит только что родившийся орленок. Подъехал к нему Алып Туйгун, спустился с лошади, взял её за повод и, севши, молвил: «Господин мой дедушка!..». Орел указал ему, куда идти. Тогда Алып Туйгун вырвал у лошади из хвоста три волоса, трижды плюнул и бросил, приговаривая: «Будьте вы четырёхгодовалым жеребцом с продольною светлою полоскою посередине носа, с напиками (пятнами) на плечах, а вдоль спины с полосой, подобной поводу!». Когда три волоса обратились в такого жеребца, Алып Туйгун привязал его к дереву, на котором сидел родившийся орел, и сказал: «Да будет это тебе дорогим подарком, большим моим жертвованием, получай ты коня такой масти для счастья будущих поколений!» («Алып Туйгун»).

Якуты рассказывают, что как орел наестся досыта (например, съест зайца), то он уж не может летать и сидит. «И есть, мол, такие дураки, что ловят его и заколачивают. Потом этот человек с ума сходит, сохнет, все кости у него болят, искривится и кричит по-орлиному». Умный якут в этом случае снимает перед орлом шапку и приговаривает: «Господин наш дедушка! Мы тебя не трогаем, и ты нас (и нашего промысла) не трогай!». Стрелять ястреба и орла — великий грех; они будут мстить за выстрел. В сказке («Алып Туйгун») орёл указывает герою дорогу к его жене, и он привязывает к дереву в жертву орлу четырёхгодовалого жеребца с продольною белою полосой посередине носа, с пятнами на плечах, с полосой, как повод, вдоль спины и завещает, чтобы орёл и впредь получал в подарок коня подобной масти. Затем убил коня, разрубил его мясо (в жертву орлу) и уехал.

Стерх также некоторыми считался богом. «Изредка бывает стерх с красными пятнышками, такой стерх всегда узнаёт, если к нему подкрадывается стрелец: он сам подходит к стрельцу, кланяется, становится боком, на разные манеры; такого стерха нельзя убивать, а то охотник сам помрёт». В сказках добрый дух (*Айыыһым*) летает стерхом. Семь стерхов живут или летают где-то выше нижних облаков.

Порода уток мордушка (*мордо*) была богом 1-го Байдунского наслега. На Дулгалахе считали богом гагару и держали её изображение, украшенное по шее, бровям и пр. разноцветным бисером.

Одно племя во 2-м Юсальском наслеге боготворило в старину вóрона,¹ и доныне оно называется «воронье племя» — *суор ууһа* (на месте Бу-стах). Богом Батагайского наслега была чайка (*хонто*); старинные невестки также прятались от неё.

Гнёзда зорить у пташек (особенно у ласточек) — грех, будешь без глаз и бездетен.

В старину рябчик был огромный; Хотой Айы (господь) взял его, разрезал на куски и создал из них птиц всех пород.

К якутам здешнего округа вполне применима пословица: «Что город, то норов, что деревня, то обычай»; их обычаи и поверья бесконечно разнятся по наслегам и по племенам-родам.

Так, в Эльгецах считали богом белого быка: будто бы в старину один мальчик (родоначальник?) как-то раз заблудился в лесу и помер бы с голоду, если бы случайно не встретил белого быка. Целых три месяца этот мальчик питался его слюнями; и вследствие-то того его стали считать богом.

Юсальцы однажды в старину приходили в крайность. Один из пих ушёл куда-то в лес, блудил там и утонул бы, как вдруг прибежал к нему в поле сивожелезый жеребец. Якут сел на него, и жеребец перевёз его через реку. За рекой оказались люди и скот; таким образом он спасся от голодной смерти, и так как он был родоначальником, то сивожелезый жеребец и сделался богом четырёх юсальских наслегов (Дулгалахского, Бустахского, Сартанского и Чинекинского).

Чествование этого сивожелезого жеребца с яблочными бёдрами (*тол-бонноох курбаһахтаах күөх борон атыыр*) состояло в следующем: 1) не убивать; 2) если постареет и пропадёт, то не ломать его костей; 3) не давать его мяса женщинам и детям; 4) невестка не должна была быть при нём обнажённою или даже с открытою головою; 5) когда пропадёт, то шкуру его и голову с шаманским напутствованием весили на лесину; 6) мозг костей можно было доставать не иначе, как стесывая кости с одной стороны.

Во время ысыаха, наливая на него кумысу, приговаривают: «Вместо нашего святого ставший святым, вместо нашего бога сделавшийся богом, мы не обделяем тебя мелким брызганьем, поэтому всегда подавай

---

¹ Ворон знает, что его желчь люди употребляют как лекарство при глазной болезни. Потому если ворон попадется на поставленный якутами самострел или будет убит из ружья, то из злобы на человека он скрывает свою желчь в голени (*кистиир*), и тогда уже у него желчи не найдёшь, а если и найдёшь, так совсем в другом месте.

длинное богатство, широкую благодать!» (*Айыыбыт оннугар айыы буолбут, тангарабыт оннугар тангара буолбут, мань эбир ыһыахпыттан биһиги эйиэхэ матарбаппыт. Уйгу буйангыһын, кэтит кэһиигин мантыккын тэнитэ тур!*).

В старину у байдунцев была богом полосато-рыжая кобыла с трёхраздельным хвостом (у Нямяря-тойона). Рассказывают также, что в старину якуты нередко обращались к Белому господу богу с молитвой к нему, чтобы он указал, какого животного следует им обожать. Для этого со всех юрт известного наслега собирались в одно место по одному «чистому» юноше и одной «чистой» девице, которые приводили с собою по одному жеребцу и одной кобыле какой бы ни было масти. Эти чрезвычайные собрания делались в лучшее летнее время. На высокой круглой горе, где ещё никогда не ходил ни скот, ни люди, разводили огонь, огороженный загоном, в который впускали приведённых коней всех мастей. Все эти кони сжигались живыми. Тогда народ просил господ бога, говоря: «Белый господь бог, помилуй нас, покажи нам, чем и как должны мы почитать свой воспитываемый скот?». Тогда в ответ на мольбу на небе показывался, например, байдунцам, чисто белый (*манган*) жеребец; другим наслегам — другие животные.

Говорят ещё, что в старину якуты считали богом соболя и вывешивали его шкуру на тоненькое деревце, чтобы он покачивался на нём. До сих пор есть якутская загадка: «Говорят, перед домом есть качающееся чёрное?» (Соболь — бог старинных людей). В якутской сказке («*Бэй-бэрэкээн эмээхсин*») на восточной, благополучной, дороге вывешена рысь и соболя шкура, а на западной, несчастной, — медвежья с белым ошейником, с лапами и головой. Якутская невеста закрывает себе лицо рысью или горностаем. Рассказывают, что ещё недавно горностаю обожали на Дулгалахе; идол его, украшенный бисером, был, впрочем, привезён с индигирской стороны.

Юрюгедейский наслег в старину считал богом медведя и молился ему.

2. Обожание природы

Гром у якутов, как и у многих других народов (см. исследование Я. Гримма о громе), отождествлялся в старину с голосом. Якутское название грома *этин* значит также «скажите». *Этин эттэ* («гром сказал») по-якутски равносильно нашему «гром прогремел».

Как только начнет греметь гром, то якуты уже не разводят в печке огня, собак выводят из юрты и привязывают в лесу, а то они притягивают громового духа (*этинг иччитэ*). Шаманы так причитают во время грома: «Заиграла вершина неба, разразилась молния, тридцатишейный звонкий остроконечный год отряхнулся, поднялся от земли. Пало жёлтое очищение, отправился тридцатишейный год. Возвратилось знойное дыхание, ласковое солнце обратилось взором. Возвратился (на пользу нам) наш многодоходный, многопромышленный тёмный лес, распространилось большее счастье, съедомое богатство, обратились к нам наши длинные гостинцы. Отстала кора у деревьев, украсился наш тёмный лес. На нашей восьмигранной местности выросла восьмисоставная зелёная трава, наше мать-место украсилось. Настало время поправляться жеребят, не имеющим жеребят,¹ настало время радостно прыгать нашим шелудивым телятам; настало время нашим сиротам-мальчикам отведывать счастья, едомого богатства; настала счастливая участь разыгрываться румянцу у наших сироток-девочек (*Тулааһах кулун эрчиллэр кэмэ буолла, толугурдаах торбоспут тонкурчахтыыр кэмэ буолла, тулааһах уол оҕобут уйгу буйантан амсырдыыр² кэмэ буолла, тулааһах кыыс оҕобут ингин хаана киирэр кэскилэ буолла*). Наступило хорошее наше время жары, настал день выставлять извилистые ремни (для привязывания жеребят), настал день выставлять рядом чороны с девятью кольцеобразными возвышениями, выставлять широкую постилку, высокие столбы, расшириться медно-жёлтым ысыахным столбам, наступить ысыаху. Якут-человек возник, питаюсь вначале белой молочной (пищей); на матери-родимом восьмигранном месте мы живем, умножаясь из рода в род, распространяя богатство и скот. И когда загудел с широкого неба сильный гул, мы живем, уютившись в трёхпоясном серебряном гнезде» и пр. т.п.

Иные якуты во время грозы бросают пищи в огонь и причитают: «Запорозовал¹, сильно запорозовал, разразилось множество молний, сильно заиграла вершина неба, очистило вселенную от поветрий со всеми болезнями. Улетели болезни, и нечистота от покойников поднялась. Очистило землю. Сильно загремел гром. Летите на верхнее место, находящиеся на земле три-девять-семь родов восьминогого дьявола

---

¹ Порозовать – о рогатом скоте: быть в поре случки (толковый словарь В.Даля). Т.е. здесь «запорозовал» - в смысле «расплодился, размножился». – прим. OCR.

(Адъарай Бёгё)! Провалитесь в нижнее место, одиннадцать родов нижнего места! Летите, лети, дух девяти душ привидений среднего места! Если оглянешься ты на землю, пусть расколется твоя шейная кость; если обратишься ты на кровных родственников, пусть вывернется у тебя оконечность бедровых костей! Если умыслишь на среднее место, пусть смешаются твои мысли и память! Пусть занесётся след твоего ухода, пусть будет неизвестен след твоего прихода! Пусть сожалеет (меня) дух моей местности, создавший Создатель; пусть защитит воспитавший Хранитель! Младший сын находящегося наверху молочпо-каменного Белого господя, расслабленный, мочащийся под себя, пришедши и сделавшись множеством искр величиною с четырёхтравного жеребца, дедушка мой Ал Окхон, Солнце — постоянство, Плеть — падающая звезда, Большой меч, Тростка с побрякушками, дедушка мой Священный огонь! Если пришёл кто-нибудь есть (истреблять людей и скот), то прямо в рот проткни ты ему проворным копьём, проколи насквозь становую жилу, попади, ударяя твоею плеткою — падающею звездою, попади, ударяя тросткой с побрякушками! Ударь мимо проходящего на дворе! Дедушка мой Ал Окхон, дух шестка, поставленного на одном месте в продолжение девяти веков! Сузь ты дьявольскую дорогу, протори мою святую дорогу, не выдавай дьяволу твоего назначенного хозяина, не назначай невидимому, не выдавай дьяволу, укладывая в заклокоченно-нежношёрстном серебряном гнезде, прилепляя к пахам, скрывая в подмышках до тех пор, пока чёрные волосы (твоего хозяина) станут чисто белыми, как снег, когда он, молодой, сделается старым, подобно гнилушке, и, охая, будет вставать с постели, во весь его век до смерти! Если придёт дьявол есть, дай ему горькой травы, брось сырья, не выдавай твоего назначенного хозяина!» (Сүллэ бөбө сүүлэ; көй күндүс кыланна, орой буурай оойньоото, аан дайдыны албаннаах дьаһах арчылаата, куонньай көттө, күөртэй тэйдэ; аан дайдыны арчылаата, сүлэ бөбө сүллүйдэ, дьанг бөбө дьаһылыйда. Аан дайдыга абыс атахтаах Адъарай Бөбө үс тобус сэттэ биһин ууһа аллараа дайдыга көттүн! Аллараа дайдыга абыс биһин ордуга үс биис ууһа аллараа дайдыга симитиннин! Орто дайдыга тобус куругуйар үөр иччитэ көттүн! и пр.).

Во многих местах, когда начинает греметь гром, якуты берут сырую длинную (аршина в 1½) талину и, вышедши, начинают бить ею по наружным стенам юрты и в окна, приговаривая: «Копчук-копчук! Вверху обитающие дьявола, летите кверху; внизу обитающие дьявола,

проваливайтесь вниз!» (*Үүһээги дьабыннаах үөһэ көтүң, аллараа дьабыннаах симиттин!*).¹ Это делается для того, чтобы дьявола выскочили из юрты и на неё не пала молния, поражающая дьяволов.

Гроза истребляет дьяволов, причиняющих людям болезни, и потому больные якуты стараются пользоваться грозой для исцеления. Для этого во время сильной грозы больного (судорожного, припадочного, сумасшедшего и пр.) выводят на открытое чистое место. Больной должен вздрогнуть одновременно с сильным ударом грома, тогда дьявол болезни, прогнанный громом, выскочит из больного, и страждущий исцелится.

Если молния разобьёт какое-нибудь дерево, то щепки его тоже употребляются как лекарство для людей и скота. Отправляясь за такими щепками, якут должен сначала хорошенько вымыться, почище одеться и потом идти к разбитому дереву не против солнца, а с той стороны, где бы солнце было в затылок. Доставши щепок, их хранят где-нибудь в чистом месте юрты, например, под матицей. На третий день после падения молнии существующие налицо больные зажигают лучинки разбитого дерева и обкуривают себя вместо ладана. То же делает всякий и впоследствии, если приключится болезнь (кашель, насморк и пр.). Те же щепки употребляются против заразы скота. Для этого зажигают с конца несколько щепок и ударяют горячими концами по скотине, приговаривая: «хоп-чук! хоп-чук!». Этим криком они прогоняют дьявола.²

Якуты не становятся во время грозы под лесину; туда прячется дьявол, которого и поражает громовая стрела, громовый камень. Прежде, рассказывают якуты, некоторые находили даже «громовый топор» (*этин сугэтэ*); громовые топоры (и камни) имеют целебное действие, но их нельзя употреблять на волшебство. Иные находили «громовый камень» (*этин тааһа*) светлый, величиною с куриное яйцо. Нашедший громовый камень считает грехом его обнаруживать и держит его в «чистом месте» и в тайне. Иные называют громовый камень «сата» (*этин сатата*). Громовую сату находят, вставши рано утром во время восхода солнца под корнем дерева, разбитого молнией; если эту сату помазать кровью убитой птицы или даже скотины и окунуть в воду с наговором, то поднимется ветер или гроза. По рассказам других, громовая сата показывается только счастливому человеку, и на третий день после своего

---

¹ В некоторых местах это делают только при сильном вихре.

² Тот же крик некоторые повторяют, желая отстранить от себя вихрь.

падения. Её завёртывают и таким образом носят с собой. В случае нужды её привязывают к месту, машут ею на открытом воздухе (на поле или горе) и свистят: тогда, если нет ветра, будет ветер; нет ненастья, будет ненастье. Ту же громовую сату, завернувши, привязывают иногда к чёлке лошади, лошадь станет качать головою, и сата будет качаться, тогда наступит сухая прохолодь (т.е. холод при ясной погоде).

Впрочем, сата бывает разных сортов. Вот, например, орлиная самка несёт яйца, и вместе с орлиным яйцом якуты находят иногда маленький камешек, подобный утичьему яйцу, который они называют «счастливым камнем» (*дьол тааһа*). Якут стреляет куда-нибудь в сторону в то время, когда орлиная самка парит свои яйца; орлица пугается ружейного звука и улетает, оставляя «счастливый камень». Якут подбирает его, завёртывает в меховое и не показывает никому. Этот камень доставляет своему хозяину счастье; все его дела идут счастливо и удачно. Отправляясь на промысел, он берет его с собою и промысляет счастливо. И таким образом держит он его при себе всю жизнь, и весь свой век бывает богат. Но годов через пять или шесть летом он вынимает счастливый камень из обёртки, намазывает его маслом и снова кладёт обратно. Если наступит хозяину какая-нибудь нужда, например, комар или овод будут заедать скот и пр., то загоняют скот в загон, привязывают сату к вершине берёзовой палки, окружают ею скотину и кричат: «*Оп-чук! оп-чук! Арчы! Дьай бөҕө дьалбарыйдын, көлһүҥ бөҕө көтөҕүлүннүн!*». Иногда летом, повесивши сату на шест, хозяин замечает: если тотчас после этого подует восточный ветер — к счастью; если северный — к счастью в коровах; южный — к приезду важного господина; западный — к смерти самого хозяина, его ребёнка или жены.

Иногда, убивши кобылу, за едою находят в кобыльем сердце камень с утичьё яйцо, который тоже называется «счастливая сата» (*дьоллоох сата*). Такую сату не кладут на лабаз. Новорождённого окружают сатою, чтобы он был счастлив. Во время болезни скота ходят кругом загона и окружают сатою загон; также и проклятие злонамеренного шамана не будет иметь силы в подобном случае.

По рассказам одних, сата состоит из четырёхугольного хрустального камня; по рассказам других, этот камень бывает чёрный, маленький, плоский, похожий на лицо человека, только без бровей и без бороды. Некоторые хранят сату в трёх ящиках, помещённых один в другом; сата лежит в третьем ящике, завернутая в заячью шкуру. Некоторые, возя с

собою, прячут её в одежде где-то около левого плеча; другие зашивают её в верхушке шапки и вынимают лишь в таком месте, где нет людей. Сатой призывают всякую погоду, для этого её вынимают и наговаривают: «Не нужно мне счастья среднего места (т.е. земного счастья), желаю я только твоего добра! Да не увижу я добра в своём воспитываемом скоте, лишь бы видел я твоё добро! Буду я считать за ничто, не взгляну я на свое имущество, находящееся внутри сумы, лишь бы я видел твоё добро! Пусть не увижу я добра в родимых детях, только видел бы я твоё добро! Пусть не увижу я добра в своей жене, лежащей в моих объятиях, видел бы я только твоё добро! Пусть не увижу я солнечного света, видел бы я лишь твой свет!» (*Төрөтөр огом үтүөтүн көрүмүүм, эн эрэ үтүөбүн көрүүм. Хооймор сытар дьахтарбын үтүөтүн көрүмүүм, эн эрэ үтүөбүн көрүүм. Күн сырдыгын көрүмүүм, эн эрэ сырдыккын көрүүм!*).

Если желают дождя, то прибавляют: «Пусть девять суток идёт дождь со снегом!» (*Тобус күннээх түүнхаардаах самыыр түстүн!*). Если желают ветра, то говорят: «Пусть подует ветер!». Это делают большей частью весной, чтобы снег подмёрз от ветра и легко было ехать, или же во время половодья, чтобы речки убыли вследствие сухого и холодного ветра.

Ветер часто призывают просто ударяя на открытом воздухе палкой по медвежьей шкуре и упоминая о своём желании. В некоторых местах при ветре вытряхают медвежью шкуру, бьют палками и приговаривают: «Упади с неба тёмный вихорь с духами величиною с чёрного телёнка, взвей-унеси с землёю и пылью, с мохом и лесным сором. Имеющие провал внизу, проваливайтесь вниз! Имеющие гнездо наверху, полетите вверх!» (*Киэн халлаантан хара тыһаҕас саҕа иччилээх хара халарык түс! Сирдэри-сиппэрэннэри, көппөхтөрү-кү өдэллэри көтүт. Аллараа дьабыннаах аллара түстүн, үөһээ суоруннаах үөһэ коттүн!*).

Если поднимется сильный вихорь, то в него бросают нож, чтобы он закололся. Ветер легко происходит и оттого, если кто-нибудь в знойный день выйдет, да начнёт свистеть. Свистят также на травинку. Во время сенокоса якутские косцы не кричат и не режут, а то подымется ветер.¹

---

¹ На Моме считают благословенным тот год, когда весной подует тёплый южный ветер, шумящий поверху. Этот ветер очищает землю. «Это пробежала лошадь господ бога» (*Айыы-тойон дьэр кулан дьэллигэн элэмэс*), — говорят о нём момские якуты.

Если летом по небу взад и вперёд ходят большие чёрные тучи, то смотреть на них — грех: в них бывает чёрная вода, и если она попадёт в глаз, то глаз потемнеет.

Солнцу молятся, смотря на него, кланяясь и приговаривая: *«Айыы Тойон Сырдыга, абыраа миигин!»* («Свет господа бога, помилуй меня!»). Утром кланяются на восток, вечером на запад. Кланясь, держат руки сложенными на груди, иные, впрочем, и крестятся. В редких случаях кланяются солнцу при клятвах.

Некоторые, поклоняясь солнцу, говорят: «Господь бог, помилуй! Во время все, пока живём мы на земле, обращай нас к счастью! Умножь родимых детей и воспитываемый скот! Создавай и давай нам растущей растительности, промысла-пищи! Господь бог, помилуй!» (*Айыы-тойон, абыраа! Орто дайдыга олорорбут үйэбит туокхары дьолго тэгэлитэн кулу! Төрөтөр оҕото, иитэр сүөһүтэ тэрийэн кулу, булта-аста, үүнэр отто-маста айан кулу! Айыы-тойон, абыраа!*).

В некоторых случаях, например, если на лице выйдет бородавка, молятся месяцу во время полнолуния (*Ый иччитэ, абыраа миигин!*). Иные мужчины просто при полнолунии выходят и кланяются месяцу, не крестясь: «Пусть в будущее белокруглое твоё полнолуние мы свидимся с тобой так же хорошо!» (*Эһиилги үрүҥ түгүрүк туолуутугар бу курдук үчүгэйдик көрсүһүөх буоллун!*).

Беременная женщина кланяется луне, когда исполнится последний месяц беременности, говоря: «Дух луны, помилуй меня!». В старину молились также при первом новолунии (вечером). Погребающие покойников не показываются людям до рождения нового месяца. На луну долго смотреть — грех: месячный дух берёт. Есть даже предание, что шли однажды мальчик с девочкой с коромыслом на плечах и долго засмотрелись на луну, что огонь их глаз пробудил спящего лунного духа, он взял их к себе, понравились ему эти дети (см. варианты в гл. XVI). Смотреть на месяц из окон юрты — грех. Шить при лунном свете — грех. На луну садиться^Е для испражнения — грех.

В сказках упоминаются господин месяц с людьми и со скотом, господин лунного света, лучистый Юргэл с пугливыми людьми, яркая звезда Чолбон (Венера) [...].

Кроме солнца и месяца, якуты почитают Чолбон — зарницу, светлую звезду (Венеру) и созвездие «Утичье гнездо» — *Үргэл* (Плеяды). Если

весной Юргэл пройдет по верху Чолбона, то год будет хороший. («Нынешней весной Юргэл прошла сверху»). Если же ниже Чолбона, то к несчастному году: падежу скота и голодовке.

«Давно это было, — рассказывала мне одна якутка, — лет 20 тому назад. Чолбон задел за Юргэл и украл одну звезду, так что теперь осталось всего семь. Это был худой год. Чолбон прошёл чуть не посредине Утичьего гнезда, и тут же все заметили, и я видела, что все звезды Утичьего гнезда разошлись в разные стороны... А на другой-то год опять все сошлись, а одной-то так и не стало».

Если Юргэл не может пройти понизу, а заденется и долго мучится, сойдутся Чолбон с Юргэлом и не могут разойтись, то лето бывает дождливое, делается наводнение, а зимой ветры, пурги, зима худая. В такой год вся птица пропадает, всё сено выйдет, скот нечем кормить, так снег сгребают лопатой с отавы, чтоб скот мог есть. Около царя Константина¹ прилетит кукушка, сядет на черен лопаты и кукует. Скот станет пропадать: у конного скота во внутренности заводятся очень длинные черви *соллон*, а у коров — мелкие красные без особого названия.

«В старину, как-то лет 60 тому назад, Чолбон застил, препятствовал Юргэлу. А если застит, то скверный бывает год: холода, заморозы, ветры, голодовки, и засухи, и неурожай трав. Да вышла ещё новая большая звезда, тоже застила Юргэлу. В то время было два якута-шамана. Чуочалыкан и другой якут под русским прозвищем Солдат-Нюколай; оба они взлетели на небо; один стал заковывать в цепи Чолбона, другой новую звезду. Когда заколачивали они цепи, то прочие якуты видели: сыплются от них на землю искры и гаснут (вот всё равно так же, как куют железо). Новая-то звезда была большая, как огонь из якутской трубы. Как её Солдат-Нюколай заковал, она и пошла, пошла по небу книзу и скрылась. На землю упала, дымом сделалась. А после узнали, что она хорошая, участливая была звезда; это её ламутские шаманы превратили в дым. Богатые бы мы были, если бы она существовала. На плечах у Солдата были привязаны верёвки, и когда он слетел с неба, якуты схватили его за верёвки и остановили».

На Моме тоже наблюдают *Үргэл алтыста*; если сойдутся в марте, снег не сойдет (*хараарыа суох*); если не сойдутся, то снег скоро растает.

В сказках Юргэл дует сверху ветрами. «Господин Юргэл с пугливыми людьми и скотом»; «Дочь господина Юргэла Пугливая шаманка» (см.

---

¹ Т.е. на день равноапостольных царя Константина и матери его царицы Елены - 3 июня. — прим. OCR.

сказки «Хороший Юдиянь» и «Бэрт Хара»¹). Сказочные якутские витязи бывают иногда «с солнцем на груди, с утренней звездой на лбу, с кукушкой на затылке (признак храбрости и богатырской силы), с Юргэлом (Плеядами) на середине темени, с месяцем на спине» (*Түөһүгэр күннээх, сүүһүгэр чолбонноох, кэтэбэр кэбэлээх, төбөтүн оройугар үргэллээх, көхсүгэр ыйдаах, дьылбэгэ дьизэрэн кыыллаах, атабар дэгиэ кыыллаах, эрбэбэр ударбаччы кыыллаах Түөнэ Дохсун бухатыыр*).

Вообще почти все старинные якутские сказки имеют своими сюжетами явления природы. Так, в сказке «Старик со старухой» весь сюжет сосредоточен на дочери их «непоказываемой дню солнце белеющей», которая помещается, например, «в камне светлее всего, подобном яйцу белобоба-утки, без нити сверху, без поддержки снизу». Сказочные герои нередко обращают свою лошадь в звезду Лабаз (Северную Медведицу — *Аранас сулус*) и пр.

Что явления природы породили якутских богов, это всего резче выражается в обыденных якутских выражениях: «*Танара сараан эрэр*» (бог умирает) — светает; «*ардахтаах танара*» («бог с ненастьем») — ненастная погода; «*былыттаах танара*» («бог с облаками») — пасмурно; «*тыаллаах танара*» («бог с ветрами») — ветрено; «*халлааннаах танара*» («бог с небом») — ясно.^Е В якутских сказках часто упоминаются «горы, достигающие до бога», т.е. до неба (*дайдыта баранан танарага тийэр танкыныы турар таас хайа буолбут*).

3. «Поклоняемые» боги

Слабое знание якутских обычаев, столь естественное в писателе, не отлучающемся из города, не позволяет мне сделать удовлетворительного очерка мифологии якутов Верхоянского округа, хотя молитвы, приведённые мною в предыдущих главах, а также и некоторые другие сведения представляют к этому кое-какие материалы (см., например. «Дополнения III и IV»). Здесь я скажу только несколько слов о тех богах, которые упоминаются чаще других и отчасти называются «поклоняемыми» богами.

---

¹ В сказке «Семиженный сирота Бяйбэйлин» упоминаются дочь господина (созвездия Плеяд) Юргэла шаманка Бытарыс; дочь господина Месяца шаманка Толук; дочь господина Солнца шаманка Кюёгэл. В другой сказке у солнца упоминаются две дочери — Нура Нусхаллан с семисаженной косою и Кюн Толу Удаган с девятисаженной косою.

В заклинаниях своих якуты нередко упоминают «управляющего всеми богами Верхнего Хотой Айыы (господа) с девятью вязанками (жертв), возникшего за семью небесами». «(Живущий) на краю середины южного и лучезарного восточного небес, с пёстрой дорогой, сидящий на огнистом облаке, жительствующий на молниеносном небе. С вязанками господь Хотой!».

Но гораздо чаще Хотой Айыы упоминается Белый господь бог с беломолочным седалищем, «родившийся, наступив на взбивающуюся кверху чёлку светло-белого неба», живущий за третьим небом и всё определяющий. Он считается создателем человека. В сказке «Кюн Эрили» герой молится так: «Дедушка мой, Белый господь бог, живущий на голубеющем голубом небе, видимом якутам, имеющий подобное рубцам (зарубинам) нёба четырёхтравного жеребца поперечное седалище на восточном углу лучезарно-светлого неба, на восточном крае чисто белого неба с тремя вязанками (жертв), имеющий широкую беспрепятственную падь (горную дорогу, низкое место между горами), нежномягкую падь с вязанками из конского хвоста, имеющий серебряное поперечное место, подобное пестроту пуха казарки (гуся), где нет ночи, вращается один день, где нет темноты, вращается один свет. Белый господь бог, мой дедушка с обширным седалищем из молочного озера, с постилкою из молочного озера, пьющий белую молочную пищу, кушающий разбрызгиваемый ысыах (*ибир ыһыах аһылыктаах, үрүҥ тунах утахтаах*), с медно-жёлтыми ысыахными кольями из жёлтой лошади, со столбом из чисто белой лошади, с коновязью из серой лошади! Смотри ты обоими своими глазами — ласковыми солнцами, слушай обоими твоими большими чуткими ушами!» и пр.

В сказке «*Абыс айыы дьахтардаах тулаайах Бэйбэйлин*» [«Семиженный сирота Бяйбялии»] говорится: «С молочно-каменным подножием, с двухгодовальными кобылами и коровами, Белый господь бог, с туманом из якутского масла, с творожной грязью, с молочным озером, с лужами из отстоявшегося кумыса, с болотистой водою из горького кумыса, с весенней водою (от растаявшего снега) из только что почёрпнутого молока, с масляными местами, с непрорубаемыми лесами, с непроходимыми травами, с неубывающей водою». Жена у Белого господя — солнце, почтенная госпожа, и две дочери: старшая шаманка Урукку-Сурукку со стельками из пузырного пуха почтенного зверя, младшая — не

пьющая молока Юрюнгэс. Мать, впрочем, не очень высоко ценит последнюю и называет просто «девочкой, мочащейся на ноги» (*атабар ииктиир кыыс оѳо*).

В другой сказке Басамнылан-Батыр и Эрбэхтэй Бэргэн, призывая таким же образом Белого господа, прибавляют: «Ты спустил нас на землю, определяя-говоря: „Пусть распространится от вас потомство, да будете вы людьми между якутами — народом с свободно движущимися головами, с крошащимся земляным дыханием, с гнущимися суставами, подпоясывающимся посредине (туловища), (живущем) на этом среднем месте (т.е. земле) с убывающею болотною водою, с вянущею травой, с блекнувшими деревьями, с заходящим солнцем и восходящим месяцем!“» и пр. В сказке «Хаан Дьаргыстай» первые прародители людей называются собственными детьми Белого господа бога, который сам спустил их (*Юкяйдянь ко*) на землю. В этой сказке герой молится Белому господу: «Живущий над белым небом, с беломолочнокаменным седалищем, с местом, где озерья из молока, не покрывающегося пенками, с кротко-нежным нравом Белый господь господин, долженствующий определить мое назначение, направить меня, чтобы я стал человеком! Вот остаюсь я на земле, не зная ни отца, ни матери. Нет у меня платья, чтобы надеть на плечи, ни пищи для пропитания; остаюсь совершенно голодным. Для езды нет верховой лошади; остаюсь пеший. Господин дедушка (т.е. бог), посоветуй, чем мне взяться и как сделаться человеком?». На это Белый господь созвал всех (небесных) людей с востока, юга, севера и запада и рассказал им просьбу человека. Три дни и три ночи шумело их собрание, наконец, сказали они: «Мы не видали его лично собственными глазами, как же можем сказать, что ему приготовить, какую следует ему дать лошадь?», — сказали и разошлись. Когда они ушли, Белый господь господин остался в большой печали. Наконец, воротился с западной стороны один человек и постучался в дверь Белого господа господина: «Господин старец! Ведь вот ушедши-то дорогой я выдумал!». И затем указывает лошадь, которую господь бог и дарит герою.

В сказках по левую сторону Белого господа бога живет Кюрюё Дьэсэгэй, которого в молитвах называют «быстроувеличивающий загонных коней», «южный с истоптанными загонами». В сказках Кюрюё Дьэсэгэй спускает с неба лошадей на землю; его призывают таким образом: «Господин мой дедушка Кюрюё Дьэсэгэй с загонами, взнянчивший

жеребят с обротями, воспитавший вольноотпущенных жеребят, распространивший резвых (жеребят), размноживший новорождённых, размноживший имеющих загоны!».

По некоторым сказкам, у Белого господа бога семь сыновей. Одного из них господь бог сделал духом промысла и т.д., а самого младшего, Тангха Дьалараксы, — духом огня. Этот-то и принёс с собою на землю огонь и наделил им всех. Понятно, что в таком суровом климате, как здешний, огонь пользуется самым большим почётом. К нему прибегают постоянно, в него льют масло, жир при родах, при постройке дома, при промысле, при ысыахе и почти при всяком случае. И, наливая в огонь пищи, приговаривают: «Господин наш дедушка! Завертывая в твоём тесном, пряча в твоём широком, дай нам ходить (жить) хорошо!» (*Уот эһэбит! Кыараҕаскар суулаан, киэннэр хорҕотон, үчүгэйдик сырытыннар!*). В ысыахной молитве говорится: «Господин дедушка, дух священного огня (*Аал уот иччитэ*)! Пришедши на это среднее место для волнующегося белого дыхания трёх якутов, ты тридцать (вариант: семь) лет лежал неподвижно. Когда господь бог прогонял тебя на землю, чтоб было дыхание вокруг трёх якутов, ты спустился, держа в правой руке весёлую серебряную плетё и медный ожиг с побрякушками, а в левой копье. Ведь ты милующий нас. Скрывай нас в ширине твоей, завертывай в узком, не давай нас хитростям восьминогого (дьявола) Аан Адьарай Бёгё! Если придёт шаман с дьявольской силой и станет портить твоих людей и твоего загонного скота, то перережь насквозь его становую жилу (нисходящую кровяную аорту) священной вилой!». В сказке «Хаан Дьаргыстай» богом огня называется «маленький сын Белого господа, родившийся по назначению иметь во власти жизнь якутов, принимающий в подарок сосновый лес, обедающий сырым лесом, ночующий сухими дровами, берущий-едящий сырое дерево Кыра Бырдьай господин и беловолосая госпожа». В другой сказке герой, уезжая из дому вдаль, оборачивается к дому и говорит между прочим: «Дух нашего священного огня, впускай ты в дом благонамеренного, а злонамеренному перешибай спину рукояткою ножика!».

Повсеместное обожание огня отразилось во многих якутских обычаях. Так, если якуты предполагают что-нибудь сделать, собираются куда-нибудь идти и в это время в каминном огне раздаётся особый треск от лопающейся личинки, то, услышав это, якут уже ни за что не

сделает предположенного или не пойдёт, куда предполагал. Они уверены, что огонь запрещает этим треском предполагаемый поступок. По-якутски это называется «*уот эттэ*» («огонь сказал»). Если горячий уголь, отщёлкнув, выскочит из печки, то грех его бросать небрежно или в воду, его должно взять и покормить пеплом (т.е. посыпать).¹

Если из дров, поставленных в камин, якут считает нужным взять (убавить) несколько ещё не загоревшихся поленьев, то он никогда не сделает этого молча (это было бы грехом), а всегда приговаривает: «Зажжём мы (эти дрова), когда приедет зять» (*Күтүөт кэллэҕинэ, оттуохпун*) или (как на Бытантае): «Зажжём мы завтра, когда приедет зять и когда мы будем варить привезённые им подарки». Становя дрова в камин, наблюдают, чтобы они становились кверху тонким концом («подобно тому как растёт дерево»). Сидеть на шестке — грех. Мыться на шесток камина — грех. Раздувать огонь с двух сторон зараз двум человекам — грех. Нельзя двоим разводить огонь — поссорятся. Нельзя бросать накипь, соскобленную с котла, в огонь — погода испортится. Существует поверье, что по следу, оставленному горшком на золе, выходит дьявол, поэтому такой след заматают, некоторые на нём делают знак креста. Собака ляжет спиной к огню — грех (к смерти кого-нибудь из домашних). Если огонь в камине горит шурша, то это к промыслу, т.е. хозяин добудет зверя и бросит частичку жира в огонь, отчего он снова будет шуршать. Если из печки вылетит горячий уголь и попадёт на человека и потом уже на землю, то его поднимают, приговаривая: «Дедушка мой заставил поднять» (*Эһэм көтөхтөөтө*), — кладут на стол и, когда уголь остынет, его целуют и опускают под платье на голую спину.

Если из печки вылетит и падёт на пол уголь до полудня, то это означает, что вскоре в этот дом прибудет откуда-то приезжий. Если ребёнок или вообще «глупый» человек раздавит утренний уголь ногой или палкой, то от этого приезжий должен умереть или очень захворать, чему между якутами рассказывают некоторые примеры. Если же уголь вылетит из печки после полудня, то это уж означает, что должен прибыть дьявол, такой уголь поднимают и бросают обратно в огонь. Некоторые перед тем, как бросить уголь в печку, приговаривают: «Ведь ты позабыл

---

¹ Якуты рассказывают, что одна женщина бросила как-то однажды такой горячий уголь: уголь выскакивает к приезжим; к женщине ехал в гости её родной брат, но так как она бросила огонь в воду, то брат по дороге утонул.

котёл с топором, вернись-ка за ним!» (*Сүгэлээх салыыргын умнан кэлбиккин, онтугар төнүн!*).

Никто не ест мяса вновь убитой скотины до тех пор, пока не бросят в огонь кусочек её мяса. Если, сядясь есть, не бросить в огонь пищи, то у припадочного больного усилится болезнь или же вновь заболит здоровый. Плевать в огонь — великий грех. Водой брызгать в огонь камина — великий грех. Если у ребенка болят глаза или запрыщивают губы, то подле больного места высекают огонь: болезнь испугается и соскочит. Мокрицу (*токолоон* — «насекомое») бросить в трубу — равняется действию саты. Брать угли острым орудием — грех: огненный дух боится (*уот иччитэ куттанар үһү*). Весной брать огонь от соседей — грех (*саас ыалтан уоту ыллар, айыы үһү*). Кто огниво украдёт, всё равно, что убил. (Загадка: «Святой сын с огненным дыханием» — огниво). Якуты помнят ещё, как в старину огонь добывали посредством трения сухого дерева. В клятвах также упоминается «пепел-уголь, бог мой», и одним из самых жестоких проклятий считаются слова: «Пусть твой огонь потухнет!». В сказке «*Абыс айыы дьахтардаах тулаайах Бэйбэйлин*» [Семиженный сирота Бяйбялин] сказочный герой «имеет назначение от восьми богов, воспитан поклоняемым богом, указан (узаконен) Хранительницей». По сказке «Кюн Эрили» у Белого господ бога восемь дочерей-шаманок, из которых старшая — дух вселенной, а средняя — госпожа Создательница (*Айыыһым*).

В якутских молитвах очень часто упоминаются «воспитавшая госпожа Хранительница (*Эйиэхсит*)» и «создавшая госпожа Создательница» (*Айыыһым*). Обе они очень часто упоминаются вместе, и, по объяснению некоторых якутов, это одно божество под двумя названиями: если молятся женщины, то называют его госпожой Создательницей (*Айыыһым*), а если мужчины, то госпожой Хранительницей (*Эйиэхсит*). Впрочем, в некоторых сказках они спускаются с неба двумя женщинами и помогают роженицам. Мы видели уже, как якутки молятся им при родах (см. гл. IX). Госпожа Хранительница покровительствует также, помогает якутам в хозяйстве. «Настал день, — говорит молитва во время ысыаха, — когда воспитывающая мать Хранительница, имея с восточной стороны послом мелкий дождик, имея товарищем крупный дождь, имея другом гром, сделавшись белою кобылицей, пришла и, ставши на трёх подножных постилках, ржёт трижды!» (см. гл. XIII).

Сказочные герои обращаются к обеим богиням вообще при разных трудных обстоятельствах жизни. Так, один герой плачет и говорит: «Воспитывающая мать Хранительница, соболезнающая госпожа Создательница! Сильно я мучусь: дьявол подверг меня своей хитрости, теперь остался я пешим среди земли, хитрый дьявол увёл равного моего друга, мою лошадь. Ловил я его рукой и промахнулся. Чтобы мне (можно было) гнаться за этим, спустите мне с высокого неба летающее белое облако без головы и ног, песней своей спустите ко мне!». Как только он сказал это, на лучшем месте закружилось белое облако. Или вот женщина, одна из прародительниц рода человеческого, надевает на себя шаманское платье, берёт в руки бубен, молится создавшей её Создательнице, воспитавшей её Хранительнице: «Милосердая (имеющая жалость) сотворившая меня Создательница! Вначале, когда ты спустила меня на землю (среднее место), ты сказала: „Будь с непрерывающимся дыханием, с бессмертною жизнью! Пусть распространится от тебя воспитываемый скот, пусть возникнут, размножатся от тебя рождаемые дети, воспримут зыбку и колыбель!“. И по тому твоему назначению взявший меня равным другом (женой), он-то попал в обман дьявола, победила его нечаянная смерть. Чтобы избавить его от этого, чтоб вымыть — вытереть его, восставить, задуй прямо с востока тёплый ветер, спусти каплями белую божественную жидкость, жёлтую *ильгянь*, подобно снегу с дождём!». Как только сказала она это, подул ветер и, поддерживаясь его волнами, вышел её муж (Кёнчё Бёгё); закапала с неба белая божественная жидкость, жёлтая *ильгянь*. Тело и кровь этого человека исцелились, и сделался он гораздо лучше прежнего.

Или вот беременная прародительница, промучавшись родами три дня и три ночи, не может разрешиться; приползла она на четвереньках до порога, велела отворить дверь и, обратившись на летний восход солнца, лежит, горько стонет и молится: «Умираю я от боли... Воспитываемый дух моего дома, возросшая под столбом юрты, завесившаяся шкурой из семи вшин, Ньыха Харахсын Ньырылын-куо Чэмчэй бабка, ты раскрыла для меня твою (смертную) нераскрывающуюся толстую дверь. Дух моего священного огня, разводимого мною, ты не спас, не помиловал меня! Дух восьмигранной вселенной с медной тросткой господин Дремлющий (*Ангаарыхса*), госпожа Высокопочтенное (отличное) солнце (*Күн Күбэйихсэ*) с серебряной тросткой, вы задвинули для меня неотодвига-

емую толстую задвижку. Души растительности, дух травы девица Светящиеся опилки (*Кылбадаһын кыыс*) с руками, способными на всякое дело, дух деревьев Плосколицый сын (*Ньылахсын уол*) написали для меня чёрную грамоту. Дух быстрой воды Непостоянный господин (*Өдүгэт-тойон*) обделил, не дал для меня своей доброй стороны. Дух дикого девственного тёмного леса, плечо из звериного головного меха Барылах-батыр (витязь), с густо кровавым подножием, с мохнатым пышнохвойным сидением, с тяжеловесным угощением, со (старинной) остроконечной шапкой, бегающий (скоробег), подобно птице курагачи, меткий стрелок, имеющий силу в груди, катай меня на старомохнатых коленях Тюёнэл-шамана, нежь меня на гривистой шее. Растворись, достойное благодарения небо, которому мы жертвуем хвост и гриву здорового скота! Распахнись, серое небо, имеющее олений поимочный ремень из хвоста и гривы саврасой кобылы!

Создавшая Создательница, воспитывающая, поворачивающая к добру Хранительница, жалеющие, милующие, в рысьей шапке, подобно остроконечной накидке сверх одеяла, (обзаведшиеся) жилищем из рысьей шкуры с пятнами, головою из превосходной рыси, (на месте) с нежелтеющей травой осокой, с неблёклой травой выше спины трёхтравного быка, на месте, где лужи из перебродившегося кумыса, где нет тёмной ночи, нежатся одними светлыми днями, где растянулось одно спокойное лето, где нуждаются в зиме, где осеннее солнце светло показывается, весеннее солнце всходит сиянием! Я спустилась на землю по вашей воле и сделалась беременной по-человечески, и в день родов знахари среднего места, люди земли не оказали мне пользы. Настал день моей смерти. Избавьте, выведите, помилуйте меня от смерти!». Как только кончила она эти слова, с восточной стороны взвились на небе белые облака, шумно подул с востока тёплый пронзительный ветер: видимо, спустились-прилетели две женщины-создательницы, подняли беременную, и она родила превосходного сына.

«Однажды, — говорит сказка „Кюн Эрили“, — поднялся сильный ветер, и герой от мороза сделался при смерти, онемел и ослеп. Тогда его невеста помолилась Белому господу и его дочерям, духу вселенной и госпоже Создательнице. И на эту молитву дух земли, предпочтенная госпожа Сильное солнце высунулась (снизу) до груди, дала ему обе груди (сосцы), подобные двум пенистым кумысным мехам, и сказала: „Соси!“. Тут он пососал: стал и глазами видеть, начал и дышать, вскочил

и побежал. Госпожа мать Создательница пришла с неба и облака, перескочила ему трижды через спину. Тут полетел-поскакал он, вылечился, стал таким, как был и прежде».

В другой сказке сын Семиженного сироты Бяйбэйлина, поднявшись на небо, прощается с домом, родителями и скотом и молится: «Дух вселенной, госпожа с лицом, покрытым веснушками, с вогнутым станом, с белоснежным телом, с белоснежными волосами! Высунься ты до грудных сосцов и стой же, слушай обоими твоими большими чуткими ушами: если придёт кто есть (т.е. погубить домашних), отстраняй и прогоняй его. Голодных и тощих корми. Не отодвигай толстое твоё прясло, не растворяй толстую твою дверь!».

Дух вселенной и дух цветущей растительности живут на арыке (дереве, густо сросшемся вверху). Дух цветущей растительности Сырдыграс-парень и Сырдыграс-девица (или Писарь) пишет судьбу каждого человека при его рождении. Мы видели уже, как молятся дереву арык (см. гл. IX). До сих пор ещё, переваливая через хребет гор, якуты, особенно если едут в первый раз, привязывают на вершине хребта несколько клочков волос, приговаривая: «Госпожа бабушка! Хорошенько нас перенеси!» (*Эбэ хатын, үчүгэйдик таһаар биһигини!*) или «Дали мы госпоже нашей бабушке». Если на вершине есть дерево, то жертву (пух, лоскутки и пр.) привязывают к суку; если же вершина безлесна, то на ней ставят деревянный крест, на который и вешают жертву. Иные приговаривают так: «Госпожа бабушка! Раскрой-распахни твою широкую беспрепятственную дорогу, подобную половодной реке. Не допусти говорить впопад злоязычным, не дай смотреть впопад враждебным глазам. Вытяни счастье, подобно голове послушной лошади, улучшай счастье, подобно стоячей чёлке пугливого коня. Не спотыкай суставами суставчатого, не дай скользнуть ногами круглокопытному, не дай ступать вскользь имеющему безшерстную кость (т.е. копыта)! Не делай меня предметом людской насмешки, не допусти, чтобы имеющие ресницы перемигивались между собою! Госпожа бабушка, прошу я у тебя!». Волоса конской гривы вешаются на сук дерева на самой вершине хребта, которая всегда называется *сиэл ыйыыр*^Ж («место вешанья гривы»). Несколько десятков лет тому назад якуты, поднявшись на вершину горы, надевали шапки боком, отрезывали несколько волос из гривы своих коней, привязывали их к дереву, затем ещё становились на одно колено, кланялись, сло-

живши обе руки на нижней части груди, и приговаривали: «Госпожа бабушка, дух восходящей дороги, дух нисходящего пути! Раскрой твою широкую беспрепятственную дорогу величиною с полноводную реку! Взял я отрезал у (коня), имеющего семисаженный распущенный хвост, у имеющего тридцатисаженный лодку-хвост, и повесил тебе, госпожа бабушка, дорогой подарок, большее даяние. И ныне открывай ты твою беспрепятственную широкую, переходящую через хребет дорогу, подобную зарубине нёба четырёхтравого жеребца. Госпожа бабушка, до сих пор повелевавшая пешему втыкать посох (последнее даяние), конному привязывать гриву, если настанет день для путешествия хромоту или косому, то во веки веков давай (им) такую тишину, чтоб не летал (даже) пух» (*Эбэ хатын, тахсар аартык иччитэ, киирэр аартык иччитэ! Сыдьан үрэх саба дэлгэм дэлэгэй аартыккын аһан кулу! Эбэ хатын иччитэ! Ыар бэригим, уһун өнгөм сэттэ былас ньэлэр сиэллээхпиттэн, отут былас онгочо кутуруктаахпыттан, ойо быһан ыламмын эйиэхэ ыйаатым, эбэ хатын! Аны да буоллар кытылыыр сылгы таһалайын кэрдийһин курдук дэлгэм дэлэгэй туорул көмүс аартыккын аһан биэрэ турар буол, эбэ хатын! Бу үйэтигэр сатыыттан тайах астарбыт, аттаахтан сиэл бааттарбыт, эбэ хатын! Сокхор даһаны, доһолонг даһаны сыльһар күнэ буоллаһына, түү көппөт дагырыта буолан биэрэр буол, үйэ-үйэ тоххору*).

Переправляясь через реку, якут бросает в неё с берега кусок масла или же льет кумыса с маслом (при переправе со скотом) и приговаривает: «Госпожа бабушка, хорошенько переправь нас!» (*Эбэ хатын, үчүгэйдик туорат биһигини!*) или «Дух госпожа бабушка, раскрой твой глубокий брод, перевези (нас), переправь!» (*Алгас кэбиһэн кулу!*); «Госпожа бабушка (имя реки)! Хорошенько переправь наших лошадей и наших жеребцов!».

Духу лесов вешают также жертвы весной, когда река станет вскрываться, снег сойдёт и начнут пускать палы, и осенью, когда реки только что покроются первым льдом. Мы видели, какие жертвы и какие молитвы у якутов на промыслах (см. гл. XI).

Всех богов у якутов бесчисленное множество. В молитвах упоминаются девять господ святых (богов). Некоторые при постройке дома, при урожае сена, во время приплода скота молятся Лёбё-тойону и Алай Хатын (госпоже), приговаривая: «Господин Лёбё, хорошенько расплоди воспитываемый скот!». Некоторые духом или богом, «выпускающим из-

под земли мамонтовую кость», считают господина Юмючюгюна и госпожу Ньидьигин. Духа промысла Байаная именуют также Ёндёгёс Сююрюк, духа леса — Кэтит Эдьий, Кёп Сёгёлённөх, Ханнах бэлэньиктэх, Ойдох буур отулах и др. Упоминаются, кроме того, дух цветущей растительности старец Оточчун, дух деревьев старец Матыаччын, дух места, бывшего под жильём, Приседистый старец, дух корней валежника Сынганай, дух поля Сысымардьыт, дух длинных широких полей Аланай, дух пней Тёнкөнөй, дух ерника Ыйдама. (*«Ойуулаах от-мас иччитэ Оточчун оҕонньор, мас иччитэ Матыаччыт оҕонньор, өтөх иччитэ Өкчөөнөй оҕонньор, сыгынах ыытэ Сынганай оҕонньор, сыһыы иччитэ Сыһыымардьыт оҕонньор, алыы иччитэ Аланай оҕонньор, төнгүргэс иччитэ Төнгөнөй оҕонньор, ыарҕа иччитэ Ыйдама оҕонньор, курулуур курум тыа иччитэ Куйдама, барылыыр бар тыа иччитэ Барыылах Чаадай Боллох тойон эһэм!»*). Упоминаются дух восьмигранной вселенной, духи мысов, гор,¹ месяца, Ледовитого моря, озёр, воды и т.д.

В жизни и в сказках якуты часто угощают своих богов. Сказочный герой разрубит, например, скотину на мелкие куски и разбросает со словами: «Духи этого места, наешьтесь!». Или мать советует сыну: «Убей ты для закуски верхних (богов), на пищу нижних (дьяволов) кобылу, ходившую на воле семь лет, отсюда, назначив, отвезти её прямо на западную сторону. Там на берегу быстро бегущего смертного моря разрежь свою кобылу на мелкие куски и разбросай со словами: „Духи растительности, земли-места и сырости, кушайте!“». А духи, угощённые мясом, расхваливают людей. Так, одна старуха говорит: «Вот ходила я и увидела то, что и не думала увидеть, услышала то, что и не чаяла слышать. Вкусно же бывает человеческое кушанье, редкостно же, дорого же оно бывает. И возникает же человек такой хороший, из малого ребенка возрастает же такой важный; приехав на наше место, накормил всех духов земли, леса и трав. Уже они, голодные, наелись досыта, и они говорят: „Для тебя для господина оставили полшеи (мяса), а мне, госпоже, четыре жирных ребра“» («Хаан Дьаргыстай»).

Имея такое множество богов, якуты, конечно, имели и идолов. Так в Урюгейском наслеге делали идола из железа и меди, обшивали его шкурою сохатого и вешали внутри юрты.

В некоторых местах идолы носили такие названия: Хаскын-тойон, Барсын-тойон. Добывши какого-бы то ни было зверя (за исключением

¹ В молитвах якуты часто поминают Улу Түмүл, гору в 380 верстах южнее Верхоянска по якутскому тракту.

медведя), мозг (зверей) бросали в огонь и идолов держали в чаду от этого мозга.

Во 2-м Байдунском наслеге в одном месте до настоящего времени есть идол (*хайтаан*), которого хозяева держат в подполье. Убивши какую-нибудь скотину, домашние всегда вносят идола в юрту и кладут ему чашечку мяса; придерживаясь идолопоклонства, хозяева боятся попасться под штраф и прячут своего идола даже от якутов.

В якутских клятвах упоминаются берестяной бог величиною с сырое дитя, «деревянный бог, как двухлетнее дитя», «каменный бог, как резвое дитя» и пр.

Имея такое бесчисленное множество богов, якуты не обошли своим молитвословием и оружия. Так, сделавши лук и натянувши тетиву, они причитали: «Если выгнешься ты, не обрывайся; если изогнешься ты, не ломайся! Если настанет время, когда двуногий (человек) придёт с дурною мыслью и настанет тогда день стрельбы для защиты светлой души твоего назначенного хозяина, то не стреляй ты вскользь, мимо. Попадай хорошенько туда, куда думает хозяин. Руководи твою заветную стрелу!». (*Матайдаргын, быстыма; чогдойдоргун, тостума; икки атахтаах куһаҕан санааны санаан кэлэр күнэ буоллабына, аналлаах иччиг сырдык тыынын көмүскэлигэр ытар күнэ буоллабына, сыыһахалты туттар буолааһабын. Үчүгэйдик аналлаах иччиг ханан саныыр, онон түһэр буол! Аналлаах баҕадыгын сирдиэ*). Стрела в подлиннике называется «страшною штукой», потому что якуты из суеверного страха боятся называть её собственным названием (см. также наговоры над стрелами, главу XI о промыслах).¹

Делая кольчугу, в старину приговаривали: «Не поддавайся ты никакой стреле, не поддавайся ты никакому копьё; со всех сторон делайся гладким чёрным камнем! Не делайся тонкою ни в пахах, ни в подмышках, ни в каких нежных местах твоего хозяина!» (*Хайа даҕаны оххо хотторума, хайа даҕаны, үнүүгэ хотторума, түөрт оттүгүнэн дьылэй таас буолан биэр! Аналлаах иччигин хайа даҕаны хоннобуунан-быттыгынан чараас дайдытынан эн киниэхэ чарааһаан биэримэ!*).

---

¹ В сказках благосостояние стрелы ставится в связи с жизнью хозяина. Герой молится богу с девятью вязанками и стреляет своею главной стрелой в кудрявое дерево с восьмисложными ветвями, приговаривая: «Пусть слезет с неё пух (перья стрелы), если я буду в затруднительном положении, пусть спадёт железный наконечник, если я умру!» («Алын Туйгун»). В другой сказке герой, отправляясь в путь, стреляет стрелою в главную коновязь и приговаривает: «Пусть эта стрела с перьями лучшего орла стоит стоймя, если я буду хорошо ездить. Пусть вылезают перья, если мне будет худо. Пусть спадёт железный наконечник, если я умру».

Отправляясь на сражение, говорили: «Дочь имеющего рыжих кобыл славного Куо Чомчой! Если ты помочишь концы нашего оружия (т.е. дашь нам убить врагов), то пролей на нас три твои туеса, наполненные кровью!» (*Кугас сылгылаах кыыһа Куо Чомчой обургу, биһиги илбиспит төбөтүн илитэр буоллар, үс хааннаах тордуйабын тох биһиги үрдүбүтүгэр*).

И, сказавши это, с криком рубили гнилой пень: тогда из расщелин его выходила кровь (ср. предание о войне байдунцев, глава V об исторических преданиях).

В якутских сказках упоминаются иногда два копья, которые сами собой колют друг друга; и путь герою лежит именно между этими копиями. Суеверное отношение к оружию и вообще к железу породило у якутов миф о почтенных прародителях кузнецах (*Уус хаан төрдө*), которые куют шаманов и вообще людей, превращающихся в железо, а также и чародейские железные вещи. Так, в сказке «Семиженный сирота Бяйбэйлин» рассказывается, как однажды эти почтенные кузнецы отыскали кусок невиданного железа и говорят: «Отроду ещё не видали мы такого железа! Что же мы из него сделаем?». Некоторые говорят: «Сделаем из него огниво (рождающемуся) мальчику, имеющему (великое) назначение!» (*Онгоруулах уол оҕоҕо хатат онгоруохпунт!*), другие: «Сделаем (лучше) ножик для рождающегося мальчика, имеющего (великую) судьбу!» (*Онгоруулах уол оҕоҕо быһах онгоруохпунт!*). А главный (из почтенных прародителей кузнецов) кузнец Кытатай Бахсы сказал: «Выкуем (лучше) лук с мечом (рождающемуся) мальчику, имеющему (великую) судьбу!» (*Онгоруулаах уол оҕоҕо батастаах саата онгоруохпунт!*). (Ср. гл. IX). Вот положили железо в горнило, стали кузнечить. Кюнкюнээн- кузнец раздувал мехом, Балтаанай-кузнец колотил молотом. Ётүйэнэй-кузнец накачивал молотком, Игилэн-кузнец пилил, Кынкынай-кузнец (смотря прямолинейно) примерял — сделали стрелу (о почтенных кузнецах см. Дополнение IV).

4. Дьявола́ и покойники

Всю землю в совокупности якуты называют *орто дайды* («среднее место») в противоположность верхнему месту (*үүһээги дайды*), жилищу богов, и нижнему месту (*аллараа дайды*), жилищу дьяволов.

Как дьявол, так и человек называются одним словом *киһи*, но *айыы-киһи*, т.е. святой, правоверный, обыкновенный человек, противопоставляется *абааһы-киһи*, т.е. дьяволу. В сказках бывают ещё полудьяволы и поллюди. В таком случае полудьявол может сделаться и человеком: «Ныне ты от дьяволов отстань, будь святым (т.е. обыкновенным) человеком», — говорится в сказке.

Обыкновенные люди ведут свое происхождение от солнца и месяца. В сказках боги считают прародителей людей людьми «своей породы». О происхождении дьяволов мы не слыхали никаких преданий, но в одной сказке дьявол рассказывает о себе, как о «человеке», возникшем в начале времен вместе с возникновением широкого неба, вместе с возникновением нижней пропасти («Баһамньылаан Баатыр»). В другой сказке дьявол рассказывает: «Я и себе самому добра не делаю, а делаю зло, хотя и знаю, какой это грех и какое за это наказание. Видишь, я не одет, у меня нет лошади и наружности порядочной я не имею, а всё оттого, что никому никогда добра не делал. Нынче я уже стал таким человеком, что никому не могу сделать добра!».

Дьявола бывают иногда вместе с тем и шаманы. В сказке так описывается наружность одного из таких дьяволов: «Длиною в один аршин, половина рожа, половина туша, в дохе из жертвенной шкуры, наколенники из шкуры „скотского падежа и голодовки“, туго обвитый с мышек до пояса небесным плотным гладким железным ремнём; с обезображенным лицом, подобно луже на круглом поле (с озером) в ненастье, с плешинкой, подобно вывороченному заржавленному красно-медному котлу, а вокруг этой плешины несколько железных волос, подобно мелкой чаще; вздутые глаза, как кручёные железные кольца лошадиных удил, нос с желваком, как голень хорошей лошади, губы с перехватами, как лёд, нагроможденный к январю месяцу у проруби богатого человека; над губами чёрная с проседью борода, подобно хвосту и гриве гнилой жертвенной шкуры, несколько неправильных зубов, как расщепанные и обгорелые пни, оставленные старинными жителями; в левой руке у него был кожаный четвероугольный звонкий буланый бубен, подобно большому глубокому озеру, только что подернувшемуся льдом, а в правой руке ворчливо стучащая смолёная палка (к бубну), подобно отрезанной отдельной кости сохатого».

Сказочные герои заняты главным образом истреблением дьяволов, но без окончательного успеха. Сказочный герой, убивши дьявола, обыкновенно сожигает его на большом огнище в продолжение семи суток, но и после того всё-таки остаются некоторые остатки дьявольских костей. Герой собирает эти последние, намелко мелет их между двумя камнями, бросает в восьмипроточное море, да ещё сучит в море, а дьявольские остатки всё-таки обращаются в лягушек, разных червей и гадов, продолжают ходить по земле и служить пищею новым дьяволам.¹ В некоторых сказках дьявола едят ящериц величиною с вольноотпущенного жеребёнка второй весны, червей величиной с молодого жеребца, лягушек величиною с быка, воющего тонким мычаньем. В сказке «Кюн Эрили» герой так угощает своего гостя-дьявола. «Сперва пошёл, из лягушечьего озера набрал лягушек, из озера с водяными жуками набрал жуков, из ящеричных трясин набрал ящериц, из червистых кочек набрал червей, собрал всех гадов земли, принес на спине, сварил в большом котле. Вытащил водочерпленный туесище, выдавил в него весь гной горловой кобыльей болячки, телячьих вередов², принёс, смешал в этом горшке, налил в корыто, подал-поставил перед дьяволом. Дьявол разлил это по всему полу, лег ниц, вылизал досуха вместе со всем: со слюнами, сором, шерстью, землёй — и сказал: «По вкусу же накормил он моё сердце и печень!»...

Задача дьяволов состоит в том, чтобы «есть» людей, т.е. делать им всякое зло и всякие неприятности. Дьявол главным образом «ест» человека болезнями. В этом случае шаман, призвавши «своих» дьяволов, вынимает его из больного, садит на лошадь и отправляет к его «родителям» (см. гл. XV). Жертвенная лошадиная шкура остается на дереве и называется *кэрэх*; голова обыкновенно направляется в ту сторону, куда отправился дьявол (например, на запад). Якутская загадка говорит: «Святой сын выпустил свои рукавицы и всю свою жизнь смотрит на них?» (Копыта жертвенной шкуры (*кэрэх тынгыраба*)). «Лучший мужчина поехал, развязав завязки своих торбасов?» (Жертвенная шкура).

Некоторые дьявола (*хара сылгылаах*) любят иногда посещать девочек; они приходят к ним ночью так, что никто из домашних его не видит, а слышат только стук затворяемой двери. Дьявол в этих случаях спит со

---

¹ Якуты говорят также, что лягушки и ящерицы суть сопли и слюны адского господина (*Аат тойон*). Так как ящерица быстро уходит в нору, то якуты уверены, что какая бы ни была твёрдая земля, дьявол (ящерица) легко проходит сквозь неё.

² Веред — нарыв с нагноением, чирей (Толковый словарь Ушакова). — прим. OCR.

своей возлюбленной и иногда приносит ей гостинцы. Если же девушка не «выдюживает» дьявола, то она начинает сходить с ума, тогда обращаются к шаману, который подкарауливает дьявола ночью, ловит его и спрашивает, как его имя, откуда он пришёл, и уговаривает его вернуться восвояси.

Якуты считают грехом «свистеть вечером: это подражание дьяволу». В сказке дьявол становится лицом к западу, подставляет ладони горстью, свистит сквозь зубы, призывая нечистую силу. Как только он оставлен, тотчас и поднимается ужасная буря (со свистом?) («*Баһамньылаан Баатыр*»).

Всех дьяволов считается восемь (или девять) улусов (по некоторым — 18 родов), и все они под начальством атамана всех чертей, господина со ртом на темени и с глазами на висках Арсын Дуолай-тойона и его госпожи Аан Дьааһын. В якутских молитвах одним из самых страшных дьяволов представляется «восьмихитростный восьминогий Адьарай Бёгё». Самое слово «восьминогий» на якутском языке равносильно слову «дьявол».

По понятиям якутов, дьявол столь же повсеместен, как и бесчисленные их боги. Якуты считают грехом идти задом наперед: это подражание дьяволу. Издали грозить острым концом ножа — грех: дьявол подстрекнёт убить. В темноте есть — грех: дьявол вместе ест. Нечистую посуду вечером оставлять — грех: дьявол влезет. След горшка на домашнем шестке надо застилать, а то дьявол войдет по этому следу. Есть даже приметы, по которым якуты узнают скорое посещение дьявола: если, например, на ноге потянет вдоль подъёму ступни, то это к прибытию верхнего дьявола, если подёрнет по середине подошвы, то к нижнему дьяволу, и т.п. (географию дьяволов см. Дополнение IV).

Несмотря на такую многочисленность настоящих дьяволов, в старину их было ещё гораздо больше. Они приходили явно есть людей. И ели-де они людей так же свободно, как люди теперь едят скот. Но однажды случилась такая история. Одна женщина пришла в пустую юрту, развела огонь и положила обе части (*акымаллаах харата*) ноги оттаивать. Пока таяло мясо, она сидела и задремала и, наконец, упала с якутского стула. Пробудившись от этого, она взглянула: сидит у ней за печкой человек (дьявол) с одним глазом на самом лбу. Испугалась женщина, схватила эту ногу и ударила дьявола по затылку: дьявол и помер. Этот рассказ

общеизвестен между здешними якутами, хотя и рассказывается несколько различно. По другим, женщина кликнула людей, и они измучили его всякими мучениями, приговаривая: «Поклянись, что ты не придёшь». Хотя дьявол и ушёл, но с тех пор явно уже не приходит, не показывается на глаза. До сих пор есть поверье, что если дьявола ударить в затылок целою ногою, то он никогда не оживёт.

В сказке сильный человек Кёнчё Бёгё принуждает старуху-дьявола оставить такое завещание остающимся дьяволам: «Пусть до последних широких веков не приходят, надеясь на свою силу, воочию есть видимых святых детей, имеющих происхождение от солнца и месяца. Пусть запрятавшись, тайно лёжа, съедают растроенных порочною болезнью!».

Дьявола разделяются на верхних и нижних: верхние расхаживают в облаках, нижние — под землей; якутские поверья и сказки указывают, что бесчисленность дьяволов произошла оттого, что старинные люди приняли за дьяволов облака, затемняющие-едящие светлое солнце (жизнь, күн), ходящие беспрепятственно вверху по небу и выходящие снизу из-под земли. Дьявола ездят и поют, сидя на облаках, прячутся за облаками, «затемняют светлое небо, обнижают высокое небо». Если в сказках приходит дьявольский атаман, то он затыкает собою окна человеческого дома, закрывает трубу, затемняет солнце, светающее небо делает безрассветным. (*Түннүгүн бүөлээн, үөлэһин сабардаан, күнүн күкүрдүүн, сырдыыр халлааны сырдыабат гынан*). Дьявол летает также небесною птицей, шумящим Бар Ёксюкю, имеющим большие крылья, подобно подвижной бересте, затемняя светлое солнце, затеняя половину неба. И иногда делает так, что становится «совершенная темнота, хоть глаз выколи» («Алып Туйгун»). Сходство дьяволов с лягушками и ящерицами и переход их из верхнего места в нижнее (из облаков под землю) имеет свое происхождение, может быть, от того естественного явления, нередко наблюдаемого, что лягушки и другие гады, увлекаемые вихрем, падают потом сверху на землю вместе с дождем. Это предположение, сделанное нами заранее, приобретает тем большую вероятность, что это естественное явление, как оказалось, отмечено даже якутскими сказками. Так, в сказке герой подымается на голубое небо, видимое якутам, и там на пути встречает такое поганое облако, из которого падает «дождь из червей величиною с пёструю корову, из ящериц

(ящерицы Верхоянского округа длиною всего около вершка) величиною с кобылу, из лягушек величиною с пегую корову». (*Ала ынах саҕа алчах, тыйдаах биэ саҕа тыймыыт, эриэн ынах саҕа үөн самыыр*).

Старики якуты говорят, что первое поветрие¹, которое они запомнят, совпало с летом, когда с восточной стороны был два раза гром и дул также восточный ветер; поэтому и теперь якуты считают, что если весною первый гром будет с восточной стороны, значит настанет поветрие.

Духом поветрия (*Дьан иччитэ*) якуты считают девицу, ходящую «в красном сарафане». Так как корь заносится зараженными людьми, то считают необходимым купить её у того, кто ею болен: тогда-де корь действует слабее. Придут к больному и говорят: «Бабушка, посети нас: наш дом тёплый, наш дом хороший!». Потом стряпают оладьи и кладут для неё на стол. Хотя корь в наше время оладий не ест, но приготовленным угощением остаётся довольна. Это, очевидно, русский обычай, с которым якуты познакомились недавно. У них есть даже примета (во сне русских женщин видеть — к поветрию), указывающая как бы на то, что якуты познакомились с поветрием от русских.

Оспа тоже считается особой женского рода, в красном платье и босиком: ноги у неё зябнут от мороза, и потому она почти не ходит по холодным местам. Как-то раз она, рассказывают якуты, проехала, было, верхом к морю да познобила себе ноги и сказала: «Ну уж больше я никогда не приеду в эти места!». Здешние русские уверяли, что когда все домашние были у них больны, оспа сама доила у них коров!

Некоторые якуты, и то редко, вешают кори около дверей жёлтую белку или летнего горноста, приговаривая: «Тётушка наша! Смирно ходи, нас не ешь, помилуй!» (*Эдьийбит сымнаҕастык сыльдьан бар, биһигини сиэмэ, абыраа!*).

Во время поветрий по окнам, по дверям, по дорогам всегда ставят кресты, а иначе поветрие свободно войдёт повсюду. А до христианства на трубу, на окна и пр. ставили железные пальмы или острые колья. Если якуты услышат, что где-нибудь по соседству помер человек, то тоже на дверях, на окнах, на трубах на ту сторону, где покойник, ставят кресты для того, чтобы покойник не мог прийти.

В некоторых местах якуты становятся покойника на ноги и заставляют мёртвого кланяться на все четыре стороны или, чаще, только на восток.

---

¹ Поветрие — здесь: в смысле «эпидемия». — прим. OCR.

Это делают или при выносе покойника из юрты, или у могилы, приговаривая: «Простись ты с своими людьми, с твоим ласковым солнцем, со вселенной. За что ты будешь на нас сердиться? Пришло мерное твоё определение!». Или: «Расстаёшься ты со своим местом, уходишь от своих людей, не думай зла; мы тебя простили, и ты нас прости!» (*Аан дайдыгыттан арахтын, бар дьонгуттан бардын, куһаҕаны санаама; биһиги эйигин прости гынабыт, эн биһигини прости гин!*). Якуты считают грехом хоронить женщину без серёг, а то дьявол делает из её уха хамыйах (поварешку). Если от поминок покойника остаются какие-нибудь куски или вообще остатки наваренной для этой цели пищи, то оставлять такие остатки у себя в доме — грех; их раздают людям.

В старину, если помирала очень богатая женщина или девушка, то труп её одевали в лучшую одежду, подобно тому как одевают невест.¹ Мужчин-покойников одевали в лучшую шубу, в ровдужную рубаху и торбаса. Собственную верховую лошадь покойника или покойницы седлали во весь убор, как она оседлывалась при жизни хозяина, затем её обгоняли по всему тому месту и полю, где он (или она) жил; это делалось для того, чтобы лошадь простилась с солнцем и светом. Затем лошадь вводили в нарочно сделанный для этого случая загон. Самый сильный человек ударяет её дубиной в затылок так, чтобы она померла, не дрогнув; и если лошадь помрёт сразу от одного удара, то родственники покойного радуются, а если нет, то думают, что, верно, и покойник-хозяин мучается на том свете, да и родственники его плачут, предполагая, что, пожалуй, и из них кто-нибудь вскоре помрёт. До сих пор при похоронах якуты считают необходимым убить лошадь, на которой покойник должен влететь в царство небесное, а иначе ему не на чем будет явиться, и покойник на том свете будет ходить пешком (*сатыы сыльдьаҕа*).

В старину если человек умирал в юрте, то его обмывали, одевали и оставляли в ней, а домашние все перекочевывали в новую юрту. Если покойник скончался зимой, то он оставался в юрте до весны, когда и хо-

---

¹ В тех же трёх шубах, рысьи рукавицы, волчьи наколенники сверх настоящих кожаных штанов, торбаса из белых камусов, шапка из сиводушья лап, меховая наушка с бобровой каймой и две серебряные ленты для завязывания наушки, серебряный кушак, серебряное ожерелье в три пальца (*хабарҕа симэҕэ*). Сверх него толстое серебряное кольцо с завязкой (*кылдьыы*) в один фунт весом; *кылдьыы* и теперь носят, но редко. У *кылдьыы* сзади и спереди весится одинаковое число серебряных бляшек (*илин кэбинэр* и *кэлин кэбинэр*). В глубокую старину, впрочем, не знали золота, а все украшения носили медные. До настоящего времени якутское выражение «медь моя» столь же ласкательно, как русское «золотой мой!».

ронился на лабазе, т.е. на четырёх столбах или четырёх лесинах с подрубленной вершиной, на которых делался помост из круглых тонких бревен; такой-то гроб назывался лабазом (*аранас*),¹ Если человек скончался летом, то его хоронили немедленно, положивши покойника или покойницу на *аранас*, вместе с ним клали денег и чашку с пищей (масла); если хоронился мужчина, то клали ещё стрелы, огниво, ножик с ножнами и ремень. Сверху на покойника стлалось несколько досок, но они ничем не заколачивались, иногда связывались вместе с покойником тальником или (у богатых) железными обручами. Шкуру убитой лошади вешали подле покойника.

Мы слышали только одно предание о том, что какие-то старинные якуты похоронили в сайбе² живую родную мать. Сын по просьбе жены накормил свою мать пищей, вывел к лабазу, заставил её лечь и убил.

«После указа»³ стали хоронить, выбивая могилу в мёрзлом грунте «кайлами», родом киров. Первое время «после указа» покойника обмывали обыкновенно два «могильщика», поливая воду наотмашь⁴ (в иных местах совсем не обмывают, даже в настоящее время), одевали и вдвоём несли его хоронить. Родственники и знакомые провожали покойника только до могилы, дошедши до неё, все они бросались опрометью бежать прочь. Оставались только двое могильщиков, которые одни и хоронили покойников. Засыпавши землей, они бежали, как можно скорее, домой, где уже им готова пища, которую они наскоро ели. С этого времени оба «поднимавшие кости» должны были есть из особой посуды, не ходили к соседям даже тайно, не проходили мимо жилого дома с передней стороны, не показывались людям до рождения нового месяца и назывались по-якутски *муннаах* («несчастные», «горемыки»).

В некоторых местах до сих пор якуты не впускают к себе в юрту поднимавших покойника в продолжение трёх дней и кормят их потом из особой чашки, а не из чоронов до тех пор, пока не прогремит первый

---

¹ Не в связи ли со старинным обычаем хоронить покойника («держат кисти») на деревьях стоит до сих пор общераспространённый между якутами обычай, по которому зуб, выпавший у человека (большого или маленького), всегда кладётся в расселину дерева? (видеть во сне, что зуб выпал с кровью — к смерти близкого родственника, а видеть, что зуб выпал без крови — к смерти отдалённого родственника).

² Сайба — то же, что лабаз. — прим. OCR.

³ Имеется ввиду, очевидно, указ Сената от 11 ноября 1771 года (стар. стиля) о захоронениях только в специальных местах за пределами населённых пунктов, после чего последовал ещё ряд указов разного уровня по упорядочиванию захоронений, устройства кладбищ и т.п. — прим. OCR.

⁴ Наотмашь — здесь: «в направлении от себя, наружу». — прим. OCR.

летний гром, который прогонит всех дьяволов. Поднимавшие покойника не пропускаются в загон во время *ысыаха*, им не дают пить ысыахного кумыса пока не исполнится года после похорон; они могут переходить через реку, но не должны проходить через озеро: иначе рыба пропадёт. В сказках похоронное дело представляется унижительным трудом. Дьявол в сердцах говорит герою: «Ты хочешь, чтоб, когда заболеют твои родители, я чистил их грязь и погань, *чтобы, когда они умрут, я поднял их вшивые кости?*». Могильщиков до сих пор называют *хараҕа киирбит киһи* («человек, прикоснувшийся к чёрному»). Даже бык или конь, на котором везли покойника к погребению, теряет свою цену: мяса такого быка или коня якуты не едят, а если хозяин продаст этого быка или коня соседу, не предупредив о таком изъяне, то новый хозяин при первом известии поднимает тяжбу.

Никто не может спать в юрте, где скончался человек, до самого выноса покойника, а если кто осмелится уснуть, то его вскоре задавят черти. Десять лет тому назад сожигали самые юрты, в которых помирал человек: до того боялись не только жить в них, но и проезжать мимо. До сих пор якуты считают несчастьем и грехом войти в дом, где есть покойник. Если же крайность и заставит, то возвращаются домой не иначе, как побывавши у других жителей, или же перед порогом своего дома окуриваются вересом или травой и переступают сковороду с огнем и вересом (или травой).

Покойнику прокалывают торбаса шильями, чтобы он не унёс с собою души живых людей. При малейшей ошибке в похоронных обрядах покойник уносит с собой души живых (его жены, дитяти или знакомого). Так, рассказывают якуты, несколько лет тому назад в одном местечке Верхоянского улуса хоронили кузнеца. Покойника обмотали ремнем длиною в пять ручных сажений,¹ руки, ноги, всего обмотали, как трубку, и положили в гроб. Когда опускали гроб в могилу, ремень надо было развязать, но сделать-то это позабыли. Вместе с кузнецом положили его молоток, *чуолган*², ножницы, шило и кузнечные клещи. Вот вследствие того, что позабыли разрезать ремень, покойник и унёс с собою три живые души. Тогда шаман сел в доме покойника на свою постилку, молил *Тоҕус Өлүү төрдө* (Корень девяти смертей), говоря: «Вы похитили со

¹ В старину вообще всех покойников обматывали ремнём, но, укладывая гроб в могилу, ремень развязывали, вынимали из гроба и клали вместе с ним в могилу. Ныне перевязывают же только руки платком и потом платок берут себе обратно.

² Чуолган – пластина железа с отверстиями для изготовления шляпок гвоздей. – прим. OCR.

среднего места назначенного почтенного нашего мужчину, знаменитого кузнеца!». Затем шаман скакал и дошёл до седьмого седалища (олох). Тут он сказал: «Корень девяти смертей! Ваши дикие сыновья и дочери! Подумал я, что вы, должно быть, унесли от нас со среднего места человека, сократив его жизнь, что вы украли со среднего места почтенного человека и скота, и вот, следуя по вашим тёплым свежим следам, открывши вашу дорогу, закрученную, подобно закрученному пёст-рому змею, пришёл я среди тумана и вихря по вашей дороге, испещрён-ной частоколом, острым, подобно острию меча-копья юноши-человека. Отпустите (умершего) на среднее место, пусть среди своего дома, гос-пожи жены и родных детей он выскажет своё последнее слово, расска-жет своё завещание, пусть расскажет свои грехи и тёмные дела. Почтен-ные люди, возвратите-помилуйте! Я преклонил колени толстой вашей тени, преклонился тёмной вашей тени, почтенные мои люди, дедушка мой Быстрое плечо, Кровавый пузырь, господин Хамыса-батыр!». *(Тобус олүү төрдө уйгур уолгут, кыыскыт! Орто дайдыттан, биһиттэн, су-орума суоруктаан, өтөр үйэлээн, кэльчэркэй онгоруулаан ильльэ кэлли-гит орто дайдыттан онгоруулаах улуу киһини, онгоруулаах улуу сүөһүнү сүүдүйэн кэлбиккит буолуоҕа, диэммин, ир суолгутун ирдиэн, тор суолгу-тун тордоон, эриэн монгой эриллэн түспүтүн курдук эриллэҕэс аартыккытын арыяммын, уолан киһи үтүүтүн батаһын кылаанын курдук үөрбэ дөлөҕөһүн аартыккытынан туман халарык ортотугар олороммун тийэн кэллим! Орто дайдыга ильльэнгит аал уотун оройугар, хатын дьахтарын иннигэр, төрөппүт оҕолорун иннигэр кэриэс тылын кэпсиэҕин, айыытын- харатын кэпсиэҕин, улуу дьон, төннөрөн, абыраан! Суон күлүккэ сөнгүрэйдээтим, хараҥа күлүккэр ханкыйдым, улуу дьон! Хапсаҕай Сарын, Халбыһах Дьылбэх, Хааннаах Хабах, Хамыһа Баатыр, тойон эһэм!).* И по молитве шамана те дьявола принесли душу покойника обратно; шаман сходил на могилу и принёс душу умершего, состоящую из чёрного кружка в дюйм величиною, покрытого шерстью. Теперь шаман говорит от имени покойной души, представляя её рыда-ющею: «Отлучился я (кузнец) от своего священного топимого огня, уда-лился я от солнечного света, сообщился невидимому, отделился я от святой земли и соединился к дьяволу. Ах, как жаль (мне вас), моя гос-пожа жена, мои родимые дети, мой воспитываемый скот, мое ласковое чисто белое солнце. Сделался я (теперь) чернозёмом, лёг я, обнял сухое дерево (гроб), насквозь обнявши мёрзлое дерево. Земные святые люди,

вы расстались со мною, друзья мои, вы остались!» (*Оттон олорор аал уотум инниттэн арахсаммын, күнүм сырдыгыттан күрэнэммин, көстүбэккэ дьүөрэлэхэн хааллым: айыым дайдытыттан арахсаммын, адьарайга аймахтаһан хаалбыппын; хаарыан хатын дьахтарым, хаарыан төрөтөр оҕом, хаарыан иитэр сүөһүм, хаарыан аламай маган күнүм! Хара буор мээйэ буолан хааллым, хатан маһы хардары кууһан, тон маһы тобулу кууһан сыттым; күнүм дьоно, айыым дьоно, араҕастыгыт, доҕотторум, хааллыгыт!*) Поплакав немного, душа покойника снова говорит: «Вы послали меня на смертное место с тяжёлой ношей, послали, перевязав мне руки и ноги. Но сознаю, что я наделал слишком тяжёлых грехов. Шаман, помилуй, избавь меня от этой ноши!» (*Өлүү дайдытыгар ыар сүгэхэрдээн ыыттыгыт, илиибин атаһын түүрэ кэлгийэн ыыттыгыт! Бэрт ыар айыыны онгорбуппун билбэтэҕим; мантыбыттан-сүгэхэрбиттэн төлөрүтэн абыраа, ойун!*). Затем шаман охнул и, стоя, пнул землю (пол юрты), и вдруг из-под земли выскочил молоток покойника, шаман снова охнул и пнул: выскочили щипцы, далее шило, *чуолган*. Потом помотал, помотал руками шаман, пнул: вылетел из-под земли ремень. После того душа покойника сказала с плачем: «Когда я жил на земле, ты, N.N., был моим другом. Воткнул я в зимней юрте над билириком в матицу ножик, найди ты его, возьми в знак памяти вместо меня!». Отправились в зимнюю юрту и действительно нашли этот ножик. Тогда душа ушла восвояси. А шаман воротил из смертного места унесённые покойником три живые души (его жены, сына и брата) и вдунул эти души в ухо их собственникам. Прежде это называли *кут сүүдүйдэхпит* («душу мы возвратили»).

Если покойник при жизни был шаманом, то он и после смерти своей может обратиться в дьявола, ходить по земле, вселяться в людей, сводить их с ума, мучить их разными болезнями; одним словом, «есть» их. Такой зловредный покойник называется у якутов *үөр*. Иногда (если он помер не в своей юрте) он требует, чтобы его кости перенесли на его место и через посредство сумасшедших рассказывает родственникам свою судьбу, желания и требования. «Я, — говорит покойник-шаман, — лежу в доме тестя. Перенесите меня на моё место, если же по сказанному не перенесете, то всех вас и огонь ваш я разорю-растрою, пепел смешаю. Сделаю, как будто вы и не жили на свете, жильё ваше зарощу травой, будут торчать только четыре (главных) столба (юрты)...». При этом он

требует бережного обращения со своим трупом и за небрежность наказывает болезнями (см. «Предание о Хаптагай-батыре»). Юёра иногда дарят платком для обтирания пота, потчуют водкой из тальниковых чашек, причем часть водки отливают в огонь; юёр любит подобные подарки и оставляет больного. Самыми знаменитыми юёрами в Верхоянском округе считаются Чуонах, Тайахта, Болчуона, Юрюнг Огустах и др. (см. Дополнение III). Впрочем, по нынешнему поверью якутов, юёром бывает и всякий человек, не отпетый попом. Такой юёр, если при жизни он был женщиной, то неотступно мучит новую жену своего мужа, если же юёр был мужем, то постоянно мучит своего преемника (нового мужа своей жены).

Шаманов хоронили в их шаманской одежде или же шаманскую одежду и бубен вешали в роще близ покойника-шамана; около старинных шаманских гробов якуты и до сих пор боятся проходить. Если столбы арангаса подгниют и помост с трупом упадёт на землю, то и тогда суеверный страх перед покойником не уменьшается. Говорят, что прежде иногда на могилу шамана клали тяжёлый камень, чтобы шаман не мог снова встать, и при этом труп покойника клали спиной кверху.

Иные и теперь видят огонь даже над обыкновенными могилами и потому боятся подходить. Могилу или яму во сне видеть — к худу. Собрание или общий обед видеть во сне — к смерти. Место, где лишил себя жизни самоубийца, огораживалось для того, чтобы к нему не подходили ни скот, ни люди. Если самоубийца повесился на дереве, то прежде дерево вырывали с корнём; ныне срубают и сжигают. Впрочем, в иных местах, срубивши, оставляют его гнить. Во всяком случае оно считается несчастным.

Невежество создало среди якутов множество суеверных обычаев, преступать которые считается более или менее жестоким грехом. «В одном умывании, говорят якуты, семь грехов, и в одной еде сорок четыре греха» (*Соботох суунарга сэттэ айыы, ангаардас аһыырга түөртүөн түөрт айыы*).

Первые познания, которые приобретает ребёнок вместе с умением резать ножом пищу, состоят в познании грехов.

Многие из них сообщены нами выше и потому приведём здесь только те, которые ещё не упомянуты:

Мыться, не перекрестившись — грех.

Мыться водою изо рта — грех.

Мыться из столовой посуды — грех.
Мыться, проливая воду на землю, — грех.
Отряхать с пальцев воду на землю — грех.
Мыться перед огнём — грех.
Мокрой рукой дотрагиваться до темени — грех.
Девушке мыться утром в двух местах — грех.
Если один моется, а другой наливает ему воду через руку наотмашь, то, значит, отчудил уже его от себя (так умывают только покойников).
Черпать пищу наотмашь — большой грех.
Вечером ронять пищу на пол — грех, а если случайно уронят какой-нибудь кусок, то его тотчас поднимают, обтирают, обдувают и съедают, и это к счастью, а если уронят утром, то не едят, а бросают в огонь.
Крадучись есть — грех.
Не перекрестившись трижды, нельзя ничего есть.
Спинной мозг есть — великий грех.
Есть становую жилу — большой грех: когда будешь старшему кланяться, затылок сведёт.
Толстую жилу нельзя есть: сделаются судороги, и в такое время, когда будешь торопиться больше всего.
Всякий порядочный якут (а особенно беременная якутка) не ест тайменьей печени.
Если на сентухе (полевом огне) едят [готовят?] что-нибудь жирное, то лицо и руки надо вымазать жиром, иначе будет худо.
Мутовку лизать — грех: вором будешь.
Муку красть — грех.
Соль красть — грех.
Кишку надувать — грех.
Смотреться в воду, которую пьёшь, — грех.
В Эгинцах беременную женщину не переходят спереди, обходят позади.
Обрезывая ногти, их надо собирать в руках: на том свете заставят собирать.
Благодарить за табак — грех.
Благодарить за иголку — грех.
Шить наотмашь от себя — грех.
Иголку украсть — великий грех.
На окошке оставлять ножи — великий грех.

Брякать посудой, особенно вечером — грех.
Вечером оставлять на столе ножницы или ножи — грех.
Вечером писать на окне — грех: глаза заболят или задолжаешься другим.
Вечером выливать воду окном на улицу — грех.
Вечером загадывать загадки — грех.
Прятаться вечером — грех.
Шаркать ногами о землю — грех.
Стоять, упираясь протянутою рукою в стену или особенно в дверь — грех.
Стол подвинуть ногою — грех.
Имея что-нибудь, сказать, что не имеешь, — грех.
Если богатый возьмет от бедных (соседей) хамыйях (поварёшку), то их бедность перейдет к нему.
Собакам давать есть головной мозг скотины — грех: собака одичает.
Шагать через собаку — грех.
Ударить собаку веником (березовым?) — большой грех.
В старину считалось, что если кто убил трёх собак, всё равно что убил одного человека.
Потягиваться перед человеком — худо (как собака).
Сидеть, схватившись руками за затылок — грех.
Во сне скрежетать зубами — грех: значит, спящий «ест» или сживает со свету своих родителей.
По воскресным дням рубить сырой (зелёный) лес — грех, а семь лесин срубить равняется убийству человека.
Пришедший в церковь якут не должен плевать на пол по правую сторону от себя, а по левую.
Плакать из-за пустяков — грех: придёт действительное горе. Выколоть глаз на картине — грех и многое т.п.
Из этого множества разных примет и обычаев читатель видит, как мучительна была для человека неизвестность, сковывавшая его деятельность, поражавшая его при всяком новом необъяснимом явлении; придумав себе объяснение в виде поверья, ум его успокаивался, ободрялся всею силою перехода от неизвестности к известности, хотя бы и воображаемой. Читатель, вероятно, заметил, что большая часть грехов и обычаев относится к замужней женщине, т.е. к существу, которое естественно должно хворать чаще других. «Вот, — рассказывают якуты, —

если какая-нибудь женщина заболит, то и начнём приискивать: не преступала ли она этих обыкновений? Если найдём (а всегда что-нибудь найдётся), то и рады — не рады и скажем: „То-то ведь, какая неосторожная была: должно быть, несчастье её затягивало!”» И самую смерть нередко объясняют преступлением каких-нибудь обычаев.

XV. КОЛДОВСТВО И ШАМАНСТВО

1. Колдуны^A и шаманы

Местные сказки дышат шаманством. Некоторые сказочники любят, например, употреблять такие сравнения: «Были у него осиновые деревья, подобные шаману Кынапу, хвастающемуся перед народом. Были золотые листья, подобно бубну с деревянным кругом, обшитому телячьей кожей, (бубну) который держит старинный шаман Нараха и ударяет в него: дыгыр, дыгыр! Были серебряные кочки, подобно отрубленной голове шамана Болчоннура,^B поставленной стоймя на высоком месте». В числе шаманок в сказках упоминается старшая дочь Белого господина бога Урукку-Сурукку, дочь господина Солнца Кюёгэл-шаманка, дочь господина Месяца Ынгалы-шаманка, дочь господина Плеяд (созвездия) Пугливая шаманка. Последняя имеет столько шаманства, что человека, умершего девять лет тому назад, делает таким, как только что сейчас скончавшийся человек. Дочь Месяца имеет столько шаманства, что человека, умершего уже девять лет тому назад, делает как человека, лежащего в обмороке. Дочь Солнца имеет столько шаманства, что такого же покойника делает живым и совершенно здоровым человеком. И всё это делается так легко: стоит им только трижды перелететь через покойника.¹ Шаманство увековечило себя даже географическими названиями некоторых местностей здешнего края; так, в 45 верстах от г. Верхоянска есть Шаманская река (*Ойун үрэбэ*), Шаманское озеро (*Ойун күөлэ*), на р. Адыче местечко *Ойун хомото* («шаманское улово») и пр. Заплачет шаман об умершей дочери, из слёз его образуется озеро, например, Чонорой^B в 20 верстах к западу от Верхоянска.²

---

¹ Иногда, впрочем, дочь Плеяд перепрыгивает только через ноги, дочь Месяца по поясу, а дочь Солнца по шее покойника. В сказке «Хаан Дьаргыстай» шаманке Юкэйдэн-красавице бубен спускается с неба, и, шаманя с помощью его, она пролетела кверху через три ряда белого неба.

² По другому преданию, шаман выпил целое озеро, бывшее длиною в 30 вёрст, и на месте его стало огромное поле — *Курааннах Ньонсө*, верстах в 200 от Верхоянска по колымскому тракту.

Шаманы — переводчики богов на земле. Они толкователи божеской воли, податели здоровья и болезни, изобилия и голода, добра и зла. Поэтому они и разделяются на добрых (святых) шаманов и злых (едунов, *сиэмэх ойун*), которые шаманят только на дьявола. Но и всякий шаман — страшный человек; простые якуты не только боятся подходить к нему близко или дотронуться до его бубна, они страшатся даже смотреть. Могущество шаманов видно из того, что двое из них подымались на небо и заковали в цепи две звезды.¹ Есть шаманы, которые и теперь в полтора часа ездят из Верхоянска в г. Якутск (860 верст).

Но, говорит якутская поговорка: «И над сильным бывает более сильный, над достойным более достойный». И эти могущественные шаманы пасуют перед силою волшебников или колдунов. Когда бы ни началась ссора между волшебником и шаманом, волшебник всегда преодолевает. Колдун (волшебник), например, сядет верхом на шамана — тот превратится в медведя, захочет его сбросить, побьётся, побьётся, а уж никогда не сбросит. Если колдун испортит кого-нибудь, то шаман не может вылечить, а если шаман испортит, то колдун вылечит.

Однажды как-то какой-то сильный шаман хотел убить колдунью, так она как бросилась от него, перенырнула Индигирку, ударилась в голец и насквозь прошла голую каменную гору. И до сих пор в воспоминание этого по дороге из Жиганска в Русское Устье указывают в гольце, простирающемся далеко на восток от Индигирки, сквозное отверстие вышиною в сажень, прошибленное колдуньей.

Враждуя друг с другом, колдун и шаман «съедают» (изводят) друг у друга жену, детей, скот и пр. Никто из них не может извести только свою жену или любовницу. Если они и напустят на неё дьяволов, дьявола придут, посмотрят и скажут: «Это мать наша», — и не съедят её. Чаще всего от злобы шамана или волшебника пропадает скот: или тайно накалывается, или вдруг вскрикнет да пропадет (а всё это оттого, что дьявол ударит плетью), или вот на езде кони вдруг вскрикнут, встанут на дыбы и падают.

---

¹ Другой шаман уходил за трижды-девять «седалищ», поднялся на небо, стал рубить звезду, говоря: «Это дьявольский глаз вышел». Весь народ видел, как искры летели с неба. Предсказал он: «Потеряется эта звезда на девятый день!» И потерялась. По рассказам других, шаман оделся в волчью доху и рукавицы, взял за пояс топор, стал шаманить, вышел за три-девять седалищ к звезде, и когда он шаманил, вдруг волоса его и ресницы стали в снегу, стал он рубить звезду топором, как дерево. А люди вышли из юрты, посмотрели на небо: от звезды так искры и летят. [↗](#)

Только в редких случаях, и то шаман, имеющий очень много дьяволов, оказывается сильнее колдуна. Так, однажды сильный шаман поспорил с колдуном, говоря: «Не вылечить тебе, если я испорчу!». — «Вылечу!», — говорит колдун. — «Не вылечишь!». Тут колдун связал быка и говорит: «Ну, испорти, шаман! Я вылечу». — «Нет, — отвечает шаман, — ты испорти, я вылечу!». Колдун плюнул быку в рот — бык повалился. «Ну, шаман, вылечи-ка!» Тут шаман плюнул себе в ладонь, разрезал быка ладонью посередине, по сердцу и вытащил из сердца лягушку. Потом вложил сердце обратно, плюнул на руку, потёр раны быку: бык ожил. Потом шаман и говорит: «Вот теперь я испорчу быка, ты оживи!». Ковырял, ковырял в одном ухе и вытащил оттуда маленький чёрный камешек, бросил быку в сердце: бык и упал. «Ну, — говорит, — вылечи!». Тут колдун все силы употребил, дул и плевал во все отверстия (уши, нос и пр.): не встал бык! (испытание это происходило в Зашиверске, когда ещё он был городом).

Колдуны делают разные порчи: пускают внутри женщины в утробе рыбу, или головёшку, или голик¹, или какой-нибудь такой пузырь, что хочет женщина разрешиться от бремени и не может: иные и помирают от этого. Иные родят головню или рыбу. В этом случае рыбу спускают целиком в воду. Всякая уродливость рождения только увеличивает страх жителей и уважение их к колдовству. Видевши собственными глазами одну уродливость, легковёрный и невежественный человек готов поверить сотне выдумок на эту тему.²

---

¹ Голик — автор мог иметь ввиду: а) веник из прутьев без листьев; или б) шкурка неродившегося или преждевременно родившегося плода скота. — прим. OCR.

² Случается иногда, что колдун делает наговор на одного человека, а вместо него погибает другой; это бывает большею частью в том случае, если погибший был тёзкой тому человеку, на которого сделан наговор. «Однажды, — рассказывал мне якут, — рассердился на меня один человек, а я не знал, что он колдун. Уснули мы, и только что я заснул, как и увидал сон. И чувствую я, что вот лежу на такой кровати и в таком доме, будто по ногам моим в углу билирика с шумом зажурчала речка. Вот увидал я её, около неё тальник, деревья, я вырезал-сделал (рыбий) заездок, поставил морду. Вот пришел один пребольшой таймень, но побоялся моего заездка. Я и подумал: „Ткнуть бы его (тайменя) ножом-пальмою!“. Оглянулся: есть пальма. Схватил я её и ткнул тайменя, а он и поплыл вверх и перепрыгнул через мой заездок, так и хочет на меня упасть, я отстранился. А он перепрыгнул через изголовье кровати и проскочил прямо внутрь человека, лежавшего на смежной кровати (кэтэбэриин). Посмотрел я, а изнутри (этого человека) высунулись черви, ящерицы. И в ту же минуту, когда увидел я, что таймень пал на соседа, сосед вскричал и сам от своего крика проснулся, и я тоже. А я, было, думал, что вижу наяву (действие колдовства). „Ведь это сон!“, — подумали. Вот уснули мы. Утром, вставши, я рассказал этому человеку свой сон, он мне сказал на это: „Ведь этот человек, что вчера на тебя рассердился, — колдун. Верно, хотел он (таймень) тебя съесть, да меня съел! Право, худо же ты видел во сне!“. Уехал я оттуда, потом летом слышу: заболел этот человек животом и номер!».

Так, на Моме с полною уверенностью рассказывают, например, что одна якутка родила зараз двух рыб и одну утку-вострохвоста¹ (моойнь-огон). Сама родильница утверждала эту историю. «Как стала я беременна, всё и хочу к реке пойти, всё и хочу к реке пойти. Вот настали потуги, стала я на колени и разрешилась в воду двумя рыбами: одна — аршинный налим, а другая — щука, и обе тут же ушли в воду (т.е. не было ни свидетеля, ни улики). На другой год стала я беременна и родила двух рыб и утку. Утка летала, летала да и пропала, и рыба тоже пропала. На третий год тоже стала я беременна, наступало время родов, муж ждал, ждал: я всё не рожаяю. И говорю я ему: „Может быть, я ещё дождусь твоего приезда, поезжай: докуда будем сидеть голодными? Ступай, посмотри луки!“. Уехал он, я и заболела без него. Встала я на колени, а бабушка стала поправлять, как вдруг выпадет рыба и станет с шумом колотиться об пол. И я испугалась, и бабушка. Потом эта рыба скрылась. Опять начались потуги: утка родилась, захлопала крыльями и улетела в хотон, там и пропала в хотоне. Вышла я на двор, опять начались потуги, и снова разрешилась я рыбой. Собака схватила её и разорвала на части». Впрочем, и сама эта родильница умерла вскорости и все её дети; тем не менее вера в колдовство так сильна, что эта история считается достоверною всеми окрестными жителями.

Много было и таких колдунов, что большие судна вытягивали против быстрети¹. Даже после смерти колдуны ходят по свету и «едят» людей. Они без всякого затруднения могут съесть всякого якута, но всё же несколько стесняются многолюдства (т.е. гласности). Особенно же они (т.е. покойники-колдуны) боятся русских, которые, мол, «знают какой-то заговор и возят с собою палку в аршин длиною, да и бьют ею колдунов».

Близ города колдунов нет; и потому я не мог ближе познакомиться с колдовством. Оно развито главным образом по берегам Ледовитого моря, где на сто жителей (русских и инородцев) пятеро считают себя колдунами. Вообще же разница между колдуном и шаманом та, что колдун действует слюной и заговором, а шаман — дьяволом; колдовство есть учение, которому каждый учится по собственному своему желанию; шаманом же может быть только человек, избранный богом или дьяволом.

---

¹ Быстреть = быстрина, стремнина, быстрое течение реки. — прим. OCR.

Очень редко бывают ещё колдуны-шаманы (*аптаах ойун*) и колдуньи-шаманки (*аптаах удаҕан*). Обыкновенный шаман может обращаться в разных зверей: птиц и рыб, но колдун-шаман может, сверх того, обращаться в лягуш и гадов, чего не может сделать обыкновенный шаман. Впрочем, подробностей о колдунах-шаманах мне не удалось узнать.

Однако и простые шаманы — страшные люди: из них есть такие, у которых тени не видно (*кулугэ көстүбэт баҕадыы*), и другие, у которых две тени: одна их собственная, а другая их дьявола (отражение солнечных лучей от воды, озера и т.п.). «Доброе трудно шаманам сделать, — говорят якуты, — а худое сейчас, живо сделают!». Говорят, на устье р. Хромы из Ледовитого океана выбегали олени с островов Ледовитого моря, но этих оленей останавливал один остров в устьях реки. Шаман Саданча пал на этот остров: остров и исчез. Ну, однако, и олени с тех пор пропали, да и «сам я, — говорил шаман, — стал несчастным человеком, потому что против бога пошёл, так уж какое добро?».

Шаман обыкновенно уродится от шамана. Отец назначает к шаманству всегда самого худого, дикого сына, к которому и переходит по наследству его дьявол, бессмертный *эмигэт*;^Е остальные сыновья остаются «людьми». Как только предназначенный к шаманству будет в состоянии есть мясо, для него убивают кобылу, и ребенок один съедает всё её мясо, а шкуру вешают на дерево как жертву. Рассказывают, что в старину шаманили даже девятилетние.

Иногда мальчик назначается к шаманству несколько позднее; если заметят, что он часто бывает нездоров, то говорят, что мучат его дьявола, рубят его тело,^Е сводят его с ума, указывают ему его назначение. Тогда вешают жертву и просят, чтобы дьявола приняли его в свою власть.

Если дитя назначено к шаманству, то хворое оно бывает, маленькое, худорослое и между 15 и 16 годами заболевает тяжким недугом так, что не встает с кровати (иные начинают учиться шаманству ещё позже). Вот лежит юноша и не чувствует на земле ничего; родные видят его только стонущего, лежащего без движения, без слов, но если дают ему есть, то он съедает. А душа его между тем учится на дереве шаманства.

Дерево шаманства (*ойун маһа*)^Ж — сухая большая ель, растущая перед юртой господина Хара Сылгылах Бэги Дьуорту, и на этой ели между ветвями расположены гнёзда: в верхних гнёздах лучшие шаманы, а чем ниже, тем хуже. Другие прибавляют, что дерево это называется *Аар Кудук мас* («почтенное кудрявое дерево»), что тот, кто имел гнездо на

суке, обращенном в восточную сторону, будет счастливым шаманом, оказывающим исцеление больным людям, имеющий гнездо на западную сторону будет зловредным шаманом, делающим беду людям, имеющий гнездо на северную сторону будет и портить, и исцелять, наконец, имеющий гнездо на южную сторону будет шаманом со многими превращениями. В этих гнёздах воспитывались (и воспитываются) души будущих шаманов, превратившись в птиц, с запада приходила (приходит) кровяно-саврасая кобыла, у ней вместо молока была кровь и сосали её те птицы, которые назначены были быть едоками (*сиэмэх*)-шаманами, злыми дьяволами; с востока приходила белая кобыла и питала густым белым молоком тех птиц, которые предназначались стать добрыми шаманами, помогающими людям. Вот вырастут они, станут людьми, господин Хара Сылгылах Бэги Дьуорту снимает их (или его), разрубает тело на мелкие куски, развеивает по воздуху, ветры разносят эти куски далеко в разные стороны, а если куда-нибудь, к какому-нибудь господину не дойдёт куска этого мяса, тот уж не придёт на призыв этого (нового) шамана. Голову вновь приготавливаемого втыкают теперь на шест и выставляют, чтобы обмывали её дождь и снег, чтобы громы и ветры дули — раскалывали-расщепывали её для того, чтобы (шаман) стал крепче (а между тем на земле тело его мучится: бьёт его лихорадка). Вот снимают голову, делают целым человеком, спускают в огненное море, где три дня и три ночи огонь выжигает всё земное и некрепкое, остаются лишь кости да кожа (а между тем на земле тело его мучится, словно в огне горит, глаза наливаются кровью и дико блуждают, не останавливаясь ни на чём). Вот потом достают его из моря, бросают в пруд, наполненный гадами и разными свойствами дьявольской хитрости, и тут образуется его тело из змей, жаб, ящериц и земляных червей,¹ все эти гады, все эти черви и есть дьявольское зло, дьявольское учение и хитрость (а на земле его тело покрывается ранами, словно черви ползают по его телу, гложут и грызут его остро-мелким и тупо безостановочным). Вот потом вытаскивают его, привязывают вниз головою к железному дереву; приходит три-девять и семь женщин-девок, надрезывают ножницами, колют иглами, поют заклинания (а на земле тело его поёт-напевает страшными рыданиями). И, вслушиваясь в его

---

¹ Как шаманы, так и вообще дьявола считают сродни всем гадам. Видеть во сне лягушку или мышь — к приезду шамана или колдуна.

голос, как бы слышишь его страдания и стон под иглами и острыми ножами дьяволов-девиц, имеющих железные острые когти и глаза, как огненные искры. Весь народ с ужасом слушает больного и говорит, что это его учат шаманству (*уһуяллар*). Режут они его, колют, а кровь не течёт, словно из сваренных лёгких скотины. Ходят они вокруг и напевают ему голосом, подобным скрипу напильника о калёное железо, передают шаманское учение и предсказывают, через сколько лет он снова будет призван к этому дереву. Потом сбрасывают его острыми когтями в мрачную бездну, жилище почтенных кузнецов (*уус хаан төрдө*),¹ там раздувают его в горне, бьют молотами, студят потом в моче девяти девиц и с тяжелых клещей сбрасывают сильными руками на землю. Оттого шаман выходит немёрзнувший и непотеющий.

Таким образом новый шаман приготовлен к своей обязанности, но он должен ещё подождать смерти старого шамана, и только после его смерти черти переходят в новобранца, и он считается унаследовавшим чертей старика.

Дерево шаманства, рассказывают другие шаманы, находится на севере, внизу, в смертном море (*Өлүү байагалыгар*), и носит название *Аар сабаба мас*; место же, на котором оно растёт, называется *Күн Көлбөрү мас*. И есть на этом дереве птица по имени «мать» (*Ийэ кыла*).³ У лягушек, живущих в смертном море, рождаются четырёхгранные камни. «Мать» отыскивает эти камни, вытаскивает их, парит, воспитывает. После девятилетнего (что на шаманском языке означает девять дней) парения камень лопаётся, и из него выходит птенец. Затем птенец ещё девять лет лежит-парится, и когда сравнивается он (величиною) с гнездом, то «мать» спускает его на нижнее место, в море. И тут, превращаясь разными животными, он снова ходит девять лет. И в это время черви и гады впиваются ему в паха и подмышки, во все слои его тела. Потом он отыскивает «солнечное» (т.е. человеческое) море, на котором находится *Улар Кыыл уолугун курдук Куогайар Куогай Тумуһах* («мыс, подобный кадыку глухаря»). Выходит сюда шаман и снова лежит здесь девять лет (т.е. дней). Затем делается птицей, например, ястребом, взлетает к небу, достигает Маган Сылгылаха (дьявола, имеющего чисто белый конный скот). Маган Сылгылах учит его девять лет и спускает на землю, говоря: «Будь ты на среднем месте (земле) спасением бедствующей белой души трёх (племён) якутов» (*Орто дайдыга үс саха үлүгэрдээх үрүҥ тыынын*

¹ Это жилище упоминается также в сказке «Хаан Дьаргыстай».

өрөһүгэ буол!). Шаман отправляется под землю к корню почтенных шаманов (и кузнецов) и входит по левой стороне. Эти шаманы садят его на шкуру сиво-железого жеребца с яблочными бедрами и говорят: «Будь ты на среднем месте спасением серебряной души трёх (племён) якутов, будь ты безвредным черноголовым и белоголовым (т.е. скоту). Будь ты на земле (шаманом), не делающим грешного якуту-человеку со свободно движущейся головою, с разрушающимся земляным дыханием, с гнущимися суставами, имеющего подошвы с перстью (земли). Не думай ты грешного на созданного богом человека, на скота, созданного богом. Вставайте, парни Кыдьымах, сын и дочь, и, вставши, разрубите по кускам жирное мясо, раскрошите красное мясо, выпустите тёмную кровь, изотрите толстые кости, закалите незакалённое железо и размягчите закалённое!» (*Орто дайдыга үс саха үрүҥ көмүс тыынын өрүһүгэ буол; хара бастаахха хакыалыта[?] суох, үрүҥ мэйиилээххэ үлүгэрэ суох буол. Орто дайдыга буордаах уллуҥахтаах, бокольбуйар сүһүөхтээх, бутарыйар буор тыыннаах, босхо бастаах бодонг ураанхай сакха киһиэхэ айыыны онгорбот буол. Айыы айбыт киһитигэр, Айыы айбыт сүөһүтүгэр айыыны саныыр буолаайаный! Турун, нойоттор, Кыдьымах уол кыыс! Турангыт, эмньик этин эттээн, кыһыл этин кырбастаан, хара хаанын таҕааран, суон унуоҕун мүлкүйэн биэрин; уйанын хатарын, хатанын уйадытын!.*) Тут встают эти сын и дочь, разрубают тело живому шаману, выковыривают оба глаза, прилепляют их к дереву, всё тело разрезают по суставам и совершенно соскабливают его с костей. Затем это тело намелко искрошивают и смешивают с кровью, черпают хамыйахом мяса и крови и брызжут ими на все четыре стороны: куда попадёт тело и кровь шамана, в те места он будет ходить, но куда не попадёт, в те места шаман не ходит до самой смерти. Затем кости его складывают так, как они бывают у живого, дуют, шаманодействуют, припевают: «дом», очищают (освящают) и капают свою кровь. Тогда снова явится точно такое же тело и кожа, как и прежде было, тут вставляют и оба глаза, бывшие на дереве. Затем, поставивши (юного) шамана на ноги, садят его и подают ему крови. Если новый шаман будет «едуном» (*сиэмэх ойун*), т.е. вредным шаманом, то он пьёт эту кровь. Если же ему не быть «едуном», то он с храпом падает навзничь. После этого нового шамана прогоняют на среднее место (землю). Вышедши на землю, каждый шаман обмывается в реке. И река, где он обмывался, называется его собственной рекой, шаманя, он не может не назвать этой реки. Кроме того, два раза в

год, во время весеннего и осеннего полета птиц, все шаманы, сколько их только есть на земле, обращаясь соколами, прилетают к корню шаманов.¹

Шаманы шаманят при всяком случае и на всё: при болезни, при выходе замуж, при ысыахе, при отправлении на промысел, при падеже скота и пр. и пр.

Ворожат шаманы различным образом: бросают старинной серебряной монетой, если она падёт крестом кверху, то к счастью, а если крестом вниз, то к горю. Если якуты попросят шамана: «Посмотри во сне» (*түүл*), — то он ворожит сном, и через ночь рассказывает свои видения. Иногда он предсказывает, смотря в зеркало, иногда с помощью постукивания какого-нибудь инструмента, иногда просто без всякого пособия. Предсказывая, шаман никогда не называет предметы по имени, а описывает только их приметы; если шаман говорит, что больной умрёт через десять лет, то это значит, через десять ночей.

Ворожат и привораживают также эмигэтами. Эмигэтом называют изображение дьявола, которое шаман носит на своей одежде. Шаман вырезывает такого же эмигэта из кожи, из бумаги и пр., положит кому-нибудь под кровать или прилепит к спине с наговором, и человек, подвергшийся этому, должен влюбиться в того, на кого сделан наговор (теперь в Верхоянске эмигэтом ругаются: *ойу эмигэтэ* — «шаманский эмигэт»). Бумажный эмигэт обладает также свойством вытягивать из тела глубокие и большие занозы, железо стрелы и пр. В таких опасных случаях шаман много напевает, прикладывает к ране, хотя бы уже закрывшейся, бумажный эмигэт и сверху закрывает летяжьей шкурой. Потом после новых молитв летяжью шкуру снимают, и в бумажном эмигэте окажется вышедшее из ноги железо.

Есть также женщины-шаманки, хотя их и немного: на десять шаманов (*ойун*) приходится только одна шаманка (*удабан*); шаманка шаманит и

---

¹ Один бытантайский шаман превращался в стерха. Пред своим полётом он сказал жене: «Вот выну я из себя кишки и внутренности, обращусь стерхом и полечу на юг. И оттуда прилетит нас вместе семь стерхов, прилетим мы и сядем на надворье. Тогда пусть семь целомудренных девиц окружают семерых нас верёвкой (волосяной, ёргёнем) шесть стерхов улетят, останусь я один, вы возьмите меня (стерха), разрежьте мне живот и вложите мои прежние кишки, тогда я снова обращусь человеком (шаманом)!». Вот обратился он стерхом и улетел на юг. Затем через некоторое время прилетают обратно семь стерхов, семь девственниц окружили их волосяной веревкой, шесть стерхов улетело, а один остался. Тогда пошла жена, достала кишки мужа, чтобы вложить стерху, но на пути нечаянно изорвала-сломала: муж и помер, так и не рассказал, что он видел на юге. Якуты думают, что нечаянное несчастье произошло оттого, что жена в его отсутствие имела любовника.

на мужчин, и на женщин и совершенно так же, как шаман. Она отличается от него только гораздо более нежным голосом, да ещё тем, что во время служения распускает волосы. Шаманкой может быть как девица, так и замужняя женщина, равно как и шаман может быть холостой и женатый. Одна из самых знаменитых шаманок Таспарыйа, готовясь к шаманству, дичала и сходила с ума. Летом якуты вышли на сенокос; она взяла ребенка, вынесла в хотон, разрубила на мелкие куски и съела, а некоторые части остались. Было это лет 50 тому назад, и за это возили её судить в старый город (Зашиверск) и держали на покаянии. Впрочем, эту историю якуты рассказывают только как редкий случай шаманского людоедства, зато Таспарыйа считалась не только выше всех тогдашних шаманок, но и шаманов.

Число шаманов уменьшается по мере приближения к городу, так, в Усть-Янском улусе почти все домохозяева считаются шаманами, в Жиганском и Эльгецком улусах их очень много, в Верхоянском же улусе считается всего около 20 шаманов и только две шаманки. Если шаман предсказывает в русском доме, то это большею частью бывает неудачно. Такие неудачи шаманы объясняют тем, что в русских домах косяки с порогом и дверь не лежащая (на косяках), как в якутских юртах, а потому черти и не могут войти в русский дом. Если шаман хочет «съесть» какого-нибудь русского, то тот по большей части превращается в мёрзлую ель (*тон харыйа*), и шаман ничего не может с ним сделать.

2. Шаманослужение

Во время своего служения шаман надевает шаманский костюм, особенную одежду, род куртки из чисто белой конской шкуры; книзу от пояса идут висячие кисти (*түнэ*) из шкуры сохатого, столь густые, что из-за них не видно колен; на краю рукавов ремни, висячие до колена. На груди у него железное или медное «солнце» (*күн*), на правой стороне против нижнего конца грудной кости; кроме того «месяц» (*ый*) на левом боку. Как солнце, так и месяц круглые, но только солнце побольше, общее их название *күн күһэнэтэ* («солнечный луч»).⁴ Ниже солнца и месяца находятся два кружка, дыроватые в середине и называемые *чэмэркэй күһэнэтэ* («дыроватый»). На плечевых костях обеих рук находится по пташечке *ийэ чокчөнгөтө* («мать куликов»). На правом плече

железное изображение стерха (*ийэ кыталыга* — «мать стерхов») в три вершка длины с глазами, головой, шеей и ногой. На левом плече гагара (*куоҕас*). Во время служения этих птиц намазывают, т.е. кормят кобылей кровью. Вдоль рук снизу идет толстое железо, у запястья двойное, называемое *табыталын тимирэ* («железная кость птичьего крыла»); верхняя часть этого железа (от локтя к плечу) называется *акымалын тимирэ*, на лопатке *саннын тимирэ* (плоское, немного поменьше ладони). На концах обеих *табыталын тимирэ* находятся пустые дудочки, называемые *тимир корусуна* («железное перо»). Затем задняя сторона рук, всё платье спереди и сзади покрыто железными висячими плоскими палочками (*түүтэ*). Мелкие железки называются *кыһаҥа*. и ещё меньшие — *нуолур*. Поверх железа наперед и на каждой стороне груди по половине целого человека с глазами и головой, величиною в четверть и приготовленного из красной меди. Это изображение называется «мать эмигэтей» (дьяволов) (*ийэ эмигэтэ*). Затем вокруг пояса бывает у большого шамана 9 бубенчиков, у среднего 4, у маленького 3–4. При каждом повороте шамана всё платье его ужасно звенит и брякает. У некоторых шаманов гагары на платье нет, зато на пояснице есть железное изображение волка или медведя. На спине вместо пояса бывают длинные железки вроде шильев, размещенные в девять рядов. Сверх того, шаман вооружён продолговатыми прутьями, похожими на ручные кости и на когти медведя, и бубном.

Платье маленького шамана весит 1 пуд, у среднего — 2 пуда, у большого — 3 пуда. Говорят, будто некоторые шаманы делают себе солнце серебряное и месяц медный, тогда весь шаманский наряд стоит 30 руб. серебром.

Когда куют шаманское платье, то железо обмакивают в кобылью кровь, и потому оно принимает особый цвет. Когда шаман надевает в первый раз вновь приготовленное платье, то оно дурит, бьется, как лошадь, и с такой силой, что шаман, объезжая его, иногда падает в обморок. Это называется «объезживание нового платья» (*саҥа танас айааһыта*).

Шаманский бубен (*түнүр*) бывает с двумя деревянными рогами, в деревянном круге (*киил мас*) с двух сторон находятся две дыры, называемые *бүөрэ* («почка»). Железный крест, за который держат бубен, называется *быарык*. Сверх бубна привешивают 3–9 бубенчиков. Внутри

бубна находятся также звонцы (*тимир кыһааннар*). Шаман никогда не называет свой бубен бубном, а говорит: «Мой конь».

Булаайах (колотушка к бубну) бывает длиною около 1½–2 четвертей, у конца рукоятки находится «волчья голова» (*бөрөмэйиитэ*), деревянная, с железными глазами и железными зубами, подобная волчьей, по небольшая, всего в вершок. Эта голова имеет особенное назначение, в руках шамана она направляется то в ту, то в другую сторону и отыскивает место болезни; если ею проткнуть больного, то она укусит болезнь и вынет её вместе с собою, а больной выздоравливает.

Сверх всего этого, у шамана есть ещё большой нож (*батыйа*) в руку длиною. Шаман наклоняется над больным, колотит в бубен, тогда дьявол (т.е. болезнь) переходит из пациента в бубен, и шаман проглатывает его уже из бубна, и тогда широкая внутренность шамана делается ещё больше. Тут шаман прокалывает себя большим ножом (*батыйа*) в живот насквозь так, что конец ножа выходит через спину. Один человек подходит к шаману и колотит в воткнутый нож; потом уже его вытаскивают обратно, и он оказывается уже хуже перегорелого железа.

Шаманы — опасные люди: шаманит, шаманит, вдруг у него изо рта или из подбородка покажется медвежья кость, или же сам он обратится медведем и пойдет по комнате. «Тут поневоле ему поверишь», — говорят якуты. Или же оборотится волком, убежит и испугает скот. С тех пор скот и станет пропадать.

Одной из самых обыкновенных шаманских треб служит посещение больных и спасение их от дьявола (т.е. от болезни). Вот, например, один приём служения, когда больною была девочка, в которую будто бы вошел дьявол Хара Сылгылах уола («сын С Чёрной Кобылой»). Ударивши три раза в бубен, шаман запел: «Выглянувшие в трубу, мрачно показавшиеся в окошко, дьявола-товарищи, сильные невидимые мои соседи, мои друзья, вы, которые вывели меня, бывшего у порога, перед огонь (т.е. в люди), я призываю вас из сожаления к чёрной душе для выкупа толстой души; вы хотели быть святыми благословляемыми, вы хотели быть богами. Идите, идите. Приблизьтесь!» (*Үөлэһинэн өнгөйбүт, түннүгүнэн түбүлээбит, абааһы атастарым, көстүбэт күүстээхтэрим, сөдүөккэ киһи доҕотторум; суол аанынаабы бэйэбин уот иннигэр аҕалбыттар, хара тыын харыһыгар, суон тыын толуутугар ыгырабын, алҕанар айыы буолуох буолбуккут, суланар Тангара буолуох буолбуккут, кэлин-кэлин. Сугаһаан!*). Зевает по-собачьи: «анг!».

Прохаживается перед огнем. «Дух священного огня Аан Дьасын-тойон. Сидя перед тобою, я заклинаюсь. Шаман нижнего места Адам Бурай-господин. Аан Арбаллын-шаман, вышедши кверху посредине огня удачным своим воспеванием, не соединяй со мною своего пения. Не бери заговором людей, скота, имеющих дыхание. Пришедши широкою своею мыслию, смотри, от меня не отнимай себе части!» (*Аал уот иччитэ Аан Дьааһын тойон, эн иннигэр олон алгаан эрэбин. Аллараа дайды ойуна Адаам Буурай тойон, Аан Арбаллын ойун, аал уот оройунан өрө күөрэйэнгин, албастаах тойуккунан туойсар буолааһабын. Куттаах киһибиттэн-сүөһүбүттэн этэн ылар буолааһабын. Дэм дэлэй санааһынан кэлэнгин тэрбэх[?] былльаһар буолааһабын!*). Зеваёт: «анг», сидя, трясёт голову так, чтобы слетела шапка, шапка падает, её подхватывают. «Солнечные мои люди, львы-вóроны, придите и, спустивши солнечного блеска, дайте мне!» (*Күнүм дьоно, хахай суоруттар, кэлэн күн айыым сыралын түһэрэн кулун-эрэ!*). Два человека подбегают и высекают огнивами из кремней искры на голову и на плечи.

Шаман потом соскакивает, прохаживается, подходит к главному окну, трижды прыгает на одном месте и трижды говорит: «*Өгүр, өгүр лас!* Данный высшими лучшими родителями, лучший Ёгюр Кээлээни, приди!» (*Үүһэ үтүө ийэбиттэн-аҕабыттан бэриллибип үтүө Өгүр Кээлээни кэл!*). Три раза расставляет руки и обнимает воздух, вскрикивает неестественным голосом; Ёгюр Кээлээни^й (дьявол) влетает к нему в рот.

Теперь шаман говорит уже от лица Кээлээни. Прохаживается, останавливается перед огнём и спрашивает хозяина.

Кээлээни: «На какую беду вы заставили кричать этого шамана к верхнему и нижнему месту?» (*Бу ойуну туох үлүгэр буолбутугар, үүһэ аллараа ыһытаттыгыт субу курдук?*).

Хозяин почтительно встает с кровати и кланяется, а Кээлээни подпирается одной рукою в бок.

Хозяин: «Вот помирала родившаяся из утробы моей дочь моя, как зеница ока. Для этого я упросил его, откуда, мол, от какого начала умирает, и думая, что лекарство, может быть, есть» (*Бу испиттэн төрөөбүт хараһым иччитин кэриэтэ кыһым ыалдьан өлөөрү гыммытыгар сарыйбытым, хантан төрүттээх, туохтан төрүттээх өлөр диэн, эмтэнэрэ даһаны баар буолаарай диэн*).

Кээлээни говоря, что то тот, то другой, разные люди умирают; то тот, то другой человек нуждается; «этот шаман всё зовет меня, кричит» (*Би-ирдэ биир киһи өлөөрү гынна диэн, биирдэ биир киһи кыһанна диэн, бу ойун миигин кириэһин ыһыытаан. ыгыран табыста эбээт!*). Запевает, прохаживаясь: «*Өбүр-өбүр лас!* Девки девяти родов верхнего места — все мои любовницы, девки среднего места — все мои любовницы, девки нижнего места — все мои любовницы. Да и как в меня не влюбятся?» (*Ө. ө. л.¹ Үүһэ дайды тобус биис ууһугар, тобус биис ууһун кыргыттара барыта-мин көрсүүм... Ө. ө. л.! Аллараабы дайды абааһытын кыыһа барыта-мин корсүүм. Ө. ө. л.! Хайтах-таҕаны миэхэ баҕарыахтара суогай? Ө. ө. л.!*). Средними пальцами растягивает рот и строит рожу. «Я и на лицо славный человек, отличный» (*Сырайбынан даҕаны үтүө киһи буолбаппын дуо? Ө. ө. л.!*)... «Посмотрите, какой высокий, разве я не славный человек?» (*Уолук бөбө томтоллон, үтүө киһи буолбаппын дуо? Ө. ө. л.!*), — бьет себя по кадыку. «Плечи мои широкие: разве я не славный человек?» (*Сарин бөбө сайбаллан, үтүө киһи буолбаппын дуо?*), — пожимает плечами. «Бок мой длинный, разве я не славный человек?» (*Биил бөбө биэкэллэн, бэрт киһи буолбаппын дуо? Ө. ө. л.! Өттүк бөбө өрбөллөн, үтүө киһи буолбаппын дуо? Ө. ө. л.!*) — втягивает живот, старается казаться тонким и вытягивается. «Голени мои длинные. . (протягивает ноги), разве я не славный человек?» (*Улук бөбө уһаан, үтүө киһи буолбаппын дуо? Ө. ө. л.! Сото бөбө дьороллон?..*).

Хозяин: «В самом деле ты славный человек! Если ты не узнаешь, кто узнает? Если ты не сделаешь, кто сделает? Заступись ты за нас, пожалей нас!» (*Кирдьик үтүө киһи ибиккин. Эн билбэккин ким билиэбэй? Эн онгорботоххун ким онгоруобай? Эн көмүс-күөтэбин, харыһыйдагын дии!*).

Шаман начинает опять ходить взад и вперед, шаманя: «*Уоһай-аһай!*», — и подходит к больной.

Кээлээни: «Я склоняюсь затылком, сгибаюсь плечевыми костями, суставами, на колени становлюсь; сын господина с чёрными кобылами, в мой смеющийся серебряный невод войди-ка, прошу!» (*Хаайлыктаах ханкыйан эрэбин, бүлгүnnээх бүктээн эрэбин, суһүөхтээх сүгүргэйдии эрэбин! Хара Сылгылаах уола мин күлэр көмүс мунхабар киирэнгин сымыстаа эрэ^к, аартаһабын!*).

Напав на больную, обхватывает прямо со середины и три раза вскрикивает; тут к нему подбегают три сильных человека и схватывают за

¹ *Өбүр-өбүр лас*, как припев, повторяется тут часто, и поэтому мы его означили только тремя буквами: *Ө. ө. л.*

узду, тогда он вскакивает, задыхаясь и издавая глухие горловые неприятные звуки. И потом бежит, брыкается, крича по-медвежьи, а три человека тащутся за ним, держась за поводья узды.

Хозяин встает и говорит: «Вошедши к людям, ты, человек, обходись по-человечески, разговаривай, как имеющий уста (рот), и, вошедши к якутам, говори по-якутски!» (*Киһиэхэ киирбит киһи киһилии кэскиллэн, айахтаахтыы кэпсэт; сахаҕа киирбит сахалыы сангар*).

Шаман вдруг садится на пол, бьёт себя по животу и поёт, как сын господина с чёрными кобылами: «*Уоһай-ааһай!* Мое сумасшествие пришло к человеку, сходящему с ума. Пришла мне охота петь дьявольские песни. Мне, человеку, выросшему в звонком небе, пришло желание напевать широкие напевы, эту жену мою, если бы я заставил сердечные вены моей жены вылететь на верхнее место, откуда бы вы нашли и взяли меня? Если б, воспевши удачным волшебным дьявольским напевом, я потопил в нижнее место, откуда бы вы нашли?» (*Иирэр киһи иирэрим кэллэ, кутурар киһи кутурарым кэллэ; кингиниир киэнг халлаанга үөскээбит киһи киэнгнэрдээх тойугу туойуох санаам кэллэ. Бу дьахтарбын, дьахтарым сиһин үөһүн ылан үүһэ дайдыбар көтүттэҕим кэннинэ. хантан булан ылыах этигит миигин? Албастаах ап хомуһун тойукпун туойан бараммын аллара дайдыга тимиртэҕим кэннинэ, хантан булуох этигит?*).

Хозяин начинает плакать-рыдать, воображая, что дьявол хочет «съесть», унести его дочь: «Что с тобою? Помилуй, ходи по широкому загону; нельзя ли тебе ходить по ту сторону двухсоставного (?) леса, по широкоглазым, по высоконогим (т.е. мучить, «есть» других, а не нашего больного). С постелей из золы, с подушкой из угля, с одеялом из пепла двое сирот мы взялись, нашедши друг друга: оба скорчившиеся от несчастья люди. У нас ведь одно согнувшееся от мучения дитя. Спаси!», — говорит. (*Туох буолланый? Ыл абыраа*¹; *киэнг тиэргэннээгинэн дьэрис, хат тыа анараа өттүнэн, киэнг харахтаахтарынан, үрдүк ааттаахтарынан дьэриһиэххин хайтаҕый? Күл суорганнаах, көмөр сыттыктаах, күл тэллэхтээх икки тулаайах булсан ылсыбыппыт, иккиэн буккүүр муннаах дьоммут, такыр таннаах соҕотох оҕобут эбээт. Абыраа — да!*).

Дьявол: «Место, на котором я лежал, место, на котором я ночевал, пропиталось моим пазушным запахом; если желаешь моего ухода, то привяжи к моей мачте семитравного табунного жеребца, чёрно-пегого до

гнущейся шеи, с четырьмя ногами, как березовые колья, с белым пятном на хвосту, приготовь через три ночи!» (*Сыппыт дайдым сыансаардаммыт эбээт. хоммут дайдым холонсорбут. мин аттаньям буоллар, ханкыйар хаайлыгар дили хара магаас түөрд атаҕа хатын тоҕоһо курдук, кутуруга буогаралаах, сэттэлээх үөр атыырын баҕахпар баай эрэ! Үс хонон баран баар гын!*).

Хозяин: «Поищем, из ничего попросим, потянем от имеющих!» (*Суохтан көрдөһүөхпүт, баартан тардыһахпыт!*).

Шаман тихо встает, покачиваясь, с разными криками прохаживается, обращается к западу и, наклонившись, невнятно бормочет. С этим дьявол уходит. Через три дня вешают ему шкуру. (Дулгалах).

По рассказу момских жителей, шаман служит над больным следующим образом. Как только шаман приедет и войдет в юрту, его посадят в передний угол, досыта накормят жирным мясом, потом станут просить излечить больного. Шаман для этого дожидается вечера, когда становится темно и фокусы его делаются незаметны. Против дверей стелют кобылью шкуру, а также постельку, составленную из четырёх кобыльих камусов. Потом шаман надевает шапку (из жеребьячьих камусов), тут все должны умолкнуть, сесть и не вставать с места. На шамана надевают белый зипун, наденут через шею, обе ключицы и обе мышцы лошадиный ремень (*көнтөс*) и завязывают узлом на спине, на поясничных позвонках. В это время крошат табак с деревом, один из домашних, ловкий и опытный «кормчий» (*кутуруксут*), ^Мприготавливает трубку и держит её в руках вместе с зажжённой лучиной. Между тем шаман, надевши шапку, выходит на улицу один, никто не может идти с ним вместе. Как только он выйдет, огонь тушат, и в юрте становится темно.

Шаман, вышедши на улицу, свистит, покрикивает минут пять или шесть. Затем тихими шагами войдет в юрту. Повернется спиной к людям и сядет на приготовленную для него в это время постель, обе ноги сложит под себя. Проворный кормчий подаёт ему трубку с табаком. Не показывая своего лица людям, согнувши голову, шаман выкуривает трубку, затем её принимают от него и взамен того подают бубен.

Держа в руках *булаайах* (колотушку к бубну), шаман ударяет ею раз, вскрикнет... и остановится. Ударит дважды, закричит подольше и остановится. В третий раз ударяет три раза с расстановкой и затем станет поколачивать и напевать.

Если бубна нет, то, как только трубку примут, шаман закрывает лицо руками и сидит так минуты три–четыре. Затем сильно позевнёт: «а-а-а!». Минуты через три снова закричит, но погромче и попродолжительнее. В третий раз закричит сильно и уж поёт, не останавливаясь.

Тут шаман своим напеванием призывает и просит разную силу. Через продолжительное время станет плясать, колотя в бубен. Лишь только он соскочит, снова раскладывают огонь. Кормчий ходит сзади шамана и упрасивает его, а шаман уже упрасивает богов. Тогда шаман подходит и с криком нападает на больного, обнимает его руками, припадает ртом к больному месту, до трёх раз кричит и достаёт его болезнь (*ахсы-рыйар*).⁴ Потом черти (т.е. болезнь) войдут в утробу шамана; живот подымается и он завопит: «го-о-о-о!». Кормчий берёт шамана за ремень и подымает, тот валится на него изо всей силы, если кормчий слаб, то шаман роняет его с ног, а если хорош, то удерживает.

Затем шамана сажат на прежнюю постель. Тут он напевает тех чертей, которые вошли в него из больного, поколачивает в бубен и понемногу начинает выпускать дьяволов. Живот у него снова спадает по-прежнему: станет он таким же шаманом, как и прежде.

Потом он снова призывает к себе кого-нибудь из своих дьяволов (мужчину или женщину) и, когда они придут, изменяется в лице. Станет, поклонится всем (людям) и скажет: «Здравствуйте! Зачем вы меня звали? Зачем меня тревожите? Чем вы хотите меня вознаградить? Тяжёлые мои шаги не даром к вам придут, мои быстрые очи пробьют, мой огненный язык оближет вас вкругу, мои орлиные когти проймут вас насквозь, зажалю вас жалом моего хвоста! Почему вы меня просите: скажите теперь, о чём?» (*Дорооболорун! Туох туһугар миигин ыгырдыгым? Туохха миигин хамнаттыгым? Тугунан миигин толоруоххутуй? Мин ыарахан атагым босхо кэлиэбэ суоҕа? Мин сытыы хараҕым супту көрүүбэ; мин уоттаах тылым эһигини салаан кэбиһиэбэ; мин өксөкү тынгыраҕым супту кытаахтыаҕа. Албас кутуругум супту охсуоҕа. Туохха миигин көрдөһөбүт? Этин миэхэ: туохтуһугар?*). Кормчий упрасивает со стороны больного: «Мы тебя беспокоили из-за великой причины. Будь столь добр, умягчи твоё ретивое сердце, останови кипящую кровь, взгляни с сожалением, мы тревожим тебя (господина или госпожу) для больного: излечи нашего болящего. А что ты требуешь, всё мы выполним».

(Биһиги эйигин көрдөһөбүт алдьархай туһугар. Сымнат бэйэн кытаанах сүрэххин; тохтот оргуйбут хаанһын, көр аһыныылаах оттүгүнэн; ыальдьар туһуттан хамнаттыбыт эйигин, (тойоммут или хатыммыт); эмтээ бу ыальдьааччыны. Тугу көрдүүргун толоруоххут).

Дьявол отвечает: «Вполне ли вы меня удовлетворите? Дайте мне честное слово. Если требуемое вполне не дадите, то сейчас возьму с него (больного) душу и выйду вон» *(Мин санаабын толоруоххут дуо? Итэҕэллээх тылгытын иһитиннэрин. Мин көрдүүрбүн толорботоххутуна, тыынын сибилигин ылан тахсыам).*

Кормчий упрощивает: «Разъясни, — говорит, — твою надобность?».

Дьявол: «Дайте мне серебряную монету с крестом (старинную русскую), пятирублёвое белое вино, алый платок, сиводушку, медвежью шкуру цельную, с лапами и головной шкурой, вороного жеребца (или кобылу) с белой головой, белыми ногами, чтоб половина хвоста была белая. Я должен сесть на него задом наперёд и уехать от вас» *(Аҕал миэхэ кириэстээх манньыатта, биэс сүүстээх биэлэй арыгыта, кыһыл былатта, күөх кэрэмэстэ, тыстаах баттахтаах атыыр эһэ тириитинэ, хара атыырда дуу хара биэтэ дуу, магаас баттахтаах, үрүҥ баҕаргастаах атахтаах, кутуругун ангара үрүҥ. Мин кинини таннары мииннэн барыахпын эһигиттэн).*

Хозяева скажут, что могут доставить через столько-то времени, к такому-то сроку. Тогда дьявол назначает срок. Если же не могут взнести, то просят уступить, говорят, что таких вещей у них нет и предлагают вместо них другие. Один и тот же шаман говорит за дьявола и сам же упрощивает его от имени хозяев уступить. И дьявол уступает; назначает срок: 10 дней, 20 дней, месяц, два или три месяца.

Если в назначенное время хозяева не исполняют обещания, то больной опять заболит. Испугавшись второй болезни, они станут собирать обещанные вещи, приносят и поручают их шаману. Шаман, приняв их, привяжет жеребца или кобылу к лесине, сделает поперечную палку. Убивши коня, сваривши его мясо, кости его кладут на лесину и прикрывают цельной кожей этого коня с головою и копытами.

Затем делают угощение (*күндү остуола*), ставят стол на одной ножке, а на нём условленное вино и деревянную чарку. Сделают идолов (*хайла*),⁹ людей, вырезанных из дерева, с лицом и вместо глаз вставят

корольки (бусы). Идолов делают столько, сколько шаман выгнал дьяволов из больного (иногда 4 или 9, могут также сделать дважды 4 или 9 или трижды 4 или 9).

Затем станут кругом молиться: «Выпивши эту чарку, отойди от нас, не делай нам более зла, не обращай свои ноги; ешь это дорогое мясо. Мы припадали на коленях, согнулись спиною; чтобы печень твоя умягчилась, желчь твоя разжалобилась: не возвращайся к нам более!» (Бу күндүбүтүн аһаан барангын биһигиттэн арах; бу кэннинэ биһиэхэ өһу онорума, аҕалма бэйэн атаххын; бу күндү этин сиэ. Сүһүөхтээх сүгүрэйдиэтим, тоһолоостоох нуоһайдым; быарын манньыйдын, үөһүн ыарыйдын; бу гэннинэ кэлимэ!).

Одного идола садят на лошадиную шкуру в знамение того, что дьявол, вынутый из больного, сел на коня, чтобы уехать. Там он и остаётся, а поставленный стол и чарку сжигают, чтобы ничего не оставалось.

Затем шаман должен прийти в юрту, сесть на то же место, на ту же постель. Севши, он начинает выпускать из себя всех чертей, которых напустил себе в живот, выпускание чертей сопровождается шаманским припевом. Когда станет оканчивать, махнёт головой так, чтобы с головы слетела шапка: её подхватывают. Тогда шаман скажет: «Живущие на сем свете, спасайте меня, я начинаю умирать» (Күнүм дьоно абыраан: өллөрүм буолла).

Тогда кормчий подходит к шаману и начинает колотить ножами о черен и начинает наговаривать: «Наколачиваю над твоей головою калёным железом» (Хатан тимири хабырыйдым эн баһын үрдүгэр). Затем мгновенно схватит огниво с кремнем и станет высекать огонь, приговаривая: «Сыплю над твоей головою огонь!» (Эн баһын үрдүгэр уоту куттум!).

После этого шаман станет напевать постепенно тише и тише и, наконец, умолкнет. Тогда ему сварят горшок из самой жирной говядины. Шаман проживёт у хозяина сутки, двое или трое и уезжает. На отъезде ему дают штуку или две скота. А он полагает срок, через сколько времени больной поправится. Если же ему действительно станет лучше, то шаману дают довольно много.

Если человек заболит, то якуты говорят: «Абааһы сиэтэ» («Дьявол ест»). Этого-то дьявола, источник и причину болезни, и добывают шаманы.

По рассказам эгинцев, шаман «берёт дьявола», говоря дьявольское слово, следующим образом. Сначала в доме, где лежит больной, выметают на одну сторону; мести же на обе стороны от печки считают грехом. Если шаман в рубахе, то он снимает её, надевает доху из конской шкуры, а если её не будет, то просто зипун; он входит, когда в юрте уже выметено. В юрте он садится перед больным на подстилку из конских камусов; некоторые шаманы сидят лицом к больному, другие спиной. Ему подают левой стороной бубен, а в правую руку он берет колотушку. Затем зевает и начинает шаманить (*кыырдага*). Затем станет «вводить в себя своих богов» по имени Тэгим, двух русских богов (т.е. дьяволов), один не понимающий по-якутски, другой знающий. (*Биирдэрэ «тон», биирдэрэ «ириэнэх», икки уучча тангаралаахпыт, дииллэр*). Эти боги входят в шамана, но никто из обыкновенных людей не видит их. Вводят одного тунгусского бога (Омук). Потом ещё Ёгюра. Этот Ёгюр имеет любовницами дочь Имеющего рыжих коней, дочь Имеющего чёрных коней, дочь Имеющего чисто белых коней. К ним прибавляют ещё богом душу умершего шамана, родственника шаманящему (юёр). Тогда шаман, всматриваясь в больного, объявляет, какой дьявол берёт больного: верхнего ли места, нижнего ли, или «душа покойника» (юёр) среднего места (земли). Если болезнь причинил юёр, если известно, что он любил во время своей жизни, какое платье, то шаман обещает ему доставить всё это. Затем начинает брать от больного болезнь (*ахсырыйар*); как бы обнимает его пустыми руками, всасывает ртом с того места, где болит. «Вот взял я, — говорит, — впустил в желудок дьявола, причинившего болезнь больному». Затем шаман станет говорить от лица юёра, который обещает оставить человека только тогда, когда ему дадут ту скотину, ту пищу, то платье, которое он любил при жизни, а иначе грозит съесть человека. Шаман отвечает ему: «Откуда мы возьмём что? Ты сам пожалеешь нас, скажи нам то, чтобы мы могли найти. Ведь ты к человеку пришёл, говори по-человечески. Ведь ты к якуту пришел, говори по-якутски. Ведь тогда ты был на свете, ты думал по-человечески, когда был на человеческой земле, ведь имел же ты человеческие мысли!».

Если шаман не дает юёру подарка, то он будет петь: «Ты живёшь-обитаешь на широком небе, имеешь седалище на таком и эдаком небе; полетай-ка туда. Удовлетворись моим причитанием, моим напеванием. Не сам нашёл мудрость моих губ. Вы сами положили меня навзничь и

налили мне в рот через гортань ваше учение. Вы сделали меня молитвословным против всех всевозможных хитростей восьминогого *Аан Адъарай* Бёгё. Разве я бы стал таким вследствие бойкости моих ног, вследствие силы моей груди? Меня сделал молитвословным Аан Арбаллын-шаман. Если вы спрашиваете, кто обучил его (*ким умсуйбутай*)? То сделал меня корень почтенных кузнецов Кыдай Бахсы, сваривши моё сырое, закаливши моё мягкое. Был я заикой хуже рыбы, а он сделал меня речистым (*хомобой уостаах*). Меня, глухого хуже яйца, сделал он с острой памятью. Если ты перебрёдёшь, как воду, мою молитву, имеющую назначение и происхождение из таких мест, то ведь и тебе самому грешно будет. Если ты, как снег, перебрёдёшь (т.е. не уважишь) мой толстый напев, имеющий такое определение, то и тебе самому не останется это без наказания (за грех)».

Если же шаман даёт дьяволу взятку, то скажет: «Дай ты мне отсрочку для сведения и веры солнечных людей, чтобы можно было и тебе сказать, что действительно ты заставил заболеть больного. А желаемую тобою пищу и платье я представлю вполне». Тогда дьявол отвечает, что он облегчит через три (или семь, или девять) ночи. (О юёрах см. Дополнение III).

Если болезнь причинил не юёр, а дьявол с верхнего места, то, всматриваясь в пациента, шаман объявляет о женщине, что её ест сын Белокобылого (господина), если же болен мужчина, то дочь Белокобылого. Или если дьявол пришёл с нижнего места, то его называют сыном или дочерью Чернокобылого (*Хара Сылгылаах*). Сыну Чёрнокобылого дают чёрную кобылу.

Если после первой диагностики окажется, что больного взял сын Белокобылого, то шаман от имени дьявола объявляет хозяину: «Если дадите мне белую кобылу, так я не съем этого больного. (*Маган сылгыбын биэрдэххитинэ, мин бу ыалььяаччыны сиэм суоҕа*). Если же не дадите белой кобылы (коня), то вот оборву дыхание и улечу (т.е. унесу с собою жизнь больного) (*Онтон маган сылгыны биэрдэт буоллаххына, тыынын быһа тардан көтүөбүм бу!*)».

Тогда если у хозяев есть белая кобыла (конь), то её связывают обротью, сученной из белой гривы (*үрүҥ сиэлинэн хаппыт оргонунэн*), вынимают раму и вбрасывают оброть окном в юрту, таким образом поручают её шаману. Тут шаман подходит к больному и говорит дьяволу болезни: «Вот тебе дали жертву, выйди! Я доставлю тебя к родителям с кобылой!

Умилосердись!» Дьявол отвечает в нерешимости: «Выйти или нет?». — «Выйди, выйди! — говорит шаман. — «Я для того и назначен шаманом, чтоб вы меня слушались!». Затем шаман от лица дьявола смотрит на кобылу из юрты через окно, причём держит руку, поднеся ладонью горизонтально к бровям. Потом берёт за обротъ и, постепенно перехватывая, схватывает, наконец, самого коня за переднюю часть шеи и при этом запоёт: «Что это вы мне выставили? Даете ли вы мне вместо жизни живого? Говорите ли вы, чтобы я, севши на девять вольных огнищ, сделался вольной птицей (*кураҗаччы*) и полетел на вольное небо? Говорите ли вы, чтобы я ослабил свой скорый припадок?». — «Как не просить, просим!», — отвечают на это домашние. Тогда шаман запоёт уже от своего лица: «Вот настал наш день, когда вместо жизни даём мы тебе имеющего жизнь (*Тыын оннугар тыыннаабы, күн оннугар күннээби*). Возьми ты его и ступай к почтенным твоим родителям, ведя за собою широкое и гоня впереди себя длинное. Вот настал день ехать (тебе) к почтенным родителям. Убери к себе свой припадок, а моё причитание возьми себе спутником, мой дьявольский напев возьми себе товарищем!».

Затем шаман населяет кобылу дьяволом.¹ Приходят к высокому дереву и на вершине его готовят крестообразную вешалку. Затем убивают кобылу (коня), сдирают с неё кожу с хвостом, с гривой, с копытами, с головой (т.е. не отрезая головы) и вешают на вешалку. Шаман снова шаманит, говоря: «Вместе с этой кобыльей шкурой веду я дьявола!»

И возвращаясь от дерева к юрте шаманы шаманят, и вошедши в юрту шаманят, говоря: «Прогнали мы» (*Үтэйдэхнит*). Кончат и скажут: «Отправили мы, возвратили дьявола, доставили к почтенным родителям» (*Улуу ийэтигэр — аҕатыгар тириэртибит*).

И после этого некоторые-де больные выздоравливают, некоторые умирают. Если больной умрет, то говорят: «*Таппатах буоллаҕа*» («Должно быть, не попали»), т.е. шаманили не на того дьявола. Если же выздоровеет, то говорят: «Попали» (*Таптаҕа*).

---

¹ Иногда повод коня подают шаману в юрту через небольшое отверстие окна, в это же отверстие он осматривает животное. Затем выходит, садится на него будто бы вместе с дьяволом, держится за гриву и наговаривает потихоньку: «Пусть не будут людьми мои родимые дети, пусть женщина, лежащая в моих объятиях, не будет счастлива, да будет мне счастьем этот конь, приведённый и данный дьяволу». Как бы ни был дик конь, предназначенный в жертву, но лишь сядет на него шаман, он стоит, как вкопанный. Сошедши с коня, шаман входит в юрту, а лошадь в это время юноши убивают на дворе, это делается вечером. Лишь жертвенная шкура готова, шаман, шаманивший в юрте, выходит с жертвой в лес к дереву, где вешает её и шаманит снова. Затем уже ворочается в дом с возвращённой душой.

Вот что ещё рассказывают дулгалахцы о шаманстве.

Доходит, например, до какого-нибудь хозяина (хотя бы и здорового) слух: «Такой-то шаман сказал: не проживёшь ты своего веку (*Үйэбин эн толоруон суоџа*). Дьявол приходил, сказывал: «Если поставишь вот такой-то стол, да такое-то угощение, да пошлешь такой-то масти лошадь, то проживешь до старости» (*Кырдьар үйэн тоххору олоруон*).

Берёт тогда хозяин указанную скотину, привязывает её и говорит: «К твоему приходу заведомо и знаемо привязываю я это для моего спасения» (*Мин быыһанаары мань билэн — көрөн кэлбиккэ баайабын*).

Вот приглашенный шаман и станет шаманить: «Начинаю я шамано-действовать в надежде на богов. Иду я, потому что жалеет меня вселенная, сожалеет дух священного огня. Для этого да будет у меня поправляющий хвост (кормчий, управляющий веревкой, надетой на шамана поводом)!» (*Аан дайдын аһынарын туһугар, аал уотун иччитэ аһынарын туһугар; маныха миэхэ кутурукпун салайан биэрээччи баар буоллун!*). Вот отправился я, поехал, пою я напев этого дьявола (*Дьэ мин бардым, айаннаатым; ол абааһы тойугун туойабын*). И обрызгивает привязанного жеребца из хамыйаха (поварёшки).

Затем шаман садится на свою подстилку, отдаёт людям поварёшку и, ударяя в ладоши, этим жестом (а не словесно) просит себе подать бубен. Ему подают бубен, и тогда он поёт: «Из сожаления к чёрной душе, для искупления толстой души нуте-ка эту поднимите-ка. Приблизьтесь-ка сюда для меня, мои дьявола. Пойдёмте со мною для меня, благословляющие мне моё благословление. Придите, дьявола!» (*Хара тыын харыһыгар, суон тыын толугар чэйин мантыбытын көтөџөттүөбүн эрэ. Мин туспар абааһыларым бэттэх сугаһаан эрэ. Миэхэ мин ааттаах алгыспын алгааччылар миэхэ мин туспар миигин кытта кэллиэх!! Абааһылар, кэлин!*). И шарит он потом в каждом углу дома обеими руками и при этом громко вскрикивает. И вследствие этого крика в шамана полнехонько найдёт чертей. Наберёт он чертей, станет сзади жеребца и стоит, привскакивая, ударяет в бубен и кричит, кричит, шаманит, шаманит. И приседает он на этом месте девять раз и приговаривает с каждым присестом: «Иду я просить-умолять моих лучших родителей, для этого иду я, гоня впереди себя скот, даю дорогие дары, длинное приданое, вместо четырёхсуставного везу восьмисуставного (т.е. вместо человека коня) (*Үтүө ийэбин-аҕабын мань аартаһан- көрдөһөн иһэбин. Маныха илин өттүбэр үүрүүлэх иһэбин; ыар бэриктээхпин, уһун*

эннъялээхпин; түөрт мүһэлээх оннугар аҕыс мүһэлээҕи ильльэ иһэбин). Иду я просить жизни для умирающего человека (Өлөр киһи тыынын туһугар мань көрдөөһө иһэбин).

Пришел (шаман) к дому лучших родителей (дьяволов) и говорит: «Вы хотели съесть этого человека; ешьте вместо него это!» (Бу киһини сиэх буолбуккут, иһиги кини оннугар мань сиэн!). А они не согласны на это: «Не будем, — говорят, — мы есть этого коня вместо этого человека» (Би-лиги киһи оннугар бу атыыры биһиги ылбаппыт). При этих словах большой ужасается и плачет, стоя. А шаман говорит: «Пришёл я в надежде упросить вас (Мин көрдөөһө итэҕэйэн кэлбитим). Говорили вы мне: „Не жди ты счастья от родимых детей, не плоды воспитываемого скота. Обнадежили вы меня, а теперь отказываете!“ (Мань миигин төрөтөр оҕобун бу дьолун күүтүмэ диэбиккит; иитэр сүөһүнү иитимээр диэбиккит).

На такие слова «тамошний отец» пожалеет шамана, а мать встанет и говорит: «Не даю». Однако после долгих просьб соглашается, наконец, и она. Тогда шаман с разными напеваниями вешает шкуру лошади на одном из деревьев.

Затем, прискакивая и шаманя, возвращается к хозяину в юрту, говоря: «Ходил я в дьявольскую землю и пришёл к якутам, ставши без ума, без разума. Высекайте огня кремнем и огнивом, пришедши, я стану сказывать моим людям хорошие слова. Поставьте меня перед священным огнем!» (Кэллим сахаларга, абааһы сиригэр сыльльаммын, өйө-төйө суох буоламмын. Мань миигин манна санныбар уотта хататынан саҕан кулун. Бар дьоммор кэлэммин сүбүннээх үтүө тылбын этиэхпин; аал уот иннигэр туруорун!).

После этого шаман расхаживает взад и вперёд и говорит: «Вот дьявол хотел взять вашего домохозяина, я выпросил, взял назад (его душу) и принёс. Верите ли вы этому, или считаете это ложью? Вот стою я, добродетельный человек, оказавший благодеяние» (Бу иһиги дьиилээх тайонгутун абааһы ыллаары гыммытын, теттөрү көрдөөн ылан кэллим. Мань кирдьиктэнэҕит дуу, сымыйаргыгыт дуу? Мань мин үтүөлээх — өһөлөөх киһи кэлэн турдаҕым). Тут хозяин встает: «Хорошо», — говорит и кланяется. Все люди встают и кланяются шаману. «Я душу-дыхание принёс» (Мин кутун-сүрүн аҕаллым), — говорит шаман. Из правого уха встряхает, на ладонь кладёт и стоит, обратившись на восток. Затем сдунет на восток. «Я пришел спасти на девять лет»

(*Тоѳус сын тоххору быыһаан кэллим*). После того ходит взад и вперёд, кричит, кричит и скажет: «Посадите меня на седалище!» (*Миигин олохпор олордун!*).

Стелют коврик из конских лап. Он приходит и садится, лицо закрывает обеими руками. «Прежнюю мою шапку наденьте» (*Маагы бэргээһэбин кэтэрдин*). Надевши шапку, кричит полегоньку и потом скажет: «Бабай-бабай-ба!» — и перестанет.

Снимает шапку, всю свою одежду, кушает и спит. Иногда шаман и без жертвы умоляет дьявола, поручаясь за хозяина, что через известный срок он представит жертву. В этом случае шаман называется поручителем (*мэктиэһит*).^[1] Если же в назначенное время жертву не предоставят дьяволу, то он взыскивает с шамана, «ест» его семейных и т.п.

В некоторых местах шаманодействие происходит следующим образом. Приглашая шамана к больному, родные ждут его вечером и перед приходом его выметают юрту, тушат огонь. Входит шаман. Сначала он ходит молча взад и вперед по юрте. Ему постилают подстилку, на которую он и садится, обратившись лицом к огню. Больной лежит на своем обыкновенном месте.

Когда шаман уже сидит на своей подстилке, ему привязывают повод (*тэһиин*). Затем надевают простую шапку из чисто белого жеребёнка, подают бубен и колотушку. Шаман начинает весьма удачно подражать крику разных птиц: сперва кукушки, потом орла, сокола и гагары. Затем призывает своих шаманских собак: «Улукку-Сулукку, Оккёре-Бёккёрёнг, Харда-ыс! (трижды) Приди сюда индейский петух с дыханием пегого змея в три с половиною сажени (*Ус былас былас анара ала монгой тыыннаах Ингэй бөтүүк, кэл бэттэх*)!». При этом шаман весьма удачно прокричит по-петушьему. Затем шаман снова подражает разным птицам: «лук-лук!.. (много раз) чах!.. (много раз) кёх-кёх!.. (много раз) о-аха-о!..».

Затем уже шаман запоёт: «Приблизьтесь ко мне, мои восемь вещей дьяволов с лицами, закрытыми похоронным платком, имеющие седалищем заржавевшие облака на раздражающие звучном небе, корень ястребов (по имени) Пузырь с кровью, Кривая ключица, Кривое крыло, Коростливая болезнь, Звучное небо, Корень (начало) крылатых! Приблизьтесь ко мне, восемь вещей дьяволов с лицами, закрытыми похоронным платком, люди утихающего жёлто-чистобелого неба, подобного наружной стороне крыла утихающей жёлто-чистобелой лебеди!

Приблизьтесь, поддерживающие меня за лоб, если я падаю ниц, поддерживающие меня за затылок, если падаю навзничь. Приблизьтесь, люди мои, разоставленные подобно шейным позвонкам! Приблизьтесь, люди мои, расположенные подобно суставам позвоночного хребта! Приблизьтесь, люди мои, разоставленные (в таком множестве), как роща (остров леса)! Не кормите вы меня в кривой собачьей посуде, не грязните моего чисто белого светлого лица. Приблизьтесь люди мои Кэккэ Чууран (порода верхних дьяволов) со ртом на затылке, люди жестокого (холодного, ветряного) неба со ртом на кадыке! Живущий, согревая дух священного моего огня, младший сын белокаменного Белого господина бога с седалищем из молочного озера, лежавший девять лет расслабленным с неудержанием мочи, Гора, на которую не может подняться человек, Большой меч, Плеть – падающая звезда, Львиная доха, Рысья шапка, Толстое колено, дедушка мой Священный огонь! Отстраняй ты желającego сесть, отделяй желającego пожрать! Если спрашиваешь ты, какой это самец-шаман с щеголеватой головой пришёл и растопырился, как дерево арык? То это я пришёл в середину твоей теплоты, отваживаясь для спасения смертной души трёх (колен) якутов!»

(Кынаттаах төрдө кынкыныыр кыыс халлаан, Хааннаах Хабах, Кэлтэгэй Бүлгүн, Кэлтэгэй Кынат, Хаарымтабай Өлүү, Хаан Дьалбыһах, Кырбый төрдө кынкыныыр кыыс халлаан дьэбиннээх былыт олбохтоох абыс амнахтаах сырайдаах албан эмигэттэрим, бэтэрээннэн буолун! Аңаарыйар араҕас маган кубам кынаттын таһын курдук аңаарыйар араҕас маҕан халлааным аймахтара абыс амнахтаах сырайдаах албан эмигэттэрим, бэтэрээннэн буолун! Умса түстэхпинэ сүүспүттэн өйөөбүттэрим, иттэнэ бардахпына — кэтэхпиттэн өйөөбүттэрим, бэтэрээннэн буолун! Арҕас сэлгиэгин курдук адаарыспыт дьонум, бэтэрээннэн буолун! Тоноҕос сүһүөбүн курдук добдугураспыт дьонум, бэтэрээннэн буолон! Арыы тиит курдук адаарыспыт дьонум, бэтэрээннэн буолун! Кэлтэгэй ыт иһитигэр аһатар буолаайагытый, килбиэннээх маҕан сырайбын киртитэр буолаайагытый! Уолугунан аяхтаах оһуу халлаан улуустара, кэтэҕинэн аяхтаах Кэккэ Чууран аймахтара дьонум, бэтэрээннэн буолун! Иттэн олорор аал уотум иччитэ, үүт таас бэйэлээх үүт күөл олохтоох Үрүң Айыы Тойон ылгын уола тоҕус сылы мэлььли сидьинг босхон буолан сыппыт Күөрэ Дархан, Дабан Дархан, Манкы Батас, Кындыс Кымньыы, Хакхай Сангыах, Бэдэр Бэргэнэ, Байба Дьылбэк Аал Уот эһэм! Сиэри гыммыты силэйэн кэбиһэ тур, аһаары

гыммыты арааран кэбиһэ тур! Аал уот эһэм! Хайа арбах бастаах атыыр ойун кэлэн аарыгырда диир буолаайагытый: бэйэнг сылаас суоһунг ортотуттан үс сакха өлөр тыынын өрүһүгэр кэлэммин айгыстыа эрэбин!).

Затем шаман встаёт, ему подают трубку табаку, и он курит стоя. Потом призывает к себе своих богов (людей). Идёт в угол юрты около входа, распростирает в обе стороны руки, кричит протяжно и долго: «О-о-о-о-о!» — и перемахивает руками с боку на бок. Затем шаман наклоняет голову и, быстро дребезжа губами, булькнет: «О-о-о-о-о!», — с этим криком приходит к нему дьявол.

После этого шаман поёт уже от имени дьявола, особым, более толстым голосом: «Өгүр-лас, Өгүр-лас (много раз)... Что за госпожа-женщина отходит (от вас), выгибаясь? Какой господин мужчина отходит (от вас), разваливаясь? (А я вот), шедши, спускаясь с чистого неба на землю (среднее место), сломал себе бедро. Аяй- аяй-аяй!» (Хайа хатын дъахтар хангайбытынан бараары гынна? Хайа тойон киһи нуоҕайбытынан бараары гынна? Ыраас халлааммыттан орто дайдыга кэлэн түһээри гыммытым, өттүкпүн булгу түһэн кэбиспитим. Айакка! Айакка! Айакка!). Далее дьявол по косноязычью заикается: «кэ-кэ-кэ!». Тут шаман приносит дьявола в переднее место к столбу билирика, булькнет, дребезжа губами: «о-о-о-о-о!», — выпускает дьявола, дьявол и садится у столба (билирика).

Шаман снова отправляется к дверям, подходит к столбу около входа (атах магана). Снова распростирает руки, кричит: «о-о-о-о-о! (много раз!) бо-бо-бор!», — булькнет и оборачивается лицом ко внутренности юрты. Теперь в шамана вошёл новый дьявол, и шаман поёт от его имени: «Өгүр-хаайлык, Өгүр-хаайлык (много раз)... Здравствуйте (трижды!) (здоровается кругом). А где же ваше благодарное уважение, ваше усиленное угощение? Братья и сёстры, ведь мы (люди) толстошие, с мышьей силой, с мышьей силой, ^Pмогущие догнать ушедшего, отыскать потерянное. А как жалко, как жалко! Бедняжка, наш брат, лежишь ты при смерти. Но мы люди, могущие отыскать и сделать!» (Махтааттаах мааныгыт, күһэлэнгнээх күндүгүт ханна баарый? Ыбайдар-санастар, сипити ситиэх, куоппугу ситиэх күдэр күүстээх, модор моойноох биһиги баарбыт. Хаарыан, хаарыан! Убайбыт барахсан, олөөрү сыттабын. Сит-

тэр ситиэх, хоттор хоттуох бйһиги баарбыт, убайдар-сангастар!). Потом шаман подходит к столбу билирика, булькает: «бор-ло!». Спускает тут нового дьявола. Теперь у столба сидят уже два дьявола.

Снова идёт шаман к столбу и также с распростертием рук и звукоподражаньем бульканью воды принимает в себя нового дьявола, поёт: «Кэ-кэ (много раз), Кээлээн (много раз, имя дьявола), Ньирги! (много раз), ыттар (трижды)». Говоря это, дьявол ходит по всей юрте и у всех женщин и мужчин щупает половой орган (руками шамапа), словами же ньирги, ыттар он просит себе женщины для любовного дела. Если одна из сидящих в юрте женщин скажет: «Я хочу (разделить твою любовь)!». Тогда шаман ударит колотушкою в бубен: её половой орган отделится от неё и появится на верху бубна. «Ой, больно (абытай)!», — закричит та женщина или мужчина, у которого оторвался половой орган: это-де больно бывает. Потом шаман вешает половой орган на палку против камина (оһох хоротугар). Наказанный человек кланяется шаману в ноги, иногда плачет, приговаривая: «Прошу у тебя прощения, с дуру я сказал(а). Умираю я, помилуй!». Тут шаман снова ударяет в бубен, и наказанный становится здоровым по-прежнему.

Затем шаман снова ходит, тем же порядком снова принимает и спускает к столбу билирика третьего дьявола.

Теперь шаман идёт уже за печку и там с прежними жестами и криком принимает дьявольскую дочь по имени Куурар Кугас Сылгылаох кыыһа Кыыс Тангара, Кыдьаранг былыт кыыһа («дочь имеющего рыжих коней», девица-бог, дочь рябого облака»). Шаман, идучи с нею от печки к билирику, поёт от её имени: «Кыдьарыным Кыдьаранг (много раз). Мать наша, дочь Блуждающего облака, отец наш — дочь Мимопроходящего облака. Ой, больно мне, больно! Ой, больнёхонько! Дядюшки, юноши, друзья мои, все ли вы? Ой больно мне, больно!». При этом шаман обходит всех находящихся в юрте и щупает их по-прежнему. Все люди отвечают ему: «Нет!». Тогда, не делая ничего вредного, дьявол, снисходительно возвращаясь, с бульканьем спускается, садится к своим товарищам у основания столба. Теперь сидят уже четыре дьявола.

Потом шаман отходит к окну около входа (атах түннүгэр) и таким же маневром, как прежде, принимает безглазого дьявола, ходящего на поводу. Этот дьявол всё плачет: «Ый, ый... Люди мои, куда куда (это) вы ушли? Укажите. Я ведь совершенно слепой, без обоих глаз. Но хотя и та-

кой (безглазый), а если случится пособить, могу пособить, а если случится разорить (испортить), и разорю. Укажите, где мои братья и сёстры?» (*Дьонум, ханаханан барбыттарай? Ыйан кулун, икки хараба суох нуо — балай буолан хаалбыт киһибин. Бу даҕаны гыннар, абырыым диэтэхпинэ абырыыр киһибин; алььатыым диэтэхпинэ алььатар киһибин. Ыбайдар, сангастар, ыйан кулун?*). Шаман спускает его к прочим дьяволам: теперь сидит их пятеро.

Снова шаман отходит к окну около входа, принимает безъязыкого дьявола, который ничего не говорит, только за неимением языка мычит: «*Кун-хан* (много раз)»... Более шаман ничего за него не говорит, приходит к столбу билирика, свистит и спускает его к прочим: становится шестеро.

Снова идёт к тому же окну, принимает бедного, хромого дьявола, который идёт с плачем: «Не убегайте, не убегайте! Иду я, расслабленный человек без обеих ног, товарищи мои, не убегайте. Я, выдавший, пока ещё никто не видал, слыхавший, пока ещё никто не слышал. Был я на верхнем месте произрастающим остроконечным рогом. Был я удачным из всех ротозеев среднего места. Был я на среднем месте шпорою царапающих когтей!» (*Куотуман, куотуман! Икки атаба суох босхон киһи иһэбин, доҕотторум, куотуман! Көрүөх иннинэ көрбүт, истиэх иннинэ истибит мин буолабын. Үөһээги дайдыга үүнэр муос кылаана буолбут мин этим. Аллараагы дайдыга атар аях албаһа буолбут мин этим. Орто дайдыга тэбэр тынгырах дэгэтэ мин этим!*). Шаман приносит его к столбу и спускает, булькая, к прочим дьяволам: теперь станет семеро.

Теперь шаман подходит к «главному окну» (*бастын түннүгэр*), находящемуся в передней части юрты. И на обыкновенный призыв приходит дьявол, «вздёрнутый кверху», со ртом на кадыке, из племени «жестокого» (свирепого) неба (*оһуу халлаан улууһа*). Шаман, принявши его, говорит: «Братья и сёстры! Дайте сюда в пищу пламени и дыму!» (*Ыбайдар-сангастар, буруо төлөн аһылыкпытын аҕалын бэттэх!*). Шаману подают трубку с табаком, он приставляет её к кадыку и курит, пуская дым. Это делается стоя. Затем шаман снова подходит к столбу билирика и снова, булькая, спускает и этого восьмого дьявола.

Снова отправляется к главному окну и, принявши дьявола, поёт: «Пришли мы люди рода Кэккэ Чууран со ртом на затылке. Братья, дайте нам в пищу пламени и дыма!». Шаману подают трубку с табаком, и он

курит её затылком, пуская дым. Затем садит девятого дьявола вместе с прочими.

Снова идет шаман к главному окну и с обыкновенным распростёртием рук и криком «о-о-о-о!» принимает дьявола из народа Лебединого неба с пустою болтовнёю (*Кус хаос сангата сангалаах Куба халлаан*). За этого дьявола шаман кричит только по-лебединому: «кук-кук-кук!»... Этот дьявол ничего не просит, и его без дальнейших разговоров садят рядом с другими: таким образом составляется десяток.

Теперь снова у главного окна шаман принимает нового дьявола, который весьма силен, сердит, задорен, спрашивает: «Нет ли сильных, быстроногих, грудосильных? Ну-ка, попробуем силы, потягаемся!» (*Үөгүр-дъүөгүр, үөккүр-күөккүр дьонум, күүстээх күдэрдээх, атах быһыйдаах, түөс күүстээх дьон баар буолаайыгытый? Чэйин! Күүһүргэһэн көрүөх, тардыалаһан көрүөх!*) При этом ударяет себя несколько раз в грудь и ломает всё, что только ни попадет на столе или на стуле. Дьявол этот столь сердит, что у самого шамана не хватает силы сдерживать его. Сначала этот дьявол ничего не просит, а только сердится и кричит пронзительно изо всего горла: «Досада моя (*абабын*)!». Потом скажет: «Накормите (меня), голоден я. Чёрт знает, с каких времён высох я, проголодался!» (*Аһатын; харгыйдым. Хайа сахтан хаппыт, туох сахтан торго-тообут киһи кэллим. Аһатын!*). Если по этой просьбе станут его кормить, то он ничем не наедается, если даже съест мясо трёх или четырёх скотин, и то не наедается. Поэтому ему ничего и не дают. Долго и с большою мукою носит его шаман, пока, наконец, принесёт к столбу билирика и булькнет. Тогда станет одиннадцать дьяволов.

Тогда шаман идет за печку. Снова кричит, и на это приходит к нему дьявол — шаманская умершая душа (покойного шамана — родственника), называемая «бог привидений мёртвых душ» (*үөр танарата*). Вошедши в шамана, этот дьявол перечисляет всё, как он помер (на поле ли, повесился ли, зарезался или удавился): «Такое-то мое несчастье! Помер я, имеючи короткий век, кривую судьбу. Вот теперь хожу я, разевая рот к священному огню, выглядывая из-за печки, заглядывая трубою, смотря по нижней части трубы (ниже потолка), корчась, ходя по окнам, сделавшись многострадальным. Не ночью ночью, не днём днём, всё хожу. Шаман, с того времени, как расстался я с основным домом, расстался с теплом священного огня, хожу я, имея товарищами мёрзлые де-

ревья, матерью — чёрную землю. Хожу я к детям своим — родственникам, думая, что укажу глазам их всякую мелочь, предостерегу их слушающие глаза, думая достигнуть то, что они упустили, думая превозмочь то, что они не превозмогли. Отпусти ты меня, напивавши, накормивши, бросая пищу священному огню, поправляя мне горло сваренным на шестке, накормив меня жареным на огне. Пришёл я, проголодавшийся и высохший, чёрт знает, с каких времен. (Сделай ты это для того), чтобы высказал я вещь мою заветную злобу, пропел бы мой полезный напев!»

(Манник сор суоллаахпын! Өтөр өйүүннээх, кэлчэркэй онгоруулаах буоламмын өлбүтүм. Аал уокка айахтанан, көй холумтанга үөстэнэммин, кыс маһынан кынньалайаммын [?], үөлэһинэн өҥөллүйэммин, хабаҕалынан харахтанаммын, түннүгүнэн түүрүллэммин сыльляаммын, уһун эрэйдээх буоламмын сыльляабын. Түүнүн утуйубунабын, күнүһүн өрөөбүнэбин сыльляабын. Иэримэй дьибиттэн арахсыбытым туокхары, аал уотум сылааһыттан арахсыбытым туокхары, тонг маһы доҕордономмун, хара буору ийэлэнэммин сыльляабын, ойун! Көрөр харах кырагыта буолуом диэммин, истэр кулгаах сэрэбэ буолуом диэммин, куоттарбытын ситиэм диэммин, кыайбатабын хотуом диэммин сыльляабын уруубар, оҕобор. Аал уотукан аһатангың, кой холумтанынан күөмэйдээнгин, аал уоппар аста кэбиһэн аһатан амсырдатан таһаар миигин. Хайа сахтан хаппыт, туох сахтан тобураабыт киһи кэллим. Аманнаах өспүн амалыйан биэриэхпин, туһааннаах тойукпун туойан биэриэхпин!).

Тут один из домашних бросает в огонь три небольших кусочка жиру. Тогда все дьявола, сидящие у столба билирика, встают и едят из огня этот жир. Впрочем, из домашних никто не видит, как они едят. Затем шаман совершенно всех дьяволов «набивает» себе в живот, подходит к больному, нанюхает по всему телу, этим он узнает больное место. При этом шаман кричит трижды сильно и протяжно: «хой!». Три или два человека держат его за повод. Шаман проглатывает дьявола из больного, кричит: «хых!», — вдыхает в себя, сильно падает назад навзничь в обмороке. Три или четыре человека поддерживают его из всех сил.

Тут начинают шамана лечить, поколачивая над его головою один ножик о другой, приговаривая: «Хабыр дьоло! (трижды). Калёное железо стало кусать друг друга (Хатан тимир хабыаласта)! (трижды). Хабыр дьоло! (трижды). Синее железо стало препираться друг с другом (Күөх

тимир көбүөлэстэ!) (трижды)». Тут шаман очнётся от обморока, падает на землю и долго бьется.

Затем дьявол поет: «Шаман, лежу я, сделавши себе здесь место для еды. Ты ли человек, который, введши меня в твой широкий желудок, меня-то заставишь высказать заветную злобу. Убирайся, не падай поперёк толстой спиной! Не цыгань, не насмехайся, не дразни! Убирайся! Идти уж я не пойду. Сию минуту оборву протянутую становую жилу и выйду. Заставлю тебя плакать в пустом, дам тебе шапку из чернозёма, дам ледяную полу, заставлю беспрестанно и бесконечно плакать, заставлю беспрестанно плакать-стонать, дам поймать вам только мой туман, дам захватить только мой иней, взовью (подниму) белую пыль. (Сиэри сирдэнэн, аһаари аһайан сытабын, ойун! Эн диэтэх киһи киэн куртаххар киллэрэнгин, мин диэтэх киһи аманнаах өспүн амалытыах эн дуу? Киэр буол! Суон көхсүгүнэн туора түһүмэ. Сыгааннаама, элэктэнимэ, моруулаама. Киэр буол. Бараары барыам суоҕа. Сибилигин чиркэйэр сиһин үөһүн быһа харбаан тахсыам. Иччитэххэ энэлитим, хара буору бэргэһэлиэм, ньамха^Т буус энээрдим, сыбыраабат сыналганга ытыам, энчирэйбэт энэлгэнгэ ытыам, эһигини тумаммын туттарыам, хаһыммын^У харбатыам, үрүҥ тобураҕы оргутуом). Туон уоагай, ойун!».

Тут шаман снова падает в обморок; над ним снова стучат ножами с тем же наговором. Тогда шаман вскрикнет: «Хох! — и очнётся, запоёт: «Солнечные мои люди, нуте-ка! Спустите, бросьте на моё темя, на мои суставы множество сияний моего господя!» (Күнүм дьоно, чэйин эрэ! Төбөм оройугар, түөрт сүһүөхпэр айыым көй сырыалын түһэрэн кулун!).

Тут домашние встают и высекают на темя шаману огнём огонь, причитая: «Пало множество сияний моего господя. Множество сияний (трижды). Гром загремел, возгорелось множество молний, спешилась пегая падающая звезда! Множество сияний (трижды)» Айыым көй сырыала түстэ! Көй сырал (трижды). Сүлэ хаан сүүдүйдэ, көй чабаан күөдүйдэ, ала кындыс сатыылаата. Көй сырал (трижды).

После этого дьявол приходит в чувство, домашние перестают высекать огонь, и шаман запоёт, стоя: «Дедушка мой Улуу-тойон (почтенный господин), стянувший на низ людей и скота, имеющих душу, сделавший из костей девяноста шаманов свою резиденцию (?). Я не копал оврага сзади, не рыл спереди ямы; скажи ты, заставляя поднимать твоё в три

ряда серебряное горло, заставляя скрипеть твою железную трёхсложную каменно-железную челюсть: что ты берёшь выкупом за господина-человека? Спаси серебряную нашу душу. Склонился я чёрной твоей тени, преклонился толстой твоей тени, *туон-уогай*, господин мой дедушка! Развяжи твою злобу, молви твоё слово, обнаружь. Прошу я тебя, называя отцом, плачу тебе, называя матерью. Господин дедушка мой, павши ниц, ты не вели бежать по шву спины, павши навзничь, не позволь бежать по шву груди!».

Дьявол: «Шаман, поверну я святую душу к святому (месту?), оживлю душу и жизнь его, если ты привяжешь к моему величественному столбу, к препятствию и дороге смерти, моего чёрно-пегого жеребца, с головою, по плечи окунутою в ссору, с чревом, подобным черевкам¹ белки, с кольчатым хвостом, с перехватами на четырёх ногах, если заставишь торжествовать четырёх-поясный огонь на конце мыса Куогайар Куогай; если разведёшь восьмипоясный пламенный огонь! Если же завтра, в то время, когда восьмилучистое ласковое солнце бросит жёлтые цвета на низкий холм якута-человека, ты к моему столбу выведешь и привяжешь чёрно-пегого жеребца, то твой человек будет твоим. А если же, шаман, ты не выведешь, то он будет мой, и, перервавши натянутую стоящую становую жилу, отправлюсь я к почтенным своим родителям!» (*Түөрд атаҕа баһаргастаах, бугуруолаах кутуруктаах, тиинг өрөөтун курдук ороҕолоох, моойноох мэйиитин суоракка уган ылбыт курдук хара мангаас атыыр сылгыбын өлүүм суолугар, өлүүм буомчуратыгар аар баҕахпар баайыаҥ буоллаҕына, куоҕайар куоҕай тумуһаҕын тумсугар түөрд курдуулаах монгол отуубук өгдүүлэтиэн буоллаҕына, аҕыс курдуулаах төлөн отуубун сирэлитинг буоллаҕына, күнүн тыынын күн диэки өртөйүөм [?], айыытын тыынын айыы диэки тардыам, ойун! Сарсынҥы күн аҕыс өргөстөөх аламай маган күнүм сакха киһи сатыы тыатыгар саһара тыгарын саҕына хара магаас атыырым аар баҕахпар баайан чэнкинэтиэнг [?] буоллаҕына, бэйэнг гиэнэ бэйэбэр буолуоҕа; чэнкинэппэтэргин эрэ, бэйэм гиэнэ бэйэбэр буолуоҕа; чиркэйэн турар сиһинг үөһүн быһа харбаан барыам улуу ийэбэр-аҕабар, ойун!).*

Шаман: «Господин мой дедушка, склоняюсь чёрной твоей тени, преклоняюсь толстой твоей тени. Ослабь ты твой скорый припадок! Дай знать почтенную твою приметку. Если ты дашь её так, чтобы можно было

---

¹ Черевки – то же, что кишки. – прим. OCR.

сказать, что ты-то посетил священный огонь, основной дом якута-человека, давши себя знать, то мы потянем с имеющих, попросим у неимущих. Мы стали самыми обедневшими несчастными людьми, лежащими, топя (свой жалкий дом из) половины свалившегося дерева, имея моховую постель, одеяло из пепла. И от таких-то людей, потянувши с имеющих, прося с неимущих, ты дай. Господин мой дедушка, оживи имеющую удачу серебряную душу. Выйди, ставши мягок печенью, как налим, нежен шерстью, как рысь. Господин дедушка, наклонился я чёрной твоей тени, преклонился толстой твоей тени! Согнулся позвоночным столбом, наклонил шейную кость и ключицу. Выйди ты, давши заметить, что ты побывал в черте священного огня якута-человека, имеющего подошвы с землёю, гнущиеся суставы, дыхание из рассыпающейся земли!» *(Харанга күлүккэр ханкыйан эрэбин, суон күлүккэр сөнгүрэйдийэн эрэбин, тойон эһэм! Түргэн тииһиккин мүлүрүтэн кулу. Баарабай бэлиэбин биллэр. Эн диэтэх киһи айыы киһитин иэримэй дьиэтигэр, алаһа дьиэтигэр, аал уотугар киирэн биллэн тахсыбыта диэх курдук баарабай бэлиэбин биллэрэн биллэрдэххинэ, баартан сахсыһан, суохтан көрдөһөн көрүөхтүөхпүт. Күл суорганнаах, көппөх тэллэх- тээх, сыгынах анарын быһа сиэтэн сытар дьоннор, баранан–баранан барахсан буолбут дьоннор, элэйэн–элэйэн эриэхсит дьон буолбуттар. Оннук дьонтон баартан сахсыһан, суохтан көрдөһөн кулу. Өллөйдөөх үрүҥ көмүс тыыммымтын күн диэкки өртөй, тойон эһэм! Сыалыһар быарын быарданан, үүс түүтүн туулэнэн табыс! Быардыын манньый, үөстүүн сүллүй. Харанга кулуккэр ханкыйдым, суон күлүккэр сөнгүрэйдийетим, тойон эһэм! Туһааннаах тойукпар туоллун, албаннаах алгыспын албанным, тойон эһэм! Тонобостуун нуобайдым, хаальдьыктыын ханкыйдым, бүлгүҥнүүн бүгүҥнүм. Бытарыйар буор тыыннаах, бокульдьуйар сүһүөхтээх, буордаах уллуҥахтаах, модут ураанхай сакха киһим аал уотун чэрчитигэр киирэн тахсыбытын туһугар бэлиэбин биллэрэн табыс!).*

Дьявол: «Туон-уогай, шаман! Если завтра утром, в то время, когда восьмилучистое ласковое чисто белое солнце бросит свои лучи на низкий холм якута-человека, ты выведешь к моему важному столбу моего чёрно-пегого жеребца, как окунутого в воду, с кольчатым хвостом, то я прибавлю к его дням дни, к жизни жизнь, оживлю душу. А если не дашь, то дам ему шапку из чёрной земли, заставлю поймать мою тень, захватить мой иней, закрою в своей тройной глухой тени, сделаю его полы из

сплошного льда, скоро увезу, укорочу ого век! Завтра утром, в то время как восьмилучистое ласковое солнце озарит жёлтыми лучами низкий холм якута-человека, больной будет или вашим, или моим. Шаман, приготовите вы, должно быть, скотину, полотенце для обтирания моего пота, салфетку для обтирания рук, платок мне для сморкания, столовую скатерть и весёлый гладкий чисто белый стол шириною в десять вёрст и длиною в суточный переезд, чтобы можно было назвать надлежащим выкупом господина человека!». *(Сарсын эрдэ абыс өргөстөөх аламай маган күнүм саха киһи сатыытыа- тыгар саһара тыгарын сабына бугуралаах кутуруктаах, моой-ноох мэйиитэ суоракка уган ылбыт курдук хара магаас атыырбын аар баһахпар чэрчилэтиэнг буоллабына, күнүн тыынын күн диэккинэн өртөйүөм, тыыныгар тыын салгыам, күнүгэр күн салгыам, ойун. Биэрбэтэргин эрэ, хара буорунан бэргэхэлиэм, тумам-мын харбатыам, хаһыммын туттарыам, үс хос бүтэй дьылэй күлүкпэр хорготуом, ньанха буус энэрдием, суорума суруктуом, өтөр ойүүннүөм, ойун! Сарсыны күн абыс өргөстөөх аламай маган күн саха киһи сатыы тыатыгар саһара тыгарын сабына бээбитэр эһиэнэ буолан уни, бээбитэр миэхэ буолан уни, ойун! Тойон киһим туһааннаах толуга диэх курдук сүөһүтэ, мин диэтэх киһи көлөһүн сотторун, мин диэтэх киһи илии сотторун, мин диэтэх киһи сыынтыйыр былаатын, мин диэтэх киһи аһыыр ыскаачарын, мин диэтэх киһи күннүк усталаах, көс туоралаах күлүмэт маган остоолбун бэлэмниниир унигит, ойун!)*

Шаман: «Уже ты господин мой дедушка! Будет приготовлен твой гладкий чисто белый стол шириною в десять верст, длиною в суточный переезд. Будет приготовлена столовая скатерть, полотенце, носовой платок. Попросим с неимущих, потянем с имеющих. Господин мой дедушка, вот в эту-то ночь притяни к себе твой скорый припадок (облегчи болезнь). Склонился я тебе затылочной костью, преклонился позвоночным столбом и ключицей. Господин мой дедушка! Да будет твой выход с напеванием звучного дьявольского напева, с пением послушной песни, сделавшись нежным, подобно рыси, с печенью мягкой, как у налима. Господин мой дедушка! Завтра, в то время как восьмилучистое ласковое наше солнце озарит жёлтыми лучами низкий мыс якута-человека, мы приготовим готовый тебе подарок. Отклоняясь (от нас) на четверть, отстраняясь на четверть (с указательным пальцем), ступай-ка ты (от нас) по имеющим толстые двери, толстые прясла, высокие матицы (т.е. по богатым людям). Стой ты, сделавшись эмигятом, зацепившись

за жёлто-белую твою падь, подобную клыку шеститравного жеребца. Господин дедушка, до завтрашнего дня не дай овладеть нами нечистым дьяволам! Ведь мы, господин мой дедушка, живём бедные-пребедные с остатком груди, с половиной печени, беспутные!» (Эн диэтэх киһи тойон эһэм! Күндүк усталаах, көс туоралаах күлүмэт маган остоолунг бэлэмнэниэгэ. Аһыыр ыскаачарың бэлэмнэниэгэ, сыынтыйыр былаатың бөлэмнэниэгэ. Баартан сахсыһ ыахпыт, суохтан көрдөһүөхпүт. Субу түүн түргэн тиһиһкин тардын, тойон эһэм! Хааллыктыын ханкыйдым, тоноҕостуун нуогайдым, бүлгүннээх бүгүннүм, тойон эһэм! Сыалыһар быарын быарданан, үүс түүтүн түүлэнэн, ыллам ырыаны ыллаан, доргоонноох тойугу туойан табыстабың буоллун, тойон эһэм! Сарсыңгы күн абыс өргөстөөх аламай маган күммүт сакха киһи сатыы маган тыатыгар саһара тыгарын сабына бэлэмнээх бэриккин бааргыныахпыт, тойон эһэм. Сүом чугуйан, харыс халбарыйан, халың халганнаабынан, суон сүллүгэстээбинэн, үрдүк үһүөөбүнэн, киэн тиэргэннээбинэн буола түһэн көр эрэ! Алталаах атыыр сылгы аралгатын курдук араҕас маган аартыккар эмигэт кыыл буолангың инэ түһэн тур! Сарсыңгы күммүтүгэр диэри балаҕайга былылыатыма, дэлэгэйгэ диэлитимэ, тойон эһэм! Киин бүтэйдээх, быар быһаҕастаах, түөс тоһоҕостоох барахсаттар буолабыт, олоробут, тойон эһэм!).

Потом начинает ходить по юрте и опять запоёт: «Люди (львы), черти моего шестка, черти моего основного дома, черти моего молитвенного дома! Постелите мою легкую постилку из шкуры сивожелезого жеребца с яблочными бедрами. Люди моего господя, дайте мне девятиподпругую мою кобылу (бубен), подтянувши подпруги!» (Ай дуулам^Ф чэрчитэ,^Х иэримэй дьизэм чэрчитэ, көй холумтаным чэрчитэ хакхайдар! Толбонноох курбаһахтаах күөх борон атыыр сылгым тириитэ диэрэ дэпсэбин кэбиһэн кулун! Тоҕус холуннаах чой улааммын холунун-дьиримин тардыалаан кулун, айыым дьоно!). Хозяин дома приводит шамана к постилке, кормчий держит за ремень.

Сначала шаман сидит молча, но потом запоёт: «Народ мой чистого неба, семья моя широкого неба, люди улусов почтенного неба, полетите кверху! Люди, разобравшие внутри шапки пять (т.е. множество) волос, пересчитавшие в кудрявом кусту^Ц шесть волос, полетите кверху! Жительствующие вверху, поднимитесь! Имеющие провалы внизу, провалитесь! Люди, Мышиные силы, Сильношеие, ставшие на верхнем месте

острием кверху растущих рогов, ставшие на нижнем месте шпорою пинающих когтей, полетите кверху! Люди мои, разбросанные подобно острову леса, ставшие в ряд, подобно спинным позвонкам, полетите кверху! Люди, разинувшие рот к священному огню, сварившие горшок на пламени, люди тёмной матери моей ночи, толстой матери моей ночи, полетите кверху! Не говорите, что мы спели недостающую песню, не говорите, что мы причитали для себя ошибочную молитву. Почтенные мои люди, украсившись подобно росе, хорошенько одевшись, возвышайте ваши лучи, ваши острия и приготовьтесь, натянувши подпруги с ремнями, вы будете коротать путь (ехать) по жёлто-чистобелому подъёму, подобно клыку шеститравного жеребца. Стойте, зацепившись, ставши эмигятами, на матери-небе. Люди почтенного моего народа! Поднимитесь наверх, но не расходитесь по всему пространству широкого неба, по дну преисподней!» *(Ыраас халлаан аймахтара дьонум, киэн халлаан кэргэттэрэ, улуу халлаан улуустара дьон, үөһэннэн буолун. Бэргэхэ иһинээҕи биэс аһы биистии бичигилиэбит дьон, арбаҕас иһинээҕи алта аһы ааҕа дьарыгылаабыт дьон, үөһэннэн буолун! Үөһэ дьабыннаах үөһэ буолун, аллараа дьабыннаах аллара симиттин. Күдэр күүстэрим, модор моойнорум, үүһэ дайдыга үүнэр муос кылаана буолбут дьон, аллараагы дайдыга тэбэр тынгырах дэгэтэ буолбут дьон, үөһэннэн буолун! Тоноҕос сэлгизгин курдук добдугураспыт, арыы тиит курдук адаарыспыт дьонум, үөһэннэн буолун! Аал уокка аяхтаммыт, көй төлөһгө күөстэммит дьон, хараҥа түүн ийэм аймахтара, суон түүн ийэм улуустара, үөһэннэн буолун! Итэҕэс ырыаны ыллаатыбыт диир буолаайагытый, алҕас алгыһы алганнахпыт диир буолаайагытый. Улуу дьон аймахтарым, сиик саҕа симэнэнҥит, дан саҕа таннанҥыт, өргөсгүтүн-кылаанҥытын үрдэ тэнҥит, холумн утун — дьиримҥитин тардынанҥыт тоһуйун; алталаах атыр сылгы аралгатын курдук араҕас маган аартыккытын дьолүөххүт, ийэ халлаанҥытыгар эмигэт буоланҥыт ингэн турун. Улуу дьон аймахтарым! Киэн халлаан киэбинэн, улуу халлаан улаҕатынан, нэс түөрт тугэн түгэҕинэн үрэллэр буолаайагытый, үөһэннэн, үөһэннэн!).* Дьявола́ выходят из шамана.

Шаман: «Солнечные мои люди, развяжите мой веселый серебряный повод, подобный тени бесконцей ели с ветвями, покрытыми снегом. Солнечные люди, возьмите у меня с темени железную четырёхугольную шапку! *(Түөрт муннуктаах тимир дуулабын)*. Возьмите у меня с правой стороны мои рукавицы *(сунуйбун)*».

После этого шаман трижды копает пальцами в ушах и глазах и трижды плюёт. Потом встает с постилки, садится у переднего столба, как обыкновенные люди. Ему варят горшок и шаман «наедается досыта».

Ночевавши, рано утром к главному окну юрты подводят чёрнопегую кобылу (или жеребца) и ремень подают окном. Шаман одевается в шаманское платье, призывает, поёт и приносит дьяволов совершенно так же, как призывал их вчера. Принесши одиннадцать дьяволов, шаман берёт ремень коня в руки, становится против окна, смотрит на коня и поет: «Господин мой дедушка (дьявол)! В обмен за чёрную душу для спасения белой души назначил я к важному моему столбу чёрно-пегого жеребца, подобного окунутому в ссору, с кольчатым хвостом, с животом, подобным животу белки, с четырьмя, как берёзовые колья, ногами. Преклонился я шейной костью, наклонился позвоночным столбом, ключицей, преклонился я толстой твоей тени, наклонился толстой тени. Почтенный мой дедушка, посмотри ценную почтенную твою взятку за выкуп человека! Прося от неимущих, потянувши с имеющих, мы нашли жеребца, скакуна суставами, быстроногого, с двойным внутренним жиром! Йехаха! (ржёт удачно по-лошадиному). Хрук! (трижды)... Пфу! (много раз)». Затем шаман выходит на двор и легонько ударяет коня по плечу; лошадь падает: «душа» её умирает, ремень же остается по-прежнему в окне.

Шаман входит в юрту и поёт от имени дьявола (болезни): «Туон-уогай, шаман! Ну большая же бывает скотина, родившаяся и воспитанная на земле. Страшного же бывает она вида и размера. Ну уж диво! Вы дали мне выкуп за господина человека. Теперь, шаман, приготовь ты, дорогой мой, перочинный ножик, скатерть, восьмирублёвый алый платок, дорогую скатерть-платок, гладкий чисто белый стол шириною в десять верст, длиною в суточный переезд. Спасу я имеющую удачную серебряную душу, к жизни прибавлю жизнь, к душе душу, я-то уж дам знать свою почтенную примету. С этой же ночи на третью ночь будет (больной) ходить с посохом. Люди, этим вы узнаете мою-то примету! (Туон-уогай, ойун! Орто дайдыга үөскээбит-иитилибит сүөһү даҕаны улаханнаах буолар ибит! Сүрдээх-кэптээх киэлилээх буолар ибит! Ар дьаалы аҕай, хаарыан аҕай! Сах! Тойон киһим толугар туттардыгыт; аны күндүк усталаах, көс туоралаах күлүмэт маган остоолум, күндү былаат ыскаачарым, абыс уон сүүстээх аалай былаатым сыынтыхпын, илии сотторум, күндү бэрэчиинэй быһахпын бэлэмнээ, ойун! Өллөйдөөх үрүң

көмүс тыынын өрүһүйүөм, тыыныгар тыын салгыам, күнүгэр күн салгыам; мин диэтэх киһи баараҕай бэлиэбин биллэриэм, субу түүннүтэн үһүс түүнүгэр тайахха киирэр буолуоҕа. Мин диэтэх киһи баараҕай бэлиэбин манан билээринг, хакхайдар!).

Шаман выходит из юрты и идёт к северу в лес; за ним везут мёртвую лошадь на санях (и летом, и зимой). Там её режут и снимают кожу вместе с копытами и головою. Не ломая ни одной кости, их вынимают, отделяя от мяса. Кости эти втаскиваются на вершину крепкого дерева и накрывают сверху кожей, головой обращают к северу. Некоторые, и то редко, мясо едят, но чаще (под влиянием христианства) считают за грех, не едят, а сжигают в огне. В старину же куски жертвенного мяса посылались по всем почетным знакомым хозяина как дорогой подарок.

Когда кобылье мясо сожгут, шаман, стоя, запоёт: «Дедушка мой Бэгийэр Бэги Дьуорту, с чёрным родимым пятном величиною с печень, имеющий по самой середине печени сердце величиною с четырёхтравного жеребца, младший сын (дьявола), кричащего, имеющего чёрного конного скота. Побег-ка рысью впад на жёлто-чистобелую падь, подобную клыку шеститравного жеребца. Провоняло место, где ты лежал, пропахло потом место, где ты ночевал, пролежалось место, где ты дневал. Поднялся весёлый хвост, направились шеголеватая голова, отошли мы, отделились мы кверху от средней земли. Позвало тебя почтенное твоё место, стосковалось отцовское твоё место. Застонало материнское твоё место. Настал день отъезда к почтенным родителям. Мера дошла и время настало, господин дедушка! *(Хаһытыыр Хара Сылгылаах Ылгын Уола, быарын хаба ортотугар кытыылыыр сылгы сүрэхтээх быарын саҕы хара мэҥнээх Бэгийэр Бэги Дьуорту тойон эһэм! Алталаах атыыр сылгы аралгатын курдук араҕас маган аартыккар таба сиэлэн көр. Сыппыт дайдын сынсаарданна, хоммут дайдын холонсолонно, өрүөбүт дайдын үөттүйдэ. Куйаар кутурук куорхайта, салбах бас салалынна... Орто дайдыттан тэмтэйдибит, тэгилийдибит. Улуу дайды угуйда; аҕа дайды аҕынна. Ийэ дайдын ингэрсийдэ. Улуу ийэҕэ — аҕаҕа аттанар-айанныыр күн буолла. Кэм ситтэ, кэнчиэ туолла, баараҕай ылымын ситтэ, тойон эһэм!)*. Кый, кый, кый» и т.д. С этими словами шаман машет к северу своим дьалбыром (пучком чисто белых конских волос), прикрикивая: «Кый! (много раз). Хат! (трижды). Уоха-ыт! (трижды)». Этими словами шаман прогоняет дьявола.

Отправивши дьявола болезни на коне, шаман возвращается обратно к юрте, следом за ним идёт весь народ, ходивший смотреть церемонию.

Возвратившись в юрту, шаман ходит взад и вперёд. Подходит к больному и, держа в руке *дьалбыр* (махалку), поет: «Ой... Дом-сьюльгюрь! (много раз). Принес я, отделивши изо рта, восьминогого (дьявола) Аан Адъарая. Поднял на солнечное место, к жизни твоей прибавил жизнь, к дням твоим прибавил дни. Пусть огнеглазые не смотрят насупротив (тебя), пусть злоязычные не скажут про тебя впопад. Дом-сьюльгюрь, очистил я кустовым тальником, настегал красным тальником, намахал гибким тальником. Дом-сьюльгюрь! Через три ночи после этого дня будешь ты ходить с костылём-тростью понаружи твоего дома, смотря на природу (твое место). Духи твоего места возрадуются, возвеселятся, и будешь ходить ты, шагая, говоря: „Таким-то я сделался из давешнего, если я потрафил”» (*Дом-сүлгүүр... Абыс атахтаах Аан Адъарай айабыттан араараммын айыыг дайдытыгар аҕаллым; күнүм дайдытыгар көтөхтүм; тыыннар тыын салбаатым; күннэр күн салбаатым; уоттаах харахтаах утары, көрбөтүн, татаар тыллаах таба тамалыйбатын. Дом-сүлгүүр, арбай талабынан арчылаатым, кыһыл талабынан кымньылаатым, ньамыкта талабынан дьалбыйдым. Дом-сүлгүүр! Субу күнтэн үс хонон баран баттахтаах тайаххынан дьиэн таһыгар аан дайдыгын көрө сыльляр буолуон. Аан дайдын иччилэрэ үөрүххтэрэ-көтүөхтэрэ: „Маабы бэйэм бачча буоллабым”, — диэнгин, хаамыталаан сыльльыан, мин таппатым буоллабына).*

Затем шаман садится на свою постилку и поёт: «Солнечные мои люди, держа серебряный мой повод, подобный тени бесконцей ели со снегом на ветвях, поворотите-ка мне по солнцу мою лёгкую постилку из шкуры сивожелезого жеребца с яблочными бедрами. Наденьте-ка мне на темя железную шапку с четырьмя подпорками. Обитающие наверху, летите наверх; живущие внизу, провалитесь вниз! Почтенные мои люди, отойдите-ка по имеющим высокие матицы, широкие загоны, высокие хотоны (т.е. по богатым людям)! Люди мои, если упасть ниц, поддерживающие за лоб, если пасть навзничь, поддерживавшие за затылок! Люди мои, столпившиеся подобно островному лесу, люди мои, расставленные подобно спинным позвонкам, столпившиеся подобно шейным позвонкам! Полетите наверх! Имеющие широкие двери, отойдите-ка на широкое небо! Духи восьмигранной вселенной, не пугайтесь! Воспитавшая

Хранительница, создавшая (госпожа) Создательница, отстраняйте жалящего съестъ! Люди мои обеднели-обеднели, уменьшились-уменьшились, с остатком груди, с половинною печенью: жалеите и пожалейте (их)! Младший сын молочно-каменного Белого господа бога с постилкой из молочного озера, девять лет лежавший расслабленным с неудержанием мочи, Мелкая седина, Большой меч, Плеть из падающей звезды, Рысья шапка, Львиная доха, дедушка мой Священный огонь! Стой ты, леча охромевших, очищая (освящая) отсыревших. Люди мои, спустите мне на макушку темени, на четыре сустава множество сияний священного моего огня!» (Үрдүк үһүөлээбүнэн, киэн тиэргэннээбүнэн, үрдүк хотоннообунан кэниэрийэн көрүң, улуу дьон аймахтарым! Умса түстэххэ сүүстэн өйөөбүттэр, иттэнэ бардахпына кэтэхпиттэн өйөөбүттэр, аймахтарым! Арыы тиит курдук адаарыгнаспыт дьонум, тоноҕос сүһүөбүн курдук добдугураспыт дьонум, аргас сиэлгиэгин курдук адаарыгнаспыт дьонум! Үөһэннэн буолун! Киэн халлааннаах киэн халлаангытыгар кэниэрийэн көрүң! Абыс иилээх-саҕалаах аан ийэ дайдым иччилэрэ, аймаһыйар буолаайабытый! Иитимньилээх эйиэхсит, айбыт Айыы Һыт хатын ийэм, сиэри гыммыты силэйэн кэбиһэ турун! Быар быһаҕас, түөс тоноҕос элэйэн-элэйэн, эриэксэн [?] буолбут, баранан- баранан барахсан буолбут дьонум, аһына-харыһына турун! Үүт күөл үктэллээх, үүт таас бэйэлээх Үрүң Айыы-тойон ылгын уола тоҕус сылы мэлььы сидьинг босхон буолан сыппыт Күөрэ Дархан, Кыыра Бырдьа, Манкы Батас, Кындыс Кымньыы, Бэдэр Бэргэһэ, Хакхай Сангыах, Аал уот эһэм! Сүүдүйбүтү сүлгүйэ, аһаабырбыты арчылыы турун! Аал уотум көй сыралаына төбөм оройугар, түөрт сүһүөхпэр түһэрэн, кулун!).

Тут над шаманом кормчий высекает огонь и говорит обыкновенный приговор: «Көй сырал (много раз)... Ала кындыс сатыылаата, көй чагалган күөдүйдэ, сүлэ хаан сүүдүйдэ, айыы сырала; сырал (много раз)».

Затем шаман поёт: «Солнечные мои люди, развяжите мой весёлый серебряный повод, подобный тени бесконцей ели со снегом на ветвях! Возьмите мои рукавицы с правой стороны!» (Кымньыылаах диэки сунуйбун туттарын, кунум дьоно!).

Тут шаман трижды трёт себе глаза, копает в ушах и плюёт по три раза на обе стороны. Затем встаёт, садится на переднюю кровать и умывается. Тут хозяйева начинают стряпать, кормят шамана и «сами домашние все наедаются досыта».

Шаманодействие разнится, смотря по тому, кто болен и какою болезнью. Так, если болеет женщина, то призывают старуху-дьявола, госпожу с посохом Неряху (*Тайахтаах Ньадьайдаан хатын*), на мужчин её призывают редко (см. о ней Дополнение III); в жертву ей дают уже не коня, а водки. Шаманят на неё следующим образом.

Сначала шаман в шаманской одежде и с бубном призывает дьяволов и приносит их 11 штук совершенно так же, как рассказано выше.

Затем шаман идет к больной, которая обыкновенно лежит на кровати югяха. Шаман падает лицом больной на сердце. Трижды очень громко и протяжно вскрикивает: «ой-ой!..». Хотя три человека поддерживают шамана сзади, однако он падает с высунутым языком, стуча ногами по земле (полу) и упирается руками в землю, поддерживая спину. При этом он кричит: «Уохай! (много раз)... Диэммин!.. Уохай диэммин! (много раз)... Дом-уни дьокко! (много раз)... Уохай диэммин! (много раз)... Дьоком-уни (много раз)... Дьоком (с разными переливами голоса)... Дьоком диэммин!.. Хья, Хья... Хи-ха-ха-ха! Кыай! (протяжно)».

Затем поёт от имени дьявола болезни: «Шаман, хожу я второпях, сообщившись, прикоснувшись опасной (смертельной) болезни, не спавши ночей, не днюя днём, кружась, не отходя от запаха и чада, отыскивая себе пищи, руководясь в пути (желанием) съесть. Смотри, шаман, чтобы я не вышла, перервавши протянуто-стоячую жилу. Не трогай, не касайся, не дразни (меня), шаман! Не заслоняй (больного) твоей толстой спиною! Если ты желаешь слышать моё-то почтенное имя, ценную мою должность, то я — госпожа с посохом Неряха. Я такой человек, что моего бестолкового напева, моей послушной песни не достигнет косматоголовый самец-шаман! Братья мои, накроете ли вы мой чистобелый гладкий стол шириною в десять вёрст, длиною в суточный переезд, подадите ли моей девяносторублёвой фруктовой водки, восьмидесятирублёвого красного вина, десятирублёвого рома, мои серебряные рюмки, подобно стае снегирей, спустившейся стае. Уохай (много раз)... Дьокком-уни. Лежала я, заболев проказою, ходила я, заболевши брюхатою болезнью, выдавши животом, подпираясь тростью. Я прошла преисподнюю, попавши в сорок четыре болезни... Дьом-уни, дьокко — да уохай! Когда пою я песню, сделалась я припадочной болезнью женщинам, ставши опасной болезнью, убирайся ты, убирайся, шаман! Не лежи, не затыкай (заслоняй) толстой спиною! Выйду я, разорвавши намелко твой прозрачный четырёхгранный желудок, не трогай меня! Перерву я твою стояче-

протянутую становую жилу! Потушу твой огонь, смешаю твой пепел, покрою мелким снегом твою трубу, сделаю, что закуржевеет наружность твоею дома, что имя твое потеряется; заставлю тебя петь пустую песню, убирайся, шаман!» (Кытыын олүүгэ кыттыһаммын, таарымта өлүүгэ таарылламмын, түүнүн утуйубунабын, түлүмэтэммин,⁴ күнүһүн өрүөбүнэбин, тэгилийэммин, кэнсиктэн — мунгсуктан арахсыбынабын, аһаарыбын аһайаммын, сиэрибин сирдэнэммин, чиркэйэн турар сиһин үөһүн быһа тардан тахсаайымым, ойун! Таарыйыма, тыытыма; ыһахтаныма, ойун! Суон көхсүгүнэн бүөлүү түһүмэ, ойун! Мин диэтэх киһи ытык ааппын, ыар солобун истиэххин баҕардаххына, тайахтаах Ньадьайдаан хатын буолабын. Арбах бастаах атыыр ойун, кыайан-хотон ыллам ырыабын, сэлээр тойукпун сиппэтэх киһилэринэбин. Үөр тулук үөрдүһэн түспүтүн курдук үрүң көмүс үрүүмкэлэрбин, уон сүүстээх оруом арыгыбын, аҕыс уон сүүстээх аалай арыгыбын, тоҕус уон сүүстээх туруптуобай арыгыбын аҕалыаххыт дуу? Күндүк усталаах, көс туоралаах күлүмэт маган остоолбун тардыаххыт дуу, ыбаккаларыам! Уохай (много раз)... Дьокком-ини! Нэс өлүү буоламмын сыппытым, буос өлүү буоламмын кэдирги тайахтанан сыльльыбытым. Түөрд уон түөрд олүүгэ булларааммын үөдэннээбитим, хакхай дьаалы, дьом ини, дьокко да... Уохай! Ырыаны ыллааммын, дьахтар киһиэхэ таарымта өлүү буоламмын, кытыын өлүү буоламмын кыбыһырааммын, киэр буол, киэр буол, ойун! Суон көхсүгүнэн бүөлүү түһэн сытыми. Түөрд кырыылаах ньанкыра таас куртаххын дэлби тыылан тахсыам; таарыйыма миигин. Чиркэйэн турар сиһин үөһүн быһа тардыам. Уоккутун утутуом, күлгүтүн булкуйуом, үөлэскитин кырыардыам, дьизн таһын кыраһардыам, ааккытын сүтэриэм, иччитэх ырыаны ылатыам. Киэр буол, ойун!).

Шаман: «Госпожа моя бабушка Неряха с тросткою! Склонился я чёрной твоей тени, преклонился толстой твоей тени. Не делал я тебе зла сзади, не копал ямы спереди, госпожа моя бабушка! Мы люди самые бедные, обнищавшие. Госпожа моя бабушка, уезжай от моей вещей молитвы, удовлетворишь моим звучным напевом! Наклонился я чёрной твоей тени, преклонился я толстой твоей тени. Госпожа бабушка не говори: „Какой косматоголовый самец-шаман вещал ртом?“. Ведь мы вместе с тобою ходили, ты, сделавшись большою гагарой, вместе с собою заставляла меня нырять в воде поганого моря, ведь ты заставила меня

бежать в 44 тёмных провала, заставивши запрячь задом наперёд закур-
жевший бычий хом^{III} и обледеневшие оглобли. Госпожа моя бабушка,
ведь мы вместе с тобою пели, ставши индейскими петухами с дыханием
в три с половиной ручных сажени. Ты бы должна была спасти нас от же-
лающих нас съесть, а ты вон как, госпожа моя бабушка! Ты бы должна
была дать нам найти потерянное, а ты вон как, госпожа бабушка! Ты бы
должна дать нам догнать убежавших, а ты вон как, госпожа моя ба-
бушка! Умягчив свою печень, как печень рыбы налима, разнежившись
подобно рысьей шерсти, ты, человек, вошедший к человеку, говори по-
человечески, человек, вошедший к якуту, направься по-якутски и, со-
гревшись у огня, ослабивши твою злобу, выйди! Госпожа моя бабушка,
взамен за госпожу женщину я тебе возвращу чёрноголовой (скотиной).
Я склонился тёмной твоей тени, преклонился толстой твоей тени.
Выйди ты, заставляя скрипеть твою трёхсложную прозрачно-каменную
серебряную челюсть, заставляя приподниматься твоё серебряное
горло, отогревши твои ржавые ланиты, согревши крепко твое рябое
лицо! Госпожа Неряха с тросткою, старшая дочь Киктэй-шамана, чело-
век, сделавшийся корнем болезней трёх (племен) якутов! Удовлетво-
рись моей звучной песней. Мы всё дадим, что ты попросишь, следующий
тебе выкуп, готовый подарок, послушную взятку. Госпожа моя бабушка,
если ты солнечную душу направила к солнцу, если ты к жизни приба-
вила жизни, к дням прибавила дни, то наставь, госпожа моя бабушка!
Выйди ты, давши знать почтенную твою приметку, чтобы можно было,
чтобы он, человек, пришедши на середину человеческого дома, пова-
лялся и вышел!» (Тайахтаах Ньаадъайдаан хатын эбэм! Харага
күлүккэр ханкыйдым, суон күлүккэр сөнгүрэйдиэтим. Кэлин өттүгэр
кэнчиэни онгорботоҕум, илин өттүгэр иини хаспатаҕым, хатын эбэм!
Баранан-баранан барахсан буолбут дьоммут, элэйэн-элэйэн эрэксэн
буолбут дьоммут. Албаннаах алгыспар аттан, дорҕоонноох тойукпар
туолун, хатын эбэм. Хара күлүккэр ханкыйдым, суон күлүккэр сөнгүрэй-
диэтим. Ханнык арбах бастаах атыыр ойун айаҕынан албыннаата, диир
буолаайыңый, хатын эбэм! Бэйэн буустаах бургальдьыбын түгнэри
күлүйбүтүң, ньанхалаах аралбын түгнэри күлүй-бүтүң, түөрд уон
түөрд харага дьабынгар сиэллэрбитин, быртах байаҕал уутугар
андалык куоҕас буолангың бииргэ умсаахтаһан сылдьыбыппыт. Үс
былас былас ангара тыыннаах инньэй бөтүүк буолан бииргэ
ылласпыппыт, хатын эбэм! Сиэри гыммыты силэйэн кэбиһиэх бэйэн,

туонгабый,^{III} хатын эбэм! Сүтэрбинпин булларан биуриэх бэйэн, туонгабый, хатын эбэм. Тэскилиэбити ситэн биэриэх бэйэн, туонгабый, хатын эбэм. Сыалыһар балык быарын быарданангын, үүс түүтүн түүлэнэнгин, киһиэхэ киирбит киһи киһилии кэпсээнгин, сакхаба киирбит киһи сакхалыы салаллангын, аал уокка сымыстаан, туһааннаах өскүн өһүлээн табыс, хатын эбэм! Хатын дьахтар хардатыгар хара бастаабынан харыйдыам, хатын эбэм! Хараҥа күлүккэр ханкыйдым, суон күлүккэр сөнгүрэйдиэтим. Үс хос үрүҥ көмүс лаҥкыр таас сыҥааххын дьакыратан, үрүҥ көмүс көмөгөйгүн көбүөхтэтэн, дьэбиннээх иэдэскин сылаардан табыс, хатын эбэм, чымырыыттаах сырайгын сылаардан тагыс! Тайах-таах Ньаадьайдаан хатын, Киктэй ойун улахан кыыһа, үс сакха өлүүтүн төрдө буолбут киһи, дорҕоонноох тойукпар туолун, хатын эбэм! Ыллам ылымгын, бэлэмнээх бэриккин, туһааннаах толуккун тугунан көрдүүгүн, барытын биэриэхпит. Күнүн тыынын күн диэкиннэн өртөйдөххүнэ, тыыныгар тыын салгаатаххына, күнүгэр күн салгаатаххына, салгаа, хатын эбэм! Кини диэтэх киһи иэримэ дьиэм ортотугар киирэн аннан тахсыбыта диэх курдук баарабай бэлиэбин биллэрэн табыс, хатын эбэм!).

Дьявол: «Уохай (много раз)... Дьом-уни (много раз)... Дьокком... Люди, вот вошла я в пыльный дом якута-человека, ставши больна „брюхатою” болезнью, подпираясь тросткой, ходя с выдавшимся животом, спустивши на грудь мой слизкий полуторасаженный железный язык, а язык-то мой ведь стянуло затылком. Туон-уогай! Айакабын, Дьоккобун! Если завтра в то время, когда восьмилучистое ласковое чисто белое солнце бросит свои жёлтые лучи на низкий холм якута-человека, вы накроете мой гладкий чисто белый стол шириною в десять вёрст, длиною в суточный переезд, если растянете дорожную скатерть, подадите восьмидесятирублёвого красного вина, девяносторублёвой фруктовой водки, приготовите десятирублёвого рома, если заставите отшатнуться мои серебряные рюмки, подобные стае снегирей, спустившихся вместе, то я спасу белую душу, пожалею чёрную душу. Неужели же я не наполнюсь (этим)?».

Шаман: «Госпожа моя бабушка! Пусть разнежится твоё крепкокаменное сердце! Пусть отогреется твоё рябое лицо, твои ржавые щёки. Выйди ты на жёлто-белый твой подъём; подобно клыку шеститравного жеребца, и, ставши эмигятом, прицепись к нему (подъёму)! Мы потянем

с имеющих, попросим с неимущих. А ты продли жизнь, моя госпожа бабушка! *Уй-ха-ыт* (трижды)... *Лох-лах-лах* (много раз)... *Ба* (много раз)... *Тохтоо, намыр* (много раз)... *Чах* (много раз)... Кррр... Освящение дома, черта дома, теплота священного огня! Сияние места, множество сияний моего бога. Сияние-сияние (много раз)... Пегая падающая звезда спешила, множество молний возгорелось, загремел гром, множество молний на четыре мои сустава, на четыре мои ключицы. Сияние моего бога, солнечные мои люди» (*Алаһа дьиз арча... Алаһа дьиз чэрчитэ. Аал уот суоһа. Ай дуула, ар дуула, аан дайды сырала, көй былах. айыым көй сырала; сырал... Ала кындыс сатыылаата, көй чабаан күөдүйдэ; сүүлэх хаан сүүдүйдэ. Көй сырал түөрт сүһүөхпэр, түөрт бүлгүммэр. Айыым сырала, күнүм дьоно!*).

Тут один кормчий высекает над головою шамана искры и повторяет (последний) приговор шамана одновременно с ним.

Шаман: «Принес я главное перо почтенного Уолуяр-господина (орла). Люди мои, развяжите мой весёлый серебряный повод, подобный тени бесконцей ели с ветвями, покрытыми снегом! Жительствующие наверху, летите наверх! Обитающие внизу, провалитесь вниз! Поддерживавшие меня за лоб при падении ниц, поддерживавшие меня за затылок при падении навзничь! Люди мои, разоставленные подобно суставам позвоночного столба, разбросанные подобно островному лесу, мышинные силы, сильные шеи, люди мои, ставшие на верхнем месте остриём растущих рогов, ставшие на нижнем месте удачею разеваемых ртов (т.е. лучшими едунами), ставшие на среднем месте шпорою царапающих когтей, люди мои, мешающиеся спереди, люди, ставшие множеством глазных искр, полетите наверх — совершенно все! *Ба-баба*, солнечные мои люди, *намыр-намыр, баба!* Остановите ваши губы, ослабьте девятиподпругую мою кобылу (бубен), возьмите с правой стороны мои рукавицы!».

После этого шаман трижды копает в глазах и ушах, трижды плюёт на землю, встаёт, отрясает с платья сор и землю, умывается водой. Кормят шамана, и все домашние досыта наедаются. А больная немного облегчается.

Переночевавши, поднимаются рано. Шаман надевает шаманское платье, выходит из юрты. В его отсутствие высушат бубен, постелют постилку, выметут пол. Тогда шаман взойдёт, оботрёт о пепел ноги, три-

жды плюнет на землю, причешет волосы и сам бросит пищи в огопь, велит приготовить кумыс и зачерпнуть сковородою «огня» (углей), ставит его на пол у печки в левой стороне юрты и приказывает положить пищи «с запахом». Сел на шаманское седалище, запел дьявольскую песню, передразнил голоса всех птиц, всех волков и медведей, индейского петуха с дыханием из пегого змея в три ручных сажени с половиной, воспел свою бабушку Неряху с тросткою, ставшую старшей дочерью шамана Киктэя, вдавшуюся сорока четырём разным болезням, (будучи) в проказе, павшую в пропасть.

Тут становятся посредине юрты стол об одной ножке, которую и вколачивают в землю (пол), летом это делается на дворе; стол накрывают красной скатертью, на скатерть становятся линией посредине стола девять «рюмок», т.е. маленьких деревянных чашечек вроде чернильницы. Красную салфетку (*илии сотторо*) и красный носовой платок вешают на самом дальнем от печки конце стола.

Потом шаман скачет и пляшет изо всех сил по левой стороне юрты. Наскакавшись, трижды оборачивается лицом к правой стороне и (трижды) смотрит на главное окно, поднося ладонь горизонтально к бровям. Это смотрение означает, что шаман достиг до «седалища» (*олох*). Вышедши на три седалища, шаман вводит дьявола внутрь себя и запоёт: «Госпожа моя бабушка! Выйди ты, вошедши в мой четырёхгранный прозрачно-каменный желудок. Пусть отогреется твое рябое лицо, твои ржавые щеки, госпожа моя бабушка! Заскрипи-ка твоей трёхсложной прозрачнокаменной челюстью, заставь-ка приподняться твоё серебряное горло! Возьми ты почтенную твою взятку, ослабь скорый твой припадок, дай знать почтенную твою примету, чтобы можно было сказать, что она, человек, побывала у солнечных святых людей. Я направил усиленное твое угощение, растянул гладкий чисто белый твой стол шириною в десять вёрст, длиною в суточный переезд. Госпожа моя бабушка, выйди ты, наевшись, напившись, погревшись у священного моего огня! (*Аһаан сизэн, аал уоппар сымыстаан табыс!*). Госпожа моя бабушка, выйди ты, размягчивши свою печень подобно налимьей, умягчившись подобно рысьей шерсти! Я склонился тёмной твоей тени, преклонился толстой твоей тени, госпожа бабушка, священный человек (*Хатын эбэм, ытык киһи!*)!». Тут шаман с криком падает навзничь в обмороке; три человека держат его за повод. «Солнечные» люди стали «шеркать» над его

теменем двумя ножами, приговаривая трижды: «*Хабыр дьоло!* (трижды). *Хатан тимир хабыаласта, күөх тимир көбүөлэстэ; хабыр дьоло; хатан унуох халынна; хабыр дьоло!* (трижды)». Шаман очнётся с криком «хык!». Теперь он запоёт песню дьявола *Хоро Тангара*: «*Уохай* (много раз)... *Дьокком-уни. Дьо хоптолообум!* Звенящие звонкие небеса мои, зычные мои небеса! *Хоптолообум куогайа, айаккабын, дьокком-уни.* Шаман, думала я, что, упавши ниц, заставлю я бежать по шву спины, думала я, что, павши навзничь, заставлю я бежать по шву моей груди. *Туон-уогай!* Шаман, поставил ли ты мой гладкий чисто белый стол шириною в десять вёрст, длиною в суточный переезд? Шаман, приготовил ли ты в промен за госпожу женщину, выкупом за толстую душу серебряные рюмки, подобно стае снегирей, спустившихся вместе? Шаман, поставил ли ты мое восьмидесятирублёвое красное вино? Шаман, поставил ли ты девяносторублёвую фруктовую водку? Поставил ли десятирублёвый ром? Розовый платок для обтирания пота? Салфетку? Шаман, приготовил ли ты всю мою взятку, почтенное даяние? Расставил ли ты так, чтобы можно было мне, человеку, выйти, согревши внутренность, сделал ли ты, чтобы можно было мне выйти, согревши заржавевшие мои щеки?».

Тут прикасаются огнем к одной (главной) рюмке, тогда загорятся одна за другою все девять рюмок. А шаман, сидючи на одном конце, от лица дьявола чивкает¹ в себя губами, и вся водка входит к нему в рот зелёным пламенем. Потом он берёт платок и меряет его на руке, съедает всю пищу, просит смолы «южного» (русского) дубового дерева. Тут подают ему зажженного ладана, он смягчается и поёт: «*Туон-уогай, шаман!* Ты выводешь меня, отогревши мои-то ржавые щеки. Уподчивалась я усиленным угощением, повернула я солнечную душу к солнцу, назначила святую душу к господу. Дам я знать мою почтенную примету, чтобы можно было сказать, что я, человек, вошедши к вашему священному огню, вышла отогревшись. Завтра в это время я ослаблю скорый мой припадок. И если ослаблю, (больная) будет ваша, если не ослаблю, то будет моя. Шаман, возьми ты себе лодочкой мою берестяную лодочку на смертном море, на пламенном, огненном море, приблизь моих трёх ржавых эмигтей и сплавь-ка по быстрети в смертное море. Воспой меня к моим жилищам и пропастям! Поедем-ка, свёртываясь вместе в моей толстой тени. И, превратившись в самцов-зверей, перескочим

---

¹ Чивкать — издавать чивиканье, щебетать. — прим. OCR.

сряду верхушки семи осиновых деревьев! (*Атыыр солондо кыыл буолам-мын сэттэ тэтин тиит төбөтүн тилийэ сыльльях, ойун!*). Помиримся-ка с ласкающимися нашими эмигятами. Ну-ка, шаман, отстанем от голодной кровати якута-человека! (*Эркэ эмигэппитин иэнигитэн көрүүх, ойун! Чэй эрэ! Сакха киһим хоптох орунгуттан хоннон көрүүх, ойун!*)».

Шаман: «Госпожа моя бабушка, старшая дочь Киктэй-шамана, госпожа Неряха с тросткою! Да будет освобождено схваченное тобою, пусть будет отпущено укушенное тобою. Госпожа моя, пусть внутренность твоя растает, наружность твоя согреется. Да будет, чтобы мы поплыли, сидючи в берестяной лодочке, в нашу смертную воду!».

Делают берестяную лодочку, плывут вниз по воде, шаман провожает дьявольшу, пляшет и скачет, прикрикивает: «хак-как! (трижды)... ха-ук!». Ныряет: лежит очень долго, молча, у основания левого столба (левой стороны). Потом перевёртывается на бок, причём по разу пинает обеими ногами, сперва правой, потом левой, приговаривая: «хак-как! (трижды)... хык-хык!», и снова после долгого неподвижного лежания перевёртывается на другой бок таким же образом. Так шаман перевёртывается до трёх раз.

Шаман: «Госпожа моя бабушка, госпожа Неряха с тросткою! Доставил я тебя в твои девяносто девяти заплатный каменный город! (*Тобус уон тобус соплуот таас куораккар*). Если оглянешься, пусть расколется твоя затылочная кость, если обернёшься ты, пусть развалится верхняя оконечность твоих бедровых костей, госпожа моя бабушка. Да будет, чтобы ты вышла направивши к солнцу солнечную душу. Госпожа моя бабушка, да будет, чтобы ты сгнула в матери-твоём море, чтобы ты сгнула в поганом твоём море. Кый-кый-кый! (много раз)». Тут шаман встаёт, пляшет, поворачивается назад к главному окну и запоёт: «Солнечные мои люди, пришёл я, отделившись от дьявольского дыхания восьминогого Аан Адьарай Бёгё. Подставьте-ка моим весёлым серебряным поводом, подобным тени бесконцей ели со снегом на ветвях. Солнечные мои люди, заставьте меня кланяться священному моему огню! Я отмахал волосами мою тяжёлость (болезнь), освятил моё отсыревшее; солнечные мои люди, преклонился я священному моему огню!».

Тут люди надевают на шамана узду и втроём не могут его осилить. Шаман приходит, кланяется священному огню, поёт: «Младший сын молочно-каменного Белого бога с седалищем из молочного озера, девять

лет лежавший расслабленным с неудержанием мочи, Большой меч, Плеть из падающей звезды, Львиная доха, Рысья шапка, дедушка мой Священный огонь! Очисти моё хроманье, девяти моё отсыревшее. Пришёл я, поднявши сильную хитрость, ходил я, путешествовавши с сильным обманом!»

После этого шаман приходит к больной, кладёт её на землю и топчет ногою посередине (против печени). Указывая левой рукой, шаман держит в правой руке волосья из хвоста чисто белой кобылы. Эту правую руку шаман откидывает за затылок и ударяет больную легонько несколько раз. «*Уой дом сүлгүр!* Отмахал я мягкой талиной, очистил кустовой талиной! *Уой дом сүлгүр!* Досадила я красной талиной. *Уой дом сүлгүр!* Да отделяю я изо рта восьминогого (дьявола) Аан Адъарай Бёгё. *Уой дом сүлгүр!* Да подыметься сильная хитрость (коварство)! *Уой дом сүлгүр!* Да будет, чтобы направил я к солнцу солнечное дитя, чтобы назначил я богу дитя моего бога! *Уой дом сүлгүр!* Да будет! И если я попал (*мин тап-пытым буоллабына*), теперь она через три ночи будет разговаривать со святыми людьми, будет есть «солнечную» пищу. Дитя моего бога, я воспел истинную песню, причитал назначенную молитву. Нуте-ка, солнечные мои люди! Растяните лёгкую мою постилку, конскую шкуру сивожелезого жеребца с яблочными бёдрами, дайте мою девятиподпругую кобылу (бубен), подтянувши подпругу!».

Тут шаман берёт бубен: «Ну-ка, люди моего солнца! Наденьте-ка мне на макушку темени мою железную шапку с четырьмя подпорками! *Лах* (трижды)... *Көмө сөрүү көй лах!...*».

Тут шаман садится на своё седалище. «Солнечные мои люди! Спустите-ка мне на верхушку темени, на четыре сустава, на четыре ключицы¹ множество сияний моего бога!». Кормчий один высекает над его головою огонь с обыкновенным приговором.

Шаман: «Имеющие жилища вверху, полетите наверх! Обитающие внизу, провалитесь вниз! Почтенные мои люди, удалитесь по (богатым людям), имеющие высокие матицы, широкие загоны. Люди, разобравшие внутри шапки по племенам пять волос, рассчитавшие по особине внутри дохи шесть мыслей, люди почтенного неба, подымитесь кверху!» (*Үрдүк үһүөлээҕинэн, киэнг тиэргэннээҕинэн буолун, улуу дьон аймахтарым! Бэргэхэ иһинээҕи биэс аһы биистии бичигилиэбит дьон,*

---

¹ Из них две – железные ключицы на шаманском платье.

арбаҗас иһинээҗи алта санааны ааҕа дьарыгылаабыт дьон, улуу халлаан аймахтара дьон, үөһэннэн буолун!).

Потом шаман отдаёт свой бубен, шаманское платье и говорит: «Дайте-ка мне главное орлиное перо!» (*Уолуйар улуу тойон бастын хогодойун аҕалын!*). Всё тело шамана вокруг обмахивают орлиным пером. «Сүлгүр (трижды). Дом-дом! Отошёл сильный из обманщиков, поднялся сильный из мошенников. Черта дома. Дайте знать теплоту священного огня. Почтенные люди, полетите кверху!»).

Затем шаман спрашивает свои рукавицы: «*Кымньыылаах диэки сунуйбун аҕалын*». Ему надевают их, и он трижды копает глаза, уши, нос и рот, трижды плюёт на землю и трижды отряхает пыль. Затем садится на одну из передних кроватей (*билирик* или *уҕа диэки орун*), моется. Его хорошенько накормят, да и все домашние досыта наедаются. Ложатся спать.

Вставши рано утром, шаман снова шаманит, идёт за душою больного, которую будто бы унёс дьявол (*кукка бардахпыт* — «по душу мы пошли»). Это совершается так. Сначала шаман призывает и приносит дьяволов по-обыкновенному. Только самый последний, одиннадцатый, дьявол — новый, *Хомуһуннаах Тангарата* («бог с фокусами»). Как скоро шаман введет в себя этого дьявола, то сами дьяволы отрезают себе голову, живот разрезают ножом, вытаскивают брюшной жир, жарят и едят собственный свой жир. Сам шаман (или *Хомуһуннаах Тангарата*) силит без головы, но всем людям юрты дает пробовать своего жира. Но люди отвечают: «Нет. господин мой дедушка! Мы не пробовали этого кушанья, сам ешь!» (*Суох, тойон эһэм! Биһиги аһаан көрбөтөх аспыт ити: бэйэн сиэ!*). Потом шаман уложит себе внутренности по-прежнему. наставит голову и оживает.

Затем шаман отворит дверь юрты, и в ней сделается большая вода. В этой воде шаман станет сеть метать, и попадёт ему рыба сиг. Шаман схватит её одною рукою, а другой держит палочку и ударяет, затем отдает рыбу кому-нибудь из домашних. «Крепче, хорошенько стой!», — скажет ему шаман. Тот крепко держит эту белую жирную рыбу обеими руками у живота. Но в воде, пущенной шаманом, много ходит рыбы, и шаман наловит её столько, что каждому из присутствующих даст по рыбе, и те держат её крепко, как первый. Потом шаман ходит, ходит по юрте, песни поет и, наконец, скажет: «Ну, давайте рыбу!». Каждый человек хочет отдать ему рыбу, взглянет: а её нет, в руке же у него половой

орган (как у мужчин, так и у женщин). Это значит, шаман всех обморочил. Тут шаман снова откроет дверь: не станет ни воды, ни сети, и куда всё это делось, никто не узнает.

Затем шаман делает деревянного ребёнка (*мас обото*) в аршин длиною, одевает его разной одеждой, как женщину, в бумажное и шёлковое платье. Затем делает быка из гнилого дерева. Ребёнок держит этого быка в руках, а шаман понуждает быка талиной. И бык, и ребёнок ходят своими ногами. Сначала бык мычит: «хы... мы... (трижды)», а ребёнок плачет, ничего не говоря. Потом закричит: «Э, чёрт тебя возьми! Нейдешь ты совсем! Досада моя! С какого это места этот шаман дал мне быка, замучил (меня), ах, досада моя! Покуда буду я мучиться этим мучением? Труды мои, несчастья, муки, мучения! Чёрт бы вас побрал, не исходят же ваши разные мучения!» (*Эй, кэриэскин! Хаампаккын, аат туолар, абаккам, сүлтүккэм! Хайа тоххары мунгнанан сыльльых мунмунуй? Эрэйбин, сорбун, мунмун-танмын! Кэриэскитин, энгин энгин мунгнут бараммат иһиэнэ!*).

И отправляется шаман, гоня этого (быка), поёт: «Жёлто-чистобелые мои дороги, подобные клыку шеститравного жеребца, жёлто-чистобелые мои дороги, подобно пегому змею закрутившемуся в восьми местах, матери мои поганого моря, матери мои девяносто девяти *куомай*-морей, матери мои длинношеего мыса, подобного кадыку глухаря, стал я смертною рыбою с кривыми крылышками, с кривыми жабрами, играя, ныряя в смертной воде... хук-кай! дошёл я до почтенных родителей!» (*Алталаах атыыр сылгы аралгатын курдук, араҕас маган аартыктарым, аҕыс сиринэн ала монгой эриллэн түспүтүн курдук араҕас маган аартыктарым, быртах байаҕал ийэлэрим, тоҕус уон тоҕус Куомай байаҕал ийэлэрим, улар кыыл уолугун курдук куогайар куогай тумуһах ийэлэрим, кэлтэгэй сэлгиэхтээх, кэлтэгэй хайыылаах, өлүү луо балыга буоламмын, өлүүм уутугар умсаахтыы оойнооммун, хакхайдар... хук-кай! Улуу ийэҕэ-аҕаҕа тийдэҕим!*).

Предполагается, что двери тамошних родителей заперты, и оттуда лишь слышны голоса. Старик (дьявол) говорит: «Уой, идёт со среднего места (земли) лучший косматоголовый шаман якутов-людей со свободно двигающейся головою, с разрушающимся земляным дыханием, с гнущимися суставами, с подошвами, покрытыми землёю. Девки и парни, лежите-ка вы, притворившись больными. Поручите-ка душу

этого вашего человека хозяину, чтобы увидеть-узнать, каков-то выходит шаман» (Уой, орто дайдыттан боккольльуяр сүһүөхтээх, буордаах уллунахтаах, бытарыйар буор тыыннаах, босхо бастаах бодон ураанхай саха киһи, арбах бастаах атыыр ойун үтүөтэ тахсан иһэр, хатыйдар-нойоттор, ыарыппыт буолангыт сытин эрэ! Төһө бэрт ойун тахсан иһэр ибит билиэхпиниш-көрүүхпүтүн, ити киһигит тыынын-кутун дьыэлээх иччитигэр туттарын эрэ, нойоттор-хатыйдар!).

Шаман подходит и тянет дверь дома, но не может отворить — дьявола не дают отворить. «Впустите (киллэршэ)!\», — говорит им шаман; не впускают. Тогда он пнёт ногою и входит. Тут бывают ужасные стоны и оханья. Старик-хозяин говорит: «Что, парень! Пришёл ты со среднего места, лучший из косматоголовых самцов-шаманов с пёстрыми кистями и почтенным бубном. А мы все больные лежим. Пошамань, вылечи нас!» (Хайа, нокоо! Орто дайдыттан эриэн бытырыыстаах, улуу түнгүрдээх, арбах бастаах атыыр ойун үтүөтэ тийэн кэллин: биһиги барыбыт ыарытан сытабыт; ойуннаа, абыраа биһигини!).

Шаман начинает шаманить, только шаманит наоборот: «Пусть перегниёт ваша становая жила, лежите вы в гнилой болезни, будьте больны без движения и не закрывая глаз, пусть блещут надгробные ваши памятники. Пусть бьётся четвероугольная тёмная мать ваша — пропасть, пусть приготовит вам мохнатый гроб, сделает вам могильный сруб, пусть перервётся ваша нисходящая аорта, пусть вырвется ваша печёнка, пусть вас, сыновей пропасти, возьмёт пропасть, дьявольских людей пусть возьмёт дьявол. Пусть труба ваша закуржевеет, наружные стороны дома покроются мелким снегом, пусть зарастёт место вашего жительства, да будет ложью (небывалым) место, по которому вы ходили. Смертные люди, девяносто девять смертных господ, смертных госпож! Пришли вы, укравши с солнечного места душу-дыхание солнечного человека. Дайте сюда! Я расстрою ваш дом, потушу ваш огонь, смешаю пепел! Господин болезней, дай (её) сюда!» (Сискит уөһэ быһа сытыйдын, сыппытынан сытыган өлүү буолун, көрбүтүнэн көлүгүр өлүү буолун, чардаакхыт чабылайдын; түөрд муннуктаах хараҥа үөдэн ийэҕит хаһылыннын; түүлээх тус маскыт оҥоһулуннун, ийэ маскыт оҥоһулуннун; үөскүт быһыннын, үөрэгэскит хайыннын, үөдэн уолаттарын үөдэн ыллын эһигини, адьарай дьонун адьарай ыллын, үөлэскит кырыардын, дьыэн таһа кыраһардын, олорбут дайдыгыт остун, сыльлыбыт дайдыгыт сымыйа буоллун. Өлүү дьоно, тобус уон

тоѳус өлүү тойоно, өлүү хатына, күн дайдытыттан күн киһитин кутунсүрүн сүдүйэн кэлбиккит! Кулунг бэттэх. Дьыэҕитин дьыэгинитиэм, уоккутун утутуом, күлгүтүн булкуйуом. Өлүү тойоно, кулу бэттэх).

Смертный старец отвечает: «Нет, шаман! Я никогда не брал, даже и не видал! Не брали мы; ты по ошибке, должно быть, пришёл (и ходишь)!» *(Суох, ойун! Мин төһөбө даҕаны-ылаиликпин, малтан көрө-дэ-иликпин. Биһиги ылбатахпыт. Албас кэлэн сыльдьарын буолуоҕа!).*

Тут шаман обращается в пчелу (*тойон ынгырыа*), летит вокруг дьявольского дома; лежит дух (хозяин) дома — зверь вроде быка. Шаман подлетает к нему пчелой и жалит в нос: «ффу!», — вскрикнет этот зверь и вздрогнет, из носа у него и вылетает посиневшая душа человека в виде тусахты (металлического кружка на переднем околыше якутской шапки). Шаман кладет её на руку.

Старец-хозяин остаётся, приговаривая: «Что за досада! Пришёл этот бойкий, взял, да и ушёл. Парни и девки, этот шаман взял запрятанное вами и ушёл! Ах, горе, досада моя!».

А шаман приносит душу к больному человеку и показывает ему: мохнатая штучка, подобная вше или блохе, ходит у него на ладони. Тогда шаман вдует её: «пфф!» — в ухо больного. И больной тотчас выздоравливает.

Шаман оканчивает свое служение, садится на постилку, благословляет себя: «Обитающие вверху, полетите наверх! Девять моих кудрявых дьяволов-эмигят с лицами, закрытыми похоронным платком, восемь моих вещих эмигтей с лицами, закрытыми похоронным платком, боги с фокусами, полетите наверх! Люди мои, сделавшиеся спасением имеющих удачу серебряных душ якутов, ставшие помехой сзади и спереди, ставшие мелочью (т.е. указывавшие всякую мелочь) зрячих глаз, ловкостью разеваемого рта (т.е. ловким из едоков), летите назад! Люди мои, защищавшие от дьявола до настоящего времени, спасавшие от дьявола, потяните в себя дьявольский дух, ослабьте стремительные свои мысли, надломите свои превосходные мысли, почтенные люди! *Уйбу баба, көйлах, баба-баба!...*».

После этого шамана раздевают, он встаёт, садится на кровать, моется; он и все домашние наедаются досыта.

Другие шаманы, угощая дьяволов водкой, шаманят иначе... Сначала шаман садится на постилку перед огнём, надевает шапку с меховой

опушкой наперёд, велит подтянуть повод. Запоёт громко и протяжно: «Ой! (трижды). *Хокук! Хос тить. Көөх* (много раз)... Ой-ой-ой (много раз). Дедушка мой Священный огонь, (находящийся) в восточном углу моего дома, большого жилища с четырьмя стенами, с восемью столбами! Мелкая седина, Крутая гора (крутой подъём на гору), Рысья шапка, Большой меч, Плётка – падающая звезда, Тростка с побрякушками, Львиная доха, дедушка мой Ал Окхон! (трижды). Сижу я на восточном углу белой души (*Үркүннүүк үрүң тыынын илин муннатыгар*), поставши лёгкую постилку из чисто белой конской шкуры с головой и лапами, сижу я в счастливой полосатой матери моей – ночи, надевши железную шаманскую шапку, сижу я, подтянув под себя закуржевевший подол матери моей — восьминого дьявола (Аан Адьарай). Тётушка моя, госпожа Кыланнах Кыс Дьюмэй Кюн! Настала моя ночь умолять-упрашивать, преклонять колена тройной чёрной твоей тени. Сяду ли я, смотря против больного... (*Туом сүлгүр, туом кэрэ, туом арчи, туом кыырыл!*) Тётушка моя, солнце Кыланнах Кыс Дьюмэй Хатын! Не сердись, говоря: „Соскоблил он (болезнь) красной талиной“, не досадуя, говоря: „Очистил он кустовым тальником!“... Кто положил начало (пример), которому я подражаю? Кто определил толстую судьбу, которую я хочу сделать? Если вы спрашиваете: „Кто ему вещал предвещения к счастью, кто научил его высокому учению?“. Этому высокому учению, вынесенному из корня восьми шаманов, из корня девяти шаманов, обучал меня шаман нижнего места Аан Арбаллин. Восьминогий всекрепкий дьявол меня, заiku хуже рыбы, ты сделал говоруном, находчивым в словах, ты сделал зрячим меня, человека более слепого, чем яйцо. Дух моей местности! Ты показал мне пример, положивши меня навзничь и наговаривая мне прямо в рот. Когда в начале моих дней женщина – человек с широкого прихода, упершись на (поставленную вверх ногами) тальниковую вилу, спустила меня на блёклую траву (т.е. родила) у левой стороны печки, через три ночи после этого старшая дочь Энэ Тылласса Кыктэй-шамана, шаманка Высокая Чуонах, солнце Нежный град, госпожа мать моя, солнце Аан Дьаргыстай, ты, впитавши меня в себя, заставила пролететь насквозь видимое голубеющее голубое якутское небо, и, вылетевши, ходила ты беременной с выдавшимся животом в продолжение девяти лет; вышла ты на южную середину широкого звучного неба, и на небесной-то высоте ты, проткнув свой живот, родила меня

почкой, подымающейся с правого бока, ты сделала меня годовым ребёнком, положила в железной зыбке, баюкала и втащила на богатое кудрявое дерево с 44 гнёздами, находящееся на южной середине звучного широкого неба, сделала меня железным яйцом и меня, положенного, ты парила в продолжение семи лет, мать моя госпожа солнце! Меня-то, человека с обгорелым (вследствие наготы) животом (гревшимся на огне), с разодранными плечами, с полами из лохмотьев, ты преобразовала на лёгкой шаманской постилке, на почтенном седалище. Ты наделила меня дочерью – госпожою женщиною; ты наделила меня сыном – господином, ты сделала зрячим меня, более слепого, чем яйцо, сделала красноречивым меня, заику хуже рыбы! (*Сымыыттааҕар бүтэй бэйэбин көрөөччү онгорбут, балыктааҕар кэлэҕэй бэйэбин дьөрөҕой уостаабыт эн этин!*). Ведь ты заставляла меня впопад петь чуткий дьявольский напев 18 племён верхнего места (*ус тоҕус ордуга сэттэ биһин ууһун чуор тойугун*); ты заставила меня удачно опираться на переменчивые знания одиннадцати (*абыс биис ууһун ордуга үс биис ууһун*); ты заставила меня удачно заклинать переменчивое заклятие девяти старых привидений (мёртвых душ) среднего места. Госпожа мать, моё солнце, показывай мне то, что я ещё не видал, заставь узнать то, что я ещё не знал...

Люди мои, гордо выступающие по нижней части трубы, заглядывающие верхнюю трубою, смотрящие окнами, столпившиеся подобно роще, стемневшиеся подобно горному лесу, ставшие благословляемыми богами, поклоняемыми святыми, приближайтесь, приближайтесь сюда!...».

После этого призыва шаман встаёт и принимает в себя бога (дьявола).

Дьявол: «Албан туорун, хаккай кучун, бус бутумарын, чин чарынай, эйгэт ту орун. Зачем кричит этот шаман?». Тут хозяин дома, где лежит больной, скажет: «Мы, сухие, бедные люди, имели одного человека, да и тот захворал, заступись ты за это. Поэтому и кричит шаман; мы заказали ему это!» и т.д.

Призвавши дьяволов, людей Кэкэ Чучуран, людей разных небес, где их (дьяволов) так много, что (от тесноты) они знакомятся затылками, дотрагиваются (друг друга) плечами, толкаются бёдрами, племена, среди которых госпожа не слушает слов господина, сын не слушает слов госпожи и дочь не слушает слов сына и т.д., шаман подходит к больному и, глядя на него, говорит: «Мать моя госпожа, восьминогий Аан Адьарай! Преклоняю я колена твоей тройной тёмной тени. Молюсь я пронзительному блеску твоих глаз, склоняюсь суставами, ключицами, преклоняюсь

позвоночным столбом, наклоняюсь шеей, преклоняю колена. Войди в мой каменный невод, в мой предел, посодействуй-ка мне, госпожа солнце, моя тётушка!».

Дьявол болезни: «Лишил я (больного) имени человека. Убирайся, шаман, не трогай, сейчас же уходи! Думал я: оборву я душу твоего человека и, обратившись тёплым свинцом, провалюсь в нижнее место. А ты, шаман, не пустил меня! Откуда ты, с какого места? Уйди, уйди не прикасайся! Я лишил его человеческого вида!». И с этими словами дьявол выходит из внутренности больного. Шаман скачет, идет следом за ним и достигает перед огнем до одного седалища (*биир олох*), и, наклонившись, поёт: «Дух седалища, дух Тангха Дьаралык с челюстью из полуторасаженого якоря, с зелёным ловким языком в полтора аршина! Дух подъёма, не желай воспользоваться саженными (жертвенными) гривой и хвостом!». С этими словами шаман проходит два или три седалища и затем достигает глубокой и большой воды, в которой ныряет по-гагарьему. Догнавши дьявола, он вводит его в себя, спрашивает его. Тогда дьявол, наконец, отвечает: «Уж очень ты говоришь, шаман! Накроешь ли ты мне через три ночи мой чисто белый стол длиною в суточный переезд, шириною в десять вёрст, с ногою в печатную сажень, с головою из петушьей головы, с хвостом из змеиного хвоста? Дашь ли мне трехрублёвый алый платок, полотенце, полоскание для горла из горной светлой журчащей воды, мои белые чарки (рюмки), подобно стае семи спустившихся рядом снегирей, дашь ли мне веером (от комаров) бурую сиводушку с тремя белыми пятнами на груди, моей плёткой самую лучшую красную лисицу и моим питьём двадцатипятикопеечную серебряную воду? Или же дашь ли ты мне рыжую скотину трёх снегов (т.е. трёх лет), с поперечным пятном на лбу. с белыми перехватами на четырёх ногах, с животом, подобным животу белки, с кольчатым хвостом? Или же дашь мне приплод рыжей скотины? Выбери ты одно из трёх, что ты мне дашь. Если через три ночи ты дашь мне одну из этих трёх взяток, то человек ваш, и если не дашь, мой!».

Шаман: «Заступница, госпожа мать моя, солнце! Наклонился я предплечиями, склонился шеею, преклонился позвоночным столбом, поклонился тройной твоей тени. Да подумаешь ты и скажешь: „Ну уж бедняжка, подобный волокнистому выходящему клубами дыму, нагой наполовину, с пепельным одеялом, с постелей из горного моха“, — и при этой мысли пусть разнежится твоя печень, пусть растает твоё крепко-

каменное сердце, пусть утончится твоя макушка из рыжеватого камня, пусть разнежатся твои ржавые щеки, и посмотри ты (на него) мило-стиво. Стою я в полосато-рыжей, имеющей удачу матери-ночи, держась за полу твою, подобно ребенку, имеющему мать (*Саргылаах саадьябай буурул түүн ийэбэр ийэлээх оёо курдук энээргиттэн тутан тураммын*), кланяюсь я и сгибаюсь: госпожа мать моя, солнце! поворотись ты ласково, подумав: „Какой он жалкий!“. Не обрезывай мою высокую распространённую славу, не стесняй мой скоротеряющийся белый почёт! Ведь ты же заставила меня воспеть в 18 племенах верхнего места по примеру, положенному самою тобою! Ведь ты же дала мне удачно опереться (рукою) на подвижный напев 11 племён нижнего места. Госпожа солнце, мать моя! Неужели ты преступишь широкий твой закон, толстую твою судьбу, положенное тобою начало: осчастливливать прислужником-дитятей, давать сыновьями господ людей, дочерями госпож женщин? Неужели запятнаешь моё белое лицо, смоешь мою белую почесть? Стой же ты, вкушай моё причитание-молитву как вкусную пищу, принимай моё заклятие как ценный подарок!». Затем шаман подходит к огню и кланяется один раз. Поет: «Дедушка мой Ал Окхон, Мелкая седина, Гора, на которую нельзя подняться человеку, Рысья шанка, Львиная доха, Большой меч, Плётка – падающая звезда, Тростка с побрякушками, господин мой дедушка Священный огонь! Младший сын молочно-каменного Белого господ бога, лежал ты в продолжение семи лет, будучи расслабленным, с неудержанием мочи, дедушка мой Священный огонь, сделавшийся множеством искр величиною с четырёхтравного жеребца, ставший белым дыханием трёх (колен) якутов! Сидючи, держа тростку с побрякушками, опёршись на святой белый трезубец, сиди ты, скрывай назначенного твоего хозяина в мохнатой твоей пазухе, укладывай в мягком гнезде, прилепляй в твоём широком, прячь в узком, до той старости, когда передние его волосы порыжеют подобно шерсти щиколки рыжей лошади, до той старости с проседью, когда волосы на висках поседеют подобно волосам щиколки саврасой лошади. Сиди ты, мой дедушка, уготовляя святой путь, очищая дьявольский след. Когда придёт он есть, брось ему сыря, когда пойдёт он мимо, дай ему отравы! Господин мой дедушка, прогони худые твои мысли (худо задуманное тобою), привлеки твоею внутренностью хорошие твои мысли! Если пойдёт дьявол мимо, прокалывай ему позвоночный столб святым твоим трезубцем, удачно тыкай его твоею тросткой с побрякушками, дух обширного

шестка, дедушка мой, священный Окхон!». Помолившись огню, шаман призывает и других богов: «Воспитавшая воспитывающая Хранительница, не давай дьяволу святого (человека)! Дух восьмигранной моей местности, мать моя, сильное солнце, почтенная госпожа! Завёртывай в мягком назначенного твоего хозяина, прячь в узком, прилепляй в твоём широком, укладывай в мягком серебряном гнезде, не расстраивай глухой серебряный твой загон из трёхрядного забора, не открывай медную дверь на святую (сторону), не открывай серебряную твою дверь на восточную сторону! Создавшая местная мать моя, госпожа Создательница, не назначай дьяволу созданного тобою дитя, отделяй от дьявола, защищай от невидимого!».

После этого шаман ставит больного человека перед огнём на постилке из чисто белой конской шкуры, (шаман) берет в одну руку конских волос, в другую — кумыса в чороне или айахе. При этом шаман призывает младшую из восьми дочерей молочнокамennого Белого господа шаманку Айталын. Приняв в себя святую шаманку, шаман зараз выпивает кумыс.

Шаман: *«Туой, кыырыл, сүлгүр, туом бодьу! Кыырыл сүлгүр.* Очистил я жёлтым очищением. Если спрашиваете, кто положил ему пример, то исполнил я пример, сделанный святым Аан Дьаргыстай-шаманом и святой шаманкою Айталын...».

Потом шаман напевает, как он поднимался на верхнее место, спускался в нижнее место, отнимал болезнь, поклонялся корню болезней трёх [племён] якутов господину Бор Ньокхону. И затем, обращаясь к солнцу, говорит: «Господин мой дедушка, я поручил тебе душу больного!». И при этих словах топает трижды ногою сзади больного. Тем оканчивается первый приём служения. В назначенное время дьяволу бывает доставляемо известное уже нам угощение (*күндү*), с тою только разницею, что иные употребляют только три чашки с водкой, которые и зажигаются все разом; водки в них подливают трижды, а затем и чашки с огнём бросают в воду.

В некоторых местах это *күндү* (угощение) производится следующим образом. На пол постилают чёрную медвежину с белым ошейником. Шаман садится на неё и поёт: «Постлали мы седалищем шкуру самца-медведя с белым ошейником. Приготовили мы для обтирания пота восьмирублёвый пунцовый шёлковый платок, бурую сиводушку с тремя белыми пятнами — солнцами на груди (*ус күннээх буурай кэрэмэс*). Для

утоления жажды приготовили мы самца-крестовика (старинную монету)!». На столе ставится девять тальниковых рюмок, в которые и наливают водки или спирта. На стол кладут также варёные сердце, печень с легкими и языком и по кусочку мяса из каждого сустава убитой скотины: для верхнего дьявола кобылу, для нижнего корову. Шаман тут же делает себе деревянный нож и «точит» его, обтирая себе о голову, затем отрезывает им по девяти равных кусочков¹ от сердца и пр. и кладет по одному к каждой рюмке. Затем шаман запоёт дьяволу: «Отпусти укушенное тобою, освободи захваченное тобою, склонился я тебе шеею, преклонил спинную кость, ключицу, преклонил колено! Даю я тебе вместо (человека) с мягкими (хрящеватыми) костями, с губами, на которых не обсохло материнское молоко, с кровавыми глазами, с недошедшим спинным мясом, недоразвитым бсдровым телом, с незатвердевшим мясом на руках и лопатках (даю я тебе) развитое мясо бедра с затверделым мясом лопаток, с дошедшим спинным мясом; вместо жизни даю имеющего жизнь!»... Затем чарку главного дьявола всю выливают в огонь. Шаман: «Девять господ *Tohūmэ үөрдэр* (т.е. души покойников) с лицами, закрытыми похоронными платками! Восемь господ *Təhūmэ үөрдэр* (душ) с лицами, закрытыми похоронными платками! Все вы, совершенно все, заглядывающие трубою, набивающиеся окошками! Ешьте вы, кушайте! Умоляю вас, не сердитесь, что я не назвал вас по именам! Кланяюсь я, припадаю на колени тени вашей величиною с солнце, величиною с месяц (*Күн саба күлүккүтүгэр, ый саба толонутугар унэн-сүктэн сүгүрүйэн эрэбин*). Сколько будет стоять, чтобы, укусивши, вы разняли зубы, чтобы вы освободили пойманное вами? Госпожи мои матери, не запятняйте мою высокую славу, не загрязните мое чисто белое лицо. Ведь вы сами, положивши меня вверх ногами, наговаривали мне прямо в горло, положивши меня навзничь, вы спустили мне знания гортанью. Я не взял на себя (право заклинать, быть шаманом) силою своей груди, ловкостью своего языка, не нашёл быстротою своих ног. Вы сами меня определили и потому не стыдите моего лица!».

Во время своих напеваний шаман бросает в огонь куски мяса, поставленные на стол. Затем на улице разводят огонь и сжигают всё угощение вместе с чашками и столом. Как скоро угощение брошено в огонь и, следовательно, дьявола́ отправляются, шаман поёт: «Поклонился я трём

---

¹ Разрезывая деревянным ножом мясо, шаман наговаривает следующие шаманские слова: «*Албан талбан туорун ганнай хоочун, элэмэн-тэлэмэн мин дуу? А!*».

блестящим белым вашим теням. Не уносите вы с собою человека и скота, имеющих душу. Прошу я вас, кланяюсь вашей белой и блестящей тени величиною с солнце или с месяц. Улетите вы все на гремящее широкое небо! Летите, карабкайтесь на почтенное небо! Поезжайте-ка на западное небо! Место, где вы ночевали, пропахло вашим потом, место, где вы дневали, стало блекнуть, место, по которому вы ходили, стало пахнуть дурной конскою мочою. Двиньтесь-ка на север, поезжайте-ка рысью к югу, побегите-ка, запыхаясь, на восточную сторону, поезжайте-ка верхом на западную сторону!». И с этими словами шаман кланяется в ту сторону, куда отправляет дьяволов.

3. Причины существования шаманства и его упадка

У якутов есть поверье, что покойник уносит с собою души (*кута*) других людей. И потому в ту же ночь после похорон якуты собираются и заставляют шамана узнать, чьи это души он унёс с собою. Шаман призывает чертей и узнаёт, что действительно покойник унёс с собою души нескольких человек (например, пяти или шести). Узнавши, шаман объявляет нескольким человекам в глаза, говоря: «Он унес твою душу!». Те пугаются, просят его заступиться, воротить их души. Шаман служит и действительно возвращает душу, кладет её на ладонь, откуда она виднеется как какая-то чернота. «Вот, — говорит, — я воротил эту душу». Затем он кладет её к себе в ухо и, уже доставши оттуда, возвращает хозяину. На радостях богатый человек даёт ему корову или быка, иногда хозяин платит и за все другие возвращенные души (см. об этом главу XIV).

Читателя, может быть, поражает вся эта нелепость шаманских бредней, та легковёрность народа, позволявшего или позволяющего грабить себя таким бессовестным образом. Но он не должен упускать из виду, что почти всё миросозерцание якутов создано шаманством, все их обычаи освещены им. При убеждении народа, что всякая болезнь происходит оттого, что дьявол вселяется в человека и «ест» его, могли быть ещё более дикие обычаи: мог быть обычай выколачивать болезнь палками, убивать больных или, наконец, сжигать их, как это было в Индии. Все эти шаманские церемонии, несмотря на их нелепость, успокаивали верующего больного, и нравственное спокойствие возвращало ему

силы бороться с болезнью, оттого, по словам якутов, некоторым больным становится легче после шаманской церемонии.

Под удручающим ужасом опасностей, представляемых природою человеческой жизни, мог развиваться унылый апатичный взгляд о бессилии человека против окружающих бед. И вот шаман силою своей мудрости своего учения, своего напевания берётся управлять силами природы по своему желанию. Силою своих заклинаний он подчиняет своей воле горы, леса, воды, моря, небеса и даже звезды!.. Он представляет собою торжество (хотя бы и вымышленное) человека над окружающей природою; он наметил цель, к которой ещё далеко не приблизилась современная наука. Людям, совершенно бессильным в умственном отношении, он указал на новую могущественнейшую силу: слово, учение, ум...

Поверие, что покойник уносит с собой души других людей, очень естественно там, где один умирающий от повальной болезни сводит за собой в могилу десятки других. Страх, наведённый одним таким событием, мог быть настолько силён, что заставил бы людей не только оставлять покойников без погребения, но даже самим разбрестись розно. Шаман в этом случае является благодетелем суеверных и чрезмерно трусливых людей: он возвращает им душу, т.е. спокойное обладание душевными способностями.

«Если, — говорят якуты, — у нас заболит скот, то заставляем шамана шаманить, а если шамана нет, то скот помирает».

При лечении скотской болезни шаман берёт талину с тремя ветвями (*ус салаалаах талах*) вздыхает, зевает всё больше и больше, надевает шапку и говорит: «Шлёп-шлёп, серебрянный нарыльник посадил!» (*Лак, лак көмүс үрүөнү олортум!*), — и ударяет талиною три раза.

Шаманы берутся лечить от всех болезней. Если у больного на глазу бельмо, то его выводят на утренней и вечерней заре и говорят какой-то заговор: «Мои праотцы и отцы были мастера, и я такой же, я тебе кричу: „Фу! Отойди отсюда это бельмо!“». Закричавши это, шаман сосёт на некотором расстоянии от глазу и этим его вылечивает. Если же не поможет, то больного, подвязав веревкой, сажают в реку на быстреть.

Если кость выпадала из золотушного человека, то её толкли и сыпали на рану другому золотушному человеку (в старину и редко).

Если опухоль век, то, загнувши веки, выскабливают их до крови.

От ломоты употребляют припарки из травы. От простуды ног убивают скотину и сажают ногами в тёплую внутренность.

Если у ребенка болят зубы, то ему дают в зубы костяную ложку или ребро скотины.

При гонорее (очень обыкновенной болезни между якутами) в старину мочились в сквозное отверстие давно брошенной конской кости, ныне мочатся через сук, сросшийся кольцеобразным узлом (*тиэrbэстии үүммүт мас*).

При обмороке подносят к носу трут с огнём, чтобы запах его привел в сознание (*кыалыр*).

Если человек, которого отшаманивал шаман, выздоравливает, а в то же время захворает или умрёт другой человек, то якуты веруют, что вместо одного человека шаман подсунил дьяволу другого (вместо девицы — парня и наоборот). Если кто-нибудь сойдёт с ума и станет блажить, что вот «к такому-то идёт дьявол», то якуты уже боятся и созывают шамана отчитывать будущего больного.

Шаманы обеспечили своё влияние тем, что чертей бесчисленное множество и что не все черти могут прийти на призыв шамана; стало быть, если больной и умрет, то, значит, его взял какой-то неизвестный чёрт или тот, к которому не долетело кусочка из шаманского тела, когда во время приготовления к шаманству разрубали его на мелкие части.

Но и добрый шаман делает не одно доброе; тот же самый шаман может сделать и злое. Бывает и так, что один шаман хочет сделать кому-нибудь добро, а другой желает сделать тому же человеку зло, в этом случае шаманы ссорятся между собою. Ссорятся также из-за самолюбия, из-за всякого вздора.

Рассорившись между собою, шаманы обращаются в медведей, быков и жестоко дерутся на всевозможные манеры. Если по ненависти или наущенью один шаман «съест» какого-нибудь человека или скотину, то к труп «съеденного» должен прийти дьявол этого шамана. Тогда другой шаман, враждебный первому, ставит к трупу воображаемый самострел (*айа*), простую щепку, и если только знает имя дьявола своего противника, то именует его и приговаривает: «Ты ли убоишься этого? Ты ли не заденешь за это? Если же ты трусишь, да не сдвинешь, так ты вот какой будешь человек!» (*Эн диэтэх киһи буолан барангыһын толлуон дуо? Эн диэтэх киһи эһиэн суох дуо? Эспэтэххинэ, толуннаххына, арай бу киһи буолуон!*). При этих словах ему показывают чёрный кукиш, который готовится так, что сперва трижды плюют на большой палец

и потом выпачкивают его землею. Тогда приходит дьявол и задевает за лук: в этом случае его шаман должен помереть.

Иногда один шаман, желая отомстить другому шаману, делает из гнилушки человека с глазами, ушами и носом, эту человеческую фигурку мажут кровью и называют именем дьявола враждебного шамана (конечно, если это имя известно). Затем связывают его ниткой или ремешком и секут иногда до смерти, и в этом случае шаман его, хотя бы был и за 1000 верст, покрывается ранами, пухнет и помирает. Если же деревянного дьявольчика сожгут, то шаман его помирает весь в коростах.

Иногда, враждуя между собою, шаманы сами ходят просто, как обыкновенные люди, а звери их дерутся. Простые люди, конечно, не видят этого, но шаманы видят. Если ссорятся малые шаманы, то животные их дерутся между собою целых три года, если средние, то четыре или пять годов, а самые главные — девять лет. Если шаманы равны между собою, то по истечении срока они мирятся, если же один одолевает другого, то последний умирает вместе с своим животным.

Так как большая часть шаманских междоусобных ссор происходит из желания быть «больше» другого (шамана), то для решения этого вопроса изобретен особый способ. А именно: делают особенный самострел из человеческого ребра, в котором курок из локтевой человеческой кости, а тетива из человеческой кишки. Натянув такой самострел, кладут в него вместо стрелы обломок топора или кончик ножа. Один шаман подходит к самострелу, и ножик попадает ему сбоку в середину шеи до небольшой царапины или даже до крови; значит, это маленький, меньший шаман. Другой подходит к самострелу своего врага, и конец ножика попадает ему только в ногу; значит, это большой, сильный шаман. Этим способом и узнают, кто из шаманов сильнее.^Ю

Случается, что оба (или один) враждующие шаманы увязают в ту топкую «грязь, в которую и паук вязнет»¹ (*ааһый бадараанныыр бадарааныгар*), тогда беспомощные больные шаманы обращаются к помощи более сильных, могущественных шаманов. Знаменитая табалахская шаманка Таспарыйа шаманила, помогала многим шаманам в таком бедственном положении и вытаскивала их из грязи.

---

¹ В якутском языке это выражение (*ооһуу оһус бадараанныыр дойдута* = страна, где даже паук увязнет) означает не только непроходимое болото, топь, но и иносказательно — ад, преисподнюю (Якутско-русский словарь. - М.: Советская Энциклопедия. К.К. Юдахин. 1965.) — прим. OCR.

Таспарыйа не любила своего мужа, а муж её хотя и был важный шаман, но всё же очень слаб против неё. Бывало, если рассердится на мужа, а тот ляжет с ней спать, она и обратится либо в бревно, либо в медведицу. А если посторонние придут к ней ночью полюбезничать, так придавит точно тисками. Вообще, по якутским поверьям, шаман не может съесть шаманку. Если-де он уже достигает, чтобы съесть её, но лишь только, приблизившись, понюхает сзади её полового органа, как остается недвижимым на месте, а шаманка в это время убегает.

Но и Таспарыйа жила уже в то время, когда русское влияние действовало на якутов и шаманство стало ослабевать, да и «сама Таспарыйа была крещена, умерла с полным напутствием на пасхе в самую заутреню на светлое Христово воскресенье».

Но если, несмотря на меры русского правительства, шаманство существует и до сих пор, то и прежде оно не переставало упорствовать перед русским влиянием. Предания об этом встречаются на каждом шагу.

Так, о той же Таспарыйа рассказывают, что однажды в то время, когда она шаманила, в юрту приехал русский казак, стал запрещать, раскричался. Эта шаманка нисколько не испугалась; как сидела, так и осталась. Ударила в бубен, запела, у него и оторвался половой член, Таспарыйа и повесила его на *хоро* (конец бревна, выдающегося из камина): «Пусть, — говорит, — он просохнет, пока я шаманю». Казак заохал, застонал, но она освободила его лишь только тогда, когда кончила свою службу.

Если шаман сечён русским начальством, то, по якутским поверьям, у него остаётся только четвертая часть дьяволов, и он становится почти как простой человек. Один из сечёных шаманов признавался, что «сначала, когда хотели его сечь, и чертей, говорит, я видел, и душу исправника. А когда свалили, не только чертей не стало, но и потолка не взвидел. При начальстве плохая штука и шаманство!». Но такие жестокие меры действовали только на слабых шаманов. Напротив, когда секли знаменитого Кычакан-шамана, ⁴ так он являлся в семи видах. Схватят одного, повалят, станут сечь — выходит новый Кычакан и говорит: «Секите его побольше!». Схватят нового, повалят, является ещё новый Кычакан и говорит: «Секите его побольше!», и т.д. Это был такой шаман, что в одно время бывал в семи местах (наказание его происходило в г. Якутске).

Прежде при введении христианства многим шаманам насильственно обстригали волосы и затем силою приобщали; в этих случаях шаманы

сходили с ума, становились больны на год и на два, лежали в кровати. Потом рассказывали они, что черти водили их по разным местам, закалывали, вынимали кости и вставляли новые, «исправляли» шамана. И через продолжительное время шаман выздоравливал и снова становился настоящим шаманом. Наконец, знаменитая шаманка Чуопах, насильственно окрещённая русскими, и после крещения выделяла шаманские штуки, так что стала предметом поклонения для русских, якутов и тунгусов (жиганская Аграфена).

Один табалахский шаман умер около озера (а, по поверью якутов, трупы шаманов на долгое время бывают нетленны). Приехало медицинское следствие: исправник, лекарский ученик Рожков и с ними байдунский староста Зипун. А умерший шаман был прежде с этим старостой дружен. Жаль стало старосте, что шамана будут «пластать» (анатомировать), а делать нечего, надо было приготовить, раздеть труп. Староста пришел немного пораньше исправника и лекарского ученика, но якутов было уже много и огонь был разведён. Староста бросил немного табаку в огонь, подошел к шаману, да и говорит: «Шаман, что ты, лежа, видишь и знаешь? Ведь пришли разрезать твою толстую кожу, выпустить твою тёмную кровь. Если действительно ты шаман, то не дозволяй разрезать, пластать себя. Если же позволишь себя разрезать, то я помогу тебе на лицо!» (*Ойун, эн тугу билэн-көрөн сытабын? Эн халын тирригин хайытаары, хара хаангын таһаараары кэллилэр эбээт. Дьэ, эн кирдьик ойун буоллаххына бысталатыма-хайыттарыма бэйэбин. Онтон хайыттардаххына, сырайга ииктээн биэриэм!*). Потом староста отошёл в сторону, пришёл исправник и стал в отдалении так, что ему не видно было покойника. Староста с усмешкой подошёл к лекарскому ученику и говорит: «Ну почтеннейший, начинай!». А шаман, хотя и в летнее время лежал долго при озере, но нисколько не протух (что очень легко может быть при здешнем суровом климате и мёрзлом грунте). Подходит Рожков и коснулся покойника пальцем до груди. Как вдруг тот заохает, заскрежещет зубами, весь зашевелился, все жилы задрожали так, как обыкновенно шаманы дрожат во время службы. Испугался Рожков и побоялся подойти к покойнику в другой раз, объявил исправнику, что умер он своей смертью, что ничего особенного нет, нечего его и резать. Это чудо было сделано мёртвым шаманом в присутствии публики.

Надо только прибавить к этому рассказу, что и до настоящего времени якуты с трудом решаются присутствовать при трупоразъятиях, а

тем более смотреть на труп. В старину если бы присутствовала при трупопоразъятии сотня якутов, то она из суеверного страха не увидала бы ничего, кроме своих предрассудков.

И так шаманство находит большую поддержку в легковерии и невежестве своей паствы. Но оно всё-таки падает, потому что слишком часто оказывается его несостоятельность.

Жил, например, на Дулгалахе один шаман, да «плохой». Дочь у него стала беременна и захворала. Стали потуги, подумала: «Верно, дьявол причинил болезнь». Стал отец сам шаманить, стал обнимать дочь, чтобы она скорее родила. Нисколько дьявол не прошёл. Зовёт он другого, хорошего шамана. Тот приехал, тоже стал шаманить, обхватывал, кричал, кричал — не помогает. «Ну, — говорит, — я дьявола взял, она скоро родит. Дай мне кварту водки». Старик бросился к соседям за десять верст, купил кварту за десять белок. Привозит водку и подаёт шаману. Шаман наливает себе водки, пьёт. Выпил одну чарку, другую подаёт хозяину. Не сходя с места, вдвоем выпили всё это вино. Хозяин дома, однако, отдал бóльшую часть водки молодому, лучшему шаману. Как оба шамана опьянели и заспорили. «Ты меня моложе, — говорит старик, — хотя к тебе дьявол близко, а ты зачем меня зовешь парнем?», — и ударил молодого шамана по щеке. Тот рассердился, говорит: «У меня дьявол близко, ты человека с дьяволом ударил по лицу!». Стали тут оба драться. После драки оба стали шаманить для больной. Обнимали, обнимали её до смерти, две девочки родились мёртвыми. А шаманы оба опьянели, вышли, упали, да и заснули на улице. «Вот так-то нас обманывают, да и мы себя обманываем. Какая тут правда?».

«Однажды, — рассказал мне один кузнец-якут, — и рассердился на меня один шаман за то, что я не дал ему никаких подарков. А я тогда ещё был молодой, лет 14. Рано утром шаман мне и говорит: „Дай ты мне чего-нибудь, конского хвоста или гривы, масла или конского мяса. Ведь я человек, сделавшийся духом (хозяином) госпожи Широкого моря! Ведь если ты мне дашь, ты не разоришься, а я ведь человек, могущий вымолить много хорошего и нашаманить много худого. И причитания мои и проклятия исполняются!“. — „Да я бы тебе дал, если бы было, — отвечал я, — да, право, нет!“. — „У вас да не будет? Вы вот жалеете дать, да и говорите, что нет. Да я ведь снаружи знаю, что у вас есть в сумах, какое имущество, какая пища! Я знаю всё, даже какая мысль у человека в спине! Что вы меня считаете за ребенка или за женщину? Ведь вот я

изобиделся. Уж лучше бы я слышал, если б вы сказали: «Есть, да не дадим!»». Тут сказал ему мой товарищ, который был постарше меня: „Разве мы бы не дали такому старому, такому почтенному, как ты? Это «нет» твердое будет!” Отвечал на это шаман: „Вот ведь ты сидишь насмешничаешь! Всё сидишь, «нет» говоришь! Да ведь я знаю всё, что у вас есть. Ведь я человек, знающий совершенно всё, сколько только ни есть на небе дьявольских племён, знаю всех, сколько только ни есть в нижнем месте дьявольских родов. Да за то, что вы меня просмехаете, я буду жаловаться ещё и духу священного огня, буду жаловаться всем девяти племенам верхнего места, всем девяти родам нижнего места!” — Услышав это, я очень рассердился и сказал: „Ну жадный же этот старик, лучше бы он был вором. Такой он завистливый, что лучше бы он был мошенником. Верно, он эту ночь ворочал наши сумы, смотрел!”. — „А, ты называешь меня вором! — сказал шаман. — Верно, ты очень объелся! Не проживешь же ты трех ночей, прокляну я тебя!”. — „Не грешен я, — отвечал я, — если и проклянешь ты, на тебе же и будет!”. — „Ну, сколько раз я читал причитания и проклинал, и ничего на меня не возвращалось. Думаю, что были в числе погибших и грешные, и безгрешные. Уж мое проклятие тебя постигнет!”. Вот уехал я и слышу потом: приказал этот шаман старшему своему сыну принести шаманскую одежду, оделся, стал на меня шаманить и сказал: „Пусть через две ночи наткнется на нож!”. Ну, однако, я жив до сих пор, а он через три недели помер».

Жил также на Дулгалахе шаман и лекарь Иона, который лечил якутов разными травами, добывая от якутов Якутского округа сулему, нашатырь и т.п. (он помер в 1867 г.). Вот, например, рассказ из его практики. «Как только выучился я шаманству, стал я употреблять в дело свое умение. Раз поехал я с одним человеком к почетному якуту Сэрэмээту. Доехали мы туда, и просит Сэрэмээт вылечить его сына: сын у него вдруг заболел. А товарищ и говорит мне: „Лечи, брат, Сэрэмээт нас водкой напоит”... Вот вывели хозяева юрту, постлали на пол постилку, сел я шаманить. Шаманил, шаманил, вышел на двор набраться дьявольской силы. На дворе было темно, недавно только месяц начал показываться... Вышел за дверь „доветру”, воротился, смотрю — страсть! Перед дверьми стоял дьявол с огромными рогами и в какой-то грязно-мохнатой одежде, всплывшая луна слабо освещала его... „Пришел на мой призыв!”, — прошептал я и бросился бежать в противоположную сторону и добежал до коровницы Сэрэмээта. Тут стыдно мне стало входить туда,

и я воротился. Воротился и вижу: стоит дьявол на своём месте и из спины его как-будто искрились голубые огоньки мелким бисером. По-темнело у меня в глазах, бросился я опять бежать без памяти... А тогда была зима, у меня на рубашку был надет широкий зипун толстого, высокого Сэрэмээта. Стал я зябнуть, но опять-таки постыдился войти к коровнице и воротился. А было от Сэрэмээта до его коровницы с полверсты. Мигом добежал я назад, смотрю: дьявол опять упорно стоит шагах в пяти от дверей. А меж тем без меня из юрты никто не смел выйти, не вышли бы они и до утра, если б я не вошел. Вот увидал я дьявола в третий раз и решился во что бы то ни стало проскользнуть в юрту. „Съест так съест, всё равно не убежишь“, — подумал я. Что есть духу опрометью бросился к дверям, проскочил в юрту. И показалось мне, что дьявол шагнул за мною, устремился на меня, — и упал я около камина, прямо на землю, разбил себе нос, и у него полилась кровь. Лишь приподнялся я, все закричали: „С кровью, с кровью!“ — и почтительно со страхом притаили дыхание. И почувствовал я тогда, что точно я шаман, свыше определённый, и стал я петь заклинанья и сказал, что больному утром станет лучше... Нс выходил я потом на двор, а соснул и утром увидал, что дьявол мой, которого я так испугался, был не что иное, как волчья доха (*сангыйах*) Сэрэмээта, повешенная на многоветвистом столбе...».

«Лет шестьдесят тому назад, — рассказывал дулгалахец, — подъехала сюда из Якутска (т.е. из Якутского округа) довольно молодая шаманка Дьэрэлийэр. На ней была шуба из красного сукна с черной верверетовой¹ обложкой; на лошади было навешано множество бубенчиков, колокольцев, на стременах по колокольчику, так что вёрст за пять был слышен звон от её лошади. За шёлковым кушаком воткнуты у ней бывали семь или восемь железных посеребрённых хамысов (музыкальный якутский инструмент) в чёрных деревянных футлярах. Хорошенькая она была и объездила, говорят, сначала все семь якутских улусов и выехала потом сюда. Молодые люди, бывало, по пяти или по шести с нею ездят. Войдет она в юрту, подаст своим спутникам по хамысу, сама возьмет один, и заиграют они все... Все молодые любили её, и она ко всем бывала ласкова, никому не отказывала ни в какой просьбе, всех голубчиками называла, бойкая такая была, просто ужас. Отец мой тогда был головою; вот пристала она тогда ко мне: „Дай мне недоуздок и повод!“. А у меня были самые лучшие, не хотелось отдать. „Нет, — говорит, —

---

¹ Верверет — уст., то же, что вельвет. — прим. OCR.

отдай, пожалуйста, голубчик, хороший! Всё-то я тебе дам, что ты не попросишь, на все соглашусь, чего не пожелаешь!”. Нельзя было не отдать: эдакая баба славная, и сам молод был. Подумал и отдал. Отдал я и поехал за ней за исполнением желания, да только один якут Пудь отнял её у меня, решительно завладел — не выпускал из виду, не было никакой возможности выждать случая... Ну и воротился. До сих пор жалею об этом. Дьявол Пудь... И то сказать, что она сама была, как рыбий клей, и прилипала ко всякому, а к видному, здоровому Пудю так ужас... А страшная же она была... Доехала она в Бустахский наслег к Константину Мочуй, и заставили её там шаманить с одним шаманом. Шаманили они о коровьих болезнях и должны были войти в хотон, чтобы поймать дьявола, который там спрятался. Вошли они в полной своей амунии... И раздаётся из хотона густой зычный голос шамана: *„Бэрт буолаарай, бэрт буолаарай? (Не шибко ли будет?)”*, — а голос шаманки тоненько выпевал: *„Билэр абааһыларыам, билэр абааһыларыам (Знакомые мне дьявола)”,* т.е. она хотела сказать, что знает она: никто в хотон не войдет. Послышался потом шум-звон их железного платья, прерывистая песня (известно, любились), а народ-то и говорит: „Поймали, верно, дьявола, возьмётся с ним: силен ведь, справиться не могут!”».

У якутов (особенно у живущих близ города) есть обычай во время святок, а особенно на крещение замазывать дверь снегом с водою и закрывать окна, чтоб у них не светало, и они спали целый день... Вот таким образом и заморозили двери у одного шамана, да только не на святках, а на первый день рождества. Жена его встала, толкнула в дверь: крепко, как железо. «Старик, старик! Дверь не отворяется, что это такое?». Старик подошел, толкнул дверь и сказал: «Ну, старуха, сама Тайахтах придавила нашу дверь, нужно заклинаньями отворить — не иначе. Подай мне бубен!». Вот затопили огонь, сел он на середину юрты, начал шаманить, мерно ударяя в бубен. Для праздника внесена была в юрту одна последняя нога мяса... Вот шаманит он — поёт: «Почтенная старуха Тайахтах (с тросткою)! Придавила ты, подпёрла ты мою дверь тяжёлою твоею тростью. Отвори ты, отомкни! Из лучшей своей почтенной пищи бросаю я духу огня. Лучшая благодарность будет тебе от нас, если ты отворишь дверь!». Отрезали от мяса лучших частей (жиру), бросили в огонь. «Усладился ли твой рот, полакомились ли твоя уста? *Айхал, айхал!*... Отворила ли ты, отворила ли?», — пропел шаман и сделал знак жене, та пошла отворить дверь: крепко, как железо, ничуть не поддается

вперёд. «Осердилась ли ты на меня, или клевета и ябеда достигли твоих ушей? Дом-дом! Никогда ни разу не сказал я неосторожного слова, никогда ни разу не обидел тебя и огонь в дележе. Отвори, отвори! Выпусти железные запоры, отодвинь каменную тяжесть, которую ты придавила!». И шаман со слезами начал молить духа помочь ему... Выбился он из сил, вот солнце осветило окно, бросило свет на его бледное плешивое лицо, а он всё поёт усталым, сиплым голосом и утомленной рукой ударяет в бубен. Вдруг снаружи послышался голос: «Что это, старик, до сих пор не отворяешь своей двери, неужели спишь? Толкните из нутра, нельзя мне снаружи отворить, не за что взяться: всё замазано!». Тут только опомнился шаман, что не Тайахта подпёрла дверь своей тяжёлой тростью, а соседи ночью замазали её для шутки...

У якутов сложилось общее поверье, что шаман не может ни в каком случае вылечить ни себя, ни свою жену, ни своих детей.

Иногда обыкновенный больной в один и тот же год призывает к себе десять шаманов, и все их усилия остаются бесполезны. А на другой год больной выздоравливает сам собою без всякой шаманской помощи. Эти поразительные неудачи ослабляют шаманство гораздо более, нежели проповеди местного духовенства, если бы такие и были.

В последнее время находятся также предприимчивые якуты, которые, не получивши никакого шаманского воспитания, выдают себя за шаманов перед настоящими шаманами. Последние иногда употребляют все усилия, чтобы узнать корень и силу приезжего шамана, но, наконец, объявляют с отчаянием: «Не нашел я какого он корня и какого дьявола. Ужасный он шаман!».

XVI. УМСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

(сказки, песни, пословицы, загадки и пр.)

Петь во сне — к худу.

Якутское поверье.

«Танцор, певец, сказочник — не бывают людьми» (*Ырыаһыт киһи буолбат; үҥкүүһүт-да киһи буолбат*), — говорит якутская пословица. У якутов есть поверье, что сказочники-певцы большею частью бывают несчастные люди: либо глаза нет, либо руки или ноги недостает...

«Несчастный человек бывает певцом» (*Сордоох киһи ырыаһыт буолар*), — говорит пословица.

А зато и мастера же они бывают петь: лет сорок тому назад один сказочник сел перед зелёным деревом и до того пел, что дерево поблекло от его песни.

Якутские легенды и сказки постоянно придают песне и сказке волшебную силу. «Звуки его песни, — говорит сказка, — распространяясь далеко по земле, всё превращали в песню и напевание» (Ю. Ул.).^А Песни добрых духов (*айыыһыт*) превращаются в широкие облака, напевы их — в клочки облака. Добрые духи песней своей спускают с высокого неба белое летающее облако. Дьявол песней призывает с неба гром. Один сказочный герой чуть было не помер, слушая сказку-песню дьявола.

«С хорошим певцом дьявол вместе поёт» (*Үтүө ырыаһыты кыттары абааһы кытта ыллаһар*), — говорит якутская пословица. В 1861 г. один якут ехал из Верхоянска домой и пел дорогой, а на облаке вместе с ним чёрт запел и пел вместе с ним так долго, что якут с песней доехал до дому и с песней вошёл в дом: этим только и избавился от дьявола. Это суеверие, без сомнения, было порождено тем, что человек заметил впер- вые эхо, вторящее в околodge¹ за его голосом. «Эхо передразнивать — грех, — говорят якутские правила, — дьявола передразниваешь!». Суе- верный человек, конечно, испуган был эхом, но он нашёлся и отыскал средство сопротивляться дьяволу. «Если, — говорят якуты, — певец за- поёт и дьявол запоёт вместе, певец не должен останавливаться, а дол- жен пропеть трижды, и дьявол тоже трижды пропоёт, но человек дол- жен постараться и кончить раньше его и сказать ему тотчас: „Я лучше тебя пою; перегнал тебя!“ (*Мин ордук ырыаһыппын, куоттум эйигин!*). Этим певец избавляется от смерти; а если же дьявол перегонит и скажет вперёд, то певец должен умереть, либо уж дьявол „съест“ его (сделает ему что-нибудь вредное)».

К счастью якутских певцов дьявол (эхо) всегда отстаёт от них. Якут Быллай, умерший десять лет тому назад, ехал однажды верхом и пел песню; и дьявол сверху запел вместе с ним. Как кончил Быллай песню, и остановился, дал дьяволу кукишу и сказал: «Я спел лучше тебя!». Расска- зывают также, что был прежде в Якутске певец Ырыа Чякять Тур, тот пел с дьяволом с утра до утра и тоже перепел его, но с того времени ис- пугался и перестал петь. Некоторые певцы в таких опасных случаях

¹ Околodge — здесь: окрестность, окружающая местность. — прим. OCR.

начинают умолять Белого господя бога, говоря: «Белый господь бог! Отдели меня от дьявола, не имеющего тени!».

Якутская сказка неразлучна с песней; «Скажи-спой сказку» (*Ыллаа-олонголоо*), — говорят сказочнику. И начинает сказочник «петь-говорить» целую эпопею, в которой упоминается множество событий, множество богов, дьяволов, героев, описания разных мест бывают чрезвычайно подробны до самых мелочей... Когда-то во время студенчества мне казалось невероятным, чтобы один народный певец мог знать и петь наизусть такую большую сказку, как Илиада и Одиссея, упоминвая множество собственных имен, вдаваясь в подробности, не пропускающие корабельного гвоздя. Якутские сказочники сказывают стихами и песнями не менее длинные сказки и ещё с более мельчайшими подробностями... Сами якуты иногда изумляются их длине.

Они рассказывают, будто бы как-то лет 15 тому назад два самых лучших певца-сказочника стали состязаться друг с другом, говоря две разные сказки зараз, но так, чтобы ни тот, ни другой не употребляли ни одного слова, уже раз упомянутого. Таким образом они пели и сказывали целые сутки, и голос их становился всё громче и громче до тех пор, пока, наконец, оба они ни упали в изнеможении и ни заснули крепким сном.

У якутов есть обычай, что в то время, когда сказочник рассказывает сказку, один из слушателей постоянно понуждает его. при каждой малейшей остановке сказочника вскрикивая: «Ну!». При окончании сказки говорят громко: *сыччах* («только») или *бүттэ* («кончилось»). Зимой якуты ложатся спать тотчас, как только стемнеет, и у богатых постоянно бывает сказочник, который, подзадориваясь восклицанием «ну!», долго потешает лежащую публику.

Якутская сказка есть зародыш народной оперы. Все молитвы, почти все разговоры, всякая длинная речь, столь часто упоминаемые в сказках, не рассказываются, а поются сказочником, что весьма оживляет рассказ. Хороший сказочник всегда имеет способность удачно петь только песни одного рода личностей; один умеет отлично петь песню разгневанного витязя, другой — рассерженного дьявола, третий — песню моря, четвертый удачно передаёт отчаяние, пятый — радостные куплеты песни лебедей-волшебниц и пр. Песни женщин, всегда плачевные, поют хорошо женщины-сказочницы, песни дьяволов-женщин удачно поются только мужчинами.

Песни дьяволов нарочно поются фальшивыми нотами с разными повышениями и понижениями голоса и во многих случаях дополняются жестами. Дьявола́, когда поют, всегда царапают у себя где-нибудь между ногами, женщины-дьявола́ большею частью одержимы похотью плотскою; песни их выражают их пылкие страсти и нетерпение, причем они скачут на одном месте и между ногами образуют лужу, из которой потом бежит грязный поток...

В песнях употребляются некоторые слова, неупотребляемые в обыкновенной речи.

Сказочник-олонхосут.

Из фондов Музея Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая.

Всякая песня человека начинается припевом «буйа-буйа»; эти слова поются громко и протяжно, или в других случаях, когда витязь устал, а ему немедленно надо говорить на сделанные запросы, то тут сказочник как будто захлебывается и, задыхаясь, говорит скоро и прерывисто: «Буйа-буйа... тохтоо-тохтоо... тыыммын ылым-ым»... («постой-постой»), — и потом поёт уже обыкновенным голосом. Когда женщины плачут, то начинают словами: «Ыыйбын-ый, ыйыбын-ый» — и кончают теми же словами. Дьявола́ начинают и оканчивают густым и весьма неприятным басом: «Буйакка-буйакка-ооо!». Песни воронов начинают: «Сурд-сард-сурдургас, дуг-дах добунас, игнэл-танкал»; песни пташек: «Чилим-чалым, чирим-чарым-чычынныар». Песни деревьев начинают скрипом: «Кыыккыр-кыыккыр-кыыккыр, хааккыр-хааккыр-хааккыр» и

пр. и пр. Иногда даже поёт мусор, изъясняя забавную претензию на неприкосновенность, на славу, что так долго он выдерживал непогоды и так увеличился.

Несмотря на всё это, мотивы песен большею частью однообразны; знатоки считают их всего до двадцати. Якуты поют обыкновенно не сбиваясь, и кончают тем же тоном, которым начинают; если поёт несколько человек вместе, то все берут на разные тоны, и выходит ужасная дисгармония, однако каждый всё-таки не сбивается в своём тоне.

Сборник якутских сказок с переводом будет сообщён мною особо.^Б

Мы видели, как якуты поют песни во время своего хоровода (см. главу VII об играх); надо прибавить к тому, что якутские песни суть постоянно новые импровизации на всевозможные темы и свидетельствуют о больших поэтических способностях этого народа. Стелет, например, якутка траву и тотчас же воспекает и самое растение, и всех людей, которые пройдут по ней, и т.п. Иногда бывают и поэтические состязания двух певцов, например, девушки и парня; образцы песен-импровизаций тоже будут сообщены мною особо. Почти нет ни одного человека, которого бы якуты или якутки не воспели, увидавши его несколько раз. Иногда эти импровизации бывают панегириком, похвалою, иногда они представляют карикатуру. В последнем случае на певиц иногда жалуются: так обидна бывает насмешка. Привычка выражать свои мысли и чувствования в песнях так велика, что даже во время тяжелой болезни якуты выражают свои желания, даже стоны, не иначе, как песней.

Якуты напевают и наигрывают свои песни ещё с помощью своего любимого и единственного музыкального инструмента хамыса, который они и берут в зубы. В старину хамыс делался деревянный и костяной; ныне он готовится из железа. В сказке говорится, что когда витязь рассердился, он стал говорить так громко, что от крепких столбов отламывались хамысы.

Загадки загадываются иногда в долг; если товарищ не отгадал одной загадки, на нём считается один «долг» (*биир иэс*), если он не отгадал двух загадок — два долга (*икни иэс*) и т.д. В свою очередь тот должен сквитать долг, загадывая первому такие загадки, которых тот не слышал и не может разгадать. Начиная загадывать загадки, прежде всего говорят: «Ведь есть, говорят, корень загадок — *там татахай?*» (*Таарым^Б төрдө тамтатахай баар үһү? Тахтайдаах силим?*). Эту загадку встречают всегда смехом как общеизвестную. (Разгадка: клей в посуде). Если

отгадывающий теряется, то он спрашивает: «*Туокха эмтээҕи?*» («К чему она применима?»). И тот несколько наводит на ответ. [...] *Сур [...] аах суруксута, кирилгэ кинээһэ, куллараҥ кулубата [...] хамыйах хардааччыта*. Эпитеты в якутских сказках-песнях [...] соблюдение аллитераций: *ирим-дьирим сыһыылаах, үгэлээх үгэхтээх* [...] ¹

Якутские поэты, певцы и сказочники пользуются некоторыми сравнениями, которые остаются, таким образом, принадлежностью многих песен и сказок.

«Я думала, что лик блестящего ласкового солнца спустился и стоит на якутском дворе, — говорит песня девушки, — то пришёл и стоял юноша, блестящий ликом, счастливый лицом!».

«Ах, ребята, — говорит другая песня девушки, — вы так уезжаете, как огонь заходящего солнца уменьшается, уменьшается, выйдет на гору, удаляется и, наконец, исчезает. Но как от закатившегося солнца остаётся по горам отблеск солнечного света, так и я в памяти и мыслях буду носить о вас воспоминание». «Как солнце, выглянувшее между тучами».

В сказке гнев описывается так: «Было его лицо, как блестящий лик ласкового солнца, а тут покраснело и стало как жженная печная глина; кудрявые золотистые волосы, падающие с середины темени до плеч, встали дыбом и вместе с тем кожа как будто растрескалась». (Разгневавшись, сказал он): «Бродом пройду по твоей тёмной крови, по пластинкам изрежу твоё жирное тело, на куски искрошу твоё красное мясо. Верх твой срублю, низ изорву, середину перебреду. Уж померяемся мы с тобой, как на безмене, свешаемся, как на весах, поиграем стремительно-стью большого пальца. Не дам тебе вверх улететь: схвачу за подошву ноги. Если вниз ты будешь спускаться — схвачу за макушку (головы). Если пойдёшь ты по средней земле между тридцатью одним племенем, схвачу я тебя за становую жилу».

Слезы. «И плакала она до того, что небо трескалось, облака рвались, земля разваливалась, а слезы двух глаз образовали два маленьких озера».

«И, севши, плакал он до того, что возвышения становились ямами, и ямы становились возвышенными местами».

«Положился я на ноги и еду, куда глаза глядят, перечеркивая труд большим пальцем, разрезая мучение носом, бродя по несчастью голенью!».

Радость. «Скачет моя радость, ребята! Вытянутая шея повертывается; счастье мое, счастье!».

Испуг. «Ох, мысль наша убоялась, сердце раскололось!».

Глупость. «В голове-то у тебя на ложку нет мозга, а в спине на поварёшку нет крови!» (*Баскар луоскаба суораккан суох, көхсүгэр хамыйахха хаанын суох!*).

Голос. «Заслышал он над собой тихий хороший женский голос, шепчущий подобно тому, как ветерок шевелит тополёвыми листьями на вершинах рек».

Дьявол же говорит таким голосом, как четыре спорящихся грома разразятся с четырёх углов неба и начнут утихать. Спорящимися громами якуты называют, например, те, которые одновременно раздаются в двух сторонах из двух громовых туч. Кричит таким голосом, как будто большая глыба камня откололась и катится вниз по каменной же горе.

«Был у него серебряный стол гладкий, блестящий, подобно льду, отломленному от ровного гладкого озера».

«Глаза его, лишаясь зрения, стали подвижными, как озеро».

И подумал он: «Стал я на тетиву лучше человека, имеющего восемь анбаров имущества, на длину лука стал я лучше якута, на длину подошвы стал лучше людей».

«И нашел он брод ровный, как тетива стрелы».

«Был он сильнее воды» (*Уутааҕар күүстээхтик*).

«Бело, как молоко» (*Үүт курдук үрүҥнүк*).

«Девять (красивых) господ сыновей, подобно девяти журавлям, родившимся вместе».

Свадьба в сказках всегда совпадает с ысыахом и описывается обыкновенно так: «Радовались на этом месте лучшею радостью, созывали дальних через почту, ближайших барабаном; восемь святых шаманов и шаманок заставили брызгать ысыах. Голодные тут ели, отощавшие полнели, верховые грелись, пешие ночевали, играющие играли тут в игры, насмешники подшучивали — шумно-весело жили в этом месте».

Отправившимся на охоту говорят: «Ушёл он намелко истаптывать тёмный лес, чтобы останавливаться на пути обедать трёхгодовальными оленями, ночевать четверогодовальными оленями, чтобы вести за нос (ловко промыслять) самцов-оленей, шагать через чёрных лисиц, прыгать через бурых сиводушек, делать плёткой красных лисиц, думая добыть лучшую пушнину!» (в животном эпосе у якутов участвуют все

звери, встречающиеся в здешних местах, особенно красная лисица и сохатый).

Если бы собрать только одни якутские сказки, которые ещё живут в настоящее время в устах якутов, то и в них одних можно бы было найти довольно данных для истории умственного развития якутов. К сожалению, и в этом отношении наши материалы не могут быть достаточными. Но, сколько нам известно, большинство якутских сказок носит на себе главным образом отпечаток того отдаленного времени, когда даровитые народные поэты напрягали свои силы для осмеяния людоедства. Таковы многие сказки, описывающие людоедство и обжорство дьяволов и дьявольских дочерей,¹ такова самая любимая, самая распространённая сказка «*Чаарчахаан*», осмеивающая погибель людоедов (*Мангыс*).

Прежде всего нужно помнить, что сказки составляют для якутов несомненную историческую истину. Они служат у них главным родом поэзии, главным средством просвещения, они идут рядом с их поверьями и обычаями, они по возможности осмысливают последние, они служат главным источником для объяснения всех явлений жизни и в то же время главным средством для укрепления якутов в шаманстве и суеверии. Бесчисленное множество собственно якутских сказок относится к

---

¹ Так, например, в сказке «*Бахамнылаан-баатыр*» брат героя, Эрбэхтей Бэргэн, приезжает к одному железному дому, у которого стоит одноногая, однорукая, одноглазая дьявольская дочь, дрова рубит. «Увидела она Эрбэхтэй Бэргэна, пошла к нему навстречу и говорит: „Думала я что уже не буду более есть (людей), а пища всё ещё не истощилась. Завтешний день будет вёрхом моего счастья-удачи, послезавтешний — вёрхом моего торжества: заржавеет мой топор от журчащей крови, раздающегося мяса, сверкающего жира, закипит-загудит мой девятисоставный котёл — ведь есть ещё пища. Подаёт господь бог якутского дитяню, подобно тому как подаёт окном и трубою зайцев и куропашек. Иди, ложись, я тебя съем!“. Человек шагом пришёл к ней навстречу, схватил её за редкие железные волосы, подобные талинам лесной речки, взял за загривок и бросил ниц. Ударил по спине, кожу и мясо разбил в куски, пересёк кость позвоночного столба до позвоночной жилы, убил дьявольскую дочь».

Так, в другой якутской сказке Алып Туйгун услышал из дома дьявольской дочери плач девицы. «Тогда под-скакал-подъехал Алып Туйгун к дому дьявольской дочери и начал стучаться до того, что деревянные части дома стали крошиться, глиняные — обваливаться. Отворила дверь дьявольская дочь, высунула голову, посмотрела. А он её спросил: „Какого дитяню ты взяла, заставила мучиться, съела?“ — „Истинное слово тебе говорю: не съедала я“, — отвечала дьявольская дочь. Тогда взял он свой длинный меч, хватающий до краю почтенного места, разрубил её вдоль по темени, перерубил посередине, вырезал желудок, посмотрел: съела она три куска человеческого мяса. „Откуда взяла она эту пищу?“, — подумал Алып Туйгун и посмотрел в дом, а дьявольская дочь взяла лучшую женщину, привязала её ремнём, отрезала с бедра три куска мяса и съела. Тут вскочил Алып в дом, перерезал ремень, наплевал себе на ладони и помазал раненую: она и выздоровела» («Алып Туйгун»).

Главная обязанность женщин, похищенных дьяволом, — обжигание человеческих голов. Дьявол в сказках нередко говорит о себе: «Уничтожал я людей стройных, красивых на лицо, имеющих чистое тело, ел превосходных, имел в желудке лучших (людей). Вот за этот-то грех...». См. также сказку «*Урааныкаан обонньор*».

прародителям рода человеческого вообще и якутов в особенности, а также к происхождению разных животных.

Но все объяснения происхождения животных и человека, конечно, сверхъестественные и чудесные. Так, в одной сказке одна из прародительниц людей образовалась по воле богов из хвоща-травы. Лошадь залягала до смерти злую дьявольскую дочь, но плоть и кровь её остались на земле и, сделавшись всеми червями, молью и гадами, ходят до сих пор. Шишки на хвостах у всех лисиц и волков образовались оттого, что хвост их когда-то был приморожен к проруби. Морские рыбы с обратной чешуёю образовались из дьявольской дочери, разорванной надвое. Маленькие куропатки — из двух гноин, упавших из глаз старухи Симэхсин. Почему журавль редко показывается в Верхоянском округе, а сыч здесь зимует — об этом целые сказки. Едун хотел убить пташку, но лишь способствовал образованию множества пташек. Жаворонка по его пению якуты постоянно называют «священником птиц» (*көтөр кыматтаах аҕабыта*) или «небесным попом» (*халлаан аҕабыта*).

«Когда, — говорят якуты, — господь бог устраивал мир, он дал кулику-самке четырёх птенцов, а кукушке восемь. Кулик-самка попросила у бога и себе столько же, но тот отказал. „Чем мне иметь только четырёх птенцов, лучше мне провалиться с неба!“, сказала она и упала на землю с куличьим криком. И до сих пор, летая, они вскрикивают таким образом».

Или вот, например, миф общеизвестный и вполне достоверный для якутов: «Был один якут-мальчик, воспитанник по обложению наслег, лет десяти. Пошёл он однажды с коромыслом и двумя вёдрами за водой. Вышел к воде, а в это время месяц только что стал показываться на небе. Этот воспитанник стоит и плачет: „Мучение мое, наказание! Бесконечные мои труды!“. Взглянул он на месяц и сказал: „Чтобы вместо этого быть мне духом солнца и месяца! Тут месяц и солнце вдруг спустились с неба и стали друг у друга отнимать мальчика. А около воды рос невысокий тальник. В испуге мальчик влез на талину вместе с вёдрами. Так месяц вырвал мальчика вместе с талиной и взял к себе. И теперь он живой на месяцу, стоит на талине, упершись на неё одною ногою и держа рукой коромысло. Зимой его видно (т.е. тень лунных гор)».

В Эгинцах ту же историю рассказывают несколько иначе. Была одна сирота-девочка. Жена её старшего брата варит щи из сухой рыбы, крошив ещё древесной мезги. Мезга у них не смешивается с рыбой,

плавают поверху, они черпают сверху одну мезгу, кормят сироту. Сварят потом мясную похлебку с мезгой, мясные куски у них наверх выплывают, а вся мезга на дно оседает. Они черпают мясо сверху, едят сами, а одонки дают сироте. (В другом варианте: старшая сестра крошит конский волос и этим кормит младшую). Сирота у них сильно худеет. Пошла она за водой с коромыслом. Подошла к воде, схватилась за сухой тальник и плачет: «Если б вместо этого была бы я духом месяца-солнца» (*Бу кэриэтин ый-күн иччитэ буолларбын*). Тут спускаются оба, и месяц, и солнце, спрашивают: «Кого ты раньше назвала: солнце или месяц?». От солнца ужасно горячо, от месяца прохладно. Сирота обернулась к месяцу; месяц её и прилепил к себе. Тут солнце сказало: «Во весь свой век уничтожайся ты вместе с ущербом месяца и полней вместе с полнолунием!».

Вместе с появлением русских русское влияние отметило себя даже на самых коренных якутских сказках. Герои этих сказок чешутся, моются, кланяются родителям в ноги и даже, умирая, завещают высветлить надгробный крест. К якутам перешли и русские волшебные сказки об Илье Муромце и др., они рассказываются якутами довольно подробно и ещё с большей живостью, чем русскими сказочниками. Импровизационная якутская песня благодаря своей подвижности всего легче расстается со старинными суевериями и всего яснее выражает современную мысль её импровизаторов. Вот, например, выдержка из песни, воспевающей бедняка: «Ах, ребята, ребята! Этот человек виноват тем, что родители его не собрали, не расплодили восемь табунов кобыл... Ах, ребята! Этот человек виноват тем, что почтенные господа родители не дали ему девять замкнутых анбаров, наполненных имуществом. Ах, ребята, как он хорош! Ах, ребята, как он беден страшно! Ах, ребята, как он ловко дерётся, делает всякое дело! Ах, ребята, у матери бедняжки и ночью и днём мысли о нём, однако. Ах, ребята, соединивши свои благословения, благословите его, пожалуйста! Белый святой господь бог мой, счастье-богатство укажи-направь, дай лучшее этому бедняку! Девять святых женщин, дайте ему добро солнечного места и спасайте его от переходящих обманов, от волшебства (разных) мест!» и пр.

Но вместе с волшебными сказками к якутам перешли от русских сатирические сказки, в которых уже смеются над волшебством и шаманством, прославляя в то же время дерзкое мошенничество. Такова сказка о Долой-тойоне.

В якутских сказках упоминается множество собственных имен не только богов, дьяволов, шаманов, витязей, их рабочих, но даже лошадей и коров.

Загадки и пословицы — «прибавление к речам» — также отчасти заимствованы якутами от русских, но число собственно якутских загадок к числу заимствованных от русских в настоящее время относится приблизительно как 25 : 1.

Множество якутских сказок и загадок скандального содержания (в этом отношении в сказках отличаются дьявола). В связи с скандальной словесностью стоит и скандальность семейных якутских разговоров, причём якуты нисколько не стесняются ни жен, ни дочерей, ни детей. Красная брань разных сортов — ежеминутный язык якутов и якуток.¹

Кроме бранных слов, каламбуры с похабным выражением составляют самые любимые скороговорки якутов, например, «Ууота бас» («Почерпни воды») при скором произношении выговаривается «Ууабас», что имеет уже совсем другое значение. Или: «Оргөнөй обонньор өрүс унуоргуттан, үрүг обуһугар үгүс үбүн тиэйэи иһэр» («Старик Ергёнёй из-за Лены везёт на белом быке много имущества»). Или: «Уҥа диэкки хоһоһо, уотта сах!» («Гость правой половины юрты, высеки огня!»). При быстром произношении выговаривается: «Уҥа диэкки хоһоһо уот таһах!» и пр. т.п. Шаманы во время своего служения публично от лица своих дьяволов употребляют самые бесцеремонные цинические выражения... Класс ёмюрэхов², кликуш, пугающихся от всякой внезапности и повторяющих всё, что им ни скажут, между которыми, конечно, есть люди действительно больные, напуганные с детства, многочислен между якутами главным образом вследствие всеобщего их восторга от похабных выражений. В г. Верхоянске считаттсся ёмюрэхов и ёмюрэчек 3, но все они ёмюречат притворно, зная страсть публики (даже высших местных чиуов) к публичным и громогласным «лакомым» выражениям

¹ Вот некоторые из бранных якутских выражений: *тыыннаах абааны* («живой черт»), *ыт уола* («собачий сын»), *ыт кыыһа* («собачья дочь»), *саатта* («так тебе и надо»), *сытыган* («мямля», «гнилой»), *үөдэн иһин кинитэ* («окаянный, из преисподней человек»), *саппат сырайдаах* («бесстыдная рожа»), <...>, *сирэгэс* («шельма», «рваные ноздри»), *баранаак* («варнак»), <...>. *сүптүр* («ящерица»), *түөкүн* («мошенник»), *түөрт харахтаах ыт* («четвероглазая собака»), *бөрө эмэһэтэ күөртэнэ* («волчья задница», «раздуватель», т.е. ябедник), *сирагас сиргатах*, *күө сүрэх* («зелёное сердце», т.е. ленивый), <...>, *ыт этин сиэ* («трескай собачье мясо»), *үөнү* — *көйүүр сиэ* («червей и моль ешь»), *киһи уугбун куөстээн сиэ* («свари человеческие кости в горшке, да съешь»), *киһини өлөрөн сиэ* («человека убей, да съешь»), *харыалаах хара ыт* («черная собака в саже»), *абааны кулута* («раб дьявола»), <...>.

² Современное название этого психического расстройства — мерячение (варианты: «мэнерик», «эмиряченье», «меняриченье», «меряченье»). — прим. OCR.

(некоторые ёмюрэхи пользуются иногда своим исключительным положением для того, чтобы обругать при случае человека ненавистного, но почётного или богатого).

Что касается до якутского языка, его наречий и лексикографии, то некоторые подробности о нём сообщены в составленных нами словарях русско-якутском и якутско-русском. Впрочем, на основании этих словарей никак нельзя судить о богатстве или бедности якутского языка, так как в них почти исключительно собраны слова, известные только в одном городке Верхоянске, где якутское население не превышает 50 человек, т.е. 1/4000 долю всего якутского народа. Верхоянский говор отличается от якутского произношением краткого *h* как «х»: *абааһы* («дьявол») звуки *льдь* посреди слов здесь выговариваются как два «л»: *ыальдьабын* здесь произносится *ыалльабын* и пр. Наконец, некоторые слова имеют здесь не то значение, какое им придается в Якутске. Так, *бэс* в Якутске значит «сосна», но так как здесь нет сосны, то это слово стало здесь означать уже «сок лиственницы». Даже в пределах Верхоянского округа якутский говор значительно разнится, смотря по местности, например, «находится в любовной связи» в Верхоянском улусе по-якутски *баҕарсар*, в Усть-Янском — *үчүгэйдээх*. Нельзя не заметить, что в якутском языке чрезвычайно много звукоподражательных слов... Кроме того, якуты и особенно якутские шаманы владеют удивительной способностью подражать крику животных.

Якутский язык по разным местностям значительно видоизменяется вследствие следующего любопытного обычая. А именно: у якутов считается правилом, что невеста не должна упоминать где бы то ни было то якутское слово, которым называются (живые или умершие) её свёкор и свекровь; вследствие этого она прибегает к изобретению новых слов вместо прежних. Так, вместо слова *ым* («собака») около Верхоянска стали употреблять слово *сыыс* («сор»), вместо *көмөр* («уголь») — *харыа* («сажа»), вместо *үүс* («рысь») стали говорить *бэдэр*, вместо *муос* («рог») — «өргөс», и пр. Что касается русского прозвища свёкра и свекрови, то невестка может называть его свободно.

Таким образом, русское влияние везде вело к уничтожению старинных якутских обычаев.

Громадное число русских слов, вошедших в якутский язык, ясно показывают всю силу русского влияния на мирозерцание якутов. Вот некоторые из русских слов, вошедшие в якутский язык: «*алтаар*, *амбаар*,

аминь, аршин, аркыыба («архив»), артыал («артельный»), арааһынай («разный»), аат («ад»), бабушка (натуральная оспа), балсыыбай («фальшивый»), баарыс («парус», «барыш»), бааһынай («пашенной», «крестьянин»), баһыыба («спасибо»), бөгүрүөп (рыба, оставленная на зиму, на устьях Лены)¹, бэрэмээт («большая удочка»)², биэрэпис (скотская болезнь)³, бэриинэ («перина»), бэһиэлийэ («веселье»), бөтүүк («петух»), биэтэс («ветошь»), бэчээт («печать»), биилкэ («вилка»), билээги («фляга»), биричиинэ («причина»), бобуона («мамона»)⁴, бокуой («покой»), болууда («полуда»), буюоска («воск»), боронсуус буолбут («венерический», французская болезнь), буортулаа («портить»), буугунай («бубны»), буук («пух»), булаат («платок»), бууйла («пуля»), буюосна («оспа»), буурба («пурга»), буруоба («проба»), буруус («брус»), буруустуубун («я точу на брусе»), буут («пуд»), быраат («брат»), бүрүкээс («приказ»), бүрүһээги («присяга»), бэстилиэннэй («последний»), быыбар («выбор»), гуолуб («голубь»), гуорат («город»), дакаастыы («улика»), даан («дань»), досбуолун («позволь», «допусти»), долоту («долото»), дорообо («здравствуй»), дуоһунас («должность»), дуумайданан («думая»), дуруоб («дробь»), дууһа («душа»), дьаат («яд»), дьаакыр («якорь»), дьааһык («ящик»), дьэриэтиннэик («еретик»), дьууппа («юбка»), өрүөл («орел»), истии («щи»), кэрээчикэ («горячка»), килиэп («хлеб»), кириэс («крест»), киирэ («гиря»), куолас («голос»), холуода («колода»), колодуопка («голодовка»), куортук («кортик старосты»), харыыта («корыто»), хоһуол («козёл», игра), кирилиэс («крыльцо», «лестница»), куудура («кудри»), кулаачык («калачик»), кулуба («голова»), кумаабы («бумага»), куорма («руль»)⁵, купайкы («фуфайка»), куурукса («курица»), куһаак («кушак»), кыладыбыай («кладовая»), кылааккай («гладкий»), кылаамынай («главный»), кыраабыл («грабли»), кырааска («краска»), кытаайка («китайка» [ткань]), күлүүс («замок»), күлүүһүннүк («клюшник»), күүлэй (покосная помочь)⁶, куруук («круг»), лаадын («ладан»), лыһыбай («лысовой»), лаах («лак»), монтулуон («панталоны»), мээрэй («мера»), мөһөөччүк («мешочек», «куль», «100 руб.») миэстэ («место»), минтиэпкэ («винтовка»),

¹ От слова «погреб»? – прим. OCR.

² Точнее – «перемёт». – прим. OCR.

³ Точнее – «перепись», в том числе «перепись скота». – прим. OCR.

⁴ Т.е. «утроба, брюхо». – прим. OCR.

⁵ От слова «корма», «кормовое весло». – прим. OCR.

⁶ От слова «гулять» в смысле бездельничать. – прим. OCR.

муода («случай», «притча»)¹, *муоста* («пол»)², *моһуннья* («кисет»), *маттай* («расточай»)³, *муохтуу* (конопачены мохом), *муудрас* («мудрость», «хитрость»), *мыыла* («мыло»), *ньуоска* («ложка»), *нэһиилэ* («едва», «насилу»), *оруоска* («розга»), *оросхуот* («расход»), *остоол* («стол»), *остуорас* («сторож»), *осхуоба* («скобка»), *уочарад* («очередь»), *пачпорт*, *борохуот* («пароход»), *саабан* («саван»), *собуонньуктааччы* («сводник»), *саабыла* («сабля»). *сакылаат* («заклад»), *саакымат* («шахматы»), *саллаат* («солдат»), *саамай* («самый»), *саппыйаан* («сафьян»), *һиэгэл* («щеголь»), *һэккэриэт* («секрет»), *һэлиэнчик* («жилет»), *солотууха* («золотуха»), *сиэртибэ* («пожертвование»), *сэрэмээт* («сыромятный»), *сиэркилэ* («зеркало»), *сибинньэ* («свинья»), *сибэтиэй* («святой»), *сиидэ* («сито»), *симиэр* («смерть»), *симиниэс* («свинец»), *содуом* («буйство», «шум»)⁴, *сокуон* («закон»), *чаастай остолбо* («частый невод»), *солуок* («залог»), *состуок* («шесток»), *һотуун* («шатун», скотский падеж), *субуота*, *сыбаайба* («свадьба»), *сымала* («смола»), *сынkaa* («цинга»), *сыаллыы* («прицеливание»), *сыана* («цена»), *сүлүмэ* («сулема», яд), *табаан* («таган»), *талаан* («талант», «счастье», «удача»), *таас* («таз»), *толкуй суох* («не понимаю»), *тубан* («туман»), *түрмэ* («тюрьма»), *укаас* («указ»), *укулаат* (крепкое железо)⁵, *улуукса* («улица»), *урбаахы* («рубаша»), *уһаат* («ушат»), *успуардас* («спорься»), *уһуор* («узор»), *устууннья* («студень»), *хабаанда* («команда», «подчиненные», «народ»), *хаалтыс* («галстух»), *хандалы* («кандалы»), *ханьытаал* («камчадал»), *хаарбас* («карбас», «лодка»), *хаарты* («карты»), *хааһах* (сума казацкого хлеба), *казак*, *хааһына* («казна»), *холотууска* («колотушка»), *хонпуруос* («купорос»), *хоруон* («гроб»), *чаан*, *чапраак*, *чааркы* («чарка»), *чиэстэ* («тесто»), *чыыннаах* («с чином»), *чыыстай буолах* («поединок»)⁶, *чочубуна* («часовня»), *чуулаан*, *чубэччи* («свечка»), *чэй* («чай»), *силээхтэ* («щёголь», «франт»), *ыстакаан* («стакан»), *ыстаамсык* («установщик», «плотник»), *ыстааннаах* («со штанами»), *ыстыраан* («штраф»), *ыстырыыпка* («скрипка»), *үгээр* («угар», «поветрие»), *уртуут* («ртуть»), *эбэһиинньэ* («обязанность»), *эриэккэс* («редкость»), *эриэкэ* («орех»), *этириэс* («наотрез»).

¹ Также «мода, причуда». — прим. OCR.

² Также «мост». — прим. OCR.

³ От слова «мотать, проматывать». — прим. OCR.

⁴ От слова «содом». — прим. OCR.

⁵ От слова «калить, закаливать», т.е. сталь. — прим. OCR.

⁶ От «чистое поле», как традиционного места сражения богатырей. — прим. OCR.

Некоторые русские слова так освоены якутами, что они производят от них свои новые слова. Например, *гуорат* (город) послужило к образованию нескольких слов: *гуораттаах* (городской), *гуораттыы* (по-городскому), наконец, глагол *гуорат тыыбын* («я еду в город»), *гуораттаа* («ты поезжай в город») и пр.

Русские своим влиянием наносят большой удар якутским поверьям, суевериям, якутской языческой вере. «Русский такой человек: ему всё нет греха. И нынешние якуты, подражая русским, никакого греха не знают». «Не знает греха, как истый (мёрзлый) русский» (*Тон уучча курдук айыымсаҕа суох*).

Чисто якутское воспитание окружило их жизнь бесчисленным множеством грехов, небольших, больших и великих, множеством поверий, обрядов, так что переход от многобожия к единобожию, от шаманства и колдовства к христианству представляется истым якутам равносильным полному безбожию (атеизму). «Вы, русские, знающие священное писание, — говорят якуты, — самый безбожный народ; мы никогда не слышим, чтобы вы сказали о чём-нибудь: грех. Какой же по вашему великий грех? Попы нас ничему не учат; никогда от них одного слова не услышишь, что вот это нехорошо, этого не делай, а это вот хорошо, старайся исполнять. Они только берут у нас. Вот теперь половина детей некрещёных, необвенчанных много. А на Бытантае, говорят, некрещёные дети за белками ходят — вот как! Теперь у нас в наслеге учившийся в семинарии живёт, ученым себя считает. Так он говорит, что на том свете будет огненно-смоляное море и в этом море будут гореть грешники, а верным мужьям будет большая милость, если они и великие грешники, то среди адского огня будут окружены своим гробом и останутся невредимы, а если немного нагрешили, то из-за верности брачному ложу простятся и прямо в рай попадут. Он же говорит, что вдове лучше выйти замуж, больше награды на небесах будет: два венца, значит, хотя во вдовьем своем положении она и была бы безгрешна. А кто женится вторым браком, то все прежние грехи прощаются». Вследствие отсутствия в Верхоянске какой бы то ни было школы, вследствие неграмотности якутов, вследствие непонятного перевода на якутский язык священного писания, вследствие невежества подобных проповедников между крещёными якутами здешнего округа ходит множество рассказов, составляющих для них библейскую достоверность, но в то же время совершенно противоречащих библии.

«Пчела угодна богу, — говорят здешние якуты, — когда Христа распинали, жиды хотели пригвоздить его в сердце, а пчела прилетела и села на грудь против сердца, жиды посмотрели и говорят: „Да он уже пригвожден в грудь!“ — и не пригвоздили».

«Корова угодна богу. Когда Христа похоронили, лошадь разрыла его передней ногой, оттого русские не едят лошадиное мясо, да и бог запретил есть ту переднюю ногу, которою она Христа разрыла. А корова ходила, ела, да Христа носом зарыла в землю, оттого она угодна богу и русские её едят».

«Щука очень угодна богу. К богородице принесли мёртвую щуку, а тут пришли сказали, что Христос воскрес; она не поверила. „Если так, то, — говорит, — и щука моя воскреснет!“. Щука у ней и воскресла».

Подобные рассказы находят полную веру у якутов, и потому нет ничего удивительного, что, когда весной 1868 г. верхоянский приходский священник объезжал свою паству, некоторые прихожане-якуты серьезно просили обвенчать их во второй раз, и на той же самой жене. Когда священник отвечал старику, что этого сделать нельзя, то тот убедительнейше просил не скрывать от них новый указ, что он заплатит, лишь бы его не разлучили со старухой...

Якуты уверены также, что св. Касьян (29 февраля) назначен богом беспрестанно ударять большим молотом по лбу сатаны, и когда наступает день Касьяна (в високосный год), то при первом поминовении имени св. Касьяна в церкви он приостанавливает молот и крестится трижды. В это мгновение сатана успевает окинуть взглядом всю вселенную, а потому високосный год бывает очень тяжёл и для народа, и для скота, и для растительности; первый после високосного не очень прочен, средний получше, а последний самый лучший, так как вселенную уже провеет ветрами и очистит летним громом. Самый же високосный год до первого летнего грома считается весьма тяжелым...

Якуты считают грехом работать в праздники. Случилось, что метеор пролетел в воскресенье, это послужило новым доказательством, что работать в воскресенье — грех. «Мы тёмные люди, — говорят они, — ошибёмся, да на свою голову столько грехов наведём, что и бык не свезёт, лошадь не подымет (*оѳус тарпат, ат уйбат*)». Теперь время года они разделяют по праздникам и по ним распределяют свои работы (егорьев, николин, петров, ильин дни, спас, семёнов день, покров и дмитриев день). Здешние якуты знают следующие праздники: Новый год (*Сага*

дьыл), Васильев день (*баһылайан*), Крещение (*крэсиэнньэ*), Афанасьев день (*оконооһойон*), первый перелом холода (*маннайгы тымныы тосторо*), Масленица (*хайах сиир*), Евдокьин день, Благовещение (*чыычаах уйа туттубатах* — «пташка гнезда не вьёт»), Пасха (*христиэб*), Георгиев день, вешний Никола (*Ньукуолун, сааскы Ньукуолун*), день царя Константина и Елены (*саар Көстөкүүн*), Петров день (*бэтириэн*), Прокпьев день (*борокуобуйан*), Ильин день (*ильльиин*), Первый Спас (*бастыы ыспааса*), середина покоса (*хатыыр ортото*), Средний Спас, Преображение (*ортоку ыспааса*), Задний Спас (*кэнники ыспааса*) или Последний Спас, 16 августа (*хойукку ыспаасы*), Иванов день (29 августа), Семёнов день (1 сентября), Воздвижение (*исийээнэн*), Покров (*бокуруон*), Дмитрия Ростовского (*Дмитрэйэн*), зимний Никола (*Михайлап, кыһынгы Ньукуолун*), Рождество (*ороһуостуба*).

Необходимость удобопонятного богослужения на якутском языке сказывается иногда довольно резким образом. Появится, например, боговдохновенный человек: сперва по обыкновению сходит с ума (напомним читателю, что в древности сумасшествие считалось болезнью божественного происхождения и пользовалось особым покровительством: царь Давид, Солон Афинский, Юний Брут и пр.), беснуется, связанный лежит девять дней без пищи, мучится, терзается, чуть не помирает, очищается от грехов. Тут уже сам бог является к нему, станет посещать его днём и ночью, иногда в образе пресветлого серебряного старика, иногда в виде большой белой птицы. И сделает его господь главным пророком на земле и пошлёт. И явится боговдохновенный к якутам и скажет: «Русские попы всех вас вовлекли в грехи, они явно будут наказаны за это богом. Вот я послан от бога служить вам якутскую службу, наставить вас в вере. И праведники пойдут в рай, а грешники во ад!. Узнают обо мне русские попы и будут меня сечь. Но как они ни будут меня пороть, а не брошу господнего дела, всё буду петь свою церковную службу!». И велико становится число верующих в пророка: все соседние якуты, начиная от бедных рабочих до сильных якутского мира, старост и старшин, являются к пророку послушать божественного слова. Пророк не вступает в религиозные диспуты и не говорит с неверующими. Верующие принимают от него благословение и целуют руку, и он в ответ тоже целует руку верующему.

И начинает пророк наставлять и отправлять все церковные требы. При молебнах святит воду, погружая в неё икону, и освящённой водою

брызжет больных, юрту и скот. При отпевании кадит на покойника ладаном, положенным на обыкновенной кухонной сковороде. Исполняя требу, берёт с прихожан некоторую плату. При исповеди он зажигает около тарелки несколько восковых свечей, кладёт посреди одну серебряную и одну медную монеты, после молитвы пророк тушит свечи и бросает монеты, и, если она упадет на землю орлом кверху, это знак, что простились кающемуся все грехи и он попадёт в рай, если же одна монета пала вверх решкой, то кающемуся ещё не отпустились некоторые грехи, он должен ещё молиться и каяться. Пророк обличает супругов, нарушивших супружескую верность, и венчает их вторично. У богатых якутов он утром и вечером служит службу (обедню и заутреню): в юрте перед иконами зажигает свечи, становится перед ними сам, а сзади его становятся якуты и молятся. И запоёт пророк: «Господи помилуй!» и «Аминь!», повторяя каждое по несколько десятков раз. Остальная служба состоит из соединения разных якутских песен, как обыкновенных, так и шаманских. И долго поёт пророк, а народ всё молится. При окончании даёт каждому поцеловать икону. Если кто выйдет раньше окончания службы, тот человек маловерный, грешник и последует в ад... И увеличивается практика пророка, крестит он, вяжет и разрешает, клянёт и благословляет. Якуты поручают ему иногда освящать вновь выстроенные часовни ещё до освящения их русским духовенством!.. Такой случай был с одною часовней, выстроенной здесь в память чудесного избавления государя императора 4 апреля 1866 г.

Русские проповедники любят выставять в назидание неверующим ту лёгкость, с которой инородцы — люди «простые сердцем» (просто-сердечные) — принимают без рассуждений проповедь миссионеров, но они забывают, что даже крещёные инородцы, т.е. люди, на которых призвана благодать святого духа, весьма легко готовы поверить всякому новому вероученью, сколько ни было оно нелепо.

Ещё недавно якуты употребляли способ гадания посредством медного креста со вставленным в него образком: предварительно расшатывали гвоздики, которыми был закреплен на кресте образок, потом ударяли топором по кресту, если, вылетевши, образок падал ликом к земле, то это означало, что такой крест будет несчастлив, и его не покупали, и наоборот.

Вообще современное направление якутской мысли создает этот новый класс людей, появившихся за последние годы и появляющихся в

настоящее время. Этот разряд составляют якуты-пророки, или духовидцы, или, как якуты их называют, «люди, видевшие бога». Эти люди рассказывают то, что они слышали от бога, и для неграмотных якутов их рассказы заменяют место откровения.

Вот, например, сокращённый рассказ одного из таких якутских духовидцев.

«Встал я ночью в чистый понедельник и иду на восток. Стоит там большой, высокий холм. Взошёл я на него. Вдруг разверзлась вершина неба, и спустился с неё светлый свет, и из света молвил голос: „Знаешь ли ты меня?“. Пал я ниц и сказал: „Нет, не знаю я, который ты из богов!“ — „Я Николай (*Николайбын*). Послал меня на землю господь бог Христос. Семь раз он посылал меня, чтобы я перевернул эту землю. Семь раз приходил я, но, пожалев, возвращался, и всё упрашивал его, нельзя ли ещё потерпеть, продлить ваш век. И богородица вместе со мною просила помиловать, говоря: «Продли ты веку моим детям, они сознают свои грехи!». Тогда господь сказал мне: «Если уж помиловать их, то я их тебе поручаю, ты сам соделай им спасение!». Вот и отдал господь землю на мою волю. А грехи людей очень умножились. 1) Вот на небе есть сорок четыре апостола, и они ходят по земле и птицей, и скотом, и огнём, и человеком. Вы увидите их и говорите: «Мы дьявола видели». Это вам большой грех. Здесь на земле нет дьяволов. Есть только один чёрный ангел, который разрывает начетверо шов земли и выходит на землю снизу. Этот-то чёрный дьявол и учит вас всему худому. Особенно он к вам приближается, когда вы назовете дьяволами божьих апостолов. Он вам на всё плюёт, сморкает, а вы едите не перекрестясь, это вам грех. 2) Вот на земле скот помирает, это от дыхания чёрного дьявола. Это и дитяти большой грех. 3) Вот вы воруете, живодёрствуете, это вам большой грех. 4) Вот шаманы у вас есть, и это большой грех: не ходите в те места, где он служит, не ешьте мясо той скотины, над которой он шаманил. 5) Есть вот летающие крылатые птицы — портрет царя небесного; они посланы вам для пропитания, а вы топчете их пух и кости и даёте топтать собакам. Поэтому птицы не спускаются к вам на землю, а на небе их стало столько, что они уже не помещаются. Когда птица летит к вам, вы говорите: «Ах, какова-то она жирна. Поесть бы!». Птица слышит это, жалуется на это в раю и от ваших тяжких слов не может долететь до назначенного места. 6) Вот дана вам рыба на пропитание. А вы остатки

рыбы топчете ногами, презрительно обходитесь с чешуёю и костью, потому в воде рыба уже не помещается, а к вам не выходит. 7) Вот дал вам господь конный скот — крылья ваши, чтобы вы летали на земле, подобно ангелам... А вы бьёте их, тираните, мучите. Они жалуются на это богу. Да и когда сами вы будете на том свете приходить в рай, то лошадь лягнёт вас копытом. 8) Коровы даны вам вместо матери, чтобы вы питались их сосцами, а вы мучите их... Зато, когда будете вы входить в рай, корова боднёт вас. Есть сборное место для грешников"... И с этими словами у Николая-угодника вышли из руки три горящих свечи, и он осенил ими землю три раза... И сделалось так, что одна часть места опустилась, стала плоскою, а другая поднялась. На нижней пропасти собралось множество людей, но никак не могут они подняться на уступ. Некоторые руками захватились, не могут подняться, другие ногами уперлись, не могут подняться. Тут святитель сказал: „Кто наступил ногой, тот со временем подыметсЯ в рай, а те, которые держатся рукою, — это значит, они поддерживаются молитвами покойных детей. И если заставят священника служить молитву, то дети будут ещё молиться, и они ещё больше подымутся в рай. А вон другие царапают обрыв со середины и падают вниз; это они только при жизни так царапаются, а по смерти непременно свалятся в ад. Это вот такой-то и такой-то человек. А вон там нанизу самые худые люди, с ношею на руках, на спине, под мышками, всё разные вещи, награбленное имущество, сундук: это носят они награбленные, ворованные, добытые мошенничеством вещи. А вот там люди, как рыба мелкая в котле, где рука или нога покажется, это грешники; они и живые так мучаются! Много стало грехов на земле, и все грешные места вот эдак же оборвутся и провалятся! — „А какие же места провалятся, господи?“, — спросил я. „Провалятся-оборвутся места к югу от вашей церкви!“ — „А когда же она оборвётся?“ — „Вот ты уже и грех делаешь, разве можешь ты знать откровение божие? Положи за это сорок поклонов в таком месте, где нет людей!“. После этого бог Николай осенил тремя свечами крестообразно, и место закрылось, заросло. Потом из руки Николая показалось семь горящих свечей, благословил он ими: показалась золотая церковь. „Вот это та церковь, в которой я служу на небе!“ — сказал святитель. Затем по сю сторону церкви показалось золотое что-то, вроде урасы (летнего конусообразного домика). „Это твой венец, — сказал Николай, — за верность твою брачному ложу после венчания. И ты своим венцом можешь спасти в рай сорок грешников.

Ну, а кто не верен жене, тот и сорок праведников может стащить в ад. В эту церковь я возьму тебя своим трапезником, а сына твоего звонарем, да ещё со среднего места (земли) возьму кого-нибудь старостой. Скоро я тебя к себе возьму, а ты до тех пор молись богу, а будет тебе какая нужда, то у людей ничего не проси и не бери. А если дадут свечку, то возьми. Уже я увижусь с тобою в первую ночь на светло Христово воскресение, и потому в эту ночь ночуй ты в пустом доме, который считаешь безгрешным. Умножились грехи на земле. 9) Есть бедные люди, которые считают себя безгрешными, а они самый грешный народ: придут куда-нибудь и хоть раз не наедятся у богатого, уж и проклинают; так пусть они не считают себя правыми и одних богатых грешными. 10) Вот дал я вам попов для спасения вашей жизни, а они ещё более спустили вас в ад.

Вот увижусь я сам с ними, растолкую им, какая небесная служба... Вас же и тунгусов я спасу, а русских, которые должны были спасти вас, однако, оставлю назади. Вот в прошлом году (зимой 1867/68 г.) новая звезда выходила; это был огненный глаз чёрного ангела, он осматривал, разузнавал землю, да в то время об этой земле молилось три человека: N.N. по Борулаху, N.N. по Дулгалаху, N.N. в Эльгецком улусе... И по их-то молитве господь прогнал звезду... Теперь иду я к тому месту, откуда выходит чёрный ангел, а вы все молитесь... Если я успею закрыть место его выхода, то будет потоп, но не чрезмерный, если же не успею, то зальёт всю землю, кроме чёрных гор. А вы все молитесь... А ты ступай к людям, и в воскресенье хриstopоклонной недели во время вечерни ты встретишь безгрешного человека, который поверит тебе!"... И с этими словами Николай-угодник улетел на небо. А я точно в воскресенье хриstopоклонной недели встретил во время вечерни Лазаря, и он мне поверил... А до тех пор никому не говорил»...

Теперь этот боговидец рассказывает своё видение, но только верующим, да и им заповедует рассказывает только тому, кто верит, и не говорит неверующему, а то его грехи увеличиваются. На якутов этот рассказ производит потрясающее действие, или, как они выражаются, «даже мороз по коже продирает»... Вера в пророка усилилась ещё больше оттого, что до откровения он ничего не знал, а теперь вдруг все праздники и церковные законы знает, как наизусть, точно книга, точка в точку. Да и особенно то, что наводнение действительно случилось летом 1868 г.

Хотя рассказ об этом откровении записан нами не от самого боготвидца, а лишь от одного из его последователей, но всё же и из этого можно заключить, что видение пророка составляет нечто в роде правильной религиозной или философской системы, оценивающей житейские обычаи, объясняющей все выдающиеся физические явления, основанной частью на переработке старых суеверий в новую форму, частью на внесении новых существенно характеристических понятий, как-то: крайняя важность супружеской верности, крайний грех шаманства, отсутствие дьяволов и, наконец, спасение тунгусов и якутов силою якута, помимо русских...

Подобных пророков-якутов не один и не два, и они проповедуют не в здешнем только округе, но и в Якутском. Видения их бывают довольно разнообразны, но сущность проповеди составляет одно и то же, именно: чтобы люди покаялись в своих грехах, которыми переполнилась земля, чтобы прекратили они притеснение бедных, сквернословие, работу в праздники. Иногда им является не один Никола-старец с белою бородою, но *Дьөгүөрйэп* (Георгий) молодой, подобный восходящему солнцу, *Миитрэйэп* (Дмитрий), пожилой, с проседью, *Хабрыыл Арханньал* (архангел Гавриил) молодой и прекрасный собою, св. *Лэкиэнтый* (Инокентий)... Они открываются обыкновенно тогда, когда якут выйдет на гору (например, за промыслом), и открываются вместе, стоя в золотых светлых одеждах кругом золотого стола с золотыми тарелками и золотым сосудом... Вздрогнет якут, волосы его станут дыбом, и в пот и в жар его бросит в одну минуту, и узрит он их... Сильно смешается он от неожиданного зрелища и падёт ниц, горько плача, сокрушаясь и каясь в своих грехах... Тогда боги подойдут и скажут ему: «Встань! Мы прощаем твои грехи; ступай ты на землю и скажи всем людям, что вся земля переполнилась их грехами и чистого места осталось всего с ладонь; если и это место люди наполнят своими грехами, тогда настанет конец света и провалится земля со всеми её сквернами... Ступай, скажи богачу N.N., что чрезмерно он притесняет парод, что всю его душу взял сатана. Скажи, чтобы покаялся N.N.; он тоже многогрешный человек!» и т.п. Новобранец ужасается такой революционной профессии, как проповедь против богатых, но «боги» говорят ему, что ничего не могут сильные сделать посланнику бога, иногда даже кормят его райской пищей и показывают ад, где он видит разных якутских голов, старшин и богачей, разные му-

чительные муки... Но главное, посылая его на проповедь, боги запрещают ему толковать об этом с людьми, спрашивающими из одного любопытства, и быть вполне откровенным с доверчивыми и верующими. Пророк приходит домой расстроенный, бледный и падает в обморок... Очнувшись, он молча ставит к образу свечку и долго молится. Потом встаёт и начинает рассказывать сначала о своей грешной жизни и, наконец, об откровении. Слушатели приходят в ужас, и чем сильнее страх, тем менее действует рассудок, следовательно, более веры в пророка... Уверенный в себе, он внушает в себя веру и другим. Он отправляется к богачу и после многих поклонов иконе рассказывает и ему своё видение, и особенно его грешные дела, известные уже и на том свете, о том, что его ожидает и в каком ужасном положении находится в аду его душа. Старик богач, суеверный ещё более других, верит в каждое его слово, старается задобрить грозного вестника, кается в своих грехах... но не надолго, вековая привычка вскоре берёт верх, он принимается снова грешить и скоро умирает... В старые меха не вливается новое вино...

Разумеется, якуты считают духовидцев святыми людьми, везде кормят их даром, и они легко могут оставаться дармоедами... Но не одни пророки видят богов и слышат откровения; бывают также пророчицы, сущность учения которых та же самая, но чаще с прибавлением какой-нибудь женской придури. Так, слышит она, например, глас свыше: «Делай ты всё *святейдэн*». С тех пор что она ни скажет, ко всему прибавляет «*святейдэн!*»... И это одно слово доставляет ей уважение и даже славу...

Проповедь боговидцев действует тем сильнее, что здешние якуты совершенно не знают грамоты, стало быть, не могут читать церковных книг. Само духовенство занято не столько миссионерским трудом, который дает награды только при обращении прямых язычников и не окупается просвещением уже окрещённых, сколько равнодушным исполнением треб, сбором туш и других даяний. Выезжая в якуты, некоторые из них своими непомерными требованиями иногда совершенно восстанавливают против себя паству, особенно угрозами в случае отказа «проклясть в ад!». Влияние духовенства тем ничтожнее, что многие лица из духовного звания очень мало развиты; некоторые, например, священники, сами подчиняются якутским обычаям и поверьям, заставляют скопить своих жеребцов с якутскими наговорами, новорождённых детей передают в окна для избежания дьявола и много тому подобного.

Что касается до сновидений, то они искони имели значение откровения для всякого талантливому якута. Мы видели, как готовится шаман к своей профессии. Холостить коней может только тот якут, который видел во сне, что прародители таких операторов заставляли его скопить и учили его этому искусству. Каждый искусный ремесленник или мастер (например, плотник) видит подобных прародителей. Вот, например, какой сон видел один из лучших нынешних кузнецов (Моэр). «Было мне, — сказывал он, — тогда лет семнадцать, и я уже мало-мало ковал. Однажды уснул я и вижу: вошли будто к нам в юрту один мальчик и одна девочка и сказали мне: „Парень! Зовут тебя почтенные твои родители!“. И вышли. И я будто бы вышел за ними. Лежит передо мной дорога на северо-запад. Пошёл я по этой дороге, однако не вижу этого мальчика и девочки. Лежит снег, шёл я шёл и подумал: „Должно быть, вёрст 30 уж я прошёл!“. Тут дорога разделилась надвое. Остановился я и думаю: „По которой же это я дороге пойду?“. Тут сказал мне сверху человеческий голос: «Вот ты идешь к прародителям кузнецов (*уус төрдүгэр*), не ходи по дороге, свертывающей на восток!“. — „Куда же это ведет восточная дорога?“, — спросил я. „По этой дороге живут самые ближайшие прародители кузнецов, духи молота и наковальни, господин и госпожа Тус Тас, — сказал человеческий голос, — не ходи туда!“. Вот и пошёл я по северо-западной дороге. И дорогой думаю: „Вот он запретил мне идти к ближайшим прародителям, а если б я их повидал, хорошо было бы!“. Близенько так на восток дым выходит (из трубы), однако я прошёл мимо. Шёл я шёл, очень далеко; отошёл от свёртка вёрст 70, и опять у меня дорога разделилась. Остановился я и сказал: „По которой же я дороге пойду?“. И снова сказал мне сверху человеческий голос: „Не ходи ты дорогой, идущей на запад! Живут по ней средние прародители кузнецов господин Туолан Монгурост, госпожа Монгурост. Не ходи западной дорогой, иди другою; и кончится среднее место (земля), будет страшно-почтенное каменногористое место; и когда пройдешь ты по нему на ту сторону, то достигнешь местности с мохнатым лесом, с мохнатою травой!“. Вот и пошёл я этою дорогой. Не различал ни дня, ни ночи, не чувствовал — близко ли, далеко ли. Долго я шёл. И вот показалась передо мной очень большая каменная гора. „Где же это падь? Как же мне идти по этой горе? Ведь не подняться человеку!“, — подумал я. Посмотрел: маленький след есть, преуменьшая падь, только чтоб пройти одному человеку. Вот поднялся я по этой пади на вершину горы,

тут след потерялся. Как выпал снег, так и лежит. Есть только следы сохатого. Вот и пошёл я дальше по следам этого сохатого; очень далеко ушёл, так далеко, что и лес-то стал маленький-премаленький. В стороне от меня течёт горная речка, вот и пошёл я берегом вверх по ней. Вот и потерялся след сохатого, и остановился я тут. Вышел по льду на середину речки и пошёл вверх по ней. И дошёл до места, где кто-то на льду угли обжигал, угли взяты, но место-то видно. Как только дошёл я до этого места и разбудился. Проснувшись, перекрестился и сказал: „Ангел мой, не посылай меня, не води в такие места!“. И тотчас же снова уснул и снова увидел во сне: стою будто я на том же самом месте, где обжигали угли. И сказал я сам себе: «Ведь я шёл к кузнецу, да, значит, заблудился». Тут сказал мне сверху человеческий голос: „Выйди ты из этой каменной речки и поди вверх на южную сторону!“. И вышел я из речки и пошёл вверх. Вдруг увидел я следы пеших людей! Взглянул вперёд: высоко наверху пылает огонь-пламя, купина с большую палатку величиной. И подумал я: „Ведь шаманы, шаманя, говорят, что место почтенных прародителей кузнецов пышет кверху пламенем, искрами величиною с полуторагодовалого дитя. Значит, это они лгут“. Пошёл: стоит круглый дом без углов, как холм. Вошёл во двор, внутри двора, видно, они не чистят. И слышу изнутри дома звук пилы, мехов, страшный стук молота. Услышав это, я побоялся взойти, остановился. Тут вышел из дому один мальчик и растворил мне дверь. Вошёл я и взглянул: сидит такой большой, страшный, могучий человек, какого я и не видывал, точно старинный богатырь, достал он очень большое железо, а другие два чёрные (чернокожие) человека стали его накачивать молотами. Как вошел я, так стал на одно колено, поклонился и сказал: „Почтенный господин! Пришел я (сюда) подобно тому, как ребёнок, имеющий мать, приходит со слезами (ревом) к своей матери, пришёл я подобно тому, как ребёнок, имеющий отца, приходит с криком к своему отцу, пришёл я, сиротка. Пусть заболит (от сострадания) твоя желчь, пусть разнежится печень, пожалеет твоё сердце. Преклоняю колена, кланяюсь я (тебе)!“. Тут взглянул он на меня, схватил меня спереди за бока большими-пребольшими клещами и положил навзничь на горно так, что голова моя легла по левую сторону. Вот лежу я, стали они раздувать мехами огонь, а я не чувствую даже, что меня огонь жжет, всё смотрю, как это они живут? Дивлюся. Вижу, левая половина дома такая широкая, далеко-далеко в углу чистой части дома (есть какие-то) люди. Подумал я, должно быть,

хозяева сидят на кровати (*кэтэбэриин*), посмотрел туда: нет, нету ни хозяина, ни хозяйки. Один человек сидит, раздувает кузнечными мехами и куёт всё равно так же, как и мы, только без остановки. Другие два человека безостановочно пилят пилою. В билирике посреди стены видна дверь. Долго я лежал на горне. Потом этот господин кузнец снова схватил меня за середину клещами одной рукой, повёртывает меня и смотрит, говорит: „Столько мест он прошёл, надо выварить ему сырое, закалить мягкое! Как только он сказал это, вдруг из билирика слышался голос человека, который был, должно быть, ещё больше этого кузнеца: „Говорю я, должно быть, это вчера родившийся пятилетний бедняжка! Говорю я, должно быть, это давече родившийся трёхлетний бедняжка! Говорю я, должно быть, это бедняжка с суставами из хрящиков, с мягкими, нежными костями, с первым материнским молоком, ещё не обсохшим на устах, с кровавыми глазами. Пусть увеличится у него мясо на бёдрах, пусть сгустеет мясо на холках, пусть достигнет зрелости тело на спине. Вот тогда, когда он достигнет середины века якута-мужчины, тогда сварим мы его сырое, закалим мягкое. Я говорю, этот бедняжка, должно быть, с предназначением и судьбою! Ну а почему ж он, бедняжка, узнает, что он побывал здесь? Посадите-ка его на светло-чистобелое седалище, на котором садится самый лучший проворный самец-кузнец!“. — „Это какое же место они называют лучшим седалищем?“, — подумал я. А они постлали перед главной кроватью впереди зелёной травы, на неё положили чисто белую кобылью кожу с лапами и головой, с хвостом и гривой, и посадили меня на неё. И, сидячи, взглянул я на билирик, а там постлали очень большую медвежью шкуру с ошейником, головной шкурой и лапами. И спросил я: „Кто должен сесть на эту постилку?“. — „Это седалище, на которое садится самец-мужчина с вещами речами!“. Потом повернулся я и посмотрел: лежат на полу около шестка близко друг от друга толстые железа, точно матицы. И спросил я: „Что это такое?“. Этот прежний кузнец и сказал: „Это место, на котором, преклонивши колена, кланяется почтенно-страшному господину и госпоже косматоголовый самец-шаман с трижды превратившейся душою!“. Потом этот кузнец пришёл, сел на стул против меня и стал смотреть. И, сидячи, сказал: „Сделай ты железо (крючки, гвозди) для девяти человеческих гробов, а если сделаешь больше этого, то это будет уже тебе грех и кара. Скуй ты шаманскую одежду девяти шаманам, а если больше сделаешь, то это будет грех, за которым последует наказание.

Сделай ты девять скребалок для приготовления якутских луков (кырбы), девять гнёзд (железных пластинок с отверстием, на котором выделяются шляпки гвоздей), девять кайл, но если сделаешь больше, то будет тебе грех и наказание. Не обижай нуждающихся! Мы сделали тебя на земле (кузнецом), чтобы ты делал остроко-нечным неимеющее острое, и бесконцее делал с концом!". Тут раздался из билирика прежний громкий голос госпо-дина: „Бедняжка моё дитя! По-чему же он узнает, что в этом месте отворял нашу почтен-ную тяжёлую дверь, входил-пе-реступал наш почтенный по-рог? Почему же он узнает, что приходил-приближался к

И. А. Худяков. Краткое описание Верхоянского округа. Л. 141.
Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР.

нашему священному огню? Почему же он узнает, что он отправился, си-девши на нашем светло-чистобелом седалище? Ну-ка, вытащите его, об-ратите лысанорылым¹ сивожелезым жеребцом с яблочными бедрами, трижды обрызжите его по спине с самых плеч святою белою божествен-ною жидкостью (аал үрүн сүлүгэйинэн). Девять юношей, выйдите-ка вы, погоняйте-ка его к человеческой (святой) земле. Пусть не похитит не-чистый бедняжку, моего дитяту, пусть не отнимет его поганый! Пусть для тебя, дитяти, моего бедняжки, закроется огонь острых глаз косма-тоголового самца-шамана! Пусть язык, подобный острию копья-меча, вещий язык вещьязыкого самца-мужчины укротится для тебя! Я госпо-дин Кыдай Бахсы, создатель каждого (кузнеца?). На земле нет госпо-дина, который бы был больше меня хоть на волос. Говорю я тебе: когда исполнится тебе сорок лет, приходи сюда, тогда мы закалим твоё мяг-

¹ Лысанорылым – т.е. лысанный, с белым пятном на лбу. – прим. OCR.

кое, сварим твоё сырое. Ну-ка, отправьте святого дитятю к господу, божьего дитятю к богу. Место его, должно быть, соскучилось по нём; священный огонь, должно быть, ждёт его!”. Так он сказал. Вот и встал я тут. и как становился я при входе в дом, так и теперь встал на одно колено и поклонился. Прежний мальчик снова отворил дверь, и сзади меня вышло много людей. Вышли также три парня и уронили меня, и покатился я и встал, и фыркнул совершенно так же, как лошадь! И подумал я: „Должно быть, обратился я сивожелезым жеребцом!”. Взглянул на ту дорогу, по которой пришел: начинается заря (это было зимой, солнце ещё не показывалось), и подумал: „Вот где святая (т.е. человеческая) земля!”. И, вставши, пофыркал, пофыркал и побежал рысью по этой дороге. Побежал и смотрю: всё я в той же одежде, в которую был одет. Нисколько не оборотился! И подумал я: „Неужели же шаманы могут быть больше этого (Бахсы кузнеца)? Вот сам Бадай Бахсы плюнул на меня, хотел меня превратить, но не превратил. Значит, и шаманы не могут этого сделать; значит, они в шаманстве лгут все!”. И побежал я дальше рысью. И вдруг три раза на меня пал мелкий-премелкий дождик, и забрызгал меня всего сзади, точно молоком. „Это-то и есть, должно быть, святая белая божественная жидкость!”, — подумал я. А сзади меня бегут семь парней с березовыми шестами и голоса их кричат: „кый!”, „хай!” (т.е. погоняют). Затем они остались. А я бежал рысью и прибежал на вершину прежней каменной горы. С горы же спустился как будто на крыльях. И, спускаясь на землю, подумал: вот спустился я на якутскую землю — и упал! Тут я и проснулся. Рассказал я свой сон якутам, и сказали они мне: „Должно быть, ты будешь безболезненный и хороший кузнец. Да и богатый человек: сено, кобылья кожа и молоко — ведь это к богатству. Только ты людей не проклинай и злобы не думай!”. Вот потому и теперь я, если случится рассердиться, стараюсь не думать злого и не сердиться. А сорока лет думаю опять побывать у почтенных прародителей кузнецов» (Теперь Моэру 36 лет)...

Якуты весьма нуждаются в знании грамоты, даже самые богатые и почётные якуты, торговцы, старосты и головы, не умеют ни читать, ни писать. Они видят, что без знания законов, вообще без грамоты нельзя обойтись. Они уже два года жертвуют деньги на основание первоначального училища в Верхоянске (во всём округе нет ни одной школы). Необходимость грамоты обнаруживается в тех национальных средствах, к которым прибегают якуты для того, чтоб удовлетворить этой

необходимости в крайних случаях. Так, например, если один якут поручает другому пасти своего скота, то он берёт палку и делает поперёк её столько зарубок, сколько отдается для пастьбы штук скота, затем эта палка разделяется вдоль надвое: одна половина палки с полным числом зарубок остается у хозяина, другую берёт рабочий. Впоследствии при приёме скота число голов поверяют по этим же зарубкам; такая палка называется у якутов *сүөһү ахсаана мас*. Незнание грамоты и необходимость в календаре заставила якутов прибегнуть к изобретению «пасхала». Это палка длиной в 1½ или 1¾ аршина, гладко вытесанная, иногда с узорами, на которой весь год разделён по неделям и против праздников сделаны отметки — кресты, это называется *ый күнэ ахсаан* («счёт дней и месяцев»). Рядом с годовым пасхалом имеется недельный (*неделя ахсаана*), этот последний стоит из круглой деревянной дощечки с семью сквозными отверстиями, означающими семь дней недели; деревянный штифтик вставляется поочерёдно в каждое отверстие. Но вместе с православными календарями к якутам переходят также и русские суеверия. Например, о «тяжёлом» понедельнике. Потому если якут едет домой издали, то он никогда не приезжает домой в понедельник. По понедельникам также не выезжают в дорогу и не начинают косьбу травы. Якуты уверены, что в каждом году бывает один несчастный понедельник, и потому, чтобы избежать его, они остерегаются всякого понедельника (Бытантай).

Якуты ещё помнят, что в старину они работали костяными орудиями (косами, лопатами и топорами). Тогда они не отрубали дерево, а только откалывали с наружности дерева небольшие кусочки до тех пор, пока дерево не подламывалось и падало, тунгусы здешнего округа ещё и до сих пор работают иногда лопатами, сделанными из широкой части рогов сохатого). Железо якуты узнали только со времени своего знакомства с русскими. Но кузнечное искусство всё же здесь развито слабо, особенно по мере удаления от города, например, на Моме. Якуты поняли важность этого искусства, и кузнецы пользуются у них большим уважением. Прежние шаманы и знахари превращаются теперь в кузнецов. Хотя кузнецы не шаманят, не колдуют, никого не портят, а просто только куют железо, однако суеверное миросозерцание не могло отнестись к их силе иначе, как в суеверной форме. Каждому кузнечному орудю якуты придают чародейскую силу (например, *чуолгану*); все хитро-

сти и нападения шаманов на кузнецов остаются безуспешны. Шаман ничтожен против кузнеца. Стоит только кузнецу взять шаманский бубен и раздуть им огонь в печке, то все жилы шамана станут тянуть, тело его покроется пузырями, и он должен помереть. Если же шаман раскается, приедет к кузнецу просить прощения, скажет: «Прости ты меня, вылечи!». Тогда кузнец тотчас смягчится, заставит самого шамана раздуть огонь самым большим, огромным кузнечным мехом, а сам станет нагревать свой большой молот. Затем и начнет кузнец колотить шамана по животу совершенно так же, как накалывают железо, и с каждым его ударом изо рта, из ушей, из носа, из всех отверстий шамана летят искры. Тогда шаман и выздоравливает.

Эта победа кузнецов над шаманами, так резко обозначавшаяся в народном мирозерцании, показывает ясно всю силу реальных знаний и искусств. И поэтому если уничтожение суеверий, уничтожение шаманства желательно в возможно скором времени, то надо позаботиться прежде всего о распространении между ними реальных знаний и реальных искусств; открытие реальной школы или гимназии хотя бы в г. Якутске могло бы много содействовать первоначальному развитию якутов.

А что якуты весьма любознательны относительно естественных явлений, то это не подлежит никакому сомнению. У редкого народа так много песен, относящихся к описанию природы, как у якутов. Они напрягают все свои поэтические силы для описания богатства и красоты своей бедной природы. Местности, времена года, птицы, покос¹ — всё это воспевается очень усердно якутами. Описания местностей у многих якутских сказочников занимают значительную часть сказок.²

---

¹ См. песни №№ 6–10.[Д](#)

² Вот, например, описание места из сказки «Алып Туйгун»: «Вот если сверху живет он, возникая, увеличиваясь, под звенящим широким небом с девятью подпорами, с тридцатью ременными петлями (скобами). А если снизу живёт он, возникая, увеличиваясь, над незыблемой широкой пропастью. Живёт славный знаменитый Алып Туйгун с младшим его братом Алып Хара на земле (среднем месте) с убывающею болотною водою, с закатывающимся солнцем, с восходящим полным месяцем, среди людей со свободно двигающимися головами, узко подпоясанных посредине, имеющих гнущиеся суставы... Имел он (Алып Туйгун) тридцатигранный сквозной серебряный дом... Когда (вышедши из дома) посмотрел он на восток, была там роща из сухих берёз, подобно восьми господам женщинам, одетым в платья с серебряными украшениями, стоящим и тянущимся захватившись двумя пальцами, смотря на летний восход солнца, махая к себе руками (призывая благодать), смеясь и играя. Когда повернулся он, посмотрел ещё на восточную сторону, было там блестящее поле, подобно растянутой „рубашке“ (внутреннему жиру) жирной кобылы. Далее было поле мягкое, как жир, далее: медное поле, а ещё далее молочное озеро, не покрывающееся пенками. А над ним было дерево, взбираясь на которое, засыпают-проветриваются люди. А под деревом был белоглиняный холм для валяния (животных). А за всем этим были почтенные лесистые горы, подобные двум табунным быкам, ставшим для того, чтобы бодаться. Было восемь торчащих каменных гор, подобных двум самцам- медведям, выбежавшим из лесу,

Иногда, например, якуты делают так называемый *от атах* («травяную ногу»), фигуру, составленную из четырёх травинок (*хорон от*), зацеплённых сперва друг за друга, потом за ломаный рычаг из травинки, а рычаг в свою очередь весится на штифтик из твёрдой травинки, воткнутой в стену. Затем натирают перо или крыло о бересту и подносят к нижним концам травяной ноги. Под влиянием возбужденного электричества концы или сближаются (*кыпсый*), или отталкиваются. Наблюдение над их движениями доставляют якутам много удовольствия, тем не менее до истинного понимания физических явлений им ещё далеко. Так, для движения концов травяной ноги они считают необходимым приговаривать: *Тэп* («пни»), *тилэхтээ* («ударь пяткой»), *өттүктээ* («ударь в сторону»). Если не обтирать бересту, то трава будет брезговать и не соединится, то же будет, если станешь ругаться. Некоторые по травяной ноге ворожат даже приезжих. Для этого сперва трижды махнут пером около огня, повторяя каждый раз: «*Алыас!*» — потом перо вытирают берестой, приговаривая: «Я вымыл тебя дождём, вытер тебя снегом, погань твою очистил, обелил тебя!».

Мы видели, что вся сила якутских суеверий, колдовства и шаманства основана на страхе перед людскими и скотскими болезнями, перед воз-

---

подравшимся, сорвавшим друг другу косматую шкуру шеи (бок), покрывшимся тёмною кровью и отправившимся в тёмные каменные горы. Был горбатый тёмный лес, подобно девяти голубоватым оленям, бегущим рысью друг за другом. Был тёмный лес, подобный семи бело-пеганым оленям, бегущим рысью друг за другом. Когда посмотрел он на южный конец: были там обрамляющие вокруг горизонт белые горы, подобно бегущим белым оленям. По сю сторону их были высокие рощи, подобно девяти толстым, неуклюжим, не понижающим по-якутски солдатам, стоящим на карауле у кладовой с саблями, думая, что придут мошенники, делают беду. Были осиновые деревья, подобно шаману Кынапу, хвастающемуся перед народом. Был мелкий ерник, подобно семи пожилым старухам, бегущим и волочащим за собой ремешок обуви. А ещё ближе были серебряные кочки, подобно отрубленной и стоймя поставленной голове шамана Болчонгнура. (В середине) было важное дерево с восьмисложными ветвями, с листьями и хвоями. протянувшимися от Татты, с господами шишками, подобно богатому человеку, стоя держащему вверх дном стакан-чорон с девятью кольцеобразными возвышениями и махающему им, с листьями, подобно стоящему старинному Нарахе-шаману, держащему за железную рукоятку навзничь бубен с деревянным кругом, обтянутый кожей годовалого телёнка, и ударяющему в него: „дыгыр. дыгыр...“, с золотой корою, с серебряною мезгою, с древесиною из серебра под чернью. Святая жёлтая божественная жидкость переливалась вниз, подобно жемчугу русского человека, навздёванному на нитку, а снизу святая жёлтая божественная жидкость подымалась вверх, подобно вздымающейся лежавшей жирной чисто белой кобыле, ею-то напивался проголодавшийся, от неё-то полнел, ел голодный, отогревался озябший; это был дорожный завтрак для верхового, была ночевка для пешего. Когда посмотрел он, желая узнать, где оканчивается верхний конец этого дерева: проросло оно сквозь голубое небо, видимое якутам, сквозь чисто белое лучезарное светлое небо, через белое небо трёх рядов и на восточной его стороне сделалось главной коновязью из серебра под чернью у Белого господа бога с молочно-каменным седалищем. Когда посмотрел он, думая: „Куда-то прирос нижний конец (дерева)?“, спустился он, сделался сысахным колом госпоже Коровнице (*Ынахсыт*). Умозаключил (Алып Туйгун): „Это должно быть, сосредоточие моей восьмигранной местности!“ ».

можным несчастьем. Если же якуты будут с детства приучаться отстранять свои бедствия средствами науки, то этим путём они сами освободятся и от гнетущей их бедности, и от удручающих суеверий.

Учреждение окружных врачей и лекарских учеников много содействовало падению шаманства вблизи городов; тот труп, на который якут боится даже взглянуть, бесстрашно анатомируется перед его глазами доктором или его учеником. Страшные сифилитические болезни, перед которыми бессильно всякое шаманство, удачно излечиваются в жалкой городской больнице, помещающейся в юрте.

В течение 1864 г. в верхоянской больнице лечилось 30 человек инородцев, между тем как в 1860 г. в ней пользовалось только 15 человек, а в 1859 г. только 10 человек. Таким образом, менее чем за 10 лет число больных, пользовавшихся в больнице, возросло втрое. И это чрезвычайно быстрое приращение произошло, конечно, не от увеличения населения, увеличивающегося в здешнем округе весьма туго, а скорее от увеличившегося между якутами числа зараженных сифилисом и от большого их доверия к лечебнице. Довольно сказать, что 10 лет тому назад больничные пациенты помещались в столь холодной юрте, что в ней застывали даже составленные для них лекарства. Больные нередко сами должны были рубить дрова (в стужу), доставать воду, ходить по городу за сбором милостыни для пропитанья. Ныне положение городской больницы гораздо лучше, но всё же она оказывает свое благотворительное влияние лишь только на подгородных якутов. Остальное население округа, отдаленное от неё на сотни и тысячи вёрст, не имеет никакой возможности пользоваться пособием научной медицины.¹

---

¹ Сами якуты прибегают к следующим средствам против болезней: 1) Если дитя страдает слюнотечением, то слюни ему подрезывают ножницами. 2) а) При головной боли перевязывают лоб платком; б) иногда при головных болях меряют голову бумажкой вдоль и поперёк и, сравнив размеры, объявляют, что голова выдалась (*мэйиитэ тахсыбыт* — «голова вышла») и затем череп вправляют — вдавливают. 3) При болезни *куйахата сыстыбыт* («головная кожа прилипла») на больном месте закручивают волосы и затем крепко дёргают, чаще же закусывают зубами и дёргают. 4) Лысина у молодых: парят головную кость семилетнего жертвенного коня, собирают жир и мажут голову, тогда вырастают беловатые волосы. 5) От поносу («гибельной и срамной» болезни) употребляют разваренный на молоке вязущий корень *мэккээнин*. 6) От простудного кашля пьют горячий суп и варёное молоко. 7) От чахотки глотают живую маленькую лягушку или же медвежий жир и медвежьей желчь, разведенную водою. 8) От чахотки же дают больному медвежьей лёгкие, истёртые в порошок, с маслом или с чем-нибудь другим. Это делается так, чтобы больной не заметил примеси медвежьих лёгких. Если же чахоточный выздоровеет, да ему об этом рассказать, то болезнь снова усилится и больной умрёт. 9) При колотье одеваются в тёплую доху и сидят перед огнём камина или же отлеживаются на нарах до испарины. 10) При эпидемических горячках пьют *умдаан* (кислое молоко). 11) При поваральных болезнях удаляются от людей в дальние пустынные места. 12) а) При переломе костей кости вправляют костоправы и перевязывают в лубки, иногда наговаривают и плюют на больное место; б) при вывихах сперва делают припарки из сенной трухи и моху, а потом вправляют вывих, обвязывая рану дощечками или берестой, так же поступают

при переломе костей и, кроме того, употребляют внутрь опилки красной и жёлтой меди с варёным клеем; иногда при вывихе на руки и на ноги надевают красную медь или завязывают больное место ремнём женских старушских штанов. 13) При застое крови дают частичку кабарговой струи на масле, а если струи не случится, то убивают телёнка и сажают роженицу внутрь его (вместо припарка). Иногда при застое крови скучивают коровье кало подобно тесту, из которого делают хлеб, это кало кладут на горячую золу, и когда оно хорошо перепреет, то его завёртывают в платок и кладут припарки. Иногда в горячее масло насыпают ржаной муки, разваривают, делают припарку и потом разминают живот. 14) При запоре у роженицы на живот накладывают мохнатый лоскут (большую часть заячий). 15) При истечении крови поят телячьей и жеребьей кровью, чтобы пополнить убыль крови. 16) Если «падает язычок», то его поднимают ложкой, положивши в неё сахару или мёду с перцем. 17) При лишае ловят кукушку (птицу), у живой кукушки вырезают сердце и капают тёплой кровью на лишай; иногда при лишае прикладывают зажженный сухой тальник и железу и потом мажутся вытекшим соком. 18) При лишае у углов рта (*уос баана*) утром и вечером мажут больное место пеплом. 19) При *ахсарга өлүү* (рожа? сыпь, выступающая одна на другой с которой-нибудь стороны спины, если сыпь перейдёт поперек позвоночного столба, больной умирает) опоясывают больного по голому телу красным сукном. 20) При чесотке: а) летом закрывают в поле медным котлом «рвотную траву» (*хотуолуур аба*) во время её роста. Когда эта трава достигает настоящего роста, то котёл сталкивают с места, толкая длинным шестом с той стороны, откуда дует ветер, затем через три-четыре ночи траву эту срывают вместе с корнем, настаивают корень на кумысе и мажут тело; б) иногда при чесотке набирают много «пострела» (*ургуун*), закрывают в большом котле и варят, затем моются горячей водою с листьями; тогда слезает не только чесотка, но и вся кожа; в) иногда летом чесоточные надолго ложатся в холодную половодную речку. 21) При сифилисе садятся верхом на рыже-пегого коня и едут, не останавливаясь, вёрст 40–50, и едут скоро, чтоб лошадь хорошенько вспотела, затем, когда её останавливают и она станет мочиться, ей под струю мочи подставляют посуду. При остановке истечения мочи тотчас подставляют другую посуду, в которую через небольшую паузу и вытекает небольшой последний мочевого остаток; больной выпивает эту последнюю мочу, а первую моется. Иногда больной пьянеет от такого питья и падает в обморок, когда же приходит в себя, то его рвет, прошибает пот и понос, «выходят-де из него разные черви», больной вылечивается, и сифилис проходит. 22) При переломе больные мочатся в глазное отверстие головной кости жертвенного коня (т.е. повешенного на дерево в жертву). 23) На «ядно» (*түөн*) прикладывают зажженный трут. [??? ядно (арханг, диал.; также *мокса*; *түөн по-якутски*) и есть трут, сжигаемый на теле с целебной целью при параличах, ломоте и т.п. – прим. OCR.] Если не поможет, то парят выдолбленную насквозь сырую толстую талину и ставят на больное место вместо банок. 24) При большей опухоли, из которой делается нарыв и потом образуется глубокая рана до костей (*хаары*), убивают «четырёхглазую» чёрную собаку и, вынимая её горячее сердце и печень, прикладывают к ране и завязывают, «и это-де помогает». 25) «Собачье поветрие» (*ыт дьяна*), или опухоль под носом, лечат, привязывая под нос кало ребёнка, не достигшего семи лет. 26) При начале глухоты ставят на горячие уголья калёную кость сивой лошади, продолбленную чашечкой, вытопившийся жир собирают и, пока ещё он не остыл, наливают в уши больному. Затем в продолжение года берегут уши от простуды. 27) Если на суставах отстанет жила, то над больным местом долго накалывают кончиком иголки, утверждённой в конце продолговатой лучинки. 28) Если отстанет жила или надорвётся тело, то его намазывают клеем и облепляют пухом. 29) Если ноет-болит один зуб, то им кусают древесного червя (*мас үөнэ*). Если это не поможет, то берут палку с могилы покойника, одноимянного (тёзки) с больным, и кусают больным зубом. Если это не подействует, кусают медвежий зуб, а если и это не поможет, то кость горноста. При скрежете зубов больному кладут в зубы огниво. 30) При ногтеде прикладывают чилибуху [«рвотный орех». Содержит сильные алкалоиды *стрихнин* и *бруцин*, произрастает в тропиках], иногда медвежьей желчью и т.п. 31) При «змеевике» (*илии абааныта*) палец прокалывают горячим железом. Если проколют «дьявола» (болезнь), то больной облегчается, а если же проткнут мимо, то больному делается хуже. Если при змеевике белеющую точку пальца проколют горячим шилом, а облегчения не будет, то больной палец обмакивают в молочный кипяток с сарданою (густой кипяток считается более горячим и действенным). Если же и это не поможет, то палец завязывают кусочком змеиной кожи, которым здешние якуты непременно запасаются на всякий случай, добывая этот товар из Якутска. 32) При золотухе пьют бобыльник или же вареную смородину, иногда ещё с примесью наскобленного золота. 33) При желунице [то же, что желтуха. – прим. OCR.] (*саһыл өлүү*) перед больным ставят посуду с водою, в которую пускают живую щуку. Больной вместе с этой посудой накрывается чем-нибудь желтым, смотрит на щуку и приговаривает: «Пожелтей ты так же, как я, будь, как я, золотого цвета, нарядись, как я нарядился!», (*Мин курдук кыһыл көмүс дьүүһүннэн; мин киэргэммитим курдук киэргэн!*). Если больному выздороветь, то рыба пожелтеет, затем эту живую рыбу вынимают из посуды и отпускают живую обратно в реку или озеро. 33) Ячменю внезапно показывают кукиш. 34) При глазной болезни употребляют *харах эмэ мыына* (мыло лекарственное

Правда, доктор или, за частым его отсутствием, лекарский ученик выезжают иногда в округ для прививания оспы и осмотра больных, но минутная и редкая визитация мало приносит пользы. Именно поэтому-то и желательно, чтобы по крайней мере при каждом улусе имелась постоянная больница, где бы больной имел и медицинскую помощь, и временный приют во время болезни. А в настоящее время больные в округе нередко оставляются не только на произвол болезни, но также голода и холода.

Учреждение улусных лекарственных учеников необходимо ещё и в том отношении, что скот — единственное богатство местного населения —

для глаз), т.е. кокосовое. Оно помогает, потому что, не купивши мыла, якуты почти никогда не моют глаз. 35) При глазной болезни (катаракт, тёмная вода и пр.) ставят перед больным чашку воды и больной смотрит в нее приблизивши к ней лицо. А в это время другой человек, умеющий накрикивать на болезнь (*санарааччы*), стоит позади больного и три раза кричит ему в затылок: «*Анныгынан альчах айаннаата, үрдүгүнэн үгүрүө сыылла; кэт-ыстан!*». Трижды дует и плюёт на пол. Затем и сам больной трижды кричит, дует и плюёт. «И в ту же минуту больной чувствует мгновенное облегчение, и на воду спускается что-то беленькое маленькое». Это накрикивание производится трижды в день: утром при восходе солнца, в полдень и при закате; и каждый раз наговор повторяется трижды. Во время церемонии *санарааччы* стоит в шапке, в правой руке держит или медную монету, или три королька (буса) синего цвета, на которые тоже плюёт, после наговора он кладёт их куда-нибудь в щель, а к повторению наговора достаёт их снова. Если накрикивание не помогает и бельмо по-прежнему остается на глазу, тогда больного заставляют смотреть на свадебную свечу лица, не нарушившего супружеской верности. Если и это не поможет, стреляют подле больного из ружья. Если болезнь «не послушает» и этого, то больной вдруг падает открытым глазом на холодную воду. Если и это не поможет, то кто-нибудь посторонний брызгает издали холодной водой так, чтоб больной вздрогнул. Брызжут издали, опасаясь, чтобы больной не узнал брызгающего: тогда болезнь перейдёт к нему. Иные достают у живого ворона желчи и каплют ею на глаз или же мажут ею глаза. Иные от глазных болезней зажигают восковую церковную свечу и, закрывши её вместе с своею головою покровом, смотрят на нее. Если и это не поможет, то кладут медному кресту 40–50 или 100 поклонов и, вставши утром, выходят при выходе солнца в такое место, где бы их никто не видал, и прикладывают на глаза медный крест. Иные ещё изображают на восточной стороне лесины личико: против него становится больной и смотрит, а накрикивающий (*санарааччы*) с боку кричит трижды: «хюй!»... На Моме при глазной болезни *санарааччы* подносит к больному глазу медное кольцо трижды, затем приближает ко рту и кричит: «хук!». Иногда больной смотрит больным глазом в три берестяные посудки, налитые до полна водою, в которую опущено по одному синему корольку, посудки ставят на полу, а шаман становится сзади больного, именем дьяволов и наговором прогоняет болезнь. 36) На чирей больному наплёвывает *силлиэччи* («плевалыщик») и приговаривает: «Господин вонючий чирей! Высохни ты плоско, как доска, засохни (крепко), как клей. Расплюснул я тебе голову плевком, расплевал твой корень. Это моя обычная способность со времён почтенного дедушки, со времён почтенного отца; такого уж я происхождения, что не даю разродиться твоему корню, имею рот, не дающий возникнуть твоему зачатию, имею рот, (назначенный) проплевать с вершины насквозь чёрный камень величиною с лежащую корову. Я не плюю на якута-человека — на тебя я плюю, не даю (тебе) ночевать ночи, продневать дня. Такой-то у меня плюющий рот, такая-то у меня волшебная способность. Взлети, вспрыгни, встань!» (*Сытыган кутургуйа тойон! Хаптаһын тахса хат; кут тахса куур, баска балба силлиэтим; төрдүгүн түөрэ силлиэтим; улуу эһэм саҕаттан туомньукпун, улуу аҕам саҕаттан туомньукпун, төрдүгүн төрөппөтөх удьуордаахпын, үөскүүргүн үөскэппэтэх удьуордаахпын, сытар ынах саҕа күрбэ тааһы төбөтүнэн хайа силлиэбит удьуордаахпын: саха киһи үрдүгэр силлиэбэппин. Эн үрдүгэр силлиибин, түүүн хоннорбоппун, күнү өрөппөппүн. Ол курдук силлиэччи удьуордаахпын; ол курдук домнуоччу туомнаахпын, кэт ыстан, тур!!!*). Последнее слово произносится очень громко. Затем чирей обводят трижды маленьким углем, который потом бросают под порог.

подвергается частым и быстрым болезням. Если в улусе начнётся падёж скота, то в городе об этом могут узнать разве через месяц, а пока из города отправят требование в Якутск, и из Якутска приедет ветеринарный врач, то для этого нужно ещё три месяца. А в это время болезнь может или совершенно прекратиться, или свалить весь скот. Было бы хорошо, если б сами якуты получили такое образование, чтоб занять должности улусных лекарей.

Статистика сделалась основанием всех соображений государственных лиц; этнография есть не что иное, как статистика умственного развития народа, и потому для просвещённой администрации она может давать серьезные практические указания. Мы видели, что шаманство поддерживается преимущественно страхом и беспомощностью якутского народонаселения перед болезнями, и потому, если мы желаем возможно скорого уничтожения суеверий, мы должны заботиться о распространении реально-медицинских знаний и пособий в среде якутов. Тогда им незачем будет обращаться к шаманской мудрости, и она останется только достоянием истории.

Желание знать свою будущность довольно живо у каждого человека, но оно тем живее, чем тяжелее его настоящее. Поэтому понятно, что у якутов никогда не было недостатка в подобном желании, но за отсутствием научного образования и научной логики они, естественно, обратили это желание в обильный источник суеверий.

Так, треск огня в камине они считают правом veto божества; так, если они желают узнать, хорошо ли едут дорожные, то сучат нитку из шерсти заячьего хвоста, заматывают эту нитку на палку и приговаривают: «Если дорожные хорошо едут, то спутайся!».

Иногда ворожат ещё и так; берут полено, которое расщепляют сверху, и в расщелину вставляют поперечную палку, которую и зажигают с середины: если уголь отскочит вперед в юрту, то скоро будут приезжие, а если назад к дверям, то нет. Часто приглашают шаманов гадать (*түөрэх*) ложкой или какой-нибудь другою вещью; также всякий якут при удобном случае, желая знать будущность, бросает монету, шапку, верхнее украшение шапки или другую какую-нибудь вещь; если она «сядет», т.е. упадет как следует, то к счастью, если набок, то к несчастью.¹ Зимой во

---

¹ Мы видели, как во время ысыаха шаман навораживает счастье (глава XIII). В сказках дьявол узнаёт неизвестное бросанием челюсти. Якутское проклятие говорит также: «Пусть выскочит твоя челюсть и послужит для ворожбы на соединении семи дорог!». Ворожбу девушек смотри гл. IX, конец, и гл. X о коновязи.

время святок ворожат так: ночью, когда все лягут спать, желающий выходит к проруби и ложится на снег; если он помрёт в наступающий год, то поутру след его будет весь, но без головы; если же год пройдет благополучно, то след на снегу будет целый, с головой. Или же наливают в чашку воды и ставят её снаружи юрты около окна, если вода в чашке замёрзнет сплошь цельно, то это к богатству, если же лёд расколется, то к разорению. Иные ещё во время святок вечером берут в зубы лучинку, выходят из юрты и становятся снаружи под окном, и слушают: если в это время в юрте говорят о чём-нибудь хорошем, то к счастью, а если о худом, то к худу. Другие кладут под голову веник, ложатся у порога и слушают: если кому из домашних помереть, то лежащему покажется, что будто через него пронесут этого человека из дома на двор, если кому из домашних захворать, то покажется, что такой человек, подпёршись посохом, вышел через него из юрты; если кого из домашних девиц вскоре отдадут замуж, то через него войдет в юрту зять, если вскоре что-нибудь промышлят, то увидит он, что через него принесут этого зверя и пр. Иные выходят на озеро или на реку к проруби, делают на снегу палочкой семь черт, которые и окружают полукругом, называемым *айыы чэрчитэ* — «святою чертой»; внутри этого полукруга и садятся вышедшие слушать два, четыре или шесть человек. И вот если умереть кому, то услышат они оханье и плач, если упромыслить, услышат шаги того зверя, если родиться ребенку, то послышится детский плач или пение птички, если расплодиться конному скоту, послышится ржание коня, если размножиться коровам, то послышится мычание коровы, если выйти девице замуж, то топот проехавшего верхом.

Все явление жизни, почти все свои сведения-приметы¹ якуты приурочили к предугадыванию будущего. И среди этих примет приметы по ощущениям тела (*битэ*) занимают одно из самых видных мест.

У женщины дёргает верхушку темени — к венчанию. Дёргает ушное углубление — к известию.

Если звенит в левом ухе — слышать о смерти человека, а если в правом — к добру.

Чешется правая бровь — к радости, если левая бровь чешется, то это к гневу.

Дёргает веки глаз — видеть что-нибудь удивительное.

---

¹ В якутских сказаниях приметы всегда сбываются непреложным образом. Пророчит ли старуха по особым ощущениям тела, её пророчество всегда удачны, видит ли какой сон девица, сон её сбывается в тот же день.

Дёргает поперёк перенося — лошадь взнуздывать (у других — к ветру).

Дёргает вдоль носа с боковой стороны — к слезам.

Чешется верхняя оконечность ноздри — к водке или к пьяным людям.

Ноздри дёргает — к самому большому греху или несчастью.

Дёргает горизонтально вдоль угла губ — к приезжим (с удилами, верхом).

Если дёргает середину углубленной полоски от средней оконечности носа до губы — нюхаться (т.е. целоваться).

Дёргает верхушки губ — целоваться.

От угла губ дёргает немного кверху — «облизываться», т.е. означает, что волк съест скотину и будет облизываться.

Дёрнет ниже угла губ — к пище.

Дёргает сухожилие между челюстями — к чавканью (пище). Нёбо дёргает — отведывать какую-нибудь новую пищу.

Если зачесется наружный кончик языка — ругаться с кем-нибудь.

Язык стягивает — ругаться и проклинать.

Дёргает основание языка — «запыхаться» (т.е. к приезду собак, к лисице или волку).

Если зачесется горло или горло скрипит — к водке и к пьяным людям.

Груды у женщины заболят — к болезни или смерти какого-нибудь ребёнка.

Лопатку дёргает — к сумасшествию или к болезни.

По плечам дёргает — к приезду вьючных с кладью или к приезжим на оленях.

Дёргает поперёк с задней стороны ручных мускулов — к приезду шамана (когда шаман скачет во время своего служения, то плечевое двигается поперёк).

Если же будет сильно дёргать поперек ручных мускулов (на плечевых костях), то к смерти человека (в старину связывали покойников).

Если будет дёргать внутри ручных мускулов — выдергивать жилы из убитой домашней скотины или из добытого зверя.

Тянет жилу (*син кəтəгə*) на локтевой кости — подымать упрямое (животное).

Дёргает косточку руки, от которой идёт указательный палец — «утирать слёзы» (к слезам).

Если у юноши рука тяжёлая, то женится на вдовушке, а если у девушки тяжёлая рука, то выйдет за вдовца.

Сердце трепещет — к скорби.

Бока дёргает — к дороге, к приходу вьючных лошадей.

Дёргает ниже пупа — «запыхаться» (т.е. приедет скорый верховой или кто-нибудь вдруг заболит).

Дёргает поперёк ноги повыше колена с передней стороны — поднимать что-нибудь (промысел).

Если у женщины дёргает угол локтя или (передний угол колена) — к родам.

Бедро дёргает поперёк — к своей или чужой болезни.

Если при разговоре дёрнет верхние части голени — к добру, к счастью, к исполнению желания.

Дёргает с боковой стороны по самому подколенку (или с наружной стороны вдоль колена) — значит: обтереться пищей, т.е. убить и обтирать жирные руки (к хорошей еде: обтирать нож о брюки — привычка якутов, едящих постоянно с помощью ножа).

Дёргает внутри под самым коленом — к худу.

Тянет внутри голени — разрезывать животного на промысле.

Дёрнет на передней или на внешней стороне голени — к мучительной дороге или к препятствию.

Потянет вдоль голени — к смерти человека.

Дёргает нижнюю сторону пятки или бока подошвы — к приезжим со стременами и т.д.

Никто не находит яиц кукши, но если кому случится найти, то это к смерти или к окончательному разорению.

Кукша «плачет» (т.е. жалобно поёт) — к худу.

Кукушка перелетит кому-нибудь дорогу — к худу или к смерти родственника.

Собака фыркает — к худу.

Видеть во сне, что выпал зуб с кровью, то к смерти, или к известию, или к приезду родственников.

Благовест во сне слышать — к известию.

Тарелка, блюдец или чашка во сне ломаются — к новорождённому.

Царя во сне видеть — к счастью.

Нитку сучить — к печали.

Аршином что-нибудь мерять — к печали.

Видеть во сне волосы отросшими — к печали.

Волосы, хвост или нитки во сне видеть — к тяжёлой мысли. Иголки во сне видеть — к колотью или к несчастью и слезам. Есть во сне у кого-нибудь что-нибудь белое (т.е. молоко или что-нибудь приготовленное из молока) — значит, у того человека будет пропадать скот.

Лягушку видеть во сне — к приезду колдуна, шамана, или к венерической болезни (увидеть или услышать).

Наряжаться во сне — значит жалеть о чьей-нибудь смерти. Видеть во сне, что всё место объято огнём — к поветрию. Собаку видеть во сне — к приезду товарища или друга.

Видеть во сне быстро едущего верхом — к дождю или ненастью.

Жеребят видеть во сне — к дождю и многое т.п.¹

Из этого мы видим, что наблюдательность якутов за недостатком научного образования поневоле увеличивает собою грудку суеверий. Народная метеорология, приведенная нами в I главе, показывает в якутах пытливость ума, направленную к познанию природы. Шаманство, древние суеверия, наконец, тайна успеха новых суеверных проповедников заключается лишь в том, что они предлагают своё толкованье, своё объяснение всех поражающих простой глаз естественных явлений. Страшно не существование шаманов или нескольких десятков или сотен кликуш, но крайнее обилие того невежества, которое поневоле принимает их суеверие, как единственную общедоступную науку. Грамотность и естественно-медицинские науки могут избавлять якутов от массы суеверий и направлять их способности на прямую дорогу. Конечно, на русских лежит обязанность всеми силами содействовать им в этом случае, чтобы избежать естественных нареканий, что господствующий народ оставил их в невежестве. А в настоящее время самое имя, под которым русские сделали их известными всему свету, на якутском языке равносильно слову «невежда» (*дьокуут* — «якут»)...

---

¹ Вот ещё несколько народных якутских психолого-физиологических примет: продольные цельные морщины через весь лоб означают злопамятного человека; низенький лоб — недолговечного или глупого человека; вертячая голова — глупого человека; голова, откатнувшаяся назад, — глуповатого; длинные руки — вороватого человека; согнутая спина — ленивого; вертящиеся, бойкие глаза женщины — кокетку.

ДОПОЛНЕНИЯ

I. Ночлеги (станции) на Верхоянских дорогах (зимних)

(Ночлеги из одних поварен без жилья означены звездочками)

1. С Алдан и до Верхоянска, вёрст

1. <i>Мөллөгөй Отуу</i> , от Тандинской (Алданской) до <i>Сагаалыы</i> — «новое поле»	30
*2. <i>Меркюшь</i> (Мярнися).	
В 30 верстах от Меркюша протекают две речки — большой <i>Аан тимирдээх</i> и маленький <i>Аан тимирдээх</i>	50
3. <i>Бөдөкүөл</i> (<i>Үгүс күөлэт</i> — «многоозерная», «многопрепятственное», станция. За 2 версты не доезжая есть <i>Туора Тукулаан</i> (Поперечный тукалан).....	[?]
*4. <i>Куруг хапчагай</i> — «быстрая речка», при р. Тукалане.....	10
*5. <i>Киэн тирэх</i> — «обширный тополь», под Верхоянским хребтом	50
*6. <i>Киэн үрэх</i> — «широкая река», станция (через хребет)	40
*7. <i>Тирэх үрүйэ</i> — «тополёвая река». Дорогой переезд через две речки — Большую и Маленькую Лыптанги	40
*8. <i>Баардыкюёл</i> (при р. Яне). По дороге гора <i>Улуу Тумул</i> и поварня того же имени	40
9. <i>Суруктаах</i> — «письменная», при реке того же имени, станция	40
10. <i>Үөттээх</i> — «с болотным тальником», при р. Яне	30
11. <i>Барылас</i>	50
12. <i>Сирэм</i> — «погорелое поле», при р. Яне и впадающей в неё речке <i>Хоспохтоох</i> , станция.....	20
13. <i>Тимофей</i>	50
14. <i>Чапыны</i>	60
15. <i>Сыһыы баһа</i> — «начало поля», станция; перевоз летом.....	40
16. <i>Таргана</i> при р. Яне (летом), часовня.....	50
17. <i>Бырдья</i> (зимой).....	70
*18. <i>Мангы</i> , при речке <i>Мангы</i> ^А	45
19. <i>Хайманкылаах</i>	30
20. <i>Верхоянск</i>	50

Через Дулгалах

21. <i>Тастах төрде</i> , на Гаврила Слепцова (местечко <i>Буор Ураһа</i>)	50
22. Дулгалахская церковь	30
23. <i>Буустаах</i> — «ледовой», при р. Яне и озерьях	60
24. Верхоянск	40

2. От Верхоянска до Зашиверска

1. <i>Чинэкэ</i> — «жильё». До <i>Чинэкэ</i> впадают в Яну реки Тэк- тэнгэ и Биллах. <i>Чинэкэ</i> считается сенокосным местом. Живут якуты 4-го Юсальского наслега	40
2. <i>Булгунньахтаах</i> — «курганистый». Живут якуты 2-го Бай- дунского наслега. Между <i>Чинэкэ</i> и <i>Булгунньахтаах</i> в Яну впа- дает речка <i>Улахан Биллах</i>	30
*3. <i>Батагай Алы</i> , близ Ынахских гор	30
4. <i>Түбэ</i> — «лес», «бор», зимняя станция. Живут якуты Бата- гайского наслега	40
5. <i>Адыачы</i> , летняя станция	10
6. <i>Табалах</i> (летом <i>Ойун Хомото</i> , травянистая речка, идущая из озера в озеро; промысел рыбы)	60(80)
7. <i>Туостаах</i> — «берестовая», станция при р. <i>Туостаах</i>	50
8. <i>Төнгүргэстээх</i> — «пнистая». Дорога через крутой хребет Колыма Тумула. Поварня стоит при р. <i>Догдо</i>	60
*9. <i>Кыртас</i> . Дорога по р. <i>Догдо</i> ; в случае больших наледей — через <i>Тыаллаах Тумуһах</i> — «ветренный мыс»	40
*10. <i>Өлөрсүбүт</i> — «убиенная поварня», при р. Догдо. По преда- нию, около этого места было сражение между тунгусами и рус- скими	40
*11. <i>Тирэх үрүйэ</i> — «тополевая речка». В 15 верстах от Убиен- ной поварни переезд через гору Тас Хайахта; далее на оленях ездят по льду, через ущелье между горами в 3 сажени на протя- жении версты; это ущелье называется Хабаров Хабаргата. В 40 верстах от Тас Хайахтахского хребта вырывается из-под гор ни- когда не мерзнувший источник Уот-юрэх (в теснине р. Русской	

Россохи, или Кыры), источник, имеющий в длину 200 сажень, в ширину от 2–5 саженьей, глубиной от ½ до аршина; наледь вдоль него в некоторых местах бывает до 4 сажень.....	60
*12. <i>Байхал</i> , при речке Байхале.....	40
*13. <i>Бөрөлөөх</i> — «волчья». По речке Бёрёлёх хороший олений корм (<i>чибага</i>) и много промысла.....	40
*14. <i>Куөх таас</i> — «синий камень». Тут часто кочуют ламуты.....	40
*15. <i>Чубукалаах</i> — «с дикими оленями», при р. Гуляндиной, переезд через Гуляндинский хребет.....	60
16. Зашиверск (<i>Эргэ гуорат</i> — «старый город»). В старину будто бы было до 45 домов, ныне три лачуги.....	30

3. От Зашиверска до Ожогина

1. От Зашиверска до Насыкольского	130
2. <i>Сырдыкуль</i>	50
3. <i>Абый</i>	100

От Эльгецкой управы до Ожогина и до Бысыта

1. <i>Сардалах</i>	60
2. <i>Баланахта</i> , при речке Баланах	50
3. <i>Абый</i> , при оз. Абые	40
4. <i>Хачытчар</i> (Мунгурдах), местечко. Дорогой переезжают реки Уяндину и Чачымчар	50
5. <i>Кюлэс</i> , местечко при оз. Кюлэсе	40
6. <i>Ураһалаах</i> — «с летней хижиной», местечко.....	60
7. <i>Мэнэти</i> , при оз. Ожогине, местечко.....	90
8. Ожогин, при р. Индигирке	50
9. <i>Эрчи</i> , селение на Индигирке	60
10. Шамаева, при р. Индигирке.....	60
11. <i>Быһыт</i> — «заезд», при р. Индигирке. От Быхыта с. Русское Устье, на 100 верст к северу.....	40

4. От Бысыта к Усть-Янску

*1. <i>Эбэлээх</i> — «медвежья», при оз. Эбэлэх	40
---	----

*2.	<i>Бөрөлөөх</i> — «волчья», при речке Бёрёлёх	50
3.	<i>Хрома</i> , при речке Хроме.....	100
4.	<i>Мэкэ-Сэргэлэх</i> , при речке Мэкэ-Сэргэлэх.....	80
*5.	<i>Сыалаах</i> — «жирная», при речке Сыалах	80
*6.	<i>Нууча-үрэх</i> — «русская река», при речке Нуча-юрэх	80
*7.	<i>Чондон</i> , при речке Чондоне	30
8.	<i>Сайбалаах</i> — «с пастью-ловушкою на зверя», при речке Сайбалах	60
9.	<i>Усть-Янск</i> , или местечко Казачье, при р. Яне	100

5. От Усть-Янска к Булуну

1.	<i>Кюсэнтэй</i>	50(40)
2.	<i>Батар-юрэх</i>	40
3.	<i>Дагарын</i>	60
4.	<i>Омчоху</i>	40
5.	<i>Таас тумса</i> — «каменный мыс», при речке Киэлинкэй	50
6.	<i>Хара уулаах</i> — «черноводная»	50
7.	<i>Эбитиэм</i> , при р. Эбитиэме.....	40
8.	<i>Булун</i>	90

6. От Верхоянска на Булун

*1.	<i>Хоптолоох</i> — «с чайкой», при оз. Хопто — «чайка». Дорóгой переезжают речку Ойун үрэбэ — «шаманская река», впадающую в р. Тыкаах в 30 верстах от устья её (впадение в Яну)	50
*2.	<i>Буом Алыы</i>	30
*3.	<i>Тыкаах</i> , при речке Тыкахе. Посредине дороги переезжают хребет Тыкаак сингэ	60
*4.	<i>Тээнки</i> , при речке Тээнки. Переезжают хребет Тээнки сихэ	40
5.	<i>Кулгааба суох</i> — «безухое». Р. Бытантай, не доезжая до станции 5 верст, впадает в Яну.....	60
6.	<i>Таас аппа</i> — «каменное ущелье»	60
7.	<i>Өйүмү</i> — «полынья», жильё. Полынья р. Омолоя, имеющей протяжение около 1000 вёрст и впадающей в море тремя рус-	

лами, которые расходятся, не доходя до впадения 20 вёрст; расстояние между восточным и западным устьями 15 вёрст. Омолой изобилует множеством мелкой рыбы и близ Өйүмү очень широка	60
*8. <i>Дьуһаал</i> — «юсалец», при озере	40
*9. <i>Булгунньахтаах</i> , при озере	40
10. <i>Омолой</i> , при озере, станция.....	50
11. <i>Ёлюгэн</i> при озере и речке того же имени	60
12. <i>Мас мунгун бабаарыната</i> — «поварня предела леса», при речке Ёлюгэн. Начало тундры.....	[?]
13. <i>Таас Тумса</i> — «каменная губа», близ морской губы. Переезжают гору <i>Ыт буһарбыт тааһа</i> — «камень, где варили собаку», потом р. Куолай. У поварни Тас Тумса лесу нет и топят морским плавником, «елью».....	100
14. <i>Хара Уулаах</i> — «черноводная»	60
15. <i>Эбитиэм</i> , при р. Эбитиэме	80
16. <i>Булун</i> , дорога до Булуну идет по Эбитиэму, а потом по Лене 20 верст	80

7. С Верхоянска на Усть-Янск

(то же, что и на Булун до № 10. Омолой)

11. <i>Дьеелах</i> (от Верхоянска)	500
12. <i>Аян</i> , поварня при оз. Аяне. Дорогой переезжают р. Омолой	40
13. <i>Уһун Кытыл</i> — «длинный берег», при озере того же имени, жильё	60
14. <i>Хайыр</i> , поварня при р. Омолой; опушка леса; начало тундры	60
15. <i>Кюсэнтэй</i> , поварня на безлесной тундре	30
16. <i>Батар юрэх</i> , поварня при речке того же имени, которая падает в море (на тундре)	100
17. <i>Усть-Янск</i>	60

8. С Верхоянска на Мому

(то же, что на Зашиверск до № 13. Бөрөлөөх)

14.	<i>Суруктаах Тумусах</i>	50
15.	<i>Барыллалах</i>	60
16.	<i>Бэчигирэс дьизтэ</i>	40
17.	<i>Тирилиир</i>	40
18.	<i>Кумах сыһыы</i> — «песчаное поле».....	40
19.	Жилье писаря г. Горохова и г. Старковой.....	30
20.	Момская церковь. Место, где стоит церковь, называется <i>Хонуу</i> — «поле»; устье Момы южнее церкви на 50 верст; сама церковь стоит на восточной стороне Индигирки против устья р. <i>Арбаа үрэх</i> — «западная река»	50

9. От Зашиверска на Мому

1.	<i>Тёгюрюён</i> . Дорогой переезжают гору <i>Тыаллаах Тумуһах</i> — «ветряной мыс»	40
2.	<i>Тирилиир</i> , против устья р. Сюрюктээха, падающей в Индигирку. Затем №№ 18–20 верхоянско-момской дороги.	

10. От Верхоянска до Колымского округа

(сначала то же, что от Верхоянска к Зашиверску до № 11. *Тирэх үрүйэ*)

12.	<i>Тулаайах Хайа</i> — «сиротская гора», при р. Силээннээхе	20
13.	<i>Суордаах</i> — «воронья», при р. Силээнняхе	30
14.	<i>Тукачааннаах</i> , при р. Тукачааннаах	20
*15.	а) <i>Кумах Ыспыт</i> — «песок брызнул», при р. Силээннээхе	15
	б) <i>Бөрөлөх төрдө</i> , устье Бөрөлөха; перевоз через р. Силээннээх.....	10
16.	<i>Кюрюөлээх</i> на р. Силээннээхе, станция	20
17.	<i>Тонмот</i> — «не мерзнет», при речке <i>Тонмот</i> , впадающей в Силээннээх. Наледи.....	10
18.	<i>Ёлөнгөх</i> , при р. Силээннээхе.....	15
19.	<i>Анчыыһап</i> — «Анчисовка», при р. Силээннээхе	30
20.	<i>Түбэ</i> — «роща», при р. Силээннээхе	10

Зимний путь

21.	<i>Чуорбай уолбута</i> . Оз. Чорбай высохло	30
-----	---	----

22.	<i>Есердых</i> — «медвежья», станция	60
23.	<i>Хайыһардаах</i> — «с лыжами», на тундре.....	60
24.	<i>Оттоох атаһ</i> — «нога с травой», жилье на краю оз. <i>Оттоох</i> — «травяное».....	30
25.	<i>Абый</i>	60
26.	<i>Дайдылаах атаһ</i>	10
27.	<i>Аринкин</i>	120
*28.	<i>Кириэстээх</i>	40
29.	<i>Шестаково</i>	40
30.	<i>Сис</i> , в Колымском округе Алазейского хребта.....	40

Летний путь

21.	<i>Кириэстээх</i>	20
22.	<i>Есердя</i>	40
23.	<i>Чомемкин уолбута</i>	30
24.	<i>Чабый</i>	20
25.	<i>Хайыһардаах</i> — «лыжевая».....	60
26.	<i>Оттоох атаһ</i>	30
27.	<i>Абый</i>	60
28.	<i>Киэн Күөл</i> — «широкое озеро», станция	50
29.	<i>Хатыннаах</i> — «березовая»	120
30.	<i>Шестаковская</i>	40

11. Купеческий тракт от Барыласа на Зашиверск

1.	<i>Сирэм</i> , при р. Яне, станция, от Барыласа	20
2.	<i>Тимофей</i>	50
3.	<i>Чаапыны</i>	60
4.	<i>Саһыл Оттук</i> — «лисичья отава»	40
5.	<i>Анньыспыт</i> , при речке Борулахе. (Хангалаский наслег)	50
6.	<i>Хос тиит</i> — «двойная лиственница»	30
7.	<i>Ёлёнёх</i>	40
8.	<i>Токума</i>	30
9.	<i>Баҕахтаах</i> — «со столбом». (Байдунский паслөг)	20
10.	<i>Өн күөл</i> — «урожайное озеро»	30
11.	<i>Аагый охтубут</i> — «паук упал», т. е. грязное.....	30

III. Шаманы, почитаемые после смерти

Во время своих шаманодействий шаманы просят помощи и заступничества своих великих предшественников, уже умерших, но прославившихся своим чародейством, и юёры, души которых до сих пор ходят по земле, делают людям разные беды, и потому также причисляются к дьяволам, хотя и составляют особый их разряд. Между юёрами первую категорию составляют Чуонах, Тайахтах и Болчуона, вторую — Нараха, Ыбылан, Батис, Тукайа, Бортох и др.

1. По рассказам якутов, Чуонах была эгинская урожденная от шамана Киктэй, который и жил на месте, называемом Кюлялях Аяна. У Киктэй-шамана было две дочери, старшая Чуонах, а младшая Манчикай. Два раза приходили к Киктэю тунгусы, просили в замужество этих дочерей, не отдал старик. Пришли они в третий раз, заглушили и трубу, и окна, кричат: «Пусть старик выйдет!». Как выскочил старик, тут ему голову и отрубили; и отрубленная его голова пошла, ступая вместо ног двумя длинными прядями волос, и перебежала через оз. Аяна (на западной стороне р. Яны, в 300 верстах ниже Верхоянска). Вошли тунгусы в дом, убили мать-старуху, говорят обеим дочерям: «Пойдете ли вы к нам в жены?». — «Как не пойдём!». Два самых лучших тунгуса женились на них. Поехали они, стали кочевать; только люди и скот стали с ума сходять. Тогда тунгусы заставили шаманить свою невестку Чуонах. И стала она шаманить, петь: «Отец мой, Киктэй-шамдн! Когда был ты на земле, высокоименитый ты был, злопамятный ты был (*кин татыалаах буоларын*). Эти тунгусы пролили твою чёрную кровь, разрезали твою толстую кожу. Сделай место их как не бывалым, чтобы место их жительства заросло травой. Унизь высокое их имя, обстыди белые их лица; сотри их с лица земли! (*Имнэриттэн салбаа!*). Поступи с ними так же, как они с тобою поступили!»... После этого (тунгусов было семь юрт) и все они перемерли, а девушки возвратились домой на родину, живут.

Приходит с южного места (из России) закон (запрос): «Какие самые лучшие люди бывают: между мужчинами или женщинами?». Тут нашли эту Чуонах. Приходит ей время ехать в Россию. Приготавливается она ехать и говорит сестре: «Говоришь ты, девица, что у тебя есть умение-

правило (*идэ*)! Покажи-ка ты мне твоё умение!». Младшая сестра превратилась в хорька и провалилась у основания «глазного» (внутреннего) столба юрты, и вынырнула евражкой по основанию другого столба, по основанию третьего столба вынырнула летним горностаем, по основанию четвёртого востроносом мышью. Тут сказала ей старшая сестра (Чуонах): «Девка! Если будешь ты ходить (жить) своей головою, то и до последних времён не народиться, не распространиться ни скоту, ни людям. Ты — настоящий дьявол. Я тебе старшая сестра, стало быть, имею власть над твоею судьбою и поступками. В силу этого заклинаю я тебя: после смерти, когда ты будешь ходить привидением (юёр), не приближайся ты к хорошему человеку. Пусть местом, доступным тебе, будет хотон, а по земле ты не ходи, ходи под землю, не проходи перед якутским огнём!». Заплакала младшая сестра, сказала: «И не делала я тебе греха, за что ты прокляла меня тяжело?». — «Я прокляла тебя для того, чтобы впоследствии распространились люди...». (А тогда было мало людей). И осталась младшая сестра на своём месте, а Чуонах увезли.

Там в России Чуонах окрестили, называли Аграфеной (см. главу III). Выходит она замуж за Антипина. Потом приезжают они из России, живут в Якутске. Вот, живучи, она и говорит своему господину: «Господин мой! Очень я желаю ехать на свою родину!». Согласился он, приготовились, плывут вниз по Лене. А перед отъездом их в Якутске пришёл к ним незнакомый крестьянин, принёс ребенка и сказал: «Возьмите эту девочку в дети!». Вот и эту девочку они взяли, повезли с собою. Плывут они по Лене; три дня осталось им плыть до о. Столба; девочка их очень заплакала, и стало их судно тонуть. «Что за диво?», — подумали они. А сзади у них была лодка, которую они вели на буксире. Вот и положили девочку в эту лодку: поднялось их судно, как и прежде было. И девочка перестала плакать; тогда снова взяли её, положили на судно. На другой день снова начала девочка плакать, снова стало судно тонуть. Переложили по-вчерашнему, и опять судно поднялось. На третий день опять плачет девочка, а Антипин рассердился: «Давно уж я говорил, что, должно быть, эта девка — чертовка, давно надо её бросить!». А госпожа говорит: «Не трогай ты эту девочку, а если тронешь, то мы непременно погибнем!». Не послушал господин, бросил девочку в воду: не тонет девочка, плавает по воде, как береста. Госпожа умоляет: «Достань мою девочку!». Поймали её работники, снова взяли положили в повозок. Ночуют. Утром

на другой день опять стала девочка плакать, и судно снова стало тонуть. Антипин был очень сердитый господин, а тут и совсем рассердился. Приказал рабочим принести ремни, перевязать девочку по рукам, по ногам, бросить в воду. «Уже, уже, потонете ли вы, как я?», — сказала девочка и потонула. На другой день около полудня плыли они, вдруг их перевернуло и утопило: и господина и госпожу, и всё имущество, только три или четыре человека спаслось на обломках. И в этот день все люди, жившие на родине Чуонах, вдруг с ума сошли, взбираются эти сумасшедшие люди на высокие лесины, говорят: «Я в белку превратился, я в соболя!». И стала с тех пор Чуонах привиденьем (юёр); когда болен человек, то её призывают и дают ей подарки. Некоторые шаманские слова, которых не понимают сами шаманы, они объясняют примером Чуонах. «Старики во время обиды приговаривают: „Пусть услышит-увидит Чуонах, как ты меня обидел!“ (Чуонах *иһиттин-көрдүн бу миигин атаҕастаабыккын!*)» (Эгинское предание).

В 3-м Юсальском наслеге Аграфену величают так: «Великая Чуонах, высокая Аграфена, госпожа Широкий столб, Остров с молоком, Соединение Алдана, Печень Лены, имеющая домом девятипоясную железную бочку, отцом Ала Бурай, дядей Киктэй-шамана, матерью Пнистую Тулай, рожденная от человека, госпожа великая Чуонах, удручившая якутам, не страшаясь русского, не брезгующая якутом» (*Үүттээх арыы, киэнг остоолбо хатын, Алдан ыпсыыта, Өрүс быара, тоҕус курдуулаах тимир муочуку дьиэлээх, Ала буурай аҕалаах, Киктэй ойун убайдаах, Төнгүргэстээх Тулай ийэлээх, сахаттан салаллыбыт, киһиттэн төрөөбүт Аан Чуонах хатын*).

2. Сестра Чуонах, родом из Эгинского наслега Верхоянского улуса, вышла в язычестве замуж за якута Якутского округа, овдовела в молодости и жила в няньках у казака Стефана Новгородова в конце прошлого столетия (1790 г.) на р. Алдане. Неизвестно кем, но она была крещена и названа Настасьей; якуты же прозвали её Тайахтах, потому что при жизни она была хромая на обе ноги и ходила всегда со стулом, о который и упиралась. Когда приходили на Алдан каторжники и разбойники атамана Горнико, бежавшие из Охотска и разорившие тогдашнее Жиганское комиссарство, она так заколдовала их, что они не могли сделать ничего вредного.

По смерти своей, хотя она и была похоронена по левой стороне Алданской Знаменской часовни у паперти, что на Заставе, но и после погребения являлась шаманам великим злым духом. И её, как и Аграфену (Уонах, Чуонах), якуты уважали и делали ей жертвоприношение через шаманов, которые сожигали в камине красный шёлковый платок, наливали также водки и масла. Первокрёщённые якуты избегали при крещении называть своих дочерей именами Настасьи и Аграфены, и если же священники нарицали всё-таки этими же именами, то якуты всегда называли Аграфену Акулиной и Настасью Натальей, даже приступая к принятию святых таинств, вследствие чего священники должны были прекратить крещение во имя Аграфены и Натальи.^В Якуты называют также Тайахта *Соборуутаабы хатын* («южная госпожа»), а Чуонах — *Остолбо иччитэ* («дух Столбового острова»). Местами в случае женских болезней и некоторых других до сих пор призывают Тайахта (Неряху с тросткою) (см. главу XV).

3. Николай Болчуона. Якут Верхоянского улуса 2-го Юсальского рода, родившийся в конце прошлого столетия, считался лучшим шаманом во всём улусе и был вместе с остальными якутами крещён в 1808–1809 гг. миссионером Григорием Слепцовым, но шаманствовал с прежним успехом и при жизни ещё считался дьяволом. Так что сами якуты не могли его вынести, и он был сослан из своего общества на вершину реки Бытантая в местечко Халыграс, где ещё оставалось несколько некрещёных якутов. Тут он сделался сумасшедшим и целое лето содержался в отдельном амбаре под замком, ел не только пищу, которую подавали ему в окно, но и собственное свое кало. Затем при наступлении осени он помер в одну тёмную ночь (около 1810 г.). Тело его было одето в пёструю мохнатую жеребьячью доху, и от покойного тела его раздавалось шаманское пение, звук бубна и бряцание шаманской одежды, что нередко возобновлялось и после похорон от его могилы. Якуты не называют его по имени, а говорят *Халыграска сараабыт күтүр* («Страшилище, помершее на Халыграсе»). Шаманы, представляя его во время своего служения, приходили в исступление и ели хотя и не человеческое, но конское кало. И доныне якуты считают его великим нечистым духом и в случае болезни делают ему через шаманов жертвоприношение (*кэрэх*): вороного лысаного жеребца. Некоторые якуты уверяют, что они его постоянно видят. Он входит в мужчин и женщин и причиняет им припадочную болезнь. Тогда приглашают шамана, который и вынимает болезнь ртом

(ахсырыйар). Тогда дьявол Болчуона очень сердится и гневается, очень кашляет и говорит через шамана: «Убирайся, шаман, не отпущу я укушенное мною, не освобожу захваченное мною! Убирайся, шаман! Подайте мне, братья, старого собачьего кала. Хыхы-хым! Хо-хо-хо! Дам я вам собственную наружность (вид), сделаю вас такими же страшными, как я сам. Скончался в сумасшествии, сидючи в тёмной темнице, в толстой тюрьме, лёжа, одержимый сумасшедшим дьяволом, безостановочно поючи бестолковое сумасшедшее дьявольское напевание. Туон-уогай, шаман! Хы, хы-хы (хлопает в ладони). *Дьокком уни, дьом-уни, дьулахай* (трижды), найдите, дайте мне старого собачьего кала. Ах, как я проголодался! Поесть бы мне, покушать. Найдите, дайте мне старого собачьего кала. *Дьом-уни, дьокком-уни. дьулаха биллэх*, хы, хы-хы! Уйди прочь, шаман! Не заступай твоей толстой спиной, не „затыкай“ дорогу преисподней. Убирайся, шаман! Чёрт с тобою... Я бродящий человек Юсальского наслега по имени Высокий Болчуона со страшной песней-напевом, Бойкий Болчуона, с белою должностью, высоким именем. Я заглянул в четырёхугольную выпуклую мать-пропасть, подпёршись криво крепкой лесиной, наизворот мохнатым стенным деревом (палкой), мучил красиволицых я, человек с прибаутками хоро (дьяволов), с вещими причитаниями, с жестокосильным дьявольским напевом! Найдите, дайте мне старого собачьего кала, братья! Хы-хы-хы! (хлопает трижды в ладони)....».

4. Родович Борогонского наслега Нараха, живший в начале нынешнего столетия, шаман. У него был дьявол Большой Бешемаш, и имел-де он поддержку от *Маган Сылгылаах* (дьявола с чисто белым конным скотом). По рассказам якутов, он был трижды рождён и на него жалоба поступила, что много он людей ест. Тогда сверху его спросили: «Так, и так, жалоба на тебя поступила!». Нараха отпирается. Вдруг спускается с неба трезубец (*атара*) и распарывает ему брюхо, и оказываются там кости съеденного человека. Тогда и решили его по суду: перевернуть ему зрачки задом наперед! Вот потому у него и глаза были мутные, слеповатые. В преклонной старости поехал он (в 1843 г.) в Жиганск на поклонение праху Уонах (Аграфены) и вблизи от её острова помер. По обычаю шаманов похоронен он был с бубном и в шаманской одежде. На седьмой день от его могилы слышно было шаманодействие. И поныне представляется он шаманом, требует жертвоприношения, отливания водки в камелёк и кидания табаку на две или на три трубки.

5. Родович 4-го Юсальского наслега Тимофей Ыбылан, зрячий, жил современником и конкурентом Нарахи, был очень высокого роста, будто бы до 3 аршин, и помер около 1838 г. в жаркое летнее время. Якуты боялись и страшились его, а потому не дотрагивались до его тела, пока на девятый день не приехал другой великий шамап Д. Болчогнур, который и похоронил его с надлежащею почестью, хотя и без шаманской одежды. Ыбылан также является шаманом и требует тех же почестей, как и другие юёры.

6. Родович 2-го Байдунского наслега Салдаат, шаман, отличный врач, тоже юёр.

7. а) Родович 2-го Байдунского наслега Батис, некрещённый и живший в конце прошлого столетия. Он делал много вреда людям и скоту. Похоронен на берегу р. Адычи при перевозе по колымскому тракту. И если береговые жители жалуются ему, то при переправе через реку лошадей, коров и оленей он вредит и топит часть скота.

б) Также хангаласец Сабаргала, погребён на берегу Адычи и производит такие же чудеса.

8. Куринский родович Алексей Тукайа, родившийся в 1780 г. при р. Хроме в Усть-Янском улусе, знаменитый шаман, вредивший людям и скоту. Пострадал за шаманство, около 1832 г. был за него наказан розгами исправником П.М., но во время наказания Тукайа видели стоящим в числе зрителей, а под розгами лежала только одна его доха из оленьей шкуры. За всё это был он привезён в Верхоянск на богомолье и содержался целое лето под караулом, в ноябре отпущен домой...

9. Родович 2-го Байдунского наслега Бортох, шаман, живший в начале прошлого столетия, никогда не приносил в жертву дьяволу скота, а выделял из глины или гнилого дерева лошадь и быка, которых намазывал кровью и приносил жертвы дьяволам. Сын его Кисинчэ тоже был великий шаман, но жертвы свои приносил дьяволам настоящим скотом, за что у него были распри с отцом. После смерти оба они считаются юёрами.

10. Тунгус, тюгесирьский староста Семён Попов Кёкён (помер в 1860 г.), большой шаман, и ныне от могилы его слышат звон бубна и бряцание одежды. Его считают юёром и тунгусы, и якуты.

11. Юрюнг Огустах, очень уважаемый юёр. До смерти своей он был якутом Якутского округа и имел у себя единственного белого быка. Кто-то украл у него этого белого быка, да и жена его удавилась. Тогда и сам

он сошёл с ума и в сумасшествии сожёт девять человек своих детей и затем повесился... До сих пор если у якутов заболят дети, особенно если у детей станет болеть (тянуть) грудь, то якуты уверены, что эту болезнь причинил Юрюнг Огустах (юёр). Призванные шаманы принимают его в себя; тогда он требует себе в жертву белого быка или, за отсутствием его, бычка или тёлку; мясо съедает шаман, а шкуру вешает юёру, но редко. По рассказам здешних шаманов, Юрюнг Огустах жил около Якутска, на месте Киэнг Сайсара Хатын. Жена его повесилась, тогда он сказал: «Госпожа широкая Сайсара (место) в самой середине открыла для меня пропасть!», — и сжёг свой дом, загоны и строения, ничего не оставил. И стал ходить, заболевши грудной и спинной чахоткой, кашляя. Севши верхом на своего единственного быка, ездил, нищенствуя, из двора в двор. И во время еды украли у него быка, и он умер с голоду, сделался юёром. Входит и в младенцев, и во взрослых детей, «подымает» грудь, причиняет грудную болезнь. Когда шаман вынимает болезнь из больного, возьмёт в себя Юрюнг Огустаха, то он поёт: «Туон-уогай, шаман! Подайте моего быка! Воры (*буор айахтар*), вы украли-съели моего быка. Когда я вот так мучился, страдал, ходил, нищенствовал из двора в двор, вы съели-украли моего быка: для выкупа толстой души (вашего больного) подайте моего быка, подайте же, подайте! Ползая на четырёх суставах, с тех пор как украли моего быка, я измучился-истерзался. Истинное моё слово поведаю, верный срок назначу, облегчу дыхание-душу солнечного (т.е. земного) человека, пожалею душу святого человека. Ну же, шаман; найди, дай моего белого быка! Если же не найдешь и не дашь, то сравню тебя с землею, сделаю тебя таким страшным, как я, заставлю бежать по спине (твоего трупа), по шву груди, если он падёт навзничь. Приготовь же, шаман, к моему почтенному столбу, медному колу моего белого быка выкупом за господина человека, госпожу женщину!».

12. Бустах Дьуласа помер, проколовши себя ножом, без погребения, и труп его съели собаки. Этот юёр, входя в людей, сводит их с ума, просит себе ножа.

13. Дороту Балагыя, Бустахского наслега. Эта Палагея была шаманка, у ней сожгли бубен, тогда у ней тело покрылось пузырями, и она померла, стала шаманкой — богом Бахсы (наслега, в 40 верстах от Якутска¹); просит себе серого (*сур дьабыл*) жеребца, с лысиной на морде, с

---

¹ Бахсытский наслег Чурапчинского улуса. Ок. 100 км. от Якутска по прямой. — прим. OCR.

яблоками на обоих бёдрах, подобно огниву, с полоскою на лбу, подобно ремню (*сиһигэр хатыс курдук орохтоох, икки өттүгүн тааһыгар хатат курдук эмигэттээх, суунах сырайдаах, сур дьабыл атыыр сылгыны көрдүүр*).

14. Мадыа-ойун (он же Сатанча), эгинский. Он сидел, делал себе чубук к трубке, но прокололся ножиком, помер. Стал юёром.

Число юёрей из простых людей, не бывших шаманами, тоже очень велико; вот, например, в одном Эгинском наслеге:

1. Рэпъ, умер, удавившись; просит ремня и ножа.

2. Сямна Ылльана (Ульяна), умерла, утонувши в полынье озера в полнолуние января месяца. Нашли её повесившеюся косою за лед. Она стала большим, страшным юёром; и если шаман призывает её для больного, то помогает.

3. Ородьуман (Родион).

4. Иийэп (Иов) помер в дороге от болезни, и его съели там собаки и вóроны. Вошедши в шамана, этот юёр делается собакой, хочет съесть человека, делается вороном, каркает по-вороньи, говорит: «Я был отдан (доставлен) на съедение восьмиклыкастым (зверям), на пищу небесным чёрным вóронам, сделаю я (вас) такими же страшными, как я сам» и многое другое.

IV. Список якутских богов и дьяволов

Шаманы, объясняя свои обычаи и верования, нередко противоречат друг другу так, что трудно составить список якутских богов, который бы одинаково признавался всеми ими.

По объяснениям некоторых, небес всех семь. Над самым верхним седьмым небом живет царь небесный *Халлаан Ыраахтааҕита*, Золотой Аркыамалах. На шестом небе живёт младший брат его, переводчик *Халлаан Ыраахтааҕытын Тылбааһа*, этот переводчик небесного царя спускает на землю дух (дыхание), от которого и произрастает семенами растительность. На пятом небе живут двенадцать братьев, небесные люди (*Халлаан норуодтара*), тут нет девиц. На четвёртом небе живёт Белый господь бог (*Үрүн Айыы тойон*) с семьёю сыновьями и восемью дочерьями. Само число сыновей Белого господя то уменьшается до трёх, то увеличивается до девяти, большинство, впрочем, признаёт семь. Имена сыновей Белого господя называют как случится, но младшим его сыном

считается дух священного огня. Впрочем, иные шаманы утверждают, что Белый господь бог живёт на третьем небе, старшим братом Белого господя считают Улуу-тойона, живущего будто бы на запад от него, а старшими сыновьями его Кюрюёлэх Кюрюё Дьэсэгэй (на восточном углу неба), Тогус Холбулах хотой Айы (живущий на южном углу неба), а также Оногой Байтойон, Элэй-батыр и пр. Многие считают Белого господя творцом людей и скота. Всех своих сыновей он спустил на землю с этой целью:

1) Вóрона (*Суор*), сказавши: «Очень ты жаден, очень ты кричишь. Будь ты на земле препятствием охотникам, питайся, отнимая у них добычу!».

2) Другому сказал: «Будь ты духом якутского огня!».

3) Чакыя Чурану: «Разведи ты чисто белого конного скота!» (*Маган сылгылаах төрдө буол*).

4) «Разведи ты чубарых красношеих коней» (*Саадьагай буурул сылгылаах төрдө буол*).

5) «Разведи ты белоголовых коней!» (*Хара манаас сылгы төрдө буол*).

6) «Разведи ты коней рыжих, с белой головою!» (*Кугас маган сылгы төрдө буол!*).

7) «Разведи ты сиво-жёлтых жеребцов!» (*Күөх боронг атыыр төрдө буол!*).

На третьем небе, особо от Белого господя, живут два брата: Кюрюё Дьэсэгэй с шестью сыновьями и четырьмя дочерьми (старший брат), а младший Хотой Айыы с тремя сыновьями и четырьмя дочерьми. На втором небе живёт без жены и семейства одинокий *Төлкө Түөрэхсит Сээркээн Сэһэн Сэлибир Бытык Хаан Дьалыксыт* («Ворожей счастья», «беседующий», «трясущаяся борода», «почтенный предвозвестник»), он благословляет среднее место (землю). По словам сказки «Семижённый сирота Бяйбэйлин», на втором «лучезарном, чисто белом небе живёт сын Белого господя бога Белый юноша». На первом же ближайшем небе живут Уолуйар Улуу-тойон с двумя дочерьми: Айыы Кыыс Айахалым-удаган, Айыы Кыыс Айталым-удаган; кроме того, две женщины: госпожа Хранительница (*Эйиэхсит-хатын*) и госпожа Создательница (*Айыыһыт-хатын*). «Небо, — говорят простые якуты, — очень высоко; Николай-угодник-де поднимался на него целых семь лет». Ниже неба, в облаках, живут их дьяволá, которые никогда не восходят на небо, а ходят вместе с облаками. Эти дьяволá называются «шаманскими богами»

(*ойун тангара*). Вот некоторые имена этих бесчисленных богов: *Куурар Кугас сылгылаах* («с рыжим конным скотом»), *Хара сылгылаах* («с чёрным конным скотом»), *Манкы Буурай, Маган сылгылаах* («с чисто белым конным скотом»), у которого бессчётное множество сыновей; *Хоро Тангара*, живущий на юге в том месте, куда птица летает зимовать; *Кээлээн; Өгүр Лош, Өгүр Хаайлук; Омук Тангара* (тунгусский бог); *Албан; Уомар Тангара* («бог-обжора»); *Күүстээх Тангара* («сильный бог»); *Тыла суох Тангара* («бог без языка»); *Кугас сылгылаах* — всё равно, что и *Илбис иччитэ* (дух военной ярости и военных орудий), а живёт он на западном небе и многое т.п. Некоторые шаманы называют местожительство облачных дьяволов «пешим небом» (*сатыы халлаан*); к числу дьяволов причисляют *Дьулуо-тойона*, *Маган Дьулуо-тойона*, *Кугас Дьулуо-тойона* — дьяволов всех конских мастей.

Земля (среднее место), как известно, наполнена присутствием разных духов: места, гор, вод, рек, лесов и пр.

Ниже за землею (средним местом) пойдёт нижнее место. Прежде всего там дьявола, косящие глазами на людей и скот земли (*Орто дайды куттаах-сүрдээх киһитин-сүөһүтүн быһыта кынчарыйар кынчарганнаах халлаан аймахтара дьон*). Ниже их живут улусы неба, где девица не слушает слов матери, а сын — слов отца, с безъязыкими сыновьями, безъязыкими дочерьми (*Тыла суох кыыстаах. тыла суох уоллаах. аҕатын тылын уола истибэт, ийэтин тылын кыыһа истибэт Кынчарган халлаан улуустара*). Ниже их — «солнечное море» (*күн байаҕала*); ниже его много разных «шаманских морей» (*ойун байаҕала*). Ниже их — *ойун дьабына* — «шаманская пропасть». Ниже — шаманское место (*ойун дайдыта*). Ниже основание по имени Девять смертей (*Тоһус Өлүү*); тут живут три брата: старший *Онгоруулаах Улуу Үөр Төрдө*, самый сильный и ловкий, шаман *Улуу Ойун* и кузнец Бело-озеро Наковальня (*Күөл Маган Кыстык Манкы Бахсы уус*). Другие веруют, что *Уус Хаан Төрдө* находится на западном углу неба, где живёт и *Арбалын-шаман*.

Они называют кузнецов: 1) *Кыдай Бахсы уус* (дух кузнецов); 2) *Отүйэ Кыстык иччипэ, Сүгэ биилээччи ууһу онгорооччу; салыыр самааччы ууһу онгорооччу, Тус-тас тойон* (дух молота и наковальни, создающий кузнецов, делающих топоры и запаивающих котлы); 3) *Лэкэ Бырах Быдьынатын курдук быдьынаалаах сүүстээх Туолан Могуруос тойон* («большой господин с желваком на лбу»). Ниже их — *Ойун мээрэйдэхэр эндир*

былыта Күлүк көрсөр Күлүмэт маган таас (шаманское облако, где шаманы меряются силой), *Ойун Муостаах Күн Көлборү Тумуһах*.

Ниже всего находится в «ап-море» Длиннолиственный мыс, подобно кадыку глухаря, по имени *Улуу ойун харчангата мустан сытар кэбэлкэй таала* («проклятое место сбора жертвоприношений почтенного шамана»), тут живет *Тан Тарарыт Сөдүөккэ Төрдө* («корень-дьявол»), другое его имя *Дьон Арбальдьын ойун*, у него чрезвычайно много сыновей и дочерей. Имена его дочерей: 1) *Өрө Харах Өргөс Кыламан, Дьэс Хоттообо, Дьэзэ Бааба* («кверху глаза», «острые ресницы», «яга-баба», «готовая есть»); 2) *Түргэн Тиһик Түргэн Эбэдэй обургу* («быстрый болезненный припадок, скорый Эбэдэй-штука»); 3) *Хаскырыма Хачыйдаан*; 4) *Суһунаах эмигэт*; 5) *Тыһы Тыңылай* («лёгкие самки»); 6) *Түргэн Мэнгилэс*.

Эти только дают знать о себе на земле, а, кроме них, других очень много, но имена их неизвестны: 1) старший сын Корня дьяволов *Тобус өлүү Төрдө* («корень девяти смертей»); 2) другой сын *Үтүнгэт Тойон эһэ* («дающий на земле мамонтовую кость»). Ещё сыновья: 3) *Оһуу Суорба* («высокий камень»); 4) *Түгнэстигэс Түөрэхчит* («поперечный», «злохарактерный», «ворожей»); 5) *Хайгыһах Сарын*; 6) *Хаадьыат*; 7) *Мэктиэ Бэккирдээн*.

Эти только известны на земле, а кроме них ещё чрезвычайно много дьяволов.

Таково верование шаманов; простые якуты толкуют, что под землей находится океан, под океаном нижнее место, под нижним местом тина, под нею смоляной огонь.

V. Словарь якутских названий животных [и прозвищ людей]

1. Прозвища рогатого скота

Ала — «пегая».

Аңардам — «половинная».

Атахтаах — «с ногами».

Буобралаах — «бобровая».

Буотуйа [непереводимо].

Бухатыыр — [богатырь], (бык).

Бүөйэкэ [непереводимо].

Бүрдүкүйээн [непереводимо].

Бытыйа — «вшивка».
Бытынах — «вшивая».
Бээйэгэй — «коротконогий».
Дээдэрин — «толстая».
Куорай — «вор».
Күрүҥ ынах — «красноватая с черноватыми полосками» [в центральных районах: «бурая», «чёрная с рыжеватыми подпалинами»].
Кыгырдай — «с норовом».
Кэлтэгэй — «кривая», [«щербатая»].
Луобат — «дама» (в шахматной игре), «шахматная».
Лыглыйаан — «казарка» (гусь), («белоносая»)
Малааннаах — «беломордая», («лысиная»)
Мангааһыйа — «пегая», [«беломордая»].
Молоҕор — «длинномордая».
Мултукуйа — «комолая» («безрогая»)
Мунгутук — [«вялая», «робкая»?].
Мытаарка — «кокетка».
Мыычаах — [«крошка», «маленькая»].
Мэлэкэн — [«плоскомордая», «широкомордая»].
Олчохуй — «одноглазая», [«кривая»].
Өрөкөн — [«круторогая»].
Өгдөр — «короткохвостая», [«приподнятая»].
Өрбөкүйэ — [«с прямыми, торчащими рогами»].
Өргүс — [«острие», «остророгая»].
Саадьаҕай — «полосатая», [«с белым хребтом»].
Саакымат — «шахматная».
Саралаанкый — «вылинявшая», [«мычливая», «ободранная»].
Саргылаах — «счастливая», [«удачливая»].
Саһыл ынах — [по масти: «жёлтая» или «светло-рыжая», «лисичка»].
Сиик — «роса».
Симэхтээх — «с убором», [«нарядная»].
Сиэллээх — «с гривой».
Субадья — [вероятно, от слова *субан* — «яловая», «недойная»].
Сэкирийээн — «длинношерстая».
Таптаабыт — «любивший».
Тапталаннаах — «любимая».
Тараах ынах — «гребень», [тигровой масти].

Томторук — «намордник».

Туллук — «снегирь», [«пуночка», «птичка-подорожник»].

Туоһахшаах — «с тусахтою» (пятном на лбу).

Тушум атах — «с ногами в обхват», [«с ногами с кулак», «коротконогая»].

Тухтангыр — «белая».

Тыранса — «долгоногий».

Учахан [непереводимо].

Уһун саадьаҕай — «длинная полосатая».

Үрүмнэс — Белко.

Үрүҥ кутурук — «белохвост».

Үчүгэй саадьагай — «хорошая полосатая», [«хорошая с белым хребтом»].

Хаастаах — «с бровями».

Халкан (название места).

Ханчакый — [«истощённый в весеннюю гололедицу», «тощий»].

Худьа [непереводимо].

Чапраактаах — «с чапраком».

Чөмчөх — [«кучка», «ворох»] (имя якута).

Чөрөкүйэ — «остроголовый» (имя якута), [корова: «с торчащими сверху тонкими рогами»].

Черөхүө — «стоячий рог»

Чуоһур — «чубарый», [корова: «белая с чёрными пятнами»].

Чыычаах — «пташка» (теленёк), [«птенчик»].

Чэрэгэр — «короткорогий», [«остроухий», «с настороженными ушами»].

Эбирдээх — «мелкопёстрая».

Эриэгийэ — «пёстрая».

Эриэн ынах — «пёстрая».

2. Конный скот

Араҕас ат — «саврасая» [в центральных районах Якутии: «светло-рыжий», «соловый»].

Бурдук — «мука».

Додой — [«толстый», «пузатый»] (имя якута).

Дьабыл ат — «с напликами на лопатках» [«с крыланом», «с оплечьями»].

Көбөннөөх — «с жеребьячьей уздой».

Куобах — «заяц».

Кус харах — «утиные глаза» (серые).

Кырыбыай — «кривко» (кривой).

Кэрэ ат — «белая лошадь».

Маған ат — «белая лошадь».

Марас ат — [«толстопузый», «массивный», «пузан»].

Марахтай [непереводимо] (имя якута).

Мөнгүртэйдээх — «с белым носом».

Ойулгар — «отскакивающий».

Ойуугар — «узорчатый».

Олоѳор — «высоко держащий голову», [«с вытянутой мордой»].

Өркөннөөх — «с веревкой» (плетеной из шерсти или конской гривы).

Сиэр ат — «серая лошадь» [Савраска].

Сото — «голень».

Сур — «голубая лошадь», [«серая лошадь», Сивко].

Улаан ат — «голубая лошадь», [«соловая лошадь»].

Чакырыас — «белоглазый».

Чубаарка — «чубарая».

Чубука — «дикий баран».

Элэмэс ат — «пегая».

Эмэгэттээх — «с эмягтями», [«с отметиной на ногах», «меченый»].

3. Собаки

Бастын — «лучшая» («передовая»), [«вожак»].

Баһарѳас — «белонос», [«белоногий»].

Бэчээт — «печать».

Дьэллик — «шатало», «непоседа», [«бродяжка»].

Күөртэ — «дуй в мех», [«разжигающий», «горячий», «пылкий» или «желтовато-серый», «волчьей масти»].

Көтүппэт — «не дающая слететь» («ловящая»), [«не дающая спуску»].

Кыскадай — «быстрый».

Кыыстара — «девка» («сука»).

Кыыстара — («сука»).

Кэрэмэс — «сиводушка».

Моойторук — «ошейник».

Намалга — «тихий», «неторопливый», [«спокойный»].

Оџотук — «малолетка», [«молокосос»].
Саһыльдьыт — «лисичник». *Сиритти* — [видимо, от слова *сирийи* — «тщательность»].
Соџотох — «один», [«одинокый»].
Суобул — «соболь». *Суолдьут* — «выслеживающий», [«следопыт»].
Сыйгаһын — «однокишечный» («тонкий»), («отборный?»).
Төргүү — «ремешок», [«торок»].
Уол — «сын», [«сынок», «паренёк»].
Үнүгэс — «щенок». *Хоһуй* — [«воспевать»].
Хоһуун — «ловкий», [«удалой»].
Ыйкыл — [«наводящий»].

4. Олени

(Прозвища оленя переменяются до тех пор, пока оленю не исполнится четвёртый год).

Абаркана [от эвенского *амаркан* — «олень 4–5 лет»].
Бугдии — «пеганый». *Даарыйа буура* — «дарьин самец». *Дьаки* — [вероятно, от эвенкийского *дяк* — болезнь суставов ног у оленя].
Дьулурга — «тянущий на возже», [«настойчивый»].
Итээн — «трёхгодовалый». *Кыдьалыкы буура* — «кыжилыков самец». *Кырымах* — «с шерстью беловатою при конце». *Кыыллыа* — «дикуватый быстрый олень». *Кыыча* (важение по второму году). *Маџан* — «белый». *Манчыык* — «учёный» [олень-приманщик на охоте]. *Мээнти* — «серый». *Ньюогуһут* — «возжевой» (объезженный). *Ньюоркан* — «четырёхтравый (олень)». *Синьигэстиир* — «топкий». *Солону маџан* — «мутно-серый». *Суондьуйа* — «толстый». *Суруксут буура* — «самец писаря».

Сэлтэркэй — «большеголовый».

Тараҕай — «плешивый» (двухтравного [оленя]).

Туора апгах — «поперечная нога» (кривоногий).

Хаардьыт — «хороший на снегу» («невязнущий»).

Халтан — [«бесшёрстный», «линялый»].

Халтан хабырыктара [непереводимо].

Хаппаҕар [непереводимо] (имя якута).

Хара — «чёрный».

Хорой — «двухгодовалый».

Чуобур — «чубарый».

Энкэн — «годовалый».

5. Прозвища якутов

Аҕарын [непереводимо].

Ай моой күлтүкү [непереводимо].

Айах — «рот».

Айдаарба (ж.) — «шумная».

Алаһын [непереводимо].

Алланай — «пеганый», [«разиня»].

Алчах — «лягушка».

Альһас (ж.) — «дряхлая, ничего не помнящая старуха».

Ампаар айах — «амбарный рот», [«большеротый»].

Амыдайка — «тёзка».

Аргыста (ж.) — «сопутствуй», [«спутница»].

Ардык [непереводимо].

Атамай [название наслега].

Атарбас — [«широкий шаг»].

Атас (ж.) — «друг».

Баҕарынньа (имя знаменитого шамана).

Байаатыр (ж.) [непереводимо].

Бакхар [непереводимо].

Балбаах — «навозная куча» [«глыба»].

Балҕараат — «толстый», «неуклюжий», [«большой», «неотёсанный»].

Балһыграс — «картавый».

Балхан — [видимо, от слова *балхаан* — «волна»].

Балхах — [м., «крупный», «широкий», дословно: «небольшой деревянный кубок-чорон»].

Бана [непереводимо].
Барта [непереводимо].
Баттык (ж.) — «наддавка»¹.
Баһалла (ж.) — [«грубая»].
Билкэрит [«переполненный»].
Бискэритии (ж.) — [«чрезмерно тучная»].
Бофорбой (ж.) [непереводимо].
Бофоргой [непереводимо].
Бодой — [«низенький толстый»].
Бордой [непереводимо].
Борофон [имя родоначальника наслегов и улуса].
Боһур (ж.) [непереводимо].
Бохтолу [непереводимо].
Бөбө — «крепкий», [«силач»].
Бөкөөрө — «сутуловатый», [«медлительный», «сгорбленный»].
Бөкчөгөй (ж.) — «горбунья».
Бөлчөгөс — [«выпуклый»].
Бөлчөс — [«выпуклый»].
Бөрө — «волк».
Бөртө — «чёрная полоса» (медвежьей или волчьей лапы).
Бөртөх [непереводимо].
Бөртүк — [«с одним яйцом»].
Бөрчө [непереводимо].
Бөһүккү [непереводимо].
Бөөхөгүр — [«неуклюжий»].
Бөх — [«мусор»].
Букүй — [подбирать конечности].
Булҗаны [непереводимо],
Булхаах [непереводимо].
Буобра — [«бобер»].
Бураллааи — [«размашистый», «неорганизованный», «порывистый», «шумный»].
Бурсу [непереводимо].
Бурчуһуон [непереводимо].
Буус — «лёд».
Буус харалган — «ледяной глаз», [«подслеповатый»].

¹ Наддавка – груз в ловушке-давилке на зверя. – прим. OCR.

Бууксайбыт — [от слова *буксой* — «выгибаться», «сгибаться»].
Буурсан (фамилия Бурцев).
Бучуграс — «рябчик».
Буһуруттар — [от слова *буһурук* — «недоваренный», «прелый»].
Буһурутта — [от слова *буһурук*].
Бургэһэ — «шило».
Бүүрчүк — [«со сжатыми губами»].
Бүскэй — [«разбухший», «разжиревший»].
Быкыйа (ж.) — [«сморчок», «крошка»].
Быллах — [«жирный», «толстый»].
Быллай (ж.) — «с отвороченными вниз губами».
Былтайбыт — «широколицый».
Былчархай — «железа».
Быттыыр (ж. и м.) — «ищущий вшей».
Бытык — «борода и усы».
Бытырдыы (ж.) — «исподволь», [«делающая зло», «крохоборка»].
Бэбээх (ж.) — «собачий лай» (слово, употребляемое промышленниками).
Бэрбээкэй (ж.) — «бабка» (в коровьей ноге).
Дагда (ж.) — «выпучившая», «пышпая».
Даллыкыйа — [«лопоухий»].
Дан — [«хваткий»].
Дарбый — [«шумливый»].
Диһээн (ж.) [непереводимо].
Догдуун — «короткохвостый».
Доборус — «дружный».
Доодой — [«пузатый», «толстый»].
Дорото (ж.) — [«стройная», «высокая»].
Дөгдөйүс — [«куцый»].
Дургуу [непереводимо].
Дуссуу [непереводимо].
Дыгдал — [«набухший»].
Дьаапка (ж.) [непереводимо].
Дьалаан (ж.) — [«толковая», «сметливая»].
Дьатылла (ж.) [непереводимо].
Дьоолтуур [непереводимо].

Дьоохтур — [видимо, от слова *дьох* — «ничтожный», «ничего не значащий», «неказистый»].

Дьөөлтүүр [непереводимо].

Дьуогук [непереводимо].

Дьуукала — («вяленая рыба»).

Дьэликсэ — [возможно, от слова *дьэллик* — «бродяга», «шатун», «непоседа»].

Дьэһирбэй (ж.) — [видимо, от слова *дьэс* — «красная медь», «красномеднолицая»].

Дьэһэбил (ж.) [непереводимо].

Дэгэйэ — [«легко ходящая»].

Дэгэрэнг — «прихрамывающий».

Дэгэс (ж.) — [«легко ходящая»].

Дэрсээр [непереводимо].

Килбэрдиир — «светловатый», [«блистающий»].

Килкэй [непереводимо].

Килчэт — [видимо, родственно слову *килчэркэй* — «плешивый»].

Килэнгсэ — «кляча», [от слова *киленг* — «блестящий», «лоснящийся», «облыселый»].

Киһиэхэ айыылаах (ж.) — «определённая человеку».

<...>

Конон (имя Конон).

Котокоон — [«ножичек»].

Котоорой — [«хитрый», «изворотливый»].

Көбөнг — «плавающий поверх воды».

Көбүллээх — [«чубатый»].

Көкөт — [«удалой», «проворный», «бойкий»].

Көмөр — «уголь».

Көмөрдүүр (м. и ж.) — «угольщик».

Көмнөкө [видимо, от слова *көмнөх* — «снег на деревьях», «кухта»; «опавшая хвоя»].

Көнгөй — [«басовитый», «полый»].

Көпчүрүкү — [видимо, от слова *көпчү* — «обидно-пренебрежительное отношение», «гордость», «задира», «гордыня»].

Көрөр — «смотрящий».

Кугас — «рыжий».

Кукаакы — «кукша» (птица), [«сойка»].

Кукаар — [«бледнолицый», «малокровный»].
Куллустуур — [«капризный», «игривый»].
Кулун — «жеребёнок».
Кумаагы (ж.) — «бумага».
Кумугур — [«сжатый», «съёжившийся»].
Кунай [непереводимо].
Кустуур — «промышляющий уток».
Кут — «душа» (переселяющаяся после смерти одного человека в другого).
Кутуруга суох — «бесхвостый».
Куһуокчук — «кусочек».
Күдэн — «туман».
Күдэннээх (ж.) — «туманная».
Күдэннээх — «пыльный».
Күлтүк — [«круглоголовый»].
Күлүү — «смех», [«смешливый»].
Күөгэл — [«плавная», «нежная»].
Күөйэ [непереводимо].
Күөлбэ — «плетеная заездка для запора рыбы».
Күөнэбэс — [«белесоватый», «белёсый» ?].
Күрбэ — «камень», [«валун»].
Күркээнньик — «покрывшийся пухом».
Күртүөһун (ж.) — «пучеглазая».
Күртэки — [«пучеглазый»].
Күрүҥ — [«бурый»].
Күрүүчүкүн [фамилия Куличкин].
Күүкэ — [«худой»].
Кыбычылаа — [«выглядывающий», «высматривающий»].
Кыйһаахы (ж.) — [«раздражительная», «привередливая», «сердитая»].
Кылбатах (ж.) — [«светлолицая»].
Кыльдьыр — «с склонённой набок головой», [«кривошее»].
Кымыстыыр (ж.) — «щипающая», «кумысница».
Кынат — «крыло».
Кыркы (ж.) [непереводимо].
Кырылай [непереводимо].
Кытарба — «красный».

Кыһылыкаан — «красноватый».
Кыыстара (ж.) — «дочь», [«доченька»].
Кыыча (ж.) — «девка», [«кошечка»].
Кыычарбыт — [«малорослая»].
Кэлтэгэй (м. и ж.) — «кривой», [«щербатый»].
Кэлэҕэй — «заика».
Кэһһэли — [«кривобокий»?].
Кэпсиэкэ (ж.) — [«говорливая», «болтливая»].
Кэриэлимтэҕэй — «вечно недовольный», [«прибедняющийся»].
Лаҕарат — [«низенький», «коренастый»].
Ланкы — [«бренчало», «беспорядочный»].
Ланхаба [возможно, от слова *ланха* — «прошлогодня накошенная трава», «пласт мусора»].
Лаппай — «расплющенный» [«низенький»].
Логлойо — [«бугорок», «приземистый»].
Лөкөчөт — [«массивный», «толстый», «тяжелый»].
Луобаттаах (ж.) — «с пешками».
Луучча — «русский».
Лыптанга — «плоский».
Лэкэттэ — «низкий, толстый».
Лэнкэй — [сев. якут, «полярная сова», буквально: «большеголовый»].
Лэптирэ [непереводимо].
Мааммыт (ж.) — «подвязавшаяся».
Мааммытык (ж.) [непереводимо].
Мааныһыт (ж.) — «угостительница» [«гостеприимная»].
Магаас (ж.) — «белоголовая».
Маҕан (ж.) — «белая».
Маҕаччахтыыр [непереводимо].
Майаан — [«распря», «раздор»].
Майаҕас (порода рыбы) — [«мягкий», «жалостливый», «чувствительный»].
Мандар — [«узор», «наряд»].
Маптайбаан — [«тупорылый»?].
Марайдаам — [«с выпяченным животом»?].
Матагачаан — «сумочка».
Миннээх — «с ухою» [«наваристая», «сочная»].
Мойуока [непереводимо].

Мойтойо — «ошейник».
Мойуор — «толстошей».
Молторутар — [«выпуклолицый»].
Молуойа (ж.) — [«широколицая»].
Молур [непереводимо].
Моойторук — «ошейник».
Моочун [непереводимо].
Моргольбу (рыба) — [«вьюн»].
Мородо (ж.) — «мородушка» (птица) [«утка-клоктун»; «многословная», «тараторка»].
Морукуй — [«невзрачный»].
Морчоџор — [«круглоголовый»].
Морчооһун [непереводимо].
Моссо [непереводимо].
Мот-мот (ж.) [непереводимо].
Моторой — [«круглая», «плотная»].
Мотоһук [непереводимо].
Мохсоџол — «сокол».
Мөккүөрдээх — «спорщик».
Мөкөчөөн — [«кругляш», «кругленький»].
Мөлбөрө — [«плавный», «медлительный», «одутловатый»].
Мөлкөй [непереводимо].
Мөллө [непереводимо].
Мөмүгрэс — [«говорящий быстро, захлёб»].
Мөрөк — [«с большим удлинённым лицом»].
Мултуу (ж.) — [«коротконосая»].
Муочуй [непереводимо].
Муоһунньа — «мошна».
Мыкым (ж.) [непереводимо].
Мыкыр — [«неказистая»].
Мырса [непереводимо].
Мытырдыыр (ж.) [непереводимо].
Мычыйма — [«со сморщенным в улыбке маленьким лицом»].
Мыычаар — [«мышка»].
Мыыһык — «пыжик».
Мэгили (ж.) — [«заполошная»?].
Мэйиитэ суох (ж.) — «безголовая», [«безмозглая»].

Мэкчиргэ — «сова».
Мэкээкин [непереводимо].
Мэнгкэгэл — [«долговязый», «чуть сутулый, с широким лбом»?].
Мээчиэт (ж.) [непереводимо].
Наамыска — [«наушка»].
Намыыкыйа (ж.) — [«вялая», «медлительная»].
Нараңар — [«широкогрудый», «с широким грузным туловищем»].
Нарахан (ж.) — [«маленькая, слабая, с большим животом»].
Ноок (ж.) [непереводимо].
Ноорко — «ноздри».
Ньага (ж.) [непереводимо].
Ньалгайаан (ж.) — [«дебелая», «с лоснящимся широким лицом»].
Ньалым [непереводимо].
Ньамакы, — [«беззубый слюнявый рот»].
Ньолойбоон — [«длиннолицый»].
Ньоронньук — «норник» (зверёк), [щенок песца или лисицы].
Ньөгчөгөбей — [«сгорбленный», «с подгибающимся корпусом»]. *Ньөлбо* — [«с длинным, узким лицом»].
Ньөллүкү — [«шлепающий языком», «шепелявый»].
Ньөмөт — «намёт» (выкройки).
Ньөнгөнүгүн (ж.) [непереводимо].
Ньөнгөл (ж.) [непереводимо].
Ньөнгсөл (ж.) [непереводимо].
Ньучурмаан [непереводимо].
Ньырсылым [непереводимо].
Ньиһыкаан [непереводимо].
Ньэмньиһэ [непереводимо].
Ньэмээркэ [непереводимо].
Ныртах [непереводимо].
Олчакас — [«косоглазый»].
Омук (ламут) — «иностранец», [«человек другого племени», «чужеплеменник»].
Омук кыыс (ж.) — «ламутская девица».
Омуктуур (ж.) — [«чужеплеменница»].
Омчуобут [непереводимо].
Орой — «вершина».
Ортойуус — [«средненький»].

Отокнуур (ж.) — «собирающая ягоды».
Отуукаан — [«шалашик»].
Отчут — «косец».
Охтуган — «падающий».
Өгдөнгөс — [«приподнимающийся», «непоседливый», «непоседа»].
Өгөнгө [непереводимо].
Өккөн (ж.) [непереводимо].
Өчүө [непереводимо].
Саабырыскай — (Заборовский?).
Садыам — «Содом».
Саппайа — [«неотстающая», «охвосток»].
Сара — «ленный» [«линялый»].
Сардарбас (ж.) — «журчащая», [«шаркающая»].
Сархаан [непереводимо].
Сахсабас (ж.) — [«мохнатая», «растрёпа»].
Сииктээх — «имеющая шов» («со швом»)
Силтики — [«утолщённый»].
Солььуграан — [«тараторка», «шепелявая»].
Сомоёоллой (м.) — [«со скуластым мясистым лицом», «плотный», «крепыш»].
Сонуур (ж.) — «толстеющая».
Соску (ж.) [непереводимо].
Сенньөл — [«с печально вытянутым лицом»].
Сөнтөрүйэ — [«большеносый»].
Суйук [непереводимо].
Суксур — [«следующий за другими», «хвостик»].
Суор (м. и ж.) — «ворон».
Сурустуур — [«младший брат»].
Сүрэбэ суох (ж.) — «бессердечная», [«лентяйка»].
Сыллыыр — [«нюхающий»].
Сыллыырка — [«понюшка»].
Сымнабастыыр (ж.) — «лежащая на мягком», [«мягкая», «добрая»].
Сынтакаан (ж.) — [«курносая»].
Сыраан — «слюна».
Сырааннаах — «слюнтяй».
Сыттыкыйа — [«вонючий»].
Сытыган — «вонючий».

Сытыйба — «гнилой».
Сыынгнаах (ж.) — «сопливая».
Сэгэйээн (ж.) — [«грациозная»].
Сэрбэкээн (ж.) — [«с жидкими растрепанными волосами»].
Сэрэмээт — «сыромятный».
Сэтэ — [«желвак»? «злорадствующий»].
Сэтэмэ [непереводимо].
Таабы — «заклокченная шкура зайца», [«сбитая, свалявшаяся шерсть»].
Таарчахаан [или *Чаарчахаан*, имя популярного персонажа в сказке].
Таас бас — «каменная голова».
Табайаан (ж.) [непереводимо].
Табытал — «кость крыла».
Танньа (ж.) — [имя Таня, Татьяна].
Таппаһы (ж.) [непереводимо].
Таптаабыт (ж.) — «полюбившая».
Тантыыра (ж.) — «любящая», [«любимая»].
Тарабай — «плешивый», [«лысый»].
Татат (ж.) [междометие испуга].
Татыйык (ж.) — [«птичка-певунья»].
Тиин (ж.) — «белка».
Тоҕоһой — [«столб», «кол», «жердь», «оглобля»].
Тойон киһи быһаҕаһа — «половина господина человека».
Тойор — [«откалывающий», «дробящий»].
Токо — [название реки].
Токроон — [«маленький топорик»].
Токур — «загнувшийся».
Токустуур — «закручивающийся».
Томтот (ж.) — [«выпуклая»].
Тонсуур — [«стук», «долбила», «клюющий»].
Тоопку — [«выпуклоскулый»].
Топнос — [«выпуклолицый», «широкозадый», «приземистый»].
Тооту (ж.) — [«маленькая и плотная»].
Тортойо [«жёстко оттопыренная»].
Тортойоон—(ж.) — [«жёстко оттопыренная»].
Төбө — [«голова»].
Төбүрэх — [«комочек молочной пищи»].

Төкүнүк — «круглый», [«кругляшка»].
 Төмөк [непереводимо].
 Тугут (ж.) — [«олёнок»].
 Туорнас — («глыбистый», «с лицом, похожим на чурбан»].
 Туруйа — «журавль».
 Туустаах — «солёный».
 Түөллэр — [«крупный», «важный», «тяжёлый на подъем»].
 Түөпэн [непереводимо].
 Түүлүүр (ж.) — «линяет», [«линяющий»].
 Түүлээх (ж.) — «мохнатая», [«волосатая»].
 Түүрүг — [«свёрнутый?»].
 Тый бас — «голова жеребёнка второй весны».
 Тыйаах — «свистун» (птица).
 Тыйгыр [непереводимо].
 Тыкаам — [«милый»].
 Тыктыы (ж.) [непереводимо].
 Тымтыкыйаан — [«лучинушка»].
 Тъита (ж.) — [«лёгкие»].
 Тынха [непереводимо].
 Тын (ж.) — [«лёгкая»].
 Тыргылла — [«ключом бьющая»].
 Тыргыык — [«струйка»].
 Тыркычах [непереводимо].
 Тырылла — [«волочиться по земле», «оставлять непрерывный след»].
 Тэгэрийэ (ж.) — [«круглая»].
 Тэгэчиэн [непереводимо].
 Тэпсэнниир — [«топчется на месте»].
 Тэртээкийэ [непереводимо].
 Угаалаах (ж.) — [«медлительная»].
 Удаган (ж.) — «шаманка».
 Урдаах — «с шишкой».
 Уһун — «длинный».
 Уһун атаһ — «длинная нога».
 Уөттүрэх — «ожиг».
 Хаанный — [«кровавый», «кровянет»].
 Хаарты — «карта», [«карты»].
 Хаатчай [непереводимо].

Хабатаа — «плешивая» (ламутское слово).
Халбардыыр — [«ходящий в развалку»].
Халбар — [«с развалистой походкой», «одежда, висящая мешком»].
Халлыр (ж.) — [«болтающаяся»].
Халтыкы — [«скользящий», «скользящий»].
Хампа — «тощий», «канфа» (ткань).
Хандый [непереводимо].
Ханчаар [непереводимо].
Ханчан [непереводимо].
Хаппабар — [«выпуклый»].
Хаппар (ж.) — [«сумочка»].
Хаппыт — «засохший».
Хапта — [«плоский»].
Хаптабай — «плоский».
Хара — «чёрный».
Хара Баттах — «чёрноволосый».
Хара Дьабады — «чёрная губа».
Харайбат (ж.) — «непризревающая», [«неприсматривающая»].
Харын — «брюшина» [большой желудок жвачных животных].
Хатырык — «кора».
Хаһа (ж.) — «жир» (скотины), [«брюшной жир»].
Холбочох — [«вогнутый»].
Холлобос — «берёзовый жбан», [«берестяная бадья»].
Хонтой — [«с высоко поднятой головой», «с большим носом»].
Хонторуйа — [«с большим носом»].
Хонпуй [непереводимо].
Хорбуутаан (ж.) [непереводимо].
Хорбуутуйа (ж.) [непереводимо].
Хохоруйа — [«тонкошей и высокий»].
Хоһо [непереводимо].
Чаагда — «важничающий».
Чаарыас — «чечётка».
Чаача (ж.) — [непереводимо].
Чабалыс — [«с блестящими глазами»].
Чакыр — «кремень», [«белоглазый»].
Чалаһын — [«верхогляд?», «бестолковый?»].
Чаллай [непереводимо].

Чарчар [непереводимо].
 Чарчык — [«мелкоморщинистый?»].
 Чахааһай [непереводимо].
 Чахчайык [непереводимо].
 Чачыр [непереводимо].
 Чиэрэпэ [непереводимо].
 Чогдору [непереводимо].
 Чоҕуй — [«говорящий бойко и при этом в такт кивающий головой»].
 Чолоҕор — [«споднятым кверху лицом», «невнимательный», «шалун»].
 Чолоох — [«мотающий головой», «с задранной головой»].
 Чолоох — «с заброшенной назад головой», [«длинношей»].
 Чоочуй — [«ладный», «аккуратный»].
 Чоппон [непереводимо].
 Чорбончо — [«выступающий вперед», «с вытянутыми губами»].
 Чохдоруук (ж.) [непереводимо].
 Чоху — «водяной жук».
 Чөкөөн [непереводимо].
 Чөкөт — [«скучивать»].
 Чөмөх (ж.) — [«куча»].
 Чөмчөх — [«кучка»].
 Чемчөһүн (ж.) — [«кучка»].
 Чөхчөгөдөй (ж.) [непереводимо].
 Чубааный [непереводимо].
 Чуорана — [«тонконогий»].
 Чүйэ [непереводимо].
 Чүмэдэс [непереводимо].
 Чүпчүкү — [«узкоголовый»].
 Чүрчүг [непереводимо].
 Чүчүр [непереводимо].
 Чыбырдыыр — [«колющий острым?», «издающий резкий свист»].
 Чыкы [непереводимо].
 Чыкым [непереводимо].
 Чылыр — [«бренчалка», «позвякушка», «несдержанный», «пустобрех»].
 Чыпчаан — [«вершина», «гребень горы»].
 Чыс (ж.) — [«мышь-полевка»].
 Чыыпаан, — «маленький тарбаган».

Чыычаах — [«птичка»].
Чыычын — [«недотрога»].
Чэкэчэк — [«обрубок»].
Чэримчэй [непереводимо].
Чэрэлийэр (ж.) — [«быстроглазая»].
Чээбин [непереводимо].
Үрэнкэс (ж.) — [«белолицая»?].
Үүппэр [непереводимо].
Ыаргачаан — «ерничный».
Ыдабар — [«пузатый», «с большим выдающимся вперёд животом»].
Ыдай (м. и ж.) — [«пузатиться», «выдаваться вперёд животом»].
Ыйдынна — «лунный свет».
Ылььяахы (ж.) [непереводимо].
Ынырыктаах — «страшного вида».
Ырбыт — «присталой», [«исхудалый»].
Ытаргалаах (ж.) — «с серёжками».
Эрбэхчээн (ж.) — «большой палец».

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

^A Наслег — административная единица, сельская община, состоявшая из нескольких родов (*аба ууһа*), введённая в Якутской области в 1770—1780-х годах, на северных её окраинах с запозданием на несколько десятилетий. Наслеги входили в состав улуса, соответствующего приблизительно русской волости (например, в Верхоянском улусе было 14 наслегов), а улусы — в округ. Верхоянский округ состоял из четырёх улусов: 1) Верхоянского (ныне входит в состав Янского района Якутской АССР, без Борогонского наслега, отошедшего к Булунскому району); 2) Эльгетского (на р. Индигирке, ныне составляет Момский район, часть улуса вошла в состав Абыйского района); 3) Усть-Янского (ныне в составе Булунского и Янского районов); 4) Жиганского (ныне самостоятельный район). По «Уставу об управлении инородцами» (1822 г.) в наслеге родовое управление во главе с наследным старостой, который в старину назывался князьком (по-якутски *кинээс*) и старшин родов, входящих в наслег, а улус — инородческой улусной управой во главе с

улусным головой, с кандидатом на должность головы и двумя выборными. Эти органы выбирались сроком на три года из числа зажиточных жителей. Выборные должностные лица жалованья из казны не получали, а писарей в наследи, письмоводителя с помощником в улусную управу нанимали за плату со стороны. Главной функцией этих органов была раскладка и взыскание податей и повинностей и суд над родовичами в маловажных делах, так называемые «суды словесной расправы» на основе обычаев. Иностранческие учреждения были подчинены окружному полицейскому управлению во главе с исправником; непосредственный надзор по управам осуществляли полицейские заседатели.

^Б Ф.П. Врангель (1796–1870) — русский мореплаватель, исследователь севера Сибири. С 1820 по 1824 г. начальник экспедиции по обследованию берегов Северо-Восточной Сибири. См. его сочинение «Путешествие по Северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 годах» (1-е изд., М., 1841; 2-е изд., М., 1948).

^В А.И. Аргентов — священник, миссионер, автор ряда работ по географии, этнографии севера Якутской области и чукотскому языку.

^Г Д.И. Хитров (?-1896) — протоиерей, миссионер, впоследствии епископ Якутский и Вилуйский; председатель организованного в 1853 г. комитета по переводу на якутский язык церковных и богослужебных книг. Им была издана «Краткая грамматика якутского языка» (М., 1858). Речь, по-видимому, идёт о статье Хитрова «Описание Жиганского улуса» («Записки Сибирского отдела РГО», 1856, кн. 1, стр. 53-83).

^Д Вероятно, автор имеет в виду Генеральную карту якутской области 1854 г. Подробнее об этой карте, изданной Иркутским главным штабом, см. в книге Г. Майделя «Путешествие по северо-восточной части Якутской области 1868-1870 годах» (т. II. СПб., 1896, стр. 193-198). Карта Якутской области (точнее, северных районов) была составлена группой торговцев, собиравшихся летом в г. Верхоянске. Один из составителей карты верхоянский купец Семён Горохов признавался, что в то время они находились в «развесёлом настроении духа» и допустили много погрешностей. Самому Горохову карта казалась крайне сомнительной. Главный же штаб Восточной Сибири без всякого сомнения придерживался этого чертежа.

^Е Видимо, р. Индигирка.

Ё Элиша Кент (1820—1857), американский полярный исследователь.

Ж II раздел Дополнений рукописи утрачен.

З Зашиверск — город по р. Индигирке, опустевший после 1822 г. и с тех пор получивший название Старого города. Ныне в Момском районе на месте бывшего города сохранилась лишь одна полуразрушившаяся деревянная церковь.

И Очевидно, И.А. Худяков имеет в виду утраченный II раздел Дополнений.

Й Сказка «Кюн Эрили», вероятно, входила в утраченные Приложения (или Прибавления). В «Верхоянском сборнике» (Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым. «Записки Восточно-Сибирского отдела РГО по этнографии», т. I, вып. 3, Иркутск, 1890) сказки с указанным названием нет.

К *Егор ыстаанын тааһа* — «гора егоровых штанов». Буквально: «гора со станом Егора». *Ыстаан* — «стан», «станок», «поварня».

Глава II

А Якутско-русский словарь (Дополнение II) в составе рукописи не сохранился.

Б 1-й Юсальский (*Дьуһаал*) наслег назывался также Дулгалахским по названию р. Дулгалах, по которой расположены места жительства людей этого наслега. Юсал (по-якутски *Дьуһаал*) — название рода. Нынче этот наслег называется Дулгалахским.

В Вероятно, ошибка, верхоянские якуты употребляют в пищу *сардаа* («копеечник горшковидный»), а не *сардана* («лилия»).

Г По речке «*Мангы*» — неясно; вероятно, *Маны́*.

Д Аадыл (*ынагыһын*) — неясно.

Е 4-й Юсальский наслег также называется Кинникийским.

Ё *Хадыйыы* — кошение; кошение по льду — *муус үрдүнэн хадыйыы*.

Ж Боруоба — неясно.

З Тетерев в Верхоянском округе не водится, слово неправильно использовано в качестве синонима слова «глухарь».

И Тут речь может идти о пуночках.

Й Видимо, речь идёт о гусях-казарках.

^К Видимо, р. Куолай.

^Л Очевидно, описка. Следует: в Туматском наслеге.

^М Видимо, хариус.

Глава III

^А Приложений в рукописи нет. См.: Верхоянский сборник, стр. 47–68.

^Б Сведений за 1870 г. автор не приводит.

^В Ср. якут.: *ханна көһөбүк*; здесь вопросительное местоимение *ханна* значит «где», «куда».

^Г В якутском языке *дуу* — вопросительная частица.

^Д В якутском языке нет грамматической категории рода.

^Е Указание сделано на тексты сказок из Прибавлений, отсутствующих в рукописи. Автор, очевидно, имеет в виду сказки «Моховой старичок» и «Старик», опубликованные впоследствии под №№ 7 и 6 в «Верхоянском сборнике» (стр. 298—300); то же см.: Великорусские сказки в записях И.А. Худякова. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 268—269.

^Ё Сказки о Долой-тойоне в составе «Верхоянского сборника» нет.

^Ж См. в «Верхоянском сборнике» тексты русских песен и пословиц. Ср.: Т.А. Шуб. Былины русских старожилов низовьев реки Индигирки. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. II. Изд. АН СССР, М.-Л., 1956, стр. 207-238.

^З См.: Верхоянский сборник, стр. 303—310.

^И И.А. Худяков в данном случае пишет о пережитках группового брака, давая им несколько субъективное объяснение.

Глава IV

^А В настоящем издании эвенские слова на современную транскрипцию переведены В.Д. Лебедевым.

^Б Вероятно, описка. Следует: ламутов.

^В Здесь идёт речь о явлениях, связанных с пережитками группового брака. Этнографы XVIII — XIX вв. обычно объясняли их «вольностью нравов».

^Г Употреблено вместо слова «идол».

^Д Буквально: «Дай зверя, сделай удачным и счастливым!».

Глава V

^А См. предание «Бэрт Хара» (Верхоянский сборник, стр. 47—54).

^Б См.: Верхоянский сборник, стр. 58—66.

^В См. предание «Хоро» (Верхоянский сборник, стр. 54—58).

^Г Билирик — нары в юрте.

^Д Между крыльцами — между лопатками.

^Е Вероятно, хоринцев.

^Ё Многие предания о переселении якутов на Яну бытуют и поныне, некоторые из них опубликованы в книге Г.У. Эргиса «Исторические предания и рассказы якутов» (ч. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 62—74).

Глава VI

^А *Долбахы* — видимо, от слова *далбахты* — «кольчуга» (Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка. Л., 1925, стлб. 671).

^Б Становая жила — здесь в смысле «кровеносный сосуд» (аорта).

Глава VII

^А Эта детская игра в центральных районах называется *уулаах мохсоҕол* — «сокол над водой».

^Б «Кадыкового жиру» — неправильный перевод. Следует: брюшного жиру (*хала сыата*).

^В «Жеребята кружатся» — название игры.

^Г В рукописи *белясях*. В центральных и вилуйских районах — *биһилэх*.

Глава VIII

^А *Сыҥаах онгоруута* — «судьба челюстей» — перевод буквальный, в центральных районах *сыҥаах хонгоруута* — «раскрытие челюстей (или губ)», т.е. первые подарки отцу невесты для получения его согласия, часть калыма.

^Б *Ходоҕой* — «перо из крыла», перевод И.А. Худякова буквален; исконное значение *ходоҕой* — «сватья», родственница со стороны невесты, или со стороны жениха, каждая из подружек невесты на свадьбе, Ср.:

кедебый (казахск.) — «женская родня», «сваха»; *худубуй* (бурят., монгольск.) — «родственница», «свойственница», «тетка».

^В «Взятие на спину» — перевод дословный. *Сүгүннэри* — «вводить в дом невесту». (Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка, стлб. 2381).

^Г *Кэлин кэбиһэр* — женское украшение, серебряная гравированная пластинка, подвешенная к затылочной части головной повязки.

^Д *Кыльыы* (*кылдьыы*) — женское украшение, серебряное массивное шейное кольцо (ожерелье) в виде овального круга, к которому спереди и сзади подвешены *илин кэбиһэр* и *кэлин кэбиһэр* (переднее и заднее украшения).

^Е *Бөбөх* — серебряный браслет.

^Ё *Хабарба симэбэ* — шейные украшения, ряд серебряных цепей, спускающихся от шейного кольца (*кылдьыы*) по спине.

^Ж Ср.: Г.У. Эргис. Исторические предания и рассказы якутов, стр. 278–281.

Глава IX

^А *Туллур от* — неясно.

^Б *Ургуһун* (в центральных районах *ныургуһун*) — «пострел», первый весенний цветок.

^В Фраза переведена неточно. И.А. Худяков неправильно понял словосочетание *кэнэбэһин кэнэбэс* («в будущем») и перевел его как «послед». Неверно переведена также пословица *өтөх төнгүргэстээх, сурт кэриэстээх*. Следует: «Вот этому тщедушному младенцу дай ухватиться за лиственницу, опереться на каменную гору; ведь от заброшенного жилья остаются торчать столбы, от оставленного поселения остается память. Вот этого ребенка и в будущем сделай с бессмертным веком, с непрерывающимся дыханием, госпожа Айысыт!».

^Г Перевод неправильный. Следует: довольствуясь.

^Д Со слов: «...сидючи, одевшись в лучшем платье» перевод неточный. Следует: «Точно так же, как мы, сидючи за трапезой, точно так же, как и мы, успокоившись от печальных мыслей, так же, как и мы, освободивши свою спину от грустных мыслей, так же, как и мы, вы с бессмертным веком, бессмертной душой, вставайте вы все, вполне наевшись!».

Глава X

- ^А Прибавления (Приложения) в рукописи не сохранились.
- ^Б По-видимому, описка, Следует: коровьего.
- ^В Очевидно, сказки находились в составе утраченных Приложений.

Глава XI

^А В якутском языке нет словосочетания *хара тыал*, а имеется фразеологическое сочетание *хара тыа иччитэ* — «хозяин черной тайги» (лес), что соответствует эпитету Байаная.

^Б «Шумящий молодец» — так переводит И.А. Худяков эпитет лесного духа Байаная Барылаха. Ниже он дает более правильный перевод: всеимеющий.

^В В рукописи *тонуугар*.

^Г В рукописи *ырас унонгун*.

Глава XII

^А «Пусть распространится у тебя девятигранно натянутый ремень для привязывания жеребят». Здесь речь идёт о *сэлө* — «туго натянутая между двумя столбами толстая волосяная или ременная верёвка, к которой на ремешках прикрепляются особые деревянные застёжки (*кулугу*) или чекушки (*харага*); к ним посредством петель привязывают за оброт жеребят до удоя». (Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка, стлб. 2152). Следовательно, вместо слова «девятигранно» более подходит «девятязастёжный».

^Б Неточность автора. Якуты разводили рогатый скот с древнейших времен.

^В Очевидно, И.А. Худяков имел в виду Дополнения.

^Г Так в рукописи.

^Д Приметы связаны с пережитками культа собак, широко распространённого в древние времена по всей Сибири.

^Е *Эмяситянь бютяй (эмэһэтэ бүтэй)* — неясно.

^Ё Вероятно, *хамсик өлүү*.

^Ж В рукописи *хаяный*.

^З В рукописи *сыларгын*.

Глава XIII

^А Айах — самый большой кубок (бокал) для питья кумыса, иногда вместимостью до 1½ вёдер. (Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка, стлб. 56).

^Б Оборотные — недоузковые (жеребята).

^В Запись и перевод неправильные, следовало бы : *Үрун туору былът уктэллэнэн*. ... («Придя, встав на белое поперечное облако...»).

Глава XIV

^А *Тангалай* — старинная женская одежда, ровдужная или суконная шуба с разными узорами и вышивками.

^Б *Төйүһүннү* — по-видимому, от слова *төй* — «плохо слышать», «оглохнуть». Якуты лебеда считают глухим.

^В См. сказку «Чирок и беркут» в «Верхоянском сборнике» (стр. 69–73).

^Г Видимо, описка. Следует: маток.

^Д В современном якутском языке — *амсайар*.

^Е «На луну садиться» — здесь в смысле «при луне», «под лунным светом».

^Ё В данном случае автор не принял во внимание другое значение слова *тангара* — «небо прояснится», «рассветёт»; *былыттаах тангара* — «облачное небо», *күннээх тангара* — «солнечное небо».

^Ж В рукописи *сель ыр*.

Глава XV

^А Колдун — *аптаах*. Рассказы и легенды о колдунах были распространены в северных районах. По-видимому, они отражали веру якутов в знахарей из среды русских жителей севера Якутии.

^Б Кынап, Нараха и Болчоннур — шаманы Верхоянского улуса. Диалектологической экспедиции Института ЯЛИ Якутского филиала СО АН СССР в 1956 г. удалось записать одно предание о шамане Болчуона, которого после смерти называли не по настоящему имени, а *Кэриир кинитэ* (Г.У. Эргис. Исторические предания и рассказы якутов, стр. 155).

^В Видимо, оз. Чөһөрө (Чёнгёрё), находящееся в 40 км к западу от г. Верхоянска в верховье р. Ойун Юрэгэ.

Г Широко распространённая среди якутов легенда. В своем «Опыте систематической программы для собрания сведений о дохристианских верованиях якутов» (Казань, 1897, стр. 33–34) В.Ф. Трощанский включил вопрос о влиянии *Үргэл* (Плеяд) и *Чолбон* (Венеры) на погоду, о вмешательстве шаманов на это влияние, когда на земле становится слишком холодно. А.Е. Кулаковский приводит следующую легенду: «Чаачыгыр Таас ойун однажды перед камланьем сказал, что он срубит закрепу (к небу) Плеяд и запретил всем взглядывать на небо и Плеяды во время его действий. Стал камлать. Среди камланья весь он заиндевел, значит, он рубит уже закрепу. Одна баба не могла побороть своего любопытства и тайком выглянула в окошко хлева, в которое выбрасывают скотский кал. Она увидела, как с Плеяд сыпались огненные искры. Чаачыгыр Таас ойун сразу приостановил свои действия и заявил, что рубке помешал грешный смертный своим взором и что он из девяти Плеяд убавил только две. С тех пор зима стала менее суровой» (А.Е. Кулаковский. Материалы для изучения верований якутов. Якутск, 1923 стр. 12). Эту легенду использовал П.А. Ойунский в виде одного из эпизодов своей повести «Улуу Куданса» («Великий Куданса»). См.: *Айымньылар*, т. 2. Якутск, 1958, стр. 39–86.

Д Вострохвост — диалектизм, литературное: шилохвост.

Е Эмэгэт (эмигэт) — в данном случае дух-покровитель шамана, по большей части, душа умершего шамана, в исключительных случаях — кто-либо из второстепенных небожителей (В.Л. Серошевский. Якуты. Опыт этнографического исследования, т. I. СПб., 1896, стр. 625–628; Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка, стлб. 251).

Ё «... рубят его тело», т.е. *эттэтии* — особый обряд так называемого рассекания тела, которому якобы подвергается будущий шаман. Рассказы об *эттэтии* приведены в книге Г.В. Ксенофонтова «Легенды и рассказы о шаманах у якутов и бурят» (изд. «Безбожник», М., 1930, стр. 44–59).

Ж В рукописи *оюн мас*. В книге Г.В. Ксенофонтова «Легенды и рассказы о шаманах у якутов и бурят» приводится шесть вариантов рассказов о шаманском дереве и воспитании души шамана. Во всех этих шести вариантах по-разному описывается шаманское дерево и по-разному указывается его местонахождение.

³ *Ийэ кыыла* — дословно «мать-зверь». В данном случае мать-зверь является в образе птицы и воспитывает душу будущего шамана. Г.В. Ксенофонтовым был записан аналогичный рассказ, в котором мать-зверь тоже в образе птицы прилетает к шаманскому дереву, несёт яйцо и высиживает душу шамана (Г.В. Ксенофонтов. Легенды и рассказы о шаманах, стр. 60). Мать-зверь появляется всего три раза: первый раз — когда рождает, второй — когда завершается становление шамана рассеканием его тела, и в третий раз — когда умирает шаман.

^И Слово *күһэнэ* встречается в древнетюркском языке в значении «металлическое зеркало» (С.Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Изд. АН СССР, М.–Л., стр. 398). Якутское *күһэнэ* — общее название металлических кружков на спине шаманского костюма, изображающих солнце, месяц, прорубь и пр. (Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка, стлб. 1340).

^Й *Кээлээни* — дух сластолюбия, возбуждающий чувство любовной страсти, является шаману во время камлания (В.Л. Серошевский. Якуты, стр. 627; Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка, стлб. 1017–1018).

^К *Сымыстаа эрэ* — ср. *сымсай* — пробовать, лакомиться. Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка, стлб. 2459.

^Л В рукописи *ол абра*.

^М *Кутуруксут* — кормчий шамана, т.е. человек, который выступает в роли помощника шамана во время камлания (В.Л. Серошевский. Якуты, стр. 635; Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка, стлб. 1270–1271).

^Н *Ахсырыйар* — диалектизм, литературное *бохсуруйар* — «втягивать в себя болезнь», «втягивать в себя духа, причинившего болезнь».

^О *Хаила* — в современном якутском языке это слово не сохранилось. Наиболее близки слова *хайгыа* или *хойгуо*, относящиеся к Байанайю, духу-покровителю охоты, изображаемому в виде грубо обтёсанного деревянного чучела (Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка, стлб. 3234).

^П В рукописи *мяккясить*.

^Р «... с мышью силой» — здесь и далее перевод неточный. Якутское сочетание *күдэр күүстээх* означает «весьма сильный», «могучий». Вероятно, И.А. Худякова ввела в заблуждение схожая транскрипция слов *күдэр* и *күтэр* («водяная крыса»).

^С «Был я удачным изо всех ротозеев среднего места» — перевод неточный. Следует: «Был я на нижнем месте уловкою (чарою, хитростью) раскрываемого рта».

^Т *Ньамха* — диалектизм, литературное *дьанха*.

^У *Хаһыммын* — диалектизм, литературное *хаһынмын*.

^Ф *Дуулам*, по-видимому, усечённая форма слова *дудаһа тулаһа*, что означает «надворье», «двор около дома», «пространство внутри двери» (Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка, стлб. 747). Слово *тулаһа* нередко употребляется в значении «усадыба».

^Х Чэрчитэ — в данном случае скорее всего имеет значение «дух». Так, в словаре Э.К. Пекарского *Айыы Аламай Чэрчи* объясняется: «Дух земли, божество мужского пола, живёт на берёзе» (Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка, стлб. 3611). Следовательно, *Ай дуулам чэрчитэ, иэримэй дьизм чэрчитэ, көй холумтаным чэрчитэ* следует перевести: «Львы: дух моего широкого надворья, дух моего основного дома, дух моего щедрого шестка!».

^Ц «... в кудрявом кусту» — неправильный перевод. *Арбаҕас* — ветхая, поношенная доха (Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка, стлб. 140).

^Ч *Түлүмэтэмиин* — диалектизм, литературное *түлэкэтийэммин*.

^Ш В значении «ярмо».

^Щ *Туоннагий* — стяжение от сочетания *туох буоллангый*.

^Ы *Хогодойун* — диалектизм, литературное *хотоҕойун*.

^Э *Кымньыылаах диэки сунгуйбун аҕалын* — «Дайте мою правую руку-вицу» (буквально: «Дайте рукавицу для руки, которой держу плётку»). Ср. выражение: *аттаных диэки өттө* — «сторона, с которой садятся на лошадь», т.е. левая (Э.К. Пекарский. Словарь якутского языка, стлб. 195).

^Ю Речь идёт об обряде настраивания шаманского вербального само-стрела. Сущность обряда состоит в том, что шаман при помощи магических действий настраивает на своих противников-шаманов невидимый простым смертным «самострел». У таких «самострелов» силка (тонкий волосок, которым настраивается «самострел») натягивается высоко, например, от одной горы или мыса до другой, чтобы попался шаман, якобы витающий по воздуху. По записи Г.В. Ксенофонтова, «в качестве спускающейся при выстреле собачки, или челака, служит жена самого шамана (наверное, речь идет о душе жены, о зависимости её жизни от этого мифического лука, — Г.Э.), а дети шамана будто бы служат у лука в качестве кольев, к которым прикрепляется натянутая силка» (Г.В. Ксенофонов. Легенды и рассказы о шаманах, стр. 65–66).

^Я По-видимому, Качыкаат, знаменитый шаман Якутского округа, живший, по преданию, во второй половине XVIII в. в Качикатском наслеге Кангаласского улуса.

Глава XVI

^А Очевидно, олонхо *Үрүн Уолан*.

^Б Автор, по-видимому, имеет в виду «Верхоянский сборник».

^В *Таарым* — описка. Следует: *таабырын* — «загадка».

^Г Верхний край л. 134 рукописи с частью текста трех строк оборван.

^Д Вероятно, песни входили в состав утраченных Приложений.

Дополнения

^А См. прим, «Г» к главе II.

^Б Лл. 152–153 рукописи утрачены.

^В Описка. Следует: Настасьи.

^Г Для большинства прозвищ и кличек основой служат звукоподражания или так называемые образные слова, которые выражают, по определению Л.Н. Харитонова, «образные представления о моментально возникающем движении и внешнем виде предмета, а также общем ощущении человека ... при всей кажущейся сложности своего значения эти слова настолько общепонятны и обиходны, что составляют излюбленное стилистическое средство в живом народном языке» (Л.Н. Харитонов. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. Якутск, 1947, стр. 263—265). Перевод на русский язык прозвищ и кличек животных весьма затруднителен, а иногда и просто невозможен.

Иван Александрович Худяков

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ВЕРХОЯНСКОГО ОКРУГА

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский дом). Якутским филиалом АН СССР

Редактор издательства В.А. Браиловский

Художник Д.А. Андреев

Технический редактор Р.С. Певзнер

Корректоры Н.В. Лихарева, Г.А. Мирошниченко и Т.Г. Эдельман

Сдано в набор 7/III 1969 г. Подписано к печати 20/XII 1969 г. РИСО АН СССР № 85-146В. Формат бумаги 60х90¹/₁₆. Бум. л. 13¾. Печ. л. 27½=27.5 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 29,28. Изд. № 3106. Тип. зак. № 102.

М-61042. Тираж 1600. Бумага № 2. Цена 1 р. 96 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука» Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Ленинградское отделение

Ленинград 1969

Подготовка текста *О.Б. Алексеевой*

Редакция якутских текстов и примечания

Г.У. Эргиса, Н.В. Емельянова и П.Е. Ефремова

Вступительная статья *В.Г. Базанова и П.В. Емельянова*

1-6-2

81-67 (I)

OCR Андрей Дуглас